СОДЕРЖАНИЕ. ТОМ 1

Белова А.В., Пушкарева Н.Л Круг обсуждаемых проблем и задачи РАИЖИ (Вместо предисловия) 20

РАЗДЕЛ 1. МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Малашкин А.В., Пушкарева Н.Л. Сводная база данных «Женская и гендерная история России, 1800 – 2010 гг.» 24

Курто О.И. Пионеры гендерных исследований в России 27

Юкина И.И. Российская историография: создание «ее – истории» 30

Большакова О.В. Гендерная история России в американской русистике нового тысячелетия 33

Руднева Я.Б. Эмансипация, феминизация, ассимиляция (краткий обзор зарубежной историографии по истории высшего женского образования в России) 36

Градскова Ю. Память о «раскрепощении женщины Востока» и пост-советская гендерная история. Проблемы и противоречия 40

Реут Е.В. Отечественные диссертационные исследования о положении советских женщин в годы Великой Отечественной войны. 1991 – 2011 гг. 41

Григулевич Н.И. Проблемы демографии и адаптация мужчин и женщин в России 42

Белова А.В. Источники по изучению женской и мужской повседневности: содержательные и дискурсивные отличия 45

Рождественская Е.Ю. Гендерные особенности воспоминаний 48

Лабур О.В. К вопросу о социально-исторических «рамках» источников женской истории первого десятилетия советской власти (на примере Украины) 51

Харитонова В.И. Женщина и возрождение шаманизма: российские реалии последней четверти XX в. и их психофизиологический подтекст 54

Фесенко Г.Г. Культурная урбанистика в гендерной перспективе: эвристический потенциал исследовательских стратегий 56

Трофимова Е.И. Формирование канона в русской литературе: гендерные предпочтения и конфликты 59

Поленина С.В. Международное право и защита прав женщин в современной России (исторический аспект) 61

РАЗДЕЛ 2. СООТНОШЕНИЯ ГЕНДЕРА И ВЛАСТИ

Петрова М.С. Соотношение гендера и власти в эпоху правления Каролингов 63

Логунова М.О. Император / императрица: гендерное прочтение коронационного церемониала 65

Царева А.П. Участие женщин в политической жизни Англии XVIII – начала XIX в. 69

Азерникова И.П. Женщины в салонах Франции и России XVIII – XIX вв.: влияние на политику и власть 72

Сафронова Ю.А. «Известная женщина», морганатический брак и судьба монарха 75

Алексеева Н.В. Старец и духовник в неразделенной Церкви: пределы духовного руководства 78

Мазалова Н.Е. Целители современной России: гендер и власть 81

Барандова Т.Л. (Само)Рефлексии о применении гендерного подхода в изучении института Уполномоченных по правам человека в регионах России 84

Милованова М.Ю., Великая Н.М. Женские общественные объединения как социальный ресурс политической модернизации в современной России 87

Уранхаева Г.Т. Женщина и власть: гендерный аспект 90

Бадмацыренова Е.Л. Участие женщин в представительных органах Бурятской АССР в 1956 – 1991 гг. 92

Шаверина Е.А. Оппозиция мужского и женского в политической культуре России XX – XXI вв. 96

Штылева М.В. История развития гендерной политики ЕС 98

РАЗДЕЛ 3. ПЕРЕЖИВАНИЕ И ОСМЫСЛЕНИЕ ЖЕНЩИНАМИ И МУЖЧИНАМИ ПЕРЕМЕН В ИСТОРИИ

Шепелев Г. Женщины и мужчины: конфликт в меняющемся мире. События на Верхней Волге и Шексне, 1071 г. 101

Пархоменко С.А. Переживание и осмысление женщинами-дворянками политических событий 1810 – 1850-х гг. и бытовых лишений военного времени (на примере М.А. Волковой, Н.И. Голицыной и А.Ф. Тютчевой) 104

Блинова Е.В. Женское движение в Британии против африканского рабства в XIX в. 107

Любина Г.И. О возможностях женского интеллекта. Спор между О. Контом и Дж. С. Миллем и его отражение в общест-

венной мысли пореформенной России (1860 – 1870-е гг.) 109

Кравченко Е.В. Роль женщин-благотворительниц в организации призрения детей на Украине в XIX – начале XX в. 112

Марасанова В.М. Женщины в политических партиях и протестном движении в Ярославской губернии в начале XX в. 115

Чикалова И.Р. Либеральный феминист Павел Григорьевич Мижуев 118

Жванко Л.Н. Новые социальные роли женщин в Первую мировую войну: беженка и благотворительница 121

Зезегова О.И. Особенности стратегии выживания женщин-ученых в переломную эпоху (на примере выходцев из «русской исторической школы») 124

Кротова М.В. Стратегии поведения эмигрантов первой волны в Маньчжурии 127

Пивоварова Л.Н. «Сердце! Как хорошо, что ты такое…»: К вопросу о чувствах и переживаниях женщин во время Великой Отечественной войны 130

Каиль М.В. Женское послушничество и монашество как форма изоляции и поиск способа спасения в безбожном государстве 133

Туйчиева С. Трансформация памирского общества в годы независимости 136

Чхартишвили М., Маниа К. Тема женщины в нарративе грузинской нации 139

Айрапетов А.Г. Просвещенна женщина и национализм 142

Ковалева Т.М. Протестные настроения жителей города Омска: гендерный аспект (по данным социологического опроса, март 2012 г.) 145

РАЗДЕЛ 4. ГЕНДЕРНОЕ ПРОЧТЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ, ОБУСЛОВЛЕННЫХ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ РОССИИ, ОСОБЕННОСТЯМИ СМЫСЛОПОЛАГАНИЯ ЖЕНСКОГО И МУЖСКОГО В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Шалыгина Н.В., Котовская М.Г. Протоистория «гендерного договора» 147

Краснова О.П. Смыслополагание феминности / маскулинности: антропологическая модель цивилизационных парадигм Запада и Востока 150

Лопухова О.Г. Трансформация гендерных моделей в общественном и индивидуальном сознании 153

Радина Н.К. Российская мужественность как интенция 156

Щербич Л.И. Символы коммуникации: гендерный подход 159

РАЗДЕЛ 5. КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ КОЛЛЕКТИВНЫХ И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И ИХ ВЛИЯНИЯ НА ГЕНДЕРНУЮ СИСТЕМУ

Марков В.А. Книга «Молот ведьм»: гендерный аспект 163

Пелипенко Т.И. «Свободная женщина» Литовской Руси: к вопросу о социальном положении шляхтянок в Великом княжестве Литовском в XVI в. 166

Кольчугина С.В. Проблема экономической независимости женщин в дореволюционной России: формирование женского имущ. права 169

Благодетелева Е.Д. Государственная служба и присяжная адвокатура: карьерные стратегии в эпоху перемен (1866 – 1914 гг.) 172

Стецура Ю.А., Аксенова В.П. Влияние военно-хозяйственного фактора на процесс маскулинности женщины-

казачки в XIX – нач. XX в. 175

Нагаева Г.А. Социальные и культурные инициативы женщин Черноморья и Кубани в конце XIX – начале XX в. 178

Мартынюк О. Репрезентации гендерного дисбаланса в статистике населения Киева за 1874 – 1923 гг. и вопрос об участии женщин в социальных преобразованиях 181

Романишина В.Н. Власть в гендерном измерении в условиях трансформации российской государственности начала XX в. 183

Поршнева О.С., Баженова К.Е. Женское движение помощи фронту в Пермской губ. в годы Первой мировой войны 186

Моргунов К.А. Деятельность советских и партийных органов Южного Урала по раскрепощению женщин из среды национальных меньшинств (1920-е гг.) 188

Заводская И.Н. Женщины Кузнецкстроя: к вопросу о гендерных стереотипах в условиях советской модернизации 1930-х гг. 190

Игонин А.В. Женский протест в годы коллективизации на Юге России в современной отечественной историографии 193

Ермаков А.М. Женщины Третьего рейха глазами леволиберальных немецких эмигрантов (по материалам «Ежедневной парижской газеты») 196

Стяжкина Е.В. Женщины как «фигуры умолчания» истории оккупации: подходы к проявлению женского опыта 198

Барсук Е.В. Социокультурный образ женщины в СССР периода 40 – 60-х гг. XX в.: постановка проблемы 202

Сулейманова Р.Н. О мерах государственной поддержки

женщины – работницы и матери: реалии послевоенного двадцатилетия (на примере Башкирской АССР) 204

Макарова А.В. Религиозный фактор в гендерных трансформациях в III Речи Посполитой (1989 – 2000-е гг.) 207

Кузнецова Р.Ш. Абхазка между «матриархатом» и войной 210

Бабич И.Л. Новые роли женщин в исламском мире на современном Северном Кавказе 213

РАЗДЕЛ 6. КОРРЕЛЯЦИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ СФЕРАХ

Поликарпова Н.А. Место смерти в контексте представлений о женщине философа−стоика Луция Аннея Сенеки 216

Будюкин Д.А. Гендерные аспекты коммеморации нобилитета 219

Мицюк Н.А. Детерминанты формирования публичного пространства провинциальной дворянки пореформенной России (микросоциальный анализ) 222

Самойлова Е.В. Репрезентации прошлого в женских практиках коммеморации: праздники, связанные с огородничеством, в традиции современной севернорусской деревни 226

Шубина П.В. Женщина и город: частное и общест. пространство 229

РАЗДЕЛ 7. ИЗМЕНЕНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ, БЫТЕ, ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН

Титова И.В. Мифологические существа русской народной демонологии: гендерные особенности и характеристика образов 231

Сушкова Ю.Н. Гендерные и обычно-правовые аспекты дохристианских верований у мордвы 233

Третьякова М.В. Руководство для женщин, или к вопросу о том, что полезно знать испанским дамам XVI в. 236

Лабозина О.В. Тряпичная кукла в повседневной жизни крестьянской девочки 238

Гагиева А.К. Коми-крестьянка в региональном социуме XVIII в. 239

Козлова О.А. Русская дворянка на заре петровской эпохи – продолжение затворничества или начало социализации? 243

Ролдугина И. «Блудливые женки и девки» середины XVIII в.: занятия, эмоции, менталитет (по материалам документов Калинкинской комиссии) 246

Трошина Т.И. Между «любодеянием» и «любовью»: опыт восстановления нравов провинциального общества начала XIX в. 248

Смурова О.В. Изменения крестьянского женского и мужского костюма под влиянием отхода крестьян на заработки в С.-Петербург (пореформенный период) 251

Антонов М.А. Трансформации статуса крестьянской женщины в пореформенный период: к вопросу об источниках 254

Годовова Е.В. Портрет оренбургской казачки (вт. пол. XIX – нач. XX в.) 257

Кривошей А. Дискурс тыловой повседневности женщин козацкого Запорожья в научном наследии украинского историка Дмитрия Яворницкого 261

Веременко В.А. Гендерная характеристика домашней прислуги в России во вт. половине XIX – нач. XX в.: к постановке проблемы 264

Морева О.В. Читающая женщина из «молчаливого большинства» на рубеже XIX – XX в. 267

Карпова Е.С. Повседневная жизнь монахинь и послушниц Христорождественского женского монастыря в XIX – нач. XX в. 270

Поповкин А.А. Славянофилы и женская благотворительность: романтика, повседневность (1858 – 1917 гг.) 271

Сергиенко М.А. Трансформация повседневной жизни служащих городских общественных управлений Курской губернии в условиях реализации городских реформ XIX в. 274

Ванюшина О.В. Повседневная жизнь женщин – политических ссыльных в Тверской губернии в 1881 – 1917 гг. 277

Трушкова И.Ю. Гендерные особенности бытового поведения столыпинских переселенцев (эстонцев и латышей) в Северном Вятском пограничье в XX в. 281

Дубровская Е.Ю. Российские военные в Финляндии в годы Первой мировой войны: мужское сообщество в экстремальных обстоятельствах (1914 – 1918 гг.) 283

Дашкевич Л.А. Повседневная жизнь семьи горного инженера в воспоминаниях Софьи Германовны Грум-Гржимайло 286

Родионова Н.А. Женская повседневность в эмиграции: вторжение в патриархатный мир и проблемы беженской семьи 290

Старченко Г.И. Семейная история как отражение истории российской государственности в переломную эпоху начала XX в. 293

Хлопова А.В. Женщины Вятки в «культурной революции» 1920 – 1930-х гг. 296

Текуева М.А. Женская военная повседневность (кавказский материал) 298

Хисамутдинова Р.Р. Изменения в повседневной жизни уральских женщин в условиях Великой Отечественной войны 301

Лушников В.К. Роль физической культуры и спорта в повседневной жизни населения юга Красноярского края в период Великой Отечественной войны 305

Касаткина С.С. Особенности повседневного мировоззрения женщин-горожанок СССР во второй пол. XX в. 307

Черепанова Р.С. Ленин, Арманд и свободная любовь: штрихи к истории частной жизни в СССР эпохи «развитого социализма» 310

Жидкова Е.М. Тема питания в дискуссии о советском человеке 313

Мищенко Т.А. Советский вариант потребления в повседневных гендерных практиках (кон.1950-х – нач. 1960-х гг.) 313

Фурсова Е.Ф. «Ина слава солнцу, ина слава звездам»: перемены в женском облике в XX в. (по этнографич. материалам Зап. Сибири) 317

Аргудяева Ю.В. Изменения в повседневной жизни и быте у русских старообрядцев в США 320

Фофанова К.В. Семья, повседневность и профессиональная деятельность преподавателей высшей школы: столкновения и паритеты гендерных ролей 323

Шубина Т.Ф. Женское и мужское пространство повседневной жизни семьи Европейского Севера России в прошлом и настоящем 325

РАЗДЕЛ 8. ИЗМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЖИЗНЕННЫЕ ТРАЕКТОРИИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Короткова С.А. Женское образование в американских колониях Англии 328

Трофимова В.С. Европейские женщины XVII в. в русской печати Века Просвещения 331

Лабутина Т.Л. Власть, гендер и культура в эпоху Просвещения: Екатерина II и женское образование в России 334

Емельянова А.В. Мемуары А.Т. Болотова о женском дворянском образовании во второй половине XVIII в. 337

Короткова М.В. Сравнительный анализ организации обучения в закрытых учебных заведениях XVIII – XIX вв. в контексте гендерной педагогики 339

Хохлова М.Ю. Опыт женских дворянских учебных заведений в России в контексте гендерной педагогики 340

Фролова С.А. «Решился унижать достоинство моего заведения…»: конфликты директоров училищ с содержательницами частных пансионов в первой половине XIX в. 341

Чуракова О.В. Мужское радение за женское образование: к 200-летию со дня рождения Петра Георгиевича Ольденбургского, человека и памятника 343

Керов В.В. «Самые вредные сектаторы…»: социоконфессиональная роль женщин в старообрядческом образовании в XIX – начале XX в. 346

Королева Т.В. Трансформация профессионального женского

образования во Франции во второй половине XIX – нач. XX в. 349

Зотова Е.Б. Проблемы становления женского профессионального образования в России на рубеже XIX – XX вв. в сравнении с опытом зарубежных стран 353

Зайцева (Баум) Е.А. Первые женщины-химики Российской империи 356

Драч О.А. Высшее женское образование как фактор изменения / осмысления жизненной стратегии новой генерации в Российской империи 358

Попова О.Д. Высшее женское образование в России на рубеже XIX – XX вв: проблемы социального и ментального преодоления 362

Демидова О.Р. Университетская и академическая карьера в эмиграции: гендерный аспект 365

Котов А.С. Женские конференции в педагогических техникумах: гендерный конфликт или способ гендерного самоопределения? 367

Старовойтов М.И. Динамика уровня грамотности и образования населения Белорусско-Российского пограничья в 1920 – 1930 гг.: гендерный аспект 370

Гудкова Т.В. Эволюция проектной деятельности в советский период в контексте гендерных проблем исторического образования 374

Байпейсова Г.М. Изменения в динамике уровня образования женщин Казахстана (1946 – 1965 гг.) 375

Петровская О.В. Доступ женщин к высшему образованию: социалистическая практика Восточной Европы 379

Самаль Е.В. Роль и ответственность женщины в воспитании настоящего мужчины 382

Реброва И.В., Чащухин А.В. Учитель-мужчина vs учитель-женщина: от гендерных стереотипов к их разрывам 385

Бабурина М.В. Гендерный подход к оцениванию знаний и умений 388

Логузова Н.А. Драмогерменевтика и гендерные проблемы исторического образования 389

Молотов К.С. Гендерные аспекты использования кинофильмов в историческом образовании 389

Минеева Т.А. А.Я. Ефименко: судьба женщины-историка во второй половине XIX в. 390

Урсан О.И. Гендерное образование в Молдове: возможности, качество, перспективы 391

РАЗДЕЛ 9. ИЗМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ БРАКА И СЕМЬИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Павлов А.А. Римская familia в отражении Секста Помпея Феста: традиции и новации 394

Ривчак К.В. Зарубежные браки англосаксонских эрлов: новшество XI в. 397

Заболотная Л.П. Мужчина и женщина в системе брачно-имущественных отношений, или скрытая власть денег 400

Нижник Н.С. Мужчина и женщина, состоящие в браке: закрепление правового статуса в законодательстве Российской империи 402

Козлова Н.В. «А ко мне в том противность тем показала…»: один семейный конфликт начала XVIII в. сквозь призму гендера 406

Петренко И.Н. Максимальный брачный возраст в брачно-

семейных отношениях мирян Российской Православной Церкви XVIII в. 409

Бородина Е.В. «Блудное воровство» и брачно-семейные отношения в России в 20-е гг. XVIII в. (по материалам Сибирской губернии) 412

Мауль В.Я. Софья Недюжева: непростая судьба жены Е. Пугачева 416

Калинин А.В. Русский взгляд на японских мужчин и женщин нач. XIX в. 419

Мартианова И.Ю. Мемуаристы об изменениях в жизненном мире польских дам после заключения межнациональных браков в XIX в. 422

Феля А. Закрытая тема: половое бессилие супруга как мотив для развода в Бессарабии первой половины XIX в. 426

Сидорова В.С. Личные права и обязанности супругов в гражданском и уголовном законодательстве России во вт. пол. XIX в. 429

Коляскина Е.А. Развод и отношение к нему в русской деревне Алтая (вторая пол. XIX – первая пол. XX в.) 432

Невская Т.А. Половозрастное разделение труда в крестьян-ской семье в XIX – нач. XX в. (по материалам степного Предкавказья) 436

Никитина Г.А. Репродуктивное поведение удмуртской сельской семьи: прошлое и настоящее 439

Дубровина А.В. От призыва к женскому равноправию к реализации нового типа брачно-семейных отношений: частная жизнь В.М. Соболевского, А.И. Чупрова, И.И. Янжула 442

Фролова И.А. Между «моно-венчанием» и полигамией: В.В. Розанов о проблемах брака и семьи в России накануне XX в. 445

Лебедева Л.В. Свадебная обрядность крестьян постреволю-

ционной России: распространение светских норм заключения брака и сохранность религиозных традиций 448

Котлова Т.Б., Трефилова М.Н. Инженер-химик vs домохозяйка: история одного судебного процесса 1928 г. 452

Гниятуллина Г.Г. «Бытовые пережитки» в сфере брака и семьи в 1920 – 1930 гг. (на материалах Башкирии) 455

Рябченко О.Л. Семейно-брачные отношения в Украине в 1920-е гг.: от великих экспериментов к двойным стандартам 459

Самсоненко Т.А. Формы и методы реализации государственной семейной политики в южно-российской деревне 1930-х гг. 462

Явнова Л.А. Мать-одиночка, женщина-солдатка: к вопросу трансформации гендерных стереотипов поведения в 1930 – 1950-е гг. 465

Любимова А.Д. Репрезентация монородительской семьи в средствах массовой информации позднего СССР 469

Клековкина Н.В. Роль семьи в официальных праздниках брежневской эпохи 471

Аккиева С.И. Брачное поведение балкарцев: история и современность 475

Квилинкова Е.Н. Гендерная тематика через призму гагаузской традиционной обрядности 479

Калачёва И.И., **Адамчик К.Н.** Изменения в системе семейных и семейно-брачных отношений в белорусской семье в постсоветский период 482

Несына С.В. Образ будущей семьи современных юношей и девушек 484

Кучеряну С.Г. Отношение современных юношей и девушек к семье и браку 487

Мэйсон Дж.Ф. Gender, traditional values, and Orthodox upbringing in contemporary Russia 490

Жигунова М.А. Русская женщина и семья в Сибири: история и современность 491

Савельева Т.В. Отражение изменений в сфере семьи и брака в народных частушках (на примере южноуральской частушки) 492

Спицына Н.Х. Современ. семья: особенности репродуктивных процессов 496

Бочарова И.А., Авшалумова Л.Х. Дагестанская семья в современном обществе 499

Соловьева Л.Т. Семья в сельской Абхазии: традиции и перемены 501

Сорокина Е.А. Семья и общество в современной Швеции 504

Петрова О.Ю. Брак в жизненном цикле мужчин и женщин 506

Шумихина С.В. Мужчина и женщина как единое целое в прошлом и современном пространстве 508

Якушкина Е.И. Современная семья: изменение гендерных ролей 510

РАЗДЕЛ 10. ЖЕНСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ОБРАЗОВАНИЕ, ПРОСВЕЩЕНИЕ

Ризниченко Г.Ю. Образовательные и просветительские проекты Межрегиональной общественной организации «Женщины в науке и образовании» 514

Винокурова Н.А., Гудович И.С. Особенности административного творчества женщин в исследованиях и практической работе МОО «Женщины в науке и образовании» 516

Беляева Г.Ф., Ермолаева Е.О. От равных прав к равным возможностям – женщины и мужчины в российской науке и высшей школе 520

Красова Е.Ю., Гудович И.С. Социальное самочувствие женщин-преподавателей вузов 523

КРУГ ОБСУЖДАЕМЫХ ПРОБЛЕМ И ЗАДАЧИ РАИЖИ

(Вместо предисловия)

В этом сборнике собраны материалы Пятой Международной научной конференции «Российской ассоциации исследователей женской истории» (РАИЖИ), приуроченной к Году российской истории.

Конференция организуется Межрегиональным общественным объединением «Российская ассоциация исследователей женской истории» (РАИЖИ) – профессиональным сообществом, объединяющим специалистов в области истории, антропологии, этнологии и культурологии. Все они вдохновлены идеей продвижения направления женской и гендерной истории, создания единого поля для обсуждения актуальных проблем истории женского движения, этнографии и истории пола, семьи, сексуальности, морали и этики, женской литературы и женской культуры, применяющих методы гендерной экспертизы текстов и исследований.

РАИЖИ проводит ежегодные конференции в разных городах России. В этом году, официально объявленном *Годом российской истории*, предлагается подвергнуть анализу соотношение гендера и исторических изменений, обеспечивающих как динамику общественного развития, так и трансформацию частной сферы жизни и индивидуальных судеб людей.

В Год российской истории целесообразно обсудить разнообразные опыты переживания исторических изменений и проанализировать актуальные вызовы современного меняющегося мира. Изменения затрагивают практически все регионы мира, оказывают влияние на конфигурацию культур и межкультурных взаимодействий.

И в историческом прошлом, и в современном мире взаимосвязь структурных и ментальных, локальных и глобальных изменений представляется многомерной, требующей междисциплинарной научной интерпретации. Традиционные и современные общества, западные и восточные по-разному относятся к историческим переменам и реагируют на их вызовы. Почему в традиционных культурах изменения вне зависимости от их природы трактуются негативно, а иногда как своего рода «разрыв», «провал» в ретроспективе? Почему в современных культурах изменения становятся самоцелью и критерием общественного прогресса? Какие из них сопутствуют жизненному циклу женщин и мужчин, как они воспринимаются и переживаются? Способны ли изме-

нения в судьбах конкретных мужчин и женщин в разные эпохи оказывать на них травмирующее влияние или, наоборот, придавать устойчивости в реализации жизненных траекторий?

Круг вопросов, связанных с понятием «исторических изменений» («исторических перемен»), требует обсуждения проблем влияния символического порядка общества на социальное поведение его членов. Всегда ли исторические изменения приводят к ожидаемым результатам? Насколько прогнозируемы результаты изменений в гендерной истории России и как связана с ними сфера приватного? Для радикальных западных феминисток полвека тому назад сфера индивидуального и частного предстала способом сопротивления присутствию власти / государства. Они первыми обратили внимание на то, что тело, сексуальность, рождение детей, выбор жизненного пути, профессии, партнеров при ближайшем рассмотрении и скрупулезном анализе может оказаться контролируемым и регулируемым обществом и государством. Насколько верными становятся их догадки для России? Возможно ли сопротивление этому, если традиционное окрашивается как позитивное в официальной идеологии и воззрениях общества, в том числе интеллектуалов?

Широкий круг участников юбилейной конференции, среди которых не только историки, но и представители других гуманитарных наук (этнологи, археологи, социологи, социальные психологи, политологи, литературоведы, юристы, культурологи, философы), а также представители общественных организаций и молодые управленцы, обсуждают методологию и историографию женской и гендерной истории России, вопросы соотношения гендера и власти; гендерное прочтение изменений, обусловленных культурно-историческим развитием России, ее символическим местом между Западом и Востоком.

Среди присланных тезисов можно найти те, что отражают особенности смыслополагания женского и мужского в российской культуре; конкретно-исторические формы коллективных и индивидуальных изменений и их влияния на гендерную систему в тот или иной период истории; корреляцию изменений в общественной и частной сферах, в сфере брака и семьи в прошлом и настоящем; в пространствах и способах самопознания и самореализации для женщин и мужчин.

Обсуждая изменения в повседневности, быте, частной жизни женщин и мужчин в прошлом и настоящем, опираясь при этом на автобиографические свидетельства, исследователи надеются приблизиться к

пониманию «личного как политического» для западного женского движения и для россиянок, уточнить значение этой формулы для постсоветских исследовательниц и активисток сегодня. Огромная роль созданных в 1990-е гг. центров и лабораторий гендерных исследований требует спустя полвека осмысления результатов их деятельности, обсуждения того, как изменения в сфере образования и науки могли влиять на женские жизненные траектории.

Встреча этнографов и историков, социологов и специалистов по истории социальной работы в рамках отдельных секций конференции – путь к осмыслению перемен в истории материнства, отцовства, родительства, семейной педагогики; репродуктивных политик и выбора права на аборт, на бездетность или многодетность и отношение к этому социума, к выявлению новых пересечений пола, класса, возраста и этнокультурных предпочтений в условиях так называемого «демографического кризиса», к обсуждению темы того, как он понимается для мужских и женских жизней, к уточнению приемов и практик государственной и культурной «коррекции» социальной атипичности.

Политически нейтральные темы изменений в жизненных циклах женщин и мужчин и обрядах перехода могут вывести участников дискуссий на обсуждение сложных соотношений между культурой, этносом и полом. Анализ исторических изменений сексуальности и интимной сферы, гендерных аспектов сексуальной культуры России и Европы в контексте исторических перемен не обходит вниманием острую тему «женских» политических акций и связанной с ними темы традиций и перемен в сфере сексуальности.

Придание исторической перспективы женскому трудовому опыту позволяет современным гуманитариям рассматривать гендерный аспект экономических изменений; замечать женщин и мужчин на меняющемся рынке труда; выявлять адаптацию к изменениям женщин и мужчин.

Наконец, важнейшая для современного дискурса тема гендерного насилия, которая на протяжении веков была прежде всего темой насилия против женщин, позволит рассмотреть ее также в контексте тех исторических трансформаций, которые меняли практики насилия, но, к сожалению, не уничтожали его.

Уникальность конференций РАИЖИ состоит в их огромной масштабности. Как межрегиональная общественная организация РАИЖИ открыта к диалогу, отстаивает идею объединительности без различия политических, методологических и идейных пристрастий, поскольку

только она может обеспечить диалог ученых в полноценном научном объеме. Помимо объединительности, сторонницы направления и члены РАИЖИ придают больше значение междисциплинарности своих исследований, равно как взаимодействию специалистов не только разного профиля, но и уровня академической квалификации. Конференции РАИЖИ – площадка для расширения знаний и опыта молодых специалистов – аспирантов, соискателей, где они имеют уникальную возможность приобщиться к результатам исследований видных российских и зарубежных ученых (интерес к конференции за пределами Российской Федерации высок и продолжает расти с каждым годом).

Проведение исследований, имеющих теоретический и прикладной характер, распространение их результатов среди ученых, преподавателей, молодых начинающих политиков – важнейший приоритет РАИЖИ. В немалой степени именно благодаря этим усилиям гендерный подход к анализу прошлого и настоящего постепенно завоевывает свое признание со стороны ученых и преподавателей, работающих в области социальных и гуманитарных наук.

А.В. Белова, Н.Л. Пушкарева

РАЗДЕЛ 1.
МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

А.В. Малашкин,
Москва, МИЭМ - НИУ «Высшая школа экономики»,
Н.Л. Пушкарева
Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

СВОДНАЯ БАЗА ДАННЫХ «ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ, 1800 – 2010 ГГ.

Острая необходимость в информационном ресурсе по отечественной женской и гендерной истории[1] – сводном библиографическом указателе, который должен стать шагом к созданию национального сервера электронных и печатных информационных ресурсов по женской и гендерной проблематике в РФ, – ни у кого не вызывает сомнений. Работа над его созданием пережила несколько этапов, каждый из которых определялся имеющимися на тот момент техническими возможностями. Основные вехи ее таковы: 1. Сбор библиографии в 1976 – 1996 гг., издание первого библиографического издания «Русская женщина: история и современность». 2. Превращение бумажной картотеки в электронный каталог со стандартным библиографическим описанием (за исключением упоминания об издательстве), конвертация данных в документ Microsoft Word. 3. Обратная конвертация в формат базы данных (промежуточный вариант — Microsoft Excel; окончательный — СУБД Access). Обеспечение доступа через web-интерфейс.

Понятно, что основа для большого библио- и историографического ресурса создавалась давно. Все началось для инициатора проекта (Н.Л.Пушкаревой) больше 30 лет назад. Именно в середине 1970-х гг. начался обычный сбор библиографии по теме, которая в те времена и научной-то не считалась. Год за годом «женская тема» обретала права в отечественной науке. Защищались диссертации, писались монографии и статьи, не по дням, а по часам росла библиография. Процесс формирования «архитектуры» тогда еще бумажной картотеки

---

[1] Готовится в рамках Проекта РГНФ N 11-01-12057в.

отразил – как это теперь очевидно при попытках написать историю развившегося направления в гуманитарном знании России, – растущий интерес к «женской теме». Отечественная историческая наука, к счастью, не оказалась от него в стороне. Основные результаты 30–летней систематизаторско-собирательской работы по теме представлены в книге инициатора данного проекта – «Русская женщина: история и современность» (2002)[2]. В ней имеется подробный, тщательно разработанный указатель-«ключ» для поиска литературы по конкретной теме. Однако уже к моменту выхода книги в свет стало ясно, что число опубликованного по женской и гендерной истории Отечества растет в геометрической прогрессии. Книга не охватывала новейшей литературы. Однако и сводных обзорных изданий было очень мало: не только в нашей стране, где интерес к «женской теме» сковывался десятилетиями непризнания социально-антропологического направления в гуманитаристике, но и на Западе (где, казалось бы, никаких схожих сложностей не было и быть не могло).

Библиографий по теме «женский вопрос в России» ни там, ни у нас не выпускалось. В знаменитой трёхтомной библиографии, изданной под редакцией Дж. Фрей[3], работ, позволяющих составить представление об истории женщин в России, вообще не упомянуто. Первыми ласточками оказались изданные в 1990-е гг. в США сводные библиографии Р. Ратчайлд, а затем М. Зирин[4], однако они была ориентированы прежде всего на историков и, отчасти, на литературоведов, а не на все гуманитарное знание. Удивительная история произошла и с совсем недавней публикацией громадного (30 тыс. названий) библиографического материала по женской истории России и славянских стран, подготовленной нашими американскими

---

[2] Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. М., 2002.

[3] Frey J. and others (Eds.) Women in Western European History. V. 1–3. London, 1982.

[4] Ruthchild R. Women in Russia and the Soviet Union: an annotated bibliografy. New York, 1993; Zirin M. Women, Gender and Family in the Soviet Union and Central / East Europe: Preliminary Bibliography. Altadena, 1997.

коллегами[5]. Труд был проделан колоссальный, а пользоваться им оказалось невозможно (см. рецензию на него)[6]. Пропуски известнейших работ авторов, составляющих гордость российского направления женской и гендерной истории, – резко снизили ценность столь дорогостоящего и, казалось бы, современного издания…

Вот почему стратегической задачей проекта по созданию БД «Женская и гендерная история России» стало не просто сведение воедино библиографических данных более, чем за два века, но создание ресурса по теме, которым легко и удобно пользоваться и который будет действительно общедоступным. Объединение молодежи и представительниц старшего поколения ученых-историков, живущих в разных городах РФ в «Российскую ассоциацию исследователей женской истории» (РАИЖИ) в начале 2000–х гг. стало важным шагом к созданию единого информационного поля по женской и гендерной истории. В 2008 г. РАИЖИ вошла в состав «Международной федерации исследователей женской истории» (МФИЖИ, существующей уже более 20 лет), образовала «Российский национальный комитет исследователей женской истории». Встала задача собрать публикации хотя бы самих членов Ассоциации – ведь из почти 300 ее участников каждый хотя бы 1–2 раза обнародовал материалы и исследования по «женской теме». Все эти аспекты женской и гендерной истории вобрала в себя задуманная электронная БД. Инициатору проекта и руководителю коллектива неоднократно предлагалось разместить ее на одном из серверов западных университетских библиотек, на архивных, институциональных (федерации и ассоциации) серверах. Но авторы проекта решили популяризировать свое направление в России, где обретала научную силу РАИЖИ.

---

[5] Women and gender in Central and Eastern Europe, Russia and Eurasia: a comprehensive bibliography / ed. by Mary Zirin Armonk, 2 v. Vol. I: Southeastern and East Central Europe (ed. by Irina Livezeanu with June Pachuta Farris). Vol. II: Russia, the Non-Russian Peoples of the Russian Federation, and the Successor States of the Soviet Union (ed. by Mary Zirin and Christine D. Worobec). N. Y., 2007.

[6] Большакова О.А. Рец. на кн.: Women and gender in Central and Eastern Europe, Russia and Eurasia: a comprehensive bibliography // Социальная история. 2011. СПб., 2012. С. 58–62.

Выявление необходимых материалов, их систематизация, превращение текстовой библиографии, содержащей более 10 тыс. записей (и не всегда в стандартной форме!) в ЭБД основывалось на длительной согласованной работе историков и программистов. Для осуществления задуманного были привлечены специалисты с кафедры математического моделирования Московского института электроники и математики (МИЭМ), ставшего в 2011 г. структурной частью ГУ–ВШЭ. Именно IT-поддержка коллег-программистов позволила провести разработку математического и программного обеспечения для информационно-поискового ресурса (ИПР), ориентированного на современные технологии поиска и обработки библиографической информации, провести формализацию библиографических выписок, обеспечить централизованный доступ к библиографической информации через единый (унифицированный) web-интерфейс с помощью мощных поисковых инструментов и удобного дизайна информационного ресурса.

В итоге к ее собранному в первые 25 лет (1976 – 2001 гг.) блоку библиографической информации был добавлен огромный массив библиографических данных по последнему, 12-летнему периоду. Это был очень трудо- и времязатратный процесс работы научно-технического характера, однако выполнимость поставленных задач обеспечивалась тем, что участниками проекта были не просто библиотекари или библиографы, а именно специалисты, много лет работающие по теме и потому следящие за новейшей литературой.

О.И. Курто
Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

ПИОНЕРЫ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ

С исторической точки зрения интерес к женской теме возник в России ещё в конце XVIII в. Именно тогда был начат сбор фактического материала о положении женщины в русском обществе. В разные периоды исследователей интересовали быт и нравы женщин средневековья (начало XIX в.), правовые нормы, регулирующие их жизнь (1820 – 1850-е гг.), вопросы женской эмансипации (1860 – 1870-е гг.), истоки

женского неравноправия (кон. XIX – нач. XX вв.) и др.[7]. Таким образом, уже в XIX в. российскими учёными была заложена основа для изучения истории взаимоотношения полов в нашей стране. С приходом к власти большевиков исследования в рассматриваемой области хотя и не прекратились, но приобрели особое направление. Согласно российской Конституции 1918 г. впервые в мире было провозглашено юридическое равноправие мужчин и женщин во всех сферах социальной жизни, из чего «автоматически» следовало, что в нашей стране «женский вопрос» был решён. Курс, реализуемый советским государством в деле изучения «женского вопроса», привёл к весьма пагубным последствиям: женская история, как особое направление в науке, на протяжении ряда десятилетий переживала период стагнации. Изменение ситуации произошло лишь в середине 1980-х гг.

Несмотря на глубокие исторические корни, женские исследования были восприняты многими российскими учёными как революционные и прозападные. Впрочем, «феминология» этого периода действительно имела свою специфику. Идеи западных коллег, отличавшиеся от всего, что было сделано на тот момент в отечественной науке (этнографии, психологии, социологии пола) в области изучения женщин оказали на неё серьёзное воздействие. Критика существовавшего научного знания и большинства наук, критика всего общества, междисциплинарность – вот те три кита, на которых начали расти новые женские исследования в России[8].

Новой вехой в истории российской науки стало и изучение частной жизни русской женщины – явления, охватывающего самые разные стороны внутренней жизни человека – ценностей, привычек, мировоззрения. Данная область научных изысканий до 1980-х гг. оставалась в России без внимания, и всё это время мы ничего не знали о личной, внутрисемейной жизни женщин. Наши знания ограничивались идеализированными образами, предоставленными скудными источниками древности и средневековья. Документы личного происхождения, донесшие до нас чувства и переживания авторов, оставила нам лишь вторая половина XVII в. Впрочем, и в более позднее время частная

---

[7] Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007. С. 12–20.

[8] Там же. С. 52.

жизнь россиян оставалась *«terra incognita»*. Лишь в XX в., накануне перестройки ситуация начала меняться.

Первыми российскими учёными, начавшими работать в русле нового направления – русской женской истории, стали Э.А. Павлюченко, Н.Л. Пушкарёва, Г.А. Тишкин. Общий интерес рядовых читателей и публикация источников, раскрывающих жизни и судьбы русских женщин, создали в конце 1980-х гг. благоприятную обстановку для проведения серьёзных исследований. В свет выходят труды Э.А. Павлюченко, посвящённые декабристкам, эмансипации и выдающимся деятельницам женского движения. В них автор скрупулёзно анализирует причины, толкающие женщин на решительные поступки, отношение к таким женщинам в обществе, судьбы этих женщин. Параллельно с Э.А. Павлюченко женской историей в России занимался Г.А. Тишкин. Из под его пера вышли такие труды как «Женский вопрос в России в 50–60-е годы XIX в.»[9], «Отечеству на пользу, а россиянам во славу: Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII – нач. XIX вв.»[10], «Единым вдохновением. Очерки истории университетского образования в Петербурге в конц. XVIII – перв. пол. XIX вв.»[11] и др. Н.Л. Пушкарёва увлеклась ранее практически не изученными темами: социально-правовым и семейным статусом древнерусских женщин, особенностями их быта, манерой одеваться. В 1980-е гг. Н.Л. Пушкарёва публикует целую серию исследований, посвящённых русским женщинам доиндустриальной эпохи[12]. В них она обращается к таким страницам российской истории как имущественные права замужних жен-

---

[9] Тишкин Г.А. Женский вопрос в России в 50–60-е годы XIX века. Л., 1984.

[10] Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу: Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII – нач. XIX в. Л., 1984.

[11] Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А. Единым вдохновением. Очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половине XIX в. СПб., 2000.

[12] Пушкарёва Н.Л. Женщина в средневековом Новгороде XI–XV вв. // Вестн. Московского университета. Сер. 8. История. М., 1983. № 3. С. 78–89; Ее же. Women in Medieval Novgorod from 11th to the 15th c. // Soviet Studies in History. 1985. V. 23 (4). P. 71–90.

щин[13], работа, повседневный быт, досуг, материнство, чувства и внутренние переживания женщин, интимная жизнь и пр[14]. Научная прозорливость, Э.А. Павлюченко, Н.Л. Пушкарёвой и Г.А. Тишкина позволила им не только оказаться на шаг впереди всех тех сторонников инновационных подходов и революционных идей, которые появились в годы перестройки, но и проникнуться, изучить и сформулировать ключевые позиции, которые отличают путь развития «женской истории» в России от его аналогов в западных странах. Таким образом, результатом их работы стало возникновение нового направления в отечественной науке – русской женской истории.

И.И. Юкина
С.-Петербург, Невский институт языка и культуры

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: СОЗДАНИЕ «ЕЕ – ИСТОРИИ»

Развитие «ее-истории», или «her-story» в мировой историографии стартовало в 1970-е гг., хотя это направление исторической мысли началось как минимум с начала XX в., не называясь таким образом. Появление гендерной истории связано с введением в социальные исследования категории «гендер», что вызвало дебаты о разнице между этими двумя историями. Гендерный подход не означает использование одной методологии, но их множественность, объединенных использованием категории «гендер» как легитимной для исторического анализа.

Цели и задачи женской и гендерной историй – услышать, увидеть тех, кто в силу своего положения в обществе был невидимым для истории, не имел возможности рассказать о себе. Один из главных принципов обеих историй – поиск «нового» субъекта исторического дейст-

---

[13] Пушкарёва Н.Л. Социально-правовое положение женщин в Русском государстве X–XV вв.: вопросы преступления и наказания // Советское государство и право. 1985. № 4. С. 121–126; Ее же. Имущественные права женщин в Русском государстве X–XV вв. // Исторические записки. Вып. 114. М., 1986.

[14] Пушкарёва Н.Л. Женщина в древнерусской семье (X–XV вв.) // Советская этнография. 1988. № 4. С. 87–98; Ее же. Семейный быт Древней Руси: отношения детей и родителей // Традиции семьи. Свердловск, 1988. С. 248–263; Ее же. Социальный статус средневековых женщин в центре внимания историков Европы и США // Вопр. истории. 1988. № 9; Ее же. Женщины Древней Руси. М., 1989 и др.

вия. Другой основополагающий принцип – использование «новых» источников, тех, которые еще не попадали в орбиту внимания историков, либо прочтение через «гендерные очки» известных исторических текстов. Чаще всего это «женские» источники – эго-документы (письма, мемуары, устные истории). В качестве исторических источников используются визуальные материалы (фотографии, картины, плакаты, документальные и художественные фильмы). Формируется корпус новых методов исследования, ранее не применяемых в истории. Многие из этих методов пришли из антропологии, социальной психологии, социологии, философии (дискурс-анализ, психоанализ, феминистская критика, др.).

Новый субъект, новые источники неизбежно расширяют предмет исследований. Развитие отечественной женской и гендерной истории происходит в рамках и традициях отечественной исторической науки, под значительным влиянием межнационального интеллектуального сообщества в силу того, что женская и гендерная история носит кросскультурный, сравнительный характер. Женская и гендерная истории развивают гендерный анализ применительно к национальной истории и переосмысляют традиционные схемы анализа «женщин» и «женского», «мужчин» и «мужского».

В силу того, что российские ученые долгое время находились в научной изоляции, вопросы о применении различных теоретических подходов к историческим исследованиям, о методологической ограниченности какой-либо теории просто не могли стоять, что сегодня прямо сказывается на развитии женской/гендерной истории. Советская историография не существовала без женщин, но их жизнь никогда не была предметом исторического анализа.

Сегодня, несмотря на 20-летний период развития, российская женская/гендерная история все еще находится в процессе институционализации. Выделяют три сферы институционализации – теоретическую, эмпирическую и собственно институциональную (организационную), признаками которой в теоретической сфере считаются: 1) наличие сформированного понятийного аппарата и профессионального языка для описания исследовательского поля; 2) анализ изучаемых тем, направлений и тенденций (самрефлексия); 3) включение исследователей в международную дискуссию, признание работ национальных исследователей международным сообществом.

Итак, в теоретическом плане институционализация женской, гендерной истории в силу вышеназванных причин пробуксовывает. Не-

осознание теоретических основ исследования, слабая теоретическая подготовка самих исследователей ведет в размытости понятийного аппарата, неустоявшемуся профессиональному языку. Понятийный аппарат, сформировавшийся в гендерных исследованиях, не адаптирован в исторической науке, т. е. не институционализировался. Понятие «гендер» часто употребляется как синоним слова «пол», другие базовые для гендерного анализа термины и категории («гендерный контракт», «гендерный порядок», «маскулинность», «фемининность» и др.) используются редко и вряд ли понимаются одинаково в профессиональном сообществе.

Интенсивно идет процесс расширения предмета исследований, преодоления часто табуированных тем в исторической науке. Анализ проводимых работ практически только начался. Внимание к качеству исследований ставит перед профессиональным сообществом задачу – развитие института критики и рецензирования.

Обзор изданных материалов конференций Российской ассоциации исследователей женской истории (4 вып., 6 тт.) выявил, что самыми популярными сегодня в российской истории женщин являются следующие сюжеты: а) биографии известных женщин, признанных историческим профессиональным сообществом (советская традиция); б) социальные и политические институты, которые способствовали достижению женщинами гражданских прав – структуры женского образования, политические группы, партии и их программы в отношении женщин, женские организации, женское движение; в) оплачиваемая работа и деятельность женщин в публичной сфере – врачи, учителя, благотворительницы, общественные деятельницы и др.; г) семья, модели семьи, социальные роли в семье.

Российские исследователи слабо включены в международную дискуссию. На конференциях за рубежом выступают буквально единицы. Публикаций российских историков на иностранных языках, равно как и рецензий на их работы в иностранных профессиональных журналах стремится к нулю. В эмпирической сфере основными показателями институционализации выступают: 1) проведение непосредственно исследований в рамках данной дисциплины; 2) обсуждение проблем методологии этих исследователей. Здесь дела обстоят лучше – проводится, охватываются разные разделы исторической науки (зарубежную, российскую историю) и разные исторические периоды, развиваются локальные исследования. Уже сегодня в научный оборот введено

огромное количество неизвестных, в том числе архивных источников. Российская женская/ гендерная история развивается преимущественно в рамках социальной истории, и совершает поворот к политической истории.

В силу того, что далеко не все исследователи вырабатывают методологические основания своих исследований, много появляется работ описательных, предельно информативных, без каких либо обобщений и выводов; воспроизводятся традиционные взгляды на женщину без какой-либо критической рефлексии. Можем ли мы считать эти работы женской / гендерной историей? На наш взгляд, – да, т. к. без этих первых, зачастую описательных работ, но основанных на вынутых из небытия архивных документов, женская история не может состояться. Создаётся ее эмпирическая база.

В организационной сфере обычно выделяют следующие показатели: 1) проведение конференций; 2) рост числа публикаций, в т. ч. монографий; 3) защита диссертаций, в т. ч. докторских; 4) разработка и чтение учебных курсов. В институциональной сфере оформилось профессиональное научное сообщество, создана профессиональная ассоциация, которая представляет это направление в отечественной науке – Российская ассоциация исследователей женской истории (РАИЖИ). На протяжении последних четырех лет ежегодно проводятся конференции, численность участников которых неуклонно возрастает. Растет количество публикаций, все больше появляется монографий, защищаются кандидатские и докторские диссертации. Учебные курсы читаются, хотя и в немногих ВУЗах.

О.В. Большакова

Москва, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ В АМЕРИКАНСКОЙ РУСИСТИКЕ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

В 1990-е гг. американская русистика сделала колоссальный рывок в изучении «гендерного измерения» истории России. Этому рывку предшествовало достаточно активное развитие социальной истории женщин, начавшееся в 1970-е гг. и составившее прочный фундамент для новых исследований, немалую часть которого составили также исследования по истории русской литературы и культуры в целом, что позволило американской русистике довольно легко инкорпорировать в

свои исследования категорию гендера, которая подразумевает высокий уровень анализа истории.

Усвоению американскими историками-русистами гендерного подхода способствовал поворот к культурной истории, занявшей господствующее положение в дисциплине в 2000-е гг. В значительной мере переориентировалась и социальная история, поставившая во главу угла изучение идентичностей. Поскольку в центре внимания историков оказалась триада «гендер, этничность, класс», стало уже не так легко «отодвинуть» историю женщин в сторону от якобы магистральных путей развития науки. В 2000-е гг. гендерные исследования истории России вступили в полосу стабильного, устойчивого развития.

Этому способствовали и факторы организационного характера. В отличие от нашей страны, в США изучение женской истории и гендерные исследования поощряются, поскольку относятся к разряду политкорректных. Работы по этой проблематике имеют больше шансов при получении грантов или премий в силу того простого факта, что это добавляет дополнительные «очки» или «баллы» при их формальной оценке. Единственное неприятное следствие такой практики заключается в том, что в работах средней руки зачастую формально присутствует «женская» или «гендерная» тематика, не всегда имеющая прямое отношение к основной проблеме исследования. Кроме того, такое положение дел раздражает исследователей старшего поколения и некоторых более молодых, видящих здесь своего рода дискриминацию. И потому в американской историографии России существует довольно большой пласт литературы, полностью игнорирующей и достижения женской социальной истории, и новые перспективы, предлагаемые гендерным анализом.

В частности, в таком относительно новом направлении, каким является «история империи», возникшая в 1990-е гг., фактически отсутствуют работы по гендерной проблематике. Исключения составляют первоклассные монографии Е. Шульман о «хетагуровках» и Д. Нортропа о кампании по снятию паранджи в Узбекистане, написанная в русле так называемых постколониальных исследований (subaltern studies)[15].

---

[15] Shulman E. Stalinism on the frontier of empire: Women and the state formation on the Soviet Far East. N. Y., 2008; Northrop D. Veiled empire: gender and power in Stalinist Central Asia. Ithaca, 2004.

В изучении религии положение дел прямо противоположное: история религии и гендера в современной американской русистике тесно переплетаются, их невозможно отделить друг от друга. Предметы и темы включают в себя особые «женские» формы религиозности, «феминизацию» религиозной жизни в России XIX – начала XX в., феномен кликушества, православный идеал женственности и многие другие[16].

Успешно развивается изучение деятельности женщин в области литературы, журналистики и культуры в целом[17]. Делается акцент на их социальной роли, что привело к новому прочтению проблемы публичного и частного, между которыми, по мнению Дж. Рэндолфа, нет и не было китайской стены[18]. В 2000-е гг. внимание исследователей привлекла концепция разделенных сфер, которая начала укореняться в России на рубеже XVIII–XIX вв. и получила развитие в эпоху романтизма, говоря традиционно – в годы николаевского царствования. Вызывающе маскулинный характер ценностей эпохи романтизма исследован в новаторской работе Р. Фридман, посвященной российскому студенчеству[19]. Первой по-настоящему серьезной публикацией по новому для американской исторической русистики предмету – истории маскулинности – явился сборник, довольно нелицеприятно, но, на мой взгляд, безосновательно раскритикованный С. Ушакиным[20]. По истории женщин вышли работы обобщающего характера, подводящие итоги изучения темы в русле социальной истории и включающие гендерный анализ[21].

Важными темами являются война, гендер и национальная идентичность. Связав эту проблематику в один узел – рассматривают американские историки-русисты гендерные нормы начала XX в., эпохи

---

[16] См., в частности: Orthodox Russia: Belief and practice under the Tsars / ed. by Kivelson V., Greene D. University Park, 2003.

[17] Women in Russian culture and society, 1700–1825 / ed. by Tosi A., Rosslyn W. N. Y., 2007.

[18] Randolph J. The house in the garden: The Bakunin family and the romance of Russian idealism. Ithaca, 2007.

[19] Friedman R. Masculinity, autocracy and the Russian university, 1804–1863. N. Y., 2005.

[20] Russian masculinities in history and culture / ed. by Clements B.E. et al. N. Y., 2002.

[21] См., в частности: Engel B.A. Women in Russia, 1700–2000. N. Y., 2004.

сталинизма и Второй мировой войны[22]. В истории кризиса XX в. усматривают кризис маскулинности и патриархальных ценностей, что явилось одной из причин революции 1917 г.

Следует отметить характерную черту американской историографии России. Гендерный анализ все чаще перестает занимать центральную роль в исследовании, он используется в качестве инструмента, позволяющего глубоко проанализировать какие-то крупные проблемы (становление новой советской идентичности или формирование культуры потребления в СССР в рамках особой, «советской» модерности). В структурном отношении это может быть глава в монографии, несущая, огромную смысловую нагрузку и органически связанная с остальным исследованием, как в работе уже упоминавшегося здесь Джона Рэндолфа. А может, как в работе «патриарха» истории феминизма Ричарда Стайтса, посвященной истории культуры крепостнической России, быть «рассыпан» по всему тексту, демонстрируя гендерное измерение актерской профессии или музыкального исполнительства[23].

Все это свидетельствует о том, что гендерный анализ к настоящему времени достаточно прочно укоренился в американской исторической русистике, чему способствовали как (относительно) благоприятные условия научной жизни, так и общий высокий уровень профессионализма Russian studies.

Я.Б. Руднева

Наб. Челны, Набережночелнинский торгово-технологический ин-т

ЭМАНСИПАЦИЯ, ФЕМИНИЗАЦИЯ, АССИМИЛЯЦИЯ (КРАТКИЙ ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПО ИСТОРИИ ВЫСШЕГО ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ)

В зарубежной историографии импульсом для исследования истории женщин в России послужило появление на рубеже 1970–1980-х гг.

---

[22] Sanborn J. Drafting the Russian nation: Military conscription, total war, and mass politics, 1905–1925. DeKalb, 2003; Krylova A. Soviet women in combat: A history of violence on the Eastern front. N. Y., 2010 и др.

[23] Stites R. Serfdom, society, and the arts in imperial Russia: The pleasure and the power. New Haven, 2005.

работ англо-американских историков Р. Стайтса[24], Б. Энгель[25], Л. Эдмондсон[26]. Впервые движение за эмансипацию российских женщин, игнорируемое как самостоятельное явление советской историографией, стало объектом специального изучения с точки зрения гендерных отношений, национального менталитета и индивидуальных особенностей. Р. Стайтсу принадлежит идея о неоднородности раннего российского женского движения (1855–1881 гг.) и необходимости его деления на феминистское, нигилистическое и радикальное направления. Оценивая значение высшего образования, как одного из главных факторов формирования эмансипированного сознания, историк особо отметил, что тема «о русских студентках настолько объемна, а источниковая база настолько широка, что потребовалась бы специальная монография, чтобы ее раскрыть»[27].

Обращение к истории фармацевтического женского образования и профессиональной деятельности женщин-фармацевтов в Российской империи позволило американской исследовательнице М. Шеффер Конрой сформулировать тезис о том, что на рубеже XIX–XX вв. значительное число девушек, стремившихся к высшему образованию, не только антагонистически относились к социализму, но и приверженность феминизму считали вторичной по отношению к успешной карьере[28]. Их жизненную позицию М. Шеффер Конрой определила как служение профессии или профессиональный энтузиазм, который являлся одной из главных причин успешной социальной адаптации. Преобладание на рубеже XIX–XX вв. среди российских фармацевтов представительниц национальных меньшинств (польского, еврейского, немецкого происхождения), озабоченных собственным социальным продвижением и индифферентных к национальному вопросу, свидетельство-

---

[24] Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia . Princeton, NJ, 1978.

[25] Edmondson L.H. Feminism in Russia, 1900–1917. Stanford, 1984.

[26] Engel B.A. Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in Nineteenth-Century Russia. Cambridge, 1983.

[27] Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004. С. 238.

[28] Schaeffer C.M. Women pharmacists in Russia before World War I: women's emancipation, feminism, professionalization, nationalism, and class conflict // Edmondson L. Women's emancipation and theories of sexual difference. Akron; Kent, Ohio, 1988.

вало об ассимиляции, сопутствовавшей процессу интеграции женщин в состав профессиональной интеллигенции.

В 1980–1990-е гг. в западноевропейской историографии появилось много работ, посвященных истории пребывания российских женщин в университетах Западной Европы (пр. Д. Нойман). Подробный статистический обзор количества российских женщин, обучавшихся в семи швейцарских университетах с 1867 по 1914 гг., использование широкого круга мемуарных источников для определения мотивационных механизмов массовой женской миграции и анализ специфики адаптации студенток в инонациональной среде являются безусловными достоинствами ее монографии. Д. Нойманн акцентирует внимание на наличии, наряду с представительницами дворянского сословия, второй движущей силы в борьбе за высшее образование – представительниц еврейской диаспоры Российской империи. Одной из последних работ, посвященных сравнительному изучению национально-конфессиональных особенностей адаптации евреек Восточной и Западной Европы в системе совместного высшего образования (на примере Берлинского университета) и их ключевой роли в движении за эмансипацию, стало исследование Л. Хирш[29].

В 2000–е гг. осмысление авангардной роли русских женщин в процессе феминизации западноевропейской высшей школы продолжает оставаться актуальным. Анализ политических, экономических и социокультурных последствий студенческих миграций как для стран, принимавших иностранцев, так и для стран, обеспечивших интенсивный приток эмигрантов в Западную Европу, был осуществлен в 2003 г. в рамках международного научно-исследовательского проекта «Les universités: des ponts à travers l'Europe» под руководством П. Рюдигера и Н. Тихонов.

Одним из направлений исследовательского поиска швейцарской исследовательницы Н. Тихонов стало изучение роли женщин-иностранок в процессе феминизации западноевропейских высших учебных заведений[30]. Причины женской студенческой миграции, по

---

[29] Hirsch L. Vom Schtetl in den Hörsaal: Jüdische Frauen und Kulturtransfer. Berlin, 2010.

[30] Tikhonov N. Student migrations and the feminisation of European universities // L'étudiant étranger. Préactes dela journée d'études du 8 février 2002; Enseignement supérieur et mixité: la Suisse, une avant-garde ambiguë published

мнению исследовательницы, заключались либо в отсутствии собственных национальных систем высшего женского образования, либо в религиозной дискриминации в отношении этноконфессиональных меньшинств. Н. Тихонов, отталкиваясь от распространенной в советской и постсоветской историографии периодизации высшего женского образования, приходит к выводу об исторической несостоятельности мнения, связывавшего массовую эмиграцию женщин в Западную Европу с отсутствием образовательных возможностей в Российской империи. Она полагает, что изменение государственной политики в области высшего женского образования влияло на подъемы и спады миграционного потока, но взаимозависимость этих явлений была косвенной. Кроме того, несмотря на равные образовательные возможности, предоставленные швейцарскими университетами мигрантам и мигранткам из России, мужчины, приобретая дипломы, могли реализовать себя профессионально на родине, в отличие от женщин, не имевших такой возможности. В этой связи Н. Тихонов формулирует новую исследовательскую проблему: если нет возможности для профессиональной самореализации в своей стране, то чем можно объяснить столь интенсивный приток российских женщин (по конфессиональной принадлежности евреек, католичек, лютеранок) в западноевропейские университеты?

Необходимо отметить, что направления исследовательского поиска, обозначенные зарубежными историками в процессе изучения социокультурного «феномена» российской женщины, могут быть успешно реализованы только в рамках диалога с российскими коллегами. Однако на сегодняшний день можно констатировать отсутствие в российской историографии специальных работ о влиянии миграционных процессов, связанных с получением высшего образования, на ментальность российских женщин и их последующую социализацию.

---

in Rebecca Rogers (dir.), La mixité dans l'éducation. Enjeux passés et présents. Lyon, 2004.

Ю. Градскова
Стокгольм (Швеция), Стокгольмский университет

ПАМЯТЬ О «РАСКРЕПОЩЕНИИ ЖЕНЩИНЫ ВОСТОКА» И ПОСТ-СОВЕТСКАЯ ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ. ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Презентация посвящена проблеме подходов к истории советской модернизации быта в Волго-Уральском регионе и, особенно ее гендерных аспектов. Как известно, борьба «с вековой отсталостью» и «раскрепощение женщины Востока» были составнями частями политики большевистской культурной революции в отношении женщин так называемых «инородцев» (татарок, башкирок, мари и др.). Результатами политики «раскрепощения» стали не только повышение образовательного уровня женщин региона и их вовлечение в работу вне дома, но и существенный поколенческий разрыв в отношении к родному языку, исторической письменности, обычаям, гендерным ролям в семье, воспитании детей и одежде.

Противоречивые результаты советской модернизации быта и гендерных отношений будут рассмотрены в моем выступлении с использованием пост-колониального подхода: существенное внимание будет уделено различиям в памяти о преобразовании быта «женщины Востока» в центре и на переферии. Таким образом, советские политики эмансипации будут проанализированы в контексте дискурсов в отношении женской эмансипации, существовавших в регионе накануне революционных событий 1917 г.

Выступление основано на анализе архивных документов (ГАРФ и НАРТ) и просветительских брошюр для работы с «женщинами Востока». Для анализа постсоветских подходов к проблеме «раскрепощения женщины» я также анализирую публикации последних лет (центральные и региональные), которые так или иначе затрагивают проблемы генедрных изменений в Волго-Кральском регионе в первой трети XX в.

Реут Е.В.
Калининград, БФУ им. И. Канта

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О ПОЛОЖЕНИИ СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. 1991–2011 ГОДЫ

В докладе в рамках диссертационных исследований освещается историография положения советских женщин в годы войны. Наиболее важными исследовательскими задачами ставятся: анализ методологической основы диссертаций, их проблематики, целей и задач, качества проведенных исследований. Важно определить вокруг каких вопросов фокусировался научный диалог историков, какие вопросы остались неосвещенными. Основное внимание авторов было обращено на регионы Северного Кавказа, Поволжья и Восточной Сибири, где были широко представлены национальные меньшинства. Поставленные цели и задачи определяются как региональной спецификой, так и уже устоявшейся региональной проблематикой, что, конечно же, снижает эвристичность проведенных исследований. Так, А.Ш. Асылгараева определяет целью своей диссертации: «исследование места и роли женщин Татарской АССР в основных областях экономики, общественной, культурной жизни республики и на фронтах Великой Отечественной войны». Практически так же формулирует цель диссертант З.К. Раджабова.

Совершенно иной уровень представляет работа диссертанта Л.У. Курбановой, которой удалось выйти за рамки описательного подхода в освещении изучаемых событий. Она «приоткрывает тяжелую страницу» истории коллективизации и репрессий. Увлекшись обличениями в адрес «вождя народа» И.В. Сталина, обстоятельствами «массовых» репрессий в предвоенные и военные годы, планам Гитлера в отношении Северного Кавказа, автор несколько отходит от первоначальной цели исследования.

Пик исследовательского интереса к данной проблематике приходится на 2005 г. За этот год были защищены сразу три диссертации. Эти работы, посвящены отдельным регионам, однако, в некоторых случаях авторы расширяют хронологические рамки. Так, С.Е. Четав целью своей работы ставит: «исследование трансформации социальной роли женщин Адыгейской автономной республики в годы радикальных перемен 20–30-х гг. и в экстремальных условиях Великой

Отечественной войны». Н.В. Барсукова исследуют положение женщин России как в тылу, так и на фронте. Кроме того, впервые дается подробный анализ одной из ключевых и практически не изученных в отечественной историографии проблем службы советских женщин в армии в военные годы – морально-психологического и бытового положения женщин на фронте». На наш взгляд, заслуга диссертанта состоит в том, что она сумела составить тяжелую картину трудностей и лишений, выпавших на долю женщин, находившихся в непосредственной близости к фронту.

В русле гендерного направления выполнила работу о женщинах Бурятии в годы Великой Отечественной войны И.В. Гордина. Новейшим исследованием положения женщин в годы войны является работа диссертанта Е.Ю. Волковой, написанная в 2010 г. Судя по содержанию автореферата, автор ушла от привязки своего исследования к конкретному региону. Автор, основываясь на многочисленных фактах, последовательно доказывает решающую роль женщин в тылу. Перспективными являются темы «женский коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны», «беспризорность и неполная семья в военные и послевоенные годы», «корреляты женской морали в годы войны и в послевоенные годы», «советские женщины в немецких концлагерях и в качестве прислуги в годы войны». В рамках гендерной истории возможно проследить процессы мускулинизации женщин и феминизации мужчин в СССР и в постсоветской России. Сложной для осмысления является проблема гендерной специфики памяти – как отражается история России и СССР в воспоминаниях женщин.

Н.И. Григулевич
Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ И АДАПТАЦИЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В РОССИИ

Ведущие исследователи обращают внимание на необходимость изучения не только биологических, но и социальных факторов в демографической структуре и естественном движении населения[31]. Клуб

[31] Алексеева Т.И. Антропо-экологические исследования народов России и сопредельных стран // Историческая экология и историческая демография.

путешественников «Зюйд-Вест» при центре образования № 109 Юго-Западного округа г. Москвы с 1990 г. организует ежегодные комплексные эколого-исторические экспедиции, которые проходят в сельских районах Верхней и Средней Волги. Обследования проводятся по программам[32], включающим историко-этнографический, социально-экономический и экологический блоки.

Крестьяне на этой территории несколько веков занимались земледелием, рыбной ловлей, бортничеством. На протяжении столетий жизнь людей определялась здесь, прежде всего, близостью главной водной артерии страны – Волги и ее притоков. На заливных лугах выпасали скот, который давал высокие надои. В реках в любое время года можно было наловить рыбы, которая, вплоть до 1960–70-х гг., являлась существенным подспорьем повседневного и праздничного стола местных жителей[33]. В лесах и на болотах люди собирали грибы и ягоды.

После перекрытия Волги в Угличе плотиной ГЭС, построенной в 1935–1941 гг., образовалось Угличское водохранилище, под воду которого ушло около ста деревень и сел, тридцать городских и сельских храмов, два древних монастыря. Затоплены также заливные луга, составлявшие основу молочного животноводства края. В зону разлива Угличского водохранилища попали многие исторические памятники и христианские святыни, в частности, Свято-Троицкий Макарьев монастырь. Существовал проект сохранения этого выдающегося ансамбля русского допетровского церковного зодчества, но в целях экономии решено было его разрушить.

М., 2003. С. 17; Козлов В.И. Динамика численности народов. М., 1969. С. 205; Римашевская Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России. Вестн. РАН. 2004. Т. 74. № 3; Дубова Н.А. Динамика численности, движение населения и некот. другие аспекты демографических процессов в современной Абхазии // Этническая экология: народы и их культура. М., 2008. С. 45; Спицына Н.Х. Демографический переход в России. М., 2006. С. 159.

[32] Григулевич Н.И. Методика полевых исследований в историко-экологических экспедициях школьников на Верхней Волге (1990–2010) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: мат-лы 8-й междунар. науч. конф. Барнаул, 2011. Вып. 8. С. 195.

[33] Григулевич Н.И. Естественная убыль населения Российской Федерации (по материалам экспедиций в 1990–2010 гг. в Тверской области) // Этнос и среда обитания: сб. ст. по этноэкологии. М, 2012. Вып. 3. С. 195.

Большие проблемы в регионе с занятостью, особенно молодежи. Если посмотреть на данные Росстата по численности безработных в Тверской области за 1996–2010 гг.[34], то видно, что цифры очень разнятся по месяцам, иногда отличаясь в два раза. Посчитав средний показатель за месяц, мы увидели, что он неуклонно уменьшался с 17,2 тыс. чел. (1996) до 5,1 тыс. (2001) и оставался приблизительно на этом уровне до 2008 г. с минимальным показателем в 4,9 тыс. безработных в мес. Послекризисные 2009–2010 гг. показывают более чем двукратное, по сравнению с этим, увеличение безработицы в области. Трудоспособная молодежь вынуждена уезжать на заработки в крупные города, прежде всего Москву и Санкт-Петербург. По мнению экспертов, именно социально-демографические и медико-демографические показатели наиболее полно отражают результаты адаптации отдельных социо-культурных групп населения к сложившимся условиям жизни[35]. А.Н. Ямсков, в последние годы уделяющий большое внимание разработке теории этноэкологической экспертизы, подчеркивает, что эти показатели позволяют прямо судить о качестве жизни населения.

Данные о смертности мужчин и женщин в Тверской области с 1990 по 2010 г. показывают, что в относительно «стабильные» годы она пропорциональна численному составу[36]. Иными словами, число умерших мужчин меньше, или равно числу умерших женщин. В «послекризисные» годы (1992–1993; 1998–2000) начинается общий рост смертности, но мужская смертность растет быстрее, существенно превышая таковую у женщин в «пиковые» 1995 и 2002–2004 гг. Пик смертности мужчин и женщин 1995 г. несколько отличается от пика 2002–2004 гг. Он быстрее пошел на спад и смертность мужчин в эти годы была чуть меньше. В последние годы (2008–2010) абсолютная смертность мужчин и женщин в Тверской области практически сравнялась, но учитывая уже упоминавшийся выше факт численной диспропорции, в пересчете на 1 тыс. чел., мужская смертность фактически существенно

---

[34] Росстат, 2011. Сайт Федеральной службы государственной статистики, Тверское отделение. URL: http://tverstat.gks.ru/default.aspx

[35] Ямсков А.Н. Количественные индикаторы социально-демографического благополучия сельского населения // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегод. / отв. ред. Ю.С. Пивоваров и др. М., 2009. Вып. 4, ч. II. С. 94.

[36] В 2011 г. в Тверской обл. было 45,1% муж. и 54,9% жен. (Росстат, 2011).

выше. Этот феномен «сверхвысокой смертности» российских мужчин объясняется, с одной стороны, их пристрастием к пагубным привычкам, а с другой – гораздо меньшей, по сравнению с женщинами, способностью адаптироваться к сложным социально-экономическим условиям последних десятилетий.

А.В. Белова
Тверь, Тверской государственный университет

ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЖЕНСКОЙ И МУЖСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И ДИСКУРСИВНЫЕ ОТЛИЧИЯ

Под женской повседневностью[37] (Frauenalltag) я понимаю способы проживания и переживания всех разновидностей, форм, сфер и проявлений неинституционализированного женского опыта (как отрефлексированного, так и неотрефлексированного, то есть ментального, как вербального, так и невербального, телесного, эмоционального, а также культурно-символического, хозяйственного, религиозного, сексуального и др.). Важно подчеркнуть, что даже в рамках таких значимых в этнологическом и социологическом дискурсах институтов, как родство, брак, семья и др., собственно женский опыт отличался разнообразием реакций, часто выходил за рамки предписываемых практик и «нормативных» поведенческих стратегий. *«Неинституционализированный опыт»* только и был специфически женским ввиду того, что опыт женщин в рамках того или иного социального института, конституируемого мужчинами, в чистом виде таковым не являлся. Институциональный женский опыт включался и адаптировался «мужскими» институтами. Причем, адаптация через унификацию, а не через плюральность – принадлежность мужского опыта. Опыт женского – это опыт плюрального, неуловимого в прямом и символическом смыслах, нефиксируемого или с трудом фиксируемого мужчинами. Данный аспект применительно к вербальному дискурсу и «женскому письму» давно разрабатывается феминистской литературной критикой (Л. Иригарэ, А. Колодны).

---

[37] Подробнее о концептуализации «женской повседневности» см.: Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010. С. 16–80.

Своеобразным дисплеем женской субъективности являются так называемые «субъективные источники» (subjektive Quellen) в немецкой истории повседневности, иначе называемые «частными источниками» во французской традиции, или «источниками личного происхождения» в российской. Это важнейшие источники по истории повседневности: письма, дневниковые записи, автобиографические тексты, мемуары, частные альбомы и журналы, книги домашних расходов[38]. Существенно, что они не только служат источниками типичного для своего времени восприятия внешних событий, но прежде всего выражают грань внутрипсихического переживания, сокровенные мечты и страхи, сознательные и бессознательные стратегии действия и вытеснения. Следует заметить, что письменные источники личного происхождения могут содержать записи устной коммуникации, дающей представление о повседневном дискурсе, его содержании, функциях и свойствах. Также к источникам по истории повседневности относятся предметы обихода, визуальные свидетельства, такие как частные семейные фотографии, которые могут оказаться своеобразным «резервуаром воспоминаний»[39]. Важное значение имеют и источники, на которых базируется устная история (oral history), а именно интервью-воспоминания. Последние позволяют выявить плюральность культур и жизненных укладов, сделать акцент на различиях ценностных ориентаций и мотиваций человеческих действий, отказаться от монолитной картины мира, якобы присущей людям разного пола, находящимся на разных уровнях властных иерархий.

С учетом специфики источников по изучению женской повседневности еще более отчетливыми становятся отличия ее от *мужской повседневности*. Мужчины – авторы «воспоминаний» или «записок» – в большинстве своем преследовали цель вписать себя, какие-то вехи своих индивидуальных биографий в общественный, точнее, государственный и, шире, исторический контекст. Даже при ведении образа

---

[38] Diekwisch H. Einleitung // Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte / hrsg. von Berliner Geschichtswerkstatt. Red.: H. Diekwisch et al. Münster, 1994. S. 9–11; Davin A. Frauen und Alltagsgeschichte // Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte… S. 39.

[39] Diekwisch H. a.a.O. S. 10

жизни частного лица позиционирование себя в «мужских» текстах коррелировало со сферой публичного. Это непосредственно отразилось на жанровом своеобразии этих текстов, относимых с источниковедческой точки зрения к мемуарам, в отличие от женских, которые, вне зависимости от формальных названий, писались как автобиографии. Интересно, что в «мужских» автобиографиях, подчас представляющих собой расширенную версию послужного списка, можно вообще не встретить той самой «пережитой» истории[40], с которой и отождествляется повседневность. Нередко доминировавшие конструкты мужественности ориентировали мужчин на табуирование описаний собственных переживаний, внутренних эмоциональных опытов, избегание в текстах подробностей того, что происходило с ними изо дня в день в пределах частного пространства жизни и не добавляло им, в их же глазах, большей значимости с точки зрения публичной репрезентации.

В женских письмах реже, чем в мужских, содержатся упоминания о фактах общественно-политической значимости, принадлежащих событийной истории, а чаще – описания повседневных реалий, семейной жизни, состояния здоровья и личных переживаний[41]. Вместе с тем в источниковедении долгое время преобладал утилитарный подход к источникам личного происхождения, в том числе к частной переписке, исключительно с точки зрения извлечения конкретных исторических фактов. Именно поэтому письма женщин занимают маргинальную позицию в иерархии исторических источников, основанной на критерии узко понимаемой документальности и «мнимой объективности» (Г.-Ф. Будде). Одним из наглядных подтверждений служит невостребованность женских писем как источника и в центральных, и в региональных

---

[40] См.: Bausinger H. Erlebte Geschichte – Wege zur Alltagsgeschichte // Saeculum 43. 1992. S. 95–107; Burkardt A. «Am Leben gescheitert?» Die Kritik der Mentalitätsgeschichte in Frankreich und der Alltag // Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte… S. 60.

[41] Подробнее об этом см.: Белова А.В. Женская эпистолярная культура и дворянская повседневность в России конца XVIII – первой половины XIX века // Российские женщины и европейская культура: Мат-лы V конф., посв. теории и истории женского движения (Санкт-Петербург, 7–9 июня 2001 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб., 2001. С. 49–55; Belova A. Women's Letters and Russian Noble Culture of the Late 18th and Early 19th Centuries // Women and Gender in 18th-Century Russia / ed. by W. Rosslyn. Aldershot, Hampshire, 2003. P. 147–161.

архивах (например, в РГАДА, ЦИАМ, ГАТО). Акцент в мужских письмах почти всегда делается на описании *очевиднособытийного*, причем эта внешняя по отношению к мужчине как к субъекту событийность практически никогда не связана с внутренним миром его собственной эмоциональности. В мужском дискурсе запечатлеваются некие условно общезначимые, с точки зрения этого дискурса, факты и события, характеризующие *мир вокруг мужского субъекта*. Письма мужчин либо отражают уже существующую включенность их в иерархию, либо как раз выстраивают такую иерархию. В мужских письмах прочитывается субординированность по отношению к адресату вне зависимости от пола последнего. Для женщин же характерно и, следовательно, более значимо *установление горизонтальных связей,* создание «сети отношений» (термин К. Гиллиган), *вместо акцентирования властной вертикали*. Искренняя привязанность предпочитается ими маркированию статусов. Для женщины написание писем – постоянно возобновляющееся переживание собственной субъективности, для мужчины, как правило, вынужденная необходимость передачи конкретной информации или поиска защиты, протекции, покровительства.

Е.Ю. Рождественская

Москва, ИС РАН, Нац. иссл. университет «Высшая школа экономики»

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПОМИНАНИЙ

Воспоминания мужчин и женщин как тематизации гендерно окрашенных субъективностей порождают и различные тексты. Биографическая практика женщины, тесно связанная с повседневностью, построенная на границе мира публичного и мира приватного, с неизбежностью находит отражение в стиле письма автобиографии, выборе тем для описания, склонности к выразительному языку в отличие от рационального (Элен Сиксу вслед за Руссо), манифестациям эмоций и телесности в тексте и т. д. Но то, что может быть обнаружено как мужская или женская специфика топоса воспоминаний на основе некоторой совокупности случаев, отобранных исследователем, также может быть и оспорено ввиду влияния факторов образования, статуса, возраста, этничности, контекста.

В докладе мы бы хотели триангулировать проблему гендерного различия воспоминаний, обратившись, к источнику экспериментальной психологии, с целью прояснить, какие гендерные особенности процесса

припоминания событий жизни можно считать достоверными и доказанными, а также к дискурсу устной истории и биографическим исследованиям.

Уплотняя обзор исследований по гендерным различиям воспоминаний, мы получим довольно обширный список экспериментальных штудий последнего десятилетия, которые перекрестно уплотняют, повторяют полученные данные на различных выборках: 1) при использовании в экспериментах шкалы восприятия времени, показано, что женщины больше ориентированы на прошлое, чем мужчины; 2) мужчины более ориентированы в автобиографическом воспоминании на будущее, чем женщины; 3) хотя мужчины и женщины одинаково часто вспоминают, женщины вспоминают больше, чем мужчины, в целях нарративного построения идентичности и поддержания интимности, а также реже пересматривают негативные аспекты прошлого; 4) памяти как о повседневности, так и о драматических опытах, женщины в большей степени сосредоточены на трансляции межличностных взаимодействий, чем мужчины; 5) целом, автобиографические воспоминания женщин также более яркие, чем у мужчин, используют большее количество и разнообразие слов для эмоций, чем мужчины, при описании своего опыта и характеризуются большей специфичностью, отражающей гендеризированный жизненный; 6) помимо воспоминаний о собственном жизненном опыте, женщины ориентированы в большей степени, чем мужчины, на хронику жизненного опыта других персон; 7) в исследованиях по влиянию гендерных аспектов на когнитивную структуру личных воспоминаний показано, что женщины структурируют свои воспоминания в более интегрированном и менее дифференцированном когнитивном стиле, в то время как воспоминания мужчин более дифференцированы и менее интегрированы по когнитивному стилю; 8) женщины также делают большее количество ссылок на эмоциональное состояние других персонажей. Кроме того, когда их просили вспомнить эмоциональные опыты переживания в жизни, женщины припоминают больше как положительных, так и отрицательных воспоминаний личного опыта, чем мужчины.

Для оценки нужно отметить, что степень их эпистемологического потенциала значительно ограничена тем, что содержание рассказанного автобиографического события здесь не анализируется. Благодаря дискурсу экспериментальных исследований памяти мы обладаем гендерно нормативными профилями воспоминаний и можем сравни-

вать это знание с получаемым в иных дискурсах – в биографических исследованиях и Устной истории.

В этом же ряду стоят и гендерно ориентированные биографические исследования, которые помимо тематизации субъективности, что противопоставляется как достижение объективирующему женщину позитивистскому дискурсу, дают возможность и опрошенным, и опрашивающим женщинам поддерживать субъект-субъектные отношения, обмениваясь взаимной перспективой. Тематическое поле биографий содержит помимо индивидуальных особенностей и другие измерения: характеристики социального пространства, среды, поколения, социального слоя, субкультуры и т.д. На российском материале рассмотрен гендеризованный конструкт биографий, реализованный в редком сочетании количественного и качественного подходов. Кратко эти биографические гендерные конструкты можно описать как «Я–в-отношениях» и «самодостаточное Я».

На платформе устной истории кристаллизация гендерных различий в модусе воспоминаний проходит по своей эпистемологической логике – вследствие интерпретации исследователем нарративных особенностей свидетельств драматических и трагических событий, припомненных мужчинами и женщинами. Гендерный фокус и гендерная теория могут дать ценную линзу, через которую может быть изучена культурная память, неизбежно приобретающая формы мужских и женских воспоминаний. Действительно, гендер, вместе с этничностью и классом, предоставляет средства, с помощью которых культурная память помещена в определенный контекст. Гендер является неизбежным аспектом отношений власти и культурной памяти, привнося сюжет различения и оспаривания доминирующх интерпретаций.

Культурная память наиболее сильно передается через отдельные голоса и тела как показания свидетелей. Свидетель говорит только о своей памяти, ведь как М. Хальбвакс ясно дал понять, люди обычно приобретают свои воспоминания в обществе. В обществе они вспоминают, распознают и размещают свои воспоминания. Культурная память, кажется, можно лучше всего понять в фокусе индивидуального и социального, собранных вместе, когда человек призван своей биографией проиллюстрировать общество в его неоднородности и сложности. В этом контексте публичного и частного, гендер можно рассматривать как определяющий фактор. История женщин как параллельная история, которая восстанавливает забытые истории и факты под-

утверждает эту точку зрения. Но за этим скрываются собственно гендерные рамки интерпретации, и акты передачи, в смысле П. Коннертона – «act of transfer», которые зависят от обычных этно-культурных кодов и моделей. Кроме того, опыт, его воспоминания и передача, также гендеризован и встроен в контекст. Поэтому индивидуальные и групповые повествования, позволяют нам увидеть зависимость артикуляции памяти от гендера, этничности, класса и сексуальности, как это увязано у В. Смит или Н. Юваль-Дэвис. Идентичность, будь то индивидуальная или культурная, становится историей, которая тянется из прошлого в настоящее и будущее, которая присоединяет человека к группе, строится по признаку гендера и связанных с ними маркеров идентичности.

О.В. Лабур

Киев, Национальный технический университет Украины «КПИ»

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ «РАМКАХ» ИСТОЧНИКОВ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ)

Традиционно понятие «исторические рамки» используются в пространственно-временной перспективе. Нам же представляется интересным при характеристике источников расширить его понятием «социального», что не только укажет на временность исторических сведений, а, прежде всего, поможет понять возможности заложенной в них социальной информации. Соответственно метафора «рамки» будет насыщаться качественными параметрами – как пределы, ограничения информативного потенциала источников, а также в качестве эффекта «обрамления», создания чего-то «заметного», «важного» по сравнению с другими составляющими частями документов. Объектом анализа выбраны свидетельства женской истории, ограниченные первым десятилетием советской власти в Украине. Гендерные инициативы большевиков видоизменили содержание источников, преобразовали побудительные мотивы их формирования.

Заметим, что определяющим условием здесь является создание комплекса гендерных установок. Их выстраивание и обоснование наблюдается в программных документах, принятых на VIII-м съезде РКП(б) в 1919 р., XI Всероссийской конференции 1921 г. и XI съезде

1922 г, а также в работах лидеров большевиков, особенно В.И. Ленина[42]. Обозначились два основополагающих компонента установок: постулат о «раскрепощении женщины» как цели советской власти и классовом ориентире «раскрепощения» – работниц и крестьянок. Для женщин идея освобождения была актуальна и желанна, однако, перефразируя В. Ленина[43], одно дело «принять законы», а другое – их реализация. Последнее демонстрирует эффект, который мы обозначаем как «рамки». Проследим их создание по некоторым группам источников.

Вероятно, первой практикой «обрамления», т. е. выделении чего-то важного, можно назвать женские воспоминания о революционных событиях 1917 г. Они создавались как часть общесоюзного проекта документирования революционной памяти. С 1919 г. выходят воспоминания «старых большевичек» Е. Бош, С. Гопнер и О. Коллонтай[44], а через четыре года мемуарные заметки партийных активисток среднего уровня. Тематическая направленность изначально определила информативные границы мемуаров, однако, в случае женских мемуаров, она предопределила и новую форму письма, столь созвучную гендерным установкам большевиков – растворение «личного» в «общественном». Частный опыт женщин теперь касался не семейной (приватной) сферы, а вклада в победу установившейся власти (публичное пространство). На наш взгляд, рамки превалирования «общественного» над «личным» устанавливались именно в момент создания документа, а не в период протекания самого события. Подобная технология была использована при создании мемуарных очерков участниц женотделов. Именно желание власти «увековечить» себя в истории способствовало созданию мемуаров о женработе.

Систематичность «обрамления», главным образом, обнаруживается в публицистическом материале, женской периодике и делопроиз-

---

[42] ВКП(б) в резолюціях і рішеннях з'їздів, конференцій і пленумів ЦК. УРСР, 1949. Ч. 1. С. 287, 578–580, 605; Ленин В.И. Полное собр. соч. М., 1974. Т. 37. С. 185–187; Т. 39. С. 198–205, 285–288; Т. 40. С. 157–158, 192–193

[43] Ленин В.И. Полное собр. соч... Т. 40, С. 157–158.

[44] Стрельский Г.В. Мемуары как источник изучения истории Великого Октября на Украине. Киев, 1978. С. 13; Бош Е. Национальное правительство и Советская власть на Украине / Жовтень на Україні. 1917–1920 (Збірник спогадів). Харків, 1920. С. 16–18; Коллонтай А. Из моей жизни и работы. Одесса, 1921.

водственных документах. Будучи изначально идеологическим рупором, «рамки» публицистики и прессы были ограничены выработанными партийными установками. Более того, они обычно создавались как «библиотечка работницы и крестьянки» для обязательного чтения. В изданиях первых лет практиковалась риторика в вопросительной форме: «Что дала Октябрьская революция женщине?», «Почему я стала защитницей Советской власти?», «Чему учил В. Ленин работниц и крестьянок?»[45]. Чем дальше укреплялась большевистская власть, тем в большей степени ей требовалось демонстрировать успехи и достижения в «решении женского вопроса». Часто встречаются рубрики «Работница в партии», «Профсоюзы в борьбе с женской безработицей», аналитические заметки «Октябрь освободил женщину-крестьянку от многолетних оков», «Не время ли пробудиться?». Иногда, прослеживается определенный заказ властью на планирование события «раскрепощения», а потом его презентация в прессе, особенно в период избирательных кампаний. Еще более очевидной политика «обрамления» становится при сопоставлении материалов из других печатных изданий.

И, наконец, свою особую форму ограничений наблюдаем в сфере протокольной документацией. Ярким показателем ограничений здесь выступает система подтверждений и «признаний» собравшимися женщинами дарованного властью «высокого статуса». Создаётся формальная конструкция свидетельств, которая постепенно трансформировалась в утверждение, не допускающее возражений. В возникают свидетельские казусы, как в протоколе заседания в Терновском сельсовете Днепропетровской обл., приуроченные к 8 марта: «мы видим, что женщина-работница и крестьянка имеют одинаковые с мужчиной права, но, к сожалению, ни одна женщина не присутствует на нашем праздничном заседании, по причине отсутствия одежды и обуви, то мы сами поздравляем наше правительство, которое подняло порабощенную женщину на высоту человеческой личности, в семейном плане мы должны радоваться, что наши женщины получили гражданские права»[46].

---

[45] Блонина Е. Почему я стала защитнецей Советской власти? Х., 1920; Эсбе Ю. Что дала Октябрьская революция женщине? Вид. 2-ге, вип. Х., 1925.

[46] Государственный архив Днепропетровской области. Ф. П-11. Оп. 1. Д. 301. Л. 26.

Таким образом, представляется перспективным использование понятия «социально-исторические рамки» в качестве теоретического инструментария при анализе исторических источников. Это позволяет утверждать об определенном историческом формате источников, влиянии власти на процесс их формирования, обнаруживает разнообразие форм и методов «обрамления» событий в исторических источниках, создание и действие механизмов «рамковых условий». Это дает возможность определить подмену самой сущности «раскрепощения женщин», превращение его в формальный постулат, который не допускал возражений.

В.И. Харитонова
Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

ЖЕНЩИНА И ВОЗРОЖДЕНИЕ ШАМАНИЗМА: РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА И ИХ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ

«Возрождение шаманизма» (фактически, формирование (нео)шаманизма на основе обращения к традиционным практикам и развитие разных вариантов городского шаманизма), начавшееся в период перестройки и национально-культурного возрождения в России, продемонстрировало активное участие в данных процессах женщин, в том числе в роли крупных организаторов этого движения. Во многих случаях можно пытаться объяснить сам феномен с социокультурной позиции, ведь среди таких активисток были дамы, имеющие высшее образование и занимающие довольно значимое положение в обществе (напр., Н.А. Степанова в Бурятии). Разумеется, то же самое можно сказать и о мужчинах. Второй – вполне очевидный момент, провоцирующий такое «возрождение» – социально-экономический: невозможность заработать на жизнь в этот период заставила «сменить профессию» и женщин, и мужчин. Нельзя отрицать в этом процессе и культурно-эстетической составляющей: мода на театрализованные ритуалы, привлекшие внимание представителей СМИ, ТВ и, конечно же, иностранных туристов (потенциальных учеников и спонсоров), поспособствовала притоку в сферу нового шаманизма и женщин, и мужчин.

Однако исследования демонстрируют, по крайней мере, два момента, связанные с собственно женским началом в процессах естественного возрождения и эволюции шаманских и иных магико-

мистических практик. Во-первых, здесь сказалась роль женщины как хранительницы культурных традиций в области фольклорного знания (многие известные шаманы-мужчины консультировались именно с женщинами, чтобы обрести навыки практик). Во-вторых, и это вполне традиционно, сфера лекарства (особенно акушерства – повитухи – и лечения женских болезней) в шаманских культурах также оказалась преимущественно в видении женщин при большей склонности мужчин к жреческой деятельности. Разумеется, это имеет место при достаточно естественном возрождении с учетом современных трансформаций и даже незначительной модернизации практик, но не при весьма искусственном формировании «новых традиций» (например, при создании сети местных религиозных организаций шаманов с попыткой их централизации и формирования шаманской конфессии, согласно республиканскому законодательству, причислившему шаманизм к традиционных религиям, наряду с мировыми).

Особо стоит отметить процессы вхождения женщин в магико-мистическую деятельность, а также своеобразие стимуляции смены профессии и образа жизни. Очевидно, здесь гендерная специфика (в психофизиологии и психоментальности) играют важнейшую роль, что демонстрирует, например, психологическое тестирование женщин-шаманок (проводилось в рамках экспериментального исследования личности шамана в начале 2000-х гг.). Важнейший момент в этом процессе – наличие гендерно-специфических ИСС, которые вполне естественно проявляются у женщин в силу особенностей их физиологии, чему способствуют регулярные роды (особенно в традиционном обществе) и даже менструальный цикл. Особо в этом контексте должен быть рассмотрен вопрос о трансвестизме в практике шаманизма, где наиболее яркими всегда были фигуры мужчин, ставших женщинами-шаманками. Таким образом, гендерный аспект шаманизма может быть рассмотрен на основе современных, в том числе экспериментальных, материалов с учетом новых концепций и научного знания, что позволяет внести значимые уточнения в его осмысление, важные как для гендерных исследований, так и для шамановедения.

Г.Г. Фесенко
Харьков, Харьковская национальная академия городского хозяйства

КУЛЬТУРНАЯ УРБАНИСТИКА В ГЕНДЕРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЙ

Проблема изучения культуры города остается одной из наиболее сложных и актуальных в системе гуманитарного знания. Элементы культурного многообразия подвижны, исторически изменчивы, и надо сохранять понимание того, что не все образцы можно воспроизводить без конца. Эвристические возможности исследовательских стратегий, представленных в культурной урбанистике, требуют глубокого осмысления с точки зрения различных концептуальных подходов, в частности гендерного.

Цель данного исследования – выявление сущностных характеристик субъекта-исследователя городской культуры в перспективе гендерной эпистемологии. Поскольку гендерная логика способна изменять научные стратегии, предлагается рассмотреть феномен гендера как особый когнитивный процесс продуцирования феминных / маскулинных начал в субъекте-исследователе городской культуры.

К характерным чертам феминности относят сенситивность, интуитивность познания. Г. Зиммель утверждал, что женщины и мужчины, исходя из априори своей сущности, по-разному интерпретируют бытие: «Женщина особым образом воспринимает и чувствует пространство «дома», как продолжение тела человека. Женская сущность чужда специализированно-объективированной культуре. Ее «внутренняя жизнь, неразделенная временным, пространственным или объективным знанием, несет в себе самой свою видимость и слышимость»[47].

Можно предположить, что феминная роль субъекта-исследователя связана с «субъективацией» объекта. Новая феминистская эпистемология субъективности, постулирующая значимость «других» типов антропологических практик субъективации в культуре, базируется при этом на концепциях *иного* – так называемого специфического и мно-

---

[47] Зиммель Г. Женская культура // Зиммель Г. Избранное. М., 1996. Т. 2: Созерцание жизни. С. 252.

жественного «женского опыта» и женских способов бытия[48]. Для субъективирующего субъекта критерием истинности признается творческое осмысление того, что происходит в действительности. В такой перспективе город интересует исследователей не в своей фактичности, а в экзистенциальной значимости для личности. Поэтому в исследованиях соответствующего типа применяются аксиологические параметры.

«Женская натура» служит урбанистике оригинальными свершениями: культурный мир города может предстать в ином соотношении частей и целого. Известно, что в высшей степени оригинальная и специфически феминная исследовательская деятельность может проявляться как бы в пробелах, оставленных маскулинностью. Феминность способна открывать культурные коммуникации города, скрытые от маскуллиного, и тем самым играть особую эпистемологическую роль в культурной урбанистике. Переосмысление, наделение культурного явления личностным смыслом дает возможность связать разрозненные фрагменты действительности в новую целостность. В центр внимания исследовательских стратегий попадает символическая организация городского пространства (например, с помощью картирования городской среды, изучаются способы восприятия и освоения людьми городских контекстов, интерпретируются репрезентации в массовой культуре, обсуждаются очертания городов, меняющиеся под влиянием социальной и культурной политики).

Для традиционной философии, ограничивающейся объяснением реальности, логика аргументации важнее полезности тезисов. Маскулинная исследовательская стратегия связывается с объективными характеристиками. Г. Зиммель отмечал, что объективированность может выступать как чисто нейтральная идея, равномерно возвышаясь над мужской и женской односторонностью, и как особая форма деятельности, соответствующая специфической мужской сущности.

Итак, традиционный философский дискурс – андроцентричный, получивший развитие с XVII в. в философии «рациональности» Р. Декарта, в которой приоритет отдавался окончательному отделению умозрительного от чувственного. Тогда же, утверждает Ж. Ллойд, сформировалось

---

[48] Жеребкина И. Феминистская теория 90-х гг.: проблематизация женской субъективности // Введение в гендерные исследования / под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков, 2001; СПб., 2001. Ч. I. С. 50.

представление о неполноценности женщин, будто бы неспособных научиться рациональному мышлению, очищать свой ratio от эмоций[49].

Для маскулинного характерным является видение вещи обособленно, объективно. Мужчина, по Г. Зиммелю, отделяет свою личность в целом от каждого отдельного отношения и переживает его в чистой объективности, не втягивающей в себя какой-либо внешний факт. «В отделении вещи от личности есть какая-то неверность, утверждает философ, – и это противоречит более верной сущности женщин»[50]. Урбанистские исследования разделяют предметное поле города на отдельные отрасли (градостроительство, техника и т. д.) и обогащают их конкретными фактами. Вместе с тем, исследования, для которых культурно-историческая реальность города представляет собой по возможности точное, фотографическое воспроизведение событий прошлого «каким оно было», не «покрывают» всех форм социокультурного бытия городов. При этом образ культуры не становится чем-то «субъективным», недоступным установлению истины; истина основывается не только на способности духа зеркально отражать события, а и на известном функциональном отношении к ним.

Актуальным становится вопрос о создании новой познавательной модели, в которой субъект-исследователь в режиме диалога, конструирует формы городской среды, благоприятные для личности, не травмирующие ее. «Андрогинный / бигендерный субъект», ориентированный на осмысление городской культуры, способен использовать противоположные познавательные процедуры. Пристально вглядываясь в городские ареалы, исследователи такого типа обращают внимание на разнообразные универсумы жизненных стилей, рассматривают их социальную организацию и культурные практики в динамике глобального и локального. В культурологический анализ включается разнообразный визуальный материал – литературные образы, пространственные структуры, символические карты повседневности. В таком случае исследование открывает новые возможности понимающего взгляда изнутри объемной и плотной среды современного города.

---

[49] Ллойд Ж. Человек рациональный // Женщины, познание и реальность: исследования по феминистской философии / пер. с англ. О.В. Дворкиной. М., 2005. С. 132–151.

[50] Зиммель Г. Указ. соч. С. 241.

Е.И.Трофимова
Москва

ФОРМИРОВАНИЕ КАНОНА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ГЕНДЕРНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ И КОНФЛИКТЫ

В культурном пространстве существует широкое понимание термина «канон», когда подразумевается существование в общественном сознании некой совокупности авторских имён и произведений, воспринимаемых наиболее адекватными манифестациями культурного континуума в литературе. Именно такое понимание используется в данной работе. В широком социальном использовании канон из образца превращается в жёсткое предписание, инструкцию, которая вводит императив в оценку канонического списка. Эти дефинитивные метки не только подсказывают, какое место в литературной иерархии занимает то или иное имя, а через систему образования, прессу и прочие информационные каналы внедряются в общественное сознание.

Дискурс о литературном каноне всегда напрямую был связан с проблемой дееспособности женщины в творческой области, но для любого вида творческой деятельности, необходима определённая совокупность знаний, доступ к которым обеспечивает система начального, среднего и высшего образования, которого многие века была лишена женщина. Такого рода манипуляции по признаку пола позволяли из века в век игнорировать или принижать роль и значение писательниц, поэтесс, художниц, вводя их в «список» лишь в качестве исторических случайностей, курьёзов, не столько опровергающих, сколько подтверждающих доминирование мужского в творческой сфере. В этом отношении показателен постулат о «музе, вдохновляющей поэта». Порочность формулы «необразованность как неспособность к учению» обнаруживалась, когда благодаря случайности или социальному положению, женщина получала доступ и к образованию, и к широкому общению, и к власти, прежде всего области политики. Здесь канонические списки разительно отличаются от творческой сферы.

Видимая объективность канона, где как бы результируется работа социального дискурса и рефлексии, в действительности фиксирует не некую абсолютную истину, но реальную степень гендерной дискриминации, связанной с характером власти, степенью её маскулинизации. Хотя степень и характер этой власти по мере развития культур моди-

фицировался, как и инструментарий её влияния, но сущность и репрессивный характер действия оставались прежними.

Литературный канон является не только одним из воплощений гендерного баланса, но и тем, что современные исследователи называют процессом создания гендера. Частью такого делания представляется и создание / созидание литературного канона, в котором перманентно фиксируется соотношение «мужского / женского», иерархическая структура и ценностная конфигурация. Очевидно стремление трактовать «мужественность» ведущим ценностным фактором литературного произведения, приоритетом некоего «мужского пера» в противовес «женскому повествованию», которому приписываются уничижительные коннотации. Творчество женщин и не только в России традиционно находится на периферии, и осознаёт себя лишь относительно мужского канона, который пренебрежительно отзывается о женском авторстве и всегда отодвигает его на второй план. Одним из следствий такого процесса стала маскулинизация канона, неизбежно связанная с насильственным искажением реальности, что, в свою очередь, потребовало выработки определённого инструментария. Среди этих инструментов можно упомянуть замалчивание, фильтрацию, дискриминацию и даже шельмование. Возникновение феминистской литературной критики, которая размывает границы между «классикой» и «массовой литературой», позволило прочитывать все виды текстов более доброжелательно и толерантно. Если ранее любовная женская проза (роман, мелодрама) рассматривалась лишь как забава для массового читателя, то в настоящее время она стала материалом для изучения таких социальных проблем, как идеология и культура.

Формирование канона неотделимо от тех процессов, которые происходят в идеологической, политической, правовой и экономических сферах общества. В этом отношении показателен советский период развития русской культуры. При всех отрицательных сторонах коммунистической идеологии, как ни странно, весьма решительно проводилась гендерная деконструкция социума. Постмодернизм, превалирующий в сегодняшнем культурном пространстве России, пытается изменить ситуацию в области сложения литературного канона, по крайней мере, в теоретическом аспекте. Отрицание иерархических конструкций, разрушение границ между искусством и не-искусством, интерес к маргинальным явлениям – всё это ведёт также и к реабилитации женского творчества, к научному и практическому осмыслению связанных

с ним проблем. На практике значительно изменились место и роль литературной критики. Ею в определённой степени утрачена роль арбитра в процессе формирования канонических предпочтений. Критическая статья по поводу того или иного автора или произведения теперь воспринимается не в качестве профессионального приговора (пусть и не окончательного), а как лишь одно из частных мнений, отражающего вкусовую или идеологическую позицию конкретного литератора.

Множественность культурно-эстетических практик по видоизменению канона провоцирует множественность подходов и оценок, расширяя научный инструментарий по изучению данной проблемы. Однако, и это сегодня очевидно, постмодернистский процесс деканонизации, провоцирует усиление противоположного движения: стремление создать новые «инвентарные» списки и новые аксиологические формулы, систематизировать пребывающий в хаосе материал культуры. Конкретно, это находит выражение в идее «созидательного реванша», то есть волевого преодоления деградации культуры и социума в самом широком её понимании. Видимо, базой такого прорыва должен стать новый, мобилизующий миф об отечественной истории и русской цивилизации. Очевидно, что новая идеологема с неизбежностью повлечёт трансформацию и ревизию канонических списков.

С.В. Поленина
Москва, Институт государства и права РАН

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ЗАЩИТА ПРАВ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В основе женской и гендерной истории современной России лежит Устав ООН и изданные в его развитие международные пакты и конвенции. В каждом из них подчеркивается необходимость обеспечения равноправия любого отдельно взятого человека – независимо от пола. Конвенция ООН 1979 г. «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» кроме того устанавливает и защиту коллективных прав всех женщин как социального слоя населения. В дополнение к каждой конвенции ООН по правам человека принимаются Факультативные протоколы о порядке претворения в жизнь содержащихся в ней положений, в том числе путем подаче индивидуальных и(или) коллективных жалоб на нарушение содержащихся в конвенции норм. Распад Советского Союза и переход к рынку привели, помимо прочего, к фе-

минизации безработицы и бедности. Активизация в середине 90-х гг. XX в. женского движения в России явилась предпосылкой одобрения Гос. Думой 20 ноября 1997 г. Концепции законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин. Цель этого документа как одной из форм реализации ратифицированной нашей страной Конвенции ООН 1979 г. состоит в определении общей стратегии и приоритетеных направлений законотворчекой деятельности по претворению в жизнь положения ч. 3 ст. 19 Конституции РФ 1993 г. о наличии у мужчин и женщин равных прав и свобод и равных возможностей для их реализации.

К сожалению, не претворены пока в жизнь два принципиальных положения Концепции. Во-первых, нет федерального закона «Об обеспечении равных прав и равных возможностей мужчин и женщин», который достаточно давно прошел первое чтение, а с тех пор подвергается дополнительному редактированию в ряде комитетов Гос. Думы. За это время на базе российского проекта Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ принят Модельный закон, в котором раскрывается в соответствии с Конвенцией 1979 г. понятие «дискриминация», отсутствующее в законодательстве РФ.

Во-вторых, нет включенного в Концепцию проекта закона «О введении общего социального норматива соотношения оплаты труда в бюджетной и внебюджетной сферах». Этот закон был бы важен с точки зрения рационального распределения трудовых ресурсов и устранения кадровой однобокости в сфере здравохранения и образования, при экспериментальной проверке положений грядущей пенсионной реформы, положений ратифицированной РФ Конвенции МОТ 156 «О равном обращении и равных возможностях трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» и т. д.

В России не искоренено насилие в отношении женщин. Этот факт особо отмечается в заключительных замечаниях к периодическому отчету РФ Комитету ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 15 июля 2010 г., который серьезно озабочен увеличением в нашей стране насилия во всех его формах как в частной, так и в публичной жизни. Комитет ООН напрямую связывает этот факт с патриархальностью сохранившейся в обществе практики, традиций, стереотипов в отношении роли, обязанностей и идентичности женщин и мужчин, что влечет за собой неравный их статус во многих областях, включая процесс принятия решений на государственном и обществен-

ном уровне, в том числе в семейной жизни и др. В заключении Комитет высказывает озабоченность, что государство-участник неоднократно подчеркивало при принятии правовых решений роль женщин именно как матерей и домохозяек. По мнению Комитета, для осуществлении Конвенции 1979 г. в полном объеме и достижения в России равенства между полами необходимо, чтобы женщины рассматривались в первую очередь не как жены и матери, а как индивиды, занимающие равное с мужчинами положение в обществе, что и должно активно пропагандироваться в средствах массовой информации.

РАЗДЕЛ 2.
СООТНОШЕНИЯ ГЕНДЕРА И ВЛАСТИ

М.С. Петрова
Москва, Институт всеобщей истории РАН

СООТНОШЕНИЕ ГЕНДЕРА И ВЛАСТИ В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ КАРОЛИНГОВ*

Для современного историка частная жизнь правителя, короля или императора прошлой эпохи является темой пристального изучения, поскольку рассмотрение, анализ и оценка фактов его личной жизни и жизненного пути в целом позволяют сделать важные выводы, касающиеся как реконструкции его отношений с членами семьи и близкими родственниками, так и построения государственной политики. Такой подход помогает не только выявить устойчивые стереотипы поведения находящихся у власти людей (мужчин и женщин), увязав их с таковыми предшествующей и предстоящей эпох, но и определить составляющие элементы «мужского» и «женского» правления.

Задачи нашего доклада сводятся к сопоставлению отдельных фак-

* Работа выполнена при поддержке Фонда «Дом наук о человеке» в Париже в рамках коллективного проекта «Гендерные и кросс-гендерные модели общения в Античности, Средние века и Новое время». В основу доклада положены мат-лы лекции, прочитанной по теме: «Эпоха Каролингов» в Рос. гос. гуманитарном университете (РГГУ, Москва) 1 марта, 2012 г.

тов частной жизни Карла Великого – правителя франков, провозглашенного императором; членов его семьи и близких ему людей, и, на основании реконструкции их отношений, к установлению мотивов его поступков и действий. Источниками наших рассуждений служат разные в жанровом и содержательном плане тексты VIII–IX вв.: нарративы, анналы, правовые документы, стихотворные произведения и др.

В докладе рассматривается: 1) период совместного правления Карла и его брата Карломана; 2) брачные отношения Карла и состав его семьи; 3) отношение Карла к старшим дочерям (Берте и Ротруде), матери, сестре и сыновьям; 4) «маскулинность» образа Карла; 5) междоусобная борьба за власть внуков Карла; 6) роль императрицы Юдифи в разделе империи Каролингов.

Применительно к правлению Карла Великого и его брата Карломана (1), выявляются причины их совместного прихода к власти[51], отмечаются факты, свидетельствующие о трудностях сохранения согласия при совместном управлении государством, анализируется конфликтность их отношений и показывается, что кончина Карломана могла быть не случайной. При рассмотрении отношений Карла Великого с женщинами и состава его семьи (2), отмечаются четыре законных брака и сожительство Карла с наложницами. Показано, что впоследствии плотские утехи Карла послужили поводом для различного рода шуток и анекдотов. Анализируются причины отвержения (и выбора) жен Карлом, связанные как с его планами захвата Италии, так и с его неосуществившимися намерениями подчинить собственной власти восточную часть Римской империи (Византию).

На основании сравнительного анализа текстов Эйнхарда[52] и Павла Диакона[53] предпринимается попытка определить состав семьи Карла, анализируется его отношение к женам, сыновьям и дочерям, матери, сестре и внукам (3). Показывается, как создавался в 800-е гг. и внедрялся в массовое сознание идеализированный образ королевского семейства, в отличие от реальной ситуации (образа жизни двух старших дочерей Карла – Берты и Ротруды, имевших внебрачные связи).

---

[51] См., напр.: Annales regni Francorum (a. 741; 741 em.; 749; 750; 753; 753 em., 754). Ср. также: Лоршские анналы I (752 г.).

[52] См.: Эйнхард. Жизнь Карла 18 и 20.

[53] См.: Павел Дьякон. Деяния мецких епископов 295–296.

Выдвигается предположение, что Карл удерживал дочерей возле себя не столько из-за отцовской любви, сколько из-за опасения появления законнорожденных внуков – претендентов на престол.

«Маскулинность» образа Карла после его смерти (4) демонстрируется на примере из «Хроники»[54], в которой описано вскрытие гробницы Карла Великого германским королем и императором Священной римской империи Оттоном III в 1000 г. Показывается, как воспринимался образ Карла Великого через два столетия после его смерти правителем Германии и его приближенными, и как он запечатлен в источниках того времени.

Анализируется междоусобная борьба за власть внуков Карла Великого (5) и выявляются причины раздела Каролингской империи в 843 г. (согласно Верденскому договору); говорится о важной роли императрицы Юдифи (6) и ее целенаправленной политике по выделению земель для своего сына Карла (Лысого).

В заключение делается вывод, что частная жизнь Карла была неотделима от государственной политики и была направлена на укрепление собственной власти; отмечается, что проблема соотношения гендера и власти в эпоху Каролингов может быть не только поставлена, но и успешно решена посредством анализа и осмысления самых разнообразных в жанровом и содержательном отношении источников. Применительно к элементам «мужского» и «женского» и их соотношении в эпоху Каролингов, делается вывод о преобладании «мужского», хотя немалое значение имел и «женский» фактор, что демонстрируется на примере политики, проводимой Юдифью.

М.О. Логунова
С.-Петербург, Гос. музей истории Санкт-Петербурга

ИМПЕРАТОР / ИМПЕРАТРИЦА: ГЕНДЕРНОЕ ПРОЧТЕНИЕ КОРОНАЦИОННОГО ЦЕРЕМОНИАЛА

В коронации «выражается религиозный символ, которым церковь освящает союз между государем и народом»[55]. Первая развернутая

---

[54] См.: Chronicon Novaliciense III, 32, vv. 36–49 // MGH: Scriptores. Vol. 7. P. 106.
[55] Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М., 2000. С. 257.

церемония в русской истории была использована при короновании Ивана IV в 1547 г.[56]. Во время ритуала митрополит возлагал на царя инсигнии: крест животворящего древа, бармы, шапку Мономаха, тяжелую золотую цепь, говорил поучение. Важнейшим элементом было миропомазание, свидетельствовавшее о божественном происхождение царской власти. В дальнейшем обряд подвергался незначительным изменениям.

Супруги правителей не проходили через ритуал. Это было связано как с конкретной ситуацией: цари вступали на престол ранее, чем в брак, так и с традицией: акт брачного венчания определял статус и титул царевны и царицы. Исключение составляет Марина Мнишек, для которой в день венчания с Лжедмитрием I в Успенском соборе был совмещен и чин коронации, когда на царицу-католичку возложили животворящий крест, бармы и венец, а патриарх надел на нее мономахову цепь, помазал миром и причастил, однако скипетр и державу ей не подали.

К концу XVII в. сформировался обряд коронации, для которого стали обязательными: место – Успенский собор Московского Кремля; набор инсигний: трон, одеяние, бармы, цепи, кресты, венец, скипетр и держава; распределение ролей окружения в зависимости от статуса персоны; главные действующие лица – коронующийся правитель и коронующий митрополит или патриарх; традиционный сценарий с миропомазанием и причастием. Короновались только мужчины-правители, женщины к восприятию власти через коронационные торжества допущены не были.

Реформы Петра I определили новое отношение к женщине. Венчание со второй женой прошло торжественно в 1712 г., но не сопровождалось в тот момент ее персональной коронацией. Повторная коронация для действующего монарха не требовалась, однако, в начале 1720-х гг. Петр озаботился решением вопроса[57]. Изменение титулатуры русского монарха 22.10.1721 повлекло за собой церемониальную гендерную революцию, в которой не последнюю роль играла отмена патриаршества. Коронация Екатерины I проходила 7.05.1724 г. в Успенском соборе Московского Кремля. Ритуал претерпел изменения,

---

[56] См.: Сказание о венчании русских царей и императоров / сост. П.П. Пятницкий. М., 1896.

[57] ПСЗ РИ. 1830. Собр. 1. Т. 7. № 4366.

соответствовавшие времени: появились новые чины и инсигнии: мантия и императорская корона, европейское одеяние. Царь *сам* возлагал на супругу знаки императорского достоинства, дал ей в руки державу, показывая назначение императрицы-соправительницы, разделяющей с царем власть, получаемую им от бога. Петр *сам* подводил супругу к Царским вратам для миропомазания.

Реформированный коронационный церемониал был ориентирован на европейскую светскую традицию и стал образцом для подобных мероприятий на все время существования Российской империи для всех самостоятельных правителей. Чин коронования разделялся на светскую и церковную части. В светскую часть входило принятие знаков императорского достоинства: короны, порфиры, скипетра и державы; в церковную: миропомазание, принимаемое у Царских врат и причащение св. даров: отдельно тела и крови Христовых, которые императоры-правители, вне зависимости от пола, принимали в алтаре у престола. Первой из коронаций, когда пол правителя не влиял на ход церковного обряда, и женщина выступила в «мужской» роли при «миропомазании и причащении по царскому чину»[58] стали коронационные торжества императрицы Анны Иоанновны в 1730 г., так короновались императрицы Елизавета Петровна (1742) и Екатерина II (1762). Передав регалии свите, они, как мужчины, *причащались в алтаре по «царскому чину»,* что было обусловлено их статусом самостоятельно правителя.

Первая совместная коронация царственной четы прошла в России в 1797 г. Коронационный ритуал императора Павла I стал образцом для его потомков. Данная коронация была ориентирована на западноевропейские образцы и расставляла акценты в плане гендерного прочтения[59]. Император, уже возложивший корону на свою голову, поднявшись на возвышение и положив регалии на подушки, подзывал к себе супругу, и, когда она опускалась на колени, снимал со своей головы корону, дотрагивался ею до ее головы, снова надевал на свою голову, показывая, что он символически делился властью со своей женой. Когда приносили другую, меньшую корону, государь *сам* возлагал ее на голову супруги, после чего на нее надевали цепь ордена св. Андрея Первозванного и императорскую порфиру.

---

[58] Там же. Т. 8. № 5517.

[59] Там же. Т. 24. № 17659.

Церковная часть коронации с этого времени разделялась на мужскую и женскую составляющие. Император и императрица подходили к Царским вратам и становились на приготовленное место без регалий, передаваемых на время ассистентам. Государь принимал миропомазание на лбу, глазах, ноздрях, груди, ладонях и верхней стороне рук, а императрица только на лбу. Далее император один следовал в алтарь к престолу для принятия причастия по «царскому чину», а императрица причащалась, «как обычно» у Царских врат.

На протяжении XIX в. коронования были совместными и проходили по данной схеме. Так короновались Александр I и Елизавета Алексеевна 15.09.1801 г., особенностью церемонии было присутствие вдовствующей императрицы-матери; Николай I и Александра Федоровна 22.08.1826 г., повторившие в сокращенном виде (без миропомазания и причащения) коронацию в Варшаве 12.05.1829 г.[60]. По означенной схеме, но уже и с соблюдением срока траура, назначавшегося по смерти предшественника, проходили совместные коронации Александра II и Марии Александровны 26.08.1856 г.; Александра III и Марии Федоровны 15.05.1883 г. и последняя российская коронация Николая II и Александры Федоровны 14.05.1896 г.

В использовании коронационных регалий при совместных коронациях четко прочитывалась гендерная особенность. Для первой женской коронации в 1724 г. была сделана императорская корона. В XVIII в. специальной женской короны не делалось по причине единоличного коронования правителя, независимо от пола. При первой совместной коронации в 1797 г. такая потребность возникла и была воплощена в Малой короне, изготовленной для императрицы Марии Федоровны[61]. Вступив на престол, Павел Петрович сделал регалии наследственными, располагавшимися в процессиях по старшинству[62]. Даже мантии императоров и императриц различались размерами.

Таким образом, вопрос пола правителя не был определяющем при составлении церемониала коронации, церковного чина и использова-

---

[60] Московские ведомости. № 42. 27 мая 1829 г.

[61] Кузнецова Л.К. Петербургские ювелиры. Век восемнадцатый, бриллиантовый. С. 451–452.

[62] РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 258. Л. 43.

нии регалий, основополагающим становился династический сценарий, самостоятельное правление определяло выбор обряда.

А.П. Царева
Москва, Нац. исслед. университет «Высшая школа экономики»

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АНГЛИИ XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

В XX в. у представительниц слабого пола появилась возможность наравне с мужчинам участвовать в политической жизни.

До этого женщины могли косвенно влиять на принятие их мужьями важных общественных решений. Фанни Бёрни описывает случай, когда миссис Юнг[63] сожгла все азеты в доме, в которых было помещено объявление о приезде в графство известного своими радикальными взглядами Томаса Пейна, чтобы ее муж не приглашал его на обед[64]. Дальновидные политики всегда старались поэтому заручиться поддержкой не только мужчин, но и женщин в семье: они прекрасно понимали, что недовольная их партией жена найдет средства повлиять на мужа.

Женщины могли выражать интересы своей семьи в политике более непосредственно, однако делать это надо было с большой осторожностью. В письме леди Спенсер к дочери опасения по этому поводу выражены весьма ярко: «Невзирая на то, что говорят другие люди, моя дражайшая Харриет, я умоляю тебя не вступать в споры по этому одиозному предмету…»[65]. Очевидно, что политические пристрастия в семье имели не только мужчины. Во-вторых, также очевиден тот факт, что общество не поощряло чересчур активного и открытого вмешательства женщин в политические баталии, но в определенных пределах им дозволялось разделять политические пристрастия семьи.

---

[63] Марта Аллен, родственница Бёрни, жена Артура Юнга (1741–1820), известного английского писателя.

[64] Burney F. The Journals and Letters of Fanny Burney: in 12 vols. Vol. I. Oxford, 1972. P. 159.

[65] Цит. по: Chalus E. Elite Women in English Political Life c. 1754–1790. Oxford, N.Y., Auckland, 2005. P. 21.

Жена зачастую играла роль поверенной и посредницы мужа в его делах, в ее действиях видели скрытый смысл: «Вчера вечером я была на приеме у миссис Питт, где обнаружила сэра Джона Мордонта играющим в карты с леди Эстер Питт; может быть, это случайность, но… это обстоятельство и то, что генерал Конвей снова в фаворе и послан… заключить соглашение об обмене пленными, заставляет меня подозревать, что, может быть, формируется какая-то коалиция…»[66]. Какие далеко идущие выводы могли быть сделаны из невинной на первый взгляд игры в карты! Отметим, что леди Питт никогда не проявляла особого интереса к политике: до ее замужества в письмах этот предмет вообще не упоминается. Однако она могла, по мнению света, выступить посредником при решении важных политических задач, что было выгодно для часто болевшего Питта-старшего.

Некоторые леди принимали в политике чуть ли не бóльшее участие, чем их мужья. Например, дом леди Мельбурн был местом частых собраний сторонников вигов. Различными способами его хозяйка добивалась возрастания влияния вигов и собственной семьи при дворе. Согласившись поменяться домами по просьбе герцога Йоркского, горячо поддержанной принцем Уэльским[67], леди Мельбурн добилась расположения наследника престола, о чем свидетельствует следующее письмо принца: «…пока я жив, я никогда не отвергну возможности принести пользу кому-либо из Ваших (имеется в виду окружение леди Мельбурн. – А.Ц.) или способствовать исполнению Вашего желания или желания Мельбурна...»[68].

Пример высокой политической активности женщин можно найти в лице Джорджианы, герцогини Девонширской, в доме которой собирались виднейшие представители вигов. На ее помощь надеялся Чарлз Дж. Фокс, когда написал записку: «Умоляю, поговорите со всеми, с кем сможете, чтобы они пришли, или мы проиграем по работорговле. Морпет, Оссулствон, лорд А.Х., лорд Г. Петти – никого

---

[66] Цит. по: Chalus E. Op. cit. P. 90.

[67] Ibid. P. 73.

[68] Цит. по: Airlie M.F.E.O. In whig society. 1775–1818. Composed from the hitherto unpublished correspondence of Elizabeth, viscountess Melbourne, and Emily Lamb, countess Cowper, afterwards viscountess Palmerston. L., 1921. P. 74.

нет. Молю, молю, пошлите любого, кого увидите»[69]. В доме герцога Девонширского, а также среди его друзей обсуждались вопросы формирования кабинетов Питта и Гренвилла, политические интриги, проблемы внешней и внутренней политики.

Женщины нередко оказывались вовлеченными в ход избирательной кампании, чтобы поспособствовать победе мужа или поддержанного им кандидата. В романе Марии Эджворт «Белинда» участие женщин в избирательных кампаниях характеризуют слова леди Делакур: «Это была для меня новая сцена, но я... вознамерилась угодить всем сквайрам и, что было сложнее, всем женам сквайров в *****шире»[70]. Функцией дам в предвыборную пору было привлечение на сторону своего кандидата жен потенциальных избирателей, что, как они справедливо полагали, служило средством давления на их мужей.

Однако политическая активность дам должна была ограничиваться рамками семейного круга и продвижения кандидатов, которых поддерживала семья, в своих округах. Знаменитый скандал на выборах в Вестминстере 1784 г., когда герцогиня Девонширская решила поддержать кандидатуру Ч. Дж. Фокса, был связан не с тем, что она активно агитировала за кандидата (у противоположного кандидата тоже была подобная поддержка), и не с методами ведения политической борьбы (она была не единственной, кто обменивал поцелуи на голоса), а с тем, что она вышла за рамки семейного круга: во-первых, Вестминстер не был округом, где было сильно влияние ее семьи, во-вторых, Ч. Дж. Фокс не был ее родственником.

Можно сделать вывод, что женщины, несмотря на во многом не вполне одобрительную оценку подобных действий со стороны мужчин, вольно или невольно оказывались вовлеченными в политическую жизнь страны.

---

[69] The two duchesses. Georgiana, duchess of Devonshire, Elizabeth, duchess of Devonshire. Family correspondence of and relating to Georgiana duchess of Devonshire, Elizabeth duchess of Devonshire, earl of Bristol (Bishop of Derby), the countess of Bristol, lord and lady Byron, the earl of Aberdeen, sir Augustus Foster Bart and others. 1777–1859. L., 1898. P. 261.

[70] Edgeworth M. Belinda: in 3 vols. L., 1811. Vol. I. P. 111.

Азерникова И.П.
Москва, Российский Государственный Гуманитарный Университет

ЖЕНЩИНЫ В САЛОНАХ ФРАНЦИИ И РОССИИ XVIII–XIX ВЕКОВ: ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИКУ И ВЛАСТЬ

В истории Франции и России возникали периоды, когда принятие политических и общественно важных решений перемещалось из государственных учреждений в камерную обстановку избранных салонов. Решающую роль в формировании салонной культуры сыграли женщины – хозяйки салонов. Первые салоны своим происхождением и своим отличительным характером обязаны изысканности и уму редкой женщины, наполовину француженке, наполовину итальянке – мадам де Рамбуйе. Её салон обладал властью над обществом и литературой первой половины столетия и воспринимался как школа вежливости и прекрасных манер. Можно сказать, что именно в этом салоне родилось искусство беседы, которая играла столь заметную роль во французской жизни.

На протяжении двух веков французские салоны развивались как центры общественной, литературной, философской и политической жизни светского общества. Во многом история Франции творилась в немногочисленных гостиных, обладавших большим влиянием. В американской историографии существует мнение, что французская революция конца XVIII в. была во многом теоретически подготовлена в салонах, где частыми гостями бывали философы и ученые мужи.

Салоны во Франции XVIII в. и в России первой половины XIX в. существовали при схожем историческом контексте: канун Великой французской революции и канун Великих реформ 1860-х гг. Оба этих явления, повлиявших на развитие государств в будущем, были подготовлены в том числе и в светских салонах. Сравнительно недолгая история салонов в России также сыграла свою важную роль в общественно-политической жизни страны. Необходимость политической модернизации российского государства в системе жесткой политической системы Николая I привела к тому, что светские салоны заняли свое место как форма реализации общественно-политических практик российского дворянства и выработка им общественно-политических взглядов. Среди многочисленных светских салонов первой половины XIX в. появились отдельные светские собрания, деятельность которых приобре-

ла политический характер по примеру знаменитых французских салонов.

Политические салоны в России проявили себя во второй четверти XIX в., уже после восстания декабристов. Система власти Николая I, установившаяся в 1820–1850-е гг., предполагала многочисленные бюрократические учреждения, которые не всегда могли стать «проводником для решения вопросов реальной политики». Светский салон был способен на «мягкое», неофициальное решение вопросов. Таким образом, сам стиль общественно-политической жизни в николаевское время заставлял салоны расширять сферу своих интересов и переходить от исключительно литературных вопросов к решению насущных общественно-политических проблем.

В России занятие политикой издавна находилось в монополии у самых знатных мужчин государства, при таких обстоятельствах становится еще более интересным тот факт, что для решения таких знаковых проблем для страны, как отмена крепостного права и дипломатические отношения с Великобританией, с которой у России исторически не складывались союзнические отношения, очень многое сделали именно женщины. В XIX в. русские женщины получили свои небольшие «ведомства» – салоны, где они могли осуществлять настолько широкое влияние, насколько позволяло им их положение и ум.

Историческое значение салонов, точнее, принимаемых в них решений, во многом обусловлено положением их хозяек. Российские дворянки в XIX в. находились примерно в том же положении, что и француженки XVIII в. Начиная с XVII в., как писал Ю.М. Лотман о женщине-дворянке, «исключенность <...> из мира службы не лишала ее значительности. Напротив, роль женщины в дворянском быту и культуре <...> становится все заметнее»[71].

Салон великой княгини Елены Павловны вряд ли имел бы такое значение для реформы по отмене крепостного права, если бы она, на правах старшего в царской семье, не могла приглашать племянника-императора на собрания в своем доме. Следует обратить внимание на то, что во Франции никогда не было салона, по уровню и значению сопоставимому с салоном великой княгини Елены Павловны. Это объ-

---

[71] Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 48.

ясняется прежде всего тем, что близкие родственницы короля держали свои салоны не для обсуждения политических проблем. Для этого существовали салоны менее знатных дам, таких как мадам де Тенсин и мадам Рекамье.

Другой политический салон, который в полной мере оправдывал это название, сформировался за пределами России, в дипломатической среде. Его хозяйкой также оказалась представительница высшего российского дворянства, а влияние этого салона распространялось, главным образом, на международную политику. Международные дела всегда были элитным направлением государственной политики российского самодержавия. В первой половине XIX в. дипломатия являлась исключительной прерогативой государя императора, а имеющиеся официальные дипломатические структуры выполняли лишь информационную и пропагандистскую роль. Салон Дарьи Христофоровны Ливен в Лондоне является уникальным по своему положению в истории российской дипломатии. Впитав в себя лучшие традиции участия женщин в общественно-политической жизни при дворе вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, Дарья Ливен изменила представление о традиционной роли жены посла и заняла в истории уникальное место как хозяйка политического салона, по сути, являвшегося неофициальным центром принятия политических решений международного масштаба.

И хотя сама традиция держать салон пришла из Франции и именно французские салоны считаются классическими, во Франции никогда не было ситуации жесткого бюрократического монархического режима, который начался бы с тотальных репрессий по отношению к самому привилегированном слою дворянства. Эта ситуация стала причиной того, что в России направление общественно-политических салонов было более развито и имело большую значимость в политической жизни страны. При этом возможность обсуждения важных политических вопросов с какими-либо реальными последствиями для их решения принадлежали только дамам, входящим в круг высшей политической элиты государства и имевшим контакты с непосредственными представителями высшей власти.

Ю.А. Сафронова
Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге

«ИЗВЕСТНАЯ ЖЕНЩИНА», МОРГАНАТИЧЕСКИЙ БРАК И СУДЬБА МОНАРХА

> Имеешь любовницу – на здоровье! Сейчас все имеют любовниц. Но нельзя же допускать, чтобы на них женились. Это аморально!
>
> *Г. Горин «Тот самый Мюнхгаузен»*

6 июля 1880 г. после шестнадцати лет связи император Александр II заключил морганатический брак с Е.М. Долгоруковой. Вероятность такого развития событий была вполне очевидной не только для приближенных к императорской фамилии людей, но и вообще для подданных, осведомленных о существовании «известной женщины». В феврале 1880 г., еще до смерти императрицы Марии Александровны, старорусский землевладелец Ильин донес на своего гостя, прапорщика Виктора Любовникова: тот в «пьяном виде» рассказывал, что «Государыня Императрица умерла, что государь женится на княгине Долгорукой»[72]. После смерти императрицы разговоры «только бы старик не вздумал жениться» сделались повсеместными[73].

Ричард Уортман в своей знаменитой книге «Сценарии власти» утверждает, что созданный при Николае I «семейный сценарий» делал императорскую семью «центральным символом нравственной чистоты самодержавия», нарушение семейной морали подвергало сомнению нравственные основы самодержавного правления[74]. Поскольку придворная цензура обеспечивала молчание печати внутри страны, в основу моего исследования положены тексты русскоязычных эмигрантских изданий, выпускавшихся за границей и подпольных газет. Хотя все они были крайне оппозиционны и, соответственно, пристрастны в освещении романа императора, сравнение их текстов с высказываниями, зафиксированными в дневниках и переписке, позволяет утверждать, что основные тенденции они передавали верно.

---

[72] ЦГИА СПб. Ф. 2073. Оп. 4. Д. 39. Л. 1.

[73] Бенуа А. Мои воспоминания: в 3 кн. М., 1980. С. 382.

[74] Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М., 2004. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. С. 437.

Александр II стал героем эмигрантской прессы с самого своего восшествия на престол. «Вольная печать» однако долгое время интересовалась только его способностями как правителя, в то время как интимная жизнь оставалась в тени[75]. Даже знаменитые «Петербургские очерки» П.В. Долгорукова хранили молчание об этой стороне жизни монарха[76]. В разгар русско-турецкой войны женевская газета «Общее дело», пристально следившая за «похождениями» великих князей, молчала о Долгоруковой[77]. Даже в сочинении В.А. Зайцева «Опыт словаря российских современников она была обозначена просто «Idem» после Александры Долгоруковой. Вероятно, постоянная фаворитка за много лет перестала скандализировать общество. Нужно было изменение status-quo для того, чтобы из знакомого объекта «старческих амуров» она превратилась в самостоятельную героиню не только великосветских сплетен, но и нелегальных политических изданий. Произошло это еще до скандального брака, когда покушения вынудили Александра II перевезти вторую семью в Зимний дворец, а здоровье императрицы ухудшилось настолько, что и за пределами придворного кружка стало ясно, что перемены не за горами.

В конце 1870-х гг. внимание революционной прессы фиксируется на возрасте и состоянии здоровья императора. Корреспондент нелегальной газеты «Народная воля» описывал Александра II в ноябре 1879 г.: «…медленная походка, глухой голос, потухшие глаза, седые волосы, тяжелая одышка». Нездоровье монарха революционное издание объясняло страхом, который «довершил дело разврата»[78]. Масштабное празднование 60-летнего юбилея вызывало реакцию подданных: царь должен передать престол наследнику, потому что у него «теперь уже ослабел ум и способности»[79]. Крушение «сценария любви» проходит под возрастающим градом насмешек над индивидуальным поведением чувствительного, быстрого на слезы царя, которое становится неприемлемым для мужчины наступившей эпохи рациона-

---

[75] Герцен А. Письма в будущее. М., 1982.

[76] Долгоруков П. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867 годы. М., 1992.

[77] Навуходоносор // Общее дело. 1877. № 3

[78] Корреспонденции // Народная воля. 1879. № 3.

[79] ЦГИА СПб. Ф. 2073. Д. 289. Л. 1 об.

лизма и нигилизма. Монарх, плачущий как «старая баба», смешон, потому свободная пресса заставляет его плакать все время, даже из-за отказа министров сыграть партию в «винт»[80].

Образ Екатерины Долгоруковой строился на контрасте: в отличие от «старика» она юна, в отличие от нерешительного пугливого монарха – предприимчива. Вместо того, чтобы разделить участь предыдущих «жертв», она «сама начала завлекать его в свои сети <…> громовержец (Александр II. – Ю.С.) пошел плясать по ее дудке, как ученый медведь»[81]. Разумеется, в первую очередь, «вольная пресса» обсуждала, во сколько обходится «содержанка» казне. Речь шла не только о непосредственных тратах[82], но и об участии любовницы царя в различных спекуляциях, в особенности подрядах и железнодорожных концессиях. «Партии Долгоруковой» даже приписывали отравление императрицы. В партийном органе «Народной воли» она произносила слова «при мне казней не будет».

«Вольная печать», основной задачей которой была дискредитация Александра II, в последний год его царствования фокусируется не на «разврате» и попрании семенных ценностей, а на политическом безволии Александра II. На ее страницах он и Долгорукая меняются ролями. Она по-мужски предприимчива, властна, имеет собственную политическую программу. Он «по-бабьи» пуглив, плаксив, безволен, так что самый брак, о котором эмигрантская пресса сообщила тотчас после появления этих известий в иностранных газетах в ноябре 1880 г.[83], описывался как слабость, «рабское подчинение» воле любовницы. Интересно, что царь, как его изображали революционеры, скорее жалок, чем страшен. Жестокий, трусливый старик, предающийся «старческим амурам», подчиняющийся своей любовнице, он представляет собой пережиток прошлого, мешающий развитию страны.

Если для «вольной печати» морганатический брак служил доказательством необходимости уничтожения самодержавия, то для многих

---

[80] [Саблин Н.] Дневник Императора Самодержца Всероссийского // Листок Народной воли. 1880. № 3.

[81] За ширмой // Общее дело. 1880. № 31/32.

[82] Алисов П.Ф. Лавры и Розы. Женева, 1882. С. 11.

[83] The Princess Dolgoruki // The New York Times. 1880. November 1; Высочайший брак // Общее дело. 1880. № 38.

защитников последнего он был аргументом против дальнейшего правления Александра II, поправшего самые основы власти монарха над подданными. Именно им объясняется ряд высказываний бюрократической элиты, одобрявших цареубийство. Близкий друг Александра II А.В. Адлерберг в мае 1881 г. утверждал, что смерть спасла «блестящее царствование от бесславного и унизительного финала», поскольку «эта женщина» могла «довести» государя только «до самых крайних безрассудств»[84]. Речь, разумеется, шла не только о готовящейся коронации, но и о так называемой «конституции Лорис-Меликова[85].

Н.В. Алексеева
Череповец, Череповецкий государственный университет

СТАРЕЦ И ДУХОВНИК В НЕРАЗДЕЛЕННОЙ ЦЕРКВИ: ПРЕДЕЛЫ ДУХОВНОГО РУКОВОДСТВА

Вопрос власти – один из основных вопросов в проблематике гендерной истории. Исследования института старчества, а также отношений старца и его «духовных детей» в христианской традиции находят свое отражение и в отечественной историографии, и в зарубежной. Однако в аспекте пределов этой власти тема, на наш взгляд, недостаточно изучена.

Старчество не было иерархической степенью в Церкви. Старцем мог быть монах без всяких духовных степеней. Это был «простой монастырский старец, обязательный наставник инока, самостоятельно поставленный в монастыре и свободно выбранный учеником, большей частью не имевший священного сана... Он брал души учеников на свою душу, руководил ими в каждом шаге духовной жизни, а потому, принимал исповедь их помыслов и дел, поощрял и наказывал»[86].

Уже в древних монашеских представлениях определился круг требований к старцу-духовнику, оказавший впоследствии огромное воздействие на покаянную практику Православия. Старец должен был обладать: 1) даром рассуждения духов – «различение духов, чтобы не

---

[84] Дневник Д.А. Милютина. М., 1950. Т. 4. С. 79.

[85] Княгиня Юрьевская Александр II. Воспоминания. М., 2004; Знакомые. Альбом М.И. Семевского. СПб., 1888. С. 115.

[86] Концевич И.М. Стяжание Духа Святаго на Путях Древней Руси. М., 1993. С. 46.

всякому духу веровать» (1. Иоан. 4:1). Этот дар приобретался путем духовного подвига и старческих молитв. Духовным даром различения подвижник должен был проникнуть в «козни врага спасения, чтобы легче удалить и посрамить его»; 2) даром прозорливости, который выражался в способности видеть нравственное состояние другого человека, «читать в душах людей»; 3) властью «вязать и решать». Некоторые из древних старцев и эту власть признавали чрезвычайным даром Святого Духа.

Как сообщает С.И. Смирнов, «неизвестно с какого времени в монастырях игуменским и старческим епитимиям стали придавать большее значение, чем простому дисциплинарному наказанию: епитимия признавалась неразрешимой никакой иной властью, кроме наложившей ее»[87]. Это положение брало начало в представлении об абсолютности игуменской и старческой власти и от того, что в епитимиях старцев стали видеть проявление вяжущей и решающей власти, данной Богом апостолам, хотя большая часть старцев не имели иерархического сана.

Отмечается пять признаков искреннего духовного отношения духовных детей к своему старцу-наставнику: 1) полная к нему вера; 2) истина: «истинствовать перед ним» в слове и в деле; 3) не исполнять ни в чем своей воли, а стараться отсекать таковую, то есть ничего не делать по своему желанию и уму, а всегда и во всем советоваться со старцем; 4) не прекословить и не спорить, так как споры берут начало в гордости и неверии; 5) полное исповедание грехов и «тайн сердечных» (исповедание помыслов)[88].

Широко развившись, древняя монастырская исповедь и покаяние высоко подняли значение старческого звания и самого института духовного отца. Он представлялся существом богоизбранным.

Так постепенно исповедь и дисциплина епитимий вырабатывается в монастырях в прочный институт тайной исповеди и покаяния. Исповедь хранится в тайне. Сопровождается она не только субъективными, но и объективными следствиями – чувством нравственного облегчения и действительным прощением грехов. Прощение было следствием

---

[87] Смирнов С.И. Исповедь и покаяние в монастырях древнего Востока // Богословский Вестн. 1905. Январь. С. 760–762, 744.

[88] Концевич И.М. Указ. соч. С. 37.

принятия на себя исповедающим старцем грехов кающегося, его молитвой за грешника, а со стороны грешника – исполнения епитимии.

Очевидно, что со временем опыт монастырской старческой исповеди постепенно был перенесен за стены монастыря. Вслед за этим, духовный отец из частного, специально монастырского института со временем превращается в институт общецерковный. В понятии «духовного отца» в восточной Церкви с XII в. и в древней Руси соединилось представление о священнике, с одной стороны, как о вершителе таинства покаяния, а с другой стороны, как о руководителе – пастыре тех верующих, над которыми он совершал таинство и которых называл своими духовными детьми. «Духовный отец или духовник был особым органом церковной власти, органом тайной исповеди и, своего рода, пастырем. Духовничество развилось из старчества и представляло вторичную форму института духовного отца».

Свое общецерковное значение монастырское старчество получает путем покаянной практики в мирской среде. Главным обстоятельством, косвенно содействовавшим распространению монастырской покаянной дисциплины, профессор С.И. Смирнов считал старческое пастырство среди мирян, развившееся на почве монашеского служения миру. На исповедь к старцам ходили миряне, минуя своих пастырей. Прямой причиной распространения монастырской покаянной дисциплины в Церкви надо признать ее сравнительную легкость, так как старец, взяв часть греха на свою душу, тем самым сокращал тяжесть епитимии, что, в свою очередь, означало большую жизнеспособность такой исповеди. Вместе с тем, сохраняя строгий пастырский характер взаимоотношений старца и его духовных детей, то есть полное подчинение его воле.

Со временем монастырская исповедь по всему Востоку вытеснила церковную исповедь, которую совершало белое духовенство и мирские пресвитеры, и старцы – духовные отцы превращаются в духовников. «Начало этого явления в Византийской церкви относится ко второй половине иконоборческого периода, ко времени страшного гонения Льва Армянина (+820 г.) на иконопочитателей, когда монастырские старцы были официально признаны Константинопольским патриархом

Никифором Исповедником, как законные совершители таинства покаяния, наряду с епископами и пресвитерами»[89].

Духовенство, которое пришло на Русь из Греции и из Болгарии, принесло с собой почти готовую дисциплину покаяния и институт духовничества в тех бытовых чертах, в которых они зародились и сложились на Востоке в период вселенских соборов. Эта дисциплина просуществовала на Руси почти не тронутой до самого XVIII в., так как древнерусская церковная власть проявляла строгое следование этой традиции.

Н.Е. Мазалова
С.-Петербург, Музей антропологии и этнографии РАН

ЦЕЛИТЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ГЕНДЕР И ВЛАСТЬ

В настоящее время в России функционируют целители, обладающие традиционными «тайным знанием» и способами лечения, и целители, знание которых связано с достижениями биоэнергетики. До настоящего времени не изучены многие аспекты деятельности современных ритуалистов, например, взаимодействие гендера и власти.

В наши дни абсолютное большинство целителей в деревнях и маленьких городах – женщины. Несмотря на демократические процессы, происходящие в современном российском обществе по-прежнему статус женщины в социуме ниже, чем мужчины. Но, овладев «особым» знанием, женщины повышают свой статус. В традиционном социуме власть «знающего» (знахаря, колдуна) определялась тем, что он владеет «тайным» знанием и магической силой, благодаря чему он может осуществлять контакты с потусторонним миром. Здесь прослеживается связь власти со знанием, которую отмечал М. Фуко. По народным представлениям, основная функция колдуна – насылать болезни, а знахаря – лечить их. Эта функция власти «знающих» связана с прямым воздействием на индивида и его тело (М. Фуко).

Колдун в своей деятельности реализует одну из форм власти — власть наказания, когда необходимое поведение индивида формируется под страхом причинения физического ущерба (он может испортить человека, его животных) или смерти. Страх — главное орудие

---

[89] Смирнов С.И. Древнее духовничество и его происхождение // Богословский Вестник. Май. 1906. С. 376–378, 380–381.

управления колдуна. Колдун целенаправленно использует страх для воздействия на поведение окружающих: ему боятся отказать в какой-либо просьбе, рассердить его, подчеркнуто демонстрируют уважение. Следует отметить, что в традиционном социуме такая форма власти была характерна прежде для мужчин – ритуальных специалистов, в современном обществе – для женщин «знающих»; именно их, как правило, обвиняют в колдовстве.

В некоторых российских деревнях по-прежнему активно функционируют ритуалисты, которые в своей практике использует традиционные способы народной медицины, прежде всего – заговоры. Как правило, они практикуют в отдаленных деревнях, где нет церквей и слабая медицинская помощь. Пациенты на время болезни попадают в своеобразную зависимость от них. Власть таких целителей носит временный, окказиональный характер.

В последние годы в России появились целители, которые «лечат святыми». Они являются посредниками между больными и христианскими святыми, и их основная функция заключается в передаче больному силы или энергии святых. Кроме того, такие целители используют методы, основанные на представлениях биоэнергетики. Многие из таких целительниц в прошлом занимали руководящие посты (например, бригадир), либо привыкли заниматься воспитанием (учителя). Иногда на их сеансах присутствует несколько десятков человек, что отличает их от лечебных обрядов традиционных «знающих», где существует прямая связь «знахарь – больной». Отправление магических практик — серьезный источник доходов целительниц. Обычно оплата в денежном эквиваленте, строго фиксированная, что не соотносится с традиционной оплатой лечения знахарок (натуральными продуктами, кто сколько может).

В современном российском социуме происходит ослабление некоторых связей – производственных, семейных. Большинство пациентов целительниц – одинокие люди, нуждаются не только в лечении, но и в дружеской, социальной поддержке. В этих условиях целители начинают выполнять не только лечебные функции, но и властные. Постепенно целительница и ее пациенты формируют структуру взаимоотношений с определенной иерархией. Целительница является лидером этой структуры. Она реализует властные функции, в том числе – через делегирование полномочий от верхних уровней иерархии вниз. Пациентам, находящимся на верхнем уровне иерархии (как правило, это бо-

лее состоятельные люди и с более высоким уровнем образования), целительница уделяет больше внимания во время лечения. С некоторых пациентов она берет меньше денег за лечебный сеанс или лечит их бесплатно. Такие пациенты выполняют некоторые ее задания, например, купить крестик в церкви для новых пациентов, с особо доверенными она отмечает праздники и т.д. Пациенты соперничают за более высокое место в иерархии.

Для этой структуры характерен патерналистский стиль управления, обычно характерный для лидера-мужчины. Выполнение распоряжений целительницы строго контролируется. Несмотря на строгую иерархию, взаимоотношениям придается личностный характер, выходящий за чисто служебные рамки. Сама она играет роль матери, а ее пациенты выступают в роли детей. Предметом ее заботы являются не только здоровье пациентов, но и их личная жизнь, например, она может выступать в роли свахи.

Отметим, что многие из больных находятся в значительной психологической зависимости от целительницы. И.В. Грошев называет такую функцию власти амотивной[90]. На наш взгляд, взаимоотношения целительницы и пациентов в рамках иерархической структуры обладают некоторым сходством с отношениями внутри сект. Однако имеются существенные отличия. Как правило, религиозная секта возникает как оппозиционное течение по отношению официальным религиозным направлениям с характерными установками на исключительность своей роли и доктрины. В случае с целителями и их пациентами идея избранничества и изоляционизм являются следствием динамических изменений, происходящих в социальной среде, и не носит оппозиционного характера по отношению к православию и обществу.

Некоторые целительницы начинают действовать в режиме агрессивного менеджмента, например, при тяжелых заболеваниях настаивают: «только не к врачам, ко мне». В случае неэффективной деятельности (смерти пациентов) их отторгает сельское сообщество. Здесь также можно говорить о создании структурной формы взаимоотношений, но менее однородной и, соответственно, с более слабыми внутренними связями, что и приводит к последующему разрушению струк-

---

[90] Грошев И.В. Гендерные представления власти // Социс. 2000. № 12. С. 35.

туры. Это, прежде всего, характерно для деревень, жители которых не всегда воспринимают новые методы лечения, например, экстрасенсов.

Социальные функции ритуалистов нового толка заключаются в том, что их деятельность направлена на помощь членам общества при адаптации к условиям динамически изменяющейся социальной среды, в том числе – отрицательным; в переломные моменты развития общества люди испытывают потребность в дополнительных знаниях, в качестве которых могут выступать специализированные знания таких специалистов, обретающих именно в такие моменты особый социальный статус с присущими ему активными властными функциями.

Т.Л. Барандова

С.-Петербург, НИУ «Высшая школа экономики» в С.-Петербурге

(САМО)РЕФЛЕКСИИ О ПРИМЕНЕНИИ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА В ИЗУЧЕНИИ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РЕГИОНАХ РОССИИ

Выявление факторов влияющих на создание политико-правового института может производиться на основе анализа стадий процесса его создания – от зарождения идеи и формирования группы сторонников переноса на отечественную почву до избрания и деятельности Уполномоченного по правам человека (далее – УПЧ или Омбудсман), и их результатов. В частности, с акцентуацией внимания на потенциальное влияние на процесс становления института женского политического лидерства/участия и баланса гендерного представительства в органах, принимающих решения.

В докладе акцент делается на возможности анализа гендерного измерения становления и деятельности института, которые на протяжении последних лет предпринимаются автором через попытки изучения структуры возможностей для женского политического участия в рамках возникновения института, а также разработке инструментария и выработке подходов к первичному анализу степени его гендерной чувствительности.

В целом, характеристики института омбудсмана «поставторитарной» модели и набор акторов процесса внесения данной институцио-

нальной «инновации» исследованы А. Сунгуровым[91], который выявил внешних/внутренних акторов процесса становления института, таких как: 1) Индивидуальные промоторы (представители академического сообщества, политики, сами региональные омбудсманы); 2) Общественные организации; 3) Научные и университетские исследовательские центры; 4) Средства массовой информации; 5) Фонды и другие грантодающие организации; 6) Международные межгосударственные организации. Схожий «набор акторов» применим и для анализа посредников в продвижении новых институтов или практик, но и идей или знаний (формирования новых компетенций), который и рассматривается с акцентом на изучение их в вопросах продвижения (интегрирование) знаний по вопросам гендерного равенства в деятельность региональных УПЧ (т. е. формирования гендерной компетентности).

Степень влияния и уровень независимости института Омбудсмана в поставторитарных странах заключается в международной и общественной поддержке. Его особая роль состоит в том, что он находится между обществом и властью, являясь своеобразным «мостом», посредником. С одной стороны, это орган государства, но с другой и агент гражданского общества, призванный реагировать на нарушения прав человека со стороны государственных структур и чиновников, применять меры воздействия. Но уровень полномочий и ресурсов низок, что оставляет его в сфере не представляющей влиятельного актора политического процесса. В связи с этим, выдвигаются тезисы о том, что женщина на посту УПЧ (в т. ч. в качестве лидера на политическом поле) приемлется и со стороны органов власти и со стороны населения с большей степенью терпимости, именно как исполнительница «традиционной» для женского политического лидерства роли, к тому же в рамках института, остающегося на маргинальных позициях[92].

В 2008–2011 гг. отмечено повышение внимания к работе института как со стороны российской государственной власти, так и международных структур (в частности международного проекта равнонаправленного обмена опытом между Омбудсменами западной и восточной Ев-

---

[91] Сунгуров А.Ю. Институт Омбудсмана: эволюция традиций и современная практика. СПб., 2005.

[92] Т. е. проявляется «маргинализационная модель» женского политического лидерства.

ропы, инициированного Офисом Комиссара по правам человека Совета Европы). На этом этапе впервые, почти при полном охвате региональных офисов, среди аспектов анализа докладов (т. е. проблемных зон нарушений прав человека для потенциального отражения в докладах) появляется дискриминация (в т. ч. по принципу пола и гендера).

Завершивший этап **«двоевластной модели тандема»,** а также открывающийся с нового электорального цикла 2011–12 гг. процесс, который характеризуется тем, что российское государство становится ультра-консервативным (в частности по отношению к гендерному порядку), но общество вовлечено в процессы глобализации, приносящие новые дискурсы, а демонстрация населением крупных городов страны роста понимания необходимости следовать «демократическим правилам игры» как на международной арене, так и считаться с внутренними процессами протестов против «кризиса демократичности» и акторами, имеющими влияние во внутренней политике, в т. ч. в правовой сфере новыми протестующими на основе дискриминации по гендерной идентичности групп, подчеркивается особая важность следования идеологии прав человека и внедрения комплексного гендерного измерения в деятельность РУПЧ (что пока совсем не очевидно).

Права женщин – неотъемлемая часть прав человека. Вопросы дискриминации по признаку пола (вкл. «третье поколение прав человека») должны учитываться в работе института. Исследование показало, что гендерная составляющая в деятельности РУПЧ слаба, что проявляется в малочисленности специализированных Докладов по вопросам равенства мужчин и женщин и не всегда адекватной содержательной компоненте «гендерных» разделов в Ежегодных докладах (присутствуют лишь части подготовленные в русле демографической парадигмы и акцентирование на вопросы «защиты материнства и детства»). Это может расцениваться как показатель слабых представлений в среде государственных правозащитных структур о гендерной проблематике и инструментарии гендерного анализа нарушений прав человека. Тем не менее, можно отметить:

Во-первых, то, что тезис о повышенном шансе женщин стать УПЧ в регионах России с авторитарным политическим режимом не подтвердился, а женщина имела высокие шансы на занятие этой должности в регионах с более демократическим типом политического режима.

Во-вторых, не подтверждается и предположение о том, что пол лица на должности УПЧ имеет определяющее влияние на уровень ген-

дерной чувствительности института. Необходимо искать дополнительные факторы, например – уровень персональной компетентности УПЧ в вопросах современных преобразований и общемировых тенденций, вовлеченность в сетевые коммуникации и сотрудничество с женским движением на федеральном / региональном уровне, являющимся «гендерно компетентным» в институционально-паритетном варианте гендерной чувствительности.

В-третьих, данные опросов показали потребность со стороны УПЧ в развитии работы в данном направлении, что может служить стимулом для проведения дальнейших исследований, просветительско-образовательных проектов для сообщества УПЧ и/или подготовку экспертов-аналитиков для осуществления прикладного гендерного анализа (в т. ч. поступающих жалоб).

М.Ю. Милованова, Н.М.Великая

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

ЖЕНСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Общественный запрос «на перемены», стремительное демократическое взросление российского общества, дают основание рассматривать институты гражданского общества не только как условие социально-политических и экономических преобразований, но и как источник, главный социальный ресурс политической модернизации. Российское общество уже не устраивает этатистский, верхушечный и чисто технократический вариант модернизации. Определение **социального ресурса политической модернизации** является дискуссионным вопросом как для властных структур, так и для учёных-специалистов.

Мы исходим из того, что женские общественные объединения, всё чаще принимающие формы социально-ориентированных НКО И НПО, стали наиболее отзывчивыми, мобильными структурами, способными конструктивно решать социально значимые вопросы, как на уровне теоретических моделей, так и в ходе их практической реализации.

Государственной политика в отношении развития и поддержки третьего сектора и решения гендерных проблем в России не является однозначной. Тенденция к постепенному расширению представительства женщин во власти происходит крайне медленно. По уровню пред-

ставленности женщин в политике Россия занимает 84 место, находясь между Гвинея-Бисау и Камеруном, среди стран СНГ – 12, отставая от Узбекистана и Таджикистана. При таком состоянии дел проблематично рассчитывать на то, что будет достигнут критический барьер представительства 30%, позволяющий женщинам-депутатам реально влиять на процесс принятия решений. Процесс окончательной институционализации и идентификации, в т. ч. идейно-политической, женских объединений и организаций пока осложняется наличием разнородных факторов:

1) гендерная политика по-прежнему остается на периферии деятельности государства. Перестали существовать Комиссия по делам женщин при Президенте РФ, Правительстве РФ, перестала работать Комиссия в Совете Федерации, в Государственной Думе работает профильный комитет. В 2006 г. в очередной раз сделана попытка принятия Закона о равных правах, свободах и возможностях женщин и мужчин, но безрезультатно;

2) отношение властных институтов к женским организациям часто носит конъюнктурный характер, обусловленный их степенью поддержки в избирательных кампаниях;

3) отношения в сфере политики в целом находятся под влияние социальной и культурной инерции, что сопровождается маргинализацией женщин в политической и экономической сферах. Неравномерность в распределении ресурсов, которые мужчины и женщины могут инвестировать в политику;

4) в общественном сознании доминируют стереотипы «Женщины не голосуют за женщин», «Больше власти, меньше женщин», «К женщинам в политике предъявляются завышенные требования», «Женщина – важнейший социальный субъект, деятельность которого связана с поддержанием семьи, воспитанием детей и гармонизацией крайностей мужского начала в социуме». Эти стереотипы в равной мере распространены и среди мужчин, и среди женщин, что также затрудняет вхождение женщин в политическую сферу. При этом разные типы политической социализации затрудняют раннюю политическую карьеру женщин.

Анализ развития женских общественных объединений показал, что участвуя во всех сферах жизни российского общества, их основная деятельность направлена на: повышение женского влияния на процесс развития общества, помощь в решении крупных общественных, про-

светительских, экологических, социально-экономических проблем, стоящих перед обществом; раскрытие профессиональных и деловых качеств женщин, помощь в создании собственного дела, усиление роли женских неправительственных организаций в развитии малого и среднего бизнеса; борьбу с профессиональной дискриминацией на предприятиях, помощь в создании собственного дела, создание условий для общения и взаимной поддержки; оказание психологической помощи женщинам, попавшим в трудную жизненную ситуацию; отстаивание прав человека, пострадавшего от какого-либо насилия; защита интересов детей, оказание материальной помощи матерям одиночкам; оказание гуманитарной, благотворительной, просветительской помощи сотрудничество с международными организациями ООН, ЮНЕСКО.

Мы считаем, что повышение статуса женщины в обществе даёт возможность женским общественным объединениям вносить более существенный вклад в развитие страны.

Для перспективного, определяющего движения общества на пути прогрессивного демократического развития, результативной политической модернизации представляется необходимым: 1) учёт позитивного богатейшего опыта развития женского движения в нашей стране; 2) поддержка гражданских инициатив женских общественных объединений носящих традиционный институциональный характер. Например, подготовка и направление Ассоциацией женских общественных организаций «Консорциум женских неправительственных объединений» направившей 17 апреля 2012 г. Обращение к главе государства В.В. Путину; 3) развитие опыта «коллективных действий» и политического участия «прямого действия» женских общественных объединений. Например, движение «Голос женщин»; 4) признание роли женщин-лидеров общественных объединений в системном развитии благотворительности, а также смена их ориентиров с гендерных на семейные проблемы (вопросы о материнском капитале, детских пособиях, выплате алиментов), переключение женского гражданского участия на конкретные социальные задачи; 5) развитие политически ориентированных женских общественных объединений для участия в реальной политике в условиях изменений избирательного законодательства, законодательства о политических партиях; 6) освещение достижений женских организаций в средствах массовой информации для искоренения устоявшихся, устаревших стереотипов общественного сознания; 7) повышение интереса государства к потенциальным мобилиза-

ционным способностям женского движения, когда результатом консолидации действующих женских общественных объединений, как активного субъекта гражданского участия станет участие женщин-кандидатов на пост главы государства.

Г.Т. Уранхаева
Семей, Казахский гуманитарно-юридический инновационный унив.

ЖЕНЩИНА И ВЛАСТЬ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Обретение Казахстаном независимости и обширная общественно-политическая трансформация 1990-х гг. обусловили развитие политической активности общества в Казахстане с одной стороны и усиление на этом фоне гендерной ассиметрии – неравенства в социально-политических позициях женщин и мужчин с другой стороны.

Известно, что в обеспечении гендерного равенства особая роль принадлежит государству. Реализация принципов гендерного равенства на практике является неотъемлемым атрибутом государственной политики и особая функция органов государственной власти, прежде всего, исполнительных органов. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин обязала государства-участники обеспечивать женщинам на равных условиях с мужчинами право участвовать в формировании и осуществлении правительственной политики и занимать государственные посты, а также осуществлять все государственные функции на всех уровнях государственного управления (ст. 7).

В ходе проведения Пекинской конференции лишь 21 из 189 стран, взявших на себя обязательства улучшить положение женщин, уделили первостепенное внимание вопросу более активного участия женщин на всех уровнях процесса принятия политических решений. После Пекинского форума широкое обсуждение этой темы продолжилось на уровне правительств и неправительственных организаций, в результате чего возросло понимание необходимости систематических изменений, необходимых для обеспечения равного соотношения между мужчинами и женщинами. Однако до сих пор во многих странах мира, в том числе и в Казахстане, эта задача не решена.

В Казахстане с активизацией гендерной идеологии, создания концептуальной базы гендерной политики, привели к созданию новых институциональных форм, призванных содействовать решению гендерного вопроса в Республике Казахстан. Одним из первых элементов

институционального измерения национального механизма реализации политики по обеспечению гендерного равенства стал Совет по проблемам семьи, женщин и демографической политике при Президенте, созданный Указом Главы государства в марте 1995 г. 22 декабря 1998 г., с учетом важности вопроса и в целях сосредоточения усилий на реализации Пекинской платформы действий, Указом Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева Совет по проблемам семьи, женщин и демографической политике был реформирован в ключевой институциональный механизм по женским вопросам в Казахстане – Национальную комиссию по делам семьи и женщин при Президенте Республики Казахстан.

С 1998 г. продвижение женщин возведено в ранг одного из направлений государственной политики. Оно было тогда впервые обозначено в президентском Послании и окончательно оформилось в Стратегии гендерного равенства до 2016 г. Анализ действующего законодательства Казахстан по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин во всех сферах государственной и общественной жизни показывает, что с юридической точки зрения в Казахстане в принципе созданы условия для соблюдения гендерного баланса.

Тем не менее, несмотря на существование равенства «де-юре», распределение власти и ответственности между женщинами и мужчинами и их доступ к экономическим и социальным ресурсам «де-факто» остается неравным. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, к которой Казахстан присоединился в 1998 г., указывает, что для скорейшего вхождения женщин в политику следует использовать временные специальные меры, такие как позитивные действия, предпочтительное отношение или система квот.

Квоты это установленный уровень представительства женщин и мужчин при составлении списков кандидатов на выборах, а также их участия в органах законодательной и исполнительной власти. Квотирование рассматривается как временная мера для достижения гендерного баланса в обществе. Социальная практика показывает, что именно при 30% представительстве женщин в парламенте разрабатываются и принимаются гендерно-чувствительные законы.

В системе государственной службы женщины работают на должностях, не предполагающих принятия ответственных решений. Они составляют более 55% государственных служащих, но руководящие должности занимают менее 10% из них. В качестве кандидатов на вы-

борную должность в основном выдвигаются мужчины, а женщины используются в качестве агитаторов, наблюдателей, членов избирательных комиссий. Все это говорит о ярко выраженном «мужском» профиле власти. Возможно, причинами этого являются существующие традиционные представления относительно распределения гендерных ролей, неверие женщин в собственные силы, а также груз семейных обязанностей.

Полагаем, что гендерное равенство должно обеспечиваться не только при поступлении на государственную службу, но и при прохождении государственной службы и служебной карьере, что не менее важно. Все еще слабо осуществляется контроль за соблюдением работодателями антидискриминационных мер в трудовых отношениях. В процессе продвижения женщин на уровень принятия политических решений важную роль наряду с государственными национальными учреждениями играют институты гражданского общества.

Закрепление политического авторитета женских общественных организаций, достижение партнерства мужчин и женщин в политике во многом должно быть обусловлено инициативностью гражданского сектора и открытостью каналов политического продвижения, стратегии которого предполагают прохождение определенных этапов политической социализации.

Для вхождения женщин в политику необходимы условия для разрешения проблем ментальных, финансовых. Именно от решения данного вопроса, от того насколько ответственно и оперативно реагирует власть и общество на динамику изменений в сфере гендерных отношений, привлечения женщин на уровень принятия политических решений зависит качество и уровень жизни населения страны, доверие народа к власти и, в конечном счете, успех демократических преобразований в государстве.

Е.Л. Бадмацыренова
Улан-Удэ, Бурятский государственный университет

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ БУРЯТСКОЙ АССР В 1956–1991 ГОДАХ

В советский период всемерное развертывание общественно-политической деятельности всех трудящихся на всех уровнях власти, в том числе и женщин, считалось одним из условий развития зрелого социалистического общества. Включенность именно в общественно-политическую жизнь являлась важным компонентом жизнедеятельно-

сти советской женщины, принципиальным показателем социальной зрелости, одним из критериев всесторонности развития и целостности личности[93]. Важнейшими показателями которой выступали членство в КПСС и ВЛКСМ, участие в деятельности органов государственной власти и общественных организаций, прежде всего в профсоюзах. И, поскольку единственным институтом, представляющим население страны в целом, во всем мире признан парламент, то доля женщин в его составе, и в советский период, и в настоящее время рассматривается как значимый показатель вовлеченности женщин в общественно-политические процессы. Целью данной работы является выявление особенностей участия женщин в представительных органах Бурятской АССР в 1956–1991 гг.

Согласно основным законам государства деятельность представительных органов народовластия – Советов народных депутатов, составляла политическую основу советской республики, а широкое участие всех слоев населения должно было демонстрировать всему миру подлинную демократию.

Таблица 1. Женщины в составе депутатов Верховного Совета Бурятской АССР[94]

Год	Всего избрано депутатов	Число женщин-депутатов	% к общему числу депутатов
1959	111	30	27,1%
1963	122	41	33,6%
1967	127	42	33,1%
1971	137	44	32,2%
1975	150	50	33,3%
1985	170	60	35,3%

Из таблицы видно, что количество женщин-депутатов равнялось в среднем – 33%, что должно было свидетельствовать о всенародной поддержке государства, об успехах социалистического развития и национально-государственного строительства.

---

[93] Новикова Э.Е. Женщина в развитом социалистическом обществе. С. 75–76.
[94] Таблица составлена по материалам: НАРБ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 792. Л. 139; Оп. 6. Д. 969. Л. 121 и др.

Больший процент женщин был представлен на уровне республиканских местных властей.

Таблица 2. Женщины в составе местных Советов народных депутатов трудящихся Бурятской АССР[95]

Год	Всего избранно депутатов	Число женщин-депутатов	% к общему числу депутатов
1955	5665	1989	35,2%
1959	6756	2261	33,5%
1963	7272	2930	40,3%
1965	7734	3362	43,4%
1971	8222	3542	43,1%
1975	8550	3818	44,7%
1985	10045	5606	55,9%

Данные таблицы свидетельствуют, что число представительниц женского пола с каждым годом неизменно росло и составляло в среднем примерно 42,3%. Так, процент женщин от общего числа депутатов увеличился с 1955 г. по 1985 г. на 20,7%. Причем, рост происходил в основном за счет депутатов сельских и поселковых Советов.

В состав Верховного Совета СССР, в Совет национальностей от республики, на протяжении 50–80-х гг. XX в. традиционно избиралось примерно 36,6% женщин. Так, в 1958 г. среди одиннадцати избранных депутатов было четыре женщины, в 1966 г. – три[96]. В Верховный Совет РСФСР избиралось примерно 40% женщин[97].

В целом, по республике, как и по всей стране, наблюдался рост числа женщин на всех уровнях представительных органов власти. Однако, выборы в законодательные органы проходили по строгой разнарядке или квоте со стороны партийных органов. Так, в инструкции ЦК КПСС были установлены следующие нормы представительства женщин от Бурятской АССР: в Верховный Совет РСФСР – 30–35%; в Верховный Совет Бурятской АССР – 25–30%; в аймачные и районные

---

[95] Таблица составлена по материалам: НАРБ. Ф. 475. Оп. 6. Д. 730. Л. 91; Д. 792. Л. 136; Д. 969. Л. 122–126; Д. 1115. Л. 120; Д. 1352. Л. 96 и др.

[96] НАРБ. Ф. 475. Оп. 6. Д. 549. Л. 12; Д. 941. Л. 59; Д. 1124. Л. 54.

[97] НАРБ. Ф. 475. Оп. 6. Д. 739. Л. 91; Оп. 1. Д. 1150. Л. 164 и др.

райсоветы – 30–35%; в городские и райгорсоветы – 35–40%; в сельские и поселковые советы – 30–40%[98].

Фиксировалось не только количество избираемых женщин в парламент, но и строго соблюдался национальный и социальный состав депутаток. Во всех созывах Верховного Совета БурАССР национальный состав состоял в равных частях из двух крупных национальностей, проживающих на территории республики – бурят и русских. Социальный состав депутаток был представлен работницами промышленных предприятий – 40%, колхозов и совхозов – 40%, служащих – 20%. Чем выше был уровень власти, чем строже соблюдалась разнарядка. Как резюмировала О.А. Хасбулатова, «за счет включения женщин в списки народных депутатов одновременно решались проблемы репрезентации для рабочих и колхозников»[99].

Несмотря на присутствие большого количества женщин в законодательных органах власти, на руководящих должностях их процент был достаточно низким. Так, среди всех председателей Верховного Совета БМАССР и БурАССР на протяжении всей его работы представительниц женского пола не было. По мнению Е.В. Кочкиной, гендерные распределения в советских законодательных органах власти на всех уровнях выглядят в «форме неправильно собранной пирамиды» – где больше власти, там меньше женщин[100].

Решение Съезда народных депутатов СССР в 1989 г. отказаться от политики квотирования, привело к кардинальным изменениям в представительстве женщин. Когда парламент приобрел реальные властные полномочия, и выборы начали проводиться не на прежней безальтернативной основе, а в условиях жесткой конкурентной борьбы, это представительство сократилось в несколько раз. Так, в результате выборов 1990 г. в состав Верховного Совета Бурятской АССР прошло всего 17 женщин, что составило 10% от общего количества всех депутатов[101].

---

[98] НАРБ. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 6504. Л. 11.

[99] Хасбулатова О.А. Российская государственная политика в отношении женщин (1900 – 2000) // Теория и методология гендерных исследований. М., 1989. С. 194–196.

[100] Кочкина Е.В. Женщины в российских органах власти // ОНиС. 1991. № 1. С. 173 – 183.

[101] «Правда Бурятии» от 10 марта, 23 марта, 5 мая 1990 г.

Таким образом, протекционистская политика советского государства в отношении женщин хоть и включала в себя их символическое продвижение в органы власти, но не была результатом истинного политического участия. Женщины стали наиболее многочисленной группой взрослого трудоспособного населения страны и привлечение их к активной общественной деятельности было не только неизбежным, но и насущно необходимым. Однако единственной общественно-значимой ролью женщины признавалась по-прежнему роль матери, эта же природная способность женщин к деторождению являлась препятствием профессионального роста и ограничивала выбор профессий. Отсутствие фактического равноправия мужчин и женщин на высших государственных должностях в изучаемый период можно определить как доминирование мужской парадигмы в понимании роли и места женщины в обществе.

Е.А. Шаверина
С.-Петербург, СПбГУ

ОППОЗИЦИЯ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ XX – XXI ВВ.

В настоящее время Россия находится на этапе создания демократического общества, поэтому актуальным является обеспечение перехода к устойчивому социальному развитию. Фиксирование внимания на российской социально-политической ситуации связано с самореализацией личности, как женщин, так и мужчин, заключающейся, в осуществлении себя как индивидуальности и в раскрытии своих способностей. Самореализация личности в современной России зависит не только от внутренних стимулов, но и от внешних условий. Политическая культура страны является центральным и базовым фактором влияния на политическое участие женщин, поскольку это фактор формирует политическое сознание населения, а кроме того оказывает воздействие на другие аспекты общественно-политической жизни. Следует заметить, что такого рода фактор наименее податлив по отношению к переменам, поскольку его составляющие – ценности, нормы, стереотипы и установки – формируются на протяжении длительного периода у нескольких поколений и вызывают диссонанс при попытке их радикального изменения.

В Российской Федерации существуют объективно сложившиеся условия, которые предопределили дифференциацию полового состава участников политического пространства – это исторические и экономические. Одним из факторов, затрудняющих процесс демократизации общества, является наличие у большинства российских граждан традиционных патриархальных стереотипов о месте и роли женщины в обществе.

С начала 90-х гг. в России начались политические и экономические преобразования, связанные с изменением форм собственности, переходом от советской, командно-административной системы общественного устройства к правовому, демократическому государству. Реформы того времени изменили позиции российских женщин в обществе, причем как в позитивном, так и в негативном аспектах. В России начиная с 1991 г. происходит постоянное снижения численности женщин в органах законодательной и исполнительной власти РФ, а также среди глав администраций субъектов Российской Федерации и крупных городов.

На сегодняшний день партийная система в России все еще находится в процессе формирования и сильно фрагментирована. Несмотря на формальное равенство прав мужчин и женщин, закрепленное в Конституции Российской Федерации, представительство женщин в структуре власти России ниже, чем представительство мужчин. Для того, чтобы продемонстрировать гендерную асимметрию в органах государственной власти России, нами был проведен статистический анализ всех созывов Государственной Думы с 1993 по 2012 г. На официальном сайте Государственной Думы Российской Федерации (www.duma.ru) предоставлена полная информация о депутатах. Статистические данные, полученные при анализе созывов следующие – присутствие женщин-депутатов в нижней палате Федерального Собрания демонстрирует отрицательную динамику. В составе первого созыва женщин было 13% (1993 г.), второго созыва (1995 г.) – 10%, третьего (1999 г.) – 7%, четвертого (2003) – 9%, пятого (2007 г.) – 15%, шестого (2012) – 13%. Такие показатели свидетельствуют о диспропорции женского и мужского представительства на протяжении 19 лет, с учетом смены трех Президентов России: Б.Н. Ельцина, В.В. Путина и Д.А. Медведева.

Таким образом, несмотря на формальное равенство прав мужчин и женщин, закрепленное в Конституции Российской Федерации, представительство женщин в структуре власти России ниже, чем представительство мужчин. Результаты этого исследования показали, что ген-

дерная структура нынешней Государственной Думы свидетельствует о четком «мужском» профиле российской законодательной власти – она разбалансирована, не способна учитывать ни политических и социальных интересов российских женщин, ни их особого социального опыта. Кроме того, следует отметить, что современная российская культура несет фундаментальные черты консерватизма.

М.В. Штылева
Мурманск, Ивановский государственный университет

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Мы рассмотрим политико-правовой контекст в исторической ретроспективе развития гендерной политики в Европейском Союзе. Опираясь на документы ЕС, литературу и феминистскую критику, мы выделили в развитии политики гендерного равенства ЕС четыре этапа в период с 1950 по 2009 гг., которые совпадают с периодами и процессами европейской интеграции**.**

Первый этап 1950–60-е гг. характеризуется созданием Европейского Сообщества, формированием его институтов, формированием гражданских прав и свобод и развитием женского движения «второй волны».

Считается, что впервые принцип равноправия был введен статьей 119 Римского Договора, определившей принцип равной оплаты за равный труд мужчин и женщин[102]. Равная оплата без дискриминации по признакам пола означала, что оплата за равный сдельный труд рассчитывается на базе одной и той же единицы измерения и что при повременной оплате труда устанавливается то же самое вознаграждение за ту же самую работу.

В данный период на формирование политики равенства повлияли появление в 1949 г. такой организации как Совет Европы, являющийся международным форумом по правам человека. Советом Европы был разработан и принят основополагающий документ о защите прав человека Европейского Союза «Европейская конвенция о защите прав человека и

[102] The Treaty of Rome. 1957. 25 March.

основных свобод» (1950 г.), которая признана обязательным для исполнения во всех странах и институтах Европейского Союза[103].

Рост доли женщин в сфере занятости сопровождается появлением и развитием женского движения «второй волны», которая приходится на 60–80-х гг. XX в. в США и Европейских странах.

Второй этап приходится на **1970–80-е гг**. Он характерен тем, что принцип равной оплаты труда женщин и мужчин находит свое развитие в развивающемся законодательстве Европейского Экономического Сообщества[104]. В связи с этим в данный период был принят ряд законов – Директив ЕЭС. Однако принятые Директивы легализовали на государственном уровне принцип равноправия лишь в узком направлении: сфере занятости и отчасти в социальной политике.

На контекст, происходящих перемен в западноевропейском обществе, продолжает играть роль женское движение. Оно в 70-е гг. продолжало развиваться, привнося в политическую повестку дня вопросы о правах женщин, в частности право женщин иметь контроль над собственным телом и право получения качественных медицинских услуг, в частности право выбора противозачаточных средств и легальных абортов.

На **третьем этапе в 1990-е гг.** происходит основание Европейского Союза и развитие его законодательства и институтов, и в связи с этим формирование механизмов по обеспечению гендерного равенства.

В 1992 г. Маастрихдский договор провозгласил создание Европейского Союза, который в соответствии со ст. 6. основан на принципах свободы, демократии, уважения прав человека и основных свобод[105]. ЕС развивает линию поддержки гендерного равенства, приняв ряд Директив, которые направлены на социальную поддержку работающих родителей. Таким образом, ЕС на законодательном уровне развивает защитные меры от дискриминации женщин на рынке труда и предпринимает попытку урегулирования занятости и семейной жизни, что спо-

---

[103] Конвенция о защите прав человека и основных свобод.

[104] Arribas G.V., Carrasco L. Gender Equality and the EU, Eipascope 2003/1, p. 22. URL: http://www.eipa.nl

[105] The Maastricht treaty. provisions amending the treaty establishing the European economic community with a view to establishing the European community. 7 February 1992.

собствует изменению гендерной повестки дня и постепенному изменению моделей поведения и сознания людей.

Амстердамский Договор признает равноправие женщин и мужчин как основной принцип права Европейского Сообщества. Статьи 2 и 3 демонстрируют желание Европейского Союза устранить неравенство между женщинами и мужчинами и внедрить принцип гендерного равноправия во все сферы жизнедеятельности Европейского Сообщества.

Статья 13 прописывает полномочия Совета ЕС для борьбы с дискриминацией, осуществляемой по признакам пола, расового или этнического происхождения, религии или убеждений, недееспособности, возраста и сексуальной ориентации[106].

Совет Европы со своей стороны также активно поддержал идею развития гендерного равенства и методы реализации гендерной интеграции (gender mainstreaming) в Стамбуле 1997 г. на 4-й Европейской конференции министров по вопросам равенства между женщинами и мужчинами. Министры рекомендовали Комитету министров «применять комплексный подход к проблеме равенства во всех органах и видах деятельности Совета Европы»[107].

Выработанные рекомендации нашли свое применение в решении Комитета министров в 1998 г. о применении «Комплексного подхода в вопросе достижения гендерного равенства». Комплексный подход повлек за собой расширение арены действий гендерного равноправия. Данный подход в политике был встречен положительно женским движением, феминисткими критиками.

Четвертый этап (2000–2010 гг.) – заключительный этап европейской интеграции и закрепление принципа гендерного равенства в основных законах Европейского Союза.

В декабре 2007 г. на очередном этапе интеграции ЕС был подписан Лиссабонский договор, который больше ориентирован на развитие демократии и защиту прав человека, чем предыдущие версии Учредительного Договора. Лиссабонский договор гарантирует обеспечение защиты прав человека в соответствии с Хартией ЕС по правам человека.

---

[106] Treaty of Amsterdam. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities. 1997.

[107] Декларация о равенстве между женщинами и мужчинами как основном критерии демократии. URL: http://www.owl.ru/library/026t.htm

Содержание гендерной политики ЕС было определено Европейской Комиссией в «Дорожной карте для достижения равенства между женщинами и мужчинами 2006–2010»[108]. В целом, формирование гендерной политики Европейского Союза происходило в рамках процесса развития европейской интеграции. В результате сформированы определенные принципы, стандарты и механизмы на законодательном и исполнительном уровнях власти ЕС. С принятием комплексного гендерного подхода женское движение имеет больше возможностей влиять на политическую повестку дня ЕС, расставляя необходимые акценты в принимаемых документах и решениях.

РАЗДЕЛ 3.
ПЕРЕЖИВАНИЕ И ОСМЫСЛЕНИЕ ЖЕНЩИНАМИ И МУЖЧИНАМИ ПЕРЕМЕН В ИСТОРИИ

Г. Шепелев
Университет Париж-8

ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ: КОНФЛИКТ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ. СОБЫТИЯ НА ВЕРХНЕЙ ВОЛГЕ И ШЕКСНЕ, 1071 ГОД

События на Верхней Волге и Шексне, о которых рассказывает под 1071 г. «Повесть временных лет», давно привлекают к себе внимание медиевистов: речь идет об описании масштабного социального движения и происходящего в ходе него столкновения двух религиозных систем – языческой и христианской, двух идеологий – централизаторской и местной традиционной. Оно происходит в момент серьезных социально-политических и культурных изменений в Киевской Руси, связанных со становлением его феодальной структуры, кодификацией права, укреплением центральной власти и христианизацией. В контексте гендерной проблематики события 1071 г. представляют особый интерес: их отправной точкой является конфликт, противопоставивший две группы, разделенные по половому признаку – женщин («лучшие жены») и мужчин (волхвы и их сторонники, в том числе, вероятно, и родственники «лучших жен»).

---

[108] Road Map for Equality Between Women and Men.

Наше сообщение основано на микроанализе рассказа летописи и его сопоставлении с другими историческими и этнографическими источниками, что позволяет заново рассмотреть существующие интерпретации событий на Верхней Волге и Шексне 1071 г. (антифеодальное восстание, проявление языческой реакции, милленаристское движение, «охота на ведьм», ритуал сбора продуктов для общинного праздника и т.д.). В результате мы приходим к заключению о значимости «этнографической» составляющей событий и об отражении в рассказе летописи верований и ритуалов, связанных с женщиной и плодородием, находящих параллели в других источниках и более поздних этнографических материалах; гендерные аспекты события, до сих пор редко учитываемые историками, являются ключевыми для его корректной интерпретации.

Рассказ о событиях 1071 г. позволяет нам выявить некоторые важные аспекты мировоззрения его участников, христиан и полуязычников. Две мужские социальные и политические силы и идеологии – местная, традиционалистская и языческая (волхвы и их сторонники) и Ян со своими воинами, представляющие власть князя, метрополию и новую религию – христианство, вступают в диспут. Словесный и акциональный, он демонстрирует целый комплекс противоречий между ними – политических и религиозных, в том числе и касающихся отношения к женщине, ее месту и функциям в традиционной системе верований. Мы попытаемся понять, как видят «лучших жен» их противники, в частности, чем обоснован их выбор в качестве жертв волхвами; какие архаические представления о женщине, ее теле и его связи с плодородием стоят за ритуалом, который совершают волхвы – представления, по-видимому, разделяемые и общиной, по крайней мере, ее мужской частью. Мы рассмотрим также вопрос о периодичности или окказиональности действий волхвов: летописец отражает событие как исключительное, но, по всей вероятности, конфликт, противопоставивший группу «лучших жен» волхвам, сумевшим мобилизовать на свою сторону значительную часть сельского населения региона, имел традиционные корни и форму. Столкновение взглядов христиан и полуязычников, возможно, отмечает (создает?) разрыв в ритуальной традиции в отношении женщин: если сходные по структуре и содержанию конфликты будут возникать в моменты неурожаев достаточно регулярно вплоть до XX в., то конкретный ритуал, который мы наблюдаем в рассказе «Повести временных лет», больше ни разу в источниках не упоминается.

Рассказ летописи позволяет также сделать заключения о социальном и религиозном статусе женщины и мужчины в общине, об особенностях их включенности в социальные и властные структуры; о внутрисемейной солидарности и ее границах в случае столкновения с нормами общинной идеологии и авторитетом традиционных религиозных лидеров. Интересно и подчеркнутое летописцем различие в позициях деревенского и городского населения (жители Белоозера занимают менее благоприятную позицию в отношении акций волхвов, направленных против «лучших жен»), которое может объясняться как более прочным проникновением христианства в городскую среду, так и социально-экономическими факторами и более прочными связями с метрополией.

Позиции христиан и полуязычников в конфликте последовательно противопоставлены летописцем. Однако мы видим в них и некоторые сходства – так, например, обе стороны согласны с пассивным статусом «лучших жен» в конфликте и с тем, что женщины исключены из процедуры его разрешения; представление о сверхъестественной опасности женщины, которое эксплуатируют и защищают волхвы, не чуждо и христианам (в том числе летописцу). В этом контексте факт того, что под влиянием Яна Вышатича диспут быстро теряет свою «гендерную специфику», превращаясь в более глобальный спор о соотношении сил Бога и Сатаны/Антихриста в мире, может быть прочитан и как уловка, позволяющая уйти с опасного поля для дискуссии, где языческие по происхождению представления об опасности женщины трудны для опровержения. Наконец, необходимо и детальное рассмотрение «третьего» взгляда на конфликт и на представления о женщине в его контексте – он принадлежит еще одному мужчине – монаху-летописцу, отделенному от события несколькими годами времени. Анализ того, как под его пером историческое событие обретает назидательные черты, позволяет сделать предположения о том, как рассказ летописи мог способствовать установлению в древнерусском обществе новых норм поведения в отношении женщин.

С.А. Пархоменко
Новозыбков, Брянский государственный университет

ПЕРЕЖИВАНИЕ И ОСМЫСЛЕНИЕ ЖЕНЩИНАМИ-ДВОРЯНКАМИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ 1810–1850-Х ГОДОВ И БЫТОВЫХ ЛИШЕНИЙ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (НА ПРИМЕРЕ М.А. ВОЛКОВОЙ, Н.И. ГОЛИЦЫНОЙ И А.Ф. ТЮТЧЕВОЙ)

1810-е – 1850-е гг. XIX в. выдались для Российской империи необыкновенно сложными: войны, восстания, реформы. Каким же образом женщины оценивали политические события, какое отражение эти события находили в их частной жизни? Ответить на эти вопросы помогают письма, воспоминания, дневники. В рассматриваемый период выделяются письма М.А. Волковой, воспоминания Н.И. Голицыной, дневники А.Ф. Тютчевой. Все эти женщины – представительницы высшего дворянского общества, две из них (Волкова и Тютчева) являлись также фрейлинами.

Первые письма Волковой за 1812 г. родственнице Ланской дышат беззаботностью. Ситуация меняется с приходом на русскую землю французской армии. События 1812 г. взбудоражили все российское общество и заставили по-новому взглянуть на будущее государства. «Безграничная покорность воле Господней, совершенное, слепое подчинение Его неисповедимым приговорам – единственные чувства, могущие успокоить нас в такое время, когда страх весьма основателен»[109], – пишет М.А. Волкова.

Живо и красочно описывает Мария Александровна Москву, которую покинуло спокойствие с началом войны: «В Москве не остается ни одного мужчины: старые и молодые все поступают на службу. Везде видно движение, приготовления. Видя все это, приходишь в ужас. Сколько трауров, слез!»[110]. Волкова ратует за то, чтобы подобные события служили для человечества уроком.

С истинным волнением и неподдельным сочувствием пишет Волкова и о крестьянах: «<…>такое множество несчастных отрывается от

---

[109] Волкова М.А. Письмо Ланской В.А. от 24 июня 1812 г. URL: http://www.museum.ru/1812/library/Letters/index.html (15.04.2012)
[110] Там же от 22 июля 1812 г.
URL: http://www.museum.ru/1812/library/Letters/index.html (15.04.2012)

сохи. Мужики не ропщут; напротив, говорят, что они все охотно пойдут на врагов и что во время такой опасности всех их следовало бы брать в солдаты. Но бабы в отчаянии, страшно стонут и вопят <…>»[111]. Тревожится Мария Александровна и за прислугу, которая осталась в Москве, чтобы сберечь хотя бы что-то из вещей. В Наполеоне Волкова видит великого грешника, антихриста: «Наполеон, иначе сатана, начал с того, что сжег дома с их службами, а лошадей поставил в церкви <…> несмотря на отвращение, которое я чувствую к нему, мне становится страшно за него ввиду совершаемых им святотатств»[112].

Как истинный патриот, Мария Александровна скрупулезно рассказывает подруге о сражениях, о пленных французах, о дальнейших планах русской армии и о своих надеждах и надеждах всего народа: «Сколько причин надеяться, что Господь сжалился над нашими страданиями и что мы будем иметь счастие отомстить за гибель милой столицы <…>»[113].

Война 1812 г. способствует формированию у Волковой стойких гуманистических и патриотических чувств. События настолько трогают молодую девушку, что у нее возникают мысли уйти в монастырь[114]. Мария Александровна как истинная христианка пишет: «Я не хочу ненавидеть их <врагов>, прошу Бога простить им их злодейства»[115].

Воспоминания княгини Надежды Ивановны Голицыной посвящены восстанию 1830–1831 гг. в Польше. Она превозносит великого князя Константина Павловича и осуждает неблагодарных ему поляков. Голицына смотрит на события в Польше субъективно, не взвешивая и не учитывая интересы поляков: «Мятежники <…> собирались вести переговоры со своим Царем, могущественным Самодержцем, могшим их уничтожить! Глупость, неразлучная спутница надменных поляков, и на

---

[111] Там же от 5 августа 1812 г.
URL: http://www.museum.ru/1812/library/Letters/index.html (15.04.2012)
[112] Там же от 30 сентября 1812 г.
URL: http://www.museum.ru/1812/library/Letters/index.html (15.04.2012)
[113] Там же от 25 ноября 1812 г.
URL: http://www.museum.ru/1812/library/Letters/index.html (15.04.2012)
[114] Там же от 2 декабря 1812 г.
URL: http://www.museum.ru/1812/library/Letters/index.html (15.04.2012)
[115] Там же от 17 декабря 1812 г.
URL: http://www.museum.ru/1812/library/Letters/index.html (15.04.2012)

сей раз влекла эту неблагодарную и буйную нацию к печальной развязке». В глазах Надежды Голицыной Царство Польское выглядело слабым и беспомощным государством, которое всегда стремилось подражать великим державам и всегда оказывалось обманутым и брошенным этими же державами.

Анна Тютчева длительное время жила при дворе. Значительную часть ее дневниковых записей занимают события Крымской войны. Тютчева подробно рассуждает о политических тонкостях, о возможных планах противника. Каждое поражение русских войск находит горячий отклик в душе мемуаристки. Например, 24 сентября Тютчева пишет: «Моя душа полна отчаяния. Севастополь захвачен врасплох! Севастополь в опасности!»[116].

Мемуаристка возлагает поначалу большие надежды на наследника престола Александра Николаевича, который сразу после восшествия на престол проявляет необычайные твердость и энергию, которые от него не ожидали: «Поистине Божие благословение – послать в суровую годину испытаний императора Александра Николаевича с его нежной и ангельски милосердной душой»[117]. Подписание унизительного для России Парижского мира становится сильным ударом для Тютчевой. Она разочаровывается и в императоре, и в императрице, которые позволили так опозорить государство.

С бытовой точки зрения наиболее неприспособленной к тягостям оказалась княгиня Голицына. Значительное место в ее воспоминаниях занимает описание жизненных лишений. Несмотря на то, что Волкова также сталкивается с трудностями военного положения, уезжая из роскошного московского дома, ее больше беспокоит судьба народа и государства. Судить об Анне Тютчевой с этой позиции нет оснований, так как за военными действиями она следила со стороны, а не находилась в их непосредственном эпицентре.

Все три женщины внимательно наблюдали за политическими перипетиями, анализировали и давали оценку событиям, делали собственные прогнозы относительно развития ситуации.

---

[116] Тютчева А.Ф. Воспоминания. При дворе двух императоров / сост., вступ. ст., пер. с фр. Л. Гладковой. М., 2008. С. 175.
[117] Там же. С. 296.

Е. В. Блинова
Ярославль, Ярославский гос. университет им. П.Г. Демидова

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В БРИТАНИИ ПРОТИВ АФРИКАНСКОГО РАБСТВА В XIX ВЕКЕ

На протяжении XIX в. аболиционисты пытались претворить в жизнь условия «Акта об отмене рабства в Британии», принятого в 1807 г. В Англии рабство практически было упразднено, но в колониях оно продолжало развиваться, а работорговля процветала. В числе борцов за свободу африканцев оказались представлены практически все слои населения империи. Проблема независимости чернокожих объединила и мужчин, и женщин. В рамках данного доклада предполагается рассмотреть пример женского движения.

Первое, что предприняли представительницы слабого пола – создание общественных организаций, в которых могли бы объединиться только женщины. Первое общество было образованно в Бирмингеме, в 1825 г., а к 1833 г. по всей территории Англии насчитывалось 72 организации. Деятельность обществ занималась сбором подписей за отмену рабства в Британских колониях. В 1833 г. в Парламент Британии была направлена петиция: из 1,3 миллионов представленных в ней подписей – четверть принадлежала женским организациям[118]. Одно из обществ – «Бирмингемские леди» несколько раз, в 1849 г. и 1851 г. направляли Королеве Виктории (1819–1901 гг.) петиции, где просили использовать в производстве и продаже продукты, выращенные «свободными руками». Королева не побеспокоилась ответить[119].

Тактика женщин заключалась в том, чтобы убедить потребителя не приобретать товары, выращенные рабским трудом. Прежде всего, таким товаром был сахар и хлопок. Представительницы антирабовладельческих организаций проводили персональные беседы с домохозяйками – стучали в двери домов и просили их не использовать такие товары, а так же не поддаваться на уловки продавцов, когда те устраивали распродажи.

---

[118] Sherwood M. After abolition / Britain and the slave Trade since 1807. L., 2007. P. 146.

[119] Sherwood M. Op. cit. P. 147.

Богатые и зажиточные англичанки, которым была не безразлична судьба рабов, были вовлечены в аболиционистское движение. Они оказывали материальную поддержку малоимущим африканским семьям. Особенно их помощь оказалась весьма своевременна во время так называемого «хлопкового голодания» вследствие Гражданской войны в США (1861–1865 гг.).

В целях привлечения большего внимания к проблеме женского африканского рабства осуществлялись публикации жизнеописаний черных рабынь. Первоначально это были отдельные истории, но к концу XIX – началу XX в. появились труды более обобщенного характера, где одна судьба являлась воплощением многих, подобных ей жизненных ситуаций. В определении эволюции положения африканских женщин все чаще употребляется термин: «herstory» («ее история»; «женская история»). Это некая производная от «history», которая означает не просто «история африканцев» или «история африканских женщин в общем», а частный случай, «история одной», конкретной женщины, в контексте истории многих[120].

К концу XIX в. идеи африканского движения выливаются в Панафриканизм (первая панафриканская конференция состоялась в Лондоне 23–25 июля 1900 г.). Женское движение приобрело новый статус – теперь это не только выступления против рабства, но и борьба за равноправие полов. В основу женского вопроса легли брачные и партнерские связи темнокожей женщины, как с черными, так и белыми мужчинами, семейные отношения, а также образование, трудоустройство, религиозность черной женщины и соответствующее восприятие ее в обществе. Все эти проблемы оформилась к середине XX в. в феминистскую теорию, ядро которой составили такие категории, как: «семья», «патриархат» и «воспроизведение»[121].

Видными деятелями в борьбе за равноправие африканцев являлись супруги Эми Эшвуд (1897–1969) и Маркус Гарви (1887–1940). Они отстаивали идеи пан-африканизма, занимались проблемами африканцев, как на черном континенте, так и в США, Великобритании, на

---

120 Hazel V. Carby. White woman listen! Black feminism and the boundaries of sisterhood / Black British cultural studies: a reader / ed. H.A. Baker, Jr.M. Diawara, and R.H. Lindeborg. L., 1996. P. 61–62.

121 Hazel V. Carby. Op. cit. P. 63.

Ямайке. Маркус Гарви создатель «Всемирной ассоциации по улучшению положения негров и сообщества африканских языков» (UNIA-ACL, 1914). Клавдия Джонес (1915–1964) журналист, работала в Нью-Йорке и Лондоне. Выступала за расширение прав африканцев[122]. Бучи Эмечета – одна из величайших представительниц за равноправие черного и белого населения. Она родилась в Логосе в семье игбо (1944), в шестнадцать лет вышла замуж и в 1962 г. уехала к мужу в Лондон, где окончила Лондонский университет. Свои идеи Эмечета изложила в литературных трудах: автобиографической повести «На плаву» («Head above water»)[123], «Гражданин второго сорта» («Second-Class Citizen»)[124] и др.

Если в XIX столетии женское движение было направлено прежде всего на полную и бесповоротную отмену рабства и использования рабского труда, то с началом XX в. ситуация изменилась, и их целью стала борьба за равноправие черных и белых, женщины и мужчины.

Г.И. Любина
Москва, Институт истории естествознания и техники РАН

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ЖЕНСКОГО ИНТЕЛЛЕКТА. СПОР МЕЖДУ О. КОНТОМ И ДЖ. С. МИЛЛЕМ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ (1860–1870 ГОДОВ)

Развитие индустриального общества вывело женщин на арену широкой общественной деятельности. Идейные споры вокруг проблемы женского равноправия разбивали предубеждение о якобы неполноценности женской природы, способствовали обоснованию женских притязаний на равное с мужчинами участие в публичной жизни. Позитивисты, всегда живо интересовавшиеся социальными проблемами, внесли в обсуждение этого вопроса свой весомый вклад.

Сам «отец позитивизма» О. Конт относился к женской эмансипации отрицательно. В этом он разошелся с мнением другого столпа позити-

---

122 Adi H., Sherwood M. Pan-African history. Political figures from Africa and the Diaspora since 1787. L., 2003. P. 69–105.

123 Emecheta B. Head Above Water. L., 1986.

124 Emecheta B. Second-Class Citizen. L., 1974.

визма английского философа Дж.Ст. Милля. Эти мыслители близко сходились на философской почве, но по отношению к женскому равноправию они были непримиримыми противниками. Ссылаясь на показания биологии, Конт приводит тезис о физическом превосходстве мужчины над женщиной, что свойственно всем представителям животного царства вплоть до беспозвоночных. Женщина, по Конту, не выдерживает конкуренции с мужчиной. Участие в соревновании с неравными средствами и поражение в нем принесет ей страдание и причинит большой урон семье и обществу, т.к. лишит подрастающее поколение должного воспитания.

Милль рассматривал проблему женского неравенства с разных сторон. Остановимся лишь на тех его доводах, которые касаются образования женщины, ее интеллекта и умственных занятий. Никакие свидетельства современной науки, утверждал Милль, не доказывают физического и психического неравенства женщины по сравнению с мужчиной: то, что называется «женской природой», – не что иное, как порождение воспитания и принудительного стеснения в некоторых правах.

Милль был убежден, что женская конкуренция на рынках труда принесет огромную пользу обществу. Для этого следует лишь предоставить свободу выбора. Милль полагал, что быстрота женского мышления, связанная с подвижностью нервной системы, незаменима там, где успех зависит от быстроты решения. Он отмечал также гибкость ума женщины, ее способность быстро переходить от одного предмета к другому, не прерывая при этом мыслительного процесса, как это часто бывает у мужчины. Общие выводы Милля относительно женских способностей оптимистичны: женщины не хуже мужчин справились бы с любой работой, если бы воспитание и образование исправляли, а не усиливали недостатки их темперамента.

Причины напряженного внимания русской общественного мнения к женскому вопросу широко обсуждены в отечественной литературе сравнительно недавнего времени. В обстановке лихорадочных поисков возможных путей социального обновления позитивистская идея эволюционного развития, несущего с собой структурные преобразования, пала в России на благодатную почву.

Сторонников женского равноправия в России, согласно определению Писарева, можно отнести к «прогрессистам», противников – к кон-

серваторам[125]. Оставим в стороне рассмотрение точки зрения вторых, поскольку не они задавали тон в тогдашних дискуссиях по женскому вопросу. Гораздо интереснее посмотреть, какая разноголосица мнений существовала среди прогрессистов.

Дискуссия вокруг женского вопроса развернулась с новой силой после появления перевода Н. Михайловского, пропагандиста контовской философии в России[126]. Михайловский полностью солидаризировался с Миллем во взгляде на «женский вопрос», признавая, что в пользу английского философа свидетельствуют все доводы современного естествознания и социальной практики.

Среди последователей философии Конта в России не оставалось никого, кто бы усомнился в способности и праве женщины участвовать в общественном труде. Но оставался открытым вопрос о мере этого участия, сфере приложения женских сил, о последствиях этого явления для прогресса общества. Эти проблемы стали стержнем полемики по «женскому вопросу».

А.С. Гиероглифов в «Общественном призвании женщины» сходится с программой Конта лишь в признании изначально неравного положения женщины. Он безусловный поборник гражданского и семейного равенства женщины, ее участия в общественном разделении труда, единственно способном обеспечить ее независимость. Но сфера применения ее способностей невелика: воспитание и обучение детей, домашняя администрация и учет, общественная работа, литература и искусство. В области интеллектуального знания женщина выступает как его потребитель, а не производитель.

Врач и литературный критик Н.И. Соловьев исходил из того что, естественная природа мужчины и женщины настолько различна, что не может быть никакого сравнения их социальной роли[127]. Для женщины естественно принимать роды, лечить себе подобных и детей. Получаемое ею знание должно лежать в области этих полезных занятий, ограниченных акушерством, детскими и женскими болезнями. В ос-

---

[125] Писарев Д.И. Мысли Вирхова о воспитании женщин // Русское слово. СПб., 1865. № 4. С. 4.

[126] Милль Дж.Ст. Подчиненность женщины / пер. с англ. СПб., 1869.

[127] Соловьев Н.И. Милль, Конт и Бокль о женском вопросе. М., 1870. С. 10.

тальном ей подойдет менее квалифицированный труд корректора, телеграфистки, стенографистки, бухгалтера, приказчицы и проч.

Критика русских контистов 1870-х гг. был направлена против так называемой «школы Литтре», последователей учения Конта во Франции. Они основали и издавали в Париже журнал «Позитивная философия» (La philosophie positive, 1867–1884), ставший рупором западноевропейских позитивистов.

Некие анонимы, выступившие под инициалами «Н.Б.» и «Е.Л.» обвиняли авторов журнала в слепом следовании заветам Конта в женском вопросе. Им претило приятие постулата о неполноценности женского ума, непоследовательность и противоречивость позиции редакторов журнала по отношению к женскому вопросу[128]. В критике литтреистов русские последователи учения Конта пошли в разработке «женского вопроса» дальше своих французских собратьев. Идеи позитивистов, перенесенные на русскую почву, сыграли заметную роль в развитии идеологии женского движения в России. Оно вовлекло в свои ряды многих добровольцев, мужчин и женщин.

Е. В. Кравченко

Харьков, Украинская гос. академия железнодорожного транспорта

РОЛЬ ЖЕНЩИН-БЛАГОТВОРИТЕЛЬНИЦ В ОРГАНИЗАЦИИ ПРИЗРЕНИЯ ДЕТЕЙ НА УКРАИНЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Историю благотворительности в Российской империи начали активно изучать с 1990-х гг. в Российской Федерации, а также в Украине, Белоруссии, Польше. В этой проблеме важным направлением, на наш взгляд, является история призрения детей и участие женщин в организации благотворительной помощи несовершеннолетним.

В XIX – нач. XX вв. призрение детей проявлялось в таких направлениях как государственная опека, общественное и частное призрение. В первой половине XIX в. заниматься благотворительной деятельностью могли себе позволить в первую очередь представительницы знатный фамилий, приближённых к императорской семье. В после-

---

[128] Е.Л. Воспитание женщин с точки зрения положительной философии // Отечественные записки. 1870. Т. 192. № 2. С. 216–234; Н.Б. Позитивисты о женском вопросе // Дело. 1872. № 12. С. 25–32.

реформенный период социальна инициатива получила распространение и среди представительниц иных сословий: мещанского, купеческого. Женщины были организаторами и активными участницами дамских благотворительных обществ, а также инициаторами открытия частных воспитательных и благотворительных учреждений.

Одним из первых на территории Украины в XIX в. было создано Одесское женское благотворительное общество, образовавшееся в 1833 г. из женского кружка дам-благотворительниц под названием «Новороссийское женское общество призрения бедных». Возглавляли общество княгиня Е.К. Воронцова и графиня Р.С. Эдлинг. Общество содержало два заведения: Благовещенский сиротский дом для сирот-девочек и Михайло-Семёновский сиротский дом для призрения сирот мужского пола с народным училищем при нём. Последний был открыт на пожертвованный Е.К. Воронцовой капитал в 110 тыс. руб., в память её мужа генерал-фельдмаршала князя М.С. Воронцова.

В Керчь-Еникале Таврической губернии женское благотворительное общество было создано 22 октября 1871 г. При нём в 1874 г. был открыт детский приют, вошедший 28 января 1878 г. в состав Ведомства учреждений императрицы Марии. Создание учреждений для призрения детей по частной инициативе стало распространённым явлением во второй половине XIX в. 4 августа 1855 г. в Крыму в Симферополе графиней А.М. Адлерберг, супругой Таврийского губернатора Н.В. Адлерберга, был открыт временный детский приют на 11 воспитанников, осенью 1857 г. превращенный в постоянный, получивший имя основательницы и переданный в Ведомство учреждений императрицы Марии. Предпосылкой открытия заведения стала Крымская война, вследствие которой резко увеличилось количество сирот, бесприютных, потерянных детей и беженцев из Севастополя .

После выезда А.М. Адлерберг из Крыма в феврале 1856 г. приют был передан под управление вице-губернатора И.Я. Браилко. С 1 января 1857 г. заведение находилось под опекой нового губернатора Г.В. Жуковского и его жены Е.И. Жуковской, ставшей попечительницей приюта Адлерберг. В 1917 г. вследствие финансовых проблем детский приют был передан под управление губернского земства, а в 1918 г. практически прекратил существование .

В 1879 г. в Одессе на средства Н.И. Гладковой в память умершего мужа – купца М.Р. Гладкова был основан детский приют для мальчиков, названий «Приют Гладкова». У супругов детей не было – их един-

ственная дочь умерла в младенчестве. До самой своей смерти в 1896 г. благотворительница финансировала заведение.

Детский приют в Сумах Харьковской губернии был открыт 1 августа 1888 г. по инициативе Н.М. Харитоненко, второй супруги известного сахарозаводчика И.Г. Харитоненко.

25 августа 1896 г. по инициативе и на средства графа И.В. Канкрина и графини В.П. Канкриной был открыт детский приют на 25 воспитанников в г. Александровске Екатеринославской губернии. Женщины были инициаторами создания детских яслей. Одними из первых таких заведений в Украине было убежище для бедных детей, открытое 29 января 1889 г. в Харькове по инициативе и на средства М.Н. Фесенко, супруги харьковского городского головы. С 1902 г. в Харькове функционировало общество «Ясли», основательницей которого стала Е.Ф. Брандт, жена университетского профессора.

Женщины-благотворительницы принимали активное участие в деятельности Ведомства учреждений императрицы Марии. Например, Одесский детский приют имени Марии Федоровны, оцененный в 75 тыс. руб., был построен в 1891–1892 гг. на пожертвования, которые собрала супруга Одесского градоначальника попечительница приюта Н.М. Зелёная. Она же с 11 апреля 1887 г. возглавляла Совет Одесского отделения Попечительства о слепых.

Под управлением Житомирского комитета Общества Красного Креста находилась санатория для детей имени Великой княгини Ольги Николаевны. Заведение было основано в 1897 г. также по инициативе Е.С. Треповой. Санатория находилась вблизи Житомира на земле, которую пожертвовала родственница Е.С. Треповой графиня А.Ф. Нирод в сосновом бору на р. Тетерев. Целью открытия санатории было предоставление слабым детям беднейшего городского населения условий для оздоровления на протяжении летних месяцев .

Подводя итоги, следует сказать, что социальная активность женщин, особенно из привилегированных слоев населения, в XIX – нач. XX вв. была достаточно высокой. Женщины находились в поисках собственной общественной реализации, и очень часто это стремление воплощалось в благотворительной деятельности.

В.М. Марасанова
Ярославль, Ярославский гос. университет им. П.Г. Демидова

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЯХ И ПРОТЕСТНОМ ДВИЖЕНИИ В ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В начале XX столетия российские женщины начали все более активно проявлять интерес к общественно-политической жизни. Отличительными особенностями Ярославской губернии являлись довольно высокий уровень развития промышленности и грамотности населения. Если средний уровень грамотности в России на 1897 г. составлял 30% среди мужчин и 13% среди женщин, то в Ярославской губернии соответственно 50% и 24%[129]. Социально-экономические и социокультурные инновации существенно меняли нормы традиционного общества и вели к серьезным социально-экономическим и общественно-политическим последствиям.

Источниками изучения поставленной проблемы послужили делопроизводственные документы государственных административных и правоохранительных учреждений. Выявленные по Ярославской губернии данные типичны для Центрально-промышленного региона; они также могут быть использованы для сравнения с другими регионами России и зарубежья, где участие женщин в профессионально-политическом движении различалось в силу экономических, национальных, религиозных и других факторов.

В документах Департамента полиции за ноябрь 1905 г. отмечалось, что в Ярославле действовал Союз равноправия женщин[130]. Отделение Союза равноправия женщин появилось и во втором по размерам городе губернии – Рыбинске. Женщины участвовали в работе местных организаций разных партий. Особенно заметными стали женщины в Северном Комитете и Ярославской организации РСДРП. Фельдшерица хирургического отделения Ярославской губернской земской больницы Прасковья Турляпина, сестры Надежда и Ольга Жиряковы участвовали в первом марксистском кружке в Ярославле, созданном А. М. Стопани в 1895 г. В этом кружке получили опыт подпольной работы сестры Дидрикиль – Мария, Ольга (по мужу – Кедрова) и Нина, в замуже-

---

[129] Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 53.
[130] ГАРФ. Ф. 102, ОО, 1905 г. Д. 1800. Ч. 54. Л. 16–18.

стве Подвойская. Постоянным помощником руководителя кружка была его жена Мария Михайловна Петрова[131].

Организатором Ярославской группы социалистов-революционеров в мае 1905 г. стала учительница Софья Германовна Хренкова, приехавшая из Твери. Она заведовала Некрасовской библиотекой-читальней в Ярославле и стремилась пополнить её фонд политической литературой. Осенью 1905 г. С. Г. Хренкова вошла в общегородской стачечный комитет. 9 декабря 1905 г. во время разгона политической демонстрации, получившей в городе название «кровавая пятница», она смертельно ранила казака. В январе 1906 г. её арестовали в столице и доставили в Ярославль, а в 1908 г. Софья Хренкова покончила с собой в губернской тюрьме[132].

В Ярославском отделении партии кадетов выделялась Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс. Вместе с ярославскими кадетами – князем Д. И. Шаховским и В. Е. Якушкиным – в 1905 г. она вошла в Центральный комитет партии кадетов. Женщины участвовали и в деятельности местного отделения «Союза русского народа» (максимальная численность 25 тыс. чел.). В 1914 г. после кончины организатора Ярославского отдела СРН – глазного врача И. Н. Кацаурова – его участники решили до конца войны не избирать нового председателя, и работой организации руководила вдова основателя отдела М. Д. Кацаурова, которая при жизни мужа была секретарем отдела.

Работницы местных промышленных предприятий активно участвовали в политических событиях и протестном движении – стачках, митингах, демонстрациях. Как отмечала большевистская газета «Вперед» (Женева), в одной из первых забастовок в губернии на Ростовской льняной мануфактуре 16–18 февраля 1905 г. в числе забастовщиков были женщины и дети. Среди требований рабочих значилось: «беременные женщины должны получать половину платы за все время, пока остаются дома после родов». Это требование, как и все ос-

---

131 Очерки истории Ярославской организации КПСС (1883–1937). Ярославль, 1985. С. 25–27.

132 Климова Л.М. Женщины в истории первой народной бесплатной Некрасовской библиотеки г. Ярославля (С.Г. Хренкова, Н.П. Некрасова) // Женщины Ярославля: история и современность: мат-лы науч.-практ. конф. Ярославль, 2005. С. 71–72.

тальные, кроме повышения заработной платы на 20%, было удовлетворено. Автор корреспонденции отметил, что от забастовки «впечатление хорошее, большой подъем духа, даже у женщин, чего раньше никогда не замечалось»[133].

Особенно активно работницы участвовали в протестном движении в октябре – ноябре 1905 г. В корреспонденции о ситуации на Ярославской Большой мануфактуре, присланной в газету московских большевиков «Борьба» указывалось: «Ежедневные митинги продолжают привлекать массу рабочих и работниц. Сознательность и революционность их растет»[134]. В период стачки 25–28 октября 1905 г. рабочие этой фабрики в число своих требований включили «4 недели давать на роды»[135], однако администрация это требование не удовлетворила. Зато удалось добиться частичного удовлетворения требования об одинаковом повышении размера «квартирных денег» для мужчин и женщин. Рабочие требовали увеличить выплаты с 1,5 до 4 руб. для мужчин, так же с 1,5 до 4 руб. – у женщин и с 75 коп. до 2 руб. – у подростков. В итоге «квартирные деньги» были увеличены в 2 раза[136]. Работа на крупном производстве придавала женщинам большую уверенность в собственных силах, повышали их самооценку. Это вызывало у женщин-работниц желание: как минимум – обсуждать вместе с мужчинами проблемы трудовых отношений на фабрике, а как максимум – иметь равноправные отношения в семье и равную оплату труда с мужчинами.

Таким образом, начало XX столетия стало временем развития женского самосознания и женской инициативы, а также дало некоторым женщинам опыт активной политической деятельности. Работницы ярославских предприятий активно участвовали в протестном движении. В 1905 г. в числе требований забастовщиков стали появляться специфические «женские» проблемы, например, предоставление отпуска по родам. В результате совместных с рабочими-мужчинами действий работницы смогли добиться некоторых уступок от предпринимателей.

---

133 Вперед. 1905. 30 марта. № 14.
134 Борьба. 1905. 6 дек. № 8.
135 ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 414. Л. 423 об.
136 ГАЯО. Ф. 73. Оп. 7. Д. 4498. Л. 137.

И.Р. Чикалова
Минск, Белорусский государственный педагогический университет

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ФЕМИНИСТ ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ МИЖУЕВ (1861–1932?)

После долгих лет фактического забвения имя Павла Григорьевича Мижуева постепенно возвращается. Он был одним из лучших российских дореволюционных англоведов и одним из немногих американистов[137]. Но мало кто знает, что Мижуев был и последовательным либеральным феминистом начала XX в. Своими публикациями он прямо или косвенно откликнулся на выход на авансцену общественной жизни европейских стран, в том числе и России, «женского вопроса». Его работа «Женский вопрос и женское движение» первоначально – в 1904 г. – была опубликована в журнале «Образование», затем вышла отдельным оттиском и, наконец, в 1915 г. была помещена в Новом энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. В революционном 1917 г. появилась его брошюра «Равноправие женщин (Права женщины и ее обязанности)».

Причины неравного положения мужчин и женщин, писал П.Г. Мижуев, носят исторический характер, они «заключаются в преобладающем до сих пор праве сильного». Основной путь к решению женского вопроса он видел в организации доступа женщин к образованию. П.Г. Мижуев знакомил русскую общественность с развитием женского начального и среднего образования в разных странах[138], в том числе в отдельных книгах и брошюрах на примере Франции, Германии, Швеции, Норвегии, Англии и США, включив вопросы женского образования в контекст работ по образовательным учреждениям этих государств. Женскому образованию и общественной деятельности женщин в США и Германии он посвятил также отдельные и довольно объемные работы. Он подчеркивал, что «в наиболее культурных странах современного мира принимаются довольно энергичные меры к тому, чтобы *все население*, как *мужское*, так и *женское*, проходило через *начальную* школу». В то же время отношение властей к среднему образованию

---

[137] Чикалова И.Р. Профессор Павел Григорьевич Мижуев: российский англовед и либерал // Диалог со временем. Вып. 34. М., 2011. С. 5–30.
[138] Мижуев П.Г. Современная школа в Западной Европе и Америке. М., 1913.

мужчин и женщин отличаются: «Европейские правительства уже давно тратят народные деньги на разного рода средние *мужские* учебные заведения, но вопрос об организации общеобразовательных или иных средних учебных заведений для женщин поставлен серьезно лишь во второй половине XIX в.»[139].

Равным образом Мижуева привлекает вопрос о высшем женском образовании. Он посвящает специальную статью женским колледжам при Кембриджском университете, опубликованную в журнале *Образование*[140]. Более благоприятная для женщин ситуация за рубежом контрастно оттеняет положение с высшим женским образованием в России, где женщины «ни под каким видом не допускаются к слушанию лекций в университетах».

В начале XX в. британские доминионы Канада, Австралия, Новая Зеландия достигли впечатляющих успехов в экономике и социальной жизни, являли собой пример эффективности политики преобразований, в т. ч. в женском вопросе. Им Мижуев посвящает книги «Передовая демократия современного мира. Английская колония «Новая Зеландия», «Крестьянское Царство», «Счастливая Австралия». В первой из них он, детально разбираясь в развитии политических институтов Новой Зеландии, заостряет внимание на проблеме всеобщего избирательного права. «Смелым шагом» называет он дарование в 1893 г. политических прав женщинам, и «ничего ужасного от этого не произошло». Женщины охотно воспользовались избирательным правом при первых же открытых для их участия выборах: «90% всех женщин, значащихся в избирательных списках, подали свои голоса, тогда как из мужчин голосовали только 70%»[141]. Что касается австралийских колоний Великобритании, то их политическая и социальная история во второй половине XIX в. представляла «непрерывно развивающийся процесс демократизации всех общественных учреждений. Право голоса, принадлежавшее прежде только лицам, удовлетворявшим известному

---

[139] Мижуев П.Г. Женский вопрос и женское движение // Образование. 1904. № 12. С. 17.

[140] Мижуев П.Г. Женские колледжи при Кэмбриджском университете // Образование. 1891. С. 497–505.

[141] Мижуев П.Г. Передовая демократия современного мира. 3-е изд. С. 110–111.

имущественному цензу, было в одной колонии за другой распространено на всех совершеннолетних мужчин, а затем в большинстве колоний (ныне штатов) и на совершеннолетних женщин»[142].

В 1905 г. буквально накануне начала работы I Государственной Думы, в которой с первых дней законодательной деятельности разгорелись дебаты по поводу всеобщего избирательного права, в «Библиотеке Марии Малых» под одной обложкой с брошюрой министра образования, юстиции и труда Новой Зеландии, талантливого историка Вильяма Пембера Ривса «Политические права женщин в Австралии»[143], был издан очерк Мижуева «Результаты предоставления политических прав женщинам в штате Колорадо»[144], затем вошедший в главу, посвященную политической эмансипации женщин в США, книги «Народное представительство и законодательные собрания в главных странах современного мира». Колорадо был вторым штатом после Вайоминга и вместе с Новой Зеландией второй в мире территорией, предоставившей женщинам избирательные права. Получив политические права, отмечал Мижуев, женщины и спустя десять лет дорожили ими: составляя меньшую часть населения штата, на последних выборах они численно преобладали в составе избирателей, что разбивало аргументы противников женской эмансипации. Однако пойти до конца в решении проблемы политических прав женщин американская демократия в то время не решилась. Мижуев заключает: «Опередив значительно европейские государства в доверии к административным и политическим способностям женщин, великая Американская демократия все же не решается круто оборвать с традициями, завещанными старой Европой, чему нельзя удивляться, если вспомнить, как громаден ежегодный прилив в Америку эмигрантов, приносящих с собой целый цикл отсталых понятий, от которых удается вполне освободиться разве лишь второму или даже третьему поколению»[145].

---

142 Мижуев П.Г. Счастливая Австралия. С. 25–26.

143 Ривс В.П. Политические права женщин в Австралии / пер. П.О. Морозова. [СПб.], 1905.

144 Мижуев П.Г. Результаты предоставления политических прав женщинам в штате Колорадо. СПб., 1905.

145 Мижуев П.Г. Народное представительство и законодательные собрания в главных странах современного мира. СПб., 1906. С. 93.

Нигде не зафиксированы публичные выступления П.Г. Мижуева в поддержку равноправия полов, и скорее всего их и не было. Судя по всему, он не поддерживал контактов с деятельницами российского женского движения, был замкнутым и не публичным человеком. Но свою позицию в «женском вопросе» он проводил во всех своих рассчитанных на широкого читателя работах последовательно и недвусмысленно. Именно это обстоятельство позволяет считать Павла Григорьевича одним из самых видных российских мужчин-феминистов.

Л.Н. Жванко

Харьков, Украина, национальная академия городского хозяйства

НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ ЖЕНЩИН В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ: БЕЖЕНКА И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНИЦА

Первая мировая война изменила уклад жизни миллионов подданных императора Николая Второго, породила новые социальные роли для женщин. При этом они разделяются на два полюса – женщина, которая бежит от войны, спасая детей своих, и женщина, оказывающая помощь этим жертвам. В том и ином случаях рушатся патриархальные семейные устои. Итак, целью предложенного доклада будет попытка рассмотрения судьбы женщины-беженки в новых жизненных условиях, а также участие женщин в различных комитетах, оказывающих помощь беженцам. Рассмотреть эту проблему будет предложено на примере украинских губерний, в которых была расселена четверть всех беженцев, нашедших приют во внутренних губерниях Российской империи. Поэтому сложившуюся ситуацию можно целиком рассматривать в общероссийском контексте.

Женщина, спасая своих детей от наступающего врага, голода и холода в дороге, постоянных лишений и бедности беженской жизни, пусть это не прозвучит пафосно, спасла мир для потомков. Однако, судьба женщины-беженки, ее внутренний мир по большому счету, до этого времени остается вне поля зрения исследователей.

Достаточно справедливо по этому поводу заметил британский историк П. Гетрелл: *«Когда беженцы вообще были вычеркнуты из истории, то беженцы-женщины были вычеркнуты вдвойне. Их вспоминали только тогда, когда было необходимо изобразить несчастных жертв, чья «нагота» так и бросалась в глаза современникам».* При этом можно целиком согласиться с русскими историками, которые от-

стаивают тезис, что в среде беженства преобладали женщины и дети.

Дорога в эвакуацию в середине лета 1915 г., когда военные власти предприняли беспрецедентную акцию по перемещению гражданского населения из прифронтовых губерний империи в ее тыловые области, превратилась для женщин в сплошное потрясение. Они рождали и хоронили умерших младенцев, на станциях теряли детей и получали известия о смерти мужей.

Женщина-беженка была вынуждена взять на себя ответственность за семью, в то время, когда мужчины находились на войне, в плену, или, еще хуже – пропал без вести. Она изменила свою социальную роль, из пассивной «хранительницы домашнего очага» превратилась в кормилицу семьи, вынуждая идти работать по найму, на завод, учительницей или просто работницами в школы и приюты для детей-беженцев и т.д. Война разрушила патриархальные принципы семейной жизни, вытолкнула женщину в новый, преисполненный опасности мир. Отсутствие крыши над головой, невозможность почувствовать себя на новом месте хозяйкой никоим образом не способствовали внутреннему спокойствию беженки. Среди морально-этических проблем беженок, как это было, например, в Симферополе, было рождение детей, от расквартированных неподалеку от их приютов, солдат. Часть беженок, прибывших из польских и прибалтийских губерний Российской империи, попали в совершенно иное языковое, ментальное, религиозное окружение. Поэтому они еще труднее переносили беженство.

Еще одним ощущением беженки была неопределенность в будущим. *«Что ожидает ее завтра, или будет известие о смерти мужа, болезни детей, или откажут в местном комитете в выдаче «пайка» − помощи продуктами, или выгонит на улицу владелец дома, где она расквартирована?»*. Таких вопросов было огромное количество и ни одной определенности в каждом следующем дне. Поэтому можно подискутировать с П. Гетреллом относительно того, что у части женщин беженство вызвало гордость, что они взяли на себя новые обязательства.

Жительницы тыловых губерний взяли на себя достаточно важное задание: участие в разных благотворительных комитетах, которые и занимались социальной защитой беженцев. Итак, кроме важных для них семейных обязанностей, воспитания детей, они стремились выполнить и свой гражданский, да и в целом человеческий долг по защите своего ближнего. Часто среди членов этих комитетов были женщи-

ны, представительницы местных польских, литовских, латышских, еврейских и других национальных общин, которые оказывали посильную помощь своим пострадавшим соплеменникам.

Образцом для подражания для многих женщин-благотворительниц была Великая княжна Татьяна Николаевна, возглавившая возникший в сентябре 1914 г. комитет по оказанию помощи беженцам. Ее образ в народе справедливо ассоциировался с защитницей несчастных и обездоленных. «Управляющим делами» комитета стал А.Б. Нейдгарт, известный политический и государственный деятель, член Государственного совета. Следует отметить трагическое сходство судьбы А.Б. Нейдгарта и Великой княжны, которого в ноябре в 1918 г. вместе с дочкой и сыном было расстреляно большевиками.

В центральном правлении Татьянинского комитета работали три женщины, что было достаточно важным и смелым шагом в тогдашнем патриархальном обществе. Это О. Горемыкина, жена тогдашнего премьер-министра империи, и две фрейлины императрицы баронесса С. Буксгевден и О. Бюцова. Следует отметить, что П. Гетрелл категорически отрицает их участие в руководящем составе институции, считая их подставными лицами. Более того, относительно участия женщины в деятельности местных отделений комитета, он констатирует: *«Женщины, исполняя разные обязанности,… остаются за кадром, добросовестные, в то же время анонимные помощницы чиновников-мужчин».* Напротив, деятельность украинских представительниц в местных комитетах свидетельствует о другом. Украинские женщины активно приобщились к участию в деятельности местных отделений Тетянинського комитета, а в некоторых уездах даже их возглавляли.

Среди первых украинских организаций, в которых активное участие приняли женщины, следует назвать «Общество помощи населению Юга России, пострадавшему от военных действий». Среди них С. Русова, выдающийся педагог, общественная деятельница, одна из пионерок женского движения в Украине, представительницы киевской интеллигенции. Отдельно следует отметить участие в его работе Л. Старицкой-Черняховской, писательницы, дочери украинского драматурга М. Старицького. Она неоднократно выезжала в сибирские губернии, где находилось большое количество этнических беженцев-украинцев.

Важную роль в организации помощи беженцам сыграли и разные благотворительные союзы. Среди них следует назвать «дамские кружки», возглавляемые, обычно, женами губернаторов, председателей

губернских и уездных земских управ. Например, в июле в 1915 г. Е. Колобова, жена Екатеринославского губернатора, положила начало организации помощи прибывающим беженцам. Женщины участвовали и в работе уездных и волостных комитетов помощи беженцам. Местные учительницы, фельдшерицы, сестры милосердия, дворянки и др. работали на разных должностях этих структур.

Таким образом, война разделила женщин по разные стороны, превратив одних в беженок, вынужденных ежедневно страдать в дороге и на новом месте проживания. С другой стороны она породила всплеск женской благотворительности, которая заслуживает на дальнейшее изучение.

О.И. Зезегова

Сыктывкар, Сыктывкарский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ ЖЕНЩИН-УЧЕНЫХ В ПЕРЕЛОМНУЮ ЭПОХУ (НА ПРИМЕРЕ ВЫХОДЦЕВ ИЗ «РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ»)

Переломные эпохи всегда становились источником значительных социально-экономических, политических и культурных изменений и требовали от людей, оказавшихся в эпицентре поворотного момента, приспособления к новым условиям. Историческая наука рассматривает несколько стратегий, между которыми делали выбор ученые-историки. Первая – внешняя миграция, которая воспринималась «равносильно осуждению себя на пожизненное одиночество». Вторая – «остаться в прежней среде, но оставить всякую мысль о научной работе, об аскетизме работника науки и направить все свои силы и образование на материальное обеспечение». Последняя – состояла «в возможности жизни среди народа и прежней научной работы». Перед каким выбором стояли женщины-историки и был ли это выбор? На этот вопрос можно попытаться ответить, рассматривая стратегии выживания женщин-историков, учениц петербургских профессоров Н.И. Кареева, И.В. Лучицкого, Е.В. Тарле, – А.А. Матвеевой-Леман, С.М. Глаголевой-Данини, М.А. Буковецкой. Количество женщин-историков в этой школе невелико, и, для того чтобы стать ученицами известных профессоров, им пришлось приложить немало усилий. Мужчины-историки «русской школы», поступая в Санкт-Петербургский университет, только на студенческой скамье определялись с выбором специа-

лизации – русская или всеобщая история. Путь женщин-историков был гораздо сложнее.

В начале XX столетия обучение женщин в высших учебных заведениях было еще явлением незаурядным. Переписка Кареева с его учеником В.А. Мякотиным свидетельствует о том, что мужчины снисходительно относились к женщинам-студенткам. Мякотин пишет своему наставнику: «У Вас только аудитория филологов-специалистов, куколок, будущих платоновцев; и сами Вы опять-таки знаете, что даже и в такой среде Ваша деятельность далеко не проходит бесследно». Этот отрывок из письма создает впечатление, что исключительно благодаря стараниям профессора из «куколок» рождались ученые. Пример Матвеевой и Данини ломает этот стереотип.

Определяющим фактором при получении образования женщинами-учеными было материальное благосостояние семьи, что позволило Матвеевой до поступления на Высшие женские курсы закончить словесный факультет в Сорбонне. Под руководством известного французского историка А. Олара она подготовила выпускную работу «Etude critique sur la journee de 20 prairial an II», которую успешно защитила в 1910 г. В тот же год Матвеева поступила на историко-филологический факультет ВЖК по специализации «всеобщая история». Данини примкнула к семинару Кареева, после того как в течение восьми месяцев 1910–1911 гг. «самостоятельно поработала во французских архивах над историей крестьян в Дофинэ в эпоху революции». Таким образом, Матвеева и Данини, поступая на ВЖК, уже определились со своими научными интересами: первая изучала дехристианизацию Франции в революционное время, вторая – аграрную и промышленную историю провинции Дофине. В судьбе М.А. Муфель большую роль сыграл супруг – приват-доцент Санкт-Петербургского университета А.И. Буковецкий, за которого она вышла замуж во время учебы.

Уже в студенческие годы Матвеева и Данини опубликовали свои первые научные работы в русле либеральной методологии в журнале «Историческое обозрение», что позволяло надеяться на дальнейшую успешную научную карьеру, однако события 1917 г. привели к минимизации творческой деятельности, активизация которой началась в 1922 г. Последователи «русской исторической школы» объединились вокруг журнала всеобщей истории «Анналы», редактором которого был Тарле. К выходу третьего номера журнала С.И. Тхоржевский написал стихи:

Блещут ярче, чем кристаллы,
Ярче пурпурных знамен
Сочетанье двух имен:
Тарле и Анналы.
В наше время
Как ни горек
Русских авторов удел,
Но всеобщнейший историк
Всех «Анналами» задел:
Ряд талантов смог привлечь,
Дам увлечь и всех запречь.

Дамы наравне с мужчинами были привлечены к участию в этом журнале: публиковали исторические и историографические статьи, рецензии. Однако попытка сохранить либеральные традиции научного и неформального общения в стремительно меняющейся действительности не удалась:

На беду
Здесь вмешалось ГеПеУ.
Дело кончилось провалом…

Действительно, социально-гуманитарные науки все ощутимее начали испытывать на себе давление со стороны власти, что нашло отражение в развертывании «Академического дела». Данини по этому делу была приговорена к пяти годам ссылки и после возвращения в Ленинград предпочла сменить вид деятельности, устроившись на работу в БАН. Следы Матвеевой здесь исчезают, а Буковецкая теряет преподавательскую ставку на кафедре всеобщей истории Педагогического института им. Герцена, вероятно, благодаря супругу устраивается преподавателем экономических дисциплин, участвует в создании учебных пособий в этой области, а с 1930-х гг. приступает к работе в ГПБ. Работа в качестве библиографа и систематизатора позволяла женщинам-историкам оставаться в курсе всех научных изысканий своих коллег. Но вернуться в «большую науку» после осуждения было непросто: Данини этого не удалось, в отличие, например, от представителя той же школы Я.М. Захера. Буковецкая, преодолевая серьезные препятствия, не без помощи Тарле в возрасте 57 лет защитила кандидатскую диссертацию по истории армии во время Французской революции. Мужчины-историки – выходцы из петербургской школы по

всеобщей истории – сумели «вписаться» в новую действительность: хотя и не без трудностей, но получили некие дивиденды в виде поездок во французские архивы, высоких должностей, степеней доктора наук, личного шофера.

В становлении ученых-женщин на начальном этапе активное участие принимали близкие родственники – родители, мужья. В дальнейшем они поддерживались своими учителями, роль которых в новых условиях не могла исполниться, и только личное стремление, преодоление обстоятельств позволило реализоваться как ученому одной из трех успешных в молодости «куколок».

М.В. Кротова
Санкт-Петербург, СПбГУЭФ

СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ В МАНЬЧЖУРИИ

История русской эмиграции в Маньчжурии полна трагических сюжетов. Сотни тысяч русских граждан оказались после окончания гражданской войны Китае, оторванные от родины и без средств к существованию. В этих условиях формировались механизмы адаптации эмиграции в инокультурной среде и стратегии выживания. Вообще-то проблема адаптации для эмигрантов в Маньчжурии не стояла так остро, как в Западной Европе, в связи с наличием здесь русского населения, поселившегося здесь еще со времен строительства КВЖД, русского быта и уклада. Гораздо более значимым фактором для определения стратегий поведения стало отношение эмигрантов к советской власти, так как в силу ряда географических и политических причин советское влияние в Маньчжурии было достаточно сильным.

Часть эмиграции выбрала стратегию сопротивления, т. н. активизм. Они считали себя политической силой, которой предстояло решать судьбу России. Такие организации, как Российский общевоинский союз, Братство русской правды, Российская фашистская партия, решили не складывать оружия, использовать любую возможность сопротивления. Но, как всегда, не хватало средств и людей, которые постепенно разочаровывались в белой идее.

Эмигрантская активная молодежь, особенно фашисты, предпочитала учиться у «красных» их достижениям, бить противника его же оружием. Фашисты копировали большевистскую риторику, методы,

термины. Проблема заключалась в том, что, начиная борьбу, противоборствующая сторона автоматически перенимала черты противника, и очень скоро перестала отличаться от него, т. о. «белые» становились иногда зеркальным отражением «красных».

Часть эмиграции пошла на сотрудничество с советской властью, попыталась понять и принять другие ценности. Стратегия сотрудничества выразилась в идейных течениях интеллигенции, как, например, сменовеховство Н.В. Устрялова, и примкнувших к ней эмигрантов. Главным обольщением интеллигенции был соблазн лояльности: надо было одобрить тот выбор, что сделала история, быть на стороне победителей. Многих эмигрантов подкупала идея социальной справедливости, величие участи, сопричастность к чему-то значительному, масштаб преобразований.

Одним из мотивов стратегии сотрудничества было желание отмежеваться от русской «эмигрантщины», которая ставила личную трагедию выше судьбы страны и ее будущего, выстрадать право на свой взгляд, свои суждения. Другим мотивом был поиск опоры, спасения. Распространенным особенно среди эмигрантской молодежи было мнение о том, что Россия может быть либо сильной, либо никакой, будущее – за силой и мощью. Между «живыми» и «мертвыми» они предпочитали живых. Свою роль здесь играли, конечно, молодость, азарт, желание строить, менять, а не держаться за старое.

Но для большинства эмиграции выбор между белыми и красными был выбором между двумя враждебными неправдами – «тупой простотой большинства» и «гнилостным вырождением меньшинства», и всякий выбор был ложен. С одной стороны, обреченность одних, с другой, гордая, наглая «победительность» других. Именно в эмиграции стало понятно, что разделение на «белых» и «красных» не исчерпывает и не объясняет всей сложности процессов, происходивших в русском обществе. Выбор между мертвечиной (активная эмиграция) и варварством (большевики) был для многих невозможен, и большинство предпочитало не брать ничьей стороны.

Эта часть эмигрантов понимала, что после 1920 г. белое движение было разбито окончательно, не верила в возможность вооруженного сопротивления и искала смысл существования эмиграции, способы ее применения. Для большинства возврат в Россию был невозможен и «бесполезен». В.А. Маклаков так определял задачи эмиграции: «Единственное, что мы можем сделать для будущей и настоящей России,

это, чтобы ее здесь не срамить, чтобы не работать невольно на прославление и оправдание большевиков. Эмиграция, как целое, не есть политический фактор. Мы, как евреи в рассеянии, которым нужно только одно – прошлого не забыть и себя не потерять»[146]. Эта позиция была близка большинству эмиграции в Маньчжурии.

Такую стратегию можно назвать стратегией самосохранения. Она заключалась в том, что эмигрантам следовало избегать сопротивления, игнорировать противника, сохранить себя, отступить в «духовную цитадель», остаться верным традициям, источникам духовной жизни. Это был своеобразный уход через «отрешенность», за которым могло последовать преображение. Поэтому на первый план выдвигались такие качества, как чувство собственного достоинства, трудолюбие, предприимчивость, инициативность, творчество.

Эта стратегия была характерна для женщин, которые смогли сохранить в эмиграции семейные ценности, были неистощимы в поисках способов выживания. Часто не имея никакого образования, кроме домашнего, они как-то устраивались. Шли в кельнерши, стали модистками, шляпницами, открыли салоны красоты, работали боннами, гувернантками, давали уроки музыки и языков, переводили для журналов. Жена миллионера Стахеева вязала на продажу, бывшие аристократки пекли пирожки, держали чайные и трактиры.

Для понимания стратегии выживания и самосохранения эмиграции важно исследовать обширные горизонтальные связи, образовавшиеся в диаспоре. Эти связи – семья, друзья, коллеги, земляки – часто были гораздо важнее, чем деятельность многочисленных политических, общественных организаций. В эмиграции многие пришли к простой мысли, что путь человека – это не спасение мира, России, а спасение собственной души.

В исторической перспективе можно сказать, что именно стратегия самосохранения оказалась наиболее жизнеспособной. Те эмигранты, которые, казалось бы, «проиграли» в той исторической ситуации, оказались в итоге «победителями». Елена Якобсон, родившаяся в Петербурге, в 1920-х гг. оказавшаяся в Маньчжурии, потом в Америке в своих воспоминаниях на склоне лет призналась, что «от русской катаст-

---

[146] Переписка российских дипломатов в эмиграции. 1934–1940 гг. По архивам службы внешней разведки РФ // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 94.

рофы я не столько пострадала, сколько выиграла. В той старой России меня бы подобающе воспитали и образовали для устоявшегося стиля жизни русского дворянства. Исторические события разрушили привычные устои и предоставили мне возможность стать кем-то другим – самой собой»[147].

Эмигранты в Маньчжурии не были однородной группой. Это был сложный и изменчивый мир. Изучение различных стратегий поведения эмигрантов дает возможность понять общество и атмосферу, в которой они жили, направленность их сознания, изменения психики, эволюцию нравственных понятий, возможность соединения в своей судьбе различных сценариев.

Л.Н. Пивоварова
Старый Оскол, СТИ НИТУ МИСиС

«СЕРДЦЕ! КАК ХОРОШО, ЧТО ТЫ ТАКОЕ…»: К ВОПРОСУ О ЧУВСТВАХ И ПЕРЕЖИВАНИЯХ ЖЕНЩИН ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Пережить огонь, ужас войны способны очень сильные люди, поэтому принято считать войну мужским делом. Но трагизм, чудовищность войны заключается в том, что вместе с мужчинами плечом к плечу встают и женщины, которые идут убивать, заниматься тяжелой мужской работой. Сущность войны противоречит человеческой природе, а тем более женской. Но женщины-строители железной дороги «Старый Оскол – Ржава» еще раз показали примеры доблести, трудового подвига летом 1943 г. в районе Курской дуги, хотя ничто человеческое им было не чуждо.

Решение «О строительстве железнодорожной линии Старый Оскол – Ржава» было принято 8 июня 1943 г. ГКО. Было решено мобилизовать 20 тыс. местного населения, в основном это были женщины. Как свидетельствуют архивные документы, сроки были очень сжаты, девиз: «Работать за троих!». Многие девушки и женщины добровольно пришли в штаб с просьбой взять их на работу. Они верили, что помощь

---

[147] Якобсон Е. Пересекая границы. Революционная Россия – Китай – Америка. М., 2004. С. 12.

фронту ускорит разгром врага. У многих из них на фронт ушли самые близкие: сыновья, мужья, отцы и братья.

Рождались на фронте и подлинные, возвышенные чувства, самая искренняя любовь, особенно трагичная потому, что у неё не было будущего, – слишком часто смерть разлучала влюбленных. Но тем и сильна жизнь, что даже под пулями заставляла людей любить и мечтать о счастье. «Многие мои подруги встретили здесь свое счастье, переписывались до конца войны, и те, кто остался в живых, потом создали семьи», – пишет Мария Ледовская.

Работали самоотверженно и днем и ночью. На самых трудных участках Старооскольская бригада Тамары Семеновой старалась выправить положение. Ее не раз перебрасывали на отстающие участки. Очень часто трудовые задания передовая бригада выполняла на 220–250%. Молодежной бригаде за самоотверженный трудовой подвиг было вручено Красное знамя. Девушки бригады Т. Семеновой умели не только работать, но и отдыхать. Ансамбль этой бригады пользовался большим успехом среди бойцов и населения. Лидия Жилмостных играла в составе оркестра Дома пионеров Старого Оскола, который часто выступал с концертами перед жителями города и участниками строительства дороги. А затем сама попала в бригаду Т. Семеновой и не только работала ударно, но была главной запевалой в ансамбле. «Как только перерыв – так девчата в кружок, как только закончилась смена – так песня».

Анна Проторчина пишет в своих воспоминаниях: «Вот увидит, бывало, бригадир Тамара Семенова в обеденный перерыв, что кто-то загрустил и скажет: «А давайте споем». И мы пели. Пели свои любимые песни того времени: «Вечер на рейде, «В землянке», «Ты ждешь, Лизавета». Или вдруг предложит какой-нибудь танец в собственном исполнении под наши аплодисменты. И ее кто-то обязательно поддержит, чаще всего самые молодые из нас: Лида Щурова, Зоя Кондаурова. Это снимало усталость, помогало в работе».

Работали женщины даже ночью. Молодость помогала преодолевать трудности. Жили общими переживаниями, взаимной поддержкой.

«Работали даже тогда, когда человека должно было сломить большое горе», – пишет в своей статье корреспондент Неля Бобрышова в районной газете. Вспоминает А.Е. Бокулина: «Как-то из нашего села Сазановки прибежал мальчик к одной женщине и подал бумажку. Это была похоронка на убитого отца. Мать смотрела в землю, не плача, потом сказала: «Пошли, работать надо». Весь остаток дня носила

землю, а вечером после работы она ушла в степь и до утра просидела одна в скорбном молчании и горе».

«Кровавые мозоли не сходили с рук, но никто из девушек не жаловался. Все знали, что эта дорога нужна фронту. Работали все с удвоенной энергией», – вспоминает Лидия Шугаева-Селиверстова. Общее горе и желание помочь фронту делало их более милосердными. Помогали совсем незнакомым людям, делились последним. И очень любили свою Родину.

«Вместе с солдатами укладывали рельсы на полотно дороги. Полуголодные. Норма хлеба была 400 г, крупы 50 г из общего котла и 1 ч. ложка сахара в сутки. Распухали руки, ноги, ладони в кровавых мозолях, но со своего участка работы никто не уходил, знали, что от каждого зависит быстрейшее завершение стройки. Поэтому работали каждый за двоих-троих. Сдавали около 3 км готового пути. И как бы мы ни уставали, молодость брала свое. Умели мы и отдыхать: пели, шутили, танцевали, — вспоминает участница строительства дороги А.Е. Кочергина Как-то военный инженер попросил: «Девчата! Этот участок надо выполнить за один-два дня. Я вас завтра всех сфотографирую». Участок выполнили, а фотографии — нет. Потом инженер признался, что у него и фотоаппарата не было, но вместо фотоаппарата пригласил гармониста. Напелись, натанцевались, и снова за работу. И работать стало легче».

Дорога «Старый Оскол – Ржава» строилась в прифронтовой полосе, поэтому можно было ежедневно слышать гул артиллерийских орудий, а по ночам были видны трассирующие полеты реактивных снарядов. Более всего поразил первый налет фашистов на дорогу Анну Андрееву из Старого Оскола: «Гляньте, – кричала девушка, – сколько ворон летит. Вначале страшно было, но потом я ничего не боялась. Приходилось под налетами фашистских бомбардировщиков ночью работать. Бог миловал».

18 июля 1943 г. состоялся митинг, посвященный открытию дороги. Вспоминает Лидия Шугаева-Селиверстова: «… Когда поехал первый поезд по нашей дороге, радости не было границ. Я ехала на платформе первого поезда, которую толкал паровоз впереди себя, а по себе стороны дороги строители кричали «Ура!», целовались, подбрасывали свои косынки, аплодировали. Как мы волновались! А вдруг паровоз сойдет с рельс?»

Многие девушки и подростки очень рано научились отвечать за свои слова и поступки. Именно война научила их быть стойкими, без жалоб переносить любые трудности, жить с оптимизмом. Они по-

взрослому понимали, что такое долг перед Родиной. К 65-летию Курской битвы, 9 июля 2008 г. в Старом Осколе состоялось торжественное открытие памятника-мемориала «Строителям железной дороги Старый Оскол – Ржава». На гранитном постаменте из камня, привезенного с Урала, – три женских бронзовых фигуры в момент наивысшего напряжения работы.

Глубокий патриотизм поколения, воспитанного на героических символах недавнего революционного прошлого, но имевшего в большинстве своём книжно-романтические представления о войне, отличал тех молоденьких девочек и девушек, которые осаждали военкоматы с требованием немедленно отправить их на фронт, взрослых женщин, которые без сна и отдыха трудились в тылу врага. Вместе они приближали долгожданную победу.

М.В. Каиль

Смоленск, Смоленский государственный университет

ЖЕНСКОЕ ПОСЛУШНИЧЕСТВО И МОНАШЕСТВО КАК ФОРМА ИЗОЛЯЦИИ И ПОИСК СПОСОБА СПАСЕНИЯ В БЕЗБОЖНОМ ГОСУДАРСТВЕ

В период реализации положений эпохального декрета об отделении церкви от государства и в рамках социальной политики большевиков с 1918 г. началось закрытие действующих монастырей, ликвидация общин[148]. Некоторые из них вынужденно были распущены вследствие судебных дел в отношении отдельных сестер или всего сестричества (в том числе и во исполнение решений трибуналов). Динамика ликвидации женских обителей была различной в разных регионах, однако уже в первые революционные годы де-юре была ликвидирована значимая их часть. Фактически же общины, обладая традиционной устойчивостью (несмотря на нередкие явные и скрытые конфликты в женской монастырской среде), искали способы подзаконного существования, либо уходя в подполье[149], либо образуя сельскохозяйственные коммуны и убеждая власти в своей социалистической трудовой ориентации.

---

[148] При поддержке РГНФ, проект № 11-31-00331 а2.

[149] Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 40–41.

Последний путь был весьма распространен в 1918 – начале 1920-х гг. – его выбирали как крупные обители, так и совсем небольшие общины. Большие монастыри таким образом пытались сохранить свою земельную собственность, хозяйственную инфраструктуру, нередко включаясь в социально-ориентированные проекты новой власти (пошив белья и обмундирования для армии, уход за ранеными и т. п.). Примером крупного монастыря, избравшего этот путь может служить Вознесенский девичий монастырь Смоленска – один из наиболее авторитетных в дореволюционной Смоленской епархии. За попытку сокрытия от реквизиции ценностей администрация монастыря и ряд насельниц были осуждены трибуналом летом 1918 г.: по решению судебного органа монастырь был ликвидирован. При этом монашеская община потеряла свою гендерную однородность: в уставе значилось, что в состав коммуны могут входить «граждане обоего пола»[150]. Однако, здесь скорее создавалась видимость – в составе 33-х учредителей «монастырско-Вознесенской трудовой сельскохозяйственной коммуны» мужчин не было. Специфично в социальном русле решался и традиционный для монастыря вопрос нестяжания: «Вступивший в Коммуну должен предварительно ликвидировать по возможности все свои имущественныя правоотношения, после чего все его имущество и все имущественные права поступают в Коммуну»[151]. Всего же в 1918 – начале 1920-х гг. в епархии функционировало 9 зарегистрированных религиозных сельхозкоммун, из них 5 – женских[152].

При этом с дореволюционной поры существовала практика создания при отдельных приходах, в основном сельских, особых общин-сестричеств, в которые объединялись вдохновленные отцом-настоятелем и преданные приходу женщины. Как правило, это были вдовые, одинокие женщины среднего и старшего возраста (от 35–40 до 60–65 лет), которые образовывали нечто вроде женской общины.

Вопрос о статусах добровольных сестричеств и катакомбных общин и монастырей нуждается в детальной проработке, но можно предположить наличие существенных различий между этими формами

---

150 ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 3. Д. 776. Л. 2.

151 Там же. Л. 3.

152 Редькина О.Ю. Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917-м – 1930-е гг.: на мат-лах европейской части РСФСР. Волгоград, 2004. С. 625.

организации религиозной жизни. Единственным источником о сестричествах становятся архивно-следственные дела настоятелей приходов их окормлявших: по доносам и наветам от сельского общества священники обвинялись как раз в создании тайных контрреволюционных организаций. Уход женщин от мира в рамках этих дел трактовался как сознательное противодействие власти, неприятие и срыв ее вероисповедной политики.

Пример сестричества-монастыря представляет собой Троице-Сергиева коммуна в селе Ветрово Вяземского уезда Смоленской губернии. Ее основатель – представитель династии смоленских священников отец Василий Григорьевич Троицкий впервые был условно осужден на 2 года концлагеря в 1925 г. как раз за создание «Троице-Сергиевской трудовой женской коммуны, в каковой числится членами 93 монашки и по строению своему являвшейся фактически женским монастырем, в каковом Троицкий пользуется большим авторитетом и управляет совместно с двумя монашками Марией и Агнией»[153]. В данном случае, объединяющим ядром общины (трудно представить, что все насельницы действительно были монахинями) была личность ее основателя. Личный аскетизм, слава духовного помощника, целителя не только духовного, но и телесного, сделали отца Василия центром притяжения женской веры.

Дальнейшая история этой большой общины известна из показаний монахини Натальи Афанасьевой, арестованной вместе с отцом Василием и несколькими десятками верующих в 1932 г.: «Организатором нашей общины был Троицкий, в общине нас было около семьдесят человек и таковая существовала примерно до 1929 г. и в 1929 г. мы разошлись так как нам запретили ходить коммунисты и советские начальники в церковь и посадили нашего духовника Троицкого… После освобождения Троицкого он переехал в село Вельмеж я поехала к нему, по приезде в Вельмеж и по настоянию Троицкого прихожане приняли меня в церковь на должность сторожа и я остановилась в сторожке вместе с Троицким»[154]. Как видно, верные последователи отца-настоятеля следовали за ним на всем крестном пути, презрев все опасности. Практика организации общины на новых местах служения

---

[153] Архив Управления ФСБ по Смоленской области. Арх. № 11453-с. Л. 180.
[154] Архив Управления ФСБ по Смоленской области. Арх. № 22702-с. Л. 96.

ее основателя также понятна: по настоянию священника приходской совет мог принять верных спутников пастыря на должности в приходе, либо просто содержать их как помощников и соработников настоятеля прихода. Такой «кочующий монастырь» поддерживался авторитетом настоятеля, существовал на договорной основе, естественно сокращаясь численно под влиянием репрессий и вынужденных перемен мест пребывания.

Конечно, отдельные штрихи из истории, уверены, многочисленных тайных сестричеств, существовавших в российской провинции с 1918 г. вплоть до Большого террора, почерпнутые из материалов следственных дел, не дают полного представления об этом сложном явлении как в истории русской церкви, так и женской истории драматичного XX в. Стоит отметить слабую формализацию этой формы религиозной жизни (для членов сестричества зачастую не имел значения их личный статус – многие называли себя монахинями, не являясь таковыми, иные, приняв постриг, вынуждены были иначе себя публично идентифицировать). Лишенные характерного для русской приходской жизни формализма сестричества и женские монастыри становились центрами подлинной духовной жизни, объединяя истинно верующих преданных Христу и христианской этике, но вместе с тем вытесненных миром и окружающим обществом женщин. Фанатичное следование за пастырем очевидно являлось формой сознательной изоляции, бегства от враждебно-разрушительного мира на пути к христианскому спасению.

С. Туйчиева
ИИАЭ им. А. Дошина АНТ (Таджикистан)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАМИРСКОГО ОБЩЕСТВА В ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ

В годы независимости в Горнобадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикистана, больше известной как Памир, как и по всей стране, возникла совершенно новая проблема – миграция, которая не стояла остро в советские годы. Она требует наряду с решением многих задач (обучение мигрантов, принятие законодательных актов, банковских соглашений и прочих) и решения гендерных вопросов.

В 2008 г. число мигрантов из ГБАО в России достигало 12% (около 24 тыс. чел.) от всего населения Памира, а в настоящее время – 30–40 тыс. чел., т. е. около 15% от всего населения области. Это, в основ-

ном, выходцы из сельской местности, некоторые из которых принимают в России христианство. Они движимы различными интересами: большими заработками, стремлением посмотреть мир, социально-экономическими мотивами, трудовой деятельностью. Выходы из равнинных районов ГБАО чаще едут на постоянное место жительство в Россию.

До 2000 г. среди гастарбайтеров ГБАО преобладали мужчины, но к 2004 г. доля женщин достигла 155 чел. от общего количества мигрантов, включая детей и жен. По данным центрального офиса Агахана, по странам СНГ в г. Москве количество женщин-мигрантов в России достигает 5 тыс. чел. Всего из Таджикистана выехало 55 тыс. женщин или 6,5%. Характерно, что, если женщины из Согда и ГБАО составляют соответственно 11 и 10% от числа гастербайтеров, то из Хатлона – только 3,2%. Эксперты в Таджикистане выделяют три основных фактора, заставляющих женщин искать работу за рубежом: экономические интересы, стремление сохранить семейные узы и желание самореализации в другой стране. К этой категории относятся женщины с высшим образованием и высокой профессиональной квалификацией. Однако по данным исследователей основная часть девушек, в т. ч. и жительницы Памира, не имеют специальности и квалификации.

Социокультурная интеграция переселенцев в местное сообщество различных стран СНГ происходит в зависимости от традиций регионов Таджикистана, откуда происходят мигранты, их социального статуса, интересов, условий принимающих стран. 65% мигрантов имеют семью, 35% не имеют, 4–5% мигрантов женились в России. Временные браки заключили 35% от общих заключенных памирцами. Среди мигрантов нет челночников, так как привозить товары в ГБАО невыгодно из России. Главная цель миграции – получение дохода и отправка часть заработка на родину, объем которого составил в 2009 г. около 2 млрд. долл.

Согласно исследованиям женщины-мигранты гораздо дешевле обходятся принимающему обществу и находятся в группе низкооплачиваемых трудовых мигрантов (до 500 долл. в мес.). Соотношение женщин и мужчин составляет 3–1, а в группе высокооплачиваемых мигрантов (свыше 1 000 долл. в мес.) эта пропорция противоположна: 1 женщина на каждых 3 мужчин.

Общины становятся для мигрантов малой родиной. Процесс акультуризации памирских исмаилитов происходит по трем каналам-ассимиляция, маргинальность и интеграция. Характерно, что женщинам и на чужбине вменяется в обязанность находиться в сфере своих

традиционных интересов: сохранять обряды и культы прошлого, приметы быта, язык, фольклор, музыкальное искусство, ремесла, кулинарию – все это они обязаны беречь и транслировать общине через многие сферы культуры и общественной жизни в новой, непривычной для мигрантов среде. Мужчинам же отведена не менее традиционная роль хранителя религиозной практики наряду с публичной деятельностью и получением дохода.

Эксперты полагают, что основными ресурсами успешной адаптации таджикских женщин, в частности, в России, являются наличие опыта работы на родине, гибкость и умение приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам и их эмансипированность. Наличие таких качеств, которыми отличаются именно памирские женщины, позволяет им рассчитывать на собственные силы, одновременно используя ресурс земляческой или родственной поддержки. Способность быстро ассимилироваться в новой среде, легко входить в контакт с людьми, свобода поведения и выбора, отсутствие строгих религиозных регламентаций – все эти качества являются одними из главных характеристик памирских женщин, которые помогают им интегрироваться в новое общество быстрее, чем женщинам из других регионов, скованных большим числом предрассудков и религиозных запретов.

В последние годы встала и другая проблема – появление в Российской Федерации детей-сирот, для решения которой Московский департамент представил программу «Комплекс мер по преодолению социального сиротства в г. Москве». Это дети трудовых мигрантов, от которых отказываются матери из-за плохого здоровья ребенка, бедности, неспособности прокормить детей, страх позора и гонения близких. Таджики Москвы создали благотворительный фонд содействия защите материнства и детства « Даргил наник» («Найди меня, мама»). Сейчас ведется работа по получению квот больным детям-иммигрантам в больницах Москвы, созданию документальных фильмов о сиротах и роли матери и ребенка в обществе.

До 2000 г. Фонд Агахана активно оказывал гуманитарную помощь всем жителям Памира. В начале нового тысячелетия была разработана специальная программа помощи и развития Памира «Программа помощи и развития горных регионов» (Mountain society development support program), которая нацелена на поддержку государственных проектов на поднятие экономики Памира. В поддержке государственных планов активную роль играет и таджикское гражданское общество,

начиная с институтов традиционного общества (махаллинские советы, пиры, сайиды и др.) до официально зарегистрированных НПО. Среди них активную позицию заняли и НПО Бадахшана, одной из главных проблем которых на сегодняшний день является обучение жителей навыкам предпринимательской деятельности, что может способствовать более устойчивому развитию семей. Борьба с безработицей ведется в ГБАО и традиционными средствами, активно использовавшимися в период установления советской власти: посредством обучения населения, в том числе и женщин, базовым навыкам (шитье, ковроделие, вязание и др.) часто для практики надомного труда.

Традиционно жители Памира, среди которых немало женщин, обучаются швейному делу, кулинарии, пчеловодству, информационным технологиям, основам бизнеса и строительным специальностям. В городе Хороге существуют и другие курсы, например, швейного дела, вязания, ковроделия, резьбы по камню. Таким образом, курсы открылись по тем специальностям, которые традиционно востребованы в памирском обществе (шитье, кулинария, пр.), но в то же время представлены и новые направления – информатика, бизнес.

М. Чхартишвили, К. Маниа
Тбилиси, ТГУ им. И.А. Джавахишвишли, Сухуми, СГУ

ТЕМА ЖЕНЩИНЫ В НАРРАТИВЕ ГРУЗИНСКОЙ НАЦИИ

Появление общественного интереса к положению женщин связано не с наступлением нового времени вообще, как иногда склонны думать, а конкретно с формированием наций и с необходимостью искоренения в этом процессе социальных маргинальностей всякого рода, в том числе, и гендерной.

Среди теоретиков национальных и этнических исследований бытует мнение (и мы разделяем это мнение), что нации создаются политическими и культурными элитамы общности. Несмотря на это, нации – массовые феномены. Они являются специфическими формами культуры, а именно, публичной культуры (Э. Смит). Следовательно, принципиально невозможно возникновение национальной идентности в социально стратифицированных общностях, характеризуемых разной степенью причастности отдельных индивидов к общей культуре. Необходимым условием возникновения нации является безпрепятственная циркуляция идей нации внутри коллектива: эта идея должна быть в

равной мере доступна большинству членов потенциальной наций и наличие общественных маргиналов не должно быть помехой этому.

Отражением указанной закономерности, свойственной процессу формирования наций, является тот факт, что в националистических идеологоиях (т. е. дисскурсах, имеющих целью обеспечить благосостояние нации) большое внимание уделяется разработке темы женщин, вопросу эмансипации «слабого пола». Женский образ наряду с другими темами, предстовляет tópos koinós идеологий национализма. Эта тема является частью универсальной матрицы нарратива о нации.

Вопросы, которые касаются всеобщности характера основных постулатов национализма и его фундаментальных требований или связи гендерной проблемы с национализмом, являются хорошо разработаными темами в теоретической литературе. Следовательно, этого аспекта в докладе мы коснемся лишь бегло. Фокусом настоящего исследования является репрезентация определенного этапа исторического развития идеологии грузинского национализма и выявление особенностей разработки женской темы в грузинской среде в процессе концептуализации нации. С этой целью мы анализируем творческое наследие (художественные произведения, газетные и журнальные публикаций) известного грузинского писателя и общественного деятеля Ильи Чавчавадзе (1837–1907), который еще при жизни был прозван отцом грузинской нации (он же Св. Илья Праведный, канонизированный Грузинской Православной Апостольской Церковъю в 1987 г.) и которому принадлежит решающая роль в разработке идей грузинской нации.

В своих художественных, а также во многих публистических произведениях Чавчавадзе представлял грузинских женщин как носителей грузинской аутентности. Чавчавадзе является автором популярного до ныне образа «Матери Картли». «Картли» это древнее название «Сакартвело», т. е. Грузии. Но «Сакартвело» более инклюзивное понятие, в то время как «Картли» подчеркивает этничность и, соответственно, эксклюзивность коллектива. Через этот образ имело место персонификация идей родины и актуализировался важный маркер коллективной идентности – вера в общее происхождение. Так тема женщины служила восполнению пакета символов грузинского национализма.

Вместе с тем, она была тесно связана и насущными практическими проблемами национальной мобилизации. Чавчавадзе старался сделать женщин равноправными членами раждающегося националь-

ного коллкктива, пробудить их к общественной активности, искоренить замкнутость женщин в семье.

Преодоленые общественной пассивности грузинских женщин Чавчавадзе предсталялось возможным посредством образования. Он всячески способствовал и поощрял открытие женских учебных заведении. В своих статьях Чавчавадзе подробно информировал грузинское общество о положении разработки женского вопроса и о фактах женского движения в Соединенных Штатах Америки, европейские страны и, конечно же, в России, составной частью которой Грузия была при жизни Чавчавадзе.

Несморя на то, что Чавчавадзе, как и все националисты, большое значение придавал сохранению традиций, в женщине он в первую очередь ценил понимание ею своих обязаннстей перед нацией, а не традиционной роли хранитеьлницы семейнного очага. Быть женщиной в глазвх Чавчавадзе означало не что иное как постоянное служение родине, самопожертвование во имя нации. По его мнению, в женщине важна ее человечность и гражданская зрелость и только после этого тот факт, что она мать, сестра или дочь.

Для грузинского опыта характерным является то, что женский вопрос подымался не самыми женщинами. Женский вопрос приниял общественное звучание через старания мужчин – лидеров грузинского националистического движения и, сдедовательно, женская тема имела большой «вес» в нарративе грузинской нации. Такое положение вещей кроме вышеупомянутой законмерности процесса национальной консолидации, находит объяснение и в специфике исторического развития грузинской общности.

Нарратив грузинской нации, созданный Чавчавадзе и разработка им темы женщины, имело большое значение для последующего развития грузинской идентности. В связи с этим будет уместным упомянуть конституцию первой Грузинской Республики (1918–1921), по которой всем гражданам Грузии без исключения предоставлялось полное избирательное право. В феврале 1919 г. на основе этой конституции проводились выборы в Учредительное Собрание. Женщины Грузии не только участвовали в этих выборах, но и сами были избранны депутатами. Этот факт нам представляется логичесим исходом гендерно балансированной концептуализации грузинской нации в XIX в.

А. Г. Айрапетов
Тамбов, Тамбовский гос. университет имени Г. Р. Державина

ПРОСВЕЩЕННАЯ ЖЕНЩИНА И НАЦИОНАЛИЗМ

Речь пойдет об авторитетном венгерском историке и общественном деятеле, академике, видном исследователе национальной и мировой истории XX в. Марии Ормош. В 1980–1990-е гг. она была деканом и ректором университета в Пече, членом ЦК Венгерской социалистической партии. Историческая трансформация ее родины в конце XX – начале XXI в. (в Венгрии этот процесс получил название «смены общественного строя»), выразившаяся в отказе от социализма, вступлении Венгрии в Европейский Союз, актуализировала в общественном мнении страны вопрос о национальной идентичности мадьяр. Он имеет по меньшей мере два аспекта: этноязыковой (труднодоступный венгерский язык остается, как и раньше, неким сфинксом для соседних славянских, германских, романских народов) и геоисторический (расположившись с конца IX в. центре Европы, венгры воспринимают себя полностью европейцами или нацией-медиатором между Европой и Азией).

Редко встречается, чтобы по национальному вопросу публично высказывалась женщина. Сошлюсь на два сборника эссе, недавно опубликованных в Венгрии и переведенных на русский язык – «Венгры и Европа» (2002) и «Венгерский гений» (2011). Среди 38 авторов этих весьма содержательных публикаций только две женщины: М. Ормош и прозаик Анна Йокаи. Мне захотелось выяснить: «Как сказывается на позиции образованной, умной, эмансипированной дамы ее женская природа?». Выскажу небесспорное предположение о существовании внутренней психологической связи между женщиной, дающей жизнь человеку, и нацией – общей матерью многочисленной группы людей. Как известно, существительное «нация» в языках, имеющих род (русском, других славянских, немецком, французском), женского рода. А вот слово «национализм» в тех же языках мужского рода, и, вероятно, это не случайно. Национализм, подобно мужчине, призван наступать, позиционировать, защищать.

Читая эссе М. Ормош «Венгры на родине и дома, вчера и сегодня», прежде всего обращаешь внимание на такую черту ее характера, как толерантность. Это видно по тому, что автор избегает категоричных оценок. Она констатирует, что в современной Венгрии наряду с большинством людей, имеющих несомненный и однородный венгерский

идентитет, бок о бок проживают диаспоры иных наций с иным национальным самосознанием. Ормош полагает, что невозможно установить, которое из двух для них первично. Иллюстрацией высказанного суждения служит анализ положения и этнического самосознания венгерских цыган, к которым в обществе сохраняется неприязненное отношение. Ормош, как ласковой матери, дороги все дети родившиеся и (или) живущие в Венгрии. Вновь деликатно она замечает: «Можно предположить, что немалая часть цыган по своему душевному, психическому складу имеет двойственную природу, и найдут ли они свое место на родине, зависит в первую очередь от того, какова эта родина»[155].

Рассматривая положение и самосознание венгерских евреев, Ормош указывает, что в противоположность неприятия цыган, антисемитизм не характерен для широкого общественного мнения. Тем не менее Ормош хотела бы переубедить антисемитское меньшинство. И она делает тонкий ход: вместо буддирования сострадания к евреям, пережившим холокост, акцент делается на вскрытие корней антисемитизма, на доказательство того, что антисемитизм по тем же основаниям можно легко заменить другой нациофобией.

Сложная мозаичная картина вырисовывается в отношении венгров, живущих за пределами матери-родины. Ормош хотела бы узнать, сохраняют ли эти венгры психологическое единство с венгерскими мадьярами или в их сознании венгерское переплетается с принадлежностью к словацкой, словенской, румынской нациям. В последнее десятилетие возник также феномен наднационального общеевропейского самосознания, характерного для венгров и других наций, вступивших в Евросоюз. Ормош, отдавая приоритет личным свободам граждан, на вопрос «Являются ли мадьярами зарубежные венгры?» отвечает утвердительно: «Со всей определенностью да, они являются таковыми, если они ощущают и признают себя венграми»[156].

Любовь к соплеменникам не сродни у Ормош безграничной жалости, самооправданию. Напротив, она призывает венгров быть самокритичными и преодолеть всякого рода страхи, точнее то, что осталось от них в подсознании венгров. «Больше нет, – напоминает Ормош, –

---

[155] Венгерский гений. Венгры, как они видят себя, Венгрию, свое место в истории и современно мире. М., 2011. С. 235 – 236.
[156] Там же. С. 242.

ни турок, ни Габсбургов, нам не угрожает Гитлер, и русские ушли к себе домой. И больше не нужно ни ударяться в бега, ни странствовать, ни скрываться… А боязнь все еще остается, – с грустью констатирует эссеист, – и давит по-прежнему…Часть венгров по-прежнему мнят себя жертвами и отверженными париями, что им совсем несложно, поскольку вновь много, слишком много настоящих отверженных» (живущих за чертой бедности. – А.А.). В их сознании вакуум внешнего врага заполняется под влиянием экстремистской крайне правой пропаганды образом нового угнетателя в лице интегрированной Европы. Одновременно «новые парии» не скрывают ностальгии (чувство, хорошо знакомое россиянину. – А.А.) по кадаровским временам, когда они были так или иначе социально защищены Ностальгия по прошлому распространяется даже на режим Миклоша Хорти, который пытаются представить в розовом цвете.

Ормош против любого силового решения межэтнических противоречий. В вопросе о венгерской диаспоре она на стороне большинства мадьяр Венгрии, которые смотрят на «венгерскую проблему» прежде всего через призму национальной политики того или иного государства. Она пишет в этой связи: «Они не ревизионисты (сторонники пересмотра границ и перекройки территорий, установленных Трианонским договором 1919 г. – А.А.) и не поддержали бы массовую репатриацию, но они не отказываются ни от взаимных уз, ни от сопереживания и готовы содействовать реализации интересов зарубежного венгерского населения, если это не нарушает их собственных действительных или мнимых интересов…С точки зрения национальной политики оно право»[157].

Отмеченный уже приоритет личных прав человека предопределяет позицию М. Ормош в «венгерском вопросе»: «Мы, как можно предположить (вновь обратим внимание на то, что она избегает императивного тона), поступим правильнее всего, если… будем считать венгром любого, кто идентифицирует себя самого как венгра». Завершая свое эссе, Мария Ормош вновь задает риторический вопрос «Так что есть венгр сегодня?», на который нельзя ответить однозначно, с естественнонаучной точностью. С оптимизмом, больше присущим женщине, она пишет: « Это маленькая нация, которая… не умеет “подвести итог своему прошлому”… и пока не освоила правил, действующих в настоя-

[157] Там же. С. 249.

щем… Вместе с тем она быстро учится (и дурному, и хорошему в равной мере) и хотела бы как можно скорее зажить хорошо и спокойно».

Т.М. Ковалева,
Омск, Омский Маркетинговый центр «Интервью»

ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ОМСКА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ (ПО ДАННЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА, МАРТ 2012 ГОДА)

Протестные настроения – это определенное состояние общественного мнения, когда в обществе формируется недовольство существующим порядком вещей и при этом власть не может или не хочет его менять. Часть граждан при этом выражают готовность выказывать явное и публичное недовольство в адрес действующей власти сложившимся порядком вещей.

И, как правило, протестные настроения возникают, когда ущемлены какие-либо права граждан и к этим гражданам приходит осознание ущемления этих прав. Спусковым крючком для запуска протеста выступает какое-либо событие, факт социальной, политической или экономической жизни. Интересным представляются гендерные особенности протестного настроения населения и готовности принять участие в акциях протеста на территории города Омска.

Социально-политическая ситуация сложившаяся на кануне выборов Президента РФ оказывает не благоприятнее влияние на настроение жителей города Омска, тем самым вызывает у них протестное настояние и готовность принять участие в каких-либо акциях протеста (митингах, голодовках, забастовках и т.д.

Согласно социологическому исследованию проведенному в городе Омске, накануне выборов Президента РФ (март 2012 г.), 40,82% опрошенных жителей г. Омска испытывают недовольство, протестное настроение. Желание принять участие в акциях протеста, было выявлено у 27,0% опрошенных жителей города Омска.

Протестные настроения, как правило, характеризуются наличием требований к действующей власти и их содержанием. Эти требования могут содержать требования как «против», так и «за». Разброс в этих требованиях препятствует консолидации протестных сил, и, следовательно, снижает уровень протестных настроений. Силу протестных настроений

характеризует готовность граждан участвовать в акций протеста. По данным социологического исследования 43,31% женщин в городе Омске, накануне выборов Президента РФ испытывают недовольство и протестное настроение, и в тоже время 76,61% опрошенных женщин не готовы принимать участие в каких либо акциях протеста (митингах, голодовках, забастовках и тд.). Стоит отметить, что лишь 19,72% опрошенных женщин готовы принять участие, в каких либо акциях протеста (митингах, голодовках, забастовках и тд.), что говорит о низкой политической активности женщин города Омска.

Испытываете ли Вы лично недовольство, протестные настроения?	Ваш пол?	
	мужской	женский
испытываю	37.60%	43.31%
не испытываю	56.01%	53.35%
затрудняюсь определить	6.39%	3.35%
Всего	100.00%	100.00%

Как показало исследование, мужчины в меньшей степени испытывают недовольство и протестное настроение, накануне выборов Президента РФ (37,60%). Показательно, что, несмотря на низкий уровень протестного настроения, мужчины в большей степени, готовы были, на кануне выборов Президента РФ принять участие в каких-либо акциях протеста (митингах, голодовках, забастовках и тд.), так отметили 35,41% опрошенных. Необходимо отметить, что мужчины в отличии от женщин, накануне выборов Президента РФ 2012 г., в наибольшей степени испытывали протестное настроение и выражали готовность принять участие в каких либо акциях протеста (митингах, голодовках, забастовках и т. д.).

РАЗДЕЛ 4. ГЕНДЕРНОЕ ПРОЧТЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ, ОБУСЛОВЛЕННЫХ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ РОССИИ, ОСОБЕННОСТЯМИ СМЫСЛОПОЛАГАНИЯ ЖЕНСКОГО И МУЖСКОГО В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Н.В. Шалыгина, М.Г. Котовская
Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

ПРОТОИСТОРИЯ «ГЕНДЕРНОГО ДОГОВОРА»

Профессиональная проблематика гендерных исследований за последние годы заметно актуализировала такие понятия, как конструирование символов в пространстве культуры и «игра смыслами», состоящая из ежедневных действий, ритуалов, формирования социальных ролей, которая реализуется в создании различных моделей поведения. Суть символического противостояния мужского и женского начал в каждой культуре нередко означает борьбу за установление отношений господства-подчинения, т. е. выстраивания властных отношений.

Форма и смысл гендерной роли никогда не бывают заданы заранее. Они формулируются игровыми и символическими принципами, складывающимися в процессе развития конкретной культуры. Этот «гендерный перфоманс» должен повторяться из поколения в поколение, формируя то, что сегодня принято называть гендерной идентичностью. Особенностью как мужской, так и женской идентичностей является то, что они одновременно выступают и как личностные, и как социально-культурные ориентации (направленность на достижение желаемого социального положения путем включения в те ли иные социальные группы, стремление к общественным идеалам и принятие конкретных культурных образцов поведения).

В мифологической традиции женщина вписана в патриархальную картину мира. Как правило, она не выступает в качестве инициатора космогонического прецедента (за исключением зоо- и орнитоморфных образов, например, женского персонажа типа Великой Уткиныряльщицы, из яйца которой сформировались небо и земная твердь). Обычная мифологическая роль женщины – это героиня-неудачница, союзница или противница мужчины (яркий пример – Тиамат и ее конфликт с Мардуком в древнешумерской поэме «Энума-Элиш»). Мифы традиционного общества представляют женщину выстраивающей свои жизненные стратегии, согласно условиям «гендер-

ного договора», т. е. по принципу «ты мне – я тебе». «Ты мне» – это требование, которое выдвигает мужчина, предлагая женщине трудиться над воспроизведением его маскулинности всеми возможными способами. «Я тебе» – это ответственность, которую также берет на себя именно мужчина, обещая женщине заботу и внимание. Женщине отводится пассивная роль жертвы, послушницы, страдалицы. Так формируется уравновешенная взаимными обязательствами сторон модель «гендерного договора» патриархальной культуры. Правда, «работает» эта модель только тогда, когда существуют соответствующие условия, позволяющие ей функционировать. Условия меняются (война и её последствия, демографические перекосы, сдвиги в социальной политике и т.п.) – модель перестает «работать».

Не всех женщин устраивала пассивная социальная роль, которая отводилась им патриархатной моделью культуры. Отсюда – постоянный поиск женщинами пути самовыражения, самостоятельного социального действия и доступа к власти. Однако эти искания неминуемо приводили к нарушению условий социального договора между полами. Отказ исполнять обязательства договора ставил женщину на грань жизни и смерти, и, следовательно, приводил её к необходимости искать способы выживания в новых социальных и экономических условиях.

Этнографические и палеоэтнографические материалы дают возможность судить о том, что уже в обществах охотников и собирателей можно выявить такие женские стратегии выживания, которые были ориентированы на формирование активной социальной позиции женщин, прежде всего – в трудовом процессе. Это может быть объяснено тем, что женщина была включена в систему жизнеобеспечения наравне с мужчиной: участвовала в «охоте», занимаясь собирательством, которое давало ощутимый объем пищевых ресурсов. Более того, в зависимости от конкретных природных условий, женщина нередко занималась и более приоритетными, по сравнению с мужчиной, формами жизнеобеспечения. Так, М. Мид в 1935 г. описала африканское племя тчамбули, где наблюдала обратное распределение ролей: женщины ловили рыбу и торговали, а мужчины занимались украшениями и «обдумыванием праздничных церемоний». В племени арапешей мужчины и женщины вообще все делали совместно, что, кстати, способствовало доминированию женских ролей в обществе и приоритетности женских черт характера.

В обществах земледельцев сформировались иные виды гендерного взаимодействия, предписывающие женщине подчинение мужчине. Соответствующие женские качества воспитывались весьма целенаправлено. В Западной Африке, например, один из самых известных женских союзов – союз Бунду – фактически представлял собой обучающую систему для девочек, где их учили не только домоводству, танцам, играм, но и нормам супружеской жизни, соблюдению тонкостей субординации во взаимоотношениях с мужчиной. Обучение, окруженное атмосферой таинственности, заканчивалось обрядом инициаций, который включал и женское обрезание. Все ритуальные предметы после этого уничтожались. Только после такого обучения девушки получали статус взрослой женщины и могли вступать в брак. Предполагалось, что усвоение учебного материала происходило не только на ментальном, но и на сакральном уровне, а, значит, не подлежало изменениям.

Женские союзы, аналогичные Бунду, существовали и в Меланезии, и у папуасов Новой Гвинеи, и у индейцев Северной Америки, и во многих других традиционных обществах мира. Приобщение девушек к таинствам женского поведения требовало от них недюжинной выносливости, сноровки, а главное терпения. Процесс обучения моделировал (и не только в символической форме) те трудности, с которыми женщине предстояло столкнуться в реальной жизни рядом с мужчиной, а также давал рекомендации по преодолению этих трудностей. Сценарий женского инициационного обряда, например, у индейцев Южной Калифорнии включал пребывание испытуемой в яме в течение 10 дней, причем тело ее было засыпано землей. Предполагалось, что никаких отрицательных эмоций по поводу столь сурового испытания девушка не выкажет, а в последующем сумеет справиться с собой и в других, не менее (если не более) сложных ситуациях.

Концепция «вторичности женщины» формировалась через индивидуальные и коллективные каналы социализации как система диспозиций, порождающая и структурирующая повседневную практику прочных предрасположенностей, принципов и представлений в рамках патриархатной культуры.

О.П. Краснова
Москва, Российский государственный социальный университет

СМЫСЛОПОЛАГАНИЕ ФЕМИННОСТИ / МАСКУЛИННОСТИ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПАРАДИГМ ЗАПАДА И ВОСТОКА

Антропологическая модель гендера Восточной (Евразийской) цивилизации, рассматриваемая в социокультурном и историческом аспектах, может быть представлена гендерно-ментальной спецификой, нашедшей отражение в философских трудах Н.А. Бердяева. Концептуальным основанием исследуемой проблемы «феминности / маскулинности» в контексте парадигм цивилизаций является характеристика «мужского / женского» начал, зависящих от этнических составляющих; адаптивно-деятельностных моделей, сложившихся на их основе; от механизмов конструирования этноса[158].

«Мужское / женское» как в своем универсальном, символическом, так в онтологическом и антропологическом смыслах наделены определенными константами, которые являются соответствиями сущностных черт. «Женское / феминное начало» в восточном менталитете характеризуется нерасчлененным унитарным сознанием, цельностью бытия, таинством, неоднозначностью, воображением, эмоциональностью, интуицией, жалостью и милосердием.

Женственность России как феминной цивилизации в гендерной картине мира определяется следующими качествами: склонностью к хаосу, непредсказуемостью, неспособностью к самоконтролю, экстремизмом, иррационализмом, излишней покорностью и терпением, слабостью воли, неумеренностью ни в чем: доброта и милосердие вызывают опасения; душевностью; эмоциональностью, экспрессивностью[159].

Антропологическая модель русского начала «маскулинности», по определению русских философов находит свое выражение в проявлениях «женского начала»: женской уступчивости и мягкости (В.В. Розанов); «вечно бабьем в русской душе» (Н.А. Бердяев); женском харак-

---

[158] Соколова Р.И. Современная российская социальная реальность в контексте ее исторического взаимодействия с Западом // Современное государство, социум, человек: российская цивилизационная специфика. М., 2010. С. 61.
[159] Рябов О.В. Русская философия женственности (XI–XX века). Иваново, 1999.

тере, в котором находят свое воплощение типичные черты славянского народа (Н.Я. Данилевский).

Конституирующими принципами маскулинности в контексте русского цивилизационного начала являются разум / логос, духовное, рациональное начало, логократия, логоцентризм; соотнесение ума с мужским началом[160].

Этимология русского слова «муж» через древнеиндийское «тапи» человек, мужчина» восходит к «теп» – мыслить, думать[161]. Русское слово «*мужукать»* – «думать, раздумывать, соображать, толковать; «мужевать» – «обдумывать, размышлять, соображать[162]. В.И. Даль значение слова «мужевать» определяет свойственной способностью «рассуждать, раздумывать, соображать, толковать здраво, как должно мужу».

Социально-антропологическая формула российской цивилизации в контексте исследуемой проблемы феминности / маскулинности раскрывает социокультурную и историческую закономерность, свидетельствующую о том, что сверхнапряженная историческая судьба русской нации требовала напряжения именно мужского характера.

В то же время она угнетала мужскую составляющую, провоцировала ее возврат в женственную стихии: если душе не хватает мужественного сопротивления невзгодам, она склонна защититься от них в женственной демобилизации – расслабленности, слабохарактерности[163]. По мнению социального философа Р.И. Соколовой, теоретическое положение о том, что Россия преимущественно «женская» цивилизация, следует рассматривать в духовном смысле. Внешние трагедии и внутренние драмы, характерные для российской истории, подрывали и истощали духовные силы народа, его истинную мужественность и волю к сопротивлению.

«Западничество» в России (вестернизация) как социокультурный феномен понимание женственности в гендерном ключе осуществляло

---

[160] Холодная М.А. Когнитивные стили о природе индивидуального ума. М., 2004. С. 384.

[161] Этимологический словарь славянских языков. М., 1994. С. 160.

[162] Словарь русских народных говоров. М., 1982. С. 332.

[163] Аксючиц В. Русский характер. Ст. 10: О мужском и женском. URL: http://www.pravoslavie.ru/yurnal/1101.htm

в стремлении приобщить Россию к «маскулинным» ценностям и тем самым осуществить дисциплинирующее, организующее и оформляющее начало, что способствовало переориентации (социальная трансформация) цивилизационных оснований России и привело государство к целому ряду негативных последствий.

«Мужское начало» западной цивилизации характеризуется следующими особенностями: индивидуализмом, активностью, деятельностью, тягой к господству, стремлением приказывать, надзирать, сдерживать и подавлять; мужчина – воин, строитель, искатель приключений. Доминирование «мужского начала» выражается в подавлении «женского» начала. Мужская модель цивилизации построена на активном вмешательстве во внешний мир с помощью орудий труда, оружия, моторов, механизмов, бизнеса, образования, науки, изобретений.

Для западной цивилизации, сформированной «мужским началом», характерными особенностями являются: способность к функциональной автотрансформации; ментальная устойчивость; мужественная предрасположенность; бессознательное присутствие архетипической фигуры мужчины»[164]. Герой-мужчина прометеевского толка бунтарь, «взыскивающий для себя свободы движения, постоянно стремится отделиться от породившей его первоосновы и подчинить ее себе». Спецификой менталитета «мужской» / «маскулинной» цивилизации Запада в сравнении с «женской» / «феминной» является западный тип мышления, мужская модель поведения, которым свойственно отрицание цельности бытия, таинства, неоднозначности, воображения, эмоций, интуиции[165].

---

[164] Соколова Р.И. Современная российская социальная реальность в контексте ее исторического взаимодействия с Западом // Современное государство, социум, человек: российская цивилизационная специфика. М., 2010. С. 62.
[165] Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. С. 375, 378.

О.Г. Лопухова
Казань, Казанский (приволжский) федеральный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ МОДЕЛЕЙ В ОБЩЕСТВЕННОМ И ИНДИВИДУАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

В результате открытости культурных систем и их взаимовлияния исторически заданная культурная специфика гендерных образов подвергается довольно сильным изменениям. Неизбежным следствием этого является спутанность и взаимное противоречие гендерных представлений, выступающих семантическими основаниями Я-концепции и понимания межличностных отношений. Суть этих внутриличностных процессов нельзя адекватно понять, не изучив в достаточной степени характер трансформаций гендерных представлений в культурно-историческом ракурсе. Мы считаем, что в анализе данной проблемы необходимо фокусироваться на целостной семантической категории – «гендерной модели», подразумевающей соотношение содержания мужского и женского образов во взаимосвязи их позиций и отношений в определенном социально-культурном контексте. Культурная специфика семантики гендерных образов относительно устойчива, однако при изменении социальных отношений гендерные модели трансформируются, что порождает их новые варианты. Комплексный подход к пониманию механизмов адаптации личности мужчин и женщин в условиях гендерной трансформации социальных систем, к пониманию роли гендерной идентичности в процессах самореализации и построения жизненного пути, в наших исследованиях реализуется путем семантического анализа гендерных моделей и их динамики на разном уровне их отражения в общественном и индивидуальном сознании.

Наиболее глубоким уровнем фиксации мировоззренческих (и гендерных в т. ч.) представлений являются тексты мифа, ритуала, обряда, фольклорного материла, поскольку в данных элементах культуры отражены основные надындивидуальные формы связи с миром целостного человеческого сообщества. Общей позицией исследований этого направления является признание, что «… фольклорный и мифологический материал сохраняет базовые мировоззренческие приоритеты

той или иной культуры»[166]. Как справедливо отмечает М.В. Осорина: «Каждое новое поколение получает в наследство определенную модель мироздания, которая служит опорой для построения индивидуальной картины мира каждого отдельного человека…»[167].

В нашем исследовании материалом для изучения содержания и динамики гендерных моделей в культурно-историческом ракурсе выступили тексты народных волшебных сказок. Учитывая, что текст сказки, в отличие от мифа, более подвержен трансформации в зависимости от социально-психологических изменений общества, проведение семантического анализа в сравнительном аспекте учитывало степень древности текста волшебной сказки. Критерием «древности» текста сказки выступает его насыщенность образами древних религий (тотемизма, инициации, шаманизма) и символами древних форм мировоззрения (табу, магия и анимизм), которые в «поздних» текстах опускаются или трансформируют свое значение под влиянием монотеистического мировоззрения. Подробно принцип разделения текстов сказок на «древние», «промежуточные» и «поздние» изложен отдельно[168]. Анализируя «традиционные» гендерные модели на материале народных волшебных сказок, мы выделили и описали не одну, характерную для данной отдельно взятой этнокультуры модель, а целый спектр разнообразных вариантов.

Как показал проведенный анализ, в волшебных сказках каждой культуры представлены разные варианты гендерных моделей, и можно наблюдать их трансформацию от древних к более поздним текстам. При довольно ярких кросскультурных различиях, общей тенденцией этой трансформации является то, что в древних текстах женские образы занимают более активные и значимые позиции, а в более поздних текстах их значение сводится до минимума, активность и значимость полностью переходит к мужским образам. Данная тенденция соотно-

---

[166] Наговицын А.Е. Трансформация гендерных ролей в мифологических системах. М., 2005. С. 5.

[167] Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 1999. С. 12.

[168] Лопухова О.Г. Семантический анализ народной волшебной сказки как метод определения традиционных особенностей гендерных моделей // Психологические исследования на ФП ТГГПУ. Казань, 2007. С. 22–55.

сится с результатами исследования А.Е. Наговицыным трансформации гендерных ролей в древних мифах разных народов[169].

Выявленное психосемантическими методами содержание современного гендерного самосознания и самооценки, отличающее юношей и девушек разных национальностей, соотносится с семантикой гендерных моделей, установленной на материале текстов волшебных сказок соответствующего народа, то есть, гендерная семантика традиционной культуры имеет определенную значимость в современном самосознании. Однако роль таких «традиционных» гендерных моделей нельзя однозначно рассматривать как «адаптивную».

В практике индивидуального консультирования приверженность гендерным моделям, описанным на материале анализа сказок, в явном виде встречается в реализации жизненного пути. Эти случаи представляют собой жизненные сценарии (в соответствии с концепцией Э. Берна), которым неосознанно следует мужчина или женщина. Теоретически каждая из выделенных нами «сказочных» гендерных моделей может быть рассмотрена в качестве жизненного сценария, но в практике наиболее часто встречаются сценарии, соотносящиеся с гендерными моделями, представленными в «древних» текстах сказок. В качестве примера можно привести сценарий, названный нами «Василиса Премудрая», при котором женщина при построении (как правило) семейных отношений выбирает партнера заведомо ниже ее по социальному уровню, уровню образования, общей культуры, как правило, социально неустроенного, но как ей кажется, доброго, «хорошего». Основным мотивом в отношениях является установка на то, что она сможет его направить, развить, помочь ему состояться в жизни. Дополнительная игра партнера состоит в том, что он из раза в раз демонстрирует неприспособленность и социальную несостоятельность, что вновь и вновь заставляет жену «выручать» его. Осознание данного сценария женщиной всегда приводит к его резкому отвержению, и к отказу от этих отношений. Это наилучшим образом демонстрирует роль традиционных гендерных образов культуры в качестве ключевых семантических оснований, организующих самосознание и реализацию жизненного пути личности, однако, вступая в противоречие с «совре-

---

[169] Наговицын А.Е. Трансформация гендерных ролей в мифологических системах. М., 2005.

менными» гендерными установками, являющимися более привлекательными и, как правило, четко осознаваемыми, они создают внутриличностный конфликт. Способ разрешения этого конфликта всегда индивидуален, и в условиях социальных изменений представляет собой реализацию гендерной идентичности, как женщины, так и мужчины.

Н.К. Радина
Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

РОССИЙСКАЯ МУЖЕСТВЕННОСТЬ КАК ИНТЕНЦИЯ

Практики российской мужественности, во многом повторяющие классические «маскулинные каноны»[170], на этапе перехода от советского к постсоветскому обществу в исследованиях часто описываются в контексте «кризиса маскулинности». Концепция «кризиса маскулинности» как бы поясняет: невозможность реализовать прескриптивную мужественность в границах собственного поведения толкает мужчину-россиянина на деструктивное, саморазрушающее поведение (отказ от продуктивной социальной деятельности, лень, алкоголизм и т. п.)[171].

Существуют также предположения, что «архетипическая» российская мужественность, представленная в целом в фольклоре и особенно очевидно в народных сказках, – по целому ряду характеристик отличается от классического патриархатного образа доминантного мужчины (т. е. архетипическая российская мужественность объектно не активная, ориентирована на отношения)[172]. Русский Иван-дурак оказывается компетентным в традиционных «женских областях»: он заботлив, жалостлив, сердечен, открыт, простодушен. Размышляя о специфике практик «российской мужественности», рассмотрим два исследования, проблематизирующих национальное как особенное в общекультурном гендерном.

---

[170] Гилмор Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности. М., 2005.

[171] Кон И.С. История и теория мужских исследований // Гендерный калейдоскоп. М., 2002. С. 188–242.

[172] Пушкарева Н.Л. «Странные мужчины» в русской национальной традиции. URL: http://www.astrasong.ru/index.php/science/article/348/

В первом исследовании, посвященном анализу мужской идентичности в социально-психологическом ключе, возможные варианты развития мужской идентичности были представлены в контексте дихотомии «патриархатная / альтернативная мужественность» (всего идентифицировано 7 вариантов мужской идентичности). Мужчины одного из изучаемых вариантов мужской идентичности, а именно мужчины с вариантом «мягкая патриархатная мужественность», по результатам блока психодиагностических тестов психологически оказались достаточно близкими сказочным Иванушкам-дурачкам – т.е. ведомыми, эмоционально открытыми, принимающими и понимающими другого человека[173].

Согласно выборке, превышающей 300 мужчин разных возрастов и с разным уровнем образования, тех, кто психологически близок «Ивану-дураку», – около четверти. Таким образом, сказочный и нестандартный с точки зрения мужских канонов образ Ивана-дурака «психологически воспроизводим» в достаточно большой группе реальных россиян-современников.

Второе исследование, благодаря которому анализ национальной специфики мужественности вновь оказался в центре внимания, было посвящено изучению образов экологических и техногенных катастроф в современных документальных фильмах (документальные фильмы «Унесенные пеплом»; цикл «Профессия – репортер»; автор – Ю. Варенцова, руководитель программы – Н. Картозия, шеф-редактор – Т. Молева, режиссер К. Баранов, телекомпания НТВ, 2010 г., и «Холодная зима 2010»; цикл «Профессия – репортер», автор – А. Бахарев, руководитель программы – Н. Картозия, шеф-редактор Т. Молева, режиссер И. Белов, телекомпания НТВ, 2010 г.). Для осуществления научной рефлексии была произведена запись всех закадровых реплик и нарративов в кадре фильмов, далее все записанные нарративы были тематизированы и определены в «событийные кластеры». Видеоряд документальных фильмов в исследовании использовался как вспомогательный материал.

Анализ нарративов в документальных фильмах показал жесткое деление социальной реальности на приватное (страдающее, сопро-

---

[173] Радина Н.К., Никитина А.А. Образцы мягкой патриархатной мужественности: современные старшеклассники и герои русских народных сказок // Библиотековедение. 2011. № 3. С. 63–68.

тивляющееся, находящееся в фокусе авторов фильма) и публичное (менее рефлексируемое авторами документальных фильмов). Приватная сфера в фильмах традиционно населена преимущественно женщинами (жертвами катастроф и катаклизмов). Однако в приватной сфере, представленной в фильмах в трагическом свете и звучании, время от времени встречаются и мужские персонажи.

Если тематизировать образы мужчин в приватной сфере нарративов российских катастроф – это стихийные защитники (например, волонтеры на пожарах), защитники семьи (мужчины, выполняющие функции пожарников, защищая свой дом, семью, деревню), а также страдающие мужчины – семьянины, описываемые в контексте заботы о детях и жене, как правило, не сумевшие сохранить свое имущество от стихии. Обобщенный образ-нарратив россиянина в приватной сфере российских катастроф вновь прочитывается в контексте русских народных сказок: герои оказываются в чем-то деловитыми, в чем-то по-детски неумелыми, самоотверженными, жертвенными, эмоционально-включенными, ответственными.

«Герои повседневности» нарративов фильмов о катастрофах не были мужчинами – героями в идеальном смысле (сильными, могущественными, мудрыми, влиятельными и т. п.). Их мужественность проявлялась как интенция, без вопроса, насколько она идеальна, насколько она «настоящая». Опасности и угрозы, вызовы, сопровождаемые мужские жизненные сценарии, и даже смерть – не останавливали «героя повседневности»: он был готов погибнуть в процессе испытания собственной мужественности. Именно так и описывается в народных сказках:

«Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича.

– Ну, говорит, – первый раз я тебя прощаю за твою доброту, что водой меня напоил; и в другой раз прощу, а в третий берегись – на куски изрублю. Отнял у него Марью Моревну и увез. А Иван-царевич сел на камень и заплакал. Поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревною»[174].

Национальный сказочный герой не будучи самым сильным (напротив, будучи скорее слабым), часто оказывается победителем за счет своего окружения, внешней поддержки и помощи, за счет эмоционально-значимых социальных сетей. Результаты данных исследований

---

[174] Марья Моревна // Сказки русского народа. М., 1992. С. 166–175.

позволяют предположить, что ряд характеристик в синдроме «кризис советской и постсоветской мужественности» (например, социальная незрелость, эмоциональная уязвимость) – вероятно, не столько характеристики «кризиса маскулинности», сколько описание национальной специфики (особенно, если учесть вариативность мужской культуры, существование множества культурных дискурсов, которые реализуют мужчины в своем поведении).

В условиях определенных социальных правил, в условиях «стабильности», российская мужественность кажется одномерно-патриархатной и только социальные трансформации демонстрируют ее «внешний скелет», «незрелость», зависимость от социального окружения. Социокультурные причины, рождающие феномен недоминантной российской мужественности, вероятно, следует искать в историческом (постоянные военные кампании, воспитание без отцов) и социологическом (специфика организации социальных систем) пространствах. Учет многообразия форм «мужского» вне оценочных суждений позволит переоценить национальный дизайн прескриптивной мужественности, позволит эмоциональным, недоминантным, заботливым мужчинам чувствовать себя полноправными национальными «героями повседневности», описанными много веков назад в русских народных сказках.

Л.И. Щербич
Москва, ФГБОУ Российская академія кадрового обеспечения АПК

СИМВОЛЫ КОММУНИКАЦИИ: ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД

Дефиниция «символ» означает знак, опознавательную примету, а иными словами, такой знак, который отличает любой предмет, явление, словесный или пластический образ, имеющий некий смысл, отличный от их собственного содержания. Культура всегда знакова и символична, а знак и символ – ее центральные категории, ключевые компоненты, необходимые для понимания и объяснения сущности. В концентрированной образно-зримой форме знаки и символы культуры отражают семиотические идеи гармонизации человека и общества.

Значением, смыслом символа являются и материальные и духовные ценности, всегда имеющие ту или иную культурную и социальную значимость как для отдельного человека (индивидуальные символы), так и для малых и больших групп людей, народов, государства, человечества в целом (социальные символы). По мнению М.Л. Фостер, «культурным симво-

лом является всякая репрезентация некой вещи или идеи с помощью чего-нибудь, относящегося к другому порядку. У каждого символа есть назначение, не связанное с его сиюминутным использованием, которое является частью его смысла, и это назначение относится к групповой активности и представлениям»[175].

Социальный мир, в котором человек родился и в котором он живет имеет свои ориентиры, воспринимается им как прочное переплетение социальных отношений, систем знаков и символов с их особой смысловой структурой. С этой точки зрения, символы выступают как особый язык коммуникации, оптимальная, институционализированная форма социальной организации, показатель статуса, престижа и т. д.

Социальные символы, как элементы социального мира во всем его многообразии, принимаются как данность теми, кто в нем живет, поскольку они раскрывают смыслы на бессознательном уровне психики в глубинах души. Они объединяют людей и превращают их из «Я» в «Мы». Заметим, что значение символа заключается также в том, что он выступает посредником между символизирующим объектом, в котором воплощается его смысл, и символизируемым, к которому оно отсылает. Здесь проявляется двойственная природа символа: он предметен в аспекте выражения, с точки зрения чувственно-данной формы, и идеален в аспекте значения.

Как известно, к духовным ценностям относятся традиции, нормы морали, обычаи и т. п. Используя термин У.Г. Самнера, можно отметить, что обычаи (folkways) оформляются мы-группами и принимаются ими как хорошие и правильные способы обращения с вещами и людьми. Обычаи считаются сами собой разумеющимися, потому что выдержали испытание временем и, будучи социально одобренными, не требуют ни объяснения, ни обоснования. Не меньшее значение имеют и традиции. Т. Парсонс утверждал, что необходима стабильность символических систем, их относительная независимость от частных ситуаций для высокого развития систем человеческого действия. Благодаря такой устойчивости возникает коммуникация между людьми. Никакая, даже самая элементарная коммуникация, как полагает социолог, невозможна без своего рода общественного договора на существование символиче-

---

[175] Foster M.L. Analogy, Language, and the Symbolic Process // Foster M.L. and Bostscharow L.J. (eds.). The Life of Symbols. Boulder, 1990. P. 81.

ской системы взаимодействия. Взаимность ожиданий акторов требует ориентации на общепринятый порядок символических значений.

Однако, как полагает Парсонс, простейшие символы привязаны к конкретным системам действий и никакое «внешнее воплощение» не является символом, покуда оно не способно контролировать определенные конкретные ориентации в этих системах действия. Отсюда следует, что каждый простейший символ должен иметь свое «соответствующее дополнение» (counterpart) в системе диспозиций потребностей актора, указывающее на данный объект как на символ и ориентирующее на действия совершенно определенным образом[176].

Философ Л. Уайт дает характеристику символическому поведению человека и утверждает, что «символизирование» является общим фактором в идеях, установках, действиях и объектах. По его мнению, «символ – это предмет или явление, значение которого определяет тот, кто использует его в качестве средства коммуникации»[177]. Символ может иметь любую распознаваемую форму: жест, звук, очертание, цвет, вкус или запах. Однако наиболее важной формой символического выражения является речь.

Бесспорно, что в информационном обществе символы становятся держателями определенных кодов глобализирующегося мира. Они участвуют в комплексе социальных интеракций, конституируют социальное целое с позиций их мотивационно-знакового содержания. В них связаны воедино материальное – идеальное, чувственное – сверхчувственное, чувственное – рациональное, сознательное – бессознательное, универсальное – индивидуальное. Символы нельзя оторвать от социокультурного контекста общества и процессов коммуникации, трансляции, трансмутации и социализации – интереоризации. Они являются важным инструментом культурного освоения мира.

В этой связи следует говорить о таком важном для коммуникации феномене общества, группы, личности, как идентификация. Гендерная идентификация индивида осуществляется путем маркирования, присвоения знаков гендерной принадлежности, выработанных культурой,

---

[176] Parsons T. Values, Motives, and Systems of Action // Parsons T., Shils E. (eds.) Toward a General Theory of Action. Cambridge, 1954. P. 160.

[177] Уайт Л.А. Возникновение и природа речи // Работы Л.А. Уайта по культурологии. М, 1996. С. 60–62.

и способности оперировать уже готовым набором культурных символов. Гендерное маркирование находит отражение в традициях, обычаях, нормах, стереотипах и др. Поэтому, говоря о гендерной специфике коммуникации, невозможно не учитывать эффект гендерной репрезентации, выраженный в том числе в символах, – дифференциации мужского и женского посредством различных культурных практик, конвенционально закрепленных в обществе. Среди символов коммуникации и одновременно гендерной идентификации следует отметить язык, стиль поведения и общения, моду и пр.

Анализ некоторых аспектов символизации гендерной коммуникации мы находим в работах С. де Бовуар, И. Гоффмана, Ж. Липовецкого, Л. Свендсена, Ф. Вернера, А.Б. Гофмана, А.В. Кирилиной, Е.И. Горошко, А.В. Малыгиной, М.Б. Романовской и ряда др. исследователей. Однако вопросы текстуального и смыслового значения символов, их влияния на коммуникацию с позиций гендерного подхода как в целом, так и структурно остаются актуальными. Возможно, отчасти это объясняется многоаспектностью, междисциплинарностью, сложностью и неоднозначностью изучения роли гендерных символов в обществе. Однако очевидность комплексного исследования символов с позиций гендерного подхода подтверждается практикой, поскольку символы выступают устойчивыми индикаторами и ключевым звеном в коммуникативном социокультурном пространстве. Они фиксируют и отражают ценностные для обоих полов смыслы в процессе трансформации социума.

РАЗДЕЛ 5.
КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ КОЛЛЕКТИВНЫХ И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И ИХ ВЛИЯНИЯ НА ГЕНДЕРНУЮ СИСТЕМУ

В.А. Марков
Пенза, ПГПУ им. Белинского

КНИГА «МОЛОТ ВЕДЬМ»: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Толчком к усиленным гонениям на ведьм, начавшимся в XVI–XVII вв., послужил выход в свет в 1487 г. знаменитого своей антиженской направленностью труда двух монахов-доминиканцев Генриха Инститориса и Якова Шпренгера «Молот ведьм». Эта книга наполнена всевозможными цитатами античных и средневековых авторов, которые не жаловали женщин. «Обвинительный акт прекрасной половине рода человеческого – вот как можно иначе назвать “Молот ведьм”»[178]. Этот труд посредством разных доводов принижал женское население и указывал на то, что все беды мира происходят из-за женщин. Авторы книги отмечают, что помимо священных текстов и работ авторитетных авторов существует неоспоримый житейский опыт, подтверждающий склонную к колдовству природу женщины. «По природе женщина лжива. Она лжива и в разговоре. Она жалит и ласкает в одно и то же время. Поэтому её голос сравнивается с голосом сирен, привлекающих путников своими сладкими мелодиями и затем убивающих их»[179]. Авторы отводят женщине место лживого и коварного создания, к которому нет доверия. «Из-за ненасытности женщин к плотским наслаждениям человеческая жизнь подвержена неисчислимому вреду»[180]. Женщина описывается более склонной к сексуальному влечению, чем мужчина. Авторы полагают, что женщина не только лжива и порочна, но и воплощает абсолютное зло: «Почти все государства были разрушены из-за женщин. Троя погибла из-за похищения Елены. Многие тысячи греков нашли там смерть. Иудейское государство претерпело

---

[178] Бессонов Н. Суды над колдовством. Иллюстрированная история. М., 2002. С. 11.
[179] Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. Саранск, 1991. С. 126.
[180] Там же. С. 125

много невзгод и разрушений из-за скверной царицы Иезавели и её дочери Гофолии… Поэтому нет ничего удивительного в том, что мир и теперь страдает из-за женской злобы»[181].

Но эти, как и многие другие доводы, которые содержатся в книге, показывают нам, с какой ненавистью и презрением относятся авторы к женскому полу. Что послужило столь сильному гонению на женщин в образе т. н. ведьм? Стоит отметить нелепое толкование самого слова женщина, которое приводится в тексте: «По примеру первой женщины видно, что жены маловерны. Ведь на вопрос змеи, почему Адам и Ева не вкушают от плодов всех деревьев рая, Ева ответила: «Мы едим Плоды от всех деревьев, кроме» и т. д. «чтобы мы, что может случиться, не умерли». Этим она показала, что у неё не было веры в слова Бога. Это явствует и из этимологии слова «Femina» (женщина), происходящего от «Fe» (Fides – вера) и «minus» (менее). Таким образом, слово «Femina» означает имеющая меньше веры… Итак, женщина скверна по своей природе, так как она скорее сомневается и скорее отрицает веру, а это образует основу для занятий чародейством». Автор бездарно подходит к этимологическому разбору слова женщина. С филологической точки зрения такой разбор абсолютно безграмотен. Далее автор приводит такие три обоснования склонности женщины к суеверию: «1) Они легковерны. Демон жаждет главным образом испортить веру человека. Этого легче всего достигнуть у женщин. 2) Они скорее подвержены воздействию со стороны духов вследствие естественной влажности свого сложения. 3) Их язык болтлив. Всё что они узнают с помощью чар, они передают подругам. Так как их силы невелики, то они жаждут отмщения за обиды с помощью колдовства»[182]. В этих суждениях присутствуют религиозные, биологические и житейские причины приверженности женщин к колдовству.

Авторы считают, что все женщины склонны к занятию колдовством, но не все им занимаются. По этому поводу у авторов имеется своя точка зрения, какие именно женщины занимаются колдовством. «Среди скверных женщин господствуют три главных порока, а именно: неверие, честолюбие и алчность к плотским наслаждениям. Эти-то жен-

---

[181] Там же. С. 125.

[182] Там же. С. 123–124.

щины и предаются чародеяниям»[183]. Далее идет примечание, что последний порок является ненасытным. Таким образом, авторы усматривают связь между сексуальным влечением и занятием колдовством. Чем сильнее это влечение, тем безудержнее склонность к чародейству. Вот как отзываются о «молоте» Ричард Ли и Майкл Бейджент, авторы книги «Цепные псы церкви. Инквизиция на службе Ватикана»: «В действительности же она являет собой руководство по сексуальной психопатологии и служит наглядной иллюстрацией патологической фантазии, вырвавшейся из-под контроля на волю. С одержимостью, суть которой тут же бы стала очевидной любому современному психологу, – и даже с любованием – в тексте живописуются совокупления с дьяволом, половая связь с инкубами и суккубами, другие различные формы эротических переживаний и сексуальной деятельности (или бездеятельности), приписываемой извращенным воображением демоническим силам»[184]. Разумеется, мы можем сказать, что все это является абсолютной нелепостью, но в средние века это казалось весьма достоверными фактами. Книга смогла сформировать презрительное и в то же время наполненное страхом отношение к женскому полу.

Таким образом, в «Молоте ведьм» образ ведьмы предстает как образ развратной, лживой, полной плотских желаний и жажды мщения женщины. Авторы, не смущаясь, описывали оргии ведьмы с дьяволом, половую связь с демонами инкубами. Их фантазии не имели предела. В книге утверждалось, что отрицание веры в ведьм должно считаться еретическим по отношению к католической церкви. Эта книга дала толчок безжалостным гонениям на ведьм, т. е. на женщин. Она способствовала массовому геноциду женского населения не только в Германии (где была написана), но и во всей Европе, а позже и в Новом свете.

---

[183] Там же. С. 127.

[184] Бейджент М., Ли Р. Цепные псы церкви. М., 2006. С. 52.

Т.И. Пелипенко
С.-Петербург, Санкт-Петербургский Гос. Университет

«СВОБОДНАЯ ЖЕНЩИНА» ЛИТОВСКОЙ РУСИ: К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ ШЛЯХТЯНОК В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В XVI ВЕКЕ

Источники по истории шляхты Великого княжества Литовского позволяют нам воссоздать гендерные портреты представителей (и, разумеется, представительниц) этого сословия с весьма большой точностью. При любом, даже беглом знакомстве с нравами и бытом литовских дворянок, в глаза бросается их высокая социальная активность. Огромное количество источников, свидетельствующих о независимом, а порой даже агрессивном поведении, заставляло многих дореволюционных, да и современных исследователей говорить о небывалой для XVI в. степени свободы литовских шляхтянок. С другой стороны литовское право, базировавшееся на патриархальных основах, рассматривало женщину весьма традиционным образом, отводя ей стандартные роли жены и матери. Но существует ли на самом деле это противоречие, с которым неизменно сталкивается исследователь, решивший заняться гендерной историей ВкЛ?

Литовский Статут трактует женщину и все ее права и обязанности исходя из традиционного патриахального взгляда. Статут защищает девичью честь как собственность и благодетель главенствующего в семье мужчины. Посягательство на честь девушки расценивается как преступление против всей семьи, и, прежде всего, против ее главы. В то же время действия девушки, способные нанести урон ее чести в глазах общественности, рассматриваются как преступления против семьи и рода.

Имущественные (в том числе и наследственные) права реализуются в качестве приданого, а затем вена – собственности, равной двойной стоимости приданого и отписываемой шляхтичем будущей супруге. Имущественное благосостояние женщины в случае прекращения брака напрямую зависело от количества рожденных ею детей. Формально женщина всегда должна была находиться под опекой (отца, братьев, мужа либо других родственников-мужчин). Широко была распространена практика, когда умирающий шляхтич «завещал» остающуюся в одиночестве жену / дочь / сестру кому-нибудь из своих родственников или же, если таковых не было, другу или соседу. Имя опекуна прописывалось в завещании в соответствующем разделе, после

чего суд выдавал грамоту, подтверждавшую опекунство. Иногда сама девушка должна была «признать» опекуна.

При этом огромное количество актов частного судопроизводства, хозяйственной документации рисуют нам совершенно другую картину. В них женщина (не только жена или вдовая, которые априори имели более высокий социальный статус, нежели незамужние девицы) выступает активным членом тогдашнего литовского социума.

Анна Берзобогатая-Краснянская, невестка луцкого владыки, сама управляла казной Луцкой епископии, участвовала в многочисленных судебных тяжбах и «даже предводительствовала гайдуками и артиллерией в сражении против ополчения, поднятого по приказу короля»[185]. Волынская княгиня Софья Ружинская возглавляла отряд в 600 человек и взяла приступом замок князей Корецких[186].

Как могло так получиться, что, не смотря, к примеру, на распространенный институт опеки и формальное ограничение дееспособности женщин, огромное количество крупных сделок проводилось шляхтянками самостоятельно, без обращения за помощью к опекунам? Или почему при живом и вполне здоровом муже тяжбой с соседом по поводу украденного сенокоса или разоренного имения занимается его не полностью дееспособная супруга?

На самом деле никакого противоречия здесь нет. Если проанализировать судопроизводство XVI в., легко заметить, что женщины никогда не выходят за рамки отведенных им социальных / семейных ролей. Попытки вернуть через суд украденное сено или добиться иного порядка межевания земель, как в случае с Ивановой Миленской или Анной Якубовной[187], вполне вписываются в расширенные функции хозяйки дома, а отстаивание интересов несовершеннолетних детей, как это делала, к примеру, пани Кривцова – в функции материнства.

Весьма показателен в этом отношении и характер самих заявлений во время судебных споров. Если для мужчины-шляхтича при доказательстве собственной правоты ключевыми будут являться заслуги

---

185 АЮЗР. Ч. VI. Т. 1. CVII. С. 40.

186 Там же. С. 113.

187 Мировая между Анной Якубовной и Павлом Мартиновичем по спору о земле. Сент. 1555 // Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Т. XXI. Акты Гродненского земского суда. Вильно, 1894. С. 63–64.

перед королем – господарем и собственная доблесть, то женщина оперирует более интимными понятиями. Ее обращение в суд – это всегда поиск защиты, просьба о помощи в борьбе против сильного и несправедливого обидчика. Здесь безотказно срабатывали гендерные схемы поведения: даже будучи в обыденной жизни далекой от идеала смиренной и кроткой жены, женщина неизменно старалась предстать именно таковой, чтобы вызвать сострадание (а не уважение, как мужчина) и желание защитить.

Шляхтянки не освобождались от повинностей и должны были выставить на службу определенное количество людей, коней и вооружения со своих имений. Крайне любопытными нам в данном контексте кажутся известия о двух «кавалер-девицах» XVI в. – пани Кищиной и пани Яцыничовной, которые в 1565 г. лично явились на службу во главе небольшого войска[188].

Для общества позднего средневековья и раннего нового времени основным критерием мужественности являлась способность шляхтича справляться с возложенными на него социальными функциями воина, господаря, подданного короля[189]; для женщины – ее компетентность в решении внутрисемейных и хозяйственных дел. Проявления же конкретных качеств характера, таких как решительность или грубость не являлись в общественном понимании гендерными характеристиками и могли быть свойственны представителям обоих полов, если этого требовала успешная реализация отведенной социальной роли. Данный тезис подтверждают не только зафиксированные случаи насилия со стороны шляхтянок по отношению к родственникам, соседям или подданным, но и сам характер хозяйственной документации: акты купли-продажи, дарения, передачи в пользование, свидетельствующие об изрядной доле самостоятельности шляхтянок в совершаемых сделках.

---

[188] Почты панней вдов их милости // Литовская метрика. Отд. I. Ч. III: Кн. Публичных дел: перепись войска литовского. Петроград, 1915. С. 241.

[189] *Сліж Н.У.* Гендерна-ролевыя функцыі шляхціца у сям'і і грамадстве Вялікага княства Літоускага // Соціум. Альманах Соціальної історіі. Віп. 5. Минск, 2005. С. 165–184.

С.В. Кольчугина
Пенза, Пензенская государственная технологическая академия

ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ ЖЕНЩИН В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ФОРМИРОВАНИЕ ЖЕНСКОГО ИМУЩЕСТВЕННОГО ПРАВА

Процесс становления экономической самостоятельности женщин в России начался ещё в древности. Так, памятники салтаво-маяцкой культуры второй половины VII – первой половины X вв. (бассейн Среднего Дона и Северного Донца) фиксируют матрилинейность, то есть передачу наследства по женской линии. Основные положения женского имущественного права формировались в XII–XVIII вв. Уже Русская Правда позволяла при отсутствии сыновей наследовать родительское недвижимое имущество дочерям (также дочери часто получали приданое или наследство в форме движимого имущества). Видимо, случаи гибели военно-служилых людей в постоянно ведшихся войнах побуждали княжескую власть осуществлять заботу об их воспроизводстве. По Судебнику 1497 г., наследование дочерьми отцовского имущества и земли стало общей нормой, распространяющейся уже на все слои общества. Впоследствии эту норму подтвердили Судебники XVI в. и Соборное уложение 1649 г.[190].

В частности, статья 2 утверждала в правах наследования замужних сестёр и дочерей и предоставляла права наследования вотчин дочерям в случае смерти братьев. Родовые и выслуженные вотчины оставались сыновьям, а в случае их отсутствия – дочерям (если не было дочерей, то они переходили в род). (В то же время, например, в южной Франции земля обычно не передавалась по наследству дочерям. Эту систему наследования активно поддерживала церковь, заинтересованная в получении «выморочных» земель, а также государство, в собственность которых они отходили при отсутствии наследников мужского пола[191]).

Далее тремя отдельными указами за 1676 и 1679 гг. Боярская дума запретила мужчинам продавать родовые земли своих жён без согласия последних. И подобная ситуация существовала не только в ари-

---

[190] Соборное уложение 1649 г.: текст, коммент. Л., 1987. С. 83–84.

[191] Любарт М.К. Семья во французском обществе: XVIII – нач. XX века. М., 2005. С. 83.

стократической среде. В крестьянской среде наследственное право регулировалось как законом, так и обычаем. Дочери наследовать отцовское имущество (как движимое, так и недвижимое) могли при условии отсутствия сыновей. А вот наследство после смерти матери передавалось всем детям независимо от пола и степени родства (родные или приёмные). При этом женскую одежду, домашнюю утварь получали исключительно дочери.

Рядные и сговорные записи XVII в., содержащиеся в документах РГАДА, освещают вопрос о судьбе приданого у крестьян и посадских людей. В данном случае речь идёт не о рядовых примерах людей малосостоятельных, а о представителях имущей верхушки. Здесь прослеживалась та же практика. Получаемое зятем приданое оставалось в его распоряжении на определённых условиях, то есть оно находилось в доме нового родственника на «автономном» положении. В случае смерти жены зять обязался вернуть тестю приданое в полном составе за исключением поношенного платья. Встречаются наказы молодожёнам «не истерять» небрежением выделенное в качестве приданого имущество и деньги. Вопрос о судьбе приданого мог быть предметом судебного разбирательства[192].

Проблема имущественных прав и положения женщины купеческого сословия в семье, их участия в хозяйственной, в том числе и предпринимательской деятельности, в научной литературе представлена достаточно широко. Судя по духовным московских купцов, при отсутствии или малолетстве сыновей мужья вполне полагались на своих жён, адресуя им разнообразные деловые наставления. Наиболее часто среди них в духовных упоминаются различные поручения в сфере кредитных операций, столь характерных для торговой деятельности купцов разной состоятельности и размера торговых оборотов. Среди хозяйственных поручений встречались распоряжения о реализации не распроданного в лавке товара, а также по ведению торговых дел и сдаче собственных лавок в наём до возраста малолетних сыновей. В отдельных случаях умирающий муж мог возложить на жену содержание взятых им на откуп сборов различных оброчных статей, что предполагало умение наладить значительно более сложное в организационном плане предприятие.

---

[192] Собственность в России: средневековье и раннее новое время. М., 2001. С. 193.

В духовных в числе передаваемого жёнам наследства нередко упоминаются не только дома со всем жилым и нежилым строением и садом, но также и торговые заведения – палатки и лавки каменные и деревянные с каменными под ними погребами, складские помещения (амбары и пр.), питейные погреба. Жёны купцов владели разнообразными торговыми и промысловыми предприятиями не только после смерти своих мужей, получая их по наследству, но ещё и при их жизни. Об этом свидетельствует состав принадлежавшей им лично собственности[193].

В XVIII–XIX вв. система женского имущественного права окончательного оформилась. Указ о единонаследии 1714 г. прямо говорил, что мужчины вправе назначать наследников лишь своих собственных имений, а не имений жены. А в 1753 г. специальным законодательным актом женщинам было дано право отчуждать свои земли без согласия мужей. В 1800 г. Устав о банкротах прямо запретил кредиторам требовать в возмещение долга имущество жён разорившихся купцов (дворянки пользовались таким иммунитетом с конца XVII в.)[194].

Наконец, образ жизни отдельных социальных слоёв предопределил весьма значительную роль женщины в хозяйственно-правовой культуре. Например, во главе больших неразделённых казачьих семей-старообрядцев на Урале нередко оказывались женщины-вдовы. Мужчины-казаки значительную часть времени проводили на службе (в том числе и в дальних командировках, затягивавшихся не на один год), на промыслах, пастбищах, в торговых поездках. Неудивительно, что в такой ситуации домом и семьёй, как правило, командовала женщина. Женщины у казаков ведали также семейной казной. При этом на текущие нужды жена могла расходовать деньги без согласования с мужем, а если муж находился в длительной отлучке, она имела право самостоятельно делать и крупные покупки[195].

---

[193] Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы. М., 2002. С. 22–24.

[194] Маррезе М.Л. Бабье царство: дворянки и владение имуществом в России. М., 2009. С. 71, 176.

[195] Миненко Н. «Жена мужа бьет – не на худо учит». Семейные традиции в уральских и сибирских станицах // Родина. 2004. № 5. С. 119–120.

На процесс формирования женского имущественного права в России решающее воздействие, на наш взгляд, оказало наличие свободных земель в ключевые моменты становления правовой системы. На протяжении более чем тысячелетия продолжался процесс последовательного признания возможности за женщиной осуществлять контроль над своей собственностью и, прежде всего, – над недвижимым имуществом. Это, в свою очередь, способствовало развитию навыков деловой активности, а также активному участию женщин в предпринимательской деятельности.

Е.Д. Благодетелева

Москва, Нац. иссл. университет «Высшая школа экономики»

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА И ПРИСЯЖНАЯ АДВОКАТУРА: КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН (1866–1914 ГОДЫ)

Эпоха Великих реформ стала мощным импульсом развития публичной сферы российского общества. Одним из значимых направлений этого развития явилось становление профессиональной адвокатуры, независимой от бюрократической иерархии, обладавшей правом публичного высказывания и самоорганизации в рамках самоуправляющейся корпорации («сословия присяжных поверенных»). Публичность профессии предопределяла ее высокий статус, который поддерживался за счет таких критериев отбора практикующих адвокатов, как наличие высшего профессионального образования и пятилетний подготовительный стаж, пройденный либо в качестве чиновника судебного ведомства, либо помощника присяжного поверенного[196].

Отсутствие доступа к высшему юридическому образованию и государственной службе препятствовало, либо существенно ограничивало проникновение в профессию неполноправных групп населения, прежде всего, женщин. Таким образом, формирование профессиональной корпорации отражало мужской опыт переживания и адаптации к кардинальным изменениям в области экономической занятости и расширения сферы публичной активности.

Индивидуальные адаптационные стратегии находили свое выражение в различных моделях карьеры, комбинировавших государствен-

---

[196] Судебные уставы 20 ноября 1864 г. СПб., 1867. Ч. 3. Ст. 354.

ную службу и адвокатскую практику. На примере московской корпорации становится очевидно, что наиболее интенсивной связь этих двух форм юридической деятельности была в период первичного роста численности сословия (1866–1880). В среднем 63% лиц, поступивших в корпорацию в эти годы, имели чины XII–IV класса[197]. В период стабилизации количественного роста (1881–1895) наблюдалась противоположная тенденция оттока кадров из присяжных поверенных обратно на государственную службу. В 1886–1890 гг. процент перешедших на государственную службу в общем количестве лиц, выбывших из московской адвокатуры, увеличился с 13% до 41% по сравнению с предшествующим пятилетием[198]. С 1895 г. данный показатель стабилизировался на уровне 16%, при этом процент поступивших в адвокатуру после прохождения стажа на государственной службе достиг своего минимального значения (менее 20%). При условии, что в 1895–1913 гг. переход из помощников в присяжные поверенные замещал выбывших членов корпорации на уровне 240%, данные показатели свидетельствуют об окончательном размежевании адвокатуры и государственной службы.

На основании личных дел служащих Московской судебной палаты, в той или иной период состоявших в корпорации присяжных поверенных (даты поступления в адвокатуру охватывают 1873–1914 гг.), можно выделить три основные модели карьеры. Наиболее распространенный вариант (к нему относится около половины исследуемых случаев) предполагал поступление на государственную службу после окончания высшего учебного заведения, пребывание в должности кандидата на судебные должности (без жалования) на протяжении 5–6 лет, получение первого классного чина (43% случаев) и переход в адвокатуру в течение последующих полутора лет. Данная модель построения карьеры отражала тенденцию к смешению двух видов подготовительного стажа (в качестве чиновника судебного ведомства и помощника присяжного поверенного). Определенную роль в ходе принятия решения о поступлении в адвокатуру могла играть оценка индиви-

---

[197] Двадцатипятилетние московских присяжных поверенных / под. ред. А.Е. Носа. М., 1891. С. 1–26.

[198] История русской адвокатуры. Т. 2: Сословная организация адвокатуры / под ред. М.Н. Гернета. М., 1916. С. 21. Табл. VI.

дом собственных шансов на продвижение в рамках бюрократической иерархии (наличие выговоров, отказ в предоставлении должности).

Вторая модель построения карьеры объединяла две схожие стратегии: 1) начало судебной деятельности в качестве присяжного поверенного и оставление данного звания в связи с поступлением на государственную службу; 2) временный переход в адвокатуру с последующим возвращением на службу в судебное ведомство. Подобные случаи наблюдались, прежде всего, в период стабилизации численного роста сословия (с 1875 по 1895 гг.) и характеризовались непродолжительностью адвокатской деятельности (в среднем, не более 5–7 лет). Чаще всего присяжные поверенные, покинувшие корпорацию ради службы по судебному ведомству, пополняли ряды прокуратуры, занимая должности товарищей прокуроров различных окружных судов (две трети лиц, впервые поступивших на государственную службу, 25% лиц, поступавших повторно). Данная стратегия, реализовавшаяся на фоне неблагоприятных общественно-политических условий, отражала стремление профессиональных юристов к обретению стабильности как в экономическом, так и в социально-политическом отношении.

Третья модель охватывала лиц, перешедших в адвокатуру после длительного периода государственной службы (15–38 лет) и, предположительно, строилась на представлении о том, что деятельность присяжного поверенного требует меньшего «напряжения нервной системы» по сравнению со службой в качестве члена прокуратуры или суда[199]. Бытование данного представления подтверждается сведениями о переходе в адвокатуру в связи с пережитой болезнью: 22% лиц, для которых имеются сведения о причинах перехода, оставили занимаемые должности по болезни или после продолжительного отпуска, с ней связанного.

Таким образом, в рамках первой модели построения карьеры государственная служба, как более стабильная система, являлась своеобразным «трамплином» к деятельности адвоката в условиях недостаточной институционализации внутренних механизмов прохождения подготовительного стажа. Вторая и третья модель опирались на амбивалентное отношение к новой для Российской империи форме организации юридической профессии, отражали колебания между «невер-

---

[199] Прошение об отставке кн. Н.Я. Кулунчакова (27.05.1900) // ЦИАМ. Ф. 131. Оп. 7. Д. 728. Л. 35–35 об.

ной» (переменчивой)[200], но более легкой деятельностью адвоката и обеспечивающей стабильных доход и социальное положение, но напряженной государственной службой.

Ю.А. Стецура, В.П. Аксенова
Армавир, АГПА

ВЛИЯНИЕ ВОЕННО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО ФАКТОРА НА ПРОЦЕСС МАСКУЛИННОСТИ ЖЕНЩИНЫ-КАЗАЧКИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский и другие дореволюционные историки считали, что в основе становления и развития государства лежит процесс колонизации. Ведущая роль в освоении новых рубежей России принадлежит казакам. Особенно активно этот процесс происходил в конце XVIII – нач. XIX в. В.О. Ключевский писал, что петербургские политики периода Екатерины II после войны с Турцией боялись «встревожить Европу такими крупными присоединениями, как Крым и азово-черноморские степи...»[201]. Как известно, покорять и осваивать эти «крупные присоединения» было «дозволено» донским и запорожским казакам. В этих процессах немаловажную роль играла и женщина-казачка.

Освоение новых южных территорий проходило, как правило, в условиях постоянной военной угрозы. В целях выживания женщинам приходилось овладевать мужскими формами поведения, реализующимися не только в хозяйственной, но и в военной сферах. Данный процесс носит название маскулинность – (лат. masculinus мужской) комплекс характерологических особенностей, традиционно приписываемых мужчинам, т. е. выполнение женщиной мужских обязанностей.

Овладение женщиной-казачкой боевыми навыками давало им возможность как нести военно-охранительные функции, так и участвовать вместе с мужчинами в джигитовках (хотя эти соревнования и проводились в шуточной форме), в оборонительных боях наравне с мужчинами. Кроме того, само воинское начальство неоднократно привлекало женщин к своеобразной форме службы – к общественным работам, что в мирный период являлось обязанностью мужчин. Такая практика, когда на месяц или

---

[200] Журнал С.-Петербургского совета присяжных поверенных 1868 г. // Макалинский П.В. С.-Петербургская присяжная адвокатура. СПб., 1889. С. 25.
[201] Ключевский В.О. Русская история. М., 2005. С. 765.

более от каждой станицы набирали до 45 женщин, как правило, бездетных, в возрасте 30–35 лет на различные работы, просуществовала до 1870 г.

Влияние военно-хозяйственного фактора на повседневную жизнь казачек было решающим. От степени военной напряженности в регионе зависели и регламентация жизни, и экономический рост семей, и частные судьбы отдельных казачьих станичниц. По справедливому замечанию Ф.А. Щербины, «дерзкий черкес, как вор, украдкой пробиравшийся темной ночью в казачью станицу на грабеж, нередко имел дело с казачкой, умеющей постоять за себя и своих близких», а не с отсутствующими на тот момент мужчинами-воинами[202].

В XIX в. стал широко известен подвиг красавицы-казачки Марьяны Горбатко. В середине XIX в. для связи Правобережья Кубани с берегом Черного моря была построена Адагумская оборонительная линия, в состав которой входило 20 укреплений и постов. Но знаменитым стал только один – Липкинский. Здесь несли службу 35 казаков шестого черноморского пешего гарнизона. Тридцать шестой была Марьяна, которая так любила своего мужа сотника Ефима Мироновича, что последовала за ним на опасную службу. 4 сентября 1862 г. на пост напали 3 тыс. горцев. Казаки стояли насмерть, отбиваясь штыками и прикладами. Был убит сотник Горбатко. Это воодушевило врага. Несколько горцев бросились к трупу, чтобы отрубить голову. Но на их пути, защищая тело мужа от поругания, встала с ружьем в руках Марьяна Горбатко. Один из горцев был убит выстрелом, другого отважная женщина заколола штыком. Враг отпрянул – женщина убивала мужчин-воинов. Но, оправившись через мгновение, горцы изрубили ее шашками. Бой шел около полутора часов, но сломить казаков так и не удалось.

Судьба кубанских казачек мало чем отличалась от терских, донских. Быт женщины-казачки определялся постоянным отсутствием мужа, на военных действиях. В отличие от крестьянок и горянок, у которых вся жизнь и деятельность, подразделялась на «мужскую» и «женскую», казачка выполняла работу в поле, на подворье, овладевала оружием и постоянно участвовала в столкновениях с горцами.

Ф.А. Щербина писал: «Старики были большей частью калеками и больными от ран и многотрудной службы, дети малы, молодежи не-

---

[202] Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Краснодар, 1992. Т. 2. С. 676.

достаточно – и вся тяжесть мирной жизни ложилась на женщин»[203]. Таким образом, влияние военно-хозяйственного фактора на повседневную жизнь женщины-казачки способствовало размыванию гендерных границ, усилению маскулинностных черт в поведении и мышлении казачек.

Л.Н. Толстой, говоря о взгляде казака на свою жену, отмечал: «На женщину казак смотрит как на орудие своего благосостояния; девке только позволяет гулять, бабу же заставляет работать для себя и смотрит на женщину с восточным требованием покорности и труда. Вследствие такого взгляда женщина, усиленно развиваясь физически и нравственно… Удаление её от общественной жизни и привычка к мужской тяжелой работе, дают ей больший вес и силу... Казак, который при посторонних считает неприличным ласково или праздно поговорить со своею бабой, невольно чувствует ее превосходство, оставаясь с ней с глазу на глазу»[204].

О.И. Шафранова, подчеркивая решительность и самостоятельность казачек, указывала на то, что «черноморка, по народным понятиям, представляла собой властную защитницу семейного очага, умеющую постоять за себя и своих близких и ставящую выше всего интересы собственной семьи. Выпавшая на её долю исключительная роль в строительстве семейной и бытовой обстановки делала её решительной и самостоятельной. Одним словом, в семье и хозяйстве казачка вполне заменяла собой казака»[205].

Ф.А. Щербина отмечал, что «черноморская женщина, благодаря постоянному отвлечению мужчины военной службой, фактически была главою семьи»[206]. У терских казаков зафиксированы случаи, когда станичный суд мог передать управление семейным хозяйством жене в качестве крайней меры для усмирения мужа[207].

---

[203] Шафранова О.И. Образование, общественная и профессиональная деятельность женщин Северного Кавказа во вт. пол. XIX – нач. XX вв. Ставрополь, 2004. С. 83.

[204] Толстой Л.Н. Казаки. М., 1989. С. 18–19.

[205] Шафранова О.И. Указ. соч. С. 83.

[206] Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 830.

[207] Великая Н.Н. Казаки восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. С. 205.

Овладение маскулинностью в военно-хозяйственной повседневности напрямую способствовало повышению общественного статуса женщин-казачек вплоть до участия их в работе станичных сходов. Процесс маскулинности свидетельствует, во-первых, о повышении общественного статуса женщины-казачки, во-вторых, о размывании гендерных границ, в-третьих, в ходе войн и революций, под влиянием военного фактора в повседневной жизни, женщина-казачка заменяла собой по многим вопросам мужчину-казака.

Г.А. Нагаева
Новороссийск, Кубанский гос. технологический университет

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ЖЕНЩИН ЧЕРНОМОРЬЯ И КУБАНИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В России во 2-й пол. XIX – нач. XX в. в большом количестве появляются добровольные общественные неполитические организации, в которых активное участие принимали женщины. В данной статье предпринята попытка анализа социальных и культурных инициатив провинциальных женщин конца XIX – нач. XX в. на примере Черноморской губернии и Кубанской области.

На Юге России первые общественные организации стали появляться в середине XIX в. Почти во всех организациях принимали участие женщины. Подлинный взлет общественной активности не случайно начался с последней четверти XIX в. В новых экономических условиях преображался не только облик городов. Другими становились их жители.

Основой для формирования женской общественной активности стала благотворительность. Однако большинство общественных объединений Черноморской губернии и Кубанской области не ставило перед собой единственной целью занятие благотворительностью, их деятельность охватывала самые разнообразные сферы организации досуга, развития художественного и интеллектуального творчества населения.

В Новороссийске по данным городской полиции на 1 января 1916 г. насчитывалось более 20 общественных организаций (Общество вспомоществования учащимся в средних и высших учебных заведениях, Общество взаимной помощи, Общество пособия бедным, Общество женского клуба, Общество Всероссийской лиги борьбы с туберкулезом, Общество повсеместной помощи пострадавшим от войны, Геленджикское просветительное общество и др.).

Описанная тенденция увеличения числа общественных организаций прослеживалась на территории всей Российской империи. Только на территории соседней Кубанской области за 1905–1914 гг. было открыто 38 попечительско-просветительных обществ, 26 научно-образовательных, 5 культурно-досуговых, 3 научных общества. Из них: женское благотворительное общество, Кубанское управление Красного Креста, женский клуб.

Деятельность негосударственных обществ была разнообразной и охватывала культурную, научную, образовательную и благотворительную сферы жизни общества. Через организацию публичных лекций, народных чтений, выставок, концертов, открытие библиотек и музеев, издание научной и популярной литературы общества стремились повысить культурный и образовательный уровень населения регионов.

Для иллюстрации данного утверждения рассмотрим деятельность женского клуба Черноморской губернии. 21 октября 1907 г. в Новороссийске был открыт дамский клуб. Председательницей клуба являлась Елена Александровна Франгопуло. Деятельность Новороссийского женского клуба была разнообразной. Большое внимание уделялось воспитанию детей. Первой акцией женского клуба был спектакль, устроенный в зале Народного дома 9 ноября 1907 г., сбор от которого пошел на устройство школы «Детский сад».

В июле 1911 г. в помещении женского клуба был открыт детский сад, где преподавались французский язык, гимнастика, лепка, рисование и др. В детский сад принимались дети с пятилетнего возраста. Многое женский клуб делал для того, чтобы разнообразить досуг провинциального общества. Организовывались любительские спектакли и концерты. В феврале 1914 г. клубом был поставлен водевиль «По-английски», разыгранный местными артистами-любителями. Также клуб часто приглашал профессиональных музыкантов.

Новороссийский женский клуб тесно сотрудничал с другими общественными организациями, оказывая им посильное содействие в проведении различных мероприятий. В мае 1914 г. женский клуб оказал помощь комитету по устройству дня «белой ромашки», предоставив последнему свое помещение. Указанные виды деятельности были характерны для большинства провинциальных женских клубов. В соседней Кубанской области в 1912 г. начал свою деятельность Екатеринодарский женский клуб. Он объединил вокруг себя более 150 женщин. С первых же дней своего существования клуб развернул актив-

ную деятельность. За время деятельности Екатеринодарским женским клубом были открыты детский сад, детская библиотека, две детские площадки. При клубе была организована швейная мастерская и курсы стенографии.

С целью просвещения женщин в клубах регулярно организовывались лекции на темы: «Женский день за границей», «Значение женского труда для женщин» и т.п. Часто провинциальным женским клубам приходилось испытывать финансовые затруднения. Основным источником существования были денежные взносы членов клуба. Для разрешения своих финансовых проблем женские клубы и благотворительные общества проводили культурные мероприятия за плату. Хостинское благотворительное общество в 1904 г. по инициативе почетного члена Е.Н. Залесовой и товарища председателя К.Н. Бенкевич устроили любительский концерт, сбор которого пошел на покрытие нужд этого общества. Новороссийским женским клубом был устроен в 1913 г. бал для выпускников средних учебных заведений, который дал хорошую прибыль.

Большая часть женских общественных объединений изучаемого периода были благотворительными. Для правительственных чиновников и местной администрации занятость жен в сфере благотворительности была фактором обязывающего положения. Традиционно дамы были председательницами, почетными членами многих действующих организаций. Так, жена губернатора Черноморской губернии Вера Алексеевна Волкова являлась председательницей Общества вспомоществления недостаточным учащимся, кружка трудовой помощи детям.

Многие женщины Черноморской губернии помогали развитию образования и культуры, делая крупные частные пожертвования. Например, в Геленджике 13 марта 1914 г. на так называемом «Тонком Мысу», официально носящем название «Солнцедар», была осуществлена закладка здания для смешенной министерской школы. Плановое место для школы пожертвовала г-жа Е.Н. Панютина. До этого более 5-ти лет школа помещалась в части жилого помещения все той же Е.Н. Панютиной.

На юге России в начале XX в. осуществляло свою деятельность «Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в Кубанской области и Черноморской губернии» (устав утвержден 5.06.1897 г.). Предметом деятельности этого Общества было оказание помощи не только ученикам, но и учителям, т. к. заработная плата учителей была довольно низкой.

Таким образом, общественная активность женщин Черноморской губернии и Кубанской области в конце XIX – нач. XX в. охватывала

практически все сферы социально-культурной жизни: просвещение, художественное творчество, социальное обеспечение и др. Больше всего женщины проявили себя в благотворительности.

О. Мартынюк

Киев, Нац. техн. Ун-т Украины «Киевский политехнический ин-т»

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕНДЕРНОГО ДИСБАЛАНСА В СТАТИСТИКЕ НАСЕЛЕНИЯ КИЕВА ЗА 1874–1923 ГОДЫ И ВОПРОС ОБ УЧАСТИИ ЖЕНЩИН В СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ

В центре внимания данного доклада находится гендерная составляющая статистики населения Киева в период быстрой модернизации города и стремительного роста численности жителей в конце XIX – нач. XX в., а также репрезентации этих статистических данных в 1920-х гг. Согласно официальным переписям населения, начиная с 1874 г. и до 1920 г. гендерный баланс в обществе постоянно изменялся в сторону увеличения количества женщин относительно мужчин. Если в 1874 г. на 1 000 чел. населения приходилось 526 чел. м. пола и 474 ж. пола, то в 1920 г. это соотношение было 433 чел. м. пола и 567 чел. ж. пола. При этом, в 1897 г. количество женщин и мужчин было почти одинаковым.

В начале 1920-х гг. ряд ученых издали несколько работ, в которых попытались объяснить эту социальную динамику. И хотя они издавали свои труды в условиях «нового социального строя», провозглашавшего цели эмансипации женщин и их активного участия в социальной жизни, подходы этих исследователей, тем не менее, базировались на идеях «активности» мужчин и «пассивности» женщин. К примеру, Николай Боровский (Микола Боровський) в 1923 г. опубликовал исследование о национальных и социальных преобразованиях Киева до и после гражданской революции 1917 г., в котором предполагал, что участие мужчин в военных действиях и готовность мигрировать оттягивает мужской элемент из города в военное время, тогда как в мирное время участие мужчин в армии и трудовая миграция ведет к увеличению их количества. При этом, женщины, по его мнению, не будучи активными социальными агентами, не претерпевали столь резких изменений в численности и оставались почти не задетыми в виду политических кризисов. Боровский уделял значительное внимание национальным и социальным различиям в гендерном вопросе, отмечая значительно превышающие показатели материальной зависимости среди женщин,

их абсолютное преобладание в классе «прислуга», а также более ощутимый гендерный дисбаланс среди русских, поляков и евреев по сравнению с украинцами.

В предлагаемом докладе я попытаюсь пересмотреть присущие Николаю Боровскому, а также его современникам М. Ходосу, И. Биску и В. Двинятинову, взгляды на гендерную динамику населения Киева, отказываясь от противопоставления «активности» мужчин и «пассивности» женщин, а также от представления о количественном равенстве мужчин и женщин как желаемой норме. При этом я попытаюсь на основании тех же статистических данных о численности, занятости, национальности, и возрасте женщин, как и на основании современных трудов о социальных структурах и миграционных процессах империи Романовых, воспроизвести более четкую картину участия женщин в социальных преобразованиях Киева. Не отвергая фактов численного дисбаланса между женщинами и мужчинами, более низких социальных позиций женщин в обществе, их неучастия в непосредственных физических конфликтах, я попытаюсь увидеть тот уровень социальной деятельности и участия в исторических изменениях женщин, который был обусловлен разложением имперских структур, зарождением буржуазных ценностей, эмансипационных процессов, повышением общего образовательного уровня и т. д. Отдельное внимание будет уделено участию женщин в городских социальных процессах в периоды кризисов, что предусматривает рассмотрение рисков и вовлеченности женщин во время гражданских войн и революций.

В.Н. Романишина
Москва, РГГУ

ВЛАСТЬ В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В Российской империи начала XX в. властные и гендерные (социальные) отношения изначально представляли собой неравенство возможностей для представителей разных сословий и разного пола. В силу устоявшихся на протяжении веков патриархальных отношений и ментальных особенностей, доступ женщин к гражданской или военной службе был практически невозможен.

С 1905 г. женское движение в России приобрело политический характер. В Петербурге были созданы Женская прогрессивная партия, Российская лига равноправия женщин, Женский политический клуб. В декабре 1908 г. состоялся Первый Всероссийский Женский съезд, на котором публично обсуждались вопросы образования, экономических и политических прав. Уже спустя десятилетие женщины входили в состав ведущих политических партий, включая их центральные комитеты (ЦК).

Таким образом, российские женщины впервые заявили о себе как о политической группе, стремящейся оказать влияние на власть, представленную мужским большинством. На повестке дня, наряду с ключевыми вопросами о власти и о земле, в российском обществе была поставлена проблема конструирования новых гендерных отношений. В годы Первой мировой войны женщины официально получили возможность служить в армии в качестве рядовых бойцов, а не только в качестве медицинских сестер. Появились регулярные женские воинские формирования, такие как 1-й Петроградский женский батальон, 2-й Московский женский батальон смерти, 3-й Кубанский женский ударный батальон. Десятки женщин были награждены Георгиевскими крестами и медалями, и лишь некоторым представительницам «слабого пола» удалось дослужиться до прапорщика – первого офицерского чина. Правда, несмотря на этот факт, мужчины неохотно принимали женщин на военную службу, что вынуждало последних прибегать к маскировке в одежде и зачислению в армию под мужскими фамилиями.

Следующим шагом на пути изменения гендерных ролей стало предоставление женщинам избирательных прав. Положением о выборах, принятым Временным правительством, предусматривался принцип равного избирательного права, без различия пола, прямого, равного и тайного голосования.

Советское правительство – Совет народных комиссаров (СНК) продемонстрировало принципиально новое отношение государственной власти к женщине и ее социальной роли. Инициатором вовлечения женщин в общественную жизнь выступил его председатель В.И. Ленин, считавший, что задача новой власти «состоит в том, чтобы сделать политику доступной для каждой трудящейся женщины».

Активистки женского движения были привлечены к партийной и государственной работе, к агитационно-просветительской деятельности на многочисленных митингах и собраниях. Спустя всего несколько дней после Октябрьского переворота народным комиссаром государ-

ственного призрения (т. е. социального обеспечения) – впервые в мировой истории – стала женщина, Александра Михайловна Коллонтай. Именно ее можно назвать основоположником гендерной конструкции, устанавливающей новую асимметрию социальных ролей. Считая необходимым искоренить систему патриархальных отношений, Коллонтай предложила предоставить женщине не только свободу выбора, но и сделала ее полноправным партнером построения нового социалистического общества.

В условиях набиравшей все больший размах Гражданской войны женщины официально получили право служить в армии. Декретом ВЦИК от 22 апреля 1918 г. было введено обязательное обучение военному искусству. В соответствии с данным документом, у женщин появилась возможность обучаться, «по их согласию, на общих основаниях». В составе Центрального отдела по работе среди женщин ЦК РКП (б) был создан подотдел для работы в армии. Активное участие в пропаганде революционных идей на фронтах боевых действий принимали Н.К. Крупская и А.М. Коллонтай.

Политика молодого Советского государства значительно ускорила процесс эмансипации. Постепенно сформировался идеал советской женщины – активистки-общественницы, преданной идеям социализма, верного бойца и товарища, закаленного Гражданской войной. Претензия женщин на новые социальные роли в общественной жизни кодировалась через новый образ. Платья из солдатского сукна или холста, прямые юбки, ситцевые блузки, гимнастерки и кожаные куртки, красные платки и косынки, по-крестьянски повязанные на лоб, демонстрировали женскую независимость и подчеркивали равенство полов.

Еще одним важным моментом являлось отношение государственной власти в лице СНК к изменяющейся роли женщин, проявившееся не только в предоставлении им гражданских прав и привлечении к различным сферам общественной жизни, но и в попытке изменить отношение к женщинам со стороны мужчин и общества в целом. Например, в одной из агитационно-пропагандистских брошюр для красноармейцев содержался такой призыв: «воспитай в себе товарищеское отношение к женщине, как к сотруднику, борцу». Красноармейцам предлагалось «всячески стараться развить свою жену, научить ее грамоте, послать в кружок или выписать для нее журнал».

Однако в годы Гражданской войны женщинам приходилось не только работать и воевать, но и отстаивать собственное мнение, до-

биваясь уважения окружающих мужчин, являвшихся порою старше не только по званию, но и по возрасту. «Сильному полу» пришлось мириться с присутствием женщин на самых разных, в том числе командных, должностях. К концу Гражданской войны в Красной Армии служило 66 тыс. женщин. За боевые отличия и заслуги 66 участниц Гражданской войны в 1917–1923 гг. были награждены орденом Красного Знамени.

Революционные преобразования самого общества, включая ликвидацию сословного деления, привели к кардинальному изменению не только общественного статуса женщины, но и ее привычной повседневности. Женщины активно осваивали и политическую сферу, и промышленное производство.

Таким образом, именно в годы Революции и Гражданской войны в России содержание гендерных ролей подверглось серьезной трансформации. Однако указанные изменения были во многом обусловлены непростой обстановкой «военного положения». К присутствию «слабого пола» на государственной и военной службе по-прежнему сохранялось неоднозначное отношение общества и мужского служивого большинства. Обществом не воспринималось как нормальное явление активное участие женщин во всех сферах общественной жизни, и, тем более, во власти. Между революционной риторикой и реальным гендерным равенством сохранялись значительные расхождения.

По окончании Гражданской войны женщинам пришлось вернуться к мирному труду, к семье. Сломать традиционную систему отношений господства-подчинения и разделения труда по гендерному признаку не удалось. В дальнейшем основные гендерные стереотипы сохранялись в дореволюционном патриархальном формате: выполнение различных функций женщиной и мужчиной, как в семье, так и в обществе, представлялось их объективно обусловленными различиями. Политика и армия – должны были оставаться прерогативой мужчины, тогда как женщины, если и могли допускаться в эти сферы, то только на подчиненных ролях.

К.Е. Баженова, О.С. Поршнева
Нижний Тагил, Нижнетагильская соц.-педагогическая академия
Екатеринбург, Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ПОМОЩИ ФРОНТУ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В период Первой мировой войны происходили серьезные изменения не только в экономике, государственном управлении, но и в общественной жизни, социальных отношениях. Ярким проявлением социальных трансформаций явилось создание россиянками организаций, призванных привлечь женщин к участию в решении государственных задач и проблем, порожденных войной. Женское движение, опирающееся на традиции отечественной благотворительности, возникло для оказания действенной помощи фронту, солдатам и их семьям, нуждающимся и обездоленным, жертвам войны. На волне патриотического подъема в начале войны по всей стране за короткий срок была создана целая сеть дамских кружков при различных общественных и общественно-государственных организациях, в числе которых самыми крупными являлись Всероссийские Земский и Городской союзы.

Органы местного самоуправления, поддерживая общественную женскую инициативу, содействовали ее институционализации. Важную роль в этом играли позитивное отношение верховной власти к деятельности благотворительных организаций, покровительство и руководство ими со стороны женщин-членов императорской фамилии, активное и во многом символическое участие жен губернаторов и глав местного самоуправления в создании общественных объединений. Так, первый дамский комитет Перми был создан вдовой председателя пермской губернской земской управы Н.И. Мухлыниной[208]. Ее инициативу тут же подхватили жены уездного начальства, а также некоторые знатные и состоятельные дворянки, которые на собственные средства стали содержать частные кружки[209]. В то же время большинство женщин, участвовавших в работе дамских объединений, не принадлежало

---

[208] Журналы Пермского губернского собрания 45-й очередной сессии и доклады комиссии // Пермское губернское земство. Пермь, 1915. С. 163.
[209] Пермская земская неделя. 1915. № 8. С. 21–22.

к элите, а относилось, скорее, к средним городским слоям. Журналы Пермских губернских земских собраний сохранили поименные списки членов и учредителей женских общественных комитетов. Они свидетельствуют, что инициатива в создании женских объединений в первые месяцы войны принадлежала не только женам земских деятелей и дворянкам, но и преподавательницам местных учебных заведений, медикам. Кроме того, со второй половины 1915 г. в составе некоторых дамских кружков, в частности, Красноуфимского и Чердынского, были представлены уже работницы и крестьянки[210].

Средства для своей деятельности дамские организации обычно черпали из нескольких источников: взносов членов самих комитетов, пожертвований частных лиц, доходов от проведения массовых мероприятий (балов, маскарадов, лотерей, спектаклей и др.), кружечных сборов. Государственные архивы Пермского края и Свердловской области сохранили значительные массивы всевозможных первичных материалов о работе дамских комитетов Перми и уездов[211]. Некоторые кружки издавали специальные отчеты о своей деятельности, делая достоянием общественности результаты собственной работы[212]. Хотя законодательно правила деятельности женских общественных объединений не были регламентированы, власти требовали от их руководительниц четкого ведения отчетности, а также предоставления обязательной информации о проделанной работе. Кроме того, для открытия дамского комитета его председательница должна была получить письменное разрешение губернатора, который, в свою очередь, предписывал местным жандармским управлениям навести справки о политической благонадежности членов женского общества и контролировать его работу.

Женское участие в деле помощи фронту и жертвам войны выражалось в самых разнообразных формах: организации курсов сестер милосердия; работе в лечебных учреждениях; пошиве госпитального белья; сборе и отправке в действующую армию теплых вещей, белья,

---

[210] Журналы Пермского губернского собрания... С. 146, 163.

[211] Государственный архив Пермского края. Ф. 515.; Государственный архив Свердловской области. Ф. 416.

[212] Очерк о деятельности Екатеринбургского Дамского Кружка по сбору пожертвований для отправки на передовые позиции за время с 5 октября 1914 года по 25 апреля 1916 года. Екатеринбург, 1916.

табака, мыла, сухарей, спичек; снабжении всем необходимым выбывавших из лазаретов воинов; помощи беженцам, сиротам, вдовам. Активно действовали Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский, Пермский, Соликамский, Чердынский и Шадринский дамские комитеты. Оперативность в реализации задач дамских комитетов и кружков в ряде случаев снижалась из-за бюрократических и полицейских запретов и ограничений.

Женщины, участницы движения помощи фронту, проявили в годы войны не только гражданскую ответственность, но и способность к самостоятельному решению сложных вопросов, организаторские качества. Многие из них тратили большую часть своего времени на общественные нужды, существенно меняли образ и ритм жизни. Война не только открыла женщинам новые возможности для самореализации, выходящие за рамки семьи и традиционных гендерных представлений, но и явно продемонстрировала успехи в освоении женщинами новой социальной роли общественной деятельницы, предвосхищавшие переосмысление гендерных статусов в период революции и постреволюционного развития.

К.А. Моргунов
Оренбург, НИИ ИЭЮУ ОГУ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИХ И ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ ЮЖНОГО УРАЛА ПО РАСКРЕПОЩЕНИЮ ЖЕНЩИН ИЗ СРЕДЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ (1920-Е ГГ.)

Приступая к осуществлению комплекса мероприятий, связанных с реализацией национальной политики советские органы власти столкнулись с немалыми трудностями, связанными со спецификой традиционного уклада жизни и религиозных предписаний у отдельных этнических групп населения. Советская Конституция 1918 г. гарантировала равноправие мужского и женского населения страны. Национальные же традиции и религиозная мораль стояли на пути реализации этого конституционного начала, по-своему трактуя положение женщины в обществе. Отсюда политику, направленную на эмансипацию женского населения, можно рассматривать как одно из направлений деятельности советских органов по целенаправленному разрушению традиционных бытовых укладов, стоящих на пути распространения новой идеологии. В этой связи большой интерес вызывает практика выравнива-

ния политико-правового и социального статуса женщин в таком многонациональном и поликонфессиональном регионе как Южный Урал.

Женское национальное население Южного Урала, и, прежде всего женщины-мусульманки, находилось в особых национально-бытовых и религиозных условиях, обуславливающих больший, нежели у русских, консерватизм со стороны значительной части мужского населения, в условиях господства традиционного уклада жизни, укорененной в форме обычая, морали и религиозных догматов. То же самое можно сказать и о немках-меннонитках, вероучение которых не поощряло участие в любых сферах общественной жизни за пределами религиозной общины.

Попытки организации массового женского движения и вовлечения женщин из среды национальных меньшинств в активную общественную жизнь стали предприниматься органами советской власти с начала 1920-х гг. Основная работа среди женщин велась под руководством специальных женских отделов и коллегий, создаваемых при советских и партийных органах. Особое внимание советских органов уделялось раскрепощению женщин Востока.

Однако отсутствие грамотных и подготовленных кадров, знающих язык «коренного населения», способных продуцировать и распространять среди женщин новые образцы ценностных норм поведения, стереотипы мышления, духовной жизни, осуществлять от имени государства управленческие функции, не позволяло предпринимать активные меры по раскрепощению женщин. Решению этой проблемы служило создание специальных женских секций при совпартшколах, привлечение женщин из числа национальных меньшинств в женотделы и формирование института делегаток, проведение беспартийных конференций женщин.

В основе деятельности советских и партийных органов по раскрепощению женщин из среды национальных меньшинств лежало прагматическое начало. Введение в советские и партийные аппараты всех уровней женщин, представляющих различные этнические группы населения позволяло, с одной стороны, приблизить деятельность государственных органов к традиционно замкнутым национальным сообществам и способствовало разрушению традиционных бытовых укладов жизни, препятствующих распространению новой идеологии. С другой стороны, искусственное вовлечение женщин национальных меньшинств в активную общественную жизнь, введение их в общую структуру органов советской власти и партийной номенклатуры стало одним из опорных пунк-

тов на пути к ликвидации исторически обусловленных элементов неравноправия женщин в социальной и политико-правовой сферах.

И.Н. Заводская
Новокузнецк, Кузбасская государственная педагогическая академия

ЖЕНЩИНЫ КУЗНЕЦКСТРОЯ: К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПАХ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ 1930-Х ГОДОВ

Социальные и экономические процессы, происходившие в Советском Союзе в 20–30-х гг. прошлого столетия, принято рассматривать как один из этапов модернизации России. Причем, исследователи отмечают форсированный характер именно этого этапа модернизации, когда задачи экономической перестройки решались в очень короткие сроки. Однако концепция модернизации включает в себя не только экономические преобразования, но и трансформацию общественного сознания и культуры в контексте становления индустриального общества. Исследователи, рассматривающих советскую историю с точки зрения модернизационных процессов, отмечают отличие этих процессов от аналогичных в истории Западных стран. В частности, известный социолог А. Вишневский утверждает, что в СССР модернизация опиралась на консервативные элементы общественного сознания[213]. В связи с этим возникает вопрос о гендерных стереотипах: менялись ли они в советском обществе 1920–30-х гг. или оставались прежними?

Одним из главных признаков модернизации является урбанизация. В 30-е гг. XX в. происходит резкий рост городского населения, возникает множество новых городов, причем, как правило, вокруг крупных промышленных предприятий. Именно так вокруг одной из великих строек периода индустриализации – Кузнецкого металлургического комбината – возникает город Сталинск (нынешний Новокузнецк).

Основную массу рабочих Кузнецкстроя (будущих горожан) составляли вчерашние крестьяне, приезжавшие на стройку «самотеком». Формирующееся здесь маргинальное сообщество представляет собой интересный социальный срез советского общества в целом. Сохранился уникальный

---

[213] См.: Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

комплекс источников – воспоминания кузнецкстроевцев, которые начали записываться еще в 1932–33 гг. Эта работа была продолжена в 1960-х и в 1990-х гг. Только часть этих воспоминаний опубликована.

Особое место занимают воспоминаний женщин, работавших на Кузнецкстрое. На основе этих источников с точки зрения гендерных стереотипов можно выделить несколько типов поведения женщин. Во-первых, среди кузнецкстроевцев были женщины активистки, или, как их тогда называли, «выдвиженки». Как правило, они ехали на стройку по направлению партийных организаций. Часто за плечами у этих женщин было революционное и военное прошлое. Так, Анна Петровна Бежанова, работавшая в партбюро одного из участков, с 1917 по 1921 гг. служила в Красной Армии и Красной Гвардии в контрразведке и политруком. Позже она вспоминала: «Две недели я работала в Крыму по выявлению офицеров, которые там остались. Они скрывались по домам. Все они были переодетые. Мы поймали массу офицеров, которые не успели сбежать на пароходах. Многих забирали прямо с пароходов. Солдатам мы ничего не делали, не трогали их, а отправляли в тыл в Россию. Вся сила была не в солдатах, а в офицерстве, юнкерах, генералах и всяких бывших людях. Много забрали их, много расстреляли»[214]. Военное прошлое накладывало отпечаток на поведение этих женщин – они стремились «воевать» и в мирное время. Коллеги вспоминают, что именно эти женщины всегда были «на передовой», в спорах не уступали мужчинам. Причем, мужчины восхищались именно их «боевитостью». Фактически, эти женщины воспроизводили мужской тип поведения.

Другой тип женщин представляли жены инженерно-технических работников. Как правило, это были женщины образованные, приехавшие на строительство из крупных городов. Они выступали носительницами нового уровня культуры. В 1930-е гг. было организовано всесоюзное общественное движение жен ИТР. Само название этого движения говорит о том, что женщина рассматривалась в первую очередь как жена. Ее социальная значимость зависела от статуса ее мужа. В 1934–35 гг. это движение называлось «движением жен ИТР», с 1936 – «движением жен-общественниц». С изменением названия не изменилась гендерная сущность этого движения, оно по-прежнему оставалось движе-

---

[214] Фойгт Л.И. Женщины Кузнецкстроя. Воспоминания. Документы. Фотографии / под общ. ред. канд. ист. наук Ю.В. Ширина. Новокузнецк, 1998. С. 7.

нием «жен». Основными направлениями его деятельности были работа с детьми (организация детских садов и яслей), ликвидация неграмотности и малограмотности, бытовая работа, организация досуга. По сути это традиционные функции женщины в семье, перенесенные на уровень социума. Существовало такое движение и на Кузнецкстрое. В 1934 г. был создан женсовет, а наиболее активной его частью стал совет жен ИТР, который возглавила жена директора завода Софья Александровна Бутенко. В своих воспоминаниях она постоянно подчеркивала, что жила служебными делами мужа, который даже на курорт присылал ей телеграмму о рекордной плавке. Когда Софья Александровна встречалась с партийными и государственными чиновниками, ее принимали прежде всего как жену директора завода. Вот что она вспоминала: «Когда я на обследовании общежитий ФЗУ увидела паршивые кровати, белье — все убогое — я переговорила с Константином Ивановичем. Надо было найти одеяла, белье, но этого на заводе не было. Ну, что делать? Я поехала в командировку в Новосибирск, прямо к Эйхе. Приехала, позвонила ему. Он меня принял сразу. Как же — жена Бутенко приехала! Он пригласил снабженцев, выделил мне шерстяные одеяла»[215].

Большую часть женщин Кузнецкстроя составляли жены рабочих. Работы для женщин на стройке было мало, поэтому многие из них были домохозяйками, но при этом включались в общественную деятельность – занимались благоустройством домов, квартир, даже помогали работающим мужьям, устраивая субботники в цехах строящегося завода. В то же время одним из направлений деятельности женсоветов было привлечение женщин к работе на производстве. Причем, часто женщины осваивали мужские профессии. Таким образом, решалась проблема нехватки рабочих рук.

Формальное равенство мужчин и женщин, провозглашенное советской властью, не изменило консервативные основы общественного сознания, системы ценностей. Женское движение советской эпохи – это движение не столько за права женщин, сколько за включение женщин в производственный процесс, общественную жизнь. Часть женщин воспринимает стереотипы мужского поведения. Но более устойчивым оказыва-

---

[215] Там же. С. 35.

ется традиционный стереотип женского поведения – сферой деятельности женщины является быт, воспитание детей, организация досуга.

А.В. Игонин
Ставрополь, Ставропольский государственный университет

ЖЕНСКИЙ ПРОТЕСТ В ГОДЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ НА ЮГЕ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В большинстве работ российских историков женский протест в годы коллективизации так и не стал самостоятельной проблемой исследования. Возможно, это связано с признанием в среде историков мнения такого авторитетного специалиста, как Ш. Фицпатрик. Она, признавая тот факт, что «зачастую ведущую роль в выступлениях против коллективизации играли женщины», не поддерживает мнение о том, что «женщины сильнее настроены против коллективизации, чем их мужья»[216]. Вместе с тем, Ш. Фицпатрик подчеркивает, что наиболее массовый характер в феврале 1930 г. «бабьи бунты» имели место на Северном Кавказе.

Н.А. Мальцева, подчеркивая факт активного участия крестьянок Ставрополья в акциях протеста против коллективизации и колхозного строительства, приводит описания «бабьих бунтов» в начале 1930 г. (например, в с. Довсун). П.Г. Чернопицкий рассмотрел женские антиколхозные выступления в Таганрогском и Сальском округах. В Таганрогском округе к проявлениям недовольства сплошной коллективизацией в начале 1930 г. он отнес выходы из колхоза и «бабьи бунты», когда толпы женщин проводили демонстрации протеста. В Сальском округе наиболее значимым стало начавшееся 18 февраля 1930 г. восстание в с. Екатериновка. Это было стихийное восстание, охватившее соседние с Екатериновкой 5 сел, в котором также приняли участие отпущенные до высылки из Сальска ввиду переполненности тюрьмы кулаки. Восстание, начинавшееся как антиколхозное, переросло в антисоветское. Для борьбы с восстанием были созданы отряды из красных парти-

---

[216] Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2008. С. 82.

зан, бедняков, батраков и части середняков. Через 6 дней эти отряды вместе с кавалерийскими частями Красной Армии подавили восстание[217].

Отметим, что активная роль женщин в антиколхозных акциях, прокатившихся по Югу России, не исчерпывается событиями февраля 1930 г. В сводке Северо-Кавказской краевой прокуратуры «О перегибах и противодействии текущим хозполиткампаниям на селе» 6 из 11 массовых выступлений, произошедших в крае за период с 8 по 21 марта 1930 г., по составу участников были определены как преимущественно женские[218]. Позднее, с октября 1931 г. по март 1932 г., в русских районах края произошло 56 массовых выступлений крестьян против колхозов и коллективизации. В аналитических документах ОГПУ подчеркивалось, что все они были преимущественно женскими.

Женские акции протеста проходили не только в крестьянских и казачьих округах Северного Кавказа, но и в национальных областях края. Так, Ш.И. Текееев особо подчеркивает активную роль женщин-горянок в событиях самого крупного восстания против коллективизации в Карачаевской автономной области[219]. Оно началось 18 марта 1930 г. и охватило практически все аулы Карачая. Восстание продолжалось 6 дней и было подавлено после неудачной попытки восставших взять административный центр автономной области г. Микоян-Шахар (ныне г. Карачаевск).

В.А. Бондарев выделяет следующие причины вовлечения женщин в состав участников акций протеста в годы коллективизации:

- воздействие предшествующих преобразований советской власти, направленных на эмансипацию женской части сельского населения;

- относительная мягкость наказаний, предусмотренных для женщин советским законодательством;

- постепенное сокращение в ходе репрессий численности мужчин, способных к открытому выражению неповиновения властям;

---

[217] Чернопицкий П.Г. Восстание крестьян в Сальском округе в 1930 году // Третьи межрегион. науч. чтения по актуальным проблемам социальной истории и социальной работы. Новочеркасск, 2002. С. 45.

[218] ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1076. Л. 17–20.

[219] Текеев Ш.И. Аграрная политика и коллективизация в Карачае (1920–1930-е годы) // Дис. …канд. ист. наук. Карачаевск, 2010. С. 169.

- воздействие особых черт женской психологии (стремление защитить «домашний очаг» и пр.); большая активность женщин, проявляемая ими при решении общественно значимых вопросов на уровне села.

А.П. Скорик и М.А. Гадицкая считают, что данный перечень причин антиколхозной активности женщин нуждается в доработке и систематизации. Они предлагают следующие типологически различные группы факторов женской протестной активности:

- гендерно-демографические (постепенное возрастание удельного веса женщин в составе участников антиколхозного протеста в результате репрессий и, возможно, последствий Великого голода 1932–1933 гг.);

- гендерно-психологические (стремление женщин защитить «домашний очаг», которому угрожали завышенные хлебозаготовки, обобществление скота и птицы и т. п.; большая активность женщин в ходе споров и конфликтов в рамках семьи или деревни);

- гендерно-политические (специфика аграрной политики сталинского режима, направленной на решение масштабных задач за счет сельского населения, что вызывало возмущение последнего; повышение общественной активности женщин в результате мероприятий советской власти – ликвидация неграмотности, вовлечение крестьянок в местные органы власти и т. п.);

- гендерно-юридические (более мягкая позиция советского уголовного законодательства по отношению к женщинам, выступавшим против большевистской аграрной политики)[220].

На наш взгляд, обозначенная проблема требует дальнейшего изучения. Как на основе уточнения и, возможно, дополнения выдвинутых историками Юга России вариантов систематизации факторов женской протестной активности в годы сплошной коллективизации, так и дальнейшего поиска в архивах и последующей публикации фактического материала о сопротивлении коллективизации и роли в нем женщин.

---

[220] Гадицкая М.А., Скорик А.П. Женщины-колхозницы Юга России в 1930-е годы: гендерный потенциал и менталитет. Ростов-на-Дону, 2009. С. 186.

А. М. Ермаков
Ярославль, Ярославский гос. педагогический университет

ЖЕНЩИНЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА ГЛАЗАМИ ЛЕВОЛИБЕРАЛЬНЫХ НЕМЕЦКИХ ЭМИГРАНТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ «ЕЖЕДНЕВНОЙ ПАРИЖСКОЙ ГАЗЕТЫ»)

Ярко выраженный маскулинный характер гитлеровского господства, антифемининная идеология и политика Третьего рейха не помешали гитлеровцам привлечь на свою сторону миллионы немок, сделать «мужское государство» Гитлера привлекательным для них. Развитие гендерных отношений в нацистской Германии было настолько сложным и противоречивым, что сочетало активное вытеснение женщин в приватную сферу с ее деприватизацией, неприятие женщин в политике – с новыми возможностями политической карьеры в составе функциональных элит нацистского партийно-государственного аппарата. В этой связи анализ взглядов антифашистов на положение женщин в гитлеровской Германии и женскую политику Третьего рейха представляется весьма актуальным.

В частности, возможность проанализировать отношение леволиберальных немецких эмигрантов к изменениям в положении женщин при гитлеровской диктатуре предоставляет исследование «Ежедневной парижской газеты» – единственного печатного органа из 450 эмигрантских периодических изданий, стабильно выходившего в течение более чем шести лет, с декабря 1933 по февраль 1940 г. «Ежедневная парижская газета» распространялась во Франции, где проживали 35 тыс. эмигрантов, и в других странах, принявших беженцев из Третьего рейха. Основателем и главным редактором газеты являлся немецкий журналист Георг Бернхард, ранее в течение десяти лет руководивший редакцией крупнейшей леволиберальной газеты Веймарской республики «Фоссише цайтунг».

Немецкие левые либералы выдвигали лозунги свободы личности, правового государства, политической демократии. В программе НДП, принятой в феврале 1920 г., говорилось, что «в законодательстве и управлении должны действовать равные права для всех; еще существующую дискриминацию женщин следует устранить». В духе тогдашней феминистской идеологии левые либералы считали, что политическое равенство женщин и мужчин со временем позволит добиться равенства во всех остальных сферах жизни. Позднее отношение к жен-

скому вопросу как к важному, но не главному, который постепенно разрешится сам собой, сказалось на динамике публикаций о женщинах в «Ежедневной парижской газете» – левые либералы проявляли к бытию немок в условиях гитлеровской диктатуры не особенно высокий, но стабильный интерес. Об этом свидетельствует появление на страницах газеты от 9 до 14 материалов о немецких женщинах ежегодно. Преимущественное внимание журналисты-эмигранты уделяли публичной сфере: производительному труду немецких женщин, нацистским женским организациям, гендерной идеологии нацизма и мировоззрению немок, антифашистскому Сопротивлению немецких женщин. Среди тематики, относящейся к приватной сфере, преобладали публикации о материнстве и браке в Третьем рейхе.

Авторы материалов, как правило, скрывали свои имена, и большинство публикаций «Ежедневной парижской газеты» анонимны либо подписаны псевдонимами или одними только инициалами. Из 71 проанализированной статьи о немецких женщинах авторство указано лишь в 11, в частности, три публикации принадлежат перу известного леволиберального журналиста Курта Каро, до эмиграции занимавшего пост главного редактора «Берлинер фольксцайтунг» («Народной берлинской газеты»), а во Франции работавшего под псевдонимом «Мануэль Хумберт». Автором одного из материалов был крупнейший леволиберальный журналист и один из первых исследователей германского фашизма Конрад Гейден. По меньшей мере, три статьи по интересующей нас теме были написаны женщиной, которая ставила подпись «Louise Amelie» или «L. A.».

Анализ материалов «Ежедневной парижской газеты» о положении женщин в гитлеровской Германии дает основания утверждать, что критика леволиберальными эмигрантами женской политики нацизма являлась частью их борьбы против гитлеровского режима, против идеологии и политики национал-социализма. Леволиберальные оценки женской политики Третьего рейха базировались на фундаментальных ценностях свободы личности, человеческого достоинства, гражданского равноправия, в том числе равноправия мужчин и женщин.

Левые либералы идеализировали положение женщин в Веймарской республике, представлявшейся им «золотым веком» по сравнению с гитлеровским господством. Они трактовали установление нацистской диктатуры не просто как шаг назад в женском вопросе, а как гигантский прыжок в Средневековье. Журналисты старались показать

читающей по-немецки зарубежной общественности антифеминининый характер нацистского государства, низводившего женщину до уровня рабыни в сфере общественного производства и «детородной машины» в семье.

Левые либералы возмущались грубым и некомпетентным вмешательством нацистов в такие деликатные сферы человеческих отношений, как любовь и семья, заостряли внимание читателей на гендерном социальном контроле, под прессом которого оказалась каждая немка. Они едко высмеивали борьбу нацистов с использованием косметики и курением как «не соответствующими сущности германской женщины». Особое отвращение леволиберальных эмигрантов вызывало низвержение моральных устоев немецкого общества, интеллектуальная деградация немецких девушек и женщин, внедрение в их мировоззрение, в частности, с помощью различных молодежных и женских организаций, шовинизма, расизма, антисемитизма. Несомненной заслугой левых либералов является установление связи между женского политикой Третьего рейха и всесторонней милитаризацией Германии, ее подготовкой к войне.

Женщины, боровшиеся с нацизмом в рядах немецкого Сопротивления, преподносились читателям как мученицы, страдающие от унижений, пыток и побоев «за бессмертные идеи мира и свободы», сохраняющие мужество и человеческое достоинство. Авторы публикаций старались привести все известные им имена узниц нацизма и назвать места заключения, в которых содержатся женщины. В 1937 г. «Ежедневная парижская газета» вместе с такими известными деятелями немецкой эмиграции, как Г. Манн и Л. Фейхтвангер, включились в кампанию протеста против казни молодой рабочей Лизель Герман. Материалы эмигрантской газеты о женщинах-антифашистсках были призваны еще раз подчеркнуть античеловеческую сущность гитлеровского режима.

Е.В. Стяжкина

Донецк, Украина, Донецкий государственный университет

ЖЕНЩИНЫ КАК «ФИГУРЫ УМОЛЧАНИЯ» ИСТОРИИ ОККУПАЦИИ: ПОДХОДЫ К ПРОЯВЛЕНИЮ ЖЕНСКОГО ОПЫТА

История оккупации – одна из самых тяжелых для осмысления страниц Великой Отечественной войны. Проблематичность эта объяснима сразу несколькими причинами. Во-первых, в советской историографии и шире – в советском мифе Великой Отечественной – не был

сформирован официальный концепт памяти относительно жизни на оккупированных территориях. Советская система так полностью никогда и не определилась с тем, как правильно воспринимать оккупацию, а с тем не выработала и «правильных требований» к поведению обычных людей в этот период. Пребывание на оккупированных территориях навсегда осталось «черной меткой» на репутации советского человека.

Во-вторых, сложившаяся культурная память (в терминах Я. Ассмана) об оккупации содержала достаточно схематичное описание событий. В значительной степени канон памяти об оккупации восходил к риторике документов, изданных в 1942 г. в общем сборнике с красноречивым названием «Зверства, грабежи и насилия немецко-фашистских захватчиков». Этот канон определял ключевые фигуры местного населения на оккупированных территориях: безмолвные жертвы, герои-партизаны(подпольщики) и предатели-коллаборанты.

Как всякая искусственная схема, канон делал «невидимыми» иных людей, иные практики с их сложными мотивациями, взаимосвязями, ситуативными и стратегическими решениями. Наиболее «невидимыми», сведенными часто к «фигурам умолчания» в этой связи оказались женщины. Женский опыт жизни на оккупированных территориях часто не вписывался в социально одобряемые сюжеты истории оккупации. Значительная часть женских практик, в том числе и связанных с сексуальным насилием, была закрыта для изучения не только жестким идеологическим, но и самоцензурным авторским табу.

Еще одной причиной неизученности женского опыта жизни в оккупации является недостаточность документальной базы: официальные архивы собирали сведения о преступлениях фашизма в рамках работы Госкомиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков; воспоминания об оккупации фиксировались и публиковались только в том случае, если полностью совпадали с изложенной выше схемой; личные документы – переписка, дневники, в том числе и немецких, итальянских солдат и офицеров – были недоступны. Между тем на уровне коммуникативной памяти – семейных разговоров, «дворовых» пересказов – история оккупации, информация о «плохих» и «хороших» немцах и «плохих» и «хороших» наших транслировалась старшим поколением. И чем менее «вмонтированными» были представители старшего поколения в концепт «советскости», тем более иной, разнообразной, неоднозначной рисовалась картина жизни «при немцах» и более взвешенными, спокойными были оценки тех или

иных ситуаций, в которые, в основном, попадали женщины. Из этих домашних, не дозволенных к выносу «в люди» воспоминаний, следовало, что история оккупации – это история выживания женщин, которые остались или были оставлены государством и своими мужчинами, оставлены с детьми, старшими членами семьи и были назначены ответственными за все процессы функционирования семьи. Следует признать, что этот порядок рассуждения оказался присущим не только устным воспоминаниям, но и некоторым произведениям художественной культуры как советского, так и постсоветского периода.

Устные источники и художественные тексты стали основной информационной базой работы, целью которой является определение рабочих гипотез и подходов к «слышанию» голоса женщин как главных «фигур умолчания» истории оккупации. Элементы повседневной жизни, тактики выживания, механизмы формирования отношения к тем или иным событиям повторяются как в устных историях, так и в художественных текстах. Эти совпадения дают основания сформулировать рабочие гипотезы для описания женских историй оккупации в прифронтовой зоне.

Первое, что представляется чрезвычайно важным для анализа женского опыта: война в памяти женщин была не единственным потрясением. Они прожили равнозначные или даже более значимые трагедии, связанные с Голодомором и репрессиями 1930–40-х гг. XX в. «*…А в войну у нас еще хоть еда была…*»[221], «*Спросите у меня, боюсь я немцев или нет? Нет! У меня некого убивать, понимаете? Всех уже убили*»[222].

Второе: женщины на оккупированных территориях часто вообще не соотносили свои потребности с «великими задачами войны». Они действовали исходя из прагматических задач: выжить и сохранить (себя, детей, мужей, старших). Эти задачи выполнялись вне границ советской идеологии, часто вразрез с нею. Женщины воспринимали свое тело[223] и свою жизнь как ресурс, но конвертировали его не в победу над фашизмом, а в продолжение жизни той группы, которую считали своей.

---

221 Анна Тихоновна П., 17.10.1936 // 15.11. 2008.

222 Щербакова Г. Бабушка и Сталин // Дочки, матери, птицы и острова. М., 2009. С. 115.

223 Burds J. Sexual Violence in Europe in World War II, 1939–1945 // Politics & Society. Vol. 37. No. 1, March 2009. P. 41.

Третье: несмотря на все ужасы оккупации, женщины воспринимали свою и чужую жизнь как имеющую право на продолжение. Отсюда – отличающиеся от европейских практики отношения к тем молодым женщинам, которые «гуляли» с захватчиками. Полное неприятие встречается значительно реже, чем снисходительное понимание. «*Лиза Петренчиха гуляла с немцами как хотела… Но никто в Лизу каменем не кидал, хотя немцы были враги. Говорили об этом тихо и сочувственно… Ей-то жить осталось всего ничего. Разве она виновата, что война?»*[224].

Четвертое: часто женщины воспринимали войну как исключительно мужское дело («*– Дитя спасла? Спасла, – объяснила она твердо. – А остальное не твое дело… Пусть мужики воюют, если смогут…*»[225]), а потому не считали, что могут пострадать от фашистов. Война угрожала мужчинам, их надо было спасать. «Свои» мужчины утрачивали функции защитников и кормильцев, эта функция делегировалась женщинам как «второстепенным» и «не годным к смерти» персонажам войны. «*И дєдушка, и вси оти мужикы, кого оставылы, втэклы вид нимцив, шоб воны йих нэ забралы, там у нас булы в поли тэрныкы. І ото мама Галя наготовэ, собэрэ еди, в вузэлок завяже, а нимци ж у двори!*»[226].

Таким образом, можно констатировать, что война как социальная катастрофа, привела к изменению как традиционных, так и одобряемых властью гендерных моделей. Эти изменения «не вписались» ни в гранд-нарратив Великой Отечественной, ни в локальные истории фашистской оккупации. Предложенные подходы, базирующиеся на изучении устных источников и художественных текстов, могут быть переформулированы в ходе дальнейшей работы, однако представляются плодотворными для проявления женской истории оккупации, изучения мотиваций, тактик и стратегий выживания женщин, оставшихся / оставленных на территориях, занятых врагом.

---

[224] Щербакова Г. Рассказ для Димы // Трое в доме, не считая собаки. М., 2009. С. 197.

[225] Щербакова Г. Лизонька и другие. Семейный роман // Женщины в игре без правил. М., 1996. С. 260.

[226] Татьяна Ефимовна Б., 1927 г. р. // 12.12.2008.

Е.В. Барсук
Новокузнецк, Кузбасская государственная педагогическая академия

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В СССР ПЕРИОДА 40–60-Х ГОДОВ XX ВЕКА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Изучая динамику гендерной культуры и ее влияние на образ жизни женщины «советского периода», появляется понимание того, как может трансформироваться общество в результате индивидуальных и коллективных действий. Кроме этого становится возможным проследить, как изменились ценностные ориентиры «женского пространства» в ходе исторического развития женской культуры за период 40–60-х гг. XX в. На наш взгляд, необходимо определять изменения женской культуры и женского самосознания не изолированно, а вместе со степенью их включенности в социокультурное пространство, определяя место женщины в нём.

На протяжении всей советской истории происходила трансформация женского образа, менялась сущность женских ролей в обществе. Изменялись основы таких социальных институтов как брак и семья, которые на протяжении длительного периода женской истории были именно тем пространством, в котором и происходила самореализация большинства женщин. Динамичные процессы исторического развития «женского образа» так или иначе сказывались и продолжают оказывать влияние на те нормы и ценности, которые определяют повседневную жизнь женщины.

В сменяющие друг друга периоды советской истории самого разного рода факторы оказывали влияние на развитие и формирование образа «советской женщины», который в основе своей продолжает доминировать и в России уже XXI в. Анализ гендерных отношений и динамики их развития в советском обществе 1940–1960-х гг. предполагает изучение феномена участия женщин в Великой Отечественной войне.

На наш взгляд, одним из ключевых факторов, повлиявших на трансформацию социокультурного женского образа стало массовое участие женщин в Великой отечественной войне. С одной стороны, оно заложило основы нового восприятия женщиной самой себя, своей реализации в обществе, а с другой – само общество расширило рамки «женского пространства». Поколение женщин, прошедшее войну и восстанавливающее мирную жизнь подготовило формирование нового женского социокультурного пространства России.

Также важную роль в вышеуказанном процессе сыграли демографические изменения, произошедшие в послевоенный период и сложившаяся в результате гендерная диспропорция. Вместе с изменением отношения женщин к самим себе начинает меняться и их отношение к своему месту в обществе. В 50–60-е гг. создается миф о «суперженщине», которая могла бы делать великие научные открытия и рожать детей одного за другим. Этот тщательно проработанный идеологической советской машиной миф воздействовал на целое поколение женщин и способствовал в том числе формированию некоторой идеалистической модели гендерной идентификации российских женщин.

Нам представляется актуальным исследование советских женщин как особой социальной группы – их жизненных стремлений, основных проблем, особенностей социально-экономического положения, форм проведения досуга, отношения к семье и детям, политической и социальной активности. Поскольку все вышеперечисленное является, в том числе, составляющими «женского мира».

Необходимо отметить недостаточную изученность указанного периода в рамках «женской истории» и отсутствие активного интереса к нему со стороны историков. Отсутствуют полноценные исследования, пересекающиеся тем или иным образом с поставленной нами проблематикой. Описания социокультурного образа женщины указанного периода ограничиваются, как правило, формированием героического образа женщины – либо участницы боевых действий в ВОВ, либо самоотверженной труженицы тыла. Но за этими плакатными образами не видно подлинной женщины эпохи, не видно тех изменений социальных ролей, которые они несомненно претерпели в результате ВОВ.

Таким образом, изучение «женского образа» советской эпохи с гендерных позиций позволит наиболее полно проанализировать основные процессы и тенденции социокультурного пространства России в период 40–60-х гг. XX в. и выработать некоторый прогноз по их дальнейшему генезису.

Р.Н. Сулейманова
Уфа, Институт истории, языка и литературы Уфимского НЦ РАН

О МЕРАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ЖЕНЩИНЫ – РАБОТНИЦЫ И МАТЕРИ: РЕАЛИИ ПОСЛЕВОЕННОГО ДВАДЦАТИЛЕТИЯ (НА ПРИМЕРЕ БАШКИРСКОЙ АССР)

Тема взаимоотношений власти с населением и населения с властью была и продолжает оставаться актуальной. Отношение различных слоев населения, в их числе женщин, к политике государства по решению различных насущных вопросов вызывает особый интерес, тем более в региональном аспекте[227]. В статье рассматривается отношение местных органов власти БАССР к женщине – матери и работнице в 1945–1964 гг.

Послевоенное двадцатилетие – один из противоречивых и сложных периодов советской истории. В годы Великой Отечественной войны наблюдалась активизация женского фактора. В принимавшихся партийно-государственными органами решениях женщинам отводилась роль решающей силы в мобилизации экономических и людских ресурсов для победы над врагом. Женщины Башкирии проявили себя истинными патриотками, в ущерб своему здоровью и семье внесли посильный вклад в победу над врагом.

Происходившая в послевоенный период эйфория победы оказывала определенное влияние на общественную жизнь страны, на настроения населения, в том числе женщин. Им казалось, что теперь наступит мирная жизнь, решатся государством все нереализованные проблемы в женском вопросе. Однако в этом наблюдались то заметный подъем внимания к ним, то снижение интереса и сведение их сути лишь к решению приоритетных задач, в основном экономических.

Немалым был вклад женщин автономной республики в послевоенный период в восстановление экономики, перевода ее на мирные рельсы, в осуществлении крупнейших программ социально-экономического и общественно-политического значения. Однако противоречивость, зачастую формальность, прагматизм государства в решении женских проблем вызывало недовольство у женского населения. В основном это было связано с продовольственными трудно-

[227] Статья подготовлена в рамках Программы ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

стями, нехваткой элементарных вещей и предметов первой необходимости, безразличием к их положению и оказанию помощи. Это проявлялось в обращениях в различные инстанции. В этот период в печати стали выходить критические статьи и фельетоны, авторами которых чаще выступали сами женщины. В республиканской печати появилась специальная рубрика «Письма в редакцию»

Систематическую и довольно серьезную помощь получали семьи погибших воинов-фронтовиков. Но и здесь имелись недоработки. Об этом говорят многочисленные жалобы людей[228]. В печати поднимались и другие насущные проблемы, касавшиеся охраны здоровья матери и ребенка, в частности организация санатория для них[229]. Немало выходило публикаций по вопросам обеспечения детскими учреждениями. Это указывало на изменившееся самосознание женщин, понимание ими, что многие меры по их поддержке не реализовывались полностью, либо носили формальный характер. Назревал серьезный кризис доверия большой группы населения, каковыми были женщины, к власти, к проводившейся ею политике в их отношении.

В конце 1950-х гг. происходит возрождение женсоветов по всей республике. На них возлагалось решение тех задач, которые государство не могло или не хотело обременять себя, а их усилиями пыталось закрывать «брешь» во многих социальных проблемах, в том числе касавшихся интересов женщин. Однако их функции и реальные возможности не расширяются, а наоборот ограничиваются. Они заключаются лишь в решении социально-культурных вопросов. Исходя из итогов их деятельности, можно сделать вывод, что в республике в рассматриваемый период женских организаций, способных оказать давление на органы власти с целью защиты интересов женщин, не было. Последние практически оказались отстраненными от полноценного участия в разработке и осуществлении государственной политики, исключенными из политического процесса.

Позитивная атмосфера 1950-х гг. создавала в общественной жизни особый настрой веры в мирную счастливую жизнь. Потребности людей, хотя и медленно, но росли, потому они становились более требовательными к власти. Все чаще из их уст были слышны на активах и

---

[228] Красная Башкирия. 1945. 23 сентября.

[229] Советская Башкирия. 1954. 4 сентября.

собраниях критические нотки. Выделялись женщины[230]. В социальной политике государства рассматриваемого периода особое внимание уделялось охране материнства и детства, принимались решения по улучшению условий труда и быта женщины-матери. Их реализация в БАССР оказала серьезную поддержку женщине-матери, особенно занятой в производстве. Однако имелись и недостатки. В органы власти республики поступали многочисленные жалобы многодетных матерей, которые долгое время не могли получить пособия по многодетности, плохо была поставлена работа по награждению этих женщин[231]. Кроме того, указывалось на факты плохого обеспечения ассортиментом детских товаров. Отмечалось, что на многих промышленных предприятиях, несмотря на запрещение, использовался труд беременных женщин на тяжелых работах, не обеспечивался перерыв на кормление детей, не создавались нормальные условия для работы. Указывалось, что большинство женщин, прежде всего, одинокие, живут в тяжелых бытовых условиях[232].

Принятые партийно-государственными органами Башкирской АССР в этот период меры по повышению престижа семьи с детьми, охране материнства и детства оказали заметное влияние на улучшение сложившейся ситуации. За период с выхода Указа 1944 г. к началу 1959 г. в республике было выплачено пособий многодетным и одиноким матерям свыше 1,3 млрд. руб., присвоено 1309 женщинам почетное звание «Мать-героиня». В демографической обстановке налицо были позитивные тенденции: улучшилась врачебная помощь женщине-матери и ребенку, снизились среди них показатели смертности, а рождаемости – возросли. Однако в последующий период проявились негативные тенденции в решении женских проблем.

Безусловно, опираясь на опыт Башкирии по поддержке женщины – матери и работницы в рассматриваемый период, можно сделать вывод, что здесь, как и в стране, принимались меры по решению женских проблем с учетом национальных особенностей, конфессиональных, культурных, бытовых традиций, по совмещению ею социально-значимых ролей – работницы и матери. Однако политика местных ор-

---

[230] Советская Башкирия. 1958. 18 февраля.
[231] ЦИА РБ. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 6. Л. 135–135об.
[232] ЦИА РБ. Ф. Р-1063. Оп. 3. Д. 33. Л. 214–215.

ганов в отношении женщины в рассматриваемый период практически не изменилась и носила прагматический характер. К женщине было и продолжало сохраняться отношение как к «незаменимой производительной силе», «верной помощнице» в реализации стратегически важных хозяйственно-политических задач, потому в гораздо меньшей степени отвечала ее интересам, как личности[233].

А.В. Макарова
Иваново, Ивановский гос. химико-технологический университет

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ГЕНДЕРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ В III РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (1989–2000-Е ГОДЫ)

Процессы трансформации, проходившие в постсоциалистических странах в 1990-е – нач. 2000-х гг., были явлением системным, связывали в один узел множество вопросов, затрагивая позиции различных социальных акторов. Мы сосредоточиваем внимание на влиянии Католической церкви на вопросы изменения гендерных отношений в период польской модернизации, начавшейся в 1989 г. и представлявшей собой один из успешных вариантов политической демократизации и рыночного реформирования.

Успешность модернизации определялась переходом к рыночной экономике, требующей эффективного использования человеческих ресурсов, построением той или иной модели социального государства, нацеленного на обеспечение равенства возможностей, правового государства, гарантирующего соблюдение прав человека, устойчивой представительной демократией, активным гражданским обществом. Модернизационный проект включал эгалитарное направление гендерной политики. Особенностью бывших социалистических стран, отмечаемой многими исследователями вопроса, является первоначальный откат к традиционализму, что связано с изменением социальных функций и возможностей государства, трансформацией политической и экономической сферы.

В 1989–2000-е гг. в гендерной политике государства обозначились два направления. Традиционалистский подход, опиравшийся на поддержку Костела, сложился в начале реформирования в политике пра-

---

[233] Гендерная реконструкция политических систем. СПб., 2004. С. 404.

воцентристов, как результат сочетания либеральной доктрины рыночного реформирования и традиционалистских социальных представлений. В политике левицы, по мере ее усиления, роста активности женских организаций и развития интеграции с ЕС, появилась альтернатива в виде концепции равенства возможностей мужчин и женщин.

В этих условиях религиозный фактор приобретает специфическое значение, определяемое ролью церковного института в обществе и его позициями по социальным вопросам. В Польше католическая церковь, Костел, имела сильные социальные и политические позиции, представляла значительную моральную силу вследствие уникальной исторической роли. Влияние Костела на внутреннюю политику выражалось через репрезентации гендерных моделей и через опосредованное или непосредственное воздействие на политический процесс благодаря обширной информационной активности, участию католической интеллигенции, партиям католическо-национальной программной ориентации. Наиболее ярко влияние религиозного фактора проявилось в таких вопросах как запрет абортов, католическая доктрина социальной политики, огромное значение в национальном польском самосознании.

Уже в самом начале трансформации, в 1989 г., 78 депутатов-католиков, и 37 сенаторов при поддержке Епископального Совета Семьи, предложили законопроект о запрете абортов, который в результате активных дискуссий и общественного движения «за» и «против» был реализован в январе 1993 г. и с тех пор стойко охранялся Костелом от посягательств. Этот вопрос стал исходным пунктом для активизации клерикального сектора гражданского общества, клерикальной трактовки демократических принципов (приоритет права жизни над правами женщин контролировать свою жизнь, включение обращения к Богу в преамбулу Конституции), трактовки медицинской этики на основе противопоставления христианских ценностей ценностям индивидуальных прав человека. Тема запрета абортов являлась манифестацией роста влияния церкви, обретения ею возможности контроля, т. е. участия во власти. Участие воплотилось во введении религиозного компонента в образование (обязательное преподавание закона божьего в школах, исключение сексуального образования и пропаганда традиционной модели гендерных отношений в школах), в проникновении церковной цензуры в деятельность СМИ.

Отношение КЦ к социальной политике, строящееся на католической социальной доктрине, принятой на 2 Ватиканском Соборе 1962–

65 гг., осуждавшей капиталистический индивидуализм и стремление к обогащению, выступавшей с позиций социальной ответственности, социальной благотворительности государства. В гендерной политике эти позиции выражались в государственной поддержке малоимущих семей, сохранении пособий на ребенка, выплачиваемых исключительно женщинам. Т. н. «просемейная» социальная политика основывалась на социальной инвалидизации женщин как группы, государственные выплаты не создавали условий для расширения возможностей женщин, поэтому такая политика лишь способствовала закреплению гендерного неравенства.

Необходимо также отметить исключительную роль костела в национальном мифе, в конструировании национальной идентичности. Католичество является здесь одним из основополагающих элементов конструкта «польскости», поэтому христианские семейные ценности, проповедуемые костелом, имеют дополнительное значение.

Содержательно гендерная модель, продвигаемая церковью, определяла социальные функции женщины как рождение и воспитание детей, сохранение и трансляция «христианских ценностей», т. е. социальное воспроизводство. Нормативным являлся образ женщины как неработающей (в идеале) многодетной матери, которая уделяет все свое время заботе о муже, воспитанию детей и участию в делах церкви. Национальная специфика заключается в благородной жертве, которую приносит женщина для воспитания настоящих поляков, т. е. воспроизводства нации. В аспекте национальной идентичности такая модель апеллирует к образу Божьей Матери и Matki Polki, жертвующей собой ради блага нации, что понимается как приверженность католичеству.

Традиционалистская модель, настойчиво предлагаемая Костелом, отвечала социальной трансформации общества, при которой семья выступает социальным ресурсом трансформации. Эта модель легитимировала социальное расслоение и его гендерный аспект, такой, как женскую бедность и зависимость. С другой стороны, такая модель противоречит модернизационным направлениям – либеральным (по социальной доктрине) и связанным с европейской интеграцией.

Церковь представляет собственные интересы, являясь адептом консервативной позиции, традиционалистской модели гендерных отношений. Интересы эти связаны с возможностью широкого участия в политической жизни государства, с возможностью контроля, т. е. власти. Опыт Польши в период с 1989 г. по 2000-е гг. демонстрирует, что

позиция такого института как церковь оказывает негативное влияние на продвижение модели гендерного равенства не только в области ценностей и норм, сколько, в гораздо большей степени, в области социальной политики государства, а значит в сфере социально-экономических отношений. Усиление религиозного фактора в общественной жизни маркирует переход общества к процессу стагнации, закрепляющей социальные противоречия, сохраняющиеся в развитии, и не способствует их разрешению. Каждый период усиления влияния церкви свидетельствует об обострении этих противоречий в переживаниях людей, в опасениях и надеждах других акторов политической жизни.

Р.Ш. Кузнецова
Краснодар, Кубанский государственный университет

АБХАЗКА МЕЖДУ «МАТРИАРХАТОМ» И ВОЙНОЙ[234]

Источники, по которым мы судим о «традиционном» положении абхазской женщины, относятся лишь к колониальному периоду. Статус абхазской женщины в колониальный период противоречив. Происходило явное ухудшение в ее положении под влиянием распространившегося на Абхазию письменного права, вначале шариата, затем православного и государственного права Российской империи. «Государственный феминизм» советского периода усилил эту противоречивость, формально уничтожив неравенство женщины, в том числе впервые даровав абхазке право на владение собственностью (наследство от родителей; после раздела имущества супруга), но и превратив ее в «величайший женский трудовой резерв рабочего класса» (Сталин), необходимый для социалистического строительства.

Идеологическим обоснованием этой политики служила концепция изначальности матриархата, появление которой обычно связывают с выходом полтора века назад труда Бахофена *Das Mutterrecht*. В действительности она была вдохновлена не столько самим текстом этой книги, сколько неким «мистическим» его прочтением. Тем не менее, вслед за Энгельсом, по словам которого, «открытие… матриархальной ступени, предшествовавшей патриархальной, имеет… то же значение,

[234] Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России на 2012–2014 гг., шифр заявки № 6.3830.2011.

что …и теория прибавочной стоимости Маркса», эта концепция прочно заняла место в арсенале средств практиков-марксистов. Применительно к этнографии Кавказа ответственность за ее внедрение лежит на М.О. Косвене. Последующее же поколение кавказоведов, в частности специалистов по Зап. Кавказу (Э.Л. Коджесау, Ш.Х. Салакая и др.), продолжало иллюстрировать его идеи.

Однако если на Западе и в России эмансипация означала для женщины не только получение общественного признания в делах, не противоречивших традиционным представлениям о женственности (писательницы, актрисы), но и проникновение ее в сферы сугубо мужских видов деятельности (политика, бизнес), то в Абхазии этого не произошло. В результате развития образования среди абхазок «гендерная асимметрия» только возросла.

Вопреки навязанным мужчинами представлениям, во время Грузино-абхазской войны некоторые абхазки смогли воплотить в жизнь образ античной «амазонки». Некоторые из них продолжают служить в армии. В послевоенный период такие женщины стали объединяться в НПО. С другой стороны, до сих пор, тенденции солидарности со «всем народом Абхазии» (мужским большинством), пересиливают желание абхазских женщин добиться собственного независимого положения в обществе. В ходе войны грузинками был предпринят женский «Поезд мира», чтобы пристыдить абхазских мужчин и заставить их сложить оружие. В ответ в Сухуми абхазки устроили свой мирный поход, требуя, чтобы грузины остановили наступление, и даже нападали на них[235].

После войны фактически начавшаяся внешняя блокада сделала невозможным почти любое передвижение абхазских мужчин за пределы СРА. Их сестры и жены стали главными торговцами и мигрантами в Россию. В «мандариновый сезон» число мирных граждан (женщин и детей), ежедневно пересекающих в обе стороны пост «Псоу» достигало в это время 12 тыс. Это означает, что каждые 4–5 дней все женское

---

[235] Dragadze T. The Women's Peace Train in Georgia // Post-Soviet Women: from the Baltic to Central Asia / ed. by M. Buckley. Cambridge University Press, 1995. Pp. 250–260.

население Абхазии пускалось в Россию на заработки и возвращалось домой к своим мужьям![236].

Тяга к эмансипации, сдерживаемая рамками мужского общества, компенсируется во внешних проявлениях. «…[Г]ендерная идентичность … требует сдерживания у мужчин любого локального проявления «фемининных» черт и у женщин – «маскулинных»» (Рубин). В колониальный период гендерные различия не были так выражены в абхазской одежде, как у народов Европы или России. В «традиционный» костюм абхазки входили шаровары, которые шились по тому же принципу, что и мужские. Затягивание бюста тугим корсетом, уплощение груди вело к еще одному нарушению различий между женщиной и мужчиной[237]. Исчезновение традиционного костюма просходит в послереволюционные 1920-е гг. Дальнейшая эмансипация женщины в одежде идет уже по нарастающей. После 1930-х гг. абхазки одеваются в соответствии с меняющейся в России, да и в мире модой. Пожилые женщины и женщины из бедных слоев оказываются более консервативными в одежде. В последние годы различия в одежде разных возрастных групп становятся еще контрастнее. Для молодежи не осталось никаких из старых запретов, для замужних же и пожилых – это ношение брюк, очень открытых или коротких вещей, а также яркий макияж. Несмотря на попытки абхазских мужчин в условиях послевоенной блокады ужесточить «традиционные» формы жизни, в женской моде не прослеживается никакого отката назад. Можно наоборот констатировать, что эмансипация в одежде абхазок даже усиливается. Но свобода в одежде по-прежнему не означает свободу в сексуальном поведении, хотя их внешний вид и нарочито раскрепощенное поведение часто сбивают с толку.

Итак, ряд внутренних (рост образования и социальной активности среди женщин в советский период) и внешних причин (запрет на передвижение мужчин через российско-грузинскую границу) привел в последнее время к резкому фактическому повышению роли женщин в развитии страны, в частности в восстановлении ее экономики. Однако

---

[236] Зураб Бесланович Маргания, командующий погранвойсками СРА. Интервью: 07/08/01 г. (Новый Афон).

[237] Малия Е.М., Акаба Л.Х. Одежда и жилище абхазов. Тбилиси, 1982. С. 82–83, 85, 98.

традиционалистская идеология мешает занять им достойное место в обществе. СССР прекратил свое существование, и на новом витке борьбы методологий концепция матриархата в кавказоведении была отброшена, как одна из устаревших марксистских догм. В ее критике снова стали звучать привычные патриархатные голоса.

Бабич И.Л.
Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

НОВЫЕ РОЛИ ЖЕНЩИН В ИСЛАМСКОМ МИРЕ НА СОВРЕМЕННОМ СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Развал СССР и начало формирования ключевых принципов нового государственного образования – Российской Федерации привели к тому, что советская идеология, основанная на гуманистических идеях и принципе интернационализма, которая объединяла многочисленные народы огромной страны, перестала выполнять нравственные и объединяющие функции в обществе.

В предлагаемом докладе мы планируем проанализировать изменение статуса горских женщин в контексте характеристики современного горского общества под влиянием ислама, культурной глобализации и современных социально-экономических процессов и описать отражение этого процесса в современной идеологии и в современной системе ценностей.

Как нам представляется, в жизни современных горских обществ Северного Кавказа наблюдается духовный кризис, кризис моральных ценностей, своего рода «духовный вакуум» или, как подчеркнул, председатель телестудии «Черкесск» в Карачаево-Черкесии *И.Х. Гашоков* «разруха в душах»[238]. Один из крупных писателей КЧР ногаец *И.С. Капаев* подчеркивает, что народы Северного Кавказа «оказались отрезанными от общества в период так называемой перестройки». В результате этого на Северном Кавказе выросло целое поколение, при воспитании которого не были использованы позитивные идеи и ценности. Причем, как отмечает заведующий по учебной воспитательной

---

[238] Полевые мат-лы автора, Карачаево-Черкесская Республика, июнь 2007 г. Тетр. 3. Оп. 1. Д. 4. Интервью с Председателем телестудии «Черкесск» Иналем Хусиновичем Гашоковым.

работе в Урупской сельской школе *Н. Машбашев,* сами учителя отвыкли от формулирования идей и ценностей и внедрению их в воспитательный процесс.

В этой ситуации исламские лидеры справедливо начали формировать свою идеологию и систему ценностей, основанную на исламе, исламской морали. Тем не менее этот процесс, в отличие от становления православной идеологии, вместо гуманистического русла постепенно в течение второй половины 1990-х – начала 2000-х гг. перетек в политический контекст.

Особенно наглядно эта тенденция проявилась на Северном Кавказе. Возрождение ислама, воспринятое населением в начале 1990-х гг. и как религию, и как систему моральных ценностей, привело к тому, что началось формирование «исламской идеологии». Под этим мы понимаем распространение среди горцев Северного Кавказа определенных «исламских» ценностей в области морали, социальных и даже экономических отношений, которые формируют современное общество. Мусульманские лидеры активно выступили против открытых «язв», пришедших из советского времени и во многом усилившихся в 1990-е гг., – против пьянства и наркомании.

Верующие мусульмане образовали в северокавказских республиках «джамааты» – мусульманские общины, члены которых стали активно следить за изменением поведения своих членов в соответствии с ценностями исламской религии. У тех мусульман, которые пришли в исламские общины в 1990-х гг., сформировалось глубокое представление о том, что современное исламское пробуждение во многом меняло нравственный климат. Многие из них признавались, что до принятия ислама вели аморальный, а иногда и криминальный образ жизни. В тех населенных пунктах, где молодежь стала активно посещать мечети, стало происходить меньше краж, драк и других преступлений, свойственных современному северокавказскому и вообще российскому обществу. В мечеть начинали ходить бывшие пьяницы, наркоманы и некоторые из них действительно меняли свой образ жизни. Если прихожанин мечети продолжал совершать аморальные поступки, то по решению джамаата ему могли запретить посещать мечеть.

В Кабардино-Балкарии и Адыгее большинство женщин не посещает мечеть и не совершает дома намаз. Есть пожилые женщины, как правило, жены пожилых верующих мусульман, которые делают намаз, а по праздникам или в пятницу посещают мечеть, надевая хиджабы. В

Малой Кабарде есть пожилые женщины, которые, как и в советские годы, придерживаются традиции совершения намаза дома.

Отметим, что молодые мусульманки, жены молодых мусульман, реже посещают мечеть, чем пожилые женщины, поскольку молодые мужья негативно относятся к регулярному посещению их женами мечетей. Исключение делается ими только в дни праздников. Действительно, два раза в год, на основные исламские праздники, в мечетях КБР женщин бывает много. При этом молодые мусульмане считают целесообразным давать исламское образование не только мальчикам, но и девочкам, которые активно посещают примечетские школы в тех селениях, где они функционируют.

Женщины среднего и пожилого возраста наряду с мужчинами часто совершают хадж. Среди пожилых мусульманок много женщин – знахарок. Совершая лечебные ритуалы, они используют исламские молитвы на арабском языке. В течение 1990-х гг. многие женщины среднего возраста окончили курсы начальных исламских знаний при Исламском Институте, получив по их окончании право на преподавание в примечетских школах (аттестаты ДУМ КБР).

Тем не менее мусульманские лидеры в процессе внедрения исламских моральных ценностей «наступили» не только на «язвы» советского общества, но и на национальные культуры, на этнические стереотипы поведения, которые, по их мнению, противоречили исламской идеологии. В целом, национальные культуры в современных условиях общемировой глобализации во многом утрачивают свои функции, в том числе и функцию регулятора нравственного климата в обществе. Многие традиции уже безвозвратно исчезли, многие модернизировались, и лишь немногие продолжают являться частью жизни горских обществ Северного Кавказа. «Исламская модернизация» горских обществ Северного Кавказа в значительной степени затрагивает не только жизнь мужчин-мусульман, но и жизнь женщин, изменяя их социальный, общественный, семейный и экономический статусы.

Мусульманские лидеры Адыгеи, Кабардино-Балкарии и других республик Северного Кавказа провели своего рода ревизию национальных компонентов кавказских культур, связанных с положением женщин в горских обществах. И первое, что вызывало их неприятие – клановая структура, поскольку по исламским канонам родственный фактор не имеет первостепенного значения во взаимоотношениях внутри ислам-

ской общины. Наибольшему вниманию мусульман подверглись традиции семейного и похоронного цикла – брак и похороны.

На Северном Кавказе до сих пор распространена форма заключения брака путем похищения невесты, к которому прибегают при наличии разногласий между родителями и молодыми. Ислам это отвергает, допуская лишь устройство брака через сватовство. Имамы относятся к этому отрицательно и если такие пары обращаются к нему с просьбой совершить нечях, то он может и отказаться провести исламский обряд бракосочетания.

РАЗДЕЛ 6.
КОРРЕЛЯЦИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ СФЕРАХ

Н.А. Поликарпова
Ярославль, Ярославский гос. педагогический ун-т им. К.Д. Ушинского

МЕСТО СМЕРТИ В КОНТЕКСТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЖЕНЩИНЕ ФИЛОСОФА-СТОИКА ЛУЦИЯ АННЕЯ СЕНЕКИ

В эпоху ранней Римской империи (I–III вв.) стоическая философия окончательно отказалась от традиционного для данного учения трехчастного структурного деления (физика, логика, этика) в пользу абсолютного доминирования этической составляющей. Вообще, приоритетной задачей большинства философских учений ко времени утверждения режима принципата (ранней Римской империи) «становится не теоретическое исследование, не учение о бытии, не космология, не учение о познании, а исследование вопросов этики»[239], что стало следствием общей для того времени тенденции сосредоточения внимания на изучении индивидуально-личностного начала в человеке. Поэтому неслучайно центральной фигурой позднестоического этического учения, одним из апологетов которого был Луций Анней Сенека (4 г. до н.э. – 65 г. н.э.), являлся мудрец или «муж добра» – «существо сугубо индивидуалистическое, обращенное к своему внутреннему миру, ищу-

[239] Асмус В.Ф. Античная философия. М., 1998. С. 350.

щее именно в нем ответы на все вопросы»[240]. Неотъемлемыми атрибутами образа такой идеальной личности (маскулинного эталона) являлись «бесстрастие», «несуетность», «свобода», «непогрешимость», «доброта» – качества, коннотировавшиеся как «положительные».

Поскольку стоическая философия строилась на основе бинарных оппозиций, то эталонная модель личности должна была иметь антипод, воплощавший в себе негативные элементы ценностной шкалы. Для поздних стоиков, в особенности для Сенеки, такой полярной фигурой – «неразумным животным, диким и не умеющим сдерживать свои вожделения» (Нравственные письма к Луцилию, CI), средоточием пороков, низких страстей и желаний была женщина. Постоянная апелляция к образу женщины как символу дикого, животного начала явилась реакцией на попытки присвоения римлянками большей (чем это диктовалось традицией) социально-политической и сексуальной свободы. Эмансипация матрон считалась хаотической, внерациональной силой, синонимом общего падения нравственности и одной из причин крушения Республики[241]. Поэтому новый политический строй пытался поставить эту силу под контроль, считая нивелирование ее проявлений залогом стабильности. Первый представитель режима принципата – Император Цезарь Август сразу предпринял попытки (хотя и безуспешные) ограничить женскую активность путем реанимации традиционных республиканских ценностей, которые основывались на представлении о женщине как жене и продолжательнице рода, возможности и обязанности которой не выходили за рамки приватной сферы.

Поскольку Сенека являлся приверженцем принципа “mores maiorum” («нравы предков»), выражавшегося в стремлении следовать традиции и старинным установлениям высших критериев общественной морали[242], его философские взгляды в отношении женщины в значительной степени соответствовали общим мизогинистским настроениям в Риме времен ранней империи.

---

[240] Кошеленко Г., Маринович Л. Предисловие // Эпиктет. Беседы. М., 1997. С. 15.

[241] Edwards K. The politics of immorality in ancient Rome. Cambridge, 1993. P. 35–36.

[242] Кнабе Г. С. Корнелий Тацит (Время. Жизнь. Книги). М., 1981. С. 22.

Одним из наиболее важных факторов, подтверждавших, как утверждал Сенека, вторичность и зависимость женщины, являлось ее отношение к феномену смерти. Согласно стоической философии важнейшей способностью, содействовавшей достижению мудрости – совершеннейшей из добродетелей, являлось следование своей природе (О блаженной жизни, III), выражавшееся в совершении только поступков, направленных на духовное развитие и абстрагирование от всего внешнего, которое должно было стать безразличным. К явлениям внешним стоики относили и смерть, следовательно, человек, стремившийся к мудрости, должен был научиться индифферентному отношению к уходу из жизни. Женщины же (а также лица, по разным признакам ассоциировавшиеся с «феминингностью», к примеру, женоподобные мужчины), проявляя пристрастие к «вину, плотским удовольствиям, желанию славы, страсти к интригам — всему тому, что завладевает душой и мешает ей совершенствоваться»[243], были неспособны отказаться от жизни с ее пороками и утехами (Нравственные письма к Луцилию, CI), что проявлялась в возникновении страха перед кончиной. А неспособность презреть смерть, по мысли Сенеки, являлась символом наивысшей степени зависимости, несвободы (там же, LXXVII). Ради сохранения жизни, из стремления избежать боли и мучительной смерти такие люди были готовы «предать друга… собственноручно отдать на растление детей, чтобы только глядеть на свет – свидетель стольких злодеяний» (там же, CI).

Подверженные порокам, изнеженные и праздные люди не только не могли достойно умереть, они также были не в состоянии жить полноценно, поскольку, по мысли философа, «досуг без занятий науками – смерть и погребение заживо» (там же, LXXXII). Иными словами, для Сенеки отказ от самосовершенствования в добродетели, подверженность разрушительным внешним воздействиям и есть настоящая смерть – не телесное омертвение, которого так опрометчиво страшатся многие люди, а духовное саморазрушение (символический суицид), лишающий развратного человека возможности добродетельной жизни (там же, LX). Поскольку в философии Сенеки именно женщины и лица, воплощавшие в себе феминингные свойства, ассоциировались с поро-

---

[243] Грималь П. Сенека, или Совесть Империи / пер. с фр. Е.В. Головиной. М., 2003. С. 74.

ком, философ приписывал им склонность к духовному саморазрушению. Безусловно, мыслитель не отрицал способность таких людей на совершение физического самоубийства, но символизировало оно отнюдь не безразличие к смерти, а безрассудное бегство от жизни с ее опасностями, такими как страх или боль (там же, LVIII), либо недостойное мудреца желание прославиться (там же, XLVII).

Таким образом, предпринятая женщинами в эпоху принципата попытка заявить о себе посредством перераспределения ролей в обществе и семье породила стремление мужской части социума нивелировать эмансипационный порыв римских матрон. Неэффективность политических санкций спровоцировала усиление влияния мизогинистских настроений в литературе и философии. Апологет стоицизма Луций Анней Сенека, пытаясь возродить веками формировавшиеся морально-нравственные устои римской гражданской общины с гегемонией маскулинности, сконструировал образ женщины как абсолютной инверсии мужского, добродетельного, начала, где важное значение имел фактор отношения к смерти, призванный подтвердить традиционное мнение о слабости женской натуры, ее потребность в опеке и контроле.

Д.А. Будюкин
Липецк, Липецкий государственный технический университет

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ КОММЕМОРАЦИИ НОБИЛИТЕТА

В поддержании родовой чести аристократии велика роль женщин. Социальный статус аристократа основан на происхождении, причем, как правило, патрилинейном, а в случае сексуальной невоздержанности женщины происхождение рожденных ею детей становится сомнительным. В связи с этим, а также со значимостью брачного союза для сохранения и увеличения богатства и политического влияния элиты, знатные семьи особенно чувствительны к вопросам семейной чести и репутации[244].

Не менее важным, чем происхождение, компонентом аристократического статуса является родовая память. У каждого человека есть предки, но далеко не каждый их знает и помнит. Память о предках — разумеется, не достаточное, но необходимое условие аристократизма.

---

[244] См.: Коллманн Н.Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего Нового времени. М., 2001. С. 119–120.

Согласно О.Г. Эксле, в основе аристократизма лежит воспоминание. Аристократические качества наследуются и прибавляются с каждым последующим поколением, и чем дальше в глубь веков уходит родословная индивида (а значит — длиннее традиция воспоминания), тем он благороднее. Поэтому аристократию формирует именно *memoria* — память об умерших предках, их славных деяниях — как представление и как практика[245]. Для аристократа память — это родовая честь, укорененная в прошлом, общая честь и слава, разделяемая сообществом живых и умерших членов рода.

При этом даже в обществах со строго майоратной системой наследования родственные отношения взаимны и основаны на эмоциональной привязанности. Вертикальная патрилинейная система, включающая в родословное древо только мужчин, имеет отношение скорее к институтам власти, чем к узам родства. Опыт и память аристократической семьи не могут быть сведены к идее стабильности и преемственности, передаваемой вертикальным дискурсом линьяжа[246]. Это тем более верно для России, где майоратной системы не было и, начиная с XVIII в., права дворянок на наследование имущества и распоряжение им стали беспрецедентно широкими в сравнении с европейской практикой[247].

Одной из важнейших сфер, в которых женщина становится социально видимой, являются дела благочестия, нередко соединенные с патронажем в сфере культуры и искусства и в то же время связанные с коммеморативной функцией. Наиболее «женской» сферой такой деятельности является вышивка различных видов (золотом, бисером и т.п.), украшающая богослужебные облачения, покровы и другие предметы церковного обихода. Однако роль женщин значительна во всех аспектах, связанных с мемориальной сферой. Например, церковь Святого Владимира, возведенная в Кирилло-Белозерском монастыре над

---

[245] Эксле О.Г. Аристократия, *memoria* и культурная память (на примере мемориальной капеллы Фуггеров в Аугсбурге) // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового. М., 2003. С. 38.

[246] Blutrach-Jelín C. Brother–sister ‘love’ and family memory in seventeenth and eighteenth-century Castile: the third Count of Fernán Núñez and the Convent of La Concepción // European Review of History. 2010. Vol. 17, № 5. P. 778, 785.

[247] Маррезе М.Л. Бабье царство: Дворянки и владение имуществом в России (1700–1861). М., 2009.

могилой умершего в 1553 г. князя Владимира Ивановича Воротынского его вдовой Марией Федоровной, сделала его первым в России частным лицом (не владетельным князем и не иерархом Церкви), погребенным внутри храма. Значение этого прецедента и роль княгини Марии в нем осознавались и в то время, что нашло отражение в словах Ивана Грозного из его Послания в Кирилло-Белозерский монастырь (1573 г.): «И не токмо души не пособь, но и пагуба: души бо пособие бывает от всякого смирения»[248]. Это значение усиливается тем, что для церкви, наконец построенной в 1585 г. над могилой самого преподобного Кирилла Белозерского, Князь-Владимирская церковь была принята за образец[249].

В контексте исторических перемен, имевших место в России в XVII–XVIII вв., мотивация дворян-вкладчиков претерпела изменения. Уже во второй половине XVII в. отмечается противоречие между стремлением следовать традициям «древлего» православного благочестия и новым индивидуализированным мироощущением. Для человека этого времени важны не только коллективное спасение и общая коммеморация всего рода, но и его индивидуальная судьба[250]. В дальнейшем все большую роль для вкладчиков начинают играть личное благочестие и другие индивидуальные, в том числе гендерно обусловленные, факторы. Традиционная православная культура поминания не исчезла полностью, но стала играть незначительную роль в кодексе поведения. Принимать участие в ней перестало считаться важным элементом престижа. В XVIII в. «имя вкладчика утрачивает свой средневековый сакральный смысл»[251].

---

[248] Послания Ивана Грозного. М.-Л., 1951. С. 173.

[249] См.: Kleimola A. A woman's gift: the patronage of commemoration in the Russian North // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. 2001. Vol. 58. P. 151–161; Soldat C. Sepulchral monuments as a means of communicating social and political power of nobles in early modern Russia // Contested spaces of nobility in early modern Europe. Aldersho, 2011. P. 103–126.

[250] См.: Сукина Л.Б. Князь И.П. Барятинский – донатор Троицкого Данилова монастыря (к вопросу о личности вкладчика второй половины XVII в.) // История и культура Ростовской земли. 2005. Ростов, 2006. С. 278.

[251] Сукина Л.Б. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря: антропологический ракурс источниковедческого исследования // Троице-Сергиева лавра в

Память, будучи живым чувством, не вписывается в жесткие схемы утилитарной коммеморации, что повышает значение женщин, действующих в соответствии с социально предписанными им гендерными ролями (безутешная вдова и т.п.), в ее поддержании. В настоящее время недостаточно исследован вопрос о соотношении мотивов коммеморативных пожертвований и завещаний, связанных, с одной стороны, с исторически и социально обусловленными и тем самым преходящими факторами престижа индивида и линьяжа, с другой — с личной эмоциональной привязанностью и желанием помочь умершему близкому человеку, облегчив его загробную участь. Выяснение этого соотношения будет способствовать более четкому выделению как аристократических, так и гендерных аспектов коммеморации.

Н.А. Мицюк
Смоленск, Смоленская гос. медицинская академия

ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ДВОРЯНОК ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ (МИКРОСОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Традиционное пространство повседневной жизни российского провинциального дворянства на протяжении XIX в. подвергалось кардинальным изменениям. Одни и те же события по-разному отражались на мужской и женской части дворянского мира: уклад жизни провинциального помещика разрушался, в то время как провинциальные дворянки начинали осваивать новые сферы деятельности. Что лежало в основании этих противоречий?

Исследователи дворянства пореформенной России не раскрывают эти причины, не разделяя дворянство по признаку пола[252]. М.Л. Маррезе, характеризуя имущественное положение дворянок пореформенной России, считает, что формирование новых женских ролей являлось

истории, культуре и духовной жизни России: мат-лы IV Междунар. конф. 29 сентября – 1 октября 2004 г. М., 2007. С. 155.

[252] Плансон А.А. О дворянстве в России: современное положение вопроса. СПб., 1893; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.). СПб., 2000. Т. 1; Баринова Е.П. Российское дворянство в начале XX в.: экономический статус и социокультурный облик. М., 2008.

производным от их возросшей имущественной активности[253]. Значительная часть исследователей видят причину данного явления в развитии женского образования, а также в распространении идей феминизма и женской эмансипации[254]. Однако данные теории, при применении их на конкретно историческом материале, в формате микроистории терпят полное или частичное фиаско. В связи с этим был проведен микросоциальный анализ (источниковую базу исследования составили материалы Смоленской губернии, типичной губернией центральной и северо-западной России) поведенческих мотивов, непосредственно побуждающих провинциальных дворянок выходить за рамки частной жизни, создавать новые формы женской идентичности в формате российской провинции.

Начальный этап работы состоял в выявлении наиболее активных дворянок губернии, получивших известность и признание провинциального общества на поприще общественной деятельности. В список попали более 70 фамилий. Анализ их публичной деятельности позволил выделить четыре основных групп занятий: благотворительная деятельность, профессиональная деятельность, предпринимательская деятельность, радикальная деятельность, выражающаяся в участии в политических движениях и обществах.

Согласно теории социального конструирования гендера, публичное пространство тесно связано с личным, большую роль в формировании гендерных ролей в обществе играет семья[255]. Интерес американских историков (С. Кунц, П. Сэнди) к данной проблеме воплотился в работах, раскрывающих взаимосвязь приватной и публичной сфер в истории женщин[256]. Учитывая существующие подходы, особое внимании

---

253 Маррезе М.Л. Бабье царство: дворянки и владение имуществом в России (1700–1861гг.). М., 2009.

254 Щепкина Е.Н. Из истории женской личности в России. СПб., 1914; Кайдаш, С.Н. Сила слабых: женщины в истории России (XI–XIX вв.). М., 1989; Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX вв. М., 2009.

255 Репина Л.П. Новая историческая наука и социальная история. М., 2009. С. 270.

256 Coontz S. The social origins of private life: a history of American families, 1600–1900. N-Y., 1988; Sanday P.R. Female power and male dominance: on the origins of sexual inequality. Cambridge, 1981.

было обращено на репрезентацию влияния приватного на общественное в жизни провинциальных дворянок XIX в. Использование разнородного по характеру архивного материала (от делопроизводственных документов до ego-материалов), с применением биографического метода и метода ретроспективного анкетирования, позволили ввести в исследование новые параметры для анализа: замужество (либо отказ от него), количество браков, вдовство, число детей, характер полноты семьи, в которых воспитывались дворянки. Еще одним добавленным параметром стало имущественное положение дворянок (состоятельные или нуждающиеся). Репрезентировать данные удалось у 64 провинциальных дворянок. По мере заполнения ячеек таблицы, вырисовывались как явные, так и имплицитные корреляции.

Важным объединяющим началом у большинства дворянок-активисток, как состоятельных, так и нуждающихся в средствах, явились проблемы в частной жизни. Лишь у 6% дворянок, на момент их активной общественной деятельности, была вполне успешная личная жизнь (замужество, наличие детей). 94% дворянок имплицитно объединяли личные драмы в частной жизни – детство без одного или обеих родителей, отсутствие собственных детей, безбрачие, раннее вдовство, смерть близких, чаще всего детей. Эти данные демонстрируют, что одной из определяющих предпосылок к активному вторжению провинциальных дворянок в публичное пространство была депривация частным пространством. Особую роль вдовства в имущественной активности дворянской женщины дореформенной России подчеркивали Н.Л. Пушкарева и А.В. Белова[257]. Контекст пореформенной России создал условия для новых сфер женской деятельности.

Второй важнейший мотив активной публичной деятельности дворянок – нужда в средствах. Изучение биографий дворянок, являвшимися начальницами учебных заведений, педагогами, врачами, убедительно доказывает, что главная причина, по которой они занимали рабочие должности – нужда и отсутствие кормильцев. Среди этой группы дворянок не было ни убежденных феминисток, ни носительниц радикаль-

---

[257] Пушкарева Н.Л. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – нач. XIX в. Невеста, жена, любовница. М., 1997; Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010.

ных идей. Провинциальные дворянки активно занимались предпринимательством в образовательной сфере, открывая частные пансионы, гимназии, школы. При этом основной мотив их деятельности – обеспечить себя средствами при отсутствии мужской финансовой поддержки. Интерес к радикальным видам деятельности имплицитно был также связан с проблемами в приватной сфере. Известен пример Смоленской дворянки В. Засулич, рано лишившейся отца, отданной на воспитание к родственникам. Состояние постоянной нужды и отсутствие близких людей в раннем детстве оказали огромное влияние на ее последующую деятельность. Напротив, богатая представительница Смоленского дворянского рода Друцко-Соколинских – Наталья Николаевна, лишившись в раннем детстве матери, а позже и отца, увлеклась радикальными идеями.

Подведем итоги. Традиционно выход российской женщины на авансцену российской истории связывался с женским движением и образованием. Применение методов микроистории позволяют углубить понимание общих макроисторических социальных процессов, выявить недостающие звенья и помогают детерминировать поведенческие мотивы, в частности, представительниц дворянского сословия. Проведенное исследование демонстрирует, что на поведение провинциальных дворянок оказывали влияние не столько общероссийские процессы эмансипации, а явления, связанные с изменением частного пространства провинциальной дворянки, ее депривация семейной жизнью и материальным положением. Процесс ослабления роли дворянского мужчины, связанного с разложением помещичьего землевладения, благоприятно сказался на женщинах-дворянках, создавая им условия и возможности для вхождения в сферу публичного пространства, позволяя им искать и реализовать новые формы гендерной идентичности, менять гендерные стереотипы и нормы.

Е.В. Самойлова
Санкт-Петербург, МАЭ РАН

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОШЛОГО В ЖЕНСКИХ ПРАКТИКАХ КОММЕМОРАЦИИ: ПРАЗДНИКИ, СВЯЗАННЫЕ С ОГОРОДНИЧЕСТВОМ, В ТРАДИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СЕВЕРНОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ

Направление «Memory studies», возникшее в лоне французской социологической школы, стало одним из ведущих в области современных гуманитарных исследований. Полемика разворачивается в кругу вопросов связанных с формами исторической памяти и репрезентаций прошлого, определением роли «индивидуальной» и «коллективной» памяти, способов ее трансляции. Особый интерес вызывает система адаптационных механизмов культуры. До настоящего времени остаются открытыми вопросы об освоении опыта прошлого в традиционном и современном обществе, о принципах существующего отбора.

М. Хальбвакс подчеркивает, что коллективная память «сохраняет только то, что еще живет или способно жить в сознании той группы, которая ее поддерживает»[258]. К.В. Чистов обращает внимание на «пластичность» и «вариационную потенцию» традиции[259]. А.К. Байбурин выделяет принципы «сквозной метафоричности» и «взаимовыводимости значений»[260], обеспечивающие сохранность культуры.

Цитируемые высказывания известных теоретиков носят обобщающий характер, что не дает представление о конкретных проявлениях изменений, происходящих с элементами культуры под воздействием тех или иных факторов.

Возникает интерес к рассмотрению частных случаев, в которых можно проследить происходящие изменения. Т.Б. Щепанская приводит

---

[258] Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2.

[259] Чистов К.В. Традиция и вариативность // Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005. С. 106.

[260] Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993. С. 11.

примеры адаптации в традиционных промыслах и ремеслах[261]. Доминантными становятся функциональные характеристики привычных предметов, технология их изготовления. Изменения касаются выбора материалов, формы.

Полевые материалы, собранные автором во время экспедиции в Архангельскую область, позволяют отметить изменения в обрядовых практиках, связанных с огородничеством (к. XIX в. – н. XXI в.). Основой становятся воспоминания информантов и наблюдения автора, сделанные летом 2011 г. во время празднования Кануна в д.

П.П. Ефименко относит *Кануны* к особым видам летних праздников, обращая внимание на то, что эти праздники связывалось с традицией обетов[262].

В д. Лохново поставили *оветный* крест после пожара и установили традицию празднования Канунов. Праздник начинался с посещения *оветного* креста: «Они там пелены весят, копеечку положат, кто конфетку [положит. – Е.С.]. Молились. Их там насобирается толпа»[263].

Сейчас этот обычай утрачен. Происшедшие перемены привели к изменению ритуальной структуры праздника, (той части, которая связана с молением у святыни). Изменения объясняются запретами и санкциями властных структур, применяемых в отношении участников религиозных практик вплоть до 80-х – 90-х гг. XX в.

Искоренить традицию почитания местных святынь так и не смогли: они до настоящего времени играют значимую роль в жизни сельских жителей. К оветным крестам ходят, как правило, женщины (по одному или небольшими группами по два-три человека), а коллективные моления в дни Канунов ушли из обрядовых практик. В остальном структура праздника сохранилась практически без изменений:

1) гулянья по околкам, 2) шествие (из одного конца деревни в другой), 3) большое застолье в одном из окраинных околков, 4) шествие (в обратном направлении) 5) семейные (соседские) пирушки, спонтанно возникающие в том или ином дому.

---

[261] Щепанская Т.Б. Ржавая мережа: к вопросу о трансформации и вариативности традиционной культуры // Фольклор и этнография: К девяностолетию со дня рождения К.В. Чистова. СПб., 2011. С. 48–61.

[262] Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Народная словесность. М., 1878. Кн. V. Вып. II. С. 142–143.

[263] ПМА, Арх. обл., Пинежский р-н, 2011.

С 80-х гг. XX в. неотъемлемой частью праздника становится ряженье. Обращает внимание доминирование мужских ролей – «дедко», «охотник», «рыбак», «жених».

Примерно в тот же период возникает обычай транспортировки продуктов для складчины в долбленом деревянном корыте[264]. Корыто волокут по дороге, из одного конца деревни в другой, где оно хранится до будущего года. На следующий год процессия движется в противоположный конец деревни. Жительницы окраинных околков поочередно выступают в роли «хозяев» и «гостей».

Фиксируются пространственные перемещения: раньше пиршества по околкам устраивали на повети в дому, теперь столы накрывают на улице, ближе к дороге.

Хранительницами и исполнительницами ритуала являются женщины, принадлежащие той возрастной группе, которая находится за границей репродуктивного периода или находится у пограничной черты.

Несмотря на фиксируемые множественные изменения, у современных участниц ритуала не возникает ощущения новизны. Они чувствуют себя преемниками обычаев, заведенных предками. Что служит основанием для уверенности в незыблемой связи прошлого и настоящего?

Рассмотренный пример, показывает способность ритуала к созданию иллюзий стабильности, даже в случае, когда из обрядовой практики исключается объект, оказывавший ранее значительное влияние на жизнь группы. Трансформации связаны с изменением ценностей локальной группы. А ритуал, призванный утверждать и сохранять эти ценности[265], приспосабливается требованиям нового времени.

Проведение «Кануна» связывается с одной стороны с профилактикой пожаров, с другой, прослеживается его связь с аграрными практиками (конечная цель которых – получение хорошего урожая). Время проведения праздника – 27 июня, соотносится с перерывом между циклом весенних и летних работ в огородничестве и полеводстве. Обе ценности постулируются *в структуре самого ритуала* (установление обетного креста и его почитание; здесь освящают зерна, «овещаются, чтоб хлеб был»[266]) и *в структуре годового календарного цикла* (ут-

---

[264] В первой половине XX в. продукты носили в плетеных корзинах.

[265] Рэдклифф-Браун А. Метод в социальной антропологии М., 2001. С. 34.

[266] ПМА, Арх. обл., Пинежский р-н, 2011.

верждается их значимость для сохранения миропорядка в целом). Такое «дублирование» обеспечивает сохранность ценностей на микро и макроуровнях, гарантируя «выживание» в случае сбоев.

Залогом непрерывной связи во времени и дееспособности ритуала становится его устойчивое положение в годовом календарном цикле (временная ось), что соотносится с основными положениями теории ритуала.

П.В. Шубина
Архангельск, филиал Всероссийского заочного ФЭИ

ЖЕНЩИНА И ГОРОД: ЧАСТНОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Город, начало цивилизации, отгороженное от природного мира пространство культуры, является символическим пространством, текстом, который прочитываем только тем, кто воспринимает скрытую и зашифрованную моральную, сакральную, политическую и т. п. топографию[267]. Этот текст включает в себя, как и любой культурный объект, гендерные смыслы.

Точно так же, как в некоторых культурах город издревле выполняет символические функции женского элемента социальной организации мира (в большинстве древних традиций слова для обозначения города принадлежат к женскому роду[268]), – например, греческая «метрополия», «город-мать», или ветхозаветное стереотипное выражение «город и ее (ж. р. по-евр.) дочери»[269], – внутренняя структура города должна нести в себе «женское ядро».

В патриархальной индустриальной и постиндустриальной культуре, в современной городской среде, женщине, чаще всего, достается пространство, четко регламентированное, «систематизированное», институционализированное вплоть до полного отсутствия индивидуальных и особенных черт. Роддом, детская поликлиника, детский сад, школа,

---

[267] Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. 1999. С. 156.
[268] Топоров В.Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 125.
[269] Франк-Каменецкий И.Г. Колесница Иеговы: труды по библейской мифологии. М., 2004. С. 224.

магазин, – предстают как инструменты управления перемещениями не только в пространстве и времени, но и в смысловой сфере. Любой посетитель рассматривается в качестве «человеческой единицы», утрачивает многие (или даже почти все) свои личностные особенности, которые могут помешать правильному функционированию системы.

Фуко рассматривает тюрьмы и больницы вообще как инструменты управления общественным сознанием через объективацию субъекта[270], – а в современном женском мире такими же механизмами управления являются все перечисленные учреждения, несущие вполне обыденные функции. Возможно, именно по этой причине уже на индустриальном этапе развития культуры женское сообщество становится невозможно заключить в рамки традиционных женских практик. Вернее, женские практики оказываются вынесены за границы традиционно положенной им сферы.

Среди формально-обезличенных компонентов сети городской среды всегда остаются узлы – не транспортные развязки, а коммуникативные ситуативные среды: парки, скверы, площади, бульвары. Именно они являются локусами соприкосновения, стыковки частного и общественного: здесь есть возможность организовать ситуативное тематическое сообщество, чем и пользуются горожане, ощущающие или осознающие потребность в установлении горизонтальных связей, обнаружения «своих» внутри обезличенной массы. В этой среде женщина, которой в традиционной понятийной системе «навязан» образ хранительницы очага, становится «маркером» нового качества спонтанно возникающих сообществ: ведь с указанным образом связаны и смыслы «своего круга», «близких людей», – и, привнося эти культурные смыслы в общественные пространства одним своим присутствием, смешивая частное и общественное, женщина одомашнивает, превращает в обыденность и норму даже гражданский протест.

Кажется, что именно из-за переплетенности женского образа с бытовой повседневностью, современное массовое сознание, руководствующееся традиционными культурными стереотипами, связывает представление о женском пространстве с частным, индивидуальным, – и горизонтальные связи также традиционно мыслятся как женская коммуникативная среда. Получается, что традиционно толкуемое при-

---

[270] Фуко М. Рождение клиники. М., 2010.

сутствие женщины становится обязательным элементом становления и существования нетрадиционно организованного и противостоящего традиционному сообщества.

РАЗДЕЛ 7.
ИЗМЕНЕНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ, БЫТЕ, ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН

И.В. Титова
Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА РУССКОЙ НАРОДНОЙ ДЕМОНОЛОГИИ: ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

Русская народная демонология представляет научный интерес главным образом для исследователей традиционной культуры. Образы мифологических хозяев различных локусов получили серьезную разработку в целом ряде исследований, в рамках которых учеными обсуждались генезис и трансформации образов, их семантику, региональные вариации общих и отдельных черт.

И все же интерес к ним не угасает. Сегодня изыскания в области мифологии осуществляются в рамках междисциплинарного подхода на стыке этнологии, фольклористики, литературоведения и других дисциплин, и целью их остается желание приблизиться к пониманию мировоззренческого кода русской традиционной культуры. Раскрыв его, мы сможем лучше понять и описать систему жизнеустройства русской деревни, миропонимание ее населения.

В последнее время встречаются и исследования русского фольклора, выполненные с позиций гендерного подхода[271], задача которого – изучение механизмов формирования гендерных стереотипов в рам-

---

[271] Пушкарева Н.Л. Читаем сказки сквозь гендерные очки // Семашко И.М. (ред.) Гендерные проблемы в общественных науках. М., 2001. С. 88–109 (обсуждение – URL: http://lady-ellaire.livejournal.com/875593.html); Пушкарева Н.Л. «Странные мужчины» в русской национальной традиции // Государственный фольклорный центр «Астраханская песня». Науч. отдел. Мат-лы конференций. URL: http://www.astrasong.ru/c/science/article/348/

ках повседневной жизни, традиционного воспитания и самого народного мировоззрения. Своей задачей в данном докладе мы считаем рассмотрение образой и персонажей мифологической прозы в этногендерном ключе, анализ того, как в суеверных представлениях крестьян воспроизводились и транслировались из поколения в поколение традиционные социальные и гендерные модели. В рамках доклада мы сделаем это на примере двух женских образов русской народной демонологии – *русалки* и *полудницы*.

Стоит отметить, что народный пандемониум русской мифологии богат мужскими персонажами, «хозяинами локусов». Именно их образы являются ключевыми и детально разработанными. Связано это, прежде всего, с патриархальным сознанием крестьян и ключевой ролью мужчины как в общественной, так и во внутрисемейной жизни с одной стороны, и со своеобразной «досуговой» функцией суеверных народных рассказов как непосредственной части мужского общения по типу рыбацких или охотничьих баек. Таковы, например, рассказы о лешем, водяном, полевом, банном и др. демонах (не даром, былички и бывальщины в народе звались *побасками*).

Женские же персонажи сплошь периферийны, исключение составляют лишь некоторые из них, в частности – *русалка* и *полудница*. Эти наиболее яркие и презентативные женские образы никогда не связывались у русских и у славян с мифологическим пространством дома. Они полностью соотносимы с внедомашним пространством, в рамках которого, кстати, не имели четко установленной локализации.

Русалкой у русских звалось человекоподобное существо или дух, нередко связанное с водоёмами. В русском фольклоре она именовалась также шутихой, купалкой, водяницей, лоскотухой и другими прозвищами. Люблопытна этимология этого слова… Существовало оно и славяно-греческом словаре (rousalia), есть предположение о происхождении этого слова от лат. rosalia — «праздник роз». Русский вариант лексемы связывают со словом «русло». Не случайно, в мифологии славян русалки — женские *водяные* существа, чаще вредоносные, в которых (считалось) превращаются умершие неестественной смертью девушки. В образе русалок у русских смешались черты духов плодородия (полевые и лесные русалки), воды (речные русалки), а также представления о «нечистых» (заложных) покойниках (в частности, об утопленницах).

Иное дело – полудница. В славянской мифологии этот вид мифологических персонажей относится к берегиням поля или земли. Говори-

ли, что они рождаются и умирают вместе с полем, к которому относятся… Появлявшиеся в поле в полдень во время цветения или созревания хлебов, полудницы представлялись либо страшными, либо необычайно красивыми женщинами (что чаще). По поверью, они оберегали посевы и были чрезвычайно опасны для детей, гулявших в поле.

Оба персонажа во многих своих чертах близки между собой. И русалка, и полудница, связывались с природой как таковой, с ее живительными, плодоносящими силами, с «женским» временем года – весеннее-летним аграрным циклом, женской атрибутикой, с традиционно женскими занятиями и досугом. Анализ мифологических рассказов о рассматриваемых персонажах указывает на двойственное отношение к ним: их присутствие одновременно опасно и необходимо, они прекрасны и ужасны, их действия и живительны, и губительны. Детали же их облика несли в себе не только магический, но и сугубо сексуальный смысл.

В представлениях о русалках и полудницах, отразился весь комплекс русских народных представлений о женском начале как олицетворении плодоносящих сил природы. Их образы и связанная с ними обрядность заключают в себе не только магические, суеверные, сугубо иррациональные пласты, но и представления крестьян о женщине, ее глубокой связи с плодоносящими силами природы, о ее жизненных и трудовых циклах, ее месте в реальном и мифологическом (сакральном) пространстве.

Ю.Н. Сушкова
Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева

ГЕНДЕРНЫЕ И ОБЫЧНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДОХРИСТИАНСКИХ ВЕРОВАНИЙ У МОРДВЫ

Религиозные верования с древнейших времен являются важным компонентом образа жизни народов, в том числе их правосознания, способствуя реализации системы обычного права, эффективности его регулятивной и охранительной функций. Религиозному или сакральному санкционированию подвергались самые значительные явления этнонормативного регулирования общественных отношений.

Язычество было важным фактором формирования и развития уникальной модели мордовского правосудия. Религиозные основы обычно-правовых отношений у мордвы до принятия христианства определялись верой народа в божества, осуществлявшие покровительство

над определенными сферами природы, хозяйственной деятельности, общественных и семейно-родовых отношений. Так, божествами леса (*вирь*) являлись *Вирь-ава* (*ава* – женщина, мать) и *Вирь-атя* (*атя* – мужчина, старик), земли (*мода*) – *Мода-ава* и *Мода-атя*, воды (*ведь*) – *Ведь-ава* и *Ведь-атя,* ветра (*варма*) – *Варма-ава* и *Варма-атя*, огня (*тол*) – *Тол-ава* и *Тол-атя*, дома (*кудо*) – *Кудо-ава* и *Кудо-атя* или *Юрт-ава*.

В честь божеств на предполагаемых местах их обитания (в лесах, на полях, у рек, в жилищах, во дворах и банях, у родников и озер) устраивались моляны, моления (*озкст*), на которых совершались те или иные жертвоприношения, воздавались молитвы (мокш. *озондомат*, эрз. *озномат*). В основном, мордовские *озксы* были общественными, устраивавшимися всем селом для защиты коллективных дел, и семейными – в интересах отдельной семьи. В молениях отражен уникальный обычно-правовой механизм народного правосудия, выраженный в особой форме защиты, представления интересов, борьбы за права, благополучие, как со стороны конкретной личности, так и группы в целом.

Общественные моления проводились всем селом с санкции мирского схода. Важное обычно-правовое значение в ряду общественных молений представляло мирское моление (*вель озкс*), темой которого была защита солдат, взятых государством на военную службу. Обязанность общины по рекрутству солдат считалось в глазах народа наиболее тяжкой, в связи с чем, это моление было самым торжественным и многолюдным. Оно продолжалось три дня, начиная с Петрова дня. В первый день кололи быка, во второй – телку, варили пиво. Первые два дня молились *Верде Шкаю* о здоровье сельчан и урожае хлебов, а в последний – о здоровье солдат, находившихся в это время на военной службе, чтобы *Верде Шкай* «дал им легкую службу», чтобы «начальники не обижали их» и они «вернулись домой здоровыми». Для этого дня оставляли бочку пива и варили кашу. В молении участвовали мужчины, женщины и дети, не расходившиеся по домам до позднего вечера. Старшие пили общественное пиво, а молодежь организовывала игры.

Другое общественное моление – на грани (*грань озкс*) совершалось на меже, отделявшей поля от соседних сел, которая, как правило, наряду с знаками собственности (эрз., мокш. *тешкст*), выступала в качестве юридического символа прав на земельные участки. Маркерами, носившими религиозно-магический характер, считались частичка земли и хлебная спорина, намеренный или нечаянный перенос которых

на чужие поля мог привести к потере земли или урожая. Во избежание этого проводилось моление в честь богини плодородия *Норов-авы*.

В молении о лошадях (*алашань озкс*) прослеживается значимость старейшин и должностных лиц общины, в частности, сельского старосты. Например, в проходившем в деревне Кардафлей Городищенского уезда Пензенской губернии молении за день до его начала сельский староста покупал на общественные деньги пуд или два меда для пуре, достаточное количество свинины и гуся и передавал приготовленное трем хозяевам, организовывавшим проведение обряда. Избиралось трое стариков, которые произносили молитву о сохранении лошадей деревни от «всякого зла и лиха». По окончании молитвы выбранные старики обходили три раза вокруг специально испеченных хлебов, прикоснувшись к каждому. При обходе в третий раз шедший впереди всех старик брал в руки нож и чашку, вырезал по маленькому кусочку и клал в чашку. Вырезанные кусочки в дальнейшем относили под куст и зарывали в землю.

Помимо указанных, мордва проводила моления плуга (*кереть озкс*), курицы (*сараз озкс*), луга (*лайма озкс*) и др., в которых просила о здоровье, рождении детей, размножении скота. Плодородие, увеличение потомства рассматривалось народом как божье благословление, одобрение образа его жизни, поведения. В экстренных случаях, когда в селе происходили массовые эпидемии или падеж скота, совершали чрезвычайные моления, например, тяжелое моление (*стака озкс*) и моление о саранче (*тасто озкс*). Мордва крупные бедствия, эпидемии, эпизоотии, засуху, смерчи и др.) часто связывала с божественным наказанием. В молении *стака озкс* участвовали 5—6 чел. во главе с сельским старостой, которые просили богов смилостивиться и снять с деревни свои проклятия.

Для обеспечения семейного порядка и благополучия проводились семейные моления, совершавшиеся старшими членами семьи. Молян проводился отдельной семьей по случаю «какого-нибудь важного события в семействе или родстве в присутствии членов семейства или родства». К числу наиболее важных относились: моление богине дома (эрз. *Куд-авань озкс*), моление в подполе (эрз. *сэдь алкс озкс*), моление двора (эрз. *кардаз озкс*), моление овина (эрз. *авня озкс*).

Мордовские моляны с комплексом разнообразной атрибутики отражали зависимость человека от природы и его религиозно-

мифологическое миропонимание. В содержании и характере молитв были представлены нормы народной этики и права. В них последовательно раскрывалось характерное для традиционного менталитета представление о мире, функционировавшем в пределах циклической хронологической константы протяженностью один год с четырьмя постоянными составляющими (временами года). Этот цикл являлся опорой воспроизведения и укрепления нравственных и юридических воззрений народа.

М.В. Третьякова
Арзамас, АГПИ

РУКОВОДСТВО ДЛЯ ЖЕНЩИН, ИЛИ К ВОПРОСУ О ТОМ, ЧТО ПОЛЕЗНО ЗНАТЬ ИСПАНСКИМ ДАМАМ XVI ВЕКА

Внешности, особенно женской, в средние века уделяли немаловажное значение. Можно вспомнить пропагандируемый средневековой беллетристикой эталон женской красоты – белая кожа, черные брови, алые пухлые губы, голубые глаза, белокурые волосы, тонкая талия, длинные ноги, маленькие руки, высокая грудь и т. д., поэтому неудивительно, что дамы разных сословий стремились быть красивыми, чтобы произвести неизгладимое впечатление на лиц противоположного пола. Причем, часто прилагая огромные для этого ухищрения, крайне вредные для здоровья, и периодически подвергаясь осуждению со стороны государства, (т. н. сумтуарные законы), церкви, общества.

Наше внимание привлекло испанское руководство для женщин анонимного автора XVI в. Возможно, и в других странах есть подобные сборники советов для женщин. Попробуем выяснить, что предлагалось дамам в этом сборнике и как автор, видимо, мужчина, (но с некоей толикой сомнения в этом), полагал, что значит быть красивой и что полезно знать дамам.

Испанский анонимный справочник для дам состоит в общей сложности из 145 рецептов / советов. Из этого числа гигиене лица посвящено 29 рецептов; уходу за руками – 12; уходу за зубами – 11, полости рта – 5; средствам для глаз – 2; уходу за волосами – 10, из них 3 – советы как убрать волосы; рецептов от разной боли и недугов – 19; еде отведено 30 рецептов; различным благовониям и ароматизаторам – 25; 2 рецепта можно обозначить как разное – первый содержит совет о веществе (перевела как битум) для склейки стекла, второй – о краске, которая может окрасить ток монахинь в светло-коричневый цвет.

Как видим, судя по сборнику, его автор большое внимание уделял красоте лица, его отбеливанию, увлажнению, убиранию с него пятен, и прочего, есть даже снадобье, которым советовали пользоваться во время путешествия, причем его также можно было наносить на ночь и утром смывать водой. Была некая желто-зеленая мазь, которая была хороша для отбеливания лица и его освежения, это же средство было хорошо от розовых точек и неподтвержденной проказы. Особо следует выделить рецепт по изготовлению сулимана, или сулемы, главного тренда средневековых красавиц. Считалось, что применение сулимана способно решить все проблемы кожи лица. Позже этот рецепт перекочевал в Англию, как полагают, благодаря тому, что английской королевой стала Екатерина Арагонская, жена Генриха VIII. В сборнике также были приведены рецепты различных вод и вин с добавлением пряностей и благовоний для умывания лица.

Еще одна группа рецептов была посвящена тому, как приготовить средства для гигиены полости рта и особенно зубов. Как рекомендовал автор, именно эти препараты и полоскания помогут сохранить зубы здоровыми, снять зубную боль.

Анонимный автор сборника приводит и рецепты средств для глаз, представлявшие собой порошки, которые могли осушать слезы и обладали эффектом улучшения зрения. Кроме того, в сборнике есть совет, как подкрашивать (чернить) глаза.

Для ухода за руками рецептарий предлагал способы изготовления различных мазей, увлажнителей, жирных кремов (масел) и т. п.

Некоторая толика рецептов отведена уходу за волосами – чем мыть, чтобы они росли быстрее и красивыми, и пахли хорошо, есть рецепт, как стать блондинкой, и есть рецепты, как убрать волосы там, где их быть не должно.

Огромное внимание уделялось созданию ароматических палочек, шариков, смесей, которые можно было сжигать, добавлять в воду, в подушки, и просто ароматных вод, которыми можно было пользоваться. Ароматы могли использовать для окуривания помещения, умащения тела, но чаще все-таки предлагалось ароматические благовония использовать для тела.

Автор руководства для женщин приводит рецепты, как приготовить лекарства – от болезней горла, уха (с использованием урины), от различных болей в боку (колик), от астмы, от чумы, есть два рецепта для рожениц, дает состав мазей от воспалений, рекомендует различные

притирания. Есть рецепт «очень хорошей клизмы». Как уверяет автор сборника, исцеление должно было наступить при регулярном использовании мазей и лекарств, через определенное время, т. е. речь шла о том, что препараты должны были применяться систематически и больному должен был быть проведен курс лечения.

Рецептов приготовления разных блюд по сравнения с рецептами различных косметических средств приводится немного. В сборнике есть рецепты мавританской ольи, похлебки, колбасы чоризо, пудинга из свинины с кровью, каплуна по-флорентийски (на флорентийский манер), цыпленка, блюда, называемого viafora, сыра в кляре со специями, марципанов, королевского теста (по способу приготовления это блюдо похоже на марципаны), нуги, туррона, пирогов с различной начинкой – курами, айвой, пончиков, рисовой запеканки (кассероле), галет, гипокраса. В нем также есть рекомендации, как сохранить как можно дольше свежими и прохладными напитки и как можно сохранить персики до рождества.

Автор сборника перечисляет необходимые для получения желаемых средств их ингредиенты. В состав почти любого препарата и блюда входят – специи, амбра, мускус, циветта, гвоздика, корица, и прочие пряности и благовония. Особенно впечатляет рецепт – желчь для лица – желчь коровы смешивается с разными благовониями и намазывается на лицо.

Как видим, автор справочника предлагает средства, которые не всегда были полезны для здоровья, но должны были быть необходимы дамам, чтобы те имели ухоженные лицо и руки (возможно, потому-что климат Испании требует непременно заботиться о лице и руках), благоухали разными ароматами, иногда умели при случае оказать первую медицинскую помощь и приготовить что-нибудь вкусненькое.

О.В. Лабозина
Старый Оскол, Старооскольский технологический институт НИТУ МИСиС Белгородской области

ТРЯПИЧНАЯ КУКЛА В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ДЕВОЧКИ

Наиболее распространенной игрушкой в быту русской деревни была тряпичная кукла, которая играла большую роль в воспитании и обучении крестьянских детей. Через игру с куклой ребенок познавал

жизнь, готовился к самостоятельному труду, становился полноправным членом общества.

В кукольных играх крестьянские девочки заранее имитировали главные социальные функции женщины, усваивали гендерные сценарии, присущие их историческому времени.

Кукла «Пеленашка» была первой игрушкой, которую девочка держала в руке. Куклу «Барыня» изготавливали для детей младшего возраста. Среди девочек среднего возраста была распространена игровая кукла «Малышок-голышок». Когда девочка подрастала, она обязательно получала куклу «На счастье». Своеобразным экзаменом по шитью и рукоделию для девочек, еще не достигших двенадцати лет, была сшивная кукла «На выхвалку».

Во многих областях двенадцатилетние девочки делали специальную куклу из высушенной травы «кукушкины слезы», которую потом «хоронили», избавляясь так от качеств, присущих кукушке, и принимая на себя обязательства будущего материнства – «не быть кукушкой».

Сегодня рукотворная тряпичная кукла выполняет новую коммуникативную функцию: она стала живым средством общения и приобщения к народному культурному опыту.

А.К. Гагиева

Сыктывкар, Коми Республикан. Академия гос. службы и управления

КОМИ-КРЕСТЬЯНКА В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ XVIII ВЕКА

Постановка проблемы о роли женщины в региональном социуме, в нашем случае на территории Вологодской губернии, заселенной комизырянами, относится к досоветской историографии. Советские историки, обращаясь к данной теме в контексте изучения традиционной культуры народа коми (Д.Л. Балуева, Л.Н. Жеребцов), неоднократно подчеркивали особую роль женщин в трудовой жизни коми деревни Европейского Севера. Она состояла в более высоком правовом и социальном статусе женщины, по сравнению с женщинами европейской части страны, где существовали жесткие формы крепостничества.

Вместе с тем, и тем и другим были свойственны тяготы женской доли, полная подчиненность семье, мужу и так далее[272].

Современные историки достигли определенных успехов в изучении роли женщин в XVIII–XX вв. В работах Н.А. Миненко, В.В. Рабцевич, Е.Ю. Апкаримовой и др. содержится не только уникальный материал по изучаемому вопросу, но и приводятся новые источники, не введенные до настоящего времени в научный оборот[273].

Вместе с тем следует отметить, что для региональных социумов, вопрос о роли женщины в обществе, до настоящего времени остается открытым.

Цель данного сообщения рассмотреть роль коми-крестьянки в региональном социуме. Для более полного показа, был взят один из районов Европейского Севера – Яренский уезд Вологодской губернии в XVIII в. Выбор был обусловлен не только тем, что на этой территории проживало коми население, относящееся к финно-угорской языковой группе, но и тем, что на изучаемой территории сложилась система «государственного феодализма». Она исключала власть помещика и, следовательно, любую форму личной зависимости, что приводило к формированию, отличных от центральных районов, общественных отношений, где не последнюю роль играла – женщина.

Основными источниками для подготовки данной работы стали архивные документы, сосредоточенные в фондах Яренской воеводской канцелярии РГАДА. Неопубликованные документы были представлены как краткими погодными записями о рассмотренных делах, так и конкретными делами[274].

Как уже было отмечено, в изучаемое время, Яренский уезд входил в состав Вологодской губернии[275]. Население, проживающее здесь,

---

[272] Балуева Д.Д. Из истории земельных отношений в Коми крае в XVIII веке // Историко-филологический сб. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 58–73; Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С. 35–45; История Коми АССР. Сыктывкар, 1978.

[273] Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половине XIX в.). Новосибирск, 1979; Апкаримова Е.А. Русская женщина в общественной жизни уральского и сибирского города в XVIII – начале XX вв.: Достижения современной историографии // Женщина в истории Урала и Сибири XVIII – начале XX в. Екатеринбург, 2007. С. 3–13.

[274] РГАДА. Ф. 609. Оп. 1, 2, 3.

[275] История Коми АССР. Сыктывкар, 1978.

относилось к крестьянскому сословию. Оно издавна было объединено в крестьянские союзы, границы которых соответствовали границам волостей. Каждая волость включала в свой состав несколько деревень, которые также являлись крестьянскими организациями. При отсутствии на изучаемой территории помещичьего землевладения, вся земля находилась в собственности государства, которое возложило сбор государственных податей и выполнение натуральных повинностей на крестьянскую общину, как волостную, так и деревенскую. Они, посредством «мирского» схода и выбираемого из среды крестьян управления, решали вышеназванные задачи. Участниками сходов были, в основном мужчины, женщины приглашались лишь в качестве свидетелей. Так, в 1741 г. на «мирском сходе Важгортской волости рассматривалось дело о «самовольном» захвате участка земли крестьянином Михаилом Подоровым у крестьянина Оверина. Свидетелем по делу выступила Аксинья дочь Морозова[276].

Следует отметить, что на изучаемой территории исторически сложившийся обычай передавал женщину под власть мужчины: сначала отца – потом – мужа. Это отражалось на ее имени. В каждом документе канцелярии имя женщины сопровождалось пометкой «такого-то дочь», и «крестьянская такого-то жена». Главными добродетелями при этом были – доброта, трудолюбие, покорность, молчаливость[277]. Это объяснялось полной зависимостью женщины от мужчины, когда мужчина распоряжался всем домашним имуществом. Если на Урале и в Сибири, в изучаемое время, дочери, выходя замуж, не получали «законной», то есть равной доли с братьями части имущества, а при вдовстве, покидая дом мужа могли взять только свое приданое и то, что было приобретено в замужестве[278] то на изучаемой территории дело обстояло несколько иначе.

Как показывают исторические источники, на территории Яренского уезда коми крестьянка имела равные права, как и другие наследники, распоряжаться имуществом после смерти мужа. Она была законной

---

[276] РГАДА. Ф. 609. Оп. 3. Д. 43. Л. 18–23.

[277] Там же. Оп. 2. ДД. 167–368.

[278] Овчинникова Д.М. Частная жизнь крестьянки Далматовского монастыря в XVIII в. // Женщина в истории Урала и Сибири XVIII – начале XX в. Екатеринбург, 2007. С. 103–115.

наследницей всего движимого и недвижимого имущества. В нашем распоряжении имеется комплекс документов, показывающих поземельные отношения внутри одной крестьянской семьи. Это документы семьи Петруневых из Корткеросской волости, датированные 1696–1765 гг.[279]. Здесь представлена история пополнения земельного фонда одной семьи, а также получение доли при выходе девушки замуж.

Если в доме не имелось наследника-мужчины, а была лишь дочь-наследница, то коми крестьянки «могли взять в дом зятя», то есть молодые жили в доме матери невесты, и платили налоги и отбывали повинности в пользу государства за земельный надел, принадлежащий матери жены. Крестьянское общество с пониманием относилось к таким зятьям, которых называли, как и на Севере, «зятья-приемыши»[280].

В Яренском уезде, как и на всей территории России роли мужчины и женщины в повседневной жизни различались. Женщине отводилась роль хранительницы очага, а мужчине роль добытчика и коммуникатора. Он должен был материально обеспечивать семью и осуществлять связь между малой общностью – семьей и большой – обществом[281]. Однако, в силу того, что коми мужчины большую часть времени проводили вне дома (уходили на заработки, на длительную охоту и так далее), женщины, в отдельных волостях занимались «мужской» работой, например, рыбной ловлей[282].

В целом же, несмотря на особую роль коми крестьянки в хозяйственных вопросах, гендерная ассиметрия в определении жизненного пространства полов – существовала. За женщиной признавался дом, за мужчиной – внедомашняя жизнь.

---

[279] РГАДА. Ф. 609. Оп. 3. Д. 167.

[280] Соколовский А.П. Очерк истории сельской общины на Севере России. СПб., 1877.

[281] Овчинникова Д.М. Частная жизнь крестьянки Далматовского монастыря в XVIII в. // Женщина в истории Урала и Сибири XVIII – начале XX в. Екатеринбург, 2007. С. 103.

[282] Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.

О.А. Козлова
Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

«ГОРЛИНКА МОЯ, ЗАТВОРНИЦА МИЛАЯ …». РУССКАЯ ДВОРЯНКА ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ – ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗАТВОРНИЧЕСТВА ИЛИ НАЧАЛО СОЦИАЛИЗАЦИИ?

Время правления и реформ Петра Великого традиционно почитается российской историей как эпоха перемен и многочисленных переломных моментов, изменивших обширный спектр общественной, культурной и повседневной жизни социума. Особо элементы модернизации коснулись привилегированного сословия, наиболее ярко сфокусировавшись в изменении уровня образованности и культуры дворянства, что отразилось на положении дворянской женщины в том числе.

Традиционное восприятие женщины обществом допетровского времени заключалось в строгом следовании канонам Домостроя, проявившим себя во всех аспектах повседневной жизни и быта, обязательно подчёркивающим зависимое положение женщины от мужчины. Обширный пласт патриархальных взглядов сознательно подчёркивал «слабую» физиологическую природу женщины, отличавшую её от мужчины и превращавшую её в «злое» существо, которое может принести вред другим. Причём, факт наличия и осознания женщинами того времени своей гендерной идентичности неоспорим: это прослеживается как в ряде исторических источников, так и в исторических исследованиях, утверждающих, что женщины не только осознавали, но и принимали своё угнетённое слабое положение, объясняя его привитым обществом стереотипом «злого» вредоносного существа, но не полноправного члена общества. Такая трактовка гендерной идентичности самой женщиной исключала понимание и осознание себя с позиций самостоятельной самодостаточной личности, способной принимать решения и активно участвовать в общественной жизни.

В связи с этим роль женщины в допетровском обществе была в большинстве своём далека от идеала активной социализации, что и явилось впоследствии предметом коренных преобразований Петра I, столь широко развернувшихся в сфере привилегированного сословия. Традиционные патриархальные взгляды воспринимали женщину конца XVII – начала XVIII в. независимо от её сословного статуса прежде всего как дочь, жену и мать, которая являлась либо продолжателем и послушным исполнителем (в основном – в качестве дочери и жены. –

О.К.) общественной воли, придерживающейся консервативного настроя социума, либо – её хранителем (в качестве матери. – О.К.), прививающим домостроевские ценности собственной семье.

В патриархальном обществе допетровской Московии женщина воспринималась скорее как объект, её права носили в большинстве своём вещественный характер, её право голоса в отношении решения ряда вопросов собственной жизни (будь то вступление в брак, наречение имени ребёнка, серьёзные хозяйственные изменения) подавлялось правом мужчины в её семье, доминирующего над её личностью[283].

Безусловным выражением требований патриархального русского общества к женщине выступает спектр поведенческих особенностей русских девушек на выданье. От них требовались такие черты характера, как послушание, смирение, кротость, богобоязненность, уважение к старшим и т. д. Дворянка, в силу своего знатного происхождения и высокого положения в обществе значительно ограниченная в своём круге общения, вынуждена была мириться с низкой степенью собственной социализации и воспринимать её как должное, дабы не навлечь на себя общественного осуждения и неодобрения собственной семьи[284]. Практически весь спектр её повседневной жизни был связан с позицией отца или старших братьев (до замужества. – О.К.) или мужа и сыновей (в замужестве. – О.К.).

Проведение Петром Великим реформ в области культуры, быта и повседневности затронуло также и вопрос о степени включённости женщины в жизнь русского социума конца XVII – начала XVIII в. Реформатор справедливо решил, что затворничество русской женщины является показателем социальной отсталости и недостатком образованности русского общества, после чего были предприняты законодательные шаги в сторону изменений этого сложного вопроса. Указом об ассамблеях 1718 г.[285]. Петр Великий в законодательном порядке обязал

---

[283] Козина О.А. Повседневная культура России XVII века // Электронный науч. журн. по культурологии. Историческая культурология. 2010. № 1 (17). URL: http://analiculturolog.ru/archive/item/210-article_22.html

[284] Анпилогова Е.С. Публичная жизнь женщин высших сословий на рубеже XVII–XVIII веков // Электронный журн. «Знание. Понимание. Умение» / 2009. №6. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/6/Anpilogova/

[285] ПСЗРИ. 1. Т. V. № 3246.

женщин участвовать в общественной и придворной жизни, а их мужчинам запретил мешать им в осуществлении развивающейся женской социализации. Несмотря на законодательное оформление указа только в 1718 г., некоторые исследователи справедливо полагают, что он лишь закрепил юридически уже существующие в обществе порядки, которые, несомненно, были уже опробованы на практике значительно раньше[286].

Помимо повседневного аспекта жизни общества были произведены изменения также в правовом, социальном и моральном статусах русской женщины. Конечно, наибольшая доля изменений выпала как раз на положение русской дворянки как представительницы привилегированного сословия, наиболее подвергшегося новшествам проводимой модернизации. Изменился спектр права наследования женщиной[287] и составления ею завещаний, права участвовать в актах купли-продажи собственности и реализации кредитно-займовой политики[288]. Даже были внесены изменения в среду повседневного обихода, касавшуюся вопросов заключения брака, которые затрагивали все сословия и отстаивали самостоятельное право человека на согласие или несогласие в вопросе заключения брачных уз[289].

Безусловно, сложным выступает вопрос понимания и восприятия обществом навязываемых ему западных стереотипов, сокрушавших традиционные убеждения и особенности менталитета, потому вполне возможно допустить, что во время правления Петра Великого женская эмансипация и расширение социализации не достигли того уровня, который планировался изначально, т. к. тому помешали патриархальное воспитание социума и приверженность большинства домостроевским канонам. Но ввиду того, что впоследствии петровские прозападные нововведения не были забыты, а лишь расширили сферу своей практической реализации, к середине XVIII в. уже возможно наблюдать картину широкой вовлечённости русской дворянки в общественную, культурную, научную и придворную жизнь, начало доминирования женской личности в политике благодаря «русскому матриархату», кру-

---

[286] Агеева О.Г. Общественная и культурная жизнь Петербурга первой четверти XVIII века. Дис… канд. ист. наук. М., 1990. С. 82–83.
[287] ПСЗРИ. 1. Т. V. № 2789.
[288] Там же. № 2952.
[289] Там же. Т. VII. № 4406.

шение института затворничества и значительную роль женской социализации в различных аспектах жизни общества.

И. Ролдугина
Москва, РГГУ

«БЛУДЛИВЫЕ ЖЕНКИ И ДЕВКИ» СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА — ЗАНЯТИЯ, ЭМОЦИИ, МЕНТАЛИТЕТ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДОКУМЕНТОВ КАЛИНКИНСКОЙ КОМИССИИ)

Никогда не публиковавшиеся и по большей части никем не просмотренных дела 8 фонда РГАДА «Калинкинская комиссия и дела о преступлениях против нравственности» – это более полутора сотен делопроизводственных документов, сформированных в архивные дела в середине XIX в., которые возникли в результате желания императрицы Елизаветы Петровны обуздать порочные практики своих подданных в одном отдельно взятом городе. Они содержат «допросные речи» рядовых горожанок. Некоторые из них попадали в Калинкинскую комиссию по несправедливому доносу, живя в незаконном, но крепком браке; некоторые вели активную деятельность и вполне успешно содержали частные прото-бордели; третьи вовсе оказывались в застенке по ложным доносам завистливых или излишне бдительных соседей.

Во-первых, эти документы позволяют увидеть процесс секуляризации, запущенной петровскими реформами, с редкого для отечественного историка ракурса — «снизу» и в такой малоизученной области человеческого поведения, как сексуальная культура и практики интимного общения. В правоприменительной практике по отношению к этим женщинам довольно отчетливо видно, что церковь теряет свои позиции на негласную (отчасти ставшую таковой после петровских реформ) монополию влияния на духовную жизнь и интимную сферу жизни человека. Вместе с тем, церковные власти все еще задействованы в решениях по делам о нарушениях в области сексуальности, хотя и не имеют прежнего авторитета — епитимьи назначаются чрезвычайно редко, а церковная лексика обвинения постепенно вытесняется светским словарем, который сексуальные проступки определяет не как «грех», а скорее как угрозу «общественному благочинию».

Во-вторых, документы Калинкинский комиссии — ценнейший источник информации о быте и устройстве жизни обыкновенно невиди-

мого слоя горожан XVIII в. Их привычки проводить время, их способы веселиться, зарабатывать на жизнь, их поведенческие модели в этих практиках, – документы дают возможность хотя бы частично воссоздать картину и проанализировать логику ее устройства. Не слишком неожиданным, но все же примечательным явлением можно назвать влияние иностранцев на жизнь и досуг петербуржцев. Иностранцами прибалтийские немцы были де-факто, де-юре по Ништадскому мирному договору они были подданными России. Именно они, что следует из источников, были держателями самых престижных «непотребных домов», очевидно, демонстрируя и распространяя новый «престижный» стандарт общения и нового типа организованного досуга.

В-третьих, историческая выборка, которой являются документы Калинкинской комиссии, сама по себе провоцирует применение методов гендерного анализа и в целом относится к области женской истории (women's history). Именно женщины были абсолютным большинством в Калинкинском доме, при этом, там содержались и мужчины («в особливых полатах»). Этот факт, а также подробные свидетельства о причинах попадания туда мужчин дают возможность очертить и проанализировать границы допустимого поведения в области нарушения публичных норм у женщин и мужчин. Помимо прочего, мы имеем очень смутные представления о *воле* обычной, незнатной женщины XVIII в., о ее мироощущении, о ее социальных координатах, приоритетах, словно женщина того периода — полая социальная оболочка, начисто лишенная индивидуальности[290]. Причем эссенциалистские и внеисторические представления демонстрируют прекрасные молодые ученые-мужчины, чья компетентность не вызывает сомнений.

Я постараюсь дать коллективный портрет «блудливых женок и девок» XVIII в., взглянув на них не как на «пропащих» и «опустившихся на социальное дно» женщин. Я попытаюсь настроить исследовательскую оптику на улавливание неочевидных черт, скрытых под современными и годами формировавшимися представлениями о женщине как социальном придатке мужского мира в историческом контексте обозначенного периода.

---

[290] Пушкарева Н.Л. Интимная жизнь русских женщин в XVIII в. // ЭО. 1997. № 6.

Т.И. Трошина
Архангельск, Северный (Арктический) ФУ им. М.В. Ломоносова

МЕЖДУ «ЛЮБОДЕЯНИЕМ» И «ЛЮБОВЬЮ»: ОПЫТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НРАВОВ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА НАЧАЛА XIX ВЕКА

В Архангельском областном архиве отложилась переписка, отражающая произошедший в 1814 г. эпизод из повседневной жизни дворян небольшого портового города Онеги. Суть конфликта – в стремлении отца невесты сократить сумму приданого и уменьшить свадебные расходы на том основании, что жених успел «соблазнить» девушку. Развивается личная драма, заключающаяся в том, что молодой дворянин отказывается вступать в брак «под давлением обстоятельств», оставаясь при этом верным своей любви к девушке.

Анализ этой истории позволил сделать вывод, что произошедшее в конкретных обстоятельствах эпохи было связано с процессом эмансипации, развивавшимся под влиянием романтической литературы, а также благодаря участию героя истории в зарубежном походе русской армии, позволившее ему соприкоснуться с иными номами поведения и жизненными ценностями (в частности, такими, как брак по любви).

Роль литературы в усвоении новых норм и ценностей можно сравнить со значением социальная среда. Проживаясь и субъективно перерабатываясь человеком, «книжные» образцы становятся частью его внутреннего мира, а затем и частью социального поведения. При этом происходят две взаимосвязанных и при этом противоположно направленных процесса: типизация и индивидуализация личности. Благодаря типизации во внутренний мир человека проникают общие черты, создается психическая основа нормативного поведения. Индивидуализация же – это процесс выработки собственного опыта социального взаимодействия и общения. Человек усваивает доступный ему социальный опыт и творчески перерабатывает его в личный опыт, в свои внутренние ценности и установки.

Как можно проследить пути распространения новых веяний в среде провинциальной молодежи? В литературных источниках той поры присутствует пренебрежительное отношение к провинциалам. Жизнь в отдаленных местностях была копией, порой весьма бледной, со столичных образцов. Но для «света» отдаленных уездных городов, состоявшего из 2–3 десятков дворян, это была самая настоящая жизнь –

с балами (вызывавшими ироничную усмешку у столичных жителей), со своими модными «мазуристами», «светскими львицами» – как карикатурно бы они не выглядели; со своими скандальными «историями». Архивные документы, даже составленные с совершенно другими целями, позволяют приоткрыть завесу обыденной провинциальной жизни начала XIX в. и дать представление о происходившем здесь процессе индивидуализации личности, широко охвативший в то время наиболее просвещенные слои населения России, то есть дворянскую молодежь.

Дворяне Архангельской губернии составляли малочисленную группу лиц, пользующихся правами высшего сословия. При этом женщин-дворянок было больше, чем мужчин. Молодые дворяне чаще покидали родительские дома и уезжали для службы в другие местности. В результате, в местностях, где были расквартированы войска, количество мужчин-дворян превышало количество женщин; в отдаленных же населенных пунктах, где дворяне в основном несли гражданскую службу, женихов не хватало. Поэтому проблема «пристроить» девицу была там одной из самых насущных.

Смена веков – XVIII и XIX – дополнялась в России сменой царствований и сменой культурных поколений. Нарождалось поколение «непоротых дворян», мечтавших как о «вольности» для народа, так и стремившихся к свободе межличностных отношений – дружбе и любви.

Старшее поколение продолжало жить своими представлениями. Воспитанные в послушании к государю и начальству, они стремились к формированию такого же почитания в своих детях, и начинали с жесткого, авторитарного воспитания в семье – в форме безусловного уважения к родителям и традиционным устоям. На фоне поистине революционных изменений, происходивших в Европе, в наиболее образованной и прогрессивной части русского населения, у дворян, изменения происходили в первую очередь на личностном уровне, как отказ, нередко эпатажный, от общепринятого поведения. Этот процесс можно проследить не только в столичных городах, но и в далекой северной провинции.

В фонде Архангельской духовной консистории хранится переписка, которая проливает свет на небольшой (хотя для современников, вероятно, имевший важное значение) эпизод «войны» поколений – весьма редкого в то время примера взаимоотношений, названных спустя полвека проблемой «отцов и детей».

Девица Наталья Жаравовой была соблазнена молодым дворянином Колчиным, который при этом поклялся на ней жениться. Спустя

несколько месяцев произошло и официальное прошение руки. Получив благословение, жених открылся тестю, что он уже предварительно с невестой «свел знакомство». Разгневанный отец заставив дочь признаться, что было «учинено законопреступное дело и растлено ее девство». Жаравовым это было воспринято как унижение, и он вынес произошедшее на общественное обсуждение, понуждая Колчина к скорейшей женитьбе и попрекая его затраченными на обручение деньгами и теми расходами, которые ему пришлось нести в связи с содержанием дочери, которую, как он считал, уже должен был бы передать на попечение мужу.

Вместо романтических отношений, завершаемых «браком по взаимной любви», молодых ждала пошлая сделка, столь обычная в простонародной среде, да и в дворянской лет 20 назад, но унизительная и вызывающая усмешки на новом витке развития общества. Для представителя нового поколения дворян жениться «по необходимости», под давлением обстоятельств было унизительным и, несмотря на состоявшееся обручение, Колчин стал тянуть с венчанием.

Судя по перехваченным отцом письмам, у них были тайные встречи. Девушка уговаривала жениха вступить с ней в брак, поскольку находилась в двойственном положении и была ославлена собственным отцом, который, будучи человеком уходящей эпохи, не уважал чувств дочери. Колчин же, продолжая испытывать к девушке нежные чувства, не желал поддаваться насилию со стороны тестя.

Тем временем «обесчещенный отец» обращается за помощью к общественности, к гражданским, военным и духовным властям. Однако попытки «внушить Колчину исполнение тех обязанностей, кои добровольно он на себя принял… и изъяснить ему все последствия, от нарушения сего произойти могущие» не смогли «склонить того в сторону бракосочетания». Архиепископ отказался наказывать Колчина «за бесчестие, нарушение священного обручения, клятвенных обещаний и обязательства», поскольку отношения холостого человека с девицей являлись «любодеянием» и не входили в компетенцию духовного ведомства, занимавшегося делами только о нарушении супружеского долга, то есть прелюбодеянием.

В документах не отложилось, чем закончилась взбаламутившая местное «общество» история. Ее сложно оценить и с точки зрения морали. Отношения двух любящих друг друга людей стали предметом досужих разговоров. Романтические отношения были опошлены. Слезы несча-

стной девушки не могли тронуть сердца ее возлюбленного, для которого личное достоинство оказалось выше всего, даже «мнения света».

О.В. Смурова
Кострома, Костромской ГТУ

ИЗМЕНЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ЖЕНСКОГО И МУЖСКОГО КОСТЮМА ПОД ВЛИЯНИЕМ ОТХОДА КРЕСТЬЯН НА ЗАРАБОТКИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ (ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД)

Увеличение масштаба отхода на заработки крестьян связано с пореформенным периодом. В Костромской и Ярославской губерниях широкое бытование получил отход в столицу. Он стал истоком изменений предметного мира деревни, и в том числе, костюма. Городское общество было наиболее пёстрым по сословно-имущественному положению, по этносоциальному и конфессиональному составу, отличалось более развитой инфраструктурой, поэтому именно отсюда и шли в деревню новые веяния.

Уже в 60-х гг. XIX в. Я. Крживоблоцкий, исследовавший Костромскую губернию по заданию Генерального штаба, писал: «Уважения к старинному костюму уже не существует»[291]. По его наблюдению, «по роскоши в одежде и вообще страсти к нарядам» отличались жители Солигаличского и Чухломского уездов. Костюм девушек и молодых женщин состоял как из традиционного сарафана, так и из платья (ситцевого, шерстяного, полушерстяного, шёлкового). Рост отечественной текстильной промышленности способствовал расширению ассортимента тканей. В ходу были хлопчатобумажные ткани: ситец, сатин, синяя китайка, красный кумач, разноцветный плис. Более дорогие шёлковые и полушёлковые ткани – атлас, штоф, парча. В 80-е гг. XIX в. девушки и женщины Рылеевской волости Галичского уезда Костромской губернии носили сарафаны и платья ситцевые, полушерстяные и полушёлковые, платки шерстяные и шёлковые, рубашки праздничные из ситца и белого коленкора[292]. Одежду шили у городских

---

[291] Крживоблоцкий Я. Материалы для географии и статистики Костромской губернии. Кострома, 1861. С. 498–499.

[292] Корреспонденция из сёл // Материалы для статистики Костромской губернии. Кострома, 1881. Вып. IV. С. 56.

портних по картинке. На рубеже веков в моду вошли платья с пышными рукавами (Ростовский уезд Ярославской губернии).

В Солигаличском уезде Костромской губернии в к. XIX в. в моде у крестьянских девушек были соломенные шляпки, которые они приобретали у аристократок и переделывали[293]. В косах – ленты, привезённые из столиц. На руках у крестьянок можно было увидеть перчатки. Непременной принадлежностью костюма был и зонт. Причём дождевой зонтик носили раскрытым даже в солнечную погоду. А зонт от солнца не всегда использовался для защиты от солнечных лучей. Об этих курьёзах сообщал корреспондент с. Мостище Галичского уезда Костромской губернии В.В. Решоткин[294]. Некоторым элементам одежды придавался сугубо знаковый характер. Перчатки, шляпа, зонт «выговаривались» женихом в приданое за невестой. Эти вещи служили символом достатка, богатства. Девушки пользовались косметикой: белилами, румянами, духами. Представители некрестьянских сословий отмечали ее неумеренное употребление. От «спертого воздуха духов» в храме некоторые падали в обморок.

Праздничная одежда в Ростовском уезде Ярославской губернии на рубеже XIX–XX вв. отличалась от будничной только новизной. В Галичском уезде Костромской губернии в праздник девушки непременно наряжались в платье, пошитое городской портнихой. Дорогие платья и шубы надевали 1–3 раза в год. Перед отъездом отходников их несли в заклад или продавали за ½ и ¼ настоящей цены[295]. Верхней будничной одеждой у девушек и женщин был овчинный полушубок. В праздник в Ростовском уезде Ярославской губернии женщины носили шубки (пальто на меху), жакетки на вате или дипломаты (длинное пальто, сшитое по фигуре)[296].

В местах отхода одежде придавалось большое значение. Своеобразным смотром, «демонстрацией столичных мод» служили местные базары. Автор книги «Древний город Галич Костромской губернии» С. Сытин (1905 г.) подмечал, что летом галичские базары были «нелюдны», а вот зимой, в декабре месяце, когда из города возвращались

---

293 РО РЭМ Ф. 7. Оп. 1. Д. 612. Л. 24.

294 Там же. Д. 599. Л. 33.

295 Жбанков Д. О городских отхожих заработках в Солигаличском уезде Костромской губернии // Юридический вестник. 1890. М., 1890. Т. 6. С. 138.

296 РО РЭМ Ф. 7. Оп. 1. Д. 1816. Л. 7.

отходники, они представляли собой «интересную картину». Жены подрядчиков-маляров стремились показать все наряды, привезённые мужьями из столиц. Они «блестели золотом, шуршали шёлком, бархатом и хорошими мехами». Огромная толпа разряженных людей гуляла в базарный день по площади г. Галича. По сторонам плотными рядами стояли наблюдатели «в лице деревенских свах и кумушек, высматривавших женихов и невест». Здесь же узнавали всё до мелочей о состоянии и положении женихов[297].

В губерниях, где преобладал мужской отход на промыслы, изменения и в мужском костюме происходили более стремительно. Современники подмечали в молодых крестьянах этих местностей склонность к щегольству. «Простолюдин других губерний целый век свой проходит в тулупе или армяке; у ярославца заведись лишь копейка, он из неё тотчас рубль сработает и позаботится о своей наружности, для того, чтобы душа не парилась, а красная девица зарилась»[298]. Юноши-отходники Солигаличского уезда Костромской губернии носили брюки (а не традиционные порты), пошитые из фабричных шерстяных тканей, «триковые и суконные пинджаки» или «пинджачную тройку». На ногах, взамен лаптей и валенок – сапоги и калоши. Калоши носили тогда, когда было сухо и тепло, а в дождливую погоду, напротив, их, боясь испачкать, оставляли дома. О таком неуместном употреблении калош сообщал учитель Чудцовского начального училища Солигаличского уезда Костромской губернии Н. Колосов в Тенишевское бюро в 1898 г. Так же, как у девушек зонт, шляпа, перчатки, у юношей – калоши служили знаком достатка, зажиточности. В праздник парень «облекается в пинджак, брюки на выпуск, ноги обуты в обильно смазанные дёгтем сапоги с калошами, пинджак нараспашку, под которым виднеется ярко-красная, синяя, голубая, алая рубашка из шерстяной материи и непременно вышитая (по канве)»[299]. Костюм юноши дополнялся цепочкой с часами или без часов. «Карманные часы служат предметом гордости у более состоятельных и предметом вожделения у менее состоятельных парней. В Ростовском уезде Ярославской губернии

---

[297] Древний город Галич Костромской губернии. 1905. С. 69–70.
[298] Толбин В. Толбин В. Ярославцы (Физиологический очерк) (И.В. Лук-ву) // Русский очерк. 40–50-е годы XIX века. М., 1986. С. 386.
[299] РО РЭМ Ф. 7. Оп. 1. Д. 612. Л. 22.

юноши носили цепочку нередко без часов. Головным убором служила фуражка. В деревне этого времени распространился обычай брить усы и бороду. Девушки пели: «Не пойду за усача, пойди-ка, маменька, сама». Вернувшийся из города отходник первое время демонстрировал пренебрежение к крестьянской одежде, играм и песням. Но по прошествии месяца осваивался, «начинал ходить в рубахе, брюки за сапоги, и через полгода ничем уже не отличался от местных парней, которые в Петербурге не жили».

Таким образом, отход крестьянства на заработки в города, столицы имел своим следствием изменение предметного мира деревни. Традиционный костюм уходил в прошлое. Ему на смену приходила городская одежда. Некоторые атрибуты городского костюма нередко использовались не по своему функциональному назначению (зонт, калоши), а лишь знаково. Интересно, что в некоторых группах городского населения шёл прямо противоположный процесс. В определенных кругах городского населения появилась своего рода мода на русский костюм.

М.А. Антонов
Ярославль, Ярославский Гос. Университет им. П.Г. Демидова

ТРАНСФОРМАЦИИ СТАТУСА КРЕСТЬЯНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ

Отмена крепостного права и последующий за ней пореформенный период привлекают все больше внимания региональных исследователей[300]. В качестве объекта исследований представлены различные социальные категории населения, в научный оборот вводятся новые источники, применяются новые методы работы с ними. При этом слабо изученным в пределах Ярославской губернии нам кажется гендерный аспект темы. В данной статье рассматриваются материалы фонда Ярославского губернского по крестьянским делам присутствия (121 фонд ГАЯО), в качестве источника для изучения изменения социального статуса крестьянок в пореформенный период.

Губернские присутствия были учреждены сразу после принятия высочайшего манифеста 19 февраля 1861 г., в их функции входило: рассмотрение жалоб на действия мировых посредников и уездных

[300] Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ №10-01-00500а.

мировых съездов, определение размеров надельной земли, утверждение уставных грамот, приговоров общин об удалении крестьян из общества и т. д. Это учреждение просуществовало вплоть до 1889 г. На данный момент в архивном фонде содержится более 8 500 дел.

При работе с описями данного фонда была проведена выборка дел, где в той или иной форме упоминаются крестьянские женщины. Чаще всего «женские» дела касались выкупа земли, что было наиболее распространенным видом дел в целом. Материалы фонда показывают, что женщины постепенно становились субъектом имущественных отношений, факт, безусловно, связанный с развитием мужских отхожих промыслов в губернии. При этом в отходничество вовлекалось, и женское население, о чем свидетельствуют дела с жалобами крестьянок на невыдачу волостными правлениями увольнительных актов, необходимых для проживания вне своего сельского общества.

Иногда выкупные суммы, вносимые крестьянками, были довольно значительными, так жительница деревни Подольново Анна Муравлева в 1887 г. внесла за семейство Афанасия Петрова выкупную ссуду в размере 315 руб. Для сравнения средняя стоимость выкупа одной десятины земли по губернии составляла 41 руб. 50 коп. При этом подавляющее большинство дел относится к Пошехонскому уезду губернии, крестьянки Любимского и Даниловского уездов, также чаще других выкупали участки земли и вносили оброчные выплаты.

Встречаются дела, где вдовы вступают в споры с родственниками мужа, либо сельским обществом по поводу наследства. Например, прошение солдатской вдовы Олимпиады Яковлевой Румянцевой «о невозвращении ей земли после мужа ее»[301]. В некоторых случаях в таких делах содержатся описи имущества, позволяющие судить об уровне жизни крестьянок. Показательным является дело по прошению запасного унтер-офицера Александра Семеновича Красавина об описи его имущества[302]. Причиной описи, а она производилась для последующей продажи, был иск бывшего свекра жены Красавина Пехова, который требовал взыскания с Красавиной 52 руб. за долги за счет продажи имущества, доставшегося Красавиной после смерти ее первого мужа. Впрочем, Александр Красавин утверждал, что ни какого

---

[301] ГАЯО. Ф. 121. Оп. 2. Д. 3028.
[302] ГАЯО. Ф. 121. Оп. 2. Д. 7922.

приданого за своей женой Прасковьей он не получал, а потому и не обязан удовлетворять иск на жену. Все это время сам Красавин проживал в С.-Петербурге, где держал молочную лавку, что значительно замедляло ведение дела, поэтому, не смотря на ответную жалобу на имя сельского старосты Миронова, опись имущества и его частичная продажа была произведена.

Общая стоимость имущества по описи составила 44 руб. Среди имущества преобладала женская одежда: пальто сатиновое и суконное, старое шерстяное платье, ситцевое старое платье, драповая кофта, шелковое платье, два шерстяных платка, два полушанка шерстяных, шерстяное платье, юбка, белое старое платье, овчинное пальто, кофта на кудели, триковая жилетка, ситцевое детское платье, ситцевое платье с кофтой, два носовых платка, кожаные и валяные сапоги. Подлежало описи даже немногочисленное постельное белье: одеяло, одеяло детское, две подушки, покрышка для двуспального одеяла, три полотенца, холщевая наволочка, ручное полотенце и маленькая салфетка. Предметы мебели были представлены осиновыми коробьями и сундуком.

В течение разбирательства дела выяснилось, что Красавин прожил со своей женой 6 лет, а до этого она три года (с 1880 по 1883 г.) была вдовой и, воспитывая в одиночку дочь, в течение этих лет, скорее всего, потратила все имущество, оставшееся ей после покойного мужа.

К делу прилагалась опись имущества уже самой Красавиной, произведенная Глебовским сельским старостой Артамоновым 20 июня 1887 г. В ней приводятся сведения, в том числе, и о составе семьи. Так, Прасковья Красавина проживала с сыном Константином 4-х лет, свекровью Татьяной Николаевой 71-го года и золовкой Анной Семеновой 27-ми лет. Опись представляла собой таблицу из пяти граф, где указывались: порядковый номер, название предмета, количество предметов, цена, особая отметка (например, что вещь находится в данный момент на владелице). Эта опись, написанная от руки, включала в себя перечень сорока предметов из женского гардероба на общую сумму 21 руб. 75 коп. Вследствие вышеизложенного можно сделать вывод о слабой защищенности вдовьего имущества[303], даже в случае повторного замужества.

---

[303] ГАЯО. Ф. 121. Оп. 2. Дд. 2612, 2967, 3028, 1393.

Большое количество дел рассматривает случаи оскорбления и побоев крестьянок со стороны родственников (например, о наказании Егора Иванова розгами за оскорбление сестры своей Анны), односельчан (например, о неправильном штрафовании его 3 руб. за обиду крестьянки Алексеевой), должностных лиц (например, о нанесении побоев А.Д. Череткиной сельским старшиною и волостным писарем). В некоторых случаях, обвиняемые в оскорблении, сами подавали жалобы на несправедливое наказание, что было связано с трудностью доказательства, субъективной оценкой проступка.

В целом, если рассматривать выборку за определенный год, то количество дел с упоминанием крестьянок не превышает 10% от общего числа, что говорит о незначительной роли женщин в решении хозяйственных вопросов. При этом в абсолютном исчислении в 121 фонде содержится несколько сотен подобных дел, что вкупе с другими источниками дает хорошую базу для исследования. Особую ценность документы фонда представляют в контексте микроисторических, локальных исследований, истории повседневности.

Е.В. Годовова

Оренбург, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Оренбургский филиал

ПОРТРЕТ ОРЕНБУРГСКОЙ КАЗАЧКИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Многие иностранцы, побывавшие в России, восхищались русскими женщинами, но особенной красотой, умом и силою отличались казачки. Немало тому свидетельств находим мы в записках наших соотечественников. Художник В. Суриков, выходец из старинного енисейского казачьего рода, оставил такие воспоминания: «Сестры мои двоюродные – девушки совсем такие, как в былинах поется про двенадцать сестер. В девушках была красота особенная: древняя, русская. Сами крепкие, сильные. Волосы чудные. Все здоровьем дышало». А. Ригельман, первый историк казачества, описывал женщин Дона, живших в XVIII в.: «Жены их лица круглого и румяного, глаза темные, большие,

собою плотные и черноволосые, к чужестранцам неприветливы»[304]. Так, и оренбургские казачки отличались особой красотой и статью.

Внешний облик оренбургской казачки подчеркивала их одежда. Причём в станицах, расположенных ближе к городам, на фасон одежды оказывала влияние городская мода. Например, праздничный костюм девушки, проживающей в пригороде, выглядел так: ситцевое, шерстяное или шёлковое платье, плотно облегающее талию, с белым накрахмаленным воротничком и манжетами. На голове либо чепец – повязка, сшитая из атласной ткани яркого цвета, либо гребёнка.

А в отдалённых станицах, таких как Павловская, Нижнеувельская, Донецкая, вплоть до начала XX в. казачки носили сарафаны. Особенность их косоклинного пошива была характерна для уральских казаков, что позволяет считать, что сарафаны данного типа были привнесены в среду оренбургских казаков уральскими, вошедшими в состав ОКВ при его формировании и позже. Головным же убором служил шёлковый платок, повязанный у замужних концами назад, а у девушек под подбородком.

Наиболее распространенным, а в некоторых станицах даже единственным типом женской одежды были кофта и юбка. Суконные, шерстяные, полушерстяные и ситцевые юбки отделывались кружевом с внутренней стороны для имитации нижней юбки. Кофты шились из ситцевых, атласных, полушерстяных тканей, украшались вышивками и аппликациями. Кофты всегда носили навыпуск, не заправляя в юбки.

Осенью и весной женщины-казачки, в зависимости от достатка, носили драповые или шерстяные пальто, зимою – суконные шубы из овчинного меха часто с лисьими воротниками, пуховые и шерстяные платки, валенки.

Праздничной обувью для оренбургских казачек были высокие ботинки на шнурках. Сапоги же никогда не надевали: это считалось таким же грехом, как носить брюки и стричь волосы. Бытовали и черевички – обувь, у которой подошва делалась из толстой кожи, а верх из тонкой. Выходной обувью считались калоши, но приобрести их себе могли только зажиточные люди. Интересно, что, несмотря на крестьянское происхождение, многие русские казаки не носили лапти, а нагайбаки предпочитали именно этот вид повседневной обуви.

Своеобразием отличалась женская причёска. Волосы казачки нико-

---

[304] Страничка казачки // Официальный сайт Московского областного отдельского общества. URL: http://www.mooko.ru

гда не стригли. Незамужние женщины носили одну косу с одной-тремя лентами. Её заплетали на несколько дней «от бани до бани». На свадьбе волосы девушки делились на две косы, которые завивали в шишку, в 40 лет их укладывали на затылке «замочком», а в старости обвивали вокруг головы[305].

Из украшений русские казачки предпочитали ожерелья (борки – местное название) из простых камней или стекла, серебряные, медные и редко золотые серьги, перстни и кольца, а нагайбакские женщины ещё браслеты и нагрудники, состоящие из серебряных монет старого чекана.

Отдельно необходимо сказать о свадебной и ритуальной одежде.

Приданое невесты и кладка со стороны жениха являлись частью материальной основы свадьбы. Жених по обычаю обеспечивал невесту свадебной обувью и покрывал свадебные расходы. По сведениям В. Плотникова, «запрос», или кладка, выплачиваемая родителями жениха родителям невесты, составляла 75–100 руб. сер.[306]. Приданое же являлось одним из немаловажных мотивов в выборе невесты и содержало предметы женского туалета. Мать с рождения дочери начинала готовить ей приданое – покупать холст на полотенца, запасаться чулками, платьями[307].

Свадебную одежду старались сшить по последней городской моде: как правило, она состояла для невесты из кофты и юбки светлых тонов (белого, розового, голубого). После свадьбы некоторые носили эту одежду как праздничную, некоторые хранили как память. Большое распространение в Оренбургском казачьем войске имело поверье, что венчальное платье обладает лечебной силой. Поэтому заболевшего ребёнка накрывали свадебным платьем матери.

Одежду умершей женщины в разных местностях могли составлять рубаха и длинное платье или юбка с кофтой. Голову обязательно по-

---

[305] Галигузов И.Ф. Материальная культура оренбургских казаков (XIX – начало XX в.) // Оренбургское казачье войско. Страницы истории X–XX вв. Челябинск, 1999. С. 60.

[306] Плотников В. Очерки свадебных обрядов у оренбургских новолинейных казаков // Записки Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. Казань, 1871. Вып. 2. С. 171.

[307] Кривощёков А. Обряды и обычаи оренбургских казаков // Вестн. оренбургского учебного округа. 1915. № 2. С. 58.

крывали платком, а замужней женщине надевали также повязку. Например, Екатерина Титова, жительница деревни Поповой, умершая в 1852 г., была похоронена в «сарафане и двух рубашках с ситцевыми рукавами, верхняя красного цвета, обе с холщовыми становинами, подпоясана портянным поясом, на ногах шерстяные чулки и валенки, обшитые чёрной кожей, голова подвязана двумя платками, одним из них волосы, а другим сверх оного, концы коего обвёрнуты вокруг шеи и завязаны сзади»[308].

По сравнению с крестьянками женщины-казачки имели большую свободу и большие права. Это объясняется тем, что во время войн, да и в мирное время женщины, дети и старики составляли основные рабочие руки. Достаточно часто женщины были и главами семей. Как отмечает исследователь оренбургского казачества Н. Евсеев, «можно было встретить столетнюю бабку, которая является патриархом своей семьи, распоряжаясь пятидесятилетними сыновьями, тридцатилетними внуками и десятилетними правнуками»[309].

Анализ ревизских сказок свидетельствует о численном превосходстве в Оренбургском казачьем войске женщин над мужчинами в возрастной категории от 16 до 50 лет, а в возрасте старше 60 лет мужское население преобладало над женским, следовательно, продолжительность жизни у мужчин была выше, чем у женщин, что, конечно, было связано с нелёгкой женской долей казачек.

В отсутствие мужа оренбургская казачка должна была заботиться о благополучии семьи, заниматься хозяйством, поддерживать дом. Следует отметить, что дома оренбургских казаков, в отличие от крестьянских, были более крепкими и независимо от достатка их хозяев содержались в чистоте и порядке.

На женские плечи ложилась и забота о детях. Если отец в большей степени осуществлял нравственно-религиозное воспитание, то мать следила за тем, чтобы дети были здоровы, обуты, одеты, накормлены.

Итак, постоянный труд и заботы, легшие на руки оренбургских казачек, способствовали формированию сильного характера, развивали здравый смысл, решительность и стойкость. За внешней ее застенчи-

---

[308] ГАОО. Ф. 6. Оп. 12. Д. 411. Л. 1–1 об.

[309] Евсеев Н. О прошлом и настоящем оренбургских казаков. Самара, 1929. С. 38.

востью зачастую скрывался сильный и неукротимый нрав, сознание хранительницы семейного очага и хозяйки дома.

А. Кривошей
Запорожье, Информационно-аналитическое агентство «КриаLLe»

ДИСКУРС ТЫЛОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЖЕНЩИН КОЗАЦЬКОГО ЗАПОРОЖЬЯ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ УКРАИНСКОГО ИСТОРИКА Д. ЯВОРНИЦКОГО

Постсоветский этап развития украинской исторической науки наряду с выработкой новых теоретических и методологических подходов к изучению исторических процессов требует комплексного переосмысления историографического наследия, рассмотрения его под новым углом зрения и освобождения от ложных интерпретаций и стереотипов.

Идентификация мужчины с образом воина-козака и устойчивая мифологема о «безбрачном» статусе запорожского козачества стали основными причинами тотальной маскулинизации военно-исторических исследований в Украине. Украинские историки второй половины XIX–XX в. практически вытолкнули как фронтовую, так и тыловую повседневность украинских женщин XVI–XVIII в. за пределы исторического.

Главной задачей настоящей статьи является исследование проблемы тыловой повседневности ординарных женщин козацкого Запорожья, ее постановки и решения в научном наследии украинского историка Дмитрия Ивановича Яворницкого.

Основой нашего дальнейшего анализа станет его научно-творческое наследие в контексте украинской действительности конца XIX–начала XXI в. 1. В рамках этой мировоззренческой модели мужчина – воин-козак должен был рассматриваться как основная точка отсчета и мерило всех культурных норм и ценностей[310]. Под *фронтовой повседневностью* автор понимает – сами войны (в их течении). Под *тыловой повседневностью* – комплекс повседневно-бытовых реалий, которые сопровождали войны – расквартирования войск, реквизиции, военные заготовки, военно-санитарную деятельность, обеспечение

---

[310] См.: Кривошій О. Жінка зі зброєю на сторінках військової історії України XVI – першої половини XVIIст. Контексти прояву // Воєнна історія Наддніпрянщини та Донщини. Київ, 2011. С. 70–78.

повседневных потребностей жизнедеятельности военных группировок и прочее. Запорожье – или Вольности Войска Запорожского Низового. Название региона (территории) где проживали козаки-запорожцы.

Во второй половине XIX в. в с. Котивци на Екатеринославщине (ныне Днепропетровская обл.) от крестьянина С. Сатаны Д. Яворницкий записал предание «Могила Настина» (в других вариантах «Могила Насти»). В этом предании была зафиксирована информация о военной повседневности отважной женщины-воительницы по имени Настя. Эта Настя, носила на боку саблю, шаровары, козацкую шапку и «держала у себя отряд казаков, и никто того не знал, что она женщина.... Несколько лет она выдавала себя за козацкого атамана. А как умерла, то тогда только и узнали, что она женщина». Архетип женщины-воительницы, в данном случае, включает в себя, достаточно распространенную в южноукраинских степях, традицию переодевания женщин в мужскую одежду, подрисовывания усов, бритья головы и т. д. – визуальная репрезентация «маскулинности», связанная с приобретением традиционных внешних признаков мужчины-воина. Информацию о случаях «переодевания» женщин содержат не только устные, но и письменные источники XVI–XVIII вв. Во второй половине XIX в. в с. Богодар Александровского уезда, Екатеринославской губ. (ныне Запорожская обл.) от крестьянки И. Хотюн Дмитрий Иванович Яворницкий записал предание о том, как «Как запорожец навещал жену». В этом предании рассказывается о тыловой повседневности женщин, которые проживали вблизи от Сечи. Рассказчик, передавая информацию о типологизированых практиках тыловой повседневности казаков-запорожцев, донес до слушателя, – Д. Яворницкого, информацию о запорожцах, которые имели жен, детей и вели семейную жизнь. Преданий, с сюжетами о семейной жизни запорожцев за пределами Сечи, в фольклорной традиции Степной Украины, по наблюдениям автора, сохранилось достаточно много, что свидетельствует о заучивания жителями этого региона типизаций ежедневных практик женщин. Становится очевидным, что в коллективной памяти жителей бывшего козацкого Запорожья, сценарии фронтовой и тыловой активности ординарных женщин представляют собой не объекты высмеивания женской инициативы, а типизированные элементы повседневной жизни степного запорожского социума. Закодированную в былинах, преданиях, а также в исторических песнях информацию о присутствии в культурном пространстве Запорожья женской составляющей Д.И. Яворницкий воспринял по-

верхностно, не обратив на эту проблему должного внимания. Более того, он поддержал разработанную историком Аполлоном Скальковским, в соответствии с существующими, на середину XIX в., тенденциями времени и места, концепцию, согласно которой фигура женщины в пределах Вольностей Войска Запорожского Низового рассматривалась козачеством как нежелательная. Ссылаясь на «неписаный устав Запорожского общества», А. Скальковский утверждал, что все звания и должности от кошевого до полкового хорунжего, получали только неженатые казаки, женатые же никакого чина и должности занимать не могли. А в козацких зимовниках и хуторах могли проживать только неженатые козаки со своими служителями, но тоже холостыми.

В контексте выявленных нами противоречий целесообразно обратить внимание на свидетельства современников – очевидцев интересующих нас событий. Известный в Великопольше своей политкорректностью шляхтич Свентослав Оржельський, не позднее 1578 г., создал латиноязычный сборник авторских хроник «Справи безкоролів`я по смерті безсумнівній Сигізмунда Августа». Описывая жизнеустройство Его королевской милости «войска Низового» – он отметил, что они (козаки. – А.К.) *гнездятся с женами и детьми на островах*, (курсив мой. – А.К.) которыми Днепр <*Бористен*> изобилует. Семейная жизнь рядовых запорожцев, запорожских полковников и кошевых была описана не только в наративах элиты Речи Посполитой, но и в путевых заметках иностранцев, посещавших козацкие земли в означеный период.

Несмотря на это на страницах своего наиболее значимого для украинской историографии XX – начала XXI в. труда «История запорожских казаков» Д.И. Яворницкий писал о полном отсутствии женщин в Сечи и, практически полном, в пределах Запорожских Вольностей. Со слов А. Скальковского, С. Мишецкого и Х. Манштейна, историк утверждал, что обычая «безбрачия» («парубкування») запорожцы придерживались очень строго.

Становится очевидным, что стремление Д.И. Яворницкого отобразить наиболее полную картину быта и повседневной жизни запорожского казачества, в определенной степени, обусловило его интерес и к проблеме отношений козачества с женщинами.

Рассматривая научно-творческое наследие Дмитрия Ивановича Яворницкого в контексте исторической феминологии следует иметь в виду тот факт, что историк касался этой тематики поверхностно, в контексте рассмотрения истории повседневности и военного искусства

запорожских козаков. В своих выводах он опирался не на наративы историков, литераторов, путешественников и дипломатов XVI–XVIII ст., а на предложенные российской имперской историографией XIX – начала XX ст. схемы «однокорневой» истории.

Рассмотрение научно-творческого наследия академика Д.И. Яворницкого с позиций современной историографической критики, с учетом составляющих эпоха-автор-текст-контекст, позволяют сформировать представление о новых горизонтах присутствия «женского» в культурном пространстве козацкого Запорожья и проследить эволюцию историко-феминологичних взглядов украинских историков на уникальный опыт участия ординарных украинских женщин в обеспечении жизнедеятельности Войска Запорожского Низового.

В.А. Веременко

С.-Петербург, Ленинградский гос. университет им. А.С. Пушкина

ГЕНДЕРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОМАШНЕЙ ПРИСЛУГИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

За последние годы, казалось бы, все сколько-нибудь значимые в истории социальные группы подверглись пристальному изучению: выходят работы о крестьянах и казаках, купцах и других городских слоях, дворянах и духовенстве. Исследуются отдельные профессиональные группы, а также представители «социального дна»… Но «лица, занятые в услужении», так и не попали на страницы научных книг.

Перепись населения России 1897 г. содержит официальные данные о составе группы лиц, работавших в услужении в учреждениях и на дому[311]. Всего к прислуге было отнесено 2 113 121 чел., подавляющее большинство – женщины (1 336 322 или 63,3%), мужчин – 766 799 (36,7%). Работавшие в услужении давали 41% всех «самостоятельных» женщин. Работа в качестве прислуги традиционно являлась основным женским заработком[312].

---

[311] Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской Империи 28 января 1897 г. СПб., 1905. С. V.

[312] Там же. С. VI–VII.

Еще более впечатляющим выглядит соотношение полов в группе домашней прислуги. Из 1 556 987 чел., показавших работу в частном услужении как свое основное занятие женщин оказалось – 1 288 797 чел. или на 100 работавших мужчин приходилось – 480,5 женщин[313].

Такой гендерный состав домашней прислуги, несомненно, отражал изменения, произошедшие к концу XIX столетия в социальном и материальном положении хозяев-нанимателей.

В середине XIX в. дворня, как обязательный элемент крепостного хозяйства, была довольно многочисленной, особенно в деревне. Важно отметить два характерных обстоятельства. Во-первых, чем обеспеченнее семья, тем более у нее среди слуг мужчин, и во-вторых, среди прислуги присутствовала специализация, функции каждого строго определены и ограничены. Мужская прислуга была представлена: поваром (в богатых семьях – это не крепостной, а наемный, подчас иностранец); швейцаром; кучером (кучерами), лакеем (лакеями), у военные последние замещались денщиками; «мальчиками-на-посылках», а также значительной группой лиц, занятой хозяйственными работами по дому и в усадьбе (дворники, истопники и др.). В число женской прислуги входили: кухарка (ее статус был ниже повара); кормилицы и няни; горничные; «девочки», выполнявшие мелкую подсобную работу и, опять-таки, группа чернорабочих-женщин (прачки, уборщицы и т. д.).

Численность прислуги могла варьироваться от 3–4 до нескольких десятков человек. Так, в доме князей Кропоткиных, где большая часть дворни рекрутировалась из крепостных, было три кучера, повару помогали 2 поваренка, княжичи имели своих «девочек» или «мальчиков», в зависимости от пола, и, наконец, на стол к чаю накрывали сразу 2 горничные[314]. В значительно более бедной семье Второвых, вообще не имевшей крепостных, тем не менее, к каждому из детей брали няню, в семье служили еще кухарка и горничная. Только экстраординарные обстоятельства (болезнь, смерть или неожиданное увольнение одной из работниц) могли вызвать временное (!), вплоть до «приискания» нового

---

[313] Там же. С. VII.

[314] См.: воспоминания о детстве Е.А. Кравченко. ОР РНБ. Ф. 601. Половцовы. Д. 1196.

человека, перераспределение ее обязанностей на других лиц. Такое положение всеми, прежде всего хозяевами, признавалось ненормальным[315].

Произошедшее в результате отмены крепостного права кардинальное изменение материального положения дворянских семей, и одновременно происходивший рост числа чиновничье-мещанских семей среднего достатка[316], предъявили новые требования к ныне свободным лицам, работавшим по найму. Главными из них стали дешевизна и отсутствие специализации. Под сокращение попала прежде всего более дорогая и специализированная мужская прислуга. С отказом от собственного выезда из семьи уходил кучер, с переездом в съемную квартиру – дворник и швейцар. Присутствие в семье повара стало редчайшим случаем, символизирующем «невероятное» богатство его хозяев. Так, среди сотен представителей вполне обеспеченной, по общему мнению, семьи дворян-коммерсантов Яфа в 1880-х гг. только в одном доме – А.Ф. Александровой-Дольник – был повар-француз, занимавшийся кулинарными экспериментами совместно с хозяйкой и ее друзьями[317].

В более выгодном положении оказывались офицеры, имевшие возможность пользоваться бесплатной работой солдат-денщиков. Современники с возмущением отмечали, как призывников низводили до статуса лакеев, поваров, а иногда и нянек[318]. В жандармских кругах в прислугу мог обратиться уже не только солдат-срочник, но и унтер-офицер[319].

Для женской прислуги выдвигаемые хозяевами требования экономии обернулись желанием иметь за небольшие деньги (6–8 руб. в мес.) ОДНУ прислугу, справляющуюся со всем комплексом дел по дому: и за горничную, и за кухарку, и за няню к детям. Демонстрацией востребованности именно таких лиц служит то, что в многочисленных объявлениях о найме, печатавшихся в ежедневных и части еженедельных газетах (напр., в «Новом времени» этому разделу был выделен целый разворот), под заголовком «требуются» на разные лады

---

315 РО РНБ. Ф. 163. Второвы. Д. 84.

316 См.: Веременко В.А., Тропов И.А. Реформы и микросоциальные процессы в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Социально-экономическая и политическая модернизация в России. XIX–XX вв. СПб., 2001. С. 55–63.

317 РО РНБ. Ф. 163. Второвы. Д. 313. Л. 71–73.

318 Пельмен. (Завьялов А.) Среди военных. (Дневник). СПб., 1907.

319 РГИА. Ф. 265. Оп. 1. Д. 225 Л. 232

шел перепев одного и того же текста: о том, что в семью требуется прислуга, которая будет работать «одна». Вместе с тем, было очевидно, что те женщины, которые готовы были работать «одни», да еще за небольшие деньги, ничего толком не умели, да им и не под силу было выполнять все домашние работы сразу.

Выход из данной ситуации конкретная хозяйская семья находила свой, но, как правило, после смены 5–6 «вариантов» в поисках «хорошего», выбирался один из двух возможных исходов. Либо принималось решение взять «специализированную» прислуг, чаще всего кухарку или няню, либо, хотя находящаяся в услужении женщина и значилась как «одна», но на деле она выполняла не всю домашнюю работу, а лишь часть ее, заранее оговоренную с «хозяйкой».

Таким образом, к началу XX в. понятие «прислуга» превратилось из обобщающего, включавшего большое число лиц, как мужчин, так и женщин, имевших разнообразную специализацию и выполнявших четко определенные обязанности, в самое что ни на есть конкретное. И говоря о своей «прислуге» хозяева имели в виду ту единственную женщину, и только женщину, которая, будучи «одна в доме», должна была решать хозяйственные проблемы семьи, много работать, ничего не требовать и все терпеть.

О.В. Морева

Екатеринбург, Свердловская областная универсальная научная библиотека им. Б.Г. Белинского

ЧИТАЮЩАЯ ЖЕНЩИНА ИЗ «МОЛЧАЛИВОГО БОЛЬШИНСТВА» (РУБЕЖ XIX–XX ВЕКОВ)

На рубеже XIX–XX вв. происходила глубокая трансформация социальной структуры российского общества (эмансипация личности, замена сословий на профессиональные группы и классы и формирование на их основе гражданского общества). В тоже время массовые представления о социуме, социальных отношениях, а также социальное поведение продолжали находиться «в рамках сословной парадиг-

мы»[320]. В связи с этим вполне закономерен для изучения культуры чтения выход на уровень анализа индивидуальностей, т. е. описание чтения не «человека типичного» или «среднего», а конкретного индивида, для чего мы интегрируем гендерный и социальный анализ. Выбор территории (Урал) и персон при характеристике культуры чтения женщин из народа обусловлен обеспеченностью источниками.

В изучаемый период женщина начала играть непривычные роли – это означало гораздо больше, чем просто изменение ее статуса в обществе: это говорило об изменении самого общества. Женская читательская аудитория увеличилась за счет читательниц из народа. Эта читательская категория меньше всего имела свободное время для чтения, кроме того, отношение к образованию девочек было отрицательным («Баба не человек… Баба струмент для производства рода человеческого»[321], «девкам грамота вовсе необязательна, в солдаты им не идти»[322]), а женщина-работница с книгой воспринималась окружающими как бездельница. Постепенно такое отношение менялось. Несмотря на то, что мальчиков по-прежнему обучалось больше, чем девочек, все же их доля, среди детей школьного возраста обучающихся в школе, возрастала. Умение читать для девочки означало изменение судьбы, т. е. возможности избежать участи ее матери (до замужества, если семья нуждалась – работа на заводе или руднике, если нет – то помощь по хозяйству и ожидание 15-летнего возраста, когда придут сваты). После обучения она могла стать учительницей, библиотекарем или служащей в магазине, конторе, пойти «в услужение».

В начале XX в. жены рабочих вместе с мужьями ходили на маевки, слушали революционеров-агитаторов и читали нелегальную литературу[323]. О том, как происходило знакомство с нелегальной литературой

---

320 Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2003. Т. 2. С. 284.

321 Бондин А.П. Уходящее: повесть. Свердловск, 1982. С. 7.

322 Рассказы уральцев. Екатеринбург, 2001. С. 96.

323 Были горы Высокой. С. 135; Из истории нелегальных библиотек революционных организаций в царской России: сб. материалов М., 1956. С. 108–109; Бердинских В. Речи немых: повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М., 2011. С. 21.

среди девушек можно судить по ответам на допросе Елизаветы Разумковой дочери «канцелярского служителя» из Нязе-Петровского завода. После окончания Красноуфимской гимназии она некоторое время жила в Симском, а в начале 1900-х гг. переехала в Нижнетагильский завод и работала «классной надзирательницей в Павло-Анатольевской Нижнетагильской женской прогимназии». В 1902 г. как свидетель по делу о нелегальном кружке на вопрос: «Кто и где познакомил [ее] с рабочим вопросом, и кто развивал ее в этом направлении», она отвечала, что была «под впечатлением прочтенной в “Мире Божьем” статьи Туган-Барановского[324]. Большинство же женщин из народа оставались носительницами традиционной культуры, поэтому чаще они обращались к религиозной и духовно-нравственной литературе. В устных рассказах крестьянок Кировской области, родившихся в начале XX в., о до советской повседневности, неизменно упоминается хранение и чтение книг «божественных». Кроме того, среди читательниц этой категории пользовалась популярностью лубочная литература. Почерпнутые из сказок, сонников, «гадательных книг» и т. п. изданий сведения причудливо переплетались с церковными догматами, трансформируясь в суеверия[325]. Читательницы, как правило, приобретали книги у офень, в лавках, где они продавались как сопутствующий товар, брали их в фондах бесплатных народных библиотек, пользовались книгами и периодическими изданиями из домашних библиотек своих знакомых. Так, М.И. Ожегов – крестьянин Вятской губернии, отмечал, что «Ниву» духовенство выписывало «на паях», читали журнал «преимущественно женщины духовного звания, потому что [там было] приложение “Парижские моды”»[326]. Хотя чтение во вт. пол. XIX – нач. XX в. стало привычным занятием для всех слоев уральского населения и не было ограничено жесткими социальными, возрастными или гендерными рамками, все же наблюдались диспропорции в приобщении к книге городского, сельского и заводского населения из-за влияния общественного движения, экономических факторов и, конечно, довольно низ-

---

[324] ГАСО. Ф. 519. Оп. 1. Д. 32. Л. 15–17 об.

[325] Бердинских В. Указ. соч. С. 145–157.

[326] Ожегов М.И. Характеристика своего народа / вступ. ст. и коммент. А.И. Рейтблат // Чтение в дореволюционной России. М., 1992. С. 138–139.

кого уровня грамотности[327]. Эти диспропорции создавали дополнительную социальную напряженность в обществе, что было характерно для периода модернизации. Женщины из народной среды читали немного, и, хотя «молчаливое большинство» оставалось носителями традиционной культуры, в конце изучаемого периода в этой читательской группе появились активные читательницы, которым чтение помогало менять жизненные стратегии.

Е.С. Карпова
Киров, Вятский государственный университет

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МОНАХИНЬ И ПОСЛУШНИЦ СЛОБОДСКОГО ХРИСТОРОЖДЕСТВЕНСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

История повседневности в гендерном преломлении выявляет ряд небезынтересных ракурсов региональной истории. Микрособытия в таких специфичных сообществах как женские монастыри подчеркивают роль и место определенных условий (и женщин в них) в духовной жизни российской провинции. Показательным примером в этом плане является деятельность послушниц и монахинь Слободского Христорождественского женского монастыря Вятской епархии. Это была одна из самых значимых девичьих обителей в регионе. Известно, что в 1869 г. в обители была введена община только для старших монахинь, и певчих, всего на 60 чел. В начале XX в. обитель состояла из 320 сестер[328]. Главный труд жизни этих женщин — духовный. В молитвах проходило значительное время. Интересно, что в Вятском крае считались самыми доходящими до Бога молитвы именно монашек.

Помимо духовной жизни монахини и послушницы занимались физической работой. Помимо работы в поле или со скотом, уборки келий и территории монастыря послушницы занимались различными ремеслами на пользу монастыря и обеспечивали одну их доходных статей монастыря благодаря ремесленной работе. Хотя ремесленных мастерских в монастыре было не так много – живописная, позолотная,

---

[327] О данных по Уралу см.: Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): статист. очерки. М., 1956. С. 308–309.

[328] Кедрова С.М. Христорождественский женский монастырь в г. Слободском. // Вятские епархиальные ведомости. 1905. № 4. С. 218.

чулочная, ткацкая и золотошвейная, но они вполне сами и окупали все расходы на них, и давали небольшой доход. Так послушницы давали доход монастырю в год минимум по 5 руб. каждая. «Невесты христовы» не были в тягость местному обществу, обеспечивали себе аскетичное существование и приносили пользу городу Слободскому и материальную, и, более того, – духовную.

Но монахини не останавливались на достигнутом. Их трудничество приводило к усовершенствованию труда. Известно, что в 1893 г. обитель послала в Москву одну из послушниц – с целью научиться там шить золотом, благодаря чему возникла собственная золотошвейная мастерская; работало в ней в начале XX в. 10 чел., а с начинающими – и больше. В первое время монахини шили все мелкие изделия: пелены, пояса, облачения; шили сначала в свои монастырские храмы, а потом стали получать заказы и от других церквей.

По истечении некоторого времени рукодельные изделия послушниц достигли такого качества, что сестры стали шить ризы на иконы и плащаницы, где нарисованы живописью только лики. Эти работы требовали большого внимания, умения, но и приносили больший доход монастырю.

Кроме вклада в хозяйственное обустройство города Слободского монахини занимались просветительством, миссионерской работой. Так, женщины с высокой степенью религиозности находили себе место в истории региона, приносили значительную пользу местному сообществу. Но после 1917 г. в зданиях монастыря были устроены различные учреждения новой власти.

А.А. Поповкин
Лискинский филиал Воронежского Государственного Университета

СЛАВЯНОФИЛЫ И ЖЕНСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ: РОМАНТИКА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ (1858–1917 ГОДЫ)

Общение славянских народов в XIX в. часто изменялось по форме и содержанию. В первой половине столетия (если исключить военные события) оно было по преимуществу литературным. Романтический дух, объединявший славянских писателей и поэтов, способствовал появлению таких литературно-философских течений, как панславизм, иллиризм, русское славянофильство. Среди имён, украсивших летопись межславянского литературного общения XIX в., есть и женские –

Б. Немцовой, Н. Соханской (Кохановской), Е. Каравеловой, К. Джорджевич-Миловук.

Целью настоящего сообщения будет – проследить путь сотрудничества славянофилов и женских обществ славянского мира. Идеалы славянофилов были укоренены в Вечности, однако способы, при помощи которых идеалы воплощались в жизнь, принадлежали XIX в. В центре процесса развития всеславянской женской благотворительности в 1850–1870-е гг. находились Императрица Мария Александровна, супруга Александра II, а также Её сподвижницы А. Блудова и А. Аксакова (Тютчева). А. Блудова содействовала развитию славянского просвещения – сначала в компании с графинями Васильчиковой и Протасовой (их содружество получило в 1856–1857 гг. официальное признание), затем во взаимодействии со Славянскими комитетами.

Восточный кризис и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. предоставили русскому обществу возможность убедиться в твёрдости идеалов славянофильства, ради которых русские женщины – Анна Аксакова (учредившая приют для детей русских добровольцев – офицеров Сербской армии), Марфа Сабинина, Наталья Шаховская отдали множество сил и средств, а Юлия Вревская – и жизнь! Славянские комитеты (с 1877 г. – Общества) при содействии Императрицы Марии Александровны и Княгини Сербской Наталии координировали работу множества организаций – как в России (Дамские комитеты), так и на Балканах (Белградское Женское общество, общины сестёр милосердия). Дамские комитеты для помощи славянам в 1876–1878 гг. работали во мн. гор. России – в Москве (Дамское отделение Славянского комитета под руководством А.Н. Стрекаловой и О.Ф. Кошелевой), Петербурге, Гельсингфорсе, Варшаве, Тамбове. А.С. Суворин писал о Петербургском комитете: «Комитету разрешен тарелочный сбор во всех церквах епархиального ведомства»[329]. Во главе организации стояла Ольга Константиновна Граве (урождённая Всеволожская), совладелица стекольного завода. Комитет не только собирал деньги, но и занимался обустройством беженцев.

«К числу выдававшихся действий Тамбовского дамского комитета принадлежали: учреждения общины сестёр милосердия, сбор пожертвований в пользу герцеговинцев, помощь голодающим самарцам и

---

[329] Суворин А.С. Русск. календарь на 1876 г. СПб., 1875. С. 185.

моршанским погорельцам»[330]. Глава Белградского Женского общества Катарина Джорджевич-Миловук, просившая в 1875–1876 гг. московских славянофилов о содействии и получившая необходимые средства, сама была их воспитанницей.

После освобождения Болгарии внимание славянофилов в значительной мере переключилось на чешские и русинские земли Австро-Венгрии. 12 (25) марта 1903 г. во Львове состоялся Съезд русинских («русских») женщин. Председательницей стала А.А. Геровская – дочь русинского будителя А. Добрянского. Из Галиции и Буковины собралось 168 русинок. С программными докладами выступили Мария Лесковацкая и супруга известного галицкого политика-русофила госпожа Дудыкевич. После съезда во Львове возникло «Общество русских женщин», которое и возглавила М. Лесковацкая. Ремесленной школой при Обществе руководила чешка по происхождению Б. Гумецкая, жена директора канцелярии Ставропигийского института[331]. Общество русских женщин во Львове поддерживало контакты со Славянским обществом в Петербурге и Галицко-Русским Благотворительным обществом. В свою очередь Галицко-Русское общество образовало Дамский кружок. 7 февраля 1911 г. участник Славянского общества А.И. Соболевский произнёс на литературно-музыкальном вечере, устроенного этим кружком, речь «О русском народе в Австрии»[332]. В 1914 г. Славянское общество установило контакт с «Кружком русских девиц» во Львове[333].

Зимой 1916–17 гг. в канцелярию Общества поступило письмо от М. Гринёвой-Мариуца. Она была дочерью генерал-майора Н. Червонного, владелицей имения Зозулинцы Киевской губернии. Будучи глубоко верующим человеком (её духовником был архимандрит Виталий (Максименко) – выдающийся подвижник и будущий Архиепископ в РПЦЗ), попечительница Зозулинецкой (также встречается написание «Зозулинской») школы требовала от кандидаток на поступление в школу свидетельство от духовного отца, в самой школе хорошо было поставлено преподавание Закона Божия и церковного пения. При этом Мария

---

[330] Карцов П.П. Из прошлого. Ч. 1. 1831–1876. СПб. С. 473.

[331] Съезд «русских женщин» во Львове // Киевская старина. 1903. Май. С. 120.

[332] Галицко-Русское Благотворительное общество. Отчёт за 1911 г. СПб., 1912. С. 5.

[333] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп.1– 3. Д. 1625.

Николаевна всячески способствовала распространению научных знаний и методов ведения хозяйства. Она проводила эксперименты по внедрению в России новых с.-х. культур (например, перуванской вишни). Ещё в 1894 г. Гринёва-Мариуца совершила путешествие по Чехии с целью ознакомления с новыми методиками рыбоводства. В свою очередь чехи, сербы, хорваты, болгары осматривали павильон с экспозиции Зозулинской школы на выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г. В 1910-е гг. Мария Николаевна составила для воспитанниц школы славяноведческое пособие. В Зозулинцах в 1916–1917 гг. находилась часть имущества эвакуированной Почаевской Лавры, а также приют для русинских детей. Именно помощь приюту потребовалась зимой 1916–1917 гг., о чём мы узнаём из письма М.П. Гринёвой-Мариуца в Славянское Благотворительное общество. В корреспонденции из Зозулинцев от 22 февраля 1917 г. содержится брошюра о школе, а также письмо, в котором Мария Павловна просит Совет СБО прислать книги для учениц школы и воспитанниц приюта. Особенная потребность, с её точки зрения, была в русских грамматиках и в хороших драматических произведениях[334].

«Дочери Славы» – благотворительницы, о которых мы вспомнили, – доказали, что славянская взаимность есть не только романтическая мечта, но и реальность. Взаимодействие Славянских комитетов и обществ с женскими организациями России и Балкан плодотворно продолжалось в 1858–1917 гг.

М.А. Сергиенко
Белгород, Белгородский государственный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СЛУЖАЩИХ ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ УПРАВЛЕНИЙ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ (1860–1880 ГОДЫ XIX ВЕКА)

В центре внимания проблемы «история повседневности» – комплексное исследование повторяющегося, «нормального» и привычного, конструирующего стиль и образ жизни у представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на жизненные

[334] Там же. Оп. 3. Д. 138. Л. 9–15.

события и мотивы поведения[335]. Несомненно, исследование повседневной жизни не будет полным без характеристики трудовых будней индивида, т. к. выполнение должностных обязанностей было напрямую связано с семейной жизнью и бытовой атмосферой в семье. Поэтому, обращаясь к повседневной жизни представителей городских властей, хотелось бы остановиться, прежде всего, на трудовых буднях членов городских общественных управлений в конце XIX – начале XX вв.

Городская реформа 1870 г. создала совершенно новые по своему характеру и задачам учреждения. От состава городских общественных направлений напрямую зависело благополучие горожан, основные составляющие городской повседневности.

11 июня 1892 г. Александр III подписал указ о введении в действие нового Городового положения, получившего название городской контрреформы. Важное место в реорганизации общественного управления отводилось закону о выборах. С его помощью рассчитывали обеспечить такой социальный и имущественный состав избирателей, который с большей гарантией мог выделить из своей среды общественных деятелей, способных наладить эффективную работу дум и вместе с тем, не вызывавших сомнений в их полной лояльности существующему режиму.

Множество курьезов было связано именно с проведением выборов гласных и лиц, возглавляющих городские органы самоуправления. Все выборы проходили в определенные дни и часы в зданиях городских общественных управлений, где и собирались избиратели. После введения Городового положения 1892 г. избирательные кампании стали проходить более напряженно. Во-первых, это было связано с тем, что по новому избирательному закону при отсутствии деления избирателей на разряды проводили не три, а одно собрание. А повышение престижности общественных должностей и придание служащим городских управлений статуса государственных чиновников породили появление соперничающих группировок, стремившихся заручиться поддержкой избирателей. Случалось, что результаты выборов отменялись губернскими властями по жалобам «доброжелателей», усмотревших нарушения процедуры проведения выборов.

---

[335] Пушкарева Н.Л. **«**История повседневности» как направление исторических исследований**».** URL:http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280

В основном, жалобы касались фактов незаконного включения в списки тех или иных избирателей, а также нарушений самой процедуры. Не единичной являлась жалоба на то, что избиратели появлялись на выборах в нетрезвом виде. Одной из причин отмены проведенных выборов мог стать преклонный возраст служащих органов городских самоуправлений, так как это обстоятельство не могло не сказываться на качественном исполнении служебных обязанностей[336].

Общественное мнение по-разному оценивало деятельность органов общественного управления. Так, накануне выборов городского головы в Щиграх в январе 1898 г. «Курская газета» опубликовала заметку о положении дел в городе[337]. По мнению обывателей, нынешний голова проявлял истинную заботу в деле развития городского хозяйства, отличался активностью и серьезным отношением к делу. Но в думе сложилась сильная оппозиция, так как городской голова имел один существенный «недостаток»: не любил водить компании и не принимал дома «без доклада»[338]. В исследуемый период среди городских чиновников было принято наносить визиты и решать дела «в домашней обстановке». Это создавало угрозу избрания на должность головы человека, общающегося «по-простому», но не имеющего достаточным навыков и умений в деле ведения городского хозяйства. Таким образом, срабатывал стереотип избирателей, которые предпочитали видеть на посту главы города человека, который будет проводить много времени за чаем в приятных разговорах.

Кроме того, на должность городских голов часто избирались именно те представители городского управления, которые находились в его составе в течение длительного времени. По мнению редакции газеты «Курская быль» здесь прослеживалась связь между формированием привычек, как в частной жизни, так и проекция их на жизнь общественную[339].

В качестве позитивных изменений можно отметить, что обыватели не оставались равнодушными к положению дел в городах. Жаловались как посредством прямого обращения к губернским властям, так и

---

336 ПСЗ РИ. Собр. 3. № 8708 от 11 июня 1892 г. Городовое положение. Т. XII. Ст. 118.

337 Курская быль. 29 апреля 1915. № 104. С. 3.

338 Там же. 1 января 1915. № 1. С. 1.

339 Там же. 3 января 1915. № 2. С. 1.

с помощью прессы. Показательна в этом деятельность публициста, общественного деятеля гласного белгородской городской думы статского советника П.И. Барышникова, который являлся издателем редактором и автором большинства очерков газеты «Белгородские силуэты». На страницах газеты высмеивали чиновников, погрязших в бюрократизме и взяточничестве. Постоянными героями очерков издателя были гласные белгородской городской думы. Главной мишенью для критики был городской голова И.Г. Муромцев.

Таким образом, реализация городских реформ XIX в. предоставила горожанам большие возможности для проявления общественной активности. Включение обывателей в состав городских общественных управлений существенно меняло их повседневную жизнь. В процессе реализации реформ на первое место стали выходить такие качества гласных, как профессионализм и компетентность. Реализуя право на участие в избирательных компаниях, горожане имели возможность влиять на структуру городской повседневности. Особенно в заштатных городах значительно повысился авторитет служащих городских самоуправлений. Это обстоятельство повлияло на избирательную активность горожан и предопределило усиление напряженности проведения избирательных компаний. Сама процедура выборов зачастую сопровождалась курьезными случаями. А широкий круг компетенций членов городских дум и управ нередко порождал преступления по должности. Здесь также сказывалось обстоятельство совмещения в одном лице руководителя исполнительной и распорядительной властей, что осложняло критическое восприятие результатов деятельности городских дум и управ. Однако в исследуемый период повышается общественное сознание городских обывателей, о чем свидетельствует неоднозначное отношение к профессионализму деятелей городских общественных управлений и стремление к выражению мнения посредством обращения к вышестоящим органам власти либо же через местную печать.

О.В. Ванюшина
Тверь, Тверской государственный технический университет

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИН – ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ В ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1881–1917 ГОДАХ

В конце XIX – начале XX в. считалось, что сферой деятельности женщин является семья, а не публичная сфера, включающая мир по-

литики, права, экономики. Между тем в это время некоторая часть женщин из «образованного общества» занимала активные позиции в революционных организациях и партиях. Многие из них за свою деятельность понесли наказание: высылались в Сибирь, в отдаленные или во внутренние губернии России, попадали под надзор полиции. К числу мест ссылки была отнесена и Тверская губерния.

Ссылка, как мера наказания, в первую очередь, была связана с изменениями повседневной жизни высылаемого. Правительство, преследуя цель перевоспитания «государственного преступника» понимало, что изменения повседневности всегда воспринимаются болезненно, они более заметны и ощутимы. Целью созданной системы ссылки было стремление добиться переосмысления поднадзорными своей общественно-политической позиции, путем привлечения к решению бытовых проблем отвлечь ссыльных, снизить степень их политической активности. В этой связи перспективным является исследование материального положения, трудовой занятости, условий проживания женщин – политических ссыльных в Тверской губернии, а также особенностей адаптации ссыльных женщин в месте водворения.

Административная политическая ссылка во внутренние губернии России как довольно мягкий способ наказания, по сравнению, например, с каторжными работами, предусматривала условия жизни поднадзорных, приближенные к быту свободного человека. Это проявлялось в отсутствии четкого распорядка дня, возможности отбывать срок надзора среди благонадежных людей, общаться с ними в определенных рамках, пользоваться аналогичными благами. Но, несмотря на некоторые послабления, система полицейского надзора предусматривала ряд ограничений свободы, которые создавали особые условия, отличные от жизни всех социальных групп российского общества. Тем самым постепенно формировалась особая прослойка, повседневная жизнь которой заметно отличалась от быта остальной части страны.

Оказавшись в месте водворения, ссыльные женщины сталкивались с непривычными социально-экономическими условиями и тратили много времени и сил, чтобы включиться в новую жизненную ситуацию.

Жизнь в ссылке, вдали от привычного образа жизни, тяжело переносилась поднадзорными женщинами. Это были сложности, как психологического порядка, связанные с изолированностью женщин – политических ссыльных от центров культурной жизни, так и материальные трудности. Власти, пытаясь отвлечь государственных преступни-

ков от противоправительственной деятельности, перекладывали на них заботы о средствах существования в непривычных экономических условиях, которые усугублялись правительственными ограничениями. Женщины-политические в Тверской губернии испытывали трудности в поиске работы, дающей средства к достойной жизни в ссылке. Большинство ссыльных женщин имели либо педагогическое образование, либо медицинское и в месте ссылки пытались применить уже имеющиеся у них профессиональные умения и навыки. На этом этапе у поднадзорных возникали первые трудности. Положение о полицейском надзоре, запрещало ссыльным работать по данным специальностям[340]. Таким образом, под законодательные ограничения попала основная сфера профессиональной деятельности женщин – политических ссыльных. Большинство женщин так и не смогли найти постоянного способа заработка.

Ситуация осложнялась еще тем, что женщины, высланные в Тверскую губернию были лишены государственной поддержки в виде казенного пособия. В соответствии с циркуляром МВД от 30 декабря 1898 г., лица подчиненные гласному надзору полиции в избранном месте жительства не имели права на получение пособия от казны[341]. Большинство же женщин – политических ссыльных в Тверской губернии относилось к этой категории ссыльных. Во-вторых, часть ссыльных получала помощь от родственников или друзей и в этом случае, по мнению властей, в пособии не нуждалась. И, в-третьих, с точки зрения местной администрации, ссыльные в Тверской губернии при желании могли устроиться на работу. Если пособие выдавалось, то лишь в исключительных случаях, когда материальное положение ссыльной было особенно сложным.

Нам удалось обнаружить лишь три случая выплаты казенного пособия ссыльным женщинам в Тверской губернии. Так, Елизавета Титова, высланная в Тверскую губернию из С.-Петербурга в 1882 г. за революционную пропаганду среди Петербургских рабочих, получала пособие за ноябрь и декабрь 1882 г. в размере 6 руб. в мес.[342]. Также

---

[340] ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 2. СПб., 1886. С. 84–87.

[341] ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 11976. Л. 15–15об.; ГАРФ. Ф. 102. Д. 3. Л. 1904; Д. 81. Л. 49; ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 13541. Л. 16.

[342] ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 9169. Л. 3об.–4.

были удовлетворены ходатайства о назначении пособия М. Ганцевой и А.Ефимовой в виду их крайне бедственного материального положения[343].

В итоге такая политика государства, с одной стороны, действительно заставляла сосредоточиться на выживании, но с другой вела вовсе не к умиротворению политических ссыльных, а наоборот, всячески настраивала их против власти, увеличивала их ненависть к ней.

Следует отметить существование различий в уровне материальной обеспеченности ссыльных женщин. Материальное положение ссыльных, принадлежавших к состоятельным слоям общества и получавших денежную помощь от родственников, было более стабильным, нежели тех, кто такой помощью не пользовался. В целом, ссыльные женщины, имеющие доход в размере 13–16 руб. в мес., при разумной экономии могли обеспечить свою жизнь. Ситуация еще более осложнялась, если женщина приезжала с детьми. В этом случае она должна была обеспечивать средствами, как себя, так и свою семью. Дети испытывали на себе все тяготы, связанные с тем, что они являлись детьми «государственных преступниц». Особо бедствующим поднадзорным оказывали помощь нелегальные организации, существовавшие в Тверской губернии, такие, как «Красный Крест», касса ссыльных.

Размеренность уклада жизни провинциальных городков резко контрастировала с быстрым темпом жизни столиц. Поэтому ссыльные женщины вдали от привычных культурных и промышленных центров России, более всего страдали от вынужденного бездействия, от размеренной и неторопливой провинциальной жизни и отсутствия знаковых событий. Так, В.И. Дмитриева, высланная в г. Тверь в 1887 г. за участие в студенческих волнениях, писала: « … молодежь, еще не нашедшая своего призвания, – с трудом переносила томительную скуку дней и в поисках сильных впечатлений иногда устраивала шумные и бурные вечеринки с песнями и плясом. Конечно, особенно сильных впечатлений от этого не получалось: напротив, на другой день становилось еще непереноснее ссыльная жизнь с еженедельными визитами в полицию, с непрерывной слежкой за каждым твоим шагом,

---

[343] ГАРФ. Ф. 102. Д. 3. Л. 1904; Д. 81. Л. 51, 68; ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 12072. Л.18 об.

с городовыми, торчащими на дворе, со звоном жандармских шпор под окнами, когда собирались вместе несколько человек»[344].

Круг общения ссыльных был достаточно узким. Они поддерживали тесное общение между собой, с местными политически неблагонадежными лицами, а также с земскими деятелями.

И.Ю. Трушкова

Киров, Вятский государственный университет

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЫТОВОГО ПОВЕДЕНИЯ СТОЛЫПИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ (ЭСТОНЦЕВ И ЛАТЫШЕЙ) В СЕВЕРНОМ ВЯТСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ В XX ВЕКЕ

В 1906–1912 гг. в рамках проведения столыпинских аграрных преобразований происходило активное переселение крестьян из Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний в пограничье Вологодской и Вятской губерний. Здесь они разрабатывали участки леса, гораздо бóльшие по площади, чем на родине, и примерно в 2–2,5 раза больше, чем у живших южнее крестьян Вятки. Материалы этнографических экспедиций приводят к выводу, что культурная адаптация к местным таежным условиях происходила специфично, в том числе – и в гендерной сфере.

Прежде всего, выявлялись особенности при воспроизводстве на новом месте жительства хозяйственных технологий в мужском и женском труде. В традиционном земледелии последовательность операций по обработке земли включала значительные подготовительные работы, и не только в первые годы, когда приходилось расчищать место для поля от леса[345]. Тяжелые суглинистые почвы эстонские и латышские крестьяне были вынуждены пропахивать по нескольку раз в год, так же, как и местные землепашцы. В других мужских хозяйственных практиках быстрее развивались именно те, которые имели больше аналогий с исторической родиной. Среди них – рыболовство, промыслы, в том числе – и отхожие, работа на железной дороге. Причем

---

[344] Дмитриева В.И. Так было (Путь моей жизни). М.; Л., 1930. С. 243.

[345] Здесь и далее – мат-лы экспедиции ВятГУ, Вятского-археолого-этнографической экспедиции1998–2011 гг.

в этих видах работ эстонские и латышские мужчины уже в 1910–30-е гг. применяли «ноу-хау» – специфичные виды блесны, «механизмы» (двигатели); они достаточно рано стали продавать дары леса на станции, в то время как у местных крестьян продажа крестьянской продукции стала развиваться примерно в середине XX в.

При строительстве жилых и вспомогательных помещений прибалтийскими крестьянами воспроизводилось максимум традиционных черт, поэтому дома и другие постройки на хуторах (а не в деревнях) весьма сходны с теми, что были распространены в западных губерниях.

В общении на бытовом уровне мужчины-переселенцы достаточно долго использовали родной язык, однако отходничество способствовало большему использованию русского языка. Старожилы вспоминают, что латышские мужчины начинали говорить по-русски чисто, без акцента еще и потому, что некоторые из них в послереволюционные годы уезжали в город Вятку, чтобы вступить в ряды отрядов красных латышских стрелков, устанавливавших в регионе на протяжении 1918–1919 гг. советскую власть.

В религиозном смысле мужчины-переселенцы продолжали оставаться верующими, но, судя по опросам, верили в бога не напоказ и объясняли это неким прагматизмом.

Разумеется, с мужской моделью воспроизводства традиций столыпинскими переселенцами в вологодско-вятском пограничье определенным образом соотносилась модель женских повседневных практик. В ней выделяются следующие показательные черты.

Прежде всего, в «женских» видах работ числились уборка урожая в поле, уход за домашним скотом, но пышным цветом расцвело ткачество, прядение шерсти и вязание. Экспедиционные материалы включают рассказы о значительном мастерстве латышских и эстонских женщин в вязании узорных шерстяных вещей, в ткачестве полушерстяного и полностью шерстяного сукна. Показательны такие описания: «... ткань получалась такая тонкая и такая ровная, что даже в последующие годы внучка не верила, что вручную, а не фабрике сделана...», или: «... ой, мы с соседкой, она тоже эстонка, часто переговаривались по-эстонски с одного огорода на другой, и при этом постоянно вязали, постоянно носили с собой вязку в кармане фартука. Доходило до того, что руки и пальцы уже сами делали нужные движения, а мы знай переговариваемся. И ведь никаких петель не спускали, и рисунок правильно вывязывали...».

Женщины рассказывали, что им по наследству передавались рецепты традиционных прибалтийских блюд. Акцент при этом делался на рассказы про посадку, заготовку и приготовление блюд из капусты. Показательно, что местные русские жители капусты употребляли меньше, а столь массово как столыпинские переселенцы эту огородную культуры в начале XX в. в Вятском крае выращивали только в подгородных территориях, причем тоже – женщины. Так, с эстонскими и латышскими женщинами связывается как воспроизведение традиций родины, так и достаточно новые виды хозяйственной деятельности.

Женщины следили за интерьером дома, шили одежду. Они любят вспоминать, как пели песни на Лиго, как устраивали праздники летом «... как у местных людей посиделки или вечерки, но летом и всю ночь, до утра...». Они больше помнят песен на родном языке, у них больше воспоминаний о годах учебы в школе и изучении русского и эстонского языков.

Обращает на себя внимание брачная ситуация среди переселенцев и их потомков. Как правило, мужчины эстонцы или латыши женились либо на женщинах своей национальности (в 20–30 лет), а в более позднем возрасте – на живущих здесь переселенках белоруских и местных русских крестьянках. При этом женщины эстонки или латышки старались выйти замуж за мужчину своей национальности или, в крайнем случае, за «своего, но победнее...».

Таким образом, в культурной адаптации переселившихся в вологодско-вятское пограничье эстонцев и латышей выявляются не только направления и особенности культурной адаптации на новом месте жительства, но и гендерные – «мужские» и «женские» – модели в ней.

Е.Ю. Дубровская
Петрозаводск, Институт, языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН

РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ В ФИНЛЯНДИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: МУЖСКОЕ СООБЩЕСТВО В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ (1914–1918)

Изучение аспектов армейской и флотской повседневности в период войны позволяет представить ту реальность, в которой оказались миллионы вчерашних гражданских людей, мобилизованных под ружье, и которая, начиная с августа 1914 г., на долгие годы предопределила образ жизни и образ мыслей самых различных слоев российского

общества. Как отмечают исследователи различных аспектов мужской гендерной роли в конкретных социокультурных условиях, выявление специфики поведения мужчины в экстремальных ситуациях, среди которых война и вооруженные конфликты занимают особое место, остается актуальным направлением в изучении феномена «мужского» в культуре[346].

Учитывая сложность и дискуссионность вопросов о структуре и содержании понятия «повседневность», предполагающего аналитический подход к истории меняющегося человека в его обыденных заботах[347], целесообразно обратиться к проблеме военного быта, поведения, нравов и морали российских офицеров, солдат и матросов. Материалы, обнаруженные в Архиве фольклора Финского Литературного Общества, дают возможность увидеть российских военных глазами финляндцев, как правило, их младших современников, правда, почти через полувековую толщу времени[348].

Понятная для военнослужащих российских войск и признаваемая ими «отеческая» репрессивность традиционалистического общества[349] в глазах финляндцев становилась фактом, из ряда вон выходящим и запоминающимся на всю жизнь. Рукоприкладство начальства и придирки, особенно со стороны младших командиров, по причинам, подчас весьма далеким от дел службы, нередко становились причиной дезертирства нижних чинов. В частях, размещенных на российско-шведской границе, оно приняло форму бегства солдат в соседнюю Швецию[350].

---

[346] Куприянов П.С. В чужом плену: европейцы за пределами Европы. По материалам рубежа XVIII–XIX вв. // Социальная история. Ежегодн. 2007. М., 2008. С. 303–334; Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; Соколова И.В. Экстремальные ситуации на войне и после войны (память и текст) // Мужской сб. С. 188–198 и др.

[347] Пушкарева Н.Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодн. 2007. С. 35.

[348] Дубровская Е.Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны. Петрозаводск, 2008.

[349] Булдаков В.П. «Другая» революция: пути и возможности переосмысления Октября // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 253–254.

[350] Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии). «Русские военные бумаги». 342: 1. Д. 6064. «О бегстве нижних чинов в Швецию».

Порой у населения финляндского княжества возникали конфликты с казаками, ведь «сначала те считали, что пришли во вражескую страну», однако «вскоре под воздействием своего начальства стали вести себя пристойно». В дальнейшем отношения населения и русских «были мирными»: местные жители «не хотели иметь дел с саперами и казаками», однако кое-кто из женщин с ними общались, поскольку «позже в нашем приходе появились казачата», – вспоминал уроженец г. Выборг Х. Хови[351]. Между военными и местными жительницами было заключено несколько браков, но более распространенными были кратковременные связи – явление, получившее название «русские невесты» и становившееся в финляндских коммунах серьезной проблемой. По воспоминаниям жителей прихода Лиллкюро, каждое воскресенье в деревне устраивали танцы, где «девушки весьма грубо обращались с русскими», в частности, и из-за того, что в Лиллкюро «после них осталось несколько младенцев»[352].

Как свидетельствует уроженка Выборга Э. Ойнонен, которая в 1917 г. 20-летней девушкой работала няней у детей городского судьи и проживала в его семье, в городе «...было много русских солдат, которым одни симпатизировали, другие их ненавидели». Любопытно пояснение, сделанное автором воспоминаний: «В особенности финские служанки любили исключительно их, потому что на внешность они были красивые, подтянутые, и вежливые, обходительные. Я, конечно, не собиралась с ними общаться, ведь у них были жены и дети в России, а многим девушкам пришлось плохо, когда эти отношения закончились»[353].

Конфликты с населением бывшего Великого княжества из-за преследования жительниц Финляндии со стороны рядовых военнослужащих многократно увеличились в обстановке «вседозволенности», сопровождавшейся падением дисциплины в войсках после Февральской революции 1917 г. В письмах, поступивших в эти дни редакцию «Известий Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабо-

---

[351] SKS KRA, Side 4: 175–176,179.

[352] Luntinen P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki, 1997. P. 407.

[353] SKS KRA, Side 22: 1.

чих», постоянно звучали призывы солдат и матросов к их товарищам не бросать своим поведением тень «на юную революционную свободу»[354].

И.Ю. Моисеева на материале писем участника Первой мировой войны, хранящихся в Научном архиве Национального музея Республики Коми, отмечает весьма распространенные опасения военнослужащих по поводу венерических заболеваний. Эти опасения сдерживали от соблазна беспорядочных отношений, с отсутствием которых приходилось мириться фронтовикам. При размещении войск в гарнизонных городах Финляндии, не ставшей театром военных действий, такая мотивация к воздержанию срабатывала меньше.

Невзирая на обвинения в адрес матросов, пораженных «гостеприимчатой болезнью», и во избежание обид со стороны жительниц города «за непристойное приставание к женщинам наглых мущин», читатель гельсингфорсских «Известий», подписавшийся лишь инициалом, выступил с необычным предложением. Поскольку в годы войны «в Гельсингфорсе проституток развелось очень много, а матросов, солдат и рабочих мущин масса», автор письма в редакцию, оставшегося, правда, неопубликованным, посоветовал «всем женщинам честным носить заметку о честности: белую ленту на правом рукаве» или «принять какие-либо другие меры честным женщинам», и объявить в газетах о принятых мерах, позволяющих «отличить честную женщину от проститутки».

Исследование влияния «военного фактора» на жизнь населения «своей» / «чужой» территории, какой воспринималась Финляндия как в Российской империи, так и после падения самодержавия, в заключительный период финляндской автономии в составе Российского государства, открывает перспективы для изучения истории повседневной жизни рядовых и их офицеров в экстремальных обстоятельствах Первой мировой войны.

Л.А. Дашкевич
Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СЕМЬИ ГОРНОГО ИНЖЕНЕРА В ВОСПОМИНАНИЯХ СОФЬИ ГЕРМАНОВНЫ ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО

В 2001 г. в Екатеринбурге были опубликованы воспоминания известного инженера и ученого-металлурга Владимира Ефимовича Грум-

---

[354] РГА ВМФ. Ф. Р–315. Оп. 1. Д. 21. Л. 28–29.

Гржимайло и его супруги Софьи Германовны, незаурядных людей, которые соединили свои жизни в 1895 г. и прожили вместе 33 года. Подытоживая прошлое, супруги выделили самое важное в своей жизни. Для Владимира Ефимовича – это научно-техническое творчество и служба на заводах, о быте и порядках в своей семье он упоминает крайне редко. Для Софьи Германовны, напротив, семейная жизнь была значимой, ее она освещает наиболее подробно, осознавая, правда, как это и было принято в дворянской среде, и свою гражданскую роль в обществе. «Я всегда любила общество, а потому меня тянуло на общественную арену деятельности», – писала она[355]. В 1896–1902 гг., когда семья жила в Верхне- и Нижнесалдинских заводах, С.Г. Грум-Гржимайло организовала для служащих и рабочих музыкально-драматический кружок. Помимо этого, она была попечительницей местной церковно-приходской школы, сама с удовольствием играла в заводском театре. В 1902–1907 гг., во время службы мужа на Алапаевских заводах, Софья Германовна основала благотворительное общество, опекала открытые им в заводском поселке приют и богадельню.

Жизненный мир Софьи Германовны Грум-Гржимайло был многообразен, но главное свое внимание она отдавала семье и детям. Любопытно, что распределение семейных ролей было оговорено еще перед заключением брака. Софья Германовна вспоминает, что будущий муж в беседе перед свадьбой просил принять правила, которые, как он считал, станут залогом их счастья. «Первое – почтение и уважение родителям. Я буду только тогда счастлив, – говорил он, – когда моя мать и твои родители будут считать наш дом своим и мы сможем покоить их старость […] Второе – я беру на себя обязанность создать для тебя и вообще для нашей семьи такие условия, чтобы было легко и приятно жить. Деньги добываю я, а ты их благоразумно расходуешь. Все деньги, что я зарабатываю, отдаю тебе […] Третье – между нами не должно быть никаких недоразумений, должна быть полная договоренность. Если мы не сможем договориться, кто-нибудь уступает. Сегодня ты, завтра я […] Четвертое – хозяйство должно вестись так, чтобы я мог в любой день привести к обеду или завтраку двоих без предупреждения, если больше, то я должен предупредить. Вообще я хо-

---

[355] Владимир и Софья Грум–Гржимайло. Секрет счастливой жизни. Книга для семейного чтения. Екатеринбург, 2001. С. 268.

тел бы, чтобы наш дом был гостеприимным и чтобы гостей всегда любезно встречала моя дорогая хозяюшка […] Пятое – так как моя дорогая хозяюшка с примесью немецкой крови, то желательно было бы, чтобы с первых дней нашей совместной жизни определен был маленький процент с жалованья для помещения в банк на сберкассу»[356].

Софья Германовна согласилась и верно соблюдала эти патриархальные условия. Единственным недоразумением, которое осложняло взаимопонимание супругов, были разные взгляды на методику воспитания детей. В Горном кадетском корпусе, где учился Владимир Ефимович, в ходу был розги, в родительской семье у него также часто употреблялись «подшлепники». Софья Германовна считала такие приемы воспитания недопустимыми: «У нас с Володей чуть ли не с первых дней появления детей начался разлад. Я требовала, чтобы Володя не смел повышать голоса при виде их шалостей, непослушания и вообще неповиновения и тем более, чтобы не давал рукам своим воли. Система страха – антипедагогический прием. Эта система развивает в ребенке ложь, изворотливость, скрытность и упрямство, а порой парализует волю – одно из ценных качеств у людей. Нужно спокойствие, терпение, добрый пример, ласка, убеждение и свобода»[357].

Каждый раз, когда муж «срывался» и переходил допустимые границы наказания, Софья Германовна устраивала ему «семейную сцену», замыкалась, не разговаривала, а однажды, после телесного наказания трехлетнего сына и вовсе уехала к родителям. Владимир Ефимович явился за ней через неделю, состоялся тяжелый разговор и супруги достигли примирения после обещания мужа ни в коем случае не бить детей. Домашнее воспитание, как пишет Софья Германовна, после этого полностью перешло в ее руки. Она, правда, тоже пошла навстречу требованиям мужа и согласилась с тем, что детей нужно растить так, чтобы отец не имел повода их наказывать.

После этого конфликта порядок в семье был установлен следующим образом: когда папа был дома и работал, дети находились в своих комнатах и вели себя тихо, чтобы ему не мешать, когда же отец уходил на заводы, они играли во всех комнатах под наблюдением бонны-немка. Для наказания детей служил «умный стул», куда прови-

---

[356] Там же. С. 166.

[357] Там же. С. 220.

нившихся усаживали для того, чтобы они могли посидеть и подумать, что же сделали дурного, после чего следовала беседа с матерью. Софья Германовна отмечала, что «умный стул» действовал прекрасно, дети всячески старались избегать этого наказания.

Необходимым атрибутом воспитания девочек (их в семье было двое) С.Г. Грум-Гжимайло считала формирование их женственности, или, как она говорила «женской логики». Девочек отправляли в совместные школы для того, чтобы они могли научиться общаться с мальчиками, приобрели самостоятельность и твердость характера. У старшей дочери, Маргариты, правда, в этом отношении был «неудачный» опыт. В классе учились 27 мальчиков и лишь 3 девочки, поэтому, как считала Софья Германовна, «мужское влияние» в коллективе преобладало, дочка «огрубела» и получила психику с «мужским уклоном». Впоследствии Маргарита окончила медицинский институт, но врачом проработала недолго, через два года она перешла в геологическую партию и стала специалистом по вечной мерзлоте. У младшей дочки, с точки зрения матери, сложился более правильный характер: «Из нее вышло до некоторой степени похожее, что мне рисовалось, какой должна быть современная женщина при «равноправии». У нее твердый характер, она настойчива, требовательна, в некоторых случаях педантична, например, к своим служебным обязанностям, инициативна, а с другой стороны, любит повеселиться, любит принять гостей, одеться по моде, пококетничать, пофлиртовать»[358]. Софья Владимировна Грум-Гржимайло обучалась уже в советской школе, она стала физиком-кристаллографом, получила степень кандидата физико-математических наук.

Говоря о «равноправии» женщины, Софья Германовна не вполне принимала толкование этого термина в Советском Союзе (умерла С.Г. Грум-Гржимайло в 1949 г., прожив достаточно долго в новой стране). «Я всегда считала и считаю, что должно быть равноправие, только это слово не выражает того понятия, которое требуется. Женщина никогда не может быть равна мужчине уже по одному тому, что женщина рожает ребят», – писала она[359]. Впрочем, Софья Германовна признавала

---

[358] Там же. С. 236.

[359] Там же. С. 235.

и то, что «жизнь двигается вперед, общественные устои меняются, меняются и взгляды на многие вещи»[360].

Н.А. Родионова

Москва, Нац. иссл. университет «Высшая школа экономики»

ЖЕНСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ЭМИГРАЦИИ: ВТОРЖЕНИЕ В ПАТРИАРХАТНЫЙ МИР И ПРОБЛЕМЫ БЕЖЕНСКОЙ СЕМЬИ

Большинство беженцев принадлежало к консервативным слоям населения, для которых была характерна патриархатно-авторитарная система отношений со строгой половозрастной иерархией семейной жизни, то есть женщины находились в психологической, социальной и экономической зависимости от родителей или мужа. В условиях эмиграции семья, с одной стороны, унаследовала прежний авторитарно-патриархатный стиль внутрисемейных отношений, а с другой – стремительно модернизировалась под воздействием трансформационных социокультурных импульсов инокультурного окружения.

Во всех странах, куда прибыли беженцы, существовал большой спрос на женский труд, поэтому большинство женщин были вынуждены были помимо традиционных социальных ролей жен и матерей, играть не свойственную большинству из них роль добытчицы, вносящей свою лепту в семейный бюджет. В эмиграции женщины оказывались в особенно тяжёлом положении: они лишились не только материальной, но и психологической опоры, утрату которой не компенсировало даже наличие какой-либо профессии. И хотя «русская женщина в особом роде суфражизма не нуждалась», однако роли жены и матери по-прежнему оставались приоритетными во всех слоях русского общества и в начале XX в., и свою вынужденную занятость вне семьи женщины оценивали негативно.

В Болгарии из 4 110 женщин в 1925 г. лишь 1 300 (то есть 30%) содержали их мужья, в то время как 2 500 (60%) имели самостоятельный заработок. По данным Отдела труда в Югославии в 1920 г. среди русских эмигранток лишь 3,7% женщин были домашними хозяйками, в то время как в 1914 г. домашним хозяйством занимались 18,1% женщин. Вынужденное включение русских женщин в общественную жизнь не могло не отразиться на семейной жизни беженцев: происходит демо-

---

[360] Там же. С. 268.

кратизация семейных отношений, изменение функциональных нагрузок супругов в семье.

Эмиграция обусловила не только социально-экономический контекст жизни семьи, повлияла на характер и способ ведения домохозяйства, на внутрисемейные отношения, но и предопределила демографическое поведение, а значит, структуру и размер семей.

Данные демографических исследований русских эмигрантских семей в Белграде в сравнении с демографическими данными, касающимися местных семей, опубликованные А.А. Солонским в середине 30-х гг., говорят о кризисном состоянии русской беженской семьи, условия существования которой отличались от нормальных общественных стандартов. Вынужденная эмансипация русских женщин в эмиграции дестабилизировала русскую семью.

О дестабилизации семьи свидетельствует увеличение количества разводов и «бесплодность» русских браков. Развод стал основным способом решения внутрисемейных проблем. Если среди местного населения процент разведённых невест (то есть вступающих во второй и третий брак) составлял 4,63%, то среди русских – от 11, 36 до 15,90%, причём третий брак у русских встречался чаще, чем у местного населения.

Если в русской семье в среднем на 100 браков приходилось в среднем 86 деторождений, то в местных семьях – 180. Негативный демографический баланс русской семьи в эмиграции (количество родившихся детей у русских беженцев было меньше, чем заключённых браков) свидетельствовал о неустойчивости русской семьи. В свою очередь, известно, что малодетность не способствует укреплению семьи, многодетные браки более устойчивы.

Показательно, что даже в условиях катастрофы жизни на чужбине русские по-прежнему сохраняли высокие нравственные устои: внебрачная рождаемость ещё не стала нормой жизни: число родившихся вне брака среди русских, по данным, ничтожно: от 4,8% до 2, 16%, в то время как среди местного населения –13%, и при этом, в отличие от русских, имела тенденцию к росту.

Что касается поведения женщин, отклоняющегося от общественных стандартов, то многие женщины были вынуждены заниматься проституцией, чтобы содержать детей, родителей и даже мужей. В меморандуме секретариата Лиги наций, касающегося положения русских женщин на Дальнем Востоке, прослеживается тесная связь между безработицей русских мужчин и женской проституцией. По данным

секретариата, из 85 русских женщин, занимающихся проституцией в Шанхае, 55% были вынуждены прибегнуть к этому занятию, чтобы обеспечить средства существования своим семьям, 40% стали проститутками в результате революционных потрясений в России и лишь для 5% женщин занятие проституцией было профессией на родине, в России, ещё до приезда в Шанхай. В качестве главного средства борьбы с проституцией признаётся обеспечение работой мужчин.

Демократизация семейных отношений приводила к снижению роли семьи в социализации детей. Даже при наличии родителей 60–70% детей находили приют в интернатах, поскольку зачастую бытовые условия жизни учащихся в их семьях складывались неблагоприятно для их морального и духовного развития. Вследствие разобщённости эмигрантской нуклеарной семьи, отсутствия «института бабушек», от которых в большой степени зависела ретрансляция национальной культуры в условиях занятости женщин, утрачивалась национальная традиция воспитания: ребёнок не получал «инъекцию» национального, народного в виде сказок, песен, баловства и т.д. Дети, не успевшие впитать русскую культурную традицию, образ мышления и духовность своей покинутой родины, оказывались погружёнными в мотивационно-смысловой хаос. Западные материально-потребительские и индивидуалистические стандарты вступали в противоречие с ценностями русской традиционной культуры, что усугубляло межпоколенческий конфликт отцов и детей в эмиграции.

Вынужденная занятость женщин, продиктованная нищенским существованием в изгнании, демократизация семейных отношений и связанная с этим утрата эмпатии, эмоциональной насыщенности супружеских отношений, характерные для православной семьи, привели к её трансформации. Семья становится неустойчивой, малодетной, что усугубляло её неустойчивость. Нищенское существование зачастую делало невозможным реализацию главной функции семьи – воспитание детей. О кризисе русской семьи в эмиграции свидетельствует изменение нравственно-этических норм, устоявшихся представлений о семье, нестабильность браков, когда нормой становится неполная семья, снижение рождаемости и утрата семьёй функции трансляции социальных ценностей от поколения к поколению.

Г.И. Старченко
Белгород, Белгородский гос. национальный исследовательский ун-т

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПЕРЕЛОМНУЮ ЭПОХУ НАЧАЛА XX ВЕКА

Очередная чистка служащих советских учреждений с «темным» прошлым на рубеже 20–30-х гг. XX в. в провинциальном городе инициировалась газетой Белгородского окружного комитета ВКП(б), окрисполкома и окрпрофбюро. Для сюжета безымянных пасквильных сочинений избрали в социально-правовом отношении наиболее незащищенную категорию «бывших» или «людей старого мира». Благодаря анонимным публикациям рубежа 20–30 гг. XX в. в центре внимания городских обывателей и оказалась одна из таких белгородских семей «бывших» – семья Курчениновых-Барковских[361]. К счастью, история семьи Курчениновых-Барковских не прервалась в 30-е гг. XX столетия, а нашла свое яркое продолжение в биографии Героя России Владимира Борисовича Барковского. 15 июня 1996 г. указом президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина ему присвоена высшая награда «Герой России» с лаконичной формулировкой: «За успешное выполнение специальных заданий по обеспечению государственной безопасности в условиях, сопряженных с риском для жизни, проявленные при этом героизм и мужество»[362].

В момент награждения высшей государственной наградой современной России уроженцу города Белгорода В.Б. Барковскому исполнилось 82 года. Настоящее исследование является начальным этапом в написании научной биографии малоизвестного для большинства проживающих в современном Белгороде, где на аллее Героев в парке Победы установлен в 2005 г. бюст Герою России Владимиру Борисовичу Барковскому.

Первые ценные сведения о В.Б. Барковском содержатся в метрических книгах Покровской церкви г. Белгорода, сохранившихся до наших дней в ГАБО. Запись регистрации актов гражданского состояния

---

[361] Бывшие люди живут да поживают // Белгородская правда. Белгород, 1929. 28 сентября, № 224 (329) С. 5.; Люди старого мира распоясались. Укротим их законом пролетарской диктатуры! // Белгородская правда. 1930. 14 февраля, № 38 (445). С. 6.

[362] Барковский В.Б. URL: http://svr.gov.ru/history/person.htm

приходской книги за 1913 г. за № 42 посвящена Барковскому Владимиру Борисовичу[363]. Именно она является первым и достоверным свидетельством в биографии будущего Героя России. На регистрации акта гражданского состояния в церкви во имя Покрова Богородицы присутствовали родители Володи – отец поручик 31 артиллерийской бригады Борис Владимирович Барковский и мать Екатерина Анатольевна.

В архивных материалах церковной документации Покровской церкви г. Белгорода рядом с первичной записью о рождении и крещении В.Б. Барковского сделана более поздняя приписка, датированная 23 января 1969 г.: «Копия выдана зам. начальником управления кадров КГБ при Совете Министров СССР»[364]. За такие нарушения правил пользования архивным фондом исследователей научных работников ждет строгое наказание. Но ведь есть исключения из правил, которые приводят к «порче» архивных документов. Спустя пятьдесят пять лет с момента появления первичной метрической записи «солидным людям» понадобилось проверить подлинность автобиографических сведений В.Б. Барковского. Эта приписка к оригиналу может служить косвенным подтверждением серьезных перемен в жизни нелегала-разведчика, о чем свидетельствуют общедоступные автобиографические сведения о В.Б. Барковском с сайта Службы внешней разведки России: «В 70-е гг. являлся профессором кафедры спецдисциплин Академии внешней разведки, кандидат исторических наук»[365]. Эта информация еще более усиливает интерес к личности Владимира Борисовича Барковского у историков-исследователей и как к разведчику на службе в НКВД – КГБ СССР – СВР России, и как представителю профессионального сообщества ученых-историков.

В годы первой мировой войны Владимир Барковский остался на попечении матери и крестного отца матери Константина Петровича Курченинова. В школьные годы Владимира Борисовича Барковского советская система неоднократно меняет структуру школьных учреждений. Совсем немного возможностей получения профессионального образования для ученика Барковского в школах повышенного типа в г. Белгороде, где профильное обучение осуществлялось лишь по двум

---

[363] ГАБО. Ф.135. Оп.1. Д.109. Л. 290–290 об.

[364] Там же.

[365] Барковский В.Б. URL: http://svr.gov.ru/history/person.htm

направлениям – педагогическому и кооперативному[366]. Возросший интерес к ним как «бывшим», «чуждым» рабоче-крестьянскому государству Барковским-Курчениновым, последовавший после публикаций в местной прессе в сентябре 1929 г. и феврале 1930 г. с разглашением тайны частной жизни семьи, делали пребывание их в Белгороде бесперспективным. Путь к высшему профессиональному образованию в этот период был открыт для членов и кандидатов ВКП(б), комсомольских и профсоюзных организаций при наличии у них направления – рекомендации, а также соответствующего социального происхождения, которое должно быть рабоче-крестьянским, а для представителей последних обязателен статус беднейшего крестьянства. Стать пролетарием, открыть новую страницу своей собственной биографии, с трудовой характеристикой поступить на рабфак высшего учебного заведения – этой жизненной дорогой предстояло пройти Владимиру Борисовичу Барковскому. Так он оказался в Подмосковье – на заводе в Павшино (ныне Красногорский район Московской области). Был ли этот выбор самостоятельным для 17-летнего Володи Барковского? Трудно сделать однозначный вывод, но очевидно, что представители старшего поколения Курчениновых-Барковских в процессе семейного воспитания и домашнего образования юноши Володю Барковского научили его совершать поступки.

Реконструкция жизни «незамечательных людей» прошлого важна исследователям не менее чем жизнь людей «замечательных» с точки зрения изучения несостоявшихся возможностей, обстоятельств состоявшегося выбора отдельно взятого индивида на историческом перепутье. Страницы биографии уроженца г. Белгорода Владимира Борисовича Барковского позволяют понять стратегию выживания и продвижения личности, оказавшейся способной сопротивляться насилию.

---

[366] ГАБО. Ф.Р–532. Оп.1. Д.139. Л.65–66.

А.В. Хлопова
Киров, Вятский государственный университет

ЖЕНЩИНЫ ВЯТКИ В «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» 1920–30-Х ГОДОВ

В условиях гражданской войны, а затем в ходе масштабных преобразований (НЭП, индустриализация) советской власти нужна была дополнительная рабочая сила, в качестве которой и рассматривались женщины. Но чтобы использовать эту силу (особенно в аграрных регионах с сильным традиционным укладом жизни, к которым и относился Вятский край) необходимо было полностью изменить женское мировоззрение. С этой целью были найдены мотивы – «освобождение женщин от домашнего гнёта» и «равенство их с мужчинами». Под такими лозунгами проводилось вовлечение женщин в социалистическое строительство. В этом состояла сущность «культурной революции» для женского населения.

Речи того времени воспевали это «гендерное» событие. Лозунги и призывы должны были привлечь женщин региона к грандиозным культурным и другим свершениям того времени. Апеллирование к трудностям призвано было заставить женщин «прийти на помощь». Обращение к чувствам, перспектива светлого будущего детей, призыв к аскетизму – эти темы были достаточно близки и понятны женской аудитории, и поэтому могли мотивировать их активность. Для пропаганды нового женского мировоззрения широко использовался праздник 8 Марта с торжественными заседаниями, с чествованиями героинь труда и концертами. Усиленная лексика использовалась и в поэзии.

Работа среди женщин проводилась через женотделы и делегатские собрания, сущность работы которых как раз и состояла в вовлечении женщин в советское строительство. Так, в отчёте о работе Вятского губженотдела за 1924 год ясно видна попытка изыскания в женской среде дополнительного резерва для социалистического строительства. «Лозунг – «Нет делегатки без обязанностей» – выполнен вполне. Все области советского хозяйства, профессионального строительства охвачены путём прикрепления делегаток на практическую работу к соответствующим аппаратам…».

Вся работа женщин-делегаток велась по определённой системе. На делегатских собраниях они получали инструкции-указания и отчитывались о проделанной работе. Из отчётов также видно, что женщины

горячо откликались на все проводимые советской властью кампании и часто сами были их инициаторами. На летний период часть делегаток переселялись из города в деревню для пропаганды новых идей среди крестьянок. Архивные материалы выявляют яркие факты вовлечения женщинВятки в социалистические преобразования.

Конкретная историческая обстановка по вовлечению женского населения региона в мероприятия «культурной революции» выявляется при анализе анкет делегаток Омутнинскогоуженотдела РКП за 1923 год. Возраст двадцати делегаток колебался от 18 до 43 лет. Образование отмечалось так: «низшее», «начальная школа», «малограмотная»,«самоучка», «сельская школа». В графу «социальное положение» они записали: «грамотная»; «крестьянка»; «среднее»; «ученица»; «бедная» «пролетария»; «работница»; «пролетарка»; «служащая». В графе «от какого предприятия избрана» значилось: «больница рабдома», «госполитуправление», «губздрав», «от кожевников», «губбольница», «потребобщество», «электростанция», «дом инвалидов», «психиатрическая лечебница».По поводу отношения к делегатским собраниям все анкетировавшиеся отметили, что «посещали собрания с интересом». Степень общественной активности фиксировалась при ответе на вопросы «делала ли доклады о посещениях собраний у себя на предприятии?», «сколько раз?». Ответов: «нет» насчитывалось 12, «после каждого собрания» – 1, остальные – «по одному разу»; «по два раза». Из анкет видно, что делегатки проявляли интерес к обсуждаемым вопросам о положении женщин, но на вопросы о собственной активности большинство отвечали отрицательно. Но всё же были и такие, которые откликнулись на нововведения и сами проявляли инициативу и активность. Биографии женщин это демонстрируют. Одна из них – это биография работницы кожевенно-обувного предприятия II Коминтерна Варвары Пегушиной. «Пегушина Варвара, 56 лет. Происхождение – крестьянка Вятского уезда, Вожгальской волости, деревня Хлиповки. Сначала занималась крестьянством, потом поступила на завод, где и работает с 1910 г. Имела 16 чел. детей, в живых осталось 3. Одна дочь из них работает с ней вместе на фабрике. Сын был в Красной армии. В настоящее время Пегушина не имеет ни земли, ни дома – пролетарка… Все проводимые законы Советской власти одобряет и жалеет, что так много ей пришлось перенести в жизни, и не проводилось всё это раньше в жизнь».

Ещё один пример – из истории Афанасьевской волости Омутнинского уезда. «2–3 года тому назад трудно было в нашей волости найти хотя бы одну крестьянку-активистку. Ни о какой общественной работе среди женщин не могло быть и речи. Дальше своего хозяйства крестьянки не шли. Большим сдвигом в деле пробуждения женщин явились делегатские женские собрания. Теперь и у нас, в глухом уголку Афанасьевскойволости, не редкость встретить женщин – членов сельсовета, комитета взаимопомощи. Есть даже женщина – председатель сельсовета. Так, провинциальные российские женщины разных возрастов втягивались в социализм. Показательно, что они были родом из деревни, и что их духовный и производственный потенциал использовался в деле установления нового, индустриального, стиля жизни.

Использование «женского ресурса» было важной политической задачей для регионов. Проводилась огромная идеологическая работа, под её воздействием часть женщин изменяли свои традиционные взгляды на жизнь. Они больше втягивались в труд на заводах и фабриках, в общественные организации, в обустройство детских домов, садов, отрекались от религии и т. д., то есть становились людьми, соответствующими индустриальной эпохе.

М.А.Текуева
Нальчик, КБШУ

ЖЕНСКАЯ ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ (КАВКАЗСКИЙ МАТЕРИАЛ)

Великая Отечественная война привела к заметному изменению традиционной роли женщин в кавказском обществе, к переменам социально-экономического характера в ее положении. Во главе многих семей встали женщины, так как мужчины были призваны в армию, пропали без вести или погибли[367]. Женщины вынуждены были осваивать публичное пространство вне зависимости от своих предпочтений в экстремальных условиях войны, принимать на себя мужские хозяйственные обязанности.

Кабардинские традиции хозяйственной деятельности не позволяли женщинам участвовать в полевых работах. За одним исключением –

---

[367] РГНФ. № 12-11-07004а/. «Кавказская женщина: трансформации этнической ментальности и гендерных статусов в годы Великой Отечественной войны»

женщина принимала участие в жатве нового урожая, что носило символический характер. На поле отправлялись всей семьей, кроме маленьких детей и девушек на выданье. Жали серпами. Если поле находилось далеко от села, оставались там с ночевкой до окончания работ. По свидетельству первого адыгского этнографа Хан-Гирея, «сверх всех работ по управлению домом и воспитанию детей жена простого земледельца помогает мужу и при уборке хлеба: она ходит с ним вместе жать серпом, помогает складывать стоги хлеба, скирды сена и т.п.»[368].

Следует отдельно отметить, что участие женщин в сенокосе ограничивалось формированием стогов сена, а косой они никогда не пользовались. Радиожурналист Р. Афаунова пополнила наш фонд полевых материалов интересным фактом. Она рассказывала, что за свою полувековую журналистскую практику она лишь однажды интервьюировала женщину, Ворокову Жан из селения Карагач, которая для того, чтобы подчеркнуть, насколько тяжело приходилось женщинам в военные и послевоенные годы, сообщила, что она «во время войны даже *косила*!». Она говорила об этом как о событии, из ряда вон выходящем. Ни одно из несвойственных традиционному разделению труда занятий («я и пахала, и копала, и кукурузу ломала») не расценивались респонденткой настолько категорично. С этим коррелируется замечание относительно ближайших соседей кабардинцев – осетин: «У осетин та женщина считается почетною, которая может сказать про себя безукоризненно: я не ходила за плугом, и не косила траву»[369]. Знаменательно, что на долю той же Жан Вороковой во время войны пришлось работать колхозным табунщиком – *«шибзухъуо»* – пасти табун кобылиц, что совершенно несовместимо с существовавшим в обыденном сознании народа женским статусом.

Но отсутствие мужчин вынуждало женщин брать в свои руки и успешно справляться с непривычными и, более того, неприемлемыми для адыгской гендерной ментальности занятиями. В годы войны женщины внесли неоценимый вклад в борьбу, заменив на рабочих местах ушедших на фронт мужчин. В газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» за август 1943 г. публиковался материал о колхозницах из

---

[368] Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 239.

[369] Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2002. С. 220.

балкарского селения Нижний Чегем. Четыре бригады женщин-косарей в помощь фронту и «приветствуя храбрых воинов Красной Армии, освободивших Орел и Белгород, взяли обязательство ежедневно перевыполнять задание на 150%»[370]. Газета сообщала, что они ежедневно выполняют по две нормы». Лучше всех работают Ф. Гочияева, У. Гудуева, М. Черкесова, Б. Эльмурзаева, П. Габоева и А. Хадикова. Каждая из них выполняет задание не ниже, чем на 220%». За этой стандартно-приподнятой информацией скрыты не только физические трудности, мозоли и натруженные спины, бесконечный летний день с его зноем, но и ломка традиционного сознания, которое на протяжении сотен лет не просто оберегало женщину от тяжелого физического труда, а наполняло семантическим смыслом половое разделение труда.

Таким образом, опыт Великой Отечественной войны оказал влияние на некоторую смену ориентиров: нацеленность женщин на традиционные семейные ценности ушла в тень повседневного образа жизни, а на первый план выдвинулись прежде скрытые женские способности, благодаря которым она выполняла мужские роли в общественном труде и семье.

Когда оккупанты угрожали жизни детей, женщины совершали поступки, которые должны изменить привычное представление о «героическом». Они буднично и монотонно, без аффектации спасали жизни. И главный источник для исторической хроники подобного рода – только нарративы, воспоминания, письма. Рассказы женщин о войне содержат малозначащие, но эмоциональные свидетельства их ежедневной борьбы со страхом, ежедневной борьбы за выживание.

В работе над статьей я читала распечатку интервью – обрывочные воспоминания Хани Гукежевой, известной до войны звеньевой кукурозоводческой бригады: «С тремя детьми в партизаны не уйдешь. Эвакуироваться не удалось… Бомбежки, потом налеты, облавы… Никакой надежды не было, что выживем. Но надо было как-то детей поддержать. Так я им выдумала, что за сорок дней до смерти человек перестает видеть искорку в глазах – когда трешь в глазах искорка пляшет. Дети начинали тереть глазки и радостно восклицали: «Вижу!» Значит, еще целых сорок дней с нами ничего не случится, – утешала я их»[371].

---

[370] «Социалистическая Кабардино-Балкария» 23 августа 1943 г.

[371] Афаунова Р.Т. Продолжение биографии. Очерки. Нальчик, 1987. С. 131.

Всю войну прошла медсестра Бализа Шухова, пережив те же тяготы, что и солдаты-мужчины. Но она говорила, что самое сильное потрясение она испытала, найдя во время бомбежки под Малгобеком маленькую девочку с раздробленными ножками на груди убитой матери[372]. У вдовы Хомей Ивазовой война ассоциировалась в первую очередь со спасением от голода своих пятерых детей и двух ленинградских девочек, найденных ею в поле недалеко от разбитого бомбежкой железнодорожного полотна.

Бесценный опыт выживания в экстремальных условиях, принятие на себя не только заложенных традицией, воспитанием и природой обязанностей, но и абсолютно противоположных им ролей – солдата, пахаря, физически могучего мужчины – вот «женское» лицо войны. Однако все это имеет женское эмоциональное наполнение, усиливавшее фон их переживаний, их ответственности за конкретные детские жизни, их готовности к выхаживанию покалеченных мужей, их пожизненная верность памяти погибших. Именно учет этих, не учитываемых официальной историографией женских качеств, позволит определить причины и уровень сопротивления оккупантам, помощь фронту в тылу, личные стимулы каждого отдельного человека в борьбе с завоевателями.

Только понимание подобных аспектов истории и интерес к «ускользающему настоящему», увеличение числа «качественных» исследований (в дополнение к анализу фактов на основе использования методов количественной обработки данных), написанных на основе интервью, даст нам возможность написать правдивую картину прошедшей великой войны.

Р.Р. Хисамутдинова
Ориенбург, ОГПУ

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ УРАЛЬСКИХ ЖЕНЩИН В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны произошли серьезные изменения в повседневной жизни женщин, вызванные тем, что они взвалили на свои хрупкие плечи не только все основные заботы о семье, о детях, но и стали главной рабочей силой в деревне. За войну были мобилизованы военнообязанные мужчины 38 возрастов (с 1890 по

---

[372] Боевая слава Кабардино-Балкарии. Кн. 1. Нальчик, 1965. С. 137–138.

1927 гг. рождения), что привело к резкому сокращению мужского населения в тылу, особенно в сельской местности, т. к. до конца 1943 г. советская деревня, будучи полностью «разбронированной» от военных призывов, без всяких ограничений направляла на фронт всех мужчин призывного возраста. Численность трудоспособных мужчин в колхозах Урала сократилась в 1941 г. по сравнению с 1939 г. почти в 2 раза (с 1178,3 тыс. до 601,2 тыс.), а в 1944 г. в 4,3 раза (до 272,4 тыс. чел.)[373].

Если в 1940 г. в общем балансе трудоспособной рабочей силы уральских колхозов женщины составляли 53,8%, то в 1941 г. – 69,7%; в 1942 г. – 77,6%; в 1943 г. – 81,5%; в 1944 г. – 81,3%. В 1945 г. в связи с начавшейся демобилизацией фронтовиков после окончания войны, доля женщин уменьшилась до 74,6%. Среди постоянных рабочих совхозов и подсобных сельскохозяйственных предприятий Урала удельный вес женщин возрос с 45% в 1941 до 64% в 1945 г.[374].

Женщины в годы войны работали не только полеводами, животноводами, но и механизаторами, т. к. в первые же недели войны подавляющая часть механизаторов была призвана в действующую армию. Этот процесс продолжался в течение всей войны, так как механизаторы не имели брони, за редким исключением. В связи с этим партийные и советские органы Урала провели работу по возвращению в МТС всех владеющих механизаторскими специальностями, но не работающих на технике или же, вообще, ушедших из сельского хозяйства. Основную массу неработающих трактористов составляли женщины. В июле 1941 г. в Чкаловской области было привлечено для работы в сельском хозяйстве трактористами 1846 чел., в том числе 1723 женщины (93,3%) и комбайнерами 1013, из них 989 (97,6%) женщин[375].

Наряду с вовлечением в производство ранее обученных механизаторов партийные и советские органы развернули ускоренную подго-

---

[373] Подсчитано: Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 40; Хисамутдинов Р.Р. Аграрная политика Советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1941 – март 1953 гг.). Оренбург, 2003. С. 542.

[374] Корнилов Г Е Указ. соч. С. 39, 40, 42.

[375] Советская Башкирия. Исторические очерки. С. 193; Очерки истории Башкирской АССР. Уфа, 1966. Т. 2. С. 189; ГАОО. Ф. 1081. Оп. 2. Д. 264. Л. 51.; ЦДНИОО. Ф. 6002. Оп. 7. Д. 461. Л. 38.

товку новых трактористов и комбайнеров, главным образом, из числа женщин. Всего за время войны механизаторскую подготовку прошли в стране свыше 2 млн. чел., в их числе 1,5 млн. женщин (75%)[376].Только на краткосрочных курсах при МТС Башкирии к концу 1941 г было подготовлено 8 726 механизаторов, из них 7828 женщин (89,7%), в Чкаловской области – 18 186, из них 90% женщины и девушки[377]. В 1942 г. в Свердловской области 60% обучавшихся механизаторов составляли женщины. Если в 1939 г. их удельный вес среди трактористов составлял в Свердловской области 5,6%, то в 1943 г. – 44,6%, в Челябинской – 3,6 и 30,0% соответственно[378]. Еще больше было женщин среди механизаторов Чкаловской области. Если на 1 января 1942 г. удельный вес женщин среди трактористов в МТС области составлял 25%, комбайнеров – 16,6%, шоферов грузовых машин – 21,8%, то на 1 января 1943 г. – соответственно 58,2; 44,8; 60%[379].

Удельный вес женщин среди трактористов МТС страны вырос с 4% в 1940 г. до 45% в 1942 г., среди комбайнеров соответственно с 6 до 43%. среди шоферов – с 5 до 36%[380]. Однако проблема механизаторских кадров, несмотря на их массовую подготовку, вследствие ухода части механизаторов на фронт оставалась острой в течение всей войны.

В колхозах женщины работали весь световой день. Во время уборки урожая работали по 20–22 часа в сутки. Для этого в поле создавали полевые станы, где женщины фактически жили, куда им привозили грудных детей, чтобы их накормить, пригоняли коров, чтобы их надоить.

На женщинах лежала забота о том, как накормить, обуть, одеть своих детей. В первую военную зиму сельское население доедало предвоенные отцовские запасы. Когда они кончились, на счету колхозников были каждый килограмм зерна и картофеля. Хлеба не было, да

---

[376] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. М ., 1963. С 524.

[377] ЦГИА РБ. Ф. 472. Оп. 6. Д. 859. Л. 85

[378] Мотревич В.П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990. С. 63.

[379] Процентное соотношение подсчитано автором на основе: ГАОО. Ф. 1081. Оп. 3. Д. 278. Л. 7. Д. 279. Л. 60.

[380] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. С. 524; Экономика СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1970. С. 152.

и до войны его вдоволь не ели, поэтому основными продуктами питания стали картофель, овощи и молоко, потребление которых даже возросло. От голода спасала земля. Огороды в военные годы женщины и подростки вскапывали лопатами или пахали на корове. Картофель и овощи в какой-то мере восполняли недостаток белков и углеводов. Питались одной картошкой – вареной, жареной, пареной, а кожуру от неё сажали весной. Испытывало недостаток в еде практически все сельское население Урала.

В военные годы основным источником существования колхозной семьи стало личное подсобное хозяйство. Главной кормилицей в семье была корова, поэтому жители села любой ценой пыталось её сохранить. Благодаря этому уральское село избежало массового голода, хотя локальные его очаги были. Чтобы держать корову, необходимо было на зиму заготавливать сено. По воспоминаниям многих, приходилось женщинам и подросткам косить сено косами, серпами и впрягаться самим в тележку, чтобы привезти его домой.

Сельские жители часто голодали, поэтому, чтобы прокормиться, уральские женщины продавали на рынке в городах шерстяные платки, которые при свете лучинки вязали, также полотенца из довоенных запасов.

Об ухудшении материального положения жителей села свидетельствуют также данные о покупке товаров народного потребления на 100 душ населения. Так, в 1942 г. в Чкаловской области тканей было приобретено в 5 раз меньше, чем в 1941 г., кожаной обуви – соответственно в 2,1; резиновой обуви – в 4,6; валяной – в 1,6 раза, хотя сумма, затраченная на покупку одежды и обуви, увеличилась в 4,4 раза. Причиной явился катастрофический рост цен на все[381]. Женщины, и все сельские жители одевались очень бедно, донашивали довоенную одежду любого размера и обувь, перешивали старые вещи, ходили в гимнастерках и шинелях, которых обменивали на продукты или покупали на базаре. Постепенно восстанавливались домоткаческие навыки. Выращивали в огородах коноплю, ткали холсты и летнюю одежду женщины шили сами. Хуже обстояло дело с обувью. Почти вся деревня ходила в лаптях, за редким исключением. Лапти плели старики, которые еще не разучились их плести. Они и обучали молодых этому

---

[381] Хисамутдинова Р.Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург, 2002. С. 179.

ремеслу. Деревня выживала не только смекалкой и находчивостью, но и благодаря огромному жизненному опыту.

В.К. Лушников
Абакан, ХГУ им. Н.Ф. Катанова

РОЛЬ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война вызывает интерес у современных исследователей как наиболее крупное событие отечественной истории XX в., изменившее не только политическую карту мира, но и оказавшее влияние на судьбы практически всех жителей страны. Вместе с тем многие вопросы до сих пор остаются слабо, либо совсем неизученными. Например, повседневная жизнь населения, в частности, такой ее аспект как занятия физкультурой и спортом. Есть целый ряд работ, раскрывающих историю становления физической культуры и спорта в региональном масштабе, в частности, в Сибири. В то же время, целый ряд проблем и сюжетов требуют дальнейшего исследования. Так, недостаточно полно изучена роль физкультуры и спорта в повседневной жизни населения юга Красноярского края в годы Великой Отечественной войны.

В Хакасской автономной области, входившей в то время в состав Красноярского края, к началу войны культивировались 17 видов спорта, ими занимались 5 285 физкультурника, по нашим подсчетам около 2% от всего населения области. Самые массовые виды: лыжи, гимнастика, легкая атлетика и волейбол. Боксом, штангой, теннисом и конным спортом в Хакасии вовсе не занимались. Не было тренеров по этим видам. Особое место в подготовке физкультурников с зимы 1940 г. отводилось лыжному спорту. Этому способствовал опыт финской войны, в ходе которой вскрылись недостатки в боевой и физкультурной подготовке бойцов РККА. Спортивно-массовая работа была в центре внимания местных властей. В январе 1941 г. бюро Ермаковского РК ВКП(б) констатировало, что физкультурная работа в районе «стоит на недопустимо низком уровне». В помощь спортсменам руководителей районных предприятий обязали организовать 31 лыжную базу, а также изготовить 400 пар лыж, и приобрести в снабжающих организациях еще 700 пар лыж. В результате уже через месяц в районе вместо прежних 200 чел., лыжным спортом занимались 1 300 физкультурни-

ков, полтысячи из них сдали нормы ГТО и БГТО. В Хакасской автономной области, в январе – феврале 1942 г. были проведены военно-физкультурные соревнования пионеров и школьников 5–10 классов, звездно-лыжная эстафета комсомола, лично-командное соревнование между подразделениями ВСЕВОБУЧа и частями РККА, а также профсоюзно-комсомольский лыжный кросс имени XXIV годовщины Красной армии. В документах областного комитета по делам физкультуры и спорта сохранились сведения только о его результатах, на 10 февраля в кроссе участвовали 14 240 спортсменов-любителей, в норматив уложились две трети из них.

В Минусинске лыжный кросс проходил 1 февраля, в сорокаградусный мороз. На лыжню вышли свыше 500 участников. Лыжные гонки были самым массовым видом спорта и в Артемовском районе Красноярского края. Зимой 1941–42 гг. там было охвачено физкультурной работой 7 981 чел, при задании краевого комитета физкультуры и спорта 2 000 чел. Нормы ГТО и БГТО по лыжам сдали 4 332 чел, при задании 353 чел. Население района на тот момент составляло 37 236 чел, то есть физкультурой и спортом, по данным районного комитета физкультуры, занимался каждый пятый житель. Охват физкультурной работой населения в этом районе повысился в десять раз, по сравнению с 1940 г.

Но физкультурно-спортивная работа в регионе не ограничивалась только лыжами. Власти Артемовского района летом 1942 г. отмечали большой интерес у школьников к военно-физкультурному делу. Значкистов ПВХО – 2 803 чел, ГСО – 826, ГТО – 59 чел, ВС – 14. В Ермаковском районе спортивную работу для школьников не прерывали и летом. В решении райисполкома говорилось: «Военно-физкультурная работа в пионерлагерях и школьных площадках района должна обеспечить подготовку всех учащихся к сдаче норм на оборонные значки, должна включать проведение военных игр, походов и спортивных соревнований».

Физическая культура и спорт занимали важное место в повседневной жизни населения Хакасской автономной области и южных районов Красноярского края в период Великой Отечественной войны. Особенно это касалось оборонно-спортивной работы. Если к началу Великой Отечественной войны в спортивных секциях занималось около двух процентов населения региона, то уже к весне 1942 г. число активных физкультурников возрастает в десять раз. Тренировки помогали жителям тыла легче переносить физические и морально-психологические нагрузки, возросшие с началом войны. А умения, полученные при под-

готовке к выполнению нормативов по нескольким оборонно-спортивным комплексам, помогали призывникам легче адаптироваться к военным условиям.

С.С. Касаткина
Череповец, Череповецкий государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЖЕНЩИН-ГОРОЖАНОК СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА*

В данной работе представлена попытка анализа повседневного мировоззрения советских горожанок с целью выявления социокультурного облика советских женщин во второй половине XX в. Вопросы изучения женской городской повседневности в нашей стране стали объектом исследования Т. Дашковой, О.Д. Минаевой, Ю. Градсковой, М.В. Ромашовой, Е. Мелельковой, И.Г. Винниченко, А.А. Днепровской, В.Г. Рыженко и др. Источником данной работы является журнал «Работница» 1953–1991 гг.

И.Г. Винниченко, А.А. Днепровская и В.Г. Рыженко обусловили происходившие «рецедивы активности» причинами того, что образ советской женщины как соратника мужчины являлся предметом гордости страны, женский труд был экономически необходим в послевоенное время, производственная деятельность превратилась в каждодневную практику и определила ценностные ориентации советских женщин. Идеологическим принципом тоталитаризма был фактор общественного производства для всех. Домашнее хозяйство городских квартир перестало быть единственным трудом женщин. Расширилась сфера приложения женского труда. Историки отмечают, что в период 50–60 гг. медийный образ советской женщины, сконструированный гендерный стереотип был несколько далек от реалий жизни. Набор ценностей журнала, формировавших женское мировоззрение третьей четверти XX в., служили ориентиром, но не константой. Однако советский опыт идеологического конструирования привел к изменению женского мировоззрения, основанного на независимости, активности, позиционировании себя женой, матерью, профессионалом.

* Работа выполнена в рамках реализации проекта ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013 гг.», ГК П 360.

Повседневная жизнь горожанки 70–80 гг. XX в., судя по материалам «Работницы», развивалась в духе перемен в политической и социально-экономической жизни страны. В социалистическом соревновании трудящихся женщины одерживали новые победы[382]. В марте 1973 г. Комиссия законодательных предложений Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР на своем совместном заседании рассмотрели вопрос об условиях труда женщин в ряде отраслей промышленности. Автоматизация производственных процессов помогла облегчить женский труд. За годы девятой пятилетки повсеместной стала профессия оператора установок, что потребовало повышения уровня профессиональной подготовки женщин[383]. При министерстве здравоохранения СССР в составе проблемной комиссии «Научные основы гигиены труда» была организована секция «Гигиена женского труда», а при производствах появились лаборатории гигиены женского труда, исследовавшие степень утомляемости трудящихся, оказывающие помощь при необходимости[384]. Развивалась сеть дошкольных учреждений, проводились конкурсы профессионального мастерства, работа выполнялась с опережением планов. Среди нерешенных проблем в бытовой сфере производства женщины отмечали необходимость улучшения качества обедов в заводских столовых, создание работы выездных парикмахерских и химчисток, преобразование моделей спецодежды.

Повысилась социальная роль женщин в советском обществе, их образовательный уровень и общественно-культурная активность. На страницах «Работницы» появились постоянные рубрики «Клуб общественниц», «НТР и труд женщин», «служу науке». Духовные ценности проявлялись в разделах «Поэтическая тетрадь», «Автограф работницы», «Лики красоты», «Молодые голоса». Дамы старались проявить свою индивидуальность всевозможными способами в условиях однообразия товаров общественного потребления. Об этом свидетельствуют материалы рубрик журнала «Мода», «Хозяйке на заметку», «Мамины уроки», «Спрашивайте – отвечаем». Тема материнства и детства так же являлась постоянной спутницей советских горожанок. В разделе «Город и дети» постоянно обсуждались возможности благоустрой-

---

[382] Бекетов В. Вахта миллионов // Работница. 1975. № 9. С. 8–9

[383] Дихтярь А. Постоянно и настойчиво // Там же. С. 14–16.

[384] Левина А. Рабочее самочувствие // Там же. 1977. № 2. С. 16–17.

ства детского дворового досуга, детский спорт и т.д. Актуальными вопросами являлись новости из сферы акушерства и геникологии. Служба психологической поддержки помещалась в рубрику «Подружка». В целом, в 1970–1980 гг. мировоззрение советских тружениц было основано на приоритетных ценностях труда, здоровья, материнства, патриотизма, международного сотрудничества.

В 1990-е гг. российское общество переживает сложный период. Женщины пытались «выжить» в социально-экономических трудностях государства. Отражением потребностей горожанок в тот период стали такие рубрики «Работницы» как «Азбука экономики», «Скотный дворик», «Круглые столы» банкиров и т. д. Горожане ничего не знали о сельском хозяйстве, однако на свои загородные участки смотрели как на единственный ресурс для продовольственного существования. «Усиливаются» рубрики, посвященные ручной работе (шитью, вязанию), экономному домашнему хозяйству, советам садоводу, кулинарии, самообороне (обсуждается рост криминальной ситуации, техники самозащиты). Несмотря на преумножившиеся заботы женщин стали интересовать вопросы моды, стиля, имижда, карьеры и политики. Стабилизация общественной обстановки в начале 90-х гг. была насущной темой каждого выпуска журнала, темой почти каждой советской семьи. Трансформация журнала отразила изменения мировоззренческие аспекты жизни женщин – горожанок. Со страниц издания практически исчезли рубрики и статьи, посвященные соцсоревнованиям, трудовым достижениям и т. д. Журнал стал более информативным в плане политической культуры женщин, стал выполнять рекреационную функцию. Актуальными стали темы взаимоотношения полов, эмансипации. По-прежнему пропагандировались вопросы материнства и детства.

Изменения повседневности горожанок нашей страны в прошлом веке были обусловлены политическими преобразованиями. Женщины 1950–70–х гг. активно включались во все общественные процессы, завоевывали новые позиции в производстве, заботились о профессиональном росте, планах правительства. Свободное время были посвящены семье, домашнему хозяйству, коллективному отдыху. В конце 1990-х гг. дамы стали творческими натурами, проявляли свою индивидуальность, политические и экономические способности. В целом, журнал «Работница» последних десятилетий XX в. отражал реалии жизни советских женщин, их потребности и ценности без идеологических надстроек правительства.

Р.С. Черепанова
Челябинск, Южно-Уральский государственный университет

ЛЕНИН, АРМАНД И СВОБОДНАЯ ЛЮБОВЬ: ШТРИХИ К ИСТОРИИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В СССР ЭПОХИ «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА»

Принято считать, что в послевоенном СССР сфера частной жизни (понимаемой как пространство жизни и деятельности индивида, которую он сам считает сферой своего личного выбора, и которую общество позволяет ему считать таковой) непрерывно расширялось[385], и этот процесс в конечном итоге явился одной из причин кризиса советской модели и привел к попыткам ее «перестройки». При этом, как мне представляется, чрезвычайно важное обстоятельство заключается в том, что этот нараставший процесс «приватизации»[386] осуществлялся не столько вопреки позиции официальных советских властей и официальной идеологии, сколько в тесном взаимодействии с ними.

Несмотря на то, что временной период 1956–1982 гг. кажется очень длинным и неоднородным во многих отношениях, его возможно рассматривать также с точки зрения преемственности и внутренней логики как программу модернизации «сверху», просветительски-позитивисткую, половинчато-ограниченную и в этом смысле вполне укладывающуюся в более чем двухвековые традиции российских модернизаций.

Цель российских модернизаций – догнать и перегнать Запад – могла осуществляться с применением разных стратегий. Как правило, милитаристско-мобилизационные модели чередовались с квазилиберальными, и если милитаристская модель построена на противостоянии и вызове Западу, то квазилитеральная – на мимикрии под него. Хрущевская и брежневская стратегии модернизации различались политикой, риторикой, акцентами и нюансами, но обе следовали квазилиберальной модели, использующей просветительско-позитивистскую фразеологию и соответственно подстраивающей экономическую, социальную, культурную сферы. Подвергалась расширяющей корректи-

---

[385] Каспэ И. Границы советской жизни: представления о «частном» в изоляционистском обществе // Новое литературное обозрение. 2010. № 101.
[386] Shlapentokh V. Public and Private Life of the Soviet People: changing Values in Post-Stalin Russia. New York, Oxford, 1989. P. 14.

ровке и сфера «частной жизни», не случайно все российские квазилиберальные модернизации сопровождались т. н. «освобождением нравов», что так – в позитивном и негативном смыслах – шокировало тех, чья жизнь в основном протекала в милитаристские эпохи.

Милитаристские, мобилизационные модели модернизации, напротив, сужали пространство частной жизни, а сталинская, вообще, практически достигла крайних пределов, свойственных утопии. Утопия в данном случае означает не что-то невоплотимое, а набор определенных характеристик общества, которые вполне могут быть воплощены на некоторый срок[387]. В числе этих характеристик находится крайне репрессивное отношение к частной жизни индивида, попытка предельно обобществить и рационализировать его бытие. Этот момент в то же время является ахиллесовой пятой всех утопий, поскольку инстинкты и иррациональное начало в человеке неустранимы и труднее всего поддаются контролю. По этой же причине во всех антиутопических сочинениях бунт человека против утопии начинается с реабилитации прав человека на любовь, ненависть, продолжение рода, на которые не должен распространяться контроль общества.

Развенчание Хрущевым культа личности Сталина было важнейшим шагом, обозначающим, что возможность ошибаться, внутреннее несовершенство и неумение совладать со своими – порой далеко не лучшими – страстями являются имманентными свойствами любой личности, даже наделенной особыми, возвышающими ее над основной людской массой, характеристиками. Провозглашение коммунизма как близкой и реальной цели снимало также императив жертвенности с частной жизни людей: отныне не их дети, а они сами будут и должны жить счастливо.

Прежде советский человек не обязан был быть счастливым, но если и был им, то заслужив его успехами в труде и борьбе. Теперь же счастье связывалось прежде всего с семьей, устроенным бытом, хорошим досугом. Это декларируемое личное счастье призвано было стать новым доказательством в пользу коммунистической системы, доказательством, в котором раньше не было потребности, но которое теперь стало более важным, чем прочие успехи и победы, более того: стало целью этих побед.

---

[387] Черепанова Р.С. Утопия и антиутопия: типология и взаимоотношения // Вестн. Челябинского университета. Сер. 1. История. 1999. № 1.

Лишившись привязки к долгу, счастье оказалось в тесной связке с любовью, под которой, однако, партия подразумевала прежде всего любовь к обществу и идее, а общество, в лице своей интеллигенции, – сугубо интимное чувство к конкретному человеку. Интеллигенция, призванная, с точки зрения властей, только ретранслировать вниз властные дискурсы, на деле всегда по-своему трансформировала их. И если любовь стала для интеллигенции синонимом (симулякром) индивидуальности и свободы в обществе, где иные проявления свободы были практически невозможны, то и борьба за такую любовь грозила приобрести свойственные антиутопии гипертрофированные масштабы и значение (не только знаковая «Оттепель» И. Эренбурга, но и множество других литературных и кинематографических произведений были посвящены именно борьбе за «неправильную» с точки зрения официальной морали любовь).

Право на «свободную любовь» и способность к бунтарству чувства до такой степени становилось в глазах интеллигенции маркером «своих», что приписывалось даже В.И. Ленину.

Так, в Объединенном Государственном архиве Челябинской области хранится несколько вариантов сценария моноспектакля «Жизнь, отданная Вам», написанного в 1968–1969 гг. актрисой Майей Дробининой на основе работы с документами и литературой, а также личных встреч с потомками И. Арманд. В этом сценарии вполне откровенно и в высшей степени сочувственно говорится о любви между Лениным и Арманд, а сама «товарищ Инесса» без всякой иронии, совершенно серьезно и пафосно именуется «жрицей свободной любви»[388]. Право на свободу чувства прямо связывается Дробининой с – свободным и радостным – коммунизмом. В сценарии отражены и актуальные для женщин 1960-х гг. вопросы феминизма (развенчание извечного мужского мифа о несовместимости ума с женской прелестью, успешного материнства – с активной общественной деятельностью), и их представления (легитимизированные сочувствием Ленина) об идеальном образе женщины и смысле ее жизни, и стилистика отношений с противоположным полом, наивно перенесенная на диалоги персонажей начала века, а три редакции сценария позволяют понять, что из этих ин-

---

[388] Дробинина М.Г. «Жизнь, отданная Вам» // ОГАЧО. Ф. Р–702. Оп. 1. Д. 29. Л. 34.

теллигентских представлений одобрялось, что корректировалось, а что решительно не принималось властью. Замечательно и важно для иллюстрации происходивших в стране трансформаций, что после неизбежных «доработки, «цензурирования» и смягчения наиболее эротических моментов, моноспектакль этот был разрешен к показу и дошел до зрителя, в целом сохранив свою концепцию.

Е.М. Жидкова
Самара, музей «Самара космическая»

ТЕМА ПИТАНИЯ В ДИСКУССИИ О СОВЕТСКОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Доклад будет посвящен одному из аспектов борьбы за повышение культурного уровня советского человека в годы «оттепели» – воспитанию культуры питания, рационального потребления и отказу от таких вредных привычек, как пьянство и отправление религиозных обрядов. Формирование идентичности советского человека проходило в условиях демократизации советского общества и утверждения городского образа жизни, что предполагает некую унификацию пищевого поведения, сглаживание локального разнообразия традиционной и обрядовой кухни.

Заявленная в далеких 20-х «революция быта» свершилась в послевоенные десятилетия. Появляются бытовые приборы, становятся доступны консервы и полуфабрикаты, идет массовое строительство жилья с «индивидуальной кухней», принимаются партийные решения о механизации и автоматизации, о размещении домовых кухонь в многоквартирных домах. Открытие в провинциальных городах ресторанов и кафе красноречиво свидетельствовали о появлении такого феномена городской жизни как «свободное время». Однако еда, потребление пищи не считались приватной практикой. Пищевой код в той или иной степени прочитывается во многих преобразованиях хрущевского периода, от известной борьбы с тунеядцами и дармоедами до школьной реформы.

Т.А. Мищенко
Брянск, БГУ им. ак. И.Г. Петровского

СОВЕТСКИЙ ВАРИАНТ ПОТРЕБЛЕНИЯ В ПОВСЕДНЕВНЫХ ГЕНДЕРНЫХ ПРАКТИКАХ (КОНЕЦ 1950-Х – НАЧАЛО 1960-Х ГОДОВ)

Анализ потребления в советском обществе не исключает его гендерного измерения. Следуя тезису Н.Н. Козловой, «фактически все

противопоставления, которые функционируют в качестве принципов видения и деления, установления иерархий и оценок, в замаскированной форме отсылают к противостоянию мужской / женский»[389], можно рассматривать потребление как повседневные практики женщин и мужчин. Советские повседневные практики потребления существенно отличались от потребительского поведения в индустриально развитых странах с рыночной экономикой, однако СССР все же не существовал в полной изоляции от общемировых тенденций и проблем.

Особую роль в характере советского потребления играл «вещизм» – крайне преувеличенное значение приобретенной вещи, бережное к ней отношение, не предусматривающее быструю смену предметов потребления новыми покупками. Другим проявлением вещизма можно считать приобретение впрок, основанное на потребности покупать товар из-за возможного повышения его цены (в советском варианте – дефицитности) – так называемый эффект Веблен[390]. Казалось бы, городской житель, несколько десятилетий вращавшийся в коммунальной среде густонаселенных квартир, как и мигрант из деревни, порвавший с патриархальной деревенской общностью, должен был приобрести некие навыки жизни в коллективном социалистическом общежитии, свободного от стяжательства. Однако эффект коммунального быта был обратным: «Каждая семья ревниво охраняла личное имущество, например, кастрюли, сковородки, тарелки, хранившиеся в кухне – месте общего пользования»[391].

Популяризация идеи построения коммунизма как потребительского рая вовсе не означала утрату партийного идеологического контроля над сферой потребления. Е. Жидкова замечает: «Благодаря массовому жилищному строительству и появлению пространств «отдельных квартир» стало уместно говорить о таких вещах, как приватность, интимность или частная жизнь семьи… В то же время идейный градус официального курса ничуть не «потеплел». Продолжаются идеологические кампании, по сути противоположные либерализации личного и

---

389 Козлова Н.Н. Гендер и вхождение в модерн // ОНиС. 1999. № 5. С. 64.

390 Лейбенстайн Х. Эффект присоединения к большинству, эффект сноба и эффект Веблена в теории покупательского спроса. СПб., 1993. С. 285.

391 Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 1930-е годы. М., 2008. С. 59.

частного»[392]. Стремление удовлетворить потребительские запросы населения вступало в противоречие с возможным появлением частной собственности, что отрицалось коммунистической идеологией. Из письма ленинградского инженера К.В. Тыщука: «Если наш курс ведет не к уменьшению и полному уничтожению частной собственности, а к ее росту, то следовательно, он ведет нас не к коммунизму, а от коммунизма»[393].

Глубинной причиной потребительского неравенства выступала государственно-распределительная модель экономики, которая вызывает подавленную инфляцию и проявляется в исчезновении товаров (дефиците). Ключевыми словами, характеризующими советскую потребительскую модель, стали «блат», «достать», «что выбросили?», «что дают?». Дефицитными благами были не только промышленные товары, но и продукты. В отчетах промышленных обкомов КПСС за 1963 г. содержится перечень недостающих продуктов: мясо, молоко, масло, другие молочные продукты, овощи. Н.Н. Козлова, рассматривая семейную переписку за несколько десятков лет, выделяет некоторые практики преодоления дефицита, социально маркируемые, как женские: привозить недостающее из разных мест (в основном – из Москвы), делать домашние заготовки, обмениваться дефицитом по почте, дарить. В женских социальных техниках автор усматривает принципы моральной экономики: бескорыстный дар и долг, сердечную привязанность и нравственные основания[394]. Исследовательница точно подмечает пассивную позицию женского социального поведения, стремление приспособиться и выжить в предлагаемых обстоятельствах.

Лишь только хлебная проблема в общепродуктовом дефиците приобрела острый политический характер. Ее обсуждали и мужчины, и женщины: пересказывали слухи, жаловались в органы власти. К 1963 г. относится множество «сигналов с мест», указывающих на обострение хлебной проблемы: «Имели место неоднократные случаи, когда

---

[392] Жидкова Е. Практики разрешения семейных конфликтов: сигналы общественности и обращения граждан в общественные организации и партийные ячейки // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008. С. 268.

[393] РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 247. Л. 29.

[394] Козлова Н.Н. Сцены из частной жизни периода «застоя»: семейная переписка // Журн. социологии и социальной антропологии. 1998. Т. II. № 3.

люди длительное время простаивали в очередях, уходили ни с чем и целыми сутками оставались без куска хлеба», «Как заявила пенсионерка Р.И. Струева (Куйбышевская обл.), в очередях высказывается очень много недовольств в адрес не только районных, областных, но и в адрес центральных партийных и советских органов. Нередко дело доходит до ругани, выкриков и даже драки»[395]. Для советского человека с еще не уничтоженными крестьянскими традиционными ценностями, хлеб имел не только продуктовую ценность, но и символическое значение, означавшее начало изобилия, возможность коммунистического рая. Вообще «мышление в государственном масштабе» о планировании производства и потребления, качестве товаров присуще мужчинам, о чем свидетельствует анализ писем в Госплан СССР. Авторы-мужчины позиционируют себя как «простого советского человека», «рядового члена партии», «строителя коммунизма», выражающего мнение масс. П.С. Рохтонян из Одесской области критикует консервную промышленность: «В городе нет свежей рыбы, но есть консервный завод, который старается выполнить план. Поймите же вы, тупые головы, что консервировать нужно только излишки, то, что нельзя реализовать в свежем виде!»[396]. Слесарь завода «Красный треугольник» Г.А. Ильин предваряет свое письмо эпиграфом: «Не удивляйтесь! Я строитель коммунизма и у меня до всего есть дело» и пишет об отсутствии в продаже мужских носков: «…Не знаю испытывали на себе или видели на улице и даже в театре, что мужчина или молодой человек одет в красивый костюм и видны из подбрюк голые пятки и лохмотья протертых носков. И правильно могут подумать иностранцы, что наша страна еще отсталая не смотря на то что наши космические корабли раньше вышли на орбиту в космос»[397].

Итак, коммунистическая идеология самоограничения и уравнительства на всех уровнях общества вступила в конфликт со стремлением покупать товары для выполнения ими престижных социальных функций. Особенностью советского потребительства стали социальные практики повседневного потребления (маркируемые, как женские), практики «товарищеского надзора» и «общественного контроля» за

---

[395] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 1. Л. 2.
[396] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 177. Л. 93 об.
[397] Там же. Л. 66.

доступом к потребительским благам и мужские проекты-обращения во властные и хозяйственные органы, содержащие предложения по корректировке производства и потребления в государственном масштабе.

Е.Ф. Фурсова
Новосибирск, ИАЭ СО РАН

«ИНА СЛАВА СОЛНЦУ…И ИНА СЛАВА ЗВЕЗДАМ»: ПЕРЕМЕНЫ В ЖЕНСКОМ ОБЛИКЕ В XX ВЕКЕ (ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)[398]

Если в начале XX в. различия в традиционной одежде между мужчинами и женщинами воспринимались как совершенно естественные, аналогичные законам природы, то к концу века положение изменилось кардинальным образом. Чтобы оценить настолько значителен путь от представлений о «стыде и сраме» сто лет назад до современных взглядов на внешний облик полов, приведем несколько зарисовок из полевой этнографической практики 1970–1980-х гг. При этом принимается во внимание тот общеизвестный факт, что костюм отражает глубинные процессы в общественном и индивидуальном сознании, культурный уровень развития общества, наконец, художественные вкусы современников.

Традиционная одежда начала XX в. должна была скрывать тело, «скрадывать» его формы и у мужчины, и, особенно, у женщины. Виды женской одежды должны были быть не просто долгополыми, но и длиннорукавыми: подол сарафана закрывать щиколотку, рукава рубахи доходить до запястья («косточки»). Такие детальные ограничения воспринимались настолько естественными, что при выяснении отношений между чалдоном и чалдонкой[399], последняя доказывая, что стыдить ее не за что, говорила: «Что ты меня ругаешь! Ты моих локтей видал?» Увидеть у женщины локти и, тем более, колени или, что еще хуже, «простые» (без головного убора) волосы, считалось большим позором. Обыденное народное сознание осуждало как «нескромницу», так и «нескромника». Однако наряду с этим не принято было носить

[398] Работа выполнена в рамках работы по программе НИР IX.81.3.4. «Русские и славянские переселенцы в Сибири и Арктике», НИР 1.5.11.

[399] Чалдоны – так называют до сих пор в Сибири русских старожилов, потомком первопоселенцев XVII–XVIII вв.

нижнего белья и штанов, почему во время подвижных игр и «куляний» (качаний на качелях) подолы рубах застегивали между ног.

Отцы семейств строго следили за соблюдением традиций в отношении головных уборов, согласно славянской традиции различных для мужчин, женщин и девушек. Полное покрытие волос было обязательным условием существования замужней женщины в семье и обществе, причем головные уборы должны были соответствовать принятым в семье мужа традициям[400]. Из судебных дел второй половины XIX в. явствует, что снятие или сбивание с женщины платка рассматривалось как наивысшее оскорбление не только ей, но и всей родне, мужу[401]. Случается, что в среде информаторов приводится цитата из Библии о том, что «Бог сказал жене: «К мужу твоему влечение твое и он будет господствовать над тобою», чем, по их мнению, и объясняется покрывание головы. Прихожанка Бийской православной церкви Т.И. Шадрина 1910 г. р. считала недопустимым для женщины носить мужскую одежду в виде брюк, а также краситься, объясняя это тем, что «нечистый» радуется. «Назло Богу, он вредить ему. Господь заводил красоту, а дьявол разрушаеть. Счас девки красятся молодые и путем не живуть, и болеють, и мужья их не любять».

Крайне нетерпимо относились к несоблюдению традиционного женского образа, как явлению греховному, сибирские старообрядцы. Народное предание о том, что перед Концом Света «девки будут самокрутки, а бабы простоволоски», недвусмысленно говорит о значимости следования однажды установленным традициям, нарушение которых будет одним из знамений «конца рода человеческого».

В размышлениях об исконном различии мужского и женского костюмов, старообрядцы приводят цитату Св. апостола Павла: «Ина слава солнцу…и ина слава звездам». Старообрядческая церковь осуществила эту мысль, помимо одежды, также в форме тельного креста: для мужчин установлен крест четырехконечный как знамение креста, а для женщин имеет подобие звезды, что, по мнению христиан, указывает на некоторую зависимость женщины от мужчины. По этому пово-

---

400 Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крстьян-старожилов Верхнего Приобья (конец 19 – начало XX в.). Новосибирск, 1997. С. 67.
401 Архив РГО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 20. Л. 20.

ду старообрядцы-поморцы рассуждают так: «Как некоторые планеты небесные заимствуют свет свой от солнца, так и крест женщины, т. е. ее земной удел, есть как бы отображение ее отношений к мужу»[402]. По их мнению, установленный Богом порядок жизни имеет такие глубокие корни в духовной природе человеческой, что всякая попытка уклониться от исполнения нравственного долга влечет за собой самые печальные последствия. «Поэтому обязанности мужчин и женщин раз навсегда установлены Богом, и крест тех и других неодинаков, т. е. нравственный долг каждого пола определен самим складом их природы телесной и духовной»[403].

В конце XX в. пристальное внимание к бытовым деталям привело не только к защите женского образа в повседневной жизни, но и возврату к отдаленной старине. Например, наблюдается отказ от ношения нижней одежды, в их числе штанов как не «положенных женщинам», избегание орнаментов в тканях, отрицание навесных украшений. В одной из Кемеровских старообрядческих общин по настоянию наставника пожилые женщины перед службой устраивают проверку на наличие соответствующих видов одежды.

В истории европейского костюма постоянно перемежевались периоды сближения и расхождения форм мужской и женской одежды, что обуславливалось художественными вкусами эпохи, влиянием моды (ср. период античности, XVII в. и пр.)[404]. Однако взаимопроникновение одежды полов никогда не являлось столь глубоким, длительным и не затрагивало традиционный народный костюм, который во все времена был более консервативен и развивался по своим законам. Отличие же современного периода бытования унисекс-стиля в том, что стирание различий между полами затронуло самые широкие слои современного общества: от детей, студентов до пенсионеров. В России распространение этого стиля пришлось в конце 1990-х гг., примерно на десять лет позднее, чем в странах Западной и Центральной Европы. Однако в нашей стране даже в 1990-х гг. проживал значительный про-

---

[402] Екимов А.И. Нательный крест // Календарь древлеправославной поморской церкви на 2012 год. СПб., 2012. С. 114.

[403] Там же. С. 114.

[404] Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова Н. Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага, 1966. С. 57, 75.

цент женщин, не воспринимавших джинсы и рубашку как костюм на все случаи жизни. В настоящее время неприятие такой одежды в частности для посещения церковных служб, высказывает Русская православная церковь и старообрядцы. В последние годы возникли целые общества противниц ношения женщинами мужской одежды, оформились общественные организации «За жизнь и защиту семейных ценностей» и пр.

Ю.В.Аргудяева
Владивосток, ИИАЭНДВ ДВО РАН

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ И БЫТЕ У РУССКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ США

В настоящее время в США проживают преимущественно локальные группы русских старообрядцев, получившие в зависимости от места выхода на американский континент (Турция, Синьцзян, Маньчжурия (окрестности Харбина) неофициальные названия «турчане», «синьцзянцы», «харбинцы». Они прибыли в США в 1960—1970-е гг. и составляли первоначально единое религиозное сообщество старообрядцев – беспоповцев. Общины старообрядцев-поповцев, имеющие в настоящее время четверть всего старообрядческого американского сообщества, возникли уже на американском континенте в 1980-е гг. из числа беспоповцев. Основная часть этих групп старообрядцев расселилась первоначально в штате Орегон, а уже оттуда, стремясь оградить молодёжь от влияния «мира» несколько десятков семей перебрались в штаты Аляска и Миннесота[405].

Несмотря на то, что на современный образ жизни русских старообрядцев Америки значительное влияние продолжают оказывать их религиозные воззрения, процессы адаптации к местным условиям жизни, местному англоязычному населению, общие преобразования и технический прогресс в течение полувекового пребывания на американском континенте в определенной степени повлияли на утрату жестких религиозных традиций, изменение традиционной хозяйственной деятельности и установок на демографической поведение и в целом на повседневную жизнь.

---

[405] РГНФ. № 12-11-07004а/. «Кавказская женщина: трансформации этнической ментальности и гендерных статусов в годы Великой Отечественной войны»

Прибытие крупной, единой по конфессиональным установкам группы разрешило крайне напряженную демографическую ситуацию у «турчан» и увеличило диапазон брачных партнёров у «харбинцев» и «синьцзянцев», что позволил старообрядцам быстро сблизиться и создать, что было особенно важно для дальнейшего существования общин, хорошие брачные контакты и приемлемую брачную ситуацию. Она была нарушена уже в 1980-е гг., когда часть американских старообрядцев приняла священство. Возникновение поповщины не только повлекло распад некоторых брачных союзов, так как один из супругов (чаще женщины) не пожелал переходить в поповские общины, но и нарушил баланс брачных партнёров и повседневную жизнь. Возникла проблема вступления в брак между поповцами и беспоповцами по религиозным соображениям. В итоге под угрозой, как у старообрядцев-поповцев, так и у беспоповцев, оказалась брачная традиция вступления в брак только с партнёрами из своего согласия. Теперь молодые супруги должны были придерживаться либо канонов поповства, либо беспоповства. На этой почве возникли коллизии как между наставниками и священниками, так и многочисленной роднёй новобрачных. Ещё одна направленность экзогамных браков – браки старообрядцев, преимущественно поповцев, с американцами. В дальнейшем стало всё сложнее найти брачную пару и в среде беспоповцев, так как за десятки лет пребывания в Америке породнились многие кланы «турчан», «синьцзянцев» и «харбинцев». Значительно увеличилась доля расторгнутых браков, преимущественно русско-американских, а также численность не оформленных по старообрядческим канонам гражданских браков между старообрядцами и гражданами США, и старообрядцами и эмигрантами-мексиканцами. Ещё одна причина разводов − наркотическая зависимость мужчин, которая все шире, к великому сожалению стариков-родителей, распространяется среди мужской части старообрядческой молодежи и отрицательно влияла на повседневную жизнь старообрядческих общин.

Если раньше юноши и девушки договаривались между собой о предстоящем браке, а потом уже обращались к родителям с просьбой посчитать степени кровного и духовного родства, то в настоящее время, познакомившись, сразу просят родителей посчитать степень родства. Однако, многодетность старообрядческих семей, особенно в старших возрастных группах, обуславливает довольно широкий родственный состав, что фактически уменьшает круг брачных партнёров.

Итогом этих особенностей повседневной жизни стал уход части молодёжи, преимущественно женской, в старообрядческие монастыри России, расположенные в бассейне р. Енисей. Некоторые пожилые родители, сетуя на увлечение наркотиками и соблазны американской жизни, боясь противоправного поведения мужской молодёжи, сами отправляют молодых людей в енисейские монастыри.

Значительно изменила повседневную жизнь старообрядческих семей современная хозяйственная деятельность. По приезде в Северную Америку женщины-старообрядки работали на мебельной фабрике по пошиву покрытия для мебели, которую изготавливали их мужья; на Аляске нанимались на обработку рыбы и на консервную фабрику, были незаменимыми работницами по сбору ягод на американских ягодных фермах и т. п. Приобретение, со временем, собственных земельных участков и организация собственных ферм, изменение хозяйственной направленности в условиях Америки (зерновые практически не сеют, домашних животных не разводят; создали плантации ягодников, декоративных деревьев и кустарников), широкое применение механизированного труда на фермах и наём на обработку ягодников рабочих-мексиканцев, привели к тому, что женщины в поле практически не работают. Исключение составляет уход за огородными культурами в поле или в теплицах. В настоящее время женщины из штатов Орегон и Аляска, работают делопроизводителями в различных учреждениях, учителями и их помощниками в школах, медицинскими сёстрами, массажистками. Некоторые держат магазинчики по продаже традиционной старообрядческой одежды и женских украшений, возглавляют небольшие частные заведения, например, дошкольные учреждения. Женщина уже менее зависима в финансовом отношении от мужа, но у неё теперь двойная занятость: приготовление пищи, уход за детьми и мужем, стирка, уборка и другие домашние обязанности – по-прежнему прерогатива женщин, хотя в условиях широкого применения различной бытовой техники домашний труд женщин значительно облегчён, но всё же, он занимает много времени. Изменилась и деятельность мужчин. Часть аляскинских старообрядцев освоила строительство маломерных рыболовных судов, которые продают и сдают в аренду американцам, используют для собственного коммерческого рыболовства. Некоторые приобрели другие профессии, в частности создали фирмы по строительству и сборке жилых домов. Занятие морским рыболовством и строительством жилья в разных штатах вынуждает часть мужского

населения продолжительное время находиться вне дома. Это обстоятельство и занятость женщины вне семьи, безусловно, приводит к изменениям в повседневной жизни семьи и общины.

К.В. Фофанова
Саранск, Мордовский ГУ им. Н.П. Огарева

СЕМЬЯ, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: СТОЛКНОВЕНИЯ И ПАРИТЕТЫ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ

Сочетание семьи, повседневной жизни и профессиональной деятельности преподавателей высшей школы представляет собой «открытое» поле для исследования и применения гендерного анализа. При изучении повседневной и семейной жизни преподавателей высшей школы мы использовали количественно-качественную стратегию, позволившую зафиксировать столкновения и паритеты гендерных ролей. Исследование проводилось среди преподавателей Ульяновских вузов.

Как показали результаты анкетного опроса, одной из особенностей стиля жизни преподавателей высшей школы выступает стирание границы между профессиональной и частной жизнью, рабочим и внерабочим временем. 73% мужчин и 75% женщин указали на отсутствие возможности уделять больше внимания семье. Информанты в своих интервью отмечали, что *«не могут сходить с детьми отдохнуть», «мало времени уделяют семье».* Секвенции таких рассказов позволяют увидеть, что профессиональная деятельность преподавателя переходит в стиль жизни, границы рабочего дня размыты, что является тактическим проявлением профессионального признания, способом пополнения культурного и научного капитала.

Специальный блок вопросов касался семейного положения преподавателей. Структура семейного положения преподавателей высшей школы в целом не имеет гендерных особенностей, но наблюдается различный уровень удовлетворенности браком у мужчин и женщин. Согласно данным исследования, мужчины-преподаватели в большей степени довольны браком (64% мужчин против 43% женщин); на неудовлетворенность отношениями в браке опять же в меньшей степени указывают мужчины (16% к 35%). Затруднились с оценкой качества брачных отношений в равной степени женщины и мужчины (21%). В числе внутренних «сил отталкивания» в браке следует назвать «неже-

лание идти на компромисс», «грубость мужа», «невнимательность». Велика доля и тех, кто считает, что «недовольны, но смирились» отношением членов семьи к их профессиональной деятельности (27,8% мужчин и 25,7% женщин). В качестве преграды для карьерного роста 17% мужчин-преподавателей и 12,6% женщин-преподавателей считают семейные обстоятельства. Среди мужчин на данное обстоятельство указывают 21,1% кандидатов наук и 19% преподавателей без степени, причем эта часть мужчин относится к возрастной категории до 41 года. Среди женщин преобладают кандидаты наук (15,2%) и доктора наук (14,3%).

Результаты анкетного опроса «Профессиональная деятельность и семейные отношения» подтверждают влияние профессиональной деятельности на внутрисемейные отношения. Корреляция между двумя переменными «профессия – семья» дает отрицательное сальдо – 78% женщин указали на негативное влияние. Доля мужчин, оценивающих негативное влияние работы на семью значительно меньше – 42%. Однако велика доля мужчин (40%), считающих, что нет никакого отрицательного влияния. Женщин, разделяющих эту позицию в 3 раза меньше (12%). Сопоставляя показатели по данному блоку вопросов с показателями, оценивающими возможность уделять внимание семье, мы получили некие «ножницы». Видимо, жены мужчин-преподавателей толерантнее относятся к их профессиональной деятельности, больше готовы мириться с профессиональными «издержками», нежели мужья женщин-преподавателей. Типичными причинами напряженности в семейных отношениях, вытекающими из профессиональной деятельности, по мнению информантов-мужчин, являются *«ревность к работе», «ревность к студентам», «недоверие».* По мнению информантов-женщин, причины осложнения отношений в семье связаны с тем, что *«мало времени уделяла супругу. Возможно, это и повлияло на сложность отношений» (женщина, 48 лет).*

Результаты исследования показали, что у женщин-преподавателей более четко выражена ценность карьеры и ориентация на профессиональную деятельность, чем у мужчин. Оценивая значение семьи и работы в своей жизни, женщины чаще мужчин указывали на позицию «Профессия и карьера были для меня всегда самым важным» – 13,6% к 9,2%. Позиция «Семья для меня всегда была более значима, чем моя работа» оказалась более близкой мужчинам – 26,8% к 17,9% женщин, точку зрения «В разные периоды жизни было по-разному» выбрали 4,6% мужчин и 4,3% женщин. На паритетную позицию «Мне

всегда были одинаково необходимы работа и семья» направлено большинство респондентов – 52,9% мужчин и 62,5% женщин.

Вопреки гендерному стереотипу, что женщина не ставит перед собой высоких карьерных целей и выбирает те должности, которые оставляют время для занятий домом и детьми, женщины-преподаватели демонстрируют ценность индивидуализма, профессию и работу ставят на первое место. «Разрыв» стереотипа наблюдается и со стороны мужчин. В одном из интервью информант четко проартикулировал разрушение гендерного стереотипа – «*работа занимает наиважнейшее место после семьи».*

Опираясь на данные исследования, можно сделать вывод, что многие гендерные стереотипы в отношении семьи, семейных ролей, карьерных притязаний, профессиональных стратегий в преподавательской среде разрушены. Преподаватели отмечают изменения отношения к профессиональной и частной сферам, демонстрируют «пластичность» гендерных границ. Мужчины-преподаватели совмещают родительские (отцовские) и профессиональные роли, отношения к семье выстраиваются на основе традиционных ценностей. Преподаватели (как женщины, так и мужчины) отмечают, что трудно создать гармоничное сочетание семьи, профессиональной деятельности и карьеры.

Т.Ф. Шубина
Архангельск, филиал Всероссийского заочного ФЭИ

ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СЕМЬИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В НАСТОЯЩЕМ

Повседневность – это, согласно П. Бергеру и Т. Лукману, «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира», то, что буднично и «ничем не примечательно, имеет место изо дня в день», то, что первично и «безусловно для всех людей, везде и всегда». Таким образом, мир, в котором мы живем, – это конструкция, которая складывается из стремлений и реакций человека на частные события, из его воспоминаний и раздумий о будущем.

Изучая пространство повседневной жизни через житейские ситуации, мы можем обнаружить приверженность носителей повседневных интересов (индивидов, определенных социальных слоев и общества в целом) к всевозможным практикам быта, труда, воспитания, власти, к ценностям, стереотипам поведения.

Еще в XIX в. к проблемам повседневной жизни людей в русском обществе обращались российские историки: Забелин, Карамзин, Костомаров. Однако современные исследователи не так давно осознали ценность повседневной жизни как условия духовного самосовершенствования индивида, его неповторимости и самобытности.

В нашей статье мы рассмотрим лишь одну форму повседневности, но, во многом, определяющую все другие – повседневную жизнь семьи.

Именно здесь происходит становление различных порядков, форм взаимодействия, ценностей, норм и правил жизни, которые отражают эпоху. Пространство повседневной жизни семьи воздействует на человека (через интерьер, этикет, ритм жизни и т.д.), создавая нового члена семьи. Мелочи семейного быта определяют облик мира, в котором живет человек. Недаром, говоря о бытовом поведении, Ю.М. Лотман называл его «обрядовым поведением».

Множество материальных и нематериальных элементов, наполняющих пространство повседневной жизни семьи, создают особую атмосферу и сеть специфических отношений.

Семья, связывая людей отношениями супружества, родительства, совместного домохозяйства, создает в каждом конкретном случае присущее ей социальное пространство.

Организация семейного пространства начинается с формирования территории, поиска подходящего помещения, его приобретения и переоборудования в соответствии со значимыми для данной семьи образцами, – в том числе, гендерными. И. Гофман, исследуя взаимодействие индивидов, находящихся в замкнутом пространстве, подчеркивает, что для установления контактов необходимы перегородки и укромные места.

Оформление семейного союза путем заключения брака и начинает формировать пространство повседневной жизни семьи, которое постоянно изменяется и приспосабливается индивидами для воспроизводственной деятельности, в соответствии с динамикой и структурой семьи. Оно определяет круг выполнения различных домашних обязанностей и забот, служит и отражением гендерного разделения ролей в семье и формой персонализации индивида.

Исследуя женское и мужское пространство повседневной жизни семьи Европейского Севера в прошлом и настоящем можно лучше понять суть изменений в организации семейной жизни людей.

Исторически складывалось традиционное функциональное и знаковое разделение домашнего пространства на мужское и женское. Ис-

следователи традиционного домашнего этикета народов Европейского Севера России достаточно часто отмечают строгость нормативного закрепления частей пространства жилой избы по диагонали: «красный угол» – «печь». О степени жесткости такого закрепления говорит то, что «представители противоположного пола не заходили (даже в своей семье) без надобности на «чужую» половину; например, женщине сесть на коник (мужскую лавку) считалось неприличным».

Сходная ситуация отмечается этнологами у коми-пермяков. Комната-пролет (помещение рядом с жилой избой, в котором хранились продукты) находилась в исключительном ведении женщины. Мужчина никогда не ходит туда, а если хозяину нужно взять что-нибудь из пролета, он посылает туда бабу».

Женское пространство, как пишет Т. Бернштам, ограничивалось границами печного угла, подполом, чердаком и реализовывало мифологическое представление о связи женского начала с «низом» и «хаосом».

Мужское пространство состояло из организованного мира избы, ориентированного на «верх» – это «красный» или «большой» угол – и сторону от него к порогу, и все, что входило в его убранство.

Нарушение границ этих территорий даже для мужчин было ритуально опасным и требовало особого поведения.

Дом и сегодня является основным местом протекания повседневной жизни человека. Только, быть может, в нем не так четко проявляется дихотомия бинарной оппозиции «мужское – женское»: сегодня в общественном сознании происходят сдвиги, которые, по словам И.С. Кона, уже привели к тому, что мужчина в современном социокультурном смысловом пространстве теряет гарантированный господствующий статус, а это влечет за собой перестройку системы отношений.

Тем не менее, пребывание в одном пространстве обязывает индивидов и сегодня серьезно относится к исполнению своих социальных ролей, определенных общими нормами, т. к. они действуют в рамках партнерств и договоренностей, которые, в глазах сообщества, обладают надындивидуальными характеристиками. Сложившиеся в рамках традиционной культуры взаимоотношения продолжают опираться на нормативные стандарты типа «они же мужчины – они весь день трудились и теперь должны отдыхать так, как им нравится».

РАЗДЕЛ 8.
ИЗМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЖИЗНЕННЫЕ ТРАЕКТОРИИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

С.А. Короткова
Москва, Нац. иссл. университет «Высшая школа экономики»

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В АМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЯХ АНГЛИИ

С самого начала существования колоний школьное образование стало неотъемлемой частью их культурной жизни. Какие возможности получить образование были у девочек в колониальный период? В XVII–XVIII вв. общество подозрительно относилось к самой идее обучения девушек. В течение всего колониального периода образование в основном ограничивалось умением читать и практическими домашними навыками. Качество образования зависело от региона и колонии.

Новоанглийские колонии с их пуританской основой и национальной однородностью проявляли большое внимание к обучению всех детей. Центральные колонии заселялись различными этническими и религиозными группами, что создавало дополнительные трудности в организации учебы. Население южных колоний было разбросано на большой территории, поэтому девочек из богатых плантаторских семей обучали дома.

Самым распространенным типом школы начального уровня для девочек была «дамская школа» (dame-school), являвшая собой нечто среднее между детским садом и начальной школой. За колониальный период постепенно сложились три вида «дамских школ». В первом – одна из соседок, обладавшая некоторыми знаниями и навыками, брала к себе на несколько часов детей от 3 до 7 лет, за скромную плату, служившую подспорьем в ее хозяйстве. Занятия проводились чаще всего на кухне, где хозяйка одновременно занималась своими обычными делами.

В конце XVII – начале XVIII вв. появился второй тип – общественные «дамские школы», создававшиеся по решению жителей поселения, в основном существовавшие за счет оплаты родителей. Набор предметов в нем был тот же, иногда для занятий предоставляли более просторное помещение.

Третий тип «дамских школ» – настоящие общественные школы в отдельных зданиях, которые по большей части содержались на деньги города. Ко второй половине XVIII в. почти во всех городах девочкам разрешили посещать такие школы, но отдельно от мальчиков и летом.

Открывали школы и специально для девочек. Учитель из Портсмута сделал в 1773 г. такую запись в дневнике: «…Открыли школу. В первый день пришло 30 девушек. Затем их число увеличилось до 70, позже до 80. Возраст – от 7 до 20 лет… Главным образом я учил их чтению, письму, арифметике и географии. Такая женская школа… есть институт мудрый и полезный»[406].

Около 1787 г. Калеб Бингхем, автор учеников по чтению, грамматике, ораторскому искусству предложил открыть в Бостоне женскую «reading school», где бы кроме письма преподавали правописание, английскую грамматику, чтение, арифметику. В 1789 г. там же появились три первые «двуглавые школы». В них мальчики и девочки имели равные права, но учились раздельно. В 1790 г. во всех школах Бостона было 539 девочек, чуть меньше, чем мальчиков[407]. Эти школы просуществовали до середины XIX в.

К середине XVIII в. появилась масса частных женских пансионов. Большинство из них открывалось в домах их хозяек и принимало от 6 до 10 девушек, которые учились и помогали по дому. Несколько часов в день отводилось на уроки – языки, география, шитье, иногда музыка. Для преподавания рисования, танцев и арифметики приглашали специальных учителей. Все это стоило недешево. Особый упор в таких заведениях делался на овладение изящными манерами, необходимыми для будущей хозяйки дома или салона.

Специальные женские образовательные заведения основывали отдельные религиозные общины. Моравские братья открыли женские семинарии в ряде городов Пенсильвании. Большой популярностью пользовались квакерские пансионы. В Мериленде и Новом Орлеане специальные женские учебные заведения открыли католические монастыри.

В 1751 г. в Филадельфии по проекту Б. Франклина открылась Академия, состоявшая из трех отделений-школ: латинского, английской грамматической школы и математического. В этих школах учились мальчики и девочки. Позднее они стали готовить студентов к работе учителями в начальной школе. Самой известной была Филадельфийская Академия (1787 г.), ставшая первым официальным институтом высшего женского образования в Америке. Ее организаторы были уве-

---

406 Dexter E.G. P. 427.

407 Small W.H. P. 279.

ренны в том, что из образованных женщин получатся лучшие жены и матери, которые смогут воспитать поколение новых республиканцев.

Один из основателей Академии, просветитель Б. Раш, составил программу обучения. На первом месте – умение правильно читать, писать и говорить на английском языке. Далее – умение составлять письма, каллиграфия, счет и бухгалтерия, затем – курсы по истории и географии, некоторые сведения из астрономии и натурфилософии. Образование могло включать пение и танцы. Один из самых важных предметов – религия. Обучение шло по классам в зависимости от начальной подготовки. По окончании в торжественной обстановке вручался диплом. На празднике выпускницы обязательно выступали с речами, на заранее выбранную тему. Уже в первый год работы в Академии училось более 100 учениц из высших слоев Пенсильвании, Массачусетса, Джорджии, обеих Каролин, Вирджинии, Мериленда[408].

Кроме всех вышеизложенных возможностей образования для девушек была еще одна – уроки у частных преподавателей, которые предлагали самые разные занятия. Наиболее часто юным леди предлагали уроки по швейной и декоративной работе – научиться делать гобелены, вышивать самыми разными техниками, окрашивать ткани, переносить рисунок на ткань, работать с перьями, изготавливать золотое и серебряное шитье, «брюссельские кружева», обтягивать пуговицы, стегать ткани, делать шарфы из оборок и т.д.[409]. Но среди всего этого разнообразия частной инициативы были и предложения об академических дисциплинах. Так, в доме Георга Браунеля могли научить «письму, счету, танцам, игре на спинете (род клавикордов), английской и французской вышивке, изготовлению цветов[410].

«Дамские», общественные, частные школы, пансионы и академии – все вместе взятые формы образовательных учреждений для девочек, существовавшие в XVII–XVIII вв., не решали вопроса о массовом женском обучении, число неграмотных среди американок оставалось достаточно

---

[408] Mays D.A. Women in early America: struggle, survival, and freedom in a new world. Santa Barbara, Calif., 2004. P. 433.

[409] Boston Evening Post, April 30, 1739; March 15, 1742; February 3, 1748; April 11, 1751; April 22, 1751; April 30, 1759; April 20, 1767; Massachusetts Gazette and Boston News-Letter, August 20, 1716; Newport Mercury, May 8, 1759.

[410] Massachusetts Gazette and Boston News-Letter, February 22, 1712.

высоким. Даже получив неплохое образование, женщинам практически некуда было его применить, кроме домашней сферы или помощи своим мужьям в бизнесе. Совсем небольшой круг составляют женские имена, оставившие свой интеллектуальный след в истории США. Только XIX в. кардинальным образом изменил ситуацию в женском образовании.

В.С. Трофимова
С.-Петербург, Санкт-Петербургский гос. университет

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ XVII В. В РУССКОЙ ПЕЧАТИ ВЕКА ПРОСВЕЩЕНИЯ

Актуализация проблемы женщины в русской культуре происходит еще в царствование Петра I. На повестке дня стоял вопрос об образовании женщин. В начале XVIII в. пионером в разработке проектов организации специальных женских школ был Федор Степанович Салтыков.

Маркиза де Ментенон, столь заинтересовавшая Петра I, была одной из самых известных европейских женщин в России XVIII в. Ее жизнеописание появляется в 1731 г. на страницах первого русского журнала «Примечания на Ведомости». Статья была переводная – из английского «Гуардиана», однако была снабжена примечаниями. Далее автор примечания, вероятно, питавший живой интерес к женскому образованию, описывает обучение девушек в Сен-Сире: «Они живут там до 20 лет от рождения а иногда еще и долее, и бывают во всяких женскому полу потребных науках, а именно в страхе божии, в вышивании золотом и серебром, в шитьи, в танцевании, в печении сахарных конфектов, в музыке и огородном искусстве обучены; потом они или в монастыре остаются, или замуж выдаются. Учительницы в сем монастыре бывают от тридцати шести лет, которые с служительницами не токмо монастырские обеты учинить, но и то обещать должны, что они в воспитании сих девиц до их смерти пребыть хотят». Как и Ф.С. Салтыков, сотрудник «Примечаний на Ведомости» подчеркивает «женский» характер воспитания и обучения, практиковавшийся в Сен-Сире. С другой стороны, Ментенон в последних частях статьи предстает именно как реформатор женского образования, а в финале жизнеописания превозносится «разум» героини, а не ее внешняя привлекательность. Таким образом, в статье о Ментенон в «Примечаниях на Ведомости» формируется образ серьезной ученой дамы, приносящей пользу обществу, а не просто удачливой «Золушки».

В 1790-е гг. в русской прессе наблюдается новая волна интереса к личности маркизы де Ментенон. В журнале «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная» за 1794 год, издаваемом в Тобольске, в серии «Продолжение достопамятных деяний и сказаний знаменитых людей новейшей истории» было опубликовано несколько статей о Ментенон. В них особо подчеркивалась ученость маркизы, ее скромность, благородство и сострадательность. Примечательна характеристика, данная Ментенон анонимным автором в первой статье: «Без сомнения сему-то образу жизни, перемешанной снисхождением, трудами и учением, обязана она была совершенствами деятельного, просвещенного и глубокого своего ума, которой только имел нужду в том, чтобы вывести его наружу. Она навыкла писать с величайшей способностью. Выучилась по Итальянски, по Гишпански, по Латински; но казалось, что никакого языка, кроме природного, не знает; столь удивительную имела она скромность». По сравнению со статьей из «Примечаний на Ведомости» шестидесятилетней давности, в материале из тобольского журнала еще больше внимания уделялось образу Ментенон как образованной и культурной женщины, положительной ролевой модели для русских девушек. Статья, по всей видимости, не была окончена, так как о последнем периоде жизни маркизы де Ментенон и о Сен-Сире в ней не говорилось ничего.

Анализируя образы выдающихся европейских женщин, встречающиеся в русской печати XVIII в., нельзя не отметить, что среди них большинство составляли француженки, прежде всего, писательницы и поэтессы: Антуанетта Дезульер, графиня де ла Сюз, мадам де Лафайет, маркиза де Севинье, Мадлена Скюдери, мадам де Саблиер и Анна Дасье. Дезульер была едва ли не самой популярной французской поэтессой в России XVIII в. Переводы ее сочинений публиковались в русских журналах, начиная с 1758 г., с известной регулярностью. Особой популярностью пользовались ее идиллии «Овечки» и «Ручей», неоднократно переводившиеся на русский язык сначала в 1770-е гг. (в 1773 г. они были опубликованы в журнале «Вечера»), а затем в 1790-е гг. (новые переводы были напечатаны в журналах «Новые ежемесячные сочинения» и «Приятное и полезное препровождение времени» в 1791, 1792 и 1795 гг.). Наконец, Н.М. Карамзин в «Письмах русского путешественника», повествуя о посещении парижских достопримечательностей, вспоминает о «нежной» Дезульер, «которой имя напоминает вам Берега кристальных речек. Кротких, миленьких овечек И собачку подле

них»[411]. Антуанетта Дезульер наряду с швейцарским поэтом Геснером была образцовым автором идиллий для русского читателя XVIII в.

Большим уважением в России XVIII в. пользовалась Анна Дасье, переводчица с древнегреческого, видный специалист по классической филологии. Поэт В.К. Тредиаковский назвал ее «глубока Дасиера», которая прославила женский пол[412]. Н.М. Карамзин с восхищением отзывался о ее учености и о ее счастливом браке: «Тут же погребены муж и жена Дасье, которых соединила законным браком любовь... к греческому языку; которые в ученом супружестве своем ласкали друг друга греческими именами и тогда бывали веселы, тогда были счастливы, когда находили новую красоту в стихе Гомеровом»[413]. Однако в русских журналах XVIII в. об Анне Дасье и ее деятельности практически не говорилось. На страницах журналов упоминались имена Мадлены де Скюдери, маркизы де Севинье и мадам де Лафайет. Из выдающихся женщин XVII в. других европейских стран в России эпохи Просвещения были известны Елизавета Богемская, подруга и покровительница Рене Декарта, Мария Сибилла Мериан, ученый-ботаник и художница, английская поэтесса Мери Сидней, графиня Пемброк. Их имена появлялись на страницах журналов «Детское чтение для сердца и ума» 1789 г., «Библиотеки ученой, экономической…» 1794 г., а в случае с принцессой Елизаветой, в «Примечаниях на Ведомости» 1729 г. Любопытным источником информации о выдающихся женщинах XVII в. был «Словарь исторический, или Сокращенная библиотека» в четырнадцати частях, ранний русский энциклопедический справочник, по большей части содержавший переводы с французских словарей, выходивший в свет с 1790 по 1798 г. В этом словаре были статьи не только о Ментенон, Скюдери, Севинье, Дасье и Елизавете Богемской, но и о первой профессиональной писательнице Англии Афре Бен, защитнице женского пола из Италии Лукреции Маринелле и многих других выдающихся женщинах прошлых веков. Таким образом, в последнее десятилетие XVIII в. в русской культуре утверждалась ценность женщины как производительницы культурных ценностей. Этот процесс выразился в появлении множества женщин-писательниц и перево-

---

411 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. 2009. С. 204.

412 Тредиаковский В.К. Избранные произведения. М.-Л., 1963. С. 334.

413 Карамзин. Указ. соч. С. 204.

дчиц, в настоящее время по большей части забытых. Они активно публиковались в журналах «Приятное и полезное препровождение времени» (1794–1798) и «Иппокрена, или Утехи любословия» (1799–1801). Примеры Антуанетты Дезульер, графини де ла Сюз и других популярных французских поэтесс XVII в. служили для них источником вдохновения.

Т.Л. Лабутина
Москва, Институт всеобщей истории РАН

ВЛАСТЬ, ГЕНДЕР И КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ: ЕКАТЕРИНА II И ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

Проблема воспитания и образования подрастающего поколения издавна привлекала внимание не только профессиональных педагогов, но и государственных деятелей. К их числу принадлежала российская императрица Екатерина II. О том, как Екатерина относилась к образованию подрастающего поколения вообще, и женского, в частности, и пойдет речь в нашем сообщении.

Прежде всего следует отметить, что определенное влияние на российские дидактические программы оказала западноевропейская образовательная система, в первую очередь, та, что была разработана известным английским просветителем Джоном Локком. Американский историк Марк Раеф утверждал: этико-педагогическая ориентация в России находилась в тесной связи с европейскими образовательными теориями и практикой, ведущими свое происхождение от Локка. Напомним, что перевод трактата Локка «Мысли о воспитании и о воспитании разума» был издан в России в 1760 г., второе издание появилось в 1788 г. О популярности данного труда у российской элиты свидетельствовали частые ссылки на него в трудах самой императрицы. Как отмечал американский ученый Э.Симмонс, Екатерина II не симпатизировала французской системе образования, доминировавшей в России с середины XVIII в. (правление Елизаветы Петровны), зато в своих инструкциях по поводу воспитания внуков она заимствовала целые страницы из сочинения Локка. Будущий император Александр I был воспитан, по мнению Симмонса, именно «по английскому плану», что означало «свежий воздух, либеральные идеи и наставления в области морали и поведения».

Определенное британское влияние прослеживается и в проектах создания образовательных учреждений для девушек. В работе «Очерк о проектах» (1693 г.) журналист и писатель Д. Дефо предложил устроить образовательные «академии» с целью обучения в них девушек-аристократок. Это были пансионы закрытого типа, в которых ученицы могли получить светское образование, познать грамоту, иностранные языки, обучиться музыке и танцам. В России первое женское образовательное учреждение подобного типа – Императорское воспитательное общество благородных девиц (Смольный институт) было открыто. по инициативе Екатерины II в 1764 г. Годом раньше императрица потребовала от своих дипломатических представителей в Вене, Копенгагене, Гааге, Берлине, Гамбурге, Стокгольме без промедления достать «подробные описания всем или лучшим таким учреждениям в тех государствах, где они находились на службе». По мнению Е.Ф. Петиновой, «ничего особенно ценного из-за границы почерпнуть не удалось», а потому Устав Воспитательного общества составляли по собственному разумению. Однако, на наш взгляд, без западных заимствований (в том числе и британских) здесь все-таки не обошлось. Аналогичного мнения придерживался ученый П.М. Майков, хотя он считал, что образцом для подражания при учреждении в России Общества благородных девиц послужило женское учебное заведение во Франции. В 1686 г. госпожа Ментерон основала в Сен-Сире первое образовательное учреждение (Институт для дам св. Людовика), в которое принимали «девиц благородного происхождения» в возрасте от 7 до 12 лет. Они обучались за казенный счет и находились в учебном заведении до двадцатилетнего возраста. Родители могли навещать своих дочерей в определенные дни. Воспитанницы делились по возрастным группам, которые разнились цветом платьев (коричневый, зеленый, желтый, голубой). Как отмечал П.М. Майков, «все занятия были направлены к тому, чтобы развить в девицах вкус ко всему благородному, прекрасному, изящному, их знакомили с отечественными писателями, учили писать изысканным слогом, приучали беседовать между собой о возвышенных предметах. При этом обращалось большое внимание на обхождение, изысканность в костюме, на светский лоск, манеры и т. д.» Воспитанницы декламировали сцены из комедий Расина, а также ставили пьесы, на которых нередко присутствовал сам король Людовик XIV. Учебное заведение в Сен-Сире, по утверждению ученого, получило широкую известность за пределами Франции. Его

брали за пример во многих европейских государствах. Нам представляется вполне возможным, что данное заведение посетил и Дефо, побывавший во Франции незадолго до написания своего трактата о «женских академиях». Посетили Сен-Сир в свое время также Петр 1, находясь с визитом в Париже в 1717 г., и один из сподвижников Екатерины в деле образования И.И. Бецкой. Бывала там и сама императрица, в бытность свою немецкой княжной. Майков уверял, что устав Смольного монастыря являлся «сколком» с устава Сен-Сира.

Нам представляется утверждение о том, что Смольный институт был основан по примеру западноевропейских женских образовательных учреждений, вполне убедительным. В подтверждение сказанного может послужить сравнительный анализ подобных учреждений в Англии и России. Посетившая в 1781 г. Смольный институт супруга известного медика, специализирующегося на прививке оспы – Томаса Димсдейла, баронесса Элизабет Димсдейл, отмечала в своем дневнике: из 700 воспитанниц 300 принадлежали к аристократическим семьям, остальные – к буржуазным. Девочек обучали истории, географии, русскому, французскому, немецкому и итальянскому языкам (английский язык в образовательной программе отсутствовал. – Т.Л.), а также музыке, танцам и рисованию. Большое внимание уделялось религиозному воспитанию. Представительниц средних слоев обучали еще и урокам домоводства: выпекать хлеб, сбивать масло, вышивать и т.п. Добавим, что специальное учебное заведение для девушек из мещан – Александровский институт был также открыт Екатериной в 1765 г.

Опираясь на результаты проделанного нами сравнительного анализа, можем констатировать: по своим целям и задачам, по форме обучения и образовательным программам женская образовательная система в России во многом напоминала британскую модель. Единственное отличие, на наш взгляд, касалось способов финансирования женских пансионов. И если в Англии все расходы по содержанию учениц брали на себя их родители, то в России счета практически всех смолянок оплачивала сама императрица. Как бы то ни было, но своей деятельностью на ниве образования подрастающего поколения императрица Екатерина II внесла посильный вклад в развитие общекультурного уровня своих подданных. Но что двигало императрицей в данном предприятии? Подражание «просвещенным» европейским монархам? Насущные потребности государства в образовании не только мужчин, но и женщин? Или то обстоятельство, что на российском престоле восседала

именно женщина? На наш взгляд, все вышеперечисленные мотивы явились решающими в том, что Екатерина II в своей деятельности решила обратиться к проблеме образования вообще, и женского, в частности.

А.В. Емельянова
Екатеринбург, Уральский федерал. университет им. Б.Н. Ельцина

МЕМУАРЫ А.Т. БОЛОТОВА О ЖЕНСКОМ ДВОРЯНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

В России XVIII в. было мало учебных заведений для девочек, многие из них получали домашнее образование и этот процесс нашел отражение в мемуарах. Наиболее интересными являются мемуары выдающегося ученого и педагога Андрея Тимофеевича Болотова. Рассмотрим на примере его дочерей, детей родственников и знакомых, чему обучали девочек в семьях дворян в России в 70–90 гг. XVIII в.

У Болотова было четыре дочери: Елизавета (р. в 1767 г.), Анастасия (р. в 1773 г.), Ольга (р. в 1775 г.), Екатерина (р. в 1778 г.) и один сын Павел (р. в 1771 г.). Семья жила в селе Дворянинове Тульской губернии. В 1776 г. его старшая дочь Елизавета в возрасте 8 лет умела читать и писать: «Большой нашей дочери Елисавете шел уже тогда девятый год, и она была девочка уже изрядная и утешавшая нас и видом, и милым и любезным характером своим. Мы выучили уже ее грамоте и писать, и были понятием и всем поведением ее очень довольны».

Обучением детей чтению, по свидетельству автора, занималась бабушка, теща Андрея Тимофеевича, Мария Абрамовна. Автор так характеризует свою тещу: «Она была так умна, что я мог разговаривать с нею обо всяких материях, а притом так любопытна во всех частях, что всегда слушивала меня с удовольствием... любила и сама читать книги и слушать других, когда ей читали».

В 1779–1780 гг. Анастасия и Ольга учились читать у бабушки (т. е. когда Анастасие было 7 лет, а Ольге – 5 лет): «Обе они учились тогда грамоте, и сею обязаны все мои дети своей бабушке, а моей теще. Труд сей обыкновенно принимала она сама на себя, и не уважала нимало обыкновенную скуку, с тем сопряженную».

Писать дети учились у отца: «Вторая дочь моя, Настасья, поднялась также около сего времени на ноги и сделалась уже почти полуневестою. По тихому и прекрасному ее нраву, а также по способности ко всему, была она всеми наши любима. В сей год была она несколько

больна... И как она оправилась, и она у нас и писала и училась, у меня, а более у брата, с которым была у нее особливая дружба, рисовать».

Младшую дочь Екатерину отец начал учить писать лишь в 1788 г. в возрасте 10 лет, следовательно, только к этому времени она научилась читать. Болотов неоднократно подчеркивает, что она отставала в развитии от остальных детей, вероятно, этим и была вызвана задержка с ее обучением.

Начальную программу обучения девочек в семье Андрея Тимофеевича составляли предметы: чтение, письмо, рисование, музыка и танцы. Автор отмечал, что старшая дочь в 17 лет «рисовала уже нарочито хорошо и всякими красками». В 1787–1790 гг. Болотов нанял учителей музыки для обучения дочерей игре на фортепиано. Он оговаривает сумму, заплаченную за обучение – 500 руб., не малую по тем временам, вероятно за все время обучения.

Андрей Тимофеевич писал, что каждую зиму во время поездок в Москву, он нанимал учителей танцев для детей, упоминал, что в семье знакомых москвичей Давыдовых тоже нанимали для своих детей танцмейстера.

Старшая дочь Елизавета к тринадцати годам «по выучке грамоте, занималась наиболее уже своими женскими рукоделиями при матери; однако не оставлял и я с своей стороны обрабатывать младой ум ее и вперять в него обо всем, что можно было, нужные знания и понятия». Автор не уточняет каким наукам, учил дочь, ясно лишь, что от обучения иностранным языкам пришлось отказаться: к тому «нам не было способа, ибо в пансионе одной ей с мальчиками учиться не годилось, а держать для ее одной у себя какую-нибудь француженку или мадам не дозволял нам и достаток наш, да и как-то мы к тому не имели и дальней охоты и не располагались, а думали, что довольно, когда бы она хотя и одно русское, да порядочно знала, но была бы только не испорчена в своем нраве и поведении».

Сведений об обучении наукам других дочерей Болотов не приводит. Ясно лишь, что он сам занимался образованием не только своих дочерей, но и дочерей тетки жены Матрены Васильевны Арцыбышевой. В 1773 г. под его руководством они изучали арифметику: «Обе девушки, дочери тетки нашей, госпожи Арцыбышевой, гостили в сие время у нас, и я, пользуясь сии случаем, учил обеих их арихметике».

Болотов занимался со старшей из девушек географией: «Между тем, как гостьи и ученицы мои столько уже арифметики от меня научились, сколько нужно знать из ней женщинам, то, продолжая по прежнему наши философические разговоры, восхотелось мне старшей из

них преподать некоторое понятие и о географии, науке толико для всех нужной и необходимой».

Для обучения девушки географии Болотов использовал следующий метод: «Не удовольствуясь показыванием всего в атласах, вздумал я, для лучшего и удобнейшего впечатления в памяти ее фигур и положения всех земель и вод, употребить особое средство, а именно: заставить самое ее иллюминировать все четыре части света на ландкартах русских и случившихся у меня неразрисованными, а чрез самое то познакомить ее несколько с употреблением красок и кистей». Это характеризует новаторство Болотова-педагога, так как метод, используемый им, помогал быстрее и лучше освоить изучаемый материал.

А.Т. Болотов проводил занятия-лекции для детей: «Что касается до вечеров, то имели мы в это время особливое занятие. Восхотелось мне как их, так и обеих моих молодых свояченицы, дочерей тетки Матрены Васильевны, приехавших опять к нам гостить, познакомить с своею "Детскою философиею" и испытать читать им ее вслух, сколько можно явственнее и с нужными всего растолкованиями, дабы преподать им чрез то понятие о всех нужных вещах, содержащихся в сей книге, а особливо о Боге и устроении всей вселенной. Итак, усадив их кругом около поставленного посреди кабинета моего стола, прочитывал я им по примеру, как читают профессоры свои лекции, в каждой вечер до разговору, и разговаривая притом с ними о читанных материях. Не успел я сего начать, как чтение и разговоры сии всем слушающим детям так полюбились, что они стали уже с нетерпеливостью дожидаться вечера, и уже без призыву сами ко мне по наступлении оного собираться».

М.В. Короткова
Москва, Московский Педагогический Государственный Университет

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ В ЗАКРЫТЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ XVIII–XIX ВЕКОВ В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНОЙ ПЕДАГОГИКИ

В обучении дворянских детей в XVIII–XIX вв. изначально ставились гендерные задачи: мальчиков готовили к службе, а девочек – к роли матери и жены. Школа для сыновей рассматривалась как своего рода служба, как важная повинность и обязанность. Дворянские учебные заведения для мальчиков отличала строгая военная дисциплина и высокая нравственная основа. Женские учебные заведения свою за-

дачу видели в воспитании «людскости», то есть умении общаться в свете и говорить на разных языках. Науки и знания, полученные девицами, считали важнейшим приложением к основной гендерной обязанности девушек – стать супругой и хорошей матерью.

Сравнительный анализ программ и учебных планов образовательных заведений для мальчиков и девочек показывает, что при выборе наук для изучения на первое место ставили профессиональную мотивацию. В программах кадетских корпусов главное внимание уделяли военным наукам, а в институтах благородных девиц – языки, танцы, музыку и рукоделия. Общие принципы построения учебного процесса в этих заведениях, а также система обучения, оценки, поощрения и наказания также соответствовали гендерной педагогике. В Уставах кадетских корпусов закладывали три принципа: дисциплина, повиновение и наставление; применялась дифференцированная бальная система оценки результатов обучения и поведения, аудиторское обучение и даже телесные наказания в виде розог, арест и карцер. В женских учебных заведениях использовали не физические, а нравственные наказания, педагогическое личностно-ориентированное обучение, иную бальную систему оценки результатов, хотя соблюдали строгую дисциплину и повиновение.

Исторический опыт организации обучения в закрытых учебных заведениях России XVIII–XIX вв. показывает, что следование гендерному подходу позволяет избежать дискриминации по основаниям различия полов и избавиться от гендерной асимметрии.

М.Ю. Хохлова

Москва, Московский Педагогический Государственный Университет

ОПЫТ ЖЕНСКИХ ДВОРЯНСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНОЙ ПЕДАГОГИКИ

В современном мире, испорченном эмансипацией и утратой патриархальности, образование в нашей стране практически не зависит от половой принадлежности. Особый, гендерный подход в образовании и воспитании предполагает не только учет биологических различий между полами, но и социальный аспект половой дифференциации. История российского образования богата колоссальным опытом раздельного воспитания, связанного со сложившимися в обществе взглядами на различные роли мужчин и женщин. На современном этапе сущест-

вования российского общества происходит поиск новых парадигм развития образования. Все чаще встает вопрос о возврате школы к раздельному обучению. В подобной ситуации необходимо обратить взор в прошлое к положительному опыту предыдущих поколений.

Одной из главных ценностей системы женских учебных заведений в России была особая организация образования и воспитания специально для представительниц прекрасного пола, т. к. правительство понимало взаимосвязь между «правильно» образованными матерями из дворянской среды и будущим поколением. Через образование детей обучали нравственности, а не только теоретическим знаниям. Поскольку целью, поставленной перед женским образованием, было воспитание, прежде всего жены, матери и хозяйки, характер получаемого в соответствующих учебных заведениях образования должен был соответствовать достижению поставленной цели. Безусловно, нельзя отрицать факт некоторой поверхностности и недостаточности по современным меркам знаний, получаемых в институтах. Тем не менее, здесь стоит отметить то, что для XIX в. даже это было огромным прорывом по сравнению с веками, когда женщины были лишены возможности получить достойное образование. Несмотря на стойкое сохранение патриархальных традиций в российском обществе, получение дворянскими дочерями образования в государственных образовательных учреждениях было важным прогрессивным шагом.

С.А. Фролова

Казань, Гос. историко-архит. и худ. музей «Остров-град Свияжск»

«РЕШИЛСЯ УНИЖАТЬ ДОСТОИНСТВО МОЕГО ЗАВЕДЕНИЯ…»: КОНФЛИКТЫ ДИРЕКТОРОВ УЧИЛИЩ С СОДЕРЖАТЕЛЬНИЦАМИ ЧАСТНЫХ ПАНСИОНОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В первой половине XIX в. численность частных пансионов в Казанском учебном округе, основанных женщинами, увеличилась[414], усилился контроль над их деятельностью со стороны правительства. На местах непосредственное руководство осуществляли директора училищ.

---

[414] Фролова С.А. Частные женские школы и пансионы Казани в первой половине XIX в. // Образование и просвещение в губернской Казани. Сб. ст. Казань, 2008. Вып. 1. С. 161.

Цель доклада – проанализировать изменения в положении женщин содержательниц пансионов через отношение к ним местного чиновничества на примере случаев, произошедших в Пензе и Астрахани.

Основным материалом для исследования послужили документы делопроизводства, отложившиеся в фондах Министерства народного просвещения (РГИА, ф. 733), попечителя Казанского учебного округа (НА РТ, ф. 92), Училищного комитета, Совета и Правления Казанского университета (НА РТ, ф. 977), а также подлинники и копии рапортов и писем самих содержательниц.

Одной из обязанностей директоров училищ был осмотр частных женских пансионов, выявление недостатков в их деятельности и понуждение к улучшению учебной и материально-хозяйственной части. Неисполнение предписаний начальства вело к закрытию частного учебного заведения. К подобному осмотру пансиона «воспитанницы ее величества» Х. Бородулиной приступил директор училищ Пензенской губернии, знаменитый писатель-романист И.И. Лажечников в 1821 г. и пансиона выпускницы Смольного института Е.М. Добровольской директор Астраханских училищ, краевед и редактор М.С. Рыбушкин в 1835 г. Поводом для пристального осмотра служили доносы «благожелателей» – содержателей других частных школ в этих городах.

В результате обе стороны (директор и содержательница) вступили в переписку между собой, а также с вышестоящими инстанциями – Училищным комитетом и попечителем округа. Ее содержание свидетельствует об уровне подготовки содержательниц, хорошо знакомых с законодательством в сфере частного образования, и их стремлении защитить свою репутацию и честь учебного заведения. Обе они содержали частные пансионы более десяти лет, причем часть этого срока – незаконно, скрывая факт существования своего учебного заведения.

Доводы, которые приводили содержательницы в свою защиту (недостаточный уровень подготовки учителей – отсюда и слабая подготовка учащихся, финансовые трудности, тесно связанные с репутацией пансиона и его содержательницы и т. п.) были обычным явлением в российской глубинке. Однако активная позиция содержательниц, попытка привлечь на свою сторону местное общество, расценивались как отказ исполнять правила и предписания «своего непосредственного начальника», т. е. директора училищ. Имели место действия и оскорбительные высказывания Лажечникова и Рыбушкина в адрес содержательниц, которые тоже не уступали в этом директорам.

Приговор, вынесенный директорами училищ, был почти идентичен. Лажечников Бородулиной: «Содержательница пансиона не имеет главных добродетелей христианских: смирения, кротости и повиновения властям». «Г-жа Добровольская не имеет в себе тех педагогических качеств, каковы должны действовать на самый дух воспитанниц, для приобретения должного уважения к ея званию». Итог: пансион Бородулиной «как женщины, потерявшей и ум и благопристойность», необходимо закрыть. Аналогичное решение было принято и в отношении пансиона Добровольской.

Конфликты, спровоцированные директорами училищ в отношении женщин-содержательниц, имели целью и устранение конкуренток для других участников этого рынка. Например, почти сразу после закрытия пансиона Бородулиной Лажечников инициировал открытие в Пензе пансиона француженки М.П. Ломбар, семейство которой сам пригласил в город. В Астрахани готовилось открытие Института благородных девиц (основан в 1836 г.), поэтому наличие в городе женского частного пансиона, в котором обучалось в разное время от 15 до 23 чел., могло ослабить позиции молодого института, при первом наборе в который было всего 20 девочек.

О.В.Чуракова

Архангельск, Институт социально-гуманитарных и политических наук САФУ имени М. В. Ломоносова

МУЖСКОЕ РАДЕНИЕ ЗА ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА ГЕОРГИЕВИЧА ОЛЬДЕНБУРГСКОГО, ЧЕЛОВЕКА И ПАМЯТНИКА

Антропологический ренессанс гуманитарного знания конца XX – начала XXI в. вызвал к жизни необходимость изучения процесса женской эмансипации в России с позиций историко-антропологического знания. Прекрасным исследовательским полем для этого может служить история высшего женского образования. Н.Л. Пушкарева в предметном указателе к изданию «Русская женщина: история и современность»[415] приводит список из более чем 160 имен российских женщин и мужчин, причастных к истории высшего женского образования, тогда как написа-

[415] Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. М., 2002. С. 493–494.

ния биографии удостоены лишь единицы из этого перечня. И здесь есть своя гендерная ассиметрия: если судьбы «культурниц» и «равноправок» воссозданы на страницах современных исследований[416], то «мужская половина» их соратников все еще остается в тени, хотя труды, отражающие «мужской взгляд на женский вопрос» в России частично изданы.

Заслуживает особого внимания, например, деятельность Петра Георгиевича Ольденбургского, более полувека отдавшего делу женского образования в России. Не случайно ему единственному был поставлен памятник за заботу о женском образовании. В юбилейном году (принц родился накануне Бородинского сражения) стоит открыть еще одну страничку его деятельности – как ревизора школ. Гуманист, европейски образованный человек, Петр Георгиевич составил подробное «Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений». При этом принц Ольденбургский руководствовался взглядами общественного деятеля екатерининских времен Ивана Ивановича Бецкого. Цель Бецкого была – воспитать в закрытых училищах-питомникам «новую породу» – «третьего чина людей», занимающихся приращением богатств России, торговлей, промышленностью, ремеслами и воспитание «подлой породы девушек». Петр Георгиевич мечтал, чтобы ученицы «правильно говорили и писали по-русски», изучали математику – «гимнастику для ума», географию с «описанием каждой страны …и образе правления (упоминая о сем последнем предмете как можно короче)»[417].

Будучи попечителем женского образования, Петр Георгиевич провел ревизию частных школ Патриотического общества 1812 г. Первые же выезды в «патриотические школы» показали: благие порывы просветителя выглядят нелепо, поскольку главным занятием в училищах было «шитье белья или платьев в продолжении от 10 до 12 часов в сутки хуже и труднее всякой барщины». Надзирательницы школ полагали, что «образование отвлекает у девиц время для усовершенствования в рукодельях, без всякой существенной пользы для будущей их пользы». В большинстве школ уроков не было. «Зимний день так коро-

---

[416] Юкина И. Русский феминизм как вызов современности. Спб., 2007. С. 150–169; 288–324 и др.

[417] Наставление для образования воспитанниц женских уч. заведений. 1852 г. // Устав женских уч. завед. Ведомства учр. имп. Марии. 1855. СПб., 1884. С. 253–256.

ток, что если употреблять 1–2 часа на учение, да еще час на гуляние, тогда не будет доставать времени на исполнение заказных работ, которые доставляют единственное средство поддерживать школу»[418], – полагали школьные начальницы. Кроме того, выяснилось, что многие девушки страдают глазными болезнями, «происходящею от вышивания по тюлю». О положении дел было доложено августейшей покровительнице общества Александре Федоровне, но императрица отвечала, «что не следует вовсе выводить сего рода рукоделия, как весьма небезвыгодного»[419].

Петр Георгиевич потребовал увеличить число учебных часов в школах, заменить преподавателей на преподавательниц, увеличить помещения классов, одеть и обуть девиц «тепло по времени года», – «сделать салопы с рукавами и обувь потеплее» и пр. Некоторые меры к улучшению положения воспитанниц были действительно приняты. Но тут возник новый спор: а надо ли вообще нагружать девочек учебой? Во-первых, они «готовятся быть горничными, помощницами нянь и женами простого звания людей». Во-вторых, в моде была теория доктора Торбурна, о том, что учение женщинам вредно чисто физиологически: «девяносто девять девиц из ста не могут заниматься в течение около четверти месяца, не рискуя ослабить умственные или физические способности»[420].

Но самым трудным оказался кадровый вопрос, точнее – его гендерная составляющая. «Женщин образованных трудно найти на места столь скудно вознаграждаемые, а чтобы давать даже поверхностные уроки Русского языка, непременно нужно уже в некоторой степени высшее образование»[421], – отмечали воспитатели.

Состояние дел изменилось лишь в период реформ при императоре Александре II. Новые импульсы в период «оттепели» (Ф. Тютчев) получила деятельность принца П.Г. Ольденбурского. В 1855 г. Главный Совет под председательством принца Ольденбургского выработал устав женских учебных заведений. В 1858 г. было открыто в России

---

[418] Шумигорский Е.С. Императорское Женское патриотическое общество. (1812–1912). Спб., 1912. С. 41–62.
[418] Там же. С. 42.
[419] Там же. С. 70.
[420] Торбурн Д. Женское образование с физиологической точки зрения. Спб., 1884. С. 11.
[421] Шумигорский Е.С. Указ соч. С. 45–46.

первое семиклассное для приходящих девиц женское училище. В эти же годы радением принца в Петербурге и Москве были учреждены классы и курсы для подготовки учительниц, учительская семинария при С.-Петербургском воспитательном доме. В высших классах некоторых школ стали готовить учительниц, помощниц надзирательниц, «детских садовниц» – нянек в детские сады и больницы, профессионально обучать счетоводству, бухгалтерии. Были учреждены специальные школы и курсы при многих больницах и родовспомогательных заведениях ведомства Императрицы Марии, рукодельни, ремесленные школы, художественные и музыкальные курсы. Все они наряду с существованием высших женских курсов сыграли свою роль в деле образования россиянок и были обязаны попечению замечательного человека – принца Ольденбургского.

В записке, составленной по случаю 25-летия женских гимназий отмечалось: «Душей и вершителем всех царственных начинаний относительно наших учебных заведений был принц П.Г. Ольденбургский». Вероятно, немало женских судеб в России сложилось счастливо благодаря деятельности филантропа и радетеля за образованную русскую женщину принца П.Г. Ольденбурского.

В.В. Керов

Москва, Российский университет дружбы народов

«САМЫЕ ВРЕДНЫЕ СЕКТАТОРЫ»: СОЦИОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ ЖЕНЩИН В СТАРООБРЯДЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В результате никоновских реформ массы православных оказались в совершенно новых канонических условиях. Почти все духовенство, по мнению сторонников старого обряда, отошли от истинного благочестия. «Исчезла» иерархия. Власти поддержали отступников. В этой ситуации те, кто остался в лоне старой веры и отказался от «новин», вынуждены были по-новому осмыслить свое положение, попытаться приспособить каноническое право и богословские постулаты и продолжить подготовку к спасению. В отсутствие иерархии и государственного контроля в формировавшемся старообрядчестве, по признанию самих старообрядцев, «каждый верующий чутко проникается той мыслью, что духовная благодать одинаково покоится на каждом верующем, и что каждый верующий в силу этого, есть правомочный уча-

стник церковной жизни». Это, а также личная ответственность за дело веры и другие черты старообрядчества обеспечивали в нем «демократизм веры». Свою роль сыграло выборное начало в старой вере и «отказ от положения учимых и учащих, от мысли о самостоятельности духовенства и несамостоятельности мирян».

Одновременно, уже в ранний период старообрядчества «была разбужена религиозная мысль народа». Миряне занимались активным богословским творчеством, не только участвуя в дискуссиях, но и составляя многочисленные произведения как компилятивного, так и оригинального характера. Так, у беспоповцев даже эсхатологические концепции создавали и развивали не только наставники общин, но и другие члены сообщества – купцы, мещане и даже крестьяне.

Полемический характер старообрядческой культуры, развитие религиозного демократизма старообрядческого сообщества стали важнейшим фактором широчайшего распространения грамотности, без которой невозможно было соблюдение соборности. В то время, когда почти вся масса крестьянства, связанного с официальным православием, «коснела в полном невежестве», в старообрядчестве возникали «несомненные признаки и проблески умственного развития и просвещения», распространившиеся, в том числе, вовне городской культуры.

В первой половине XIX в. в среде синодальной паствы 1 грамотный приходился на 17 неграмотных, в старообрядчестве пропорция была 1 к 3. По другим данным, в центральной России в середине XIX в. не менее четверти старообрядцев были грамотными, среди прочих – не более $^1/_6$.

Эта черта староверия сохранялась и позже. Анкетирование свыше 100 тыс. дворов крестьян-старообрядцев показало, что доля грамотных староверов выше, чем у живущих по соседству прихожан синодальной церкви. В 1908 г. 36% крестьян-староверов умели читать и писать (в Московской и северных губерниях – до 50%), в то время как этот показатель для всех крестьян Европейской России составлял 23% и даже в более развитой Польше – 30,5%. Если основная масса всех крестьян Европейской России тратила в то время на книги в среднем 1–1,5 коп. в год на чел., то в старообрядческих семьях эта цифра по результатам анкетирования составила 61 коп.

Тяга к учению активно стимулировалась воспитанием и принуждением. На вопрос наставника, «прилагаеши ли ты всеусердное тщание… ко увеселителым музыкам…?», идеальный юноша-старовер должен был отвечать: «Свирепая моя юность, аще бы и подвигнулася на все то бого-

противное действо, обаче лежащий внутрь сердца моего страх божий к тому допустити волю мою не повелевает, но вместо того книжному чтению прибегати понуждает». В итоге «ученость» стала нормой конфессиональной жизни старовера. Показательно в этом аспекте специальное положение скитского устава, имевшего особое значение в старообрядческой традиции (в т. ч. для мирян), о том, что неграмотный не только «не может быть скитянином» но и «вообще следовать преданию».

Правительственные чиновники, «обследовавшие состояние» старой веры, признавали, что старая вера «держится и распространяется» в определенной степени «грамотностию своих представителей». Экспедиции начала 1850-х гг., отправленные по поручению министра внутренних дел для выяснения «современного положения раскола», а фактически для выяснения причин жизнестойкости старообрядчества и разработки мер борьбы с ним, показали, что в Европейской России значительная часть старообрядцев умели читать и писать.

Подобная ситуация была невозможна без создания широкой образовательной сети для детей всех староверов.

Центры обучения создавались прежде всего в скитах, куда с начала XVIII в. купцы и состоятельные крестьяне (как поповцы, так и беспоповцы) часто отдавали детей «для научения словесной грамоте» и где дети получали «элементарную грамотность», знакомились с церковно-славянским языком и письмом. Вне обителей старообрядческая грамотность также поддерживалась мирянами. Учились и у старших в семье, и у наставников, «наибольшей же частию у своих учителей и учительниц».

Именно женщины стали основной силой, способствовавшей формированию повышенной грамотности староверов. В условиях гонений женщины, менее заметные властям и не хуже мужчин владевшие началами богословия, могли действовать эффективнее. В результате преподавание в старческом сообществе стало их прерогативой.

Важнейшим фактором приобретения женщинами-старообрядками этой гендерной роли стала демократическая образовательная культура старообрядцев, в которой девочки также должны были обучаться грамоте, письму и даже «божественным» вопросам. В этом староверы значительно опередили официальные институты.

В результате деятельности религиозно образованных женщин нелегально действовали тысячи начальных училищ с десятками учеников и учениц – «тетенькины школы», многие из которых открывались на средства богатых староверов. Кроме того, детей старообрядцев

обучали грамоте «мастерицы», как называли себя профессиональные учителя. Многие из них переходили из одного места в другое. Полиция считала старообрядческих учителей – «грамотных мущин и преимущественно… девок келейниц» – самыми «вредными сектаторами».

Во всех согласиях такие «келейницы» (в различных локальных группах старообрядцев – «книжницы», «богомолки», «наставницы», «духовные матери», «мастерицы», «уставщицы», «псаломщицы», «начетчицы» и др.), специально посвятившие себя изучению духовных книг и обучению младшего поколения, пользовались высоким авторитетом. В середине XIX в. в Центральной России богатые староверы выкупали женщин, финансировали строительство домов, обращавшихся в моленные и школы.

В результате женщины в старой вере играли важнейшую социоконфессиональную роль. Их признанная ученость в Писании и Предании привела к тому, что в старообрядческих семьях именно женщины хранили «общежительные чины», то есть правила христианской жизни и спасения. Играя доминирующую роль в функционировании конфессиональной образовательной сети, женщины, в значительной степени, незамужние, внесли значительный также в консолидацию этого конфессионального сообщества и обеспечили себе беспрецедентно высокий гендерный статус в сообществе.

Т.В. Королева
Иваново, Ивановский гос. энергетический университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ФРАНЦИИ ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Парадокс профессионального женского образования во Франции в XIX – начале XX в. заключался в том, что доступ к высшему образованию женщины получили еще в 70-х гг. XIX в. на равных с мужчинами основаниях, а проблема организации среднего и низшего женского профессионального образования оставалась нерешенной несмотря на высокие потребности экономики в квалифицированном женском труде.

Начиная с 30-х гг. XIX в. повсеместное внедрение машин во Франции привело к созданию на их базе крупного, массового производства,

что расширило область применения женского труда. Если в начале XIX в. основную часть женщин, занятых оплачиваемым трудом вне дома, составляли женщины низших классов, то развитие торговли и новых средств связи значительно увеличили количество рабочих мест для женщин средних классов.

Но продолжало сохраняться противоречие между потребностями общества и традиционным отношением к женскому труду, который все еще считался менее квалифицированным, чем мужской. Современники объясняли это тем, что он носит «дилетантский характер» в силу ориентации большинства женщин на домашнее хозяйство и материнство, а не на профессию и тем, что женщины не имеют необходимых профессиональных навыков. Поэтому появилась необходимость в организации профессионального женского обучения.

Первые профессиональные женские школы были открыты в 50-х гг. XIX в. по инициативе Э. Лемонье, которая в 1856 г. основала «Общество материнской заботы», имевшее целью «давать бесплатное ремесленное образование девушкам, у которых их труд является единственным обеспечением их существования»[422]. Однако постепенно была введена оплата за обучение. Это привело к резкому сокращению в школах Лемонье числа девушек из рабочего сословия, и они трансформировались в заведения для представительниц среднего класса.

Влияние проекта Э. Лемонье было огромным, она впервые проартикулировала проблему о необходимости создания профессиональных женских школ, обратив на нее внимание общественности. Вскоре не только в Париже, но и в провинции стали открываться частные средние торгово-промышленные школы для девушек средних классов, в которых готовили почтовых и банковских служащих, служащих для железной дороги, бухгалтеров и кассиров.

После разгрома Парижской коммуны проблема организации профессионального труда и обучения работниц всерьез заинтересовала общественность. Начал это движение О. Греар. Являясь известным политическим и общественным деятелем, он сумел мобилизовать административный ресурс для решения проблемы в г. Париже. На средства муниципалитета для работниц были открыты бесплатные

---

422 Elisa Lemonnier fondatrice de la Societe pour l'encegnement professionel des femmes / par C.H. Lemonnier. Saint-Germain, 1866. P. 36.

курсы коммерческого образования. К 1885 г. свидетельство об окончании курсов получили 641 девушек[423].

В это же время идею организации профессионального женского образования поддержали общественные и благотворительные организации. Несмотря на их успешную деятельность в целом количество профессиональных и коммерческих женских школ по всей стране было невелико, поэтому они не могли обеспечить всем желающим женщинам необходимую профессиональную подготовку.

В отличие от других общественных организаций, женское движение в этот период не пыталось участвовать в решение этой проблемы, считая право на профессиональное образование для женщин не первостепенной задачей. Поэтому решение вопроса об организации публичного профессионального женского образования было связано не столько с инициативами женского движения, сколько с противостоянием клерикалов и антиклерикалов.

Католическая церковь, утратив в ходе революций влияние на мужское образование, пыталась сохранить контроль за женским образованием. С 1871 г. церковные конгрегации стали организовывать свои профессиональные женские школы, где помимо профессиональной подготовки, много внимания уделялось католическому воспитанию слушательниц. Это вызвало неудовольствие республиканцев, пытавшихся вывести женское образование из под контроля церкви. В 1880 г. была проведена реформа среднего и начального образования, в рамках которой женское образование стало светским, а начальное всеобщим и бесплатным.

Еще до проведения реформы правительство стало решать проблему с подготовкой светских педагогических кадров. 9 августа 1879 г. был принят закон, согласно которому «каждый департамент должен содержать одну одну учительскую женскую семинарию»[424]. Женщины получили право сдавать одинаковые с мужчинами вступительные и

---

[423] Страннолюбский А.Н. К вопросу о женском образовании. Очерк коммерческого образования женщин во Франции и других странах // Женское образование. 1891. № 4. С. 360.

[424] Buisson F. Dictionaire de pedagogie et d' insruction primaire. Paris, 1882. Vol. 1. P. 1018.

выпускные экзамены и получать одинаковые дипломы. Девушки, сдавшие этот экзамен, получали степень лиценциата (бакалавра).

Желая вывести женское образование из-под контроля церкви государство не жалело средств на открытие учительских семинарий и на подготовку преподавательских кадров. При этом наблюдалась устойчивая тенденция к сокращению числа слушателей мужских семинарий и к увеличению числа слушательниц женских семинарий. Таким образом, экспансия публичного образования после реформы 80-х гг. привела к феминизации учительского труда.

Кроме начального и среднего образования, в ходе реформ 80-х гг. государство взяло под свой контроль и профессиональное женское образование. 26 января 1892 г. был принят закон, вводивший специальные индустриальные и коммерческие школы. Главная проблема, заключалась в том, что все эти заведения были платными, поэтому доступными для не многих. К 1903 г. действовало 48 школ индустрии и коммерции, и только 8 из них было для девочек. В них обучалось 2441 ученица[425]. К 1914 г. ситуация практически не изменилась из 78 школ индустрии и коммерции только 14 были для девочек[426].

Государство отказывалось решать проблему организации доступного профессионального образования для работниц, аргументируя это тем, что и так существует высокая женская безработица в традиционно «женских» отраслях промышленности, а в остальных отраслях женский квалифицированный труд может составить серьезную конкуренцию мужскому труду.

Таким образом, до 80-х гг. XIX в., из-за преобладания в общественном сознании патриархатной концепции образования, государство не занималось решением проблемы организации женского профессионального обучения, а открытие начальных и средних женских профессиональных школ было инициативой отдельных лиц, благотворительных или церковных организаций.

В ходе реформ 1880-х гг. государство, желая ограничить влияние католической церкви во всех ступенях образования, взяло женское профессиональное образование под свой контроль. Однако публичное среднее образование было организованно только в сфере преподава-

---

[425] Annuaire statistique de la France. Paris, 1904. P. 63.

[426] Annuaire statistique de la France. Paris, 1915. P. 52–53.

тельского труда. Система профессионального образования для женщин-работниц принципиально изменена не была, и к началу Первой мировой войны по-прежнему преобладал неквалифицированный женский труд.

Е.Б. Зотова
Кострома, Костромской Гос. Технологический университет

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЖЕНСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ В СРАВНЕНИИ С ОПЫТОМ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Понятие «профессиональное обучение» было впервые официально употреблено во Франции. Французский министр народного просвещения Дюрюи в циркуляре о преобразовании «среднего обучения» от 28 октября 1863 г. говорил: «система, предлагаемая мною очень проста: на основании общего начального обучения пойдут параллельно два средних обучения, одно – классическое для профессий, называемых свободными, другое – профессиональное для деятельностей промышленных, торговых и земледельческих»[427]. Через год во Франции была назначена особая комиссия для исследования профессионального образования и устройства профессиональных учебных заведений, которая высказала следующее мнение: – «более или менее производительное распространение необходимых профессиональных знаний среди рабочего населения страны возможно лишь при грамотности сего населения». На тот период во Франции грамотное население составляло до 80%, в Англии – 75%, а в Австро-Венгрии – до 65%, в Италии и Испании – до 30% . В Германии и вообще в протестантских странах западной Европы, особенно в Пруссии, Саксонии, Дании, Швеции и Норвегии почти все были грамотными. В России же не более 25% населения умели читать и писать, причем в Прибалтийских губерниях и Финляндии, а также евреи и татары, были почти все грамотны, следовательно, процент грамотных православного великорусского и малорусского населения составлял не более 20%[428].

---

[427] Вессель Н.Х. Профессиональное образование / II съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию. М., 1890. С. 1.
[428] Там же. С. 3.

К 90-м гг. XIX в. в России начался новый экономический подъем. Индустриальное развитие возвело проблему образования рабочих в ранг новой и значимой общественной ценности, а уровень образования стал рассматриваться как одно из условий промышленного и социального прогресса. Разрыв между нуждами российской промышленности и реальным уровнем образования в стране предполагалось сократить. В связи с чем, начинает осуществляться правительственная политика в области экономики, труда и образования. Встал т. н. «женский вопрос», на фоне которого происходит изменение взглядов различных слоев общества на социальную роль женщины, консолидируются общественные силы вокруг проблем женского профессионально-технического образования, что было обусловлено рядом предпосылок: низким социальным и правовым статусом российских женщин по сравнению с мужчинами и новыми экономическими явлениями, вынуждавших женщин отстаивать свои права на профессиональное образование и труд.

В Германии вопрос о профессиональном образовании женщин уже в 60-е гг. XIX в. получил окончательное решение. В Берлине, Дармштате, Гамбурге, Нюрнберге, Мерзебурге, Эрфурте, Штетине и др. городах возникают частные Общества, которые ставят задачу давать девушкам основательное образование и в особенности специальные знания. Результатом их деятельности стало учреждение значительного числа профессиональных школ и увеличение числа учащихся в них. Во Франции первая женская профессиональная школа появилась в 1856 г. По инициативе частных лиц в Париже работало Общество материнской заботы, которое учреждало и содержало женские школы и курсы для подготовки взрослых девушек по торговой части. В 1862 г. оно было переименовано в Общество профессионального женского обучения и в том же году учреждена в Париже первая «правильно организованная» школа, которая носила имя учредительницы госпожи Елизы Лемонье.

В России вопрос о необходимости становления женского образования возник впервые во второй половине XVIII в. До 60-х гг. XIX в. русские женщины оставались даже без всякого школьного обучения. Лишь в 1858 г. российское правительство положило начало учреждению открытых и всесословных женских училищ – это были первые женские

гимназии[429]. Однако общее образование не могло подготовить девушку к деятельности на жизненном поприще, не могло обеспечить той самостоятельности, к которой она стремилась. Различные жизненные обстоятельства вынуждали женщину искать средства к существованию, что приводило ее к потребности трудиться и личным трудом добиваться обеспечения себя, а порой и семьи. Одним словом, настало время, когда вопрос о женском профессиональном образовании в России назрел настолько остро, что не решать его было нельзя.

В 1880 г. учрежденная Императорским техническим Обществом комиссия по техническому образованию, занялась разработкой данного вопроса. Был составлен проект положения о женских профессиональных школах[430], а в 1884 г. уже и МНП обратило внимание на проблему женского профессиональном образовании[431].

По данным материалов I съезда в России по Техническому и профессиональному образованию на 1890 г. в России уже насчитывалось 200 женских профессиональных учебных заведений различных типов. Это были в основном частные школы и курсы. В связи с распоряжением правительства Министерством торговли и промышленности были собраны наиболее полные сведения о профессиональных учебных заведениях. Согласно которым, на 1 января 1910 г. в России насчитывалось 3 035 различных профессиональных учебных заведений, из них 956 было женских и смешанных средних и низших профессионально-учебных заведений с количеством учащихся женщин 55 951 чел.

Однако все же отсталость развития женского профессионального образования отмечалась правительственными органами. Поэтому, 18 февраля 1914 г. МНП в Государственную Думу был внесён законопроект «О женских профессиональных учебных заведениях», который был рассмотрен Государственной Думой и принят с незначительными из-

---

[429] Историко-статистический очерк общего и специального образования в России / под ред. А.Г. Неболсина. СПб., 1884, С. 253.

[430] Материалы съезда по Техническому и профессиональному образованию в России (1889–1890). Труды IV Отделения. Женское профессиональное образование / под ред. В.И. Средневского. СПб., 1890. С. 156.

[431] Анопов И.А. Опыт систематического обозрения материалов к изучению современного состояния среднего и низшего технического и ремесленного образования в России. СПб., 1889. С. 52.

менениями. Он должен был определить систему женского профессионального образования в России на ряд лет вперёд, однако реформирование осуществлялось крайне медленными темпами, отличалось консервативностью и противоречивостью, а начало I Мировой войны и вовсе отложили решение этой задачи.

Е.А. Зайцева (Баум)
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

ПЕРВЫЕ ЖЕНЩИНЫ-ХИМИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

На протяжении многих веков женщины как социальная группа занимали в обществе подчиненное положение, т. к. в обществе доминировали мужские ценности. Образование было привилегией исключительно лиц мужского пола. В середине XIX в. начинает развиваться постепенно феминистская идеология. Женщины начинают выступать за *равенство прав* с мужчинами. Вторая половина XIX в. в этом аспекте во всех странах мира характеризуется вовлечением женщин в процесс преодоления консерватизма образовательной системы.

США оказались наиболее прогрессивной страной, открывшей доступ женщинам в университеты с середины 1850-х гг. (University of Iowa). В начале 1860-х гг. уже многие университеты западных штатов предоставили женщинам эту возможность, а с 1865 г. – и восточные штаты.

Среди европейских университетов первым открыл свои двери для женщин, как известно, Цюрихский университет. К 1872 г. из общего числа 63 студенток – 54 в этом университете было из России. В то время Цюрих стал одновременно центром русской революционной эмиграции. Обеспокоенное растущей революционизацией женщин царское правительство в мае 1873 г. отдало распоряжение о незамедлительном возвращении на родину (до января 1874 г.) всех женщин Российской империи из Цюриха. В соответствии с этим указом летом 1873 г. началось перемещение русских девушек-студенток в другие швейцарские университеты – в города Берн и Женеву, открывшим также с 1872 г. доступ женщин к высшему образованию в своих стенах. В Лозаннском университете первая женщина была имматрикулирована в 1876 г. В 1870-е гг. женщины получили доступ в университеты Швеции (1870), Франции (1870), Англии (Кэмбридж, 1870), Дании (1875), Голландии (1878). Несмотря на оппозицию в лице многих известных профессоров, выступающих против высшего образования для

женщин в Германии, эта страна также присоединилась к общей тенденции, включив в списки студентов Мюнхенского университета первую женщину в 1865 г. Однако препятствием было то, что требования для поступления были таковы, что они оказались наиболее подходящими для иностранок. Так, в Лейпцигском университете в течение 1870-х из 38 студенток – 27 были иностранками. Несколько женщин даже получили докторскую степень, среди них, в частности, Юлия Лермонтова и София Ковалевская (Геттингенский университет). Но, в основном, процесс доступа женщина в университеты в Германии начался лишь в 1890–1900-е гг.

В России ситуация изначально казалась многообещающей: уже с 1859 г. женщины стали регулярно слушать лекции в Петербургском университете. Как отмечает в своих воспоминаниях химик Л.Ф. Пантелеев, «в 1860–61 гг. сделалось совсем обычным явлением, что на лекциях некоторых профессоров дам бывало чуть ли не столько же, сколько студентов»[432]. Формально это не противоречило университетскому уставу 1835. Однако, растущее революционное напряжение в стране, рост студенческих демонстраций в начале 1860-х гг., повлекших за собой арест одной женщины, были использованы как предлог для закрытия доступа в университеты женщин. Новый университетский устав 1863 г. надолго закрепил «нет» по отношению к женскому образованию: прием женщин-студенток в университеты категорически был запрещен, даже в качестве вольнослушательниц. Так продолжалось до 1905 г. – года первой русской революции. В создавшихся условиях женщинам, желавшим получить высшее химическое образование и одновременно получить докторскую степень ничего не оставалось как ехать за границу.

Первой была Лидия Зеземан (Sesemann Lydia, 1845–1926) из Выборга, обучавшаяся в Цюрихском университете на философском факультете и защитившая диссертацию по химии производных бензола весной 1874 г. Большую часть своей жизни она провела в Германии.

В 1875–1876 и 1880–1882 в лаборатории В.В. Марковникова работала первая в Московском университете женщина-химик: Юлия Всеволодовна Лермонтова (1846–1919). Она известна своими исследованиями в области органической химии: осуществила синтез дибромпропилена, глутаровой кислоты, кротонилена и др. В 1880-е гг. занималась иссле-

---

[432] Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний прошлого. М.-Л., 1934. С. 143.

дованиями процессов глубокого разложения нефти. Ею разработан способ увеличения выхода антрацена из нефтяного дегтя. Многие исследования Лермонтовой нашли свое промышленное воплощение.

В 1880–90-е гг. круг российских женщин-химиков, получивших докторскую степень, существенно расширился. Мальвина Львовна Гросман в начале 1880-х получала образование в Париже; некоторое время затем работала в С-Петербурге в университетской химической лаборатории.

Наиболее активными среди российских женщин-химиков в эти годы являлись В.Е. Богдановская (1867–1896), Е.А. Фомина (1860–1894) и Н.О. Зибер-Шумова (1854–1916), защитившие диссертации по химии в швейцарских университетах. Первая сначала обучалась на ВЖК в СПб (естественное отделение), затем в Женевском университете. В 1890-е гг., возвратившись на родину, преподавала на Бестужевских курсах стереохимию. Е.А. Фомина-Жуковская работала в лаборатории В.В. Марковникова в Московском университете частной ассистенткой (внештатно), занималась проблемой синтеза индиго в тиофеновом ряду. Последней работой, которую она выполняла была работа аналитического характера, касающаяся состава фабричных и других сточных вод и о способах их очистки. Зибер-Шумова, работавшая в 1880-е гг. в Бернском университете в области физиологической химии ассистенткой проф. М. Ненцкого, в 1891 г. в составе его группы влилась в ряды сотрудников Императорского института экспериментальной медицины (СПб). Под ее руководством в институте было выполнено свыше 60 работ. Мэри Криз выделяет Зибер-Шумову как наиболее успешную в мире среди женщин во второй половине XIX – начале XX в. в плане публикации своих исследований (наибольшее их число). Однако она свыше одиннадцати лет после смерти Ненцкого числилась временным заведующим отдела, пока не поступило высочайшее разрешение на получение этой должности.

О.А. Драч

Черкассы (Украина), Нац. университет им. Богдана Хмельницкого

ВЫСШЕЕ ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ / ОСМЫСЛЕНИЯ ЖИЗНЕННОЙ СТРАТЕГИИ НОВОЙ ГЕНЕРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Распространение гуманных и демократических тенденций в период Великих реформ в Российской империи способствовало переосмысле-

нию общественной значимости «слабого пола», что неминуемо ставило на повестку дня модернизацию компонента женского обучения и воспитания. Бывшая институтка А. Энгельгардт, вынужденная работать ради «куска хлеба», по этому поводу заметила: «Убеждения сводятся к одному: верую, исповедую и люблю только труд и знание»[433]. Девушки все чаще отказывались традиционно ждать, пока в их жизни встретится мужчина – кандидат для замужества. Перепись 1897 г. зафиксировала 6 260 967 женщин (10% общего числа), самостоятельно зарабатывающих на пропитание[434].

В воспоминаниях современники пореформенных времен нечасто отмечают понимание старшим поколением стремлений и запросов молодежи. В семье Е. Щепкиной ее стремление к «научным знаниям» поддерживали только отец и мать, дядья и тетки презрительно смеялись над курсистками. Во время обучения на Высших женских курсах Герье девушка совсем не посещала некоторых знакомых, настолько «мрачно смотрели они на девицу, одиноко бегающую по улицам на какие-то бессмысленные курсы»[435]. Мать Ю. Фаусек, воспитывающая детей без мужа, не возражала против ее намерений поехать учиться в С.-Петербург. Вместе с тем любящая дочь чувствовала затаенную материнскую грусть и неодобрительные взгляды знакомых, считавших такой поступок эгоистичным.

В большинстве своем старшее поколение, будучи апологетами дореформенных порядков, болезненно осмысливали кризис норм традиционного менталитета, считая, что книжки и образование сбивали их юных дочерей с правильного пути, навязывали ошибочные мысли и пагубные идеи, отрывающие «чадо» от семьи ради обучения/работы. В анонимке попечителю учебного округа от имени матерей требовали закрытия Высших женских курсов в Киеве, мотивируя спасением их дочерей от развращения. Бабушка Е. Дьяконовой, возмущаясь «чрезмерной» девичьей осведомленностью в интимных вопросах брака,

---

[433] Мазовецкая Э. Анна Энгельгардт (Санкт-Петербург второй половины XIX века). СПб., 2001. С. 23.

[434] Кильчевский В. Необходимые сведения женщинам о них самих. СПб., 1908. С. 19.

[435] Щепкина Е. Первые годы высших женских курсов // Русское прошлое: Исторические сборники М., 1923. Т. 5. С. 138.

безапелляционно утверждала: «Не надо никакого образования, так будет лучше»[436]. Отметим, что повышенная эмоциональность присуща почти всей мемуарной литературе. Связано это, в первую очередь, с радикальными изменениями в пореформенное время привычного ритма жизни всех слоев населения, дополнявшихся существенными трансформациями в мировоззрениях и этосе молодежи. Широкомасштабный конфликт поколений как следствие постижения старшими новаций детей выявил, по определению А. Тырковой, психологический рубеж между «Россией рабской и Россией, идущей путем свободы»[437].

В условиях неоднозначного восприятия в обществе девичьих запросов к высшему образованию фактором, существенно повысившим авторитет «ученой» женщины, стала врачебная миссия 40 выпускниц Женских медицинских курсов непосредственно на театре боевых действий российско-турецкой войны 187 − 878 гг. Один из уполномоченных Красного Креста отмечал, что до войны он был заклятым врагом всех женских курсов и университетов, считая, что под планами высшего образования скрывались только стремления к синим очкам и стриженым волосам, а женские учебные заведения являются исключительно рассадниками моральной деградации. Однако, увидев курсисток в деле, он изменил взгляды и с уважением относился к ним[438].

Ознакомление рядовых граждан с практической деятельностью выпускниц высших женских курсов (врачей, педагогов, просветительниц) способствовало формированию позитивного отношения к такому варианту социальной реализации «слабого пола». Очевидица событий писательница А.Я. Панаева зафиксировала подмеченные перемены: «Все здравомыслящие родители, в том числе и обеспеченные, беспокоились, чтобы их дочери были готовы к любым непредвиденным жизненным обстоятельствам и, в случае необходимости, могли самостоятельно зарабатывать»[439]. Такими принципами руководствовалась мать Е. Андреевой-Бальмонт, предприимчивая женщина самостоятельно

---

[436] Дневник Елизаветы Дьяконовой 188 − 902 г. М., 1912. С. 123.

[437] Тыркова А. В. Анна Павловна Философова и ее время. Пг., 1915. Т. 1. С. 108.

[438] Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004. С. 342.

[439] Панаева А.Я. Воспоминания. М., 1972. С. 306.

растившая двух дочек, понимая необходимость дать им хорошее образование, и не жалела для этого средств[440]. Следует подчеркнуть, что речь идет о матери, давшей в приданое каждой из них по 100 тыс. руб. Из письма О. Синакевич к подруге узнаем, что «мать больше, чем она сама радовалась поступлению дочери на С-Петербургские высшие женские курсы»[441]. Мать Н. Суровцовой, преподавательница гимназии в провинциальной Умани, не получившая в свое время высшее образование, мечтала, чтобы дочь имела его. Поэтому, несмотря на неодобрение выбора столичных курсов мужем, она активно помогала Надежде поступить на них[442]. Итак, факты убеждают, что образованные матери, в том числе и самостоятельно воспитывающие детей, что во все времена непросто, все больше осознавали необходимость достижения дочерьми высокого образовательно-квалификационного уровня.

Если поначалу, чтобы стать слушательницей высшего учебного заведения, девушкам доводилось конфликтовать с родителями, иногда рвать отношения с семьей или прибегать к разным ухищрениям, например фиктивному браку, то в начале XX в. ситуация изменилась. Администрация С.-Петербургских высших женских курсов отмечала, что «родители сами беспокоились о поступлении дочерей на курсы, охотно подписывали обязательство предоставлять им средства во время обучения, а в случае отказа лично хлопотали о пересмотре негативного решения»[443]. Это подтверждается и архивным материалом. В 1901 г. землемер-таксатор А.П. Ермаков из Владимира неоднократно обращался к попечителю Московского учебного округа с просьбой принять его дочь Евдокию на историко-филологическое отделение Высших женских курсов в Москве. При этом он не скрывал, что такая настойчивость вызвана его преклонным возрастом (55 лет) и опасениями потери своей работоспособности как единственного кормильца в семье. Такие мотивы заставляли отца спешить дать основательное образование детям.

Таким образом, анализ фактических данных подтверждает, что в начале XX в. как младшее, так и старшее поколения семей осознавали

---

[440] Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. М., 1997. С. 165.
[441] ОР РНБ. Ф. 163. Д. 325. Л. 28.
[442] Суровцова Н. Спогади. К., 1995. С. 44.
[443] Санкт-Петербургские высшие женские курсы за 25 лет. 1878–1903. Очерки и мат-лы. СПб., 1903. С. 240.

рациональность девичьих стремлений к высокому образовательно-квалификационному уровню и интеллигентным профессиям. На улицах университетских городов типичными становятся силуэты молодых женщин с книжками и тетрадями, со встревоженным видом спешащих куда-то.

О.Д. Попова
Рязань, Рязанский государственный университет

ВЫСШЕЕ ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕОДОЛЕНИЯ И МЕНТАЛЬНОГО СОВЛАДАНИЯ

Изменения социокультурных, общественно-политических установок под влиянием эпохи «Великих реформ» трансформировали представления о роли женщин в общественной жизни. Вторая половина XIX в. – это борьба женщин за возможность получения высшего образования наравне с мужчинами. Развитие высшего женского образования было трудным и сложным. Весьма показательным является тот факт, что высшая женская школа до революции продолжала скрываться за весьма неопределенным названием «высшие женские курсы». Однако на становление высшей женской школы оказывали влияние не только консервативные тенденции политического курса Александра III и Николая II. Представляется актуальным проследить влияние социальных и ментальных деформаций рубежа веков на процесс вхождения женщин в храм высшей школы.

Одной из важнейших проблем в России была сохраняющиеся сословность в среднем общеобразовательном образовании, которая существенным образом влияла на доступность высших женских курсов для выпускниц женской школы из различных ведомств. Анализ правил поступления на имеющиеся в 1916 г. в России 28 высших женских курсов показал, что вступительных экзаменов как таковых не проводилось. Прием осуществлялся по так называемому конкурсу аттестатов, в котором формально могли принимать участие выпускницы всех средних женских учебных заведений.

Самые престижными на тот момент считались Высшие женские курсы в С.-Петербурге (Бестужевские) и Высшие женские курсы в Москве. Правила поступления подробно ранжировали претенденток на звание курсисток по предъявленным аттестатам. Неоспоримым пре-

имуществом пользовались те, кто представил свидетельства о сдаче экзаменов за восемь классов мужской гимназии, затем зачислялись выпускницы Министерских гимназий со средним баллом 4 1/2 или 11 1/2 (при 12 бальной системе оценок), которые формально были всесословными. А вот выпускницам женских епархиальных училищ, где преимущественно училищ дочери духовенства доступ на эти самые престижные высшие курсы был значительно затруднен, поскольку они зачислялись после выпускниц гимназий.

На другие высшие курсы конкурсные правила были не столь изощренны, однако ранжирование по аттестату продолжало сохраняться и в большинстве других высших женских курсов. Например, на женские Политехнические курсы епархиалки могли поступить только после окончания восьмого класса епархиального училища, с отметками не менее 4-х по физике и математике. Женский медицинский институт проводил зачисление просто по времени подачи документов. Однако одновременно требовал для тех, кто не имел аттестата 8-го класса министерской женской гимназии, сдать экзамены экстерном в мужской гимназии по русскому языку, латыни, математике и физике до начала учебы или в течение 2-х лет учебы на первых курсах.

Таким образом, при существующем высоком конкурсе основную долю мест занимали выпускницы министерских гимназий. Одна из выпускниц юридического факультета Бестужевских курсов Ольга де Клапье вспоминала, что золотая медаль Минской гимназии позволила ей быть зачисленной только «кандидаткой» в курсистки[444]. В такой борьбе реализовать свою мечту и стать курсисткой могли только наиболее целеустремленные личности.

Кроме вопроса доступности высшего женского образования не малую роль играли и ментальные установки, существующие в общественном сознании. Даже в лоне учительской профессии девушкам было очень не просто. По данным Кристиан Руан, женщины в качестве учительниц воспринимались с трудом, как в крестьянской среде, так и в среде коллег-мужчин[445]. Трудно было не только отстоять идею высшего образования, но и затем надо было доказывать свою пригодность в

---

[444] Наша дань Бестужевским курсам. Воспоминания бывших бестужевок за рубежом. Париж, 1971. С. 13.

[445] Ruane Ch. Divergent Discountres: Images of the Russian Woman Schooltaechers in Post-Reform Russia // Russian History. Vol. 20. 1993. 1–4. P. 122.

профессиональной сфере. До 1893 г. женщины-врачи не были внесены в официальные списки врачей, имеющих право практики в России. Одна из первых женщин-врачей в России А. Шабанова, вспоминала, что бывали случаи, когда родственники пытались не допустить вызванную женщину-врача к пациенту, иногда такие врачи получали вызовы по не существующему адресу. И это тогда, когда ученицы первых женских курсов показали себя на полях очередной русско-турецкой войны (1877–1878 гг.), проявив профессионализм, мужество и отвагу[446]. Такое недоверие общества приводило к тому, что постепенно у девушек падал интерес к медицине, значительно ниже был конкурс на юридические факультеты.

Ментальные установки в общественном сознании, влияющие на развитие женского высшего образования тесно переплетались с проблемой социально-бытовых условий. Женские курсы располагались в крупных городах, куда предстояло переехать девушке желающей стать курсисткой. Морально-психологические устои общественного сознания в тот период еще находились под сильным влиянием домостроевских порядков, в соответствии с которым ни девушка, ни женщина одна не могла даже на короткое время покинуть дом. Поэтому девушкам надо было преодолеть еще и психологические трудности: страшно было отправиться в далекий город, где кроме вопросов учебы надо было решать проблемы социального плана: наем жилья, питание. Благоустроенных и удобных общежитий не было и во многих мужских университетах. Эти факторы также могли косвенным образом тормозить развитие женского высшего образования. В этом плане весьма показательным является история женских епархиальных училищ. Наличие при них интерната значительно способствовало тому, что консервативное духовенство не боялось отправлять своих дочерей учиться в город.

Наиболее благополучными в бытовом плане были высшие Бестужесвкие курсы, при которых были выстроено здание общежития, функционировало Общество дешевых квартир, дешевая столовая. Как свидетельствует «Первый женский календарь», в Москве и С.-Петербурге существовало также несколько общежитий для слушательниц других высших женских курсов, были и меблированные дома,

---

[446] Шабанова А. Из первых лет женского медицинского образования в России (воспоминания женщины-врача 1-го выпуска) // К свету. Науч.-литературный сб. СПб., 1904. С. 295.

где плата взималась помесячно, комната могла стоить от 12 до 23 руб. в мес., а обед стоил 25 коп[447]. Однако для многих это были солидные деньги, кроме того, таких общежитий было очень мало, и они не могли удовлетворить весь спрос. Большинство российских студентов было озабочено поиском более или менее удобной и дешевой квартиры.

Таким образом, на динамику развития женских высших учебных заведений влияла не только политика правительства, но и пережитки сословной структуры общества, ментальные устои в общественном сознании, которые с трудом расставались с патриархальными традициями.

О.Р. Демидова
С.-Петербург, Рос. гос. педагогический ун-т им. А.И. Герцена

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ КАРЬЕРА В ЭМИГРАЦИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Отечественная эмигрантика за почти три десятилетия своего открытого существования подошла к рубежу, отделяющему период собирания фактографического материала от периода его осмысления, результатом чего должно бы стать формирование некоей единой парадигмы, в рамках которой на основе имеющихся фактов (имен, событий, идей) следует обратиться к типологии феномена «русская культура в эмиграции» или шире – «зарубежная Россия». При этом необходимо рассмотреть в соответствующих аналитических процедурах систематизации и типологизации как явление в целом, так и отдельные его составляющие, соответствующие основным культурным формам: идеологии, политике, литературе, искусству, науке, образованию и пр. По отношению к первым трем попытки подобного рода все активнее предпринимаются в последние годы, тогда как другие формы эмигрантской культуры пока, к сожалению, остаются полем собирания материала. В докладе предпринимается попытка системно-сопоставительного осмысления гендерной составляющей университетской и академической жизни эмиграции первой волны в межвоенные десятилетия (1920–1939) и парадигмы возможностей, открытых в этих областях для мужчин и женщин. Объектом рассмотрения является преимущественно (но не исключительно) европейская часть диас-

---

[447] Ариян П.Н. Первый женский календарь. СПб., 1906. С. 56–59.

поры; источниковедческий корпус, на которых основан доклад, составляют материалы эмигрантской периодики, мемуарные и автобиографические тексты эмигрантов (опубликованные и архивные), статистические данные, касающиеся численности и гендерной принадлежности студентов и сотрудников высших учебных заведений эмиграции; кроме того, исследования отечественных и зарубежных авторов, полностью или (что чаще) частично посвященные истории высшего образования и науки российской эмиграции первой волны.

Совокупность данных позволяет вполне обоснованно говорить о двойной маргинализации женщин в обеих сферах как одной из базовых социокультурных констант: во-первых, в силу их эмигрантского положения, во-вторых, в силу гендерной принадлежности. Судьба российской интеллектуальной элиты в изгнании складывалась далеко не просто, хотя в различных странах рассеяния существовала своя специфика, обусловленная рядом факторов: историей культурных взаимоотношений принявших эмигрантов стран с Россией, близостью языков, уровнем развития науки и образования в стране рассеяния и др., в силу чего положение русских в эмигрантской провинции (Сербии, Болгарии, Польше) было лучше, чем в столицах (Германии и Франции). Тем не менее, в целом история русской науки и университетской профессуры в изгнании есть история, осциллирующая на грани отторжения / приятия, причем первое встречалось значительно чаще, чем второе. В условиях достаточно жесткой конкуренции, которую российские профессора и ученые составляли профессуре и ученым страны проживания, предпочтение, как правило, отдавалось мужчинам.

Существенно, что подобное положение дел складывалось уже на уровне студенчества: так, по данным переписи среди русского студенчества в Чехословакии (декабрь 1923 г.), на 2967 студентов приходилось всего 502 студенток, т. е. 85,5% русских студентов в ЧСР было представлено «первым полом»[448]. Отчасти этому способствовали т. н. практические потребности, определившие направление деятельности русских высших учебных заведений в диаспоре и спектр профессий, совершенно отчетливо распадавшийся на «мужские» и «женские» при явном преобладании первых.

---

[448] Зарубежная Россия. 1917–1939. СПб., 2000. С. 244.

Не менее существенно, что судьба женщин в университетской и научной жизни эмиграции довольно редко становится предметом интереса современных историков, что, в свою очередь, способствует дальнейшей маргинализации второго порядка, закрепляющей прочно сложившийся в истории науки и университетской истории эмиграции канон имен и достижений.

На долю женщин, как правило, оставались следующие возможности: преподавание в гимназиях и др. средних учебных заведениях; низшие штатные должности в университетской иерархии вплоть до должностей секретарей, ассистенток профессоров и приват-доцентов и т. п.; внештатное волонтерское (а, следовательно, неоплачиваемое) сотрудничество в университетах; положение секретаря, ассистентки и «помощницы» при муже и т.п.; для заработка – частная практика.

Несколько иначе обстояло положение дел за океаном, но и там число женщин-профессоров было относительно небольшим, хотя и превышало их число в европейских университетах. Главным образом, женщины являлись сотрудниками кафедр русистики (особенно после Второй мировой войны), преподававшими русский язык и – в некоторых случаях – литературу и / или историю. Собственно научная деятельность не поощрялась, что находило выражение не только на символическом, но и на сугубо практическом уровне (количество учебных занятий не оставляло для нее времени). Как и в России до 1917 г., «проникновение» женщин в университетскую и академическую среду и науку происходило, за редкими исключениями, в режиме «не благодаря, а вопреки».

А.С. Котов

Череповец, Череповецкий Государственный Университет

ЖЕНСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНИКУМАХ ГЕНДЕРНЫЙ КОНФЛИКТ ИЛИ СПОСОБ ГЕНДЕРНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ?

Одним из заметных явлений первого десятилетия советского периода – уравнивание женщин в правах с мужчинами, повлекло за собой переосмысление общественных ролей каждого из них. Равноправие обоих полов советская власть закрепляла конституционными нормами. Женщина становилась активным членом общества, наделялась правом избирать и быть избранной, наравне с мужчиной занимать ответственные должности. Но реализация этих мер на практике, ожида-

ния, предъявленные мужскому и женскому поведению, довольно часто наталкивались на традиции, которые сохранялись в обществе. В материалах женотдела, протоколах профсоюзных организаций, документах учебных заведений можно встретить обсуждение нестандартных ситуаций возникавших в трудовом или учебном коллективе по причине сохранения его членами прежних культурных стереотипов по отношению к противоположному полу и невозможным в связи с этим построения единого коллектива. В данной работе нами будет сделан анализ отношений между юношами и девушками в рамках учебного коллектива, на примере педагогических техникумов городов Вологды и Череповца в 1920-е гг.

Оба этих учебных заведения были образованы в начале 20-х гг. с целью «обеспечить подготовку новых советских педагогических кадров»[449]. По своему социальному происхождению подавляющая часть учащихся в этих техникумах были крестьяне (к 1925 до 93%–94%). Тяготение к народной культуре и традиционному «укладу» жизни учащихся, оказали значительное влияние на характер отношения учащихся в ходе учебного процесса. В первую очередь характерные для крестьянской среды взгляды на роль женщины в общественно-политической жизни.

В протоколах педагогических собраний, годовых отчетах техникумов за 1923–1927 гг. часто отмечается, что «…между девушками и юношами довольно трудно складывается единый коллектив <…>, попрежнему можно говорить о существовании группы юношей и группы девушек»[450]. По мнению преподавателей, причиной такой ненормальной ситуации в коллективе стали следующие обстоятельства: «Со стороны юношей в сторону противоположного пола во время конференций не раз звучали язвительные насмешки: «женщина, что темная бутылка», «женщина в общественных вопросах не больше курицы понимает» и т.п.[451]. Молодыми людьми остро подмечается неуверенное выступление докладчицы, ее слабое ориентирование в представляемой теме, проскальзывающая порой политическая неграмотность. Девушки же

---

[449] Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК П. 360. Государственный архив Вологодской области. Ф. 2565. Оп. 1. Д. 2. Л. 1; Череповецкий центр хранения документации. Ф. 755. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

[450] ГАВО. Ф. 2565. Оп. 1. Д. 11. Л. 25.

[451] Там же. Л. 25 об.

место того чтобы отстоять свое мнение, подготовится в следующий раз более тщательно, просто замыкаются, всячески избегают совместных курсовых конференций, проявляют слабую общественную активность»[452].

На этом фоне из женской половины учащихся резко выделялись дети горожан или сельской интеллигенции. Они вставали на защиту более слабых своих однокурсниц, являлись инициаторами коллективных обращений к администрации техникумов с требованием пресечь некорректное поведение мальчиков. Будучи зачастую в составе комитета по делам учащихся техникума им удавалось выносить на заседание комитета, особенно некорректные действия юношей по отношению к девушкам.

Особенно активным, по просьбе своих однокурсниц, удавалось добиться от директора техникума разрешения отдельно от юношей заниматься подготовкой домашнего задания, проводить свои конференции[453]. После этого, как правило, между девушками и юношами каких-либо открытых конфликтных ситуаций не происходило. На появления таких женских объединений администрация техникума изначально смотрела как на временное аномальное явление отвечающее интересам учебы. «Поскольку темп и активность работы большинства девушек сейчас, действительно значительно уступает юношам, то сложна и их совместная работа, а отсюда и стремление к разрыву отношений. Но как только ими будет приобретен навык общественных выступлений, умение быстро включаться в дискуссии и вникать в суть вопроса, наладиться и совместная работа, а следовательно исчезнет и желания объединяться в отдельные группы, проводить свои конференции»[454]. Для их самих во многом это было стремление создать привычные для себя условия работы, подобно тем, какие были дома в деревни, где обычным для девушек считалось собираться вместе для выполнения какой-либо работы. Вскоре администрация техникумов понимает, что образовавшиеся женские группы, которые ни как не вписываются в существующее понятие об коллективе, сами собой не исчезнут. Поэтому уже в конце 1926 г. начинается борьбу с этим явлением, путем вынесения постоянно возраставших отрицательных решений на обращения девушек предоставления им отдельного кабинета от юношей

---

[452] ЧЦХД. Ф. 755. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.
[453] ЧЦХД. Ф. 755. Оп. 1. Д. 6. Л. 163 об.
[454] Там же. Л. 164.

для тех или иных занятий, выступлений[455]. Подобным образом, без всякого официального запрета отдельные женские группы как явление были изжиты в Вологодском педагогическом техникуме.

В Череповецком педагогическом техникуме исчезновение данного явления происходит при несколько других обстоятельствах. В нем конце декабря 1926 г. девушками второго курса была сорвана итоговая общекурсовая конференция по политэкономии. Будучи заранее предупреждены об обязательной явке, девушки все равно пытаются организовать свою конференцию в соседнем кабинете, но сделать это им не удается. Спустя две недели, на академической секции учащейся второго курса Поплавской, которая проявляла наибольшую активность при организации отдельной женской конференции, «за попытку организовать частную конференцию и срыву общественной работы» был объявлен выговор с занесением в личное дело, а преподавателям, без личного распоряжения директора техникума запрещалось давать ключи от кабинетов учащимся[456]. После этого случая сведения, о каких либо отдельных женских занятиях или конференциях из документов Череповецкого педагогического техникума так же исчезают.

В целом, проходившие в начале 1920-х женские конференции, можно объяснить желанием девушек создать для себя комфортные условия учебы, не желанием под кого-либо подстраиваться и не имевшие под собой какой-либо формы протеста.

М.И. Старовойтов

Гомель (Беларусь), Гомельский гос. университет им. Ф. Скорины

ДИНАМИКА УРОВНЯ ГРАМОТНОСТИ И ОБРАЗОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В 1920–1930 ГОДЫ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Десятилетняя практика исследования автором этносоциокультурных процессов в белорусско-российско-украинском пограничье в межвоенный период позволила определить новое научное направление в белорусской историографии. Составной частью данной актуальной проблемы, является и обозначенная нами тема. С учетом объема пуб-

---

[455] ГАВО. Ф. 2565. Оп. 1. Д. 11. Л. 34.
[456] ЧЦХД Ф. 755. Оп. 1. Д. 6. Л. 168.

ликации определим динамику грамотности мужчин и женщин (по наиболее многочисленным национальностям) пограничного региона и выявим уровень их образования в конце 1930-х гг. Поскольку административно-территориальное деление в указанный период часто менялось, сравнение по пограничным территориям проведено в целом по БССР и соседним российским губерниям в 1926 г. и по установленному областному делению до 1939 г. Таблицы составлены и проценты рассчитаны автором.

В первой половине 1920-х гг. отсутствие достаточных материальных средств и кадров не позволили добиться существенного положительного роста грамотности детей и подростков и ликвидации неграмотности у взрослого населения. Перепись 1926 г. установила невысокий уровень грамотности населения. Данные по пограничному региону представлены в таблице 1 по всему населения и по наиболее многочисленным национальностям (Сост. по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. IX. М., 1929. С. 189,190; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. X. М., 1928. С. 10–13). Сравнение сведений об уровне грамотности по национальному составу и гендерному признаку позволяет более адекватно оценить реальное положение, чем общие сведения по всему населению. Как и в дореволюционный период белее низким был уровень грамотности у белорусов и русских (мужчин и женщин), проживающих в своих этнических территориях, по сравнению с евреями, поляками, латышами и эстонцами.

Таблица 1. Грамотность населения пограничья в 1926 г. (%)

Национальности	Г.	БССР		Брянская		Псковская		Смоленская	
	С.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Все население	Г.	73,2	59,4	73,2	58,4	75,9	62,9	76,0	63,4
	С.	50,1	21,5	49,0	17,6	53,5	31,2	54,6	24,4
Русские	Г.	80,4	58,4	71,6	56,3	75,2	60,4	75,2	61,9
	С.	52,2	23,5	48,4	16,6	53,3	30,7	54,4	24,0
Белорусы	Г.	70,4	51,2	90,0	67,2	82,2	67,0	89,5	70,2
	С.	49,4	20,1	54,5	26,2	52,8	29,9	58,4	26,9
Украинцы	Г.	90,4	74,2	81,1	63,9	--	--	--	--
	С.	53,5	19,1	56,8	26,6	--	--	--	--

Евреи	Г.	71,9	66,5	78,1	70,7	76,2	71,4	75,6	71,5
	С.	72,9	63,7	79,6	69,8	78,5	69,9	75,2	68,5
Поляки	Г.	72,6	62,7	--	--	--	--	--	--
	С.	53,4	38,1	--	--	--	--	--	--
Латыши	Г.	87,0	77,1	--	--	86,2	79,3	87,7	77,2
	С.	75,1	68,9	--	--	75,5	71,6	74,5	68,5
Эстонцы	Г.	90,4	91,4	--	--	84,6	75,7	--	--
	С.	68,2	73,7	--	--	73,2	68,9	--	--

Примечание: Г. – городское население; С. – сельское; --) – данных нет.

Нами установлено, что высокий уровень грамотности у русских, украинских и белорусских мужчин вне пределов своих этнических территорий связан с тем, что большинство из них в 1926 г. находилась на службе в РККА, части которой в регионе дислоцировались преимущественно в городах. Кадровый и переменный состав военнослужащих имел достаточно высокую грамотность.

Мобилизационные усилия партийно-советских органов и общественных организаций по повышению уровня грамотности и особенно среднего и высшего образования населения дали существенные результаты. В таблице 2 эти данные хорошо представлены (Российский государственный архив экономики (РГЭА) – Ф. 1562, Оп. 336. Д. 229. Л. 6, 9–10; Д. 317. Л. 6, 8–9; Д. 325. Л. 8, 10–11; Д. 375. Л. 6, 9–11; Д. 376, Л. 6, 9–10; Д. 379. Л. 6, 9–11).

Как и в 1926 г., титульный этнос умел уровень грамотности ниже, чем нацменьшинства. Особенно заметной разница была в возрастной группе 50 лет и старше.

Таблица 2. Грамотность и образование населения по областям в 1939 г.

Основные национальности по переписи	Грамотность (%).			Образование на 1000 чел.			
	9 лет и старше	20-49 лет	50 и старше	Среднее		Высшее	
				Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Витебская							
Белорусы	78,0	82,4	29,5	68,9	53,1	3,2	1,1
Русские	89,3	94,1	44,1	228,9	128,8	16,0	6,9
Украинцы	94,7	96,7	58,8	243,3	176,5	15,6	10,8
Евреи	92,7	96,2	76,6	167,9	196,6	18,3	14,0
Поляки	80,9	87,8	48,3	108,3	96,2	4,2	3,7
Гомельская							
Белорусы	78,1	80,5	30,6	67,8	46,2	3,2	1,0

Русские	90,7	94,8	50,8	228,1	124,5	18,8	7,1
Украинцы	91,2	93,6	57,7	210,2	109,1	15,9	4,0
Евреи	93,2	96,7	75,7	169,8	194,5	17,4	13,6
Могилевская							
Белорусы	75,1	76,3	27,4	63,9	46,3	2,9	0,9
Русские	89,4	93,4	42,2	242,0	127,4	16,6	6,8
Украинцы	91,7	94,1	55,2	218,0	115,3	13,4	4,8
Евреи	92,2	95,7	75,4	145,0	174,6	15,1	10,7
Поляки	81,6	88,0	45,8	97,3	77,6	4,9	2,1
Калининская							
Русские	98,6	86,5	39,6	67,5	58,1	3,8	1,6
Карелы	98,8	86,2	38,0	50,4	36,6	1,2	0,4
Украинцы	98,5	94,8	63,0	216,8	144,5	22,5	14,7
Евреи	99,6	98,1	82,0	219,6	254,4	47,9	37,3
Орловская							
Русские	78,3	79,6	35,6	58,8	44,1	3,2	1,1
Украинцы	91,5	94,2	61,2	225,9	156,3	28,7	9,9
Евреи	94,1	97,6	80,2	191,5	227,9	30,8	19,0
Смоленская							
Русские	77,8	81,0	33,8	64,6	48,0	3,2	1,2
Евреи	94,3	97,8	80,1	207,3	253,6	31,2	26,2
Украинцы	93,4	95,7	55,3	264,4	164,1	20,5	11,1
Белорусы	92,4	96,4	61,9	269,6	218,4	39,2	14,2

Это объясняется и тем, что у белорусских, русских и украинских женщин, особенно старше 50 лет, этот показатель и в конце 1930-х гг. был ниже, чем у неславянских. Все это существенно повлияло на общие показатели грамотности населения белорусско-российского пограничья. Информация переписей 1937 и 1939 гг., отмечает В.Б. Жиромская, «не подтвердила широко распространенной в пропагандистской печати версии о «сплошной» грамотности населения». Самый же высокий уровень грамотности и образования (см. таблицу 2) стабильно оставался у еврейского населения, которые в абсолютном большинстве проживали в городах, где традиционно эти показатели были всегда выше.

Средний показатель разрыва в уровне грамотности между всеми мужчинами и женщинами в возрасте старше 50 лет составил примерно 46,0%. Еще ниже эти показатели были у сельских жительниц. Следовательно, у восточнославянских женщин, которым в первые годы Советской власти было около 30 лет, значительных, как у мужчин, изменений в уровне грамотности не произошло. Это связано с семейными традициями, материальными возможностями, недостаточной мотивацией женщин к ликвидации неграмотности и другими причинами. В

возрастной группе 20–49 лет показатели у мужского и женского населения сблизились, хотя разница оставалась еще заметной. В пределах этих показателей перепись зафиксировала и разницу по полу и национальностям. Большие достижения (97–99%) в уровне грамотности зафиксированы были у детей школьного возраста. Практически никакой разницы по этническому и гендерному признакам уже не существовало.

Невысокий уровень грамотности, особенно в возрастной группе 20–49 лет, классовый принцип отбора в вузы и техникумы, постоянное реформирование этих учебных заведений, слабая их материально-техническая база, острый недостаток высококвалифицированных профессорско-преподавательских кадров существенно повлияли на показатели высшего и среднего специального образования у белорусов. Более низкий уровень грамотности белорусов и русских, особенно женщин, проживавших в своих этнических территориях ограничивал их возможности в получении среднего и высшего профессионального образования.

Анализ рассекреченных данных переписи 1939 г. позволил установить, что и в конце 1930-х гг. абсолютное большинство русских мужчин в БССР было связано с военной службой или занято в материальном производстве, работало в вузах и НИИ. Следует отказаться от бытующего в белорусской историографии стереотипа, что русские в БССР были только чиновниками. Русские женщины в БССР были заняты в абсолютном большинстве в сфере материального производства, являясь рабочими и колхозниками.

Таким образом, титульные и нетитульные этносы (мужчины и женщины) белорусско-российского пограничья и в конце 1930-х гг. имели разный уровень грамотности и образования. Более низкий уровень образования у белорусов и русских, проживавших в своих этнических территориях, существенно влияло на их политическую и социокультурную активности.

Т.В. Гудкова

Москва, Московский городской педагогический университет

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНЫХ ПРОБЛЕМ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Метод проектов, в основе которого лежат положения педагогики прагматизма Дж. Дьюи, впервые стал применяться в американских школах в конце XIX – нач. XX в. В 20-е гг. XX в. использование проект-

ного метода широко обсуждается в советской педагогической литературе. Сторонники этого метода (Б.В. Игнатьев, М.В. Крупенина, В.Н. Шульгин) видели в нем средство преобразования «школы учебы» в «школу жизни», способствующее приобретению знаний учащимися через их общественно-полезный труд. Проекты этого времени имели гендерную окраску: «фабрика для девочек», «токарная школьная мастерская для мальчиков». Однако однобокость в использовании метода в ущерб всестороннему развитию личности привело к снижению общеобразовательной подготовки. Это стало основанием для постановления ЦК ВКП(б) о запрете использования этого метода в советских школах. В дальнейшем в педагогической деятельности использовались лишь элементы проектной деятельности: исследовательский метод, проблемное обучение без учета гендерных различий. В настоящее время метод проектов становится широко популярен и учитывает гендерный подход в рамках лично-ориентированных технологий, как способ организации самостоятельной работы учащихся, основываясь на различии интересов разных полов.

Г.М. Байпеисова
Семей (Республика Казахстан),
Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет

ИЗМЕНЕНИЯ В ДИНАМИКЕ УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ ЖЕНЩИН КАЗАХСТАНА (1946–1965 ГОДЫ)

В послевоенный период актуализируется проблема формирования нового отношения к женщине, и ее роли в обществе.

Советским обществом на практике решались многие гендерные проблемы в области права, образования, их реальной включенности в общественную жизнь. Но повышение трудовой активности женщин надо рассматривать в тесной связи с ростом потребностей послевоенной экономики и культуры. Этому была подчинена образовательная и профессиональная подготовка женщин. На послевоенном этапе развития общества образовательный потенциал населения был незначителен. Так, по статистическим данным 1947 г. в республике в числе 28009 специалистов с

высшим образованием было 11 795 женщин, а в числе 67 949 специалистов со средним специальным образованием 32796 женщин[457].

Вхождение женщин в общественную жизнь ускоряется системой контролируемого государственного образования.

Всемерно возрастает социальная значимость школы, повышается ее ответственность в решении сложных задач обучения и воспитания женской молодежи. В послевоенные годы наблюдалось значительное уменьшение числа учащихся, отсев школьников, особенно девушек-казашек, остро встала проблема «всеобуча» и детей отгонщиков, спецпереселенцев.

Анализ причин отсева девушек из старших классов выявляет недостатки в расстановке педагогических кадров, неудовлетворительном укомплектовании школ учителями русского языка, математики, физики, химии, неудовлетворительную постановку политико-воспитательной работы среди девушек по распространению и пропаганде педагогических знаний среди родителей. Руководство республики в 1952 г. принимает специальное решение по улучшению обучения и воспитания девушек-казашек в школах, средних специальных и высших учебных заведений, сыгравшее важную роль в развитии женского образования. В 1952/1953 уч. г. средние школы окончили 1 680 девушек[458].

Если в 1951/1952 уч. г. в республике в 8–10 классах обучалось 8603 девушек-казашек, то в 1952/1953 уч. г. – 12 951. В школах-интернатах республики в 8–10 классах обучалось в 1952/1953 уч. г. 10 098 девушек-казашек[459].

Однако на местах наблюдались случаи неудовлетворительной работы по охвату обучением девушек. Отсев девушек из старших классов за 1953 и 1954 гг. составил 8 000. Эти факты были отмечены особенно в Южно-Казахстанской, Кзыл-Ординской, Джамбульской областях. Анализ статистических данных показывает, что численность девушек-казашек в старших классах в 50-е гг. оставалась еще малочисленной.

Процесс привлечения девушек к учебе в школы республики до конца 50-х гг. оставался неудовлетворительным. Организация учета девочек-казашек явилась в условиях Казахстана весьма необходимой мерой борьбы за всеобуч, обеспечивая их обучение, открывая им доступ в учебные заведения.

---

457 ЦГА РК. Ф. 698. Оп. 4. Д. 567. Л. 26а, 266.

458 Кунантаева К. К вершинам знаний. Алма-Ата, 1978. С. 86.

459 Сталин жолы. 1953. № 5. С. 9.

Следует отметить, что потребность в образовании женской молодежи приобретает смысл в условиях осуществления семилетнего перехода к среднему образованию, необходимость которого диктуется социально-экономическим, культурным развитием общества. Значимость образовательного уровня женского населения побуждала общество решать вопросы доступности, бесплатности, всеобщности и обязательности образования.

Идеология и политика в области женского вопроса, особенно проводившаяся в послевоенные годы, привела к изменениям в социальном статусе и самосознании женщин. Характерной особенностью развития образовательной системы явилось и создание вечерних и заочных средних школ, школ рабочей и сельской молодежи.

Оставалось значительным число женщин без общеобразовательной подготовки. К середине 50-х г. был высок процент неработающих женщин в сельской местности республики. В 1956 г. доля неработающих женщин в возрасте 16–54 лет составила 56,5% [460].

Поэтому в центре внимания общества стояли вопросы ликвидации неграмотности среди населения. Следует отметить, что в исследуемый период, усиление социальной значимости просвещения, здравоохранения обусловливает и повышенное внимание к подготовке кадров-специалистов.

В 1951/1952 уч. г. в 6 педагогических и 10 учительских институтах в составе студентов было 4 825 девушек, в том числе казашек – 1 601. Учителей средней квалификации в 1953/1954 уч. г. готовили 13 педучилищ, в них обучались 1 565 девушек-казашек[461]. В 1955 г. женщины-специалисты с высшим образованием по министерству просвещения составили 14 650 чел., в 1960 – 23 384 и в 1966 – 34 686[462]. Как видим, результатом взаимодействия государства и общества явилась широкая профессиональная представленность женщин в 60-е гг. в учительском корпусе.

Рост медицинской интеллигенции в послевоенный период шел за счет подготовки кадров-специалистов из числа женщин, что находилось в неразрывной связи с решением женского вопроса. В 1955 г. численность женщин-врачей составляла по республике 5 666 чел.

---

[460] ЦГА РК. Ф. 698. Оп. 4. Д. 567. Л. 19, 20, 26а,б.

[461] Там же. Ф. 1692. Оп. 2. Д. 839. Л. 132, 34.

[462] Там же. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 2192. Л. 1,2; Д. 2490. Л. 1; Д. 2137. Л. 41; Д. 1801. Л. 71.

Феминизация учительского и медицинского корпусов была вызвана спецификой социально-экономического развития, расширением культурной сферы. За период с 1947 по 1956 гг. в республике было создано 15 новых вузов. В 1955/1956 уч. г. женщины в составе студентов вузов составили 49,7%. В 134 средне-специальных учебных заведениях в 1955/1956 уч. г. обучалось 34 005 девушек (50,4%)[463]. Вместе с тем, образовательный уровень казашек, хотя и имел тенденцию роста, но не был высок.

Но при этом следует учесть, что русские являлись многочисленным этносом, к тому же более урбанизированным. В 1959 г. на 1 000 казашек села приходилось 125 казашек с высшим, средним и неполным средним образованием, а русских женщин села – 234. Данный показатель среди казашек города составлял 208 чел. и соответственно среди русских женщин – 346. Сопоставление уровня образования женского городского и сельского населения (по 1959 г.) показывает значительное различие между ними. Среди городского населения число женщин-специалистов составляет 156 тыс. чел., а среди сельского – 79 тыс. чел. Удельный вес женщин в общей численности городского населения с высшим и средним специальным образованием составил 52%; доля женщин-специалистов в числе сельского населения составляла 46%[464]. Преобладание уровня образования русских женщин среди городского женского населения над сельским отражало процесс социализации женщин, относительно еще слабую мобильность девушек-казашек. В 1960 г. в народном хозяйстве республики работало 24,1 тыс. женщин-казашек с высшим и средним специальным образованием[465].

Процесс профессионализации рассматривается как одно из направлений развития личности, как процесс становления специалиста. Если в 1956 г. в республике было 39,3 тыс. женщин-специалистов с высшим образованием, занятых в народном хозяйстве, то в 1966 г. их численность выросла до 100, 8 тыс. чел., а численность женщин со средним специальным образованием соответственно: с 81,7 тыс. до 203,3 тыс. чел.[466]. Эти показатели дают основание говорить о повышении фактических образовательных возможностей женщин.

---

[463] Там же. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 2742. Л. 82; Оп. 2. Д. 393. Л. 16; Д. 1428. Л. 134.
[464] Там же. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 2742. Л. 82; Оп. 2. Д. 393. Л. 16; Д. 1428. Л. 134.
[465] Итоги Всесоюзной переписи. 1959. Казахская ССР. С. 188, 44–49.
[466] Женщины в СССР. Стат. сб. М., 1975. С. 63.

О.В. Петровская
Брест, УО «Брестский гос. университет им. А.С. Пушкина»

ДОСТУП ЖЕНЩИН К ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ: СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Модернизация по советскому образцу, принятая после Второй мировой войны политическим руководством стран Центральной и Юго-Восточной Европы, определила как особенности развития систем высшего образования, так и социального переустройства. Эмансипация женщин в условиях социализма означала прежде всего получение ими права на оплачиваемый труд. Профессиональная подготовка женщин в системе образования рассматривались правящей элитой в качестве реальной основы равенства в труде и его оплате, преодоления культурной отсталости и обеспечения равноправия полов в общественной жизни. Гарантии равных прав на оплачиваемый труд и образование закрепили послевоенные конституции, напоминавшие по структуре советскую Конституцию 1936 г. Пропаганда стран Восточной Европы создавала условия для формирования активного образовательного поведения женщин.

Вместе с тем последствия Второй мировой войны и процессы интенсивной индустриализации, проводимые во всех странах Восточной Европы, привели к трансформации права женщин на труд в обязанность трудиться. В поиске компромисса между реальной и идеальной моделью социалистической эмансипации женщины Восточной Европы активно использовали образовательный механизм компенсации. Для тех, кто должен был существовать одновременно в трех измерениях (труженица, общественница, мать) высшее образование являлось средством, позволяющим изменить характер и время труда, собственный статус и престиж в обществе, соединить производственные и семейные функции.

Следствием стали высокие темпы феминизации высшей школы в странах Восточной Европы. К концу 1980-х гг. 50%-й рубеж феминизации студенческого контингента был преодолен в вузах Болгарии, Польши, Венгрии, СССР. Однако высокий уровень феминизации студенчества не соответствовал установкам образовательной политики, которая

ориентировала женщин в основном на получение среднего образования, и имел негативные для социалистического государства последствия.

Во-первых**,** использование женщин в качестве специалистов с точки зрения затрат на их подготовку не было эффективным. Существовали проблемы с распределением женщин-специалистов. Ответственность за воспитание детей, влияние социальных стереотипов вели к тому, что женщины уделяли меньше внимания работе, не стремились к карьере, отказывались повышать квалификацию и читать специальную литературу.

Во-вторых, происходила концентрация девушек на определенных специальностях, признанных женскими и имевших ценность для домашней жизни. Абсолютное большинство женщины составляли в стоматологии, фармакологии, просвещении, социальной и финансовой отраслях, здравоохранении.

В-третьих, повышение образовательного уровня женщин было обратно пропорционально коэффициенту репродукции. В семьях женщин с высшим образованием ограничивались 1–2-мя детьми.

Указанные обстоятельства в сочетании с высокой степенью устремленности женщин в вузы обусловили введение критерия пола в систему отбора кандидатов в вузы. Следует отметить, что не все страны практиковали конкурсную систему селекции. Между тем ограничение доступа женщин могло носить и скрытый характер. Исследование, проведенное в Сербии в 1971/72 уч. г., показало, что в академической среде студенток меньше ценят и коллеги и преподаватели. В Польше доступ в вузы женщин осложняли традиции. С начала 1970-х гг. справочники для абитуриентов настойчиво предупреждали женщин о возможных трудностях при устройстве на работу по ряду специальностей. Поиск способов дефеминизации студенческого контингента привел к установлению во второй половине 1960-х гг. ограничений для женщин при зачислении в медицинские и сельскохозяйственные вузы ПНР. В частности, 1968 г. министр здравоохранения предписал, что конкурс на лечебные факультеты будет проходить в рамках отдельных лимитов мест: 50% для женщин и 50% для мужчин. В сельскохозяйственных вузах по ряду специальностей «женская» квота составила 25%.

Наиболее открытый характер носила дискриминация женщин в болгарской системе высшего образования. Централизованное планирование количества женских и мужских мест по отдельным специальностям началось в Болгарии в конце 1950-х гг. и продолжалось до конца 1980-х гг. Формально соотношение предполагало равенство полов, но реально оно

утверждало неравноправие, поскольку претенденток на высшее образование с высокой конкурентоспособностью было больше, чем претендентов. Парадокс заключался в том, что возможность поступления женщин на специальности, признанные вредными для женского здоровья, с течением времени расширялись, но в то же время сокращались их шансы стать студентками престижных специальностей и вузов.

Политика гендерного регулирования состава студентов уменьшила шансы женщин на получение высшего образования. Общеобразовательный лицей для полек, например, не был такой же прямой дорогой в высшую школу как для их сверстников мужского пола. В ходе конкурсного отбора отсеивались те, кто сдал вступительные экзамены лучше, чем их коллеги мужского пола. Исследования 1963 и 1983 гг. в Новосибирской области СССР также доказали, что у юношей шансы на поступление в вузы во всех социальных группах выше, чем у девушек.

Одним из последствий интенсивной гендерной селекции на дневных отделениях вузов явилась феминизация отделений для работающих студентов, где не вводились ограничения по признаку пола. Так, в 1970/71 уч. г. первокурсницы заочных отделений болгарских вузов составляли 51,1%, а в 1978/79 уч. г. – 76,1%. Тезис о том, что интерес женщин к заочному и вечернему образованию в значительной степени определяли барьеры на пути к дневным отделениям, подтверждает гендерный анализ форм обучения в Югославии, где доступ в вузы был свободным. Несмотря на то, что руководство КПЮ неустанно ориентировало женщин на получение образования в сочетании с работой, доля женщин на заочных отделениях в 1969 г. составляла 28,6%, в 1979 г. – 34,8%, в 1989 г. – 23,5%.

Таким образом, 50%-ный барьер, на котором в 1970–1980-х гг. задержалась феминизация студенческого контингента в большинстве стран Восточной Европы, не соответствовал образовательному потенциалу и ценностным установкам женщин. Руководство высшей школы вынужденно было искусственно сдерживать стремление женщин в вузы приемами централизованной политики формирования студенческого контингента.

Е.В. Самаль
Минск (Беларусь), Филиал Рос. гос. социального ун-та в г. Минске

РОЛЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЖЕНЩИНЫ В ВОСПИТАНИИ НАСТОЯЩЕГО МУЖЧИНЫ

Исследование мужчин и маскулинности – это одно из молодых направлений гендерных исследований. Несмотря на то, что в современном мире наблюдается ослабление половых различий в поведении, переход во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной от иерархического соподчинения к равноправию, происходящие социокультурные и гендерные преобразования заставляют задуматься, а в некоторых случаях даже насторожиться: мальчики в настоящее время все чаще оказываются недостаточно эмоционально устойчивыми, решительными, сильными, а у девочек обнаруживается нехватка нежности, скромности, мягкости, терпимости. Кроме того, в гендерном мире мужчин и женщин борьба за равенство привела к тому, что мужчины чаще стали сдавать свои позиции во власти, реже успешно реализовываться в какой-либо деятельности, чаще становиться домохозяйками и отдавать женщине груз ответственности за материальное обеспечение семьи. Так медленно, но верно происходит снижение мужской маскулинности, что является одной из причин возросшего мужского алкоголизма и сокращения продолжительности жизни мужчин. Все реже можно сказать о большинстве современных мужчин – «настоящий», да и к современным женщинам этот эпитет не всегда применим.

С самого детства родители начинают влиять на формирование половой идентичности ребенка, которая заключается в единстве поведения и самосознания, причисления себя к определенному полу и ориентации на требования соответствующей половой роли. Как показала в своих исследованиях И.В. Тельнюк, большинство родителей (83%) считают необходимым воспитывать ребенка с учетом половых различий, однако 46% опрошенных затрудняются сказать, как это правильно сделать[467].

Большинство зарубежных и отечественных исследователей полагают, что половая идентификация мальчиков проходит в более трудных условиях, чем у девочек. Среди препятствующих идентификации факторов называют большее время контакта матери с ребенком, чем

---

[467] Введение в гендерные исследования. М., 2000.

отца, из-за чего отец выступает для ребенка менее привлекательным объектом, вследствие этого первичной оказывается идентификация с матерью, т. е. феминнная. Поэтому, в дальнейшем своем развитии мальчику предстоит трудная задача – изменить первоначальную женскую идентификацию на мужскую. Однако большинство тех, с кем ребенок сталкивается в процессе своего дальнейшего развития – опять женщины (воспитатели детского сада, врачи, учителя). Как следствие, мальчики гораздо меньше знают о поведении, соответствующем мужской половой роли, чем женской. Да и взрослые не столько поощряют «мужское» поведение, сколько осуждают «немужское» («мужчины не плачут»).

Вопрос о том, что есть мужское поведение, несколько озадачивает, а то и ставит в тупик. Сегодня стереотип маскулинности изменился от традиционной физической силы, подавления нежности, функционального отношения к женщине, несдержанности в выражении гнева и страсти к приоритету интеллекта над физической силой, к умеренному проявлению нежности и душевной тонкости, обузданию «грубых» чувств[468]. В обществе утвердился «инверсионный тип» половой социализации с чрезмерной маскулинизацией женщин и феминизацией мужчин. Он проявляется в родительско-детских отношениях, воспитании, ролевой структуре семьи, а значит, оказывает определенное воздействие на полоролевое развитие детей, и в первую очередь мальчиков, юношей. В юношеском возрасте происходит активное экспериментирование с усвоенными ранее моделями поведения мужчины и женщины, закладываются основы будущих семей.

Учитывая тот факт, что большое количество мужчин в нашей стране не способны из-за сложной социальной ситуации материально обеспечить свою семью и достигнуть успеха в карьере, нами предполагалось, что половая идентификация юношей будет затруднена из-за дискредитации мужской роли. Исходя из закономерностей возрастного развития юношеский возраст – это возраст усиления мужской половой идентичности. Однако результаты исследования 70 юношей возраста 17–20 лет показывают, что у части юношей преобладают как феминнные, так и маскулинные характеристики, что говорит об андрогинии. Для юношей характерно стремление к маскулинной идентификации с одной стороны и эмоциональной значимости женских образов с

---

[468] Бендас Т.В. Гендерная психология. СПб., 2009.

другой. Юноши научились занимать среднюю гибкую позицию в определении гендерных характеристик, что в современном мире помогает им легче адаптироваться.

Кроме того, было установлено, что родительская семья оказывает влияние не только на полоролевую идентификацию юношей, но и на представление о будущей семье. В оценке юношами стиля семейного воспитания преобладает гиперопека, а это, скорее всего, связано с тем, что родители «не готовы» к проявлению со стороны сыновей качеств маскулинности. Юноши имеют стереотипное представление о распределении ролей в семье, большую часть семейных обязанностей, по их мнению, должна выполнять жена, а муж обеспечивает материальное благополучие и осуществляет контакты семьи с социальным окружением.

Объясняются такие результаты тем, что большая часть ответственности за ребенка в процессе его роста и развития возложена на мать, она порой выполняет две роли – и заботливой мамы и строго отца. Влияние матери на сына сохраняется и по мере его взросления. Поэтому у юношей проявляются как маскулинные, так и феминнные характеристики. Хочется казаться взрослым, сильным, независимым, мужественным. Но при этом лучшие черты матери принимаются порой за эталон. Она умная, заботливая, строгая и на ней держится вся семья. Все зависит от нее – и климат в семье, и воспитание детей, и семейный досуг. И это закладывается юношами в эталон будущей семьи. Ведущая роль в семье отдана женщине, от нее зависят взаимоотношения между супругами, родителями и детьми.

Применение корреляционного анализа показало, что наличие феминнных проявлений в идентификации юношей способствует наделению женщин статусом «хозяйки», а также ответственной за поддержание эмоционального климата в семье. Проявление андрогинии тем ярче, чем сильнее в отношениях родителей к ребенку наблюдается потворствующая гиперпротекция, проявляющаяся в чрезмерном проявлении внимания к собственному ребенку (в данном случае уже юноше), заботы, стремлении опекать и удовлетворять его потребности, зачастую максимально и некритически. По мнению юношей потворствующая гиперпротекция зачастую проявляется и тогда, когда организация развлечений в семье осуществляется в основном только женщиной.

Как мы видим, роль и ответственность женщины очень велика в воспитании настоящего мужчины, в поддержании и культивировании в

мужчине мужского и признании его приоритета и значимости для успешного развития общества и государства.

И.В. Реброва, А.В. Чащухин
Краснодар, Кубанский гос. технологический университет,
Пермь, Центр фундаментальных исследований НИИ ВШЭ

УЧИТЕЛЬ-МУЖЧИНА VS УЧИТЕЛЬ-ЖЕНЩИНА: ОТ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ К ИХ РАЗРЫВАМ

Учителями становятся преимущественно женщины. Об этом говорит не только наш личный опыт, но и статистика. На сегодняшний день в школах работают лишь 13,77% учителей-мужчин[469]. Такая гендерная диспропорция имеет более чем полувековую историю. С 1940-х отечественная школа окончательно обрела женское лицо, которое сохраняется и ныне. Помимо ярко выраженных экономических причин гендерной диспропорции на положение вещей влияет еще и мощнейший культурный фактор. Ведь за полвека доминирования в профессии женщин это стало восприниматься уже как традиция.

Интересно, но гендерное неравноправие в школе редко осознается в качестве проблемы. Гораздо привычнее для нас слышать иное – сетования на то, что мужчины не идут работать в школу. Заметим, что такая рефлексия появилась не вчера. В нашем исследовании мы попытались понять гендерную составляющую профессионального образа в исторической ретроспекции. В поисках ответов на эти вопросы мы обратились к материалам биографических интервью, проведенных в Краснодарском крае и Перми в декабре 2011 – марте 2012 гг. В качестве респондентов были выбраны педагоги, чья профессиональная деятельность началась в 1950-е гг. Какие образы конструируют эти педагоги в контексте своей профессиональной биографии?

Одна из главных тем в нарративах наших информантов – ностальгия по мужчине-педагогу, который предстает перед нами в виде яркого эмоционального образа. Воспоминание о мужчине неизменно начинается с уважительного кода – проговаривания его имени, отчества и фамилии. Вне зависимости от личности информанта, характеристики

---

[469] Положевец П. Школа без мужчин // Российская газета. 2007. 8 мая. URL: http://www.rg.ru/2007/05/08/shkola.html (дата обращения 20.03.2012).

мужчин удивительно схожи. Представители «сильного» пола внимательны к коллегам и подчиненным, готовы им помочь в трудную минуту. Они демократичны в общении, стараются сплотить коллектив, но сохраняют уважительную дистанцию посредством своей интеллигентности. Педагогические успехи мужчинам не кружат голову. Они скромны, но не бесхарактерны. Чуткие к окружающим, мужчины в то же время аккуратны и пунктуальны, отдают себя без остатка работе[470]. Показательно интервью с Ольгой Васильевной, долгие годы проработавшей в районном и городском отделах образования. Более 20 лет она возглавляла одну из самых престижных школ г. Перми. В процессе интервью ею было упомянуто около десятка мужчин, из которых только один оказался «дядька хороший, но вредный». Все остальные были образцом интеллигентности, деловитости и профессионализма[471].

Говоря об идеальном мужчине, одна из информанток вспоминает учителя истории в кинофильме «Доживем до понедельника». *«Этот образ Тихонова, наверно, вот, этого учителя, интеллигентность, прежде всего, профессионализм, потому что знал великолепно, и, наверно, в нем какая-то доброта к детям чувствовалась, потому что он их защищал перед учительницей литературы, которая дала [задание написать сочинение на тему], что такое счастье. А мне, да, ответ понравился»*[472]. Представляется, что такая проекция детского восприятия по отношению к себе не случайна. Можно предположить, что такое повышенное внимание к педагогам-мужчинам в учительских нарративах может быть связано не в последнюю очередь с историческими периодами жизни информанток. Травма войны, переживаемая их поколением как трагедия своей семьи или знакомых, актуализировала образ отца. Не случайно директор школы или старший коллега выступает в роли защитника, который опекает и заботится о молодых специалистах[473].

---

[470] По материалам: Интервью с Поповой Е.Н., записано 20.02.2012 г. // Архив Устной истории СНО КубГТУ, Ф. СУ–12. Д. № ИР–02.

[471] Интервью с К-вой О.В., записано 01.03.2012 г. // Личный архив Чащухина А.В.

[472] Интервью с Поповой Е.Н., записано 20.02.2012 г. // Архив Устной истории СНО КубГТУ, Ф. СУ–12. Д. № ИР–02.

[473] Интервью с С-ной Л.Н., записано 20.02.2012 г. // Личный архив Чащухина А.В.

Наличие положительного образа предполагает негатив. Он представлен гендерным стереотипом о бесхарактерных «тряпках», мужчинах-пьяницах. В рефлексии учителей эти персонажи лишаются маскулинных признаков. *«Мужчины были – кто пил, кто вообще не директор, а лапша какая-то. В общем, было ужасно»*[474].

Таким образом, «отсутствующий» в школе мужчина обладает ярко выраженными чертами референтной группы, характеристики которой информанты проецируют на себя. *«Я все равно, характер у меня сильный, я не позволяю кому-то как-то что-то расслабиться»*[475]. Демонстрация «сильного характера», презентация себя через достижение значительных высот в профессии и карьере, работа на износ предъявляют нам «мужские» паттерны.

Большинство собранных нами интервью с женщинами-учителями представляют собой пример мужского нарратива. Н.Л. Пушкарева в статье «Андрогинна или Мнемозина? (гендерные особенности запоминания и исторической памяти)» выделила основные отличия мужского и женского образа исторического прошлого. Сравнение практик запоминания проводилось исследовательницей по линии метода и сюжетного контекста повествования, пространственного и временного заполнения нарратива и иным параметрам. Например, было выявлено, что «мужчины чаще обозначают героем повествования государство, страну, а женщины – людей, народ и себя как часть их… У мужчин “положительные герои” – активны, “отрицательные” – пассивны (то есть мужчины переносят внушенный им гендерный стереотип маскулинности на оценку “героев” рассказа). У женщин все герои так или иначе проявляют активность, просто эта активность разноокрашенная – все их герои страдают, воюют, сопротивляются»[476]. Те информантки, которые начинали свой рассказ с упоминания мужчин (отец, дед, первый учитель), при том, что в первом вопросе мы старались выявить социальное происхождение семьи наших героинь, что они помнят о своих детских годах, демонстрируют более мужскую позицию в нарративе о

---

474 Там же.

475 Там же.

476 Пушкарева Н.Л. Андрогинна или Мнемозина? (гендерные особенности запоминания и исторической памяти) // Сотворение истории: Человек. Память. Текст: цикл лекций. Казань, 2001. С. 268.

работе. Исключение составляет только интервью с Марией Матвеевной Гриценко, которая о своей профессии повествует через свою семью. Показательно, что начинает свой рассказ она с упоминания женщины (бабули), а работа в школе в ее рассказе становится внешней по отношению к ее семье, ее частному пространству. Остальные же информантки, судя по воспоминаниям, были более успешны в освоении публичной сферы, для них их собственная личная жизнь замещается общественной активностью. Поэтому личный опыт создания семьи, отношения с собственными детьми и родственниками становятся фигурам умолчания.

Таким образом, вопреки распространенному мнению, что школа – это женское пространство, где воспитывают феминные черты характера в учениках, не зависимо от биологического пола, материалы интервью показывают иную картину. Образ идеального учителя – мужчина, посвящающий себя полностью воспитанию и обучению подрастающего поколения, являющийся примером для подражания как учеников, так и учителей. Постепенная замена мужского учительского состава женским не вытесняет образ справедливого учителя-мужчины: женщины-учителя в большинстве своем демонстрируют маскулинную модель поведения.

М.В. Бабурина
Москва, Московский государственный педагогический университет

ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЗНАНИЙ И УМЕНИЙ

Гендерный подход к оцениванию является перспективным средством обеспечения достижения эффективного результата обучения. В первые к нему обратились в России в XIX в., когда наметилась тенденция развития раздельного обучения, учитывающая индивидуальные особенности учащихся. Западные исследователи выделяют систему андрогинии – формировании системы оценки знаний без учета гендерных особенностей. В современной системе оценивания определяющую роль играет усредненный подход к формированию оценочной системы, не позволяющий учитывать индивидуальные психологические особенности мальчиков и девочек. Такой подход также затрудняет процесс использования современных методов и форм контроля знаний и умений. Методисты отмечают тенденцию гендерной ассиметрии в пользу девочек в заданиях ЕГЭ, что затрудняет объективное оценивание знаний и умений мальчиков. В настоящее время назрели изменения форм оценивания знаний с учетом гендерного подхода.

Н.А. Логузова
Москва, Московский государственный предагогический университет

ДРАМОГЕРМЕНЕВТИКА И ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

На сегодняшний день является актуальной разработка и построение модели образовательного процесса в современной школе на основе гендерного подхода. Гендерный подход обеспечивает наиболее полное раскрытие и развитие потенциальных возможностей учащихся, создает благоприятные условия для формирования внутренней культуры. В рамках гендерного подхода стираются барьеры, мешающие успешному развитию личности, создаются условия для самореализации и раскрытия способностей юношей и девушек.

Драмогерменевтика – это организованная игровая и театрализованная деятельность на основе изучения источников. Драмогерменевтика помогает учителю на уроке создать такие условия, в которых творческие способности, индивидуальные качества, характерные для мальчиков и девочек раскрываются наиболее полно. Драмогерменевтический подход несет диалогичность общения, а значит, ведет к формированию отношений взаимодоверия, равноправия и взаимопонимания между полами.

К.С. Молотов
Москва, Московский Педагогический Государственный Университет

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КИНОФИЛЬМОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Традиционная система образования и воспитания воспроизводят гендерные стереотипы, многие из которых не соответствуют объективным реалиям изменяющегося мира, становятся препятствием для эффективного развития общества, прогресса и демократии.

Использование кинофильмов для изучения истории гендера является достаточно перспективным и позитивным опытом, оказывающим положительное значение для развития российского общества в целом, проблемы демократизации и построения гражданского общества в России.

Одним из таких подходов является использования кинофильмов в историческом образовании. Не секрет, что многие киноленты известных режиссеров и классиков мирового кино развенчивают исторически

сложившиеся гендерные стереотипы, рассматривают статус мужчины и женщины в современном обществе, изучают гендерные аспекты семейных отношений. Для этого преподаватель может обратиться к таким фильмам, как «Цветы лиловых полей», «Осенняя соната», «Тельма и Луиза», «Ночи Кабирии», «Крылья», «Июльский дождь». В этих кинолентах демонстрируется поведение людей в различных положениях: жестких гендерных стереотипов, партнерских отношений, комбинаций и др. Комплексный анализ этих фильмов с точки зрения гендера позволит лучше разобраться, например, в проблемах насилия и производных понятий: «насилие против женщин», «бытовое насилие», «насилие в семье», «сексуальные домогательства» и другие, лучше понять историю их происхождения, а также устранить источники и последствия насилия для развития личности.

Т.А. Минеева

Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

ЖЕНЩИНЫ-ИСТОРИКИ XIX СТОЛЕТИЯ: МЕСТО А.Я. ЕФИМЕНКО

Вхождение женщин в науку, является одним из ярчайших событий XIX в. В отечественной литературе дается достаточный широкий обзор жизни и деятельности женщин-медиков, женщин-педагогов, литераторов. О женщинах говорили много: в журналах, газетах, на светских вечерах. Что же касается женщин, которые посвятили свою жизнь исторической науке, то их деятельность мало освещена в литературе. В своей статье мы хотим рассказать о первой в России женщине-докторе русской истории, Александре Яковлевне Ефименко.

А.Я. Ефименко (Ставровская) родилась 30 апреля 1848 г. в селе Ворзуга, Кольского уезда, архангельской губернии (теперь Мурманская область). В 1857 г. поступает в женскую гимназию и считается одной из лучших учениц гимназии. В журналах педагогического совета отмечались ее большие способности, трудолюбие и прилежание. «С пятнадцати лет, писал неизвестный автор «Архангельских губернских ведомостях», – А.Я. Ефименко стала жить вполне самостоятельной жизнью, проявив силу воли и характера… Она учила других и сама училась, пополняя ощутимые пробелы своего образования, несмотря на то, что школа отнимала у нее массу времени».

Александра Яковлевна изучала историю Архангельской губернии, нередко беседовала со ссыльными и вместе со своими воспитанница-

ми ездила в Архангельск для ознакомления с городом, архивными материалами, жизнью и обычаями жителей севера.

«По требованию своей души, своего «стремления к народу», Александра Яковлевна считала своим долгом «проникнуть во все особенности нравственных и правовых воззрений народа». Она жила всю свою жизнь в тесном общении с народною массою, почитая ее «активным элементом» русской общественной жизни и «ежеминутно, ежесекундно чувствуя на себе страшное давление этой народной массы» – так вспоминал о ней С.Ф. Платонов. А.Я. Ефименко остается одной из самых выдающихся российских и украинских этнографов XIX в.

О.И. Урсан
Кишинев (Молдова),
Институт государства и права Академии наук Республики Молдова

ГЕНДЕРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В МОЛДОВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ, КАЧЕСТВО, ПЕРСПЕКТИВЫ

Перспективные изменения, осуществляющиеся в современном образовании Республики Молдова, продиктованы стремлением реализовать фундаментальную цель – соответствовать европейским стандартам качества образования. Молдавские педагоги своей самоотверженностью, неустанным трудом и постоянным творческим поиском закладывают основы завтрашнего дня. Именно от педагогов зависит, насколько образованным и духовно богатым будет подрастающее поколение – концептуальная цель современного образования. Убедительно можем сказать, что это возможно, усовершенствовав состояние всего учебно-воспитательного процесса.

Стержневой задачей в образовании Республики Молдова является принятый на Всемирном форуме по образованию проект (Дакар, Сенегал, от 26–28 апреля 2000 г.) об осуществлении комплексных стратегий по обеспечению равенства мужчин и женщин в образовании на основе признания необходимости изменения подходов, ценностей и практики в этой области.

Для осуществления данной программы считаем перспективным введение в доуниверситетские учебные заведения обязательного курса «Гендерное равноправие». Гендерное равенство, справедливость в расширении прав и возможностей женщин все чаще признается приоритетной задачей для устойчивого развития демократического общества. Это основывается на обязательствах нашего государства для достижения це-

лей и приоритетных задач в рамках целей развития тысячелетия, а также для выполнения заключительных комментариев «Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин в Молдове».

Введение курса «Гендерное равноправие» в лицейском звене позволило бы ликвидировать гендерные стереотипы, преодолеть патриархальную модель общественного устройства, сознания и культуры молодого поколения. Педагогическая практика Западных стран доказала, что образование и воспитание учащихся, направленное на равноправие полов, способствует становлению гармоничных отношений между полами, благоприятствует развитию у учащихся толерантности, чувства собственного достоинства и гражданского долга, что по праву является обязательной характерной чертой современного гражданина демократического общества.

Стоит отметить, что в современном молдавском образовании мнимой остается концепция гендерного преподавания гуманитарных предметов. К примеру, история. В учебнике VI класса «История средних веков» под ред. К. Попович и А. Попович из 129 указанных в тексте исторических личностей только 18 – представительницы женского пола. В «Истории Нового времени» VII класса под ред. Е. Чертан, М. Веверица, И. Моисеев: 109 – мужчин и 12 – женщин. Учебник IX класса «История Румын» под ред. Б. Визер: из более чем 50 исторических личностей лишь 8 – представительницы женской половины общества. В учебнике IX класса «Всеобщая история» под ред. А. Петренку из 52 – роль женщины в истории отводится 10 великим персонажам. «История Средних веков» X класс под ред. К. Попович и А. Попович: 108 – роль мужчины, 23 – роль женщины в истории. В учебнике XI класса «История Нового времени» под ред. Н. Кикуш, И. Шаров, И. Ожог, П. Чербушка, В. Пысларюк, М. Добзеу, Т. Нагнибеда-Твердохлеб из 98 указанных исторических личностей только 5 – представительницы женского пола», т. е. в среднем, из указанных учебников не более 15% отводится роли личности в истории – женщине.

Анализируя вышеуказанные данные, мы пришли к выводу, что в молдавском образовании отсутствует гендерный подход в преподавании гуманитарных предметов (на примере истории). Сегодня мы с уверенностью можем писать о том, что тексты по истории не просто отражают историческую реальность. Они создают ее. А ведь в демократическом обществе все социальные группы являются равноценными и равнозначимыми.

Вероятно, над вышеуказанными историками превалирует стереотип, что женщина и власть несовместимы. Считаем, что пока гендерная неравенство не будет устранена, и женские образы не найдут достойного места на страницах молдавских учебников по истории, говорить о полноценном отражении демократических свобод нельзя.

Потребность во введении гендерного подхода в учебно-воспитательном образовании обусловлена тем, что в переходный период в молдавском обществе был проведены ряд реформ законодательного характера, который повысили уровень интеграции женщин в общественно-политическую и экономическую жизнь страны. В 1994 г. Республика Молдова ратифицировала Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (СЕВАУ). В июне 2000 г. Правительство представило предварительный доклад по ее реализации Комиссии ООН по положению женщин, а в конце 2003 г. был разработан 1-й Правительственный отчет по выполнению СЕВАУ на национальном уровне.

Внедрение гендерной концепции в молдавское образование становится актуальным и приоритетным, потому что роль женщины в XXI в. стремительно возрастает. Представители слабого пола активно участвуют в социально-экономической и политической жизни Молдовы. К тому же, стремительно идет процесс феминизации мужчин и омужествление женщин. Так, преимущественной задачей Министерства Образования Республики Молдова в ближайшие годы является переход от старой модели обучения к новому принципу, направленному на формирование интеграционных компетенций гендерного равенства.

Воспитание учащихся с учетом гендерных особенностей – задача сложная, но посильная. Западные психологи и социологи считают, что формирование гендерного равенства взаимообусловлено социокультурными нормами и зависит в первую очередь от воспитания родителей, привязанности к ребёнку, а также характера родительских установок – равенство взаимоуважения, толерантности. Это позволит повысить уровень правовой и политической культуры общества для самореализации граждан, а также обеспечения равенства полов во всех сферах жизнедеятельности, включая политику, социально-трудовые и семейные отношения; обеспечить соблюдение принципа равного партнерства между мужчинами и женщинами во всех сферах жизни.

Резюмируя вышесказанное, считаем целесообразным, внедрить гендерные индикаторы и гендерную статистику, проводить обязательную гендерную экспертизу как нормативно – правовых актов, так и госу-

дарственных планов и программ (Куррикулум), учебников и учебных пособий. Недостаток гендерного образования гендерных знаний молодого поколения может привести к отсутствию возможности реализации прав и законных интересов, как женщин, так и мужчин в современном мире.

РАЗДЕЛ 9.
ИЗМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ БРАКА И СЕМЬИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

А.А. Павлов
Сыктывкар, Сыктывкарский государственный университет

РИМСКАЯ FAMILIA В ОТРАЖЕНИИ СЕКСТА ПОМПЕЯ ФЕСТА: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Глоссографический труд «О значении слов», написанный грамматиком эпохи Августа Веррием Флакком, дает немало информации о римской семье. Сам труд не сохранился, о его содержании мы знаем благодаря работе грамматика II в. Секста Помпея Феста с тем же названием, также дошедшей в крайне лакунированном виде, и ее эпитоме, выполненной в VIII в. ученым-монахом Павлом Диаконом, сохранившейся полностью. В силу антикварно-грамматического характера труда информация его скорее системна, чем исторична, однако на ее основе можно проследить как сущностные характеристики римской familia, так и происходившие с ней трансформации во времени.

Семья с древнейших времен стала важнейшей социальной ячейкой в Риме, по образу и подобию которой выстраивались отношения в публичной сфере. *Familia* имела характер большой патриархальной многопоколенной семьи, которая включала не только близких родственников, но и рабов. Сам термин familia, как указывает Павел Диакон, происходит от оскского *famuli* – рабы[477]. В то же время он отмечает, что рождение семьи может быть связано только со свободными *pater* и

[477] Fest. s.v. Famuli. P. 77L: «[Слово] famuli (слуги) берет начало от осков, у которых раб именовался famel, оттуда происходит и familia».

mater familiae[478]. Семья строилась на почитании родителей, важное значение в этой связи имел культ предков, отправлением которого занимался отец семейства (s.v. Parens. P. 247L; Mundum. 145L). Она имела патриархальный характер (s.v. Avus. P. 12L; Abavus. P. 12L; Atavus. P. 13L), имя ее возводилось к первопредку[479].

Приоритетной частью в структуре семьи была, как показывает словоупотребление автора, триада – родители (pater, mater), дети (liberi), внуки (nepotes). Однако *familia* рассматривалась и как гораздо более широкий коллектив родственников. Автор приводит и определяет ряд терминов, определяющих степени родства до шестого колена, что связано с системой наследования, а также отправлением религиозных ритуалов в отношении умерших членов «расширенной» семьи.

Семья покоилась на принципе отцовской власти. Отец мог освободить сына из-под своей власти (s.v. Emancipati. P. 67); произвести усыновление (s.v. Deminutus capite. P. 61L; Adoptaticius. P. 26L); отказаться вскармливать сына (s.v. Lactaria. P. 105L); за оскорбление отца, сын мог быть посвящен богам (s.v. Plorare. P. 260L).

Женщина могла вступить в брак с двенадцати лет (s.v. Pubes. P. 297L), вместе с возрастом половозрелости. Она привносила в дом мужа приданое (s.v. Dotem. 60L). Женщина получала в семье статус mater familiae (мать семейства), однако не раньше, чем ее муж был назван отцом семейства (pater familiae). Этим именем могла называться только одна, и только если она не является вдовой и имеет детей.

В идеале римская женщина должна была выходить замуж лишь один раз (s.v. Pronubae. P. 283L), на практике же автор говорит нам о возможности повторного брака. Эта возможность предполагалась как для женщины (s.v. Noverca. P. 181L), так и для мужчины (s.v. Privignus. P. 252L). Повторный брак стал возможен в классический период в том числе в силу свободы разводов. Источник упоминает два вида разводов: *diffareatio* (s.v. Diffareatio. P. 66L) и *repudium* (s.v. Repudium. P. 351L). *Diffareatio* представлял собой сакральный обряд обратный *con-*

---

[478] Fest. s.v. Familia. P. 76L: «Прежде familia (семья) говорилось в отношении свободных людей, у которых глава и прародительница рода назывались pater et mater familiae (отец и мать семейства)…».

[479] Автор не всегда четко разделяет familia и gens (s.v. Familia. 76L; Caeculus. P. 38L; Cloelia. P. 48L).

farreatio, посредством которого вступали в брак patres. *Repudium* – развод по инициативе одной из сторон, производился, как пишет автор, из-за позорного повода. Причиной его могли быть различные провинности, прежде всего, жены.

Семья, тесно связанная с родом (s.v. Gentilis. P. 83L; Gens Aemilia. P. 83L), была хранителем определенных моральный ценностей, которые, однако, разнились для мужчины и женщины. От мужчины ожидали, прежде всего, сохранения и накопления семейного имущества, передачи его по наследству (s.v. Heluo. P. 88L; Heres. P. 88L; Herem Marteam. P. 89L; Nepotes. P. 163L; Prodigere. P. 255L; Profusus. P. 257L); от женщины – нравственной и телесной чистоты (s.v. Matronas. P. 112L; s.v. Adulter et adultera. P. 20L; Pelices. P. 248L; Propudium. P. 253L; Probrum P. 255L). Государство редко вмешивалось во внутреннюю жизнь семьи, связывавшуюся со сферой частной жизни (s.v. Familiaris romanus. P. 83L; Priverae. P. 301L), однако было заинтересовано в укреплении института семьи, как института законного воспроизводства и расширения гражданства (Uxorium. P. 519L).

Информация, которая спрессовалась в источнике, относится хронологически к эпохе царского и республиканского Рима (VIII–I вв. до н.э.). Римская семья, как институт наиболее консервативный, сохраняла на протяжении всего этого времени основные присущие ей черты (патриархальность, многопоколенность, тесные линии переплетения между «малой» и «расширенной» семьей, специфический характер отношений собственности в семье), как сохранялись религиозные традиции, ее скрепляющие, и ритуалы бракосочетания. Вместе с тем, трансформации, которым подверглось римское общество II–I вв. до н.э., не могли не затронуть и основную социальную ячейку римского общества. В этот период женщина получает инициативу развода, а сам развод становится свободным. В то же время, государство все более начинает вмешиваться в регламентацию отношений в семье, побуждая к браку посредством налогов (Uxorium. P. 519L), регламентируя законодательно наследственные права женщин (s.v. Recepticium. P. 356L) и ограничивая расточительство глав семей (s.v. Obsonitavere. P. 220L; Percunctatum. P. 280L; Tappulam. P. 496L).

Сочинение Феста, лексикографическое по характеру, не является оценочным, но сама его структура и количество глосс, отводимое тому или иному институту, вскрывает его место в структуре римского сознания. Семья, в числе глосс, посвященных частной жизни, занимает, на-

ряду с переходными обрядами бракосочетания и погребения, центральное место в труде автора.

К.В. Ривчак
Москва, Российский государственный гуманитарны университет

ЗАРУБЕЖНЫЕ БРАКИ АНГЛОСАКСОНСКИХ ЭРЛОВ: НОВШЕСТВО XI ВЕКА

Раннесредневековое общество англосаксов пережило долгое историческое развитие с V по XI в., которое привело к многочисленным изменениям в различных сферах жизни. Наиболее четко такие изменения прослеживаются в высших слоях общества, жизнедеятельность которых достаточно освещена в исторических источниках. Значительные изменения в слое англосаксонской аристократии произошли в первой половине XI в., вызванные Датским завоеванием Англии 1016 г. В результате завоевания вся высшая аристократия Англии была практически уничтожена. На ее место пришли новые люди: сначала скандинавы–завоеватели, а затем и ранее неизвестные выходцы из местной аристократии. Эти люди заняли правящие позиции в обществе и стали носить титул эрлов. Группа таких правителей–эрлов стала объектом данного исследования.

Предмет исследования лежит в сфере брака эрлов. Известно, что брачным отношениям принадлежит огромная роль в традиционных обществах. Родство, установленное через брак, это критерий идентичности, принадлежности к определенной родственной группе. Родство также означает обязательство взаимопомощи между членами такой группы. По этой причине аристократы были заинтересованы в расширении круга своих сторонников–родичей. Наиболее традиционным и распространенным способом создания родственных отношений служил брак, который приводил к включению в систему родства представителей семей обоих супругов. Таким образом, брак означал политический союз между знатными семьями. Выбор брачного партнера определялся политическими факторами и представлял собой продуманную матримониальную стратегию. Такие матримониальные стратегии, реализуемые эрлами, отличались от традиционных. Для англосаксонской аристократии X в. были характерны браки внутри своего круга. Эрлы XI в. впервые установили родственные отношения с аристократией из-за пределов Англии.

В эпоху раннего Средневековья Англия не была изолирована от соседних стран. Англосаксонские короли практиковали выдачу своих дочерей за рубеж и в редких случаях сами вступали в брак с представительницами иноземных династий. Однако, насколько это известно из источников, для аристократии такие действия были совершенно нехарактерны. В данном исследовании предпринята попытка определить причины изменений в матримониальных стратегиях англосаксонской аристократии и значение данного явления для исторического развития Англии.

Первый зарубежный брак был заключен эрлом Годвином. Несмотря на свое англосаксонское происхождение, Годвин занял правящую позицию при датском короле–завоевателе Кнуте (1017–1035). Женой Годвина стала представительница датской аристократии по имени Гита – сестра датского ярла Ульфа, который в свою очередь был женат на сестре Кнута. Брак Годвине имел очевидное статусное значение, подтвердил его выдвижение в ряд наиболее приближенных к королю лиц и способствовал его дальнейшему возвышению. Кроме того, благодаря браку Годвин обрел заинтересованность в датских делах и сохранении политической общности двух стран. Тесные отношения англосаксонской и датской аристократии показательны для своего времени. В раннее Средневековье Англия еще относилась более к скандинавскому миру, нежели к континентальной Европе. Датское завоевание сделало эту общность еще более актуальной.

Матримониальная стратегия Годвина не ограничивалась скандинавским направлением. Позднее он женил одного из своих сыновей, Тостига, на сестре графа Фландрии Балдуина V (1034 – 1067) по имени Юдита. Этот союз оказался жизненно важен для Годвина в ситуации, когда он был изгнан королем из Англии в 1051 г. Именно во Фландрии Годвин и его семья смогли найти пристанище и собрать силы для возвращения в свои владения. Данный брак явно обозначил континентальные интересы семьи эрлов. К середине XI в. аристократия Англии в целом начала отдаляться от скандинавского мира и все более втягиваться в континентальные дела.

Эта тенденция стала четкой в правление короля Эдуарда Исповедника (1042–1066), который был тесно связан родством с северной Францией, в первую очередь с Нормандией. Окончательным рубежом для вхождения Англии в общность континентальной Европы стало Нормандское завоевание, произошедшее в 1066 г. Причиной завоевания являлись претензии на корону Англии нормандского герцога Виль-

гельма после смерти короля Эдуарда. Вильгельм стремился привлечь на свою сторону англосаксонскую аристократию, в частности, обещал выдать свою дочь в жены одному из сыновей Годвина, эрлу Гарольду. Данный брак не был заключен, но его возможность вновь указывает на широкие континентальные интересы семьи Годвина.

Взаимоотношения с континентальной Европой и Скандинавией являлись основными, но не единственными факторами политической жизни Англии в XI в. Региональная англосаксонская аристократия никогда не теряла контакт со своими ближайшими соседями: шотландцами и валлийцами. На реализацию таких пограничных интересов была обращена матримониальная стратегия Сиварда, эрла североанглийского Йорка. Интересы Сиварда были направлены на север, в Шотландию, а также пограничный регион Нортумберленд, в то время не входивший в состав Англии. Сивард вступил в брак с дочерью местного правителя Элдреда по имени Эльфледа. Это позволило ему претендовать на власть над Нортумберлендом в качестве наследства жены.

Другим пограничным английским регионом являлась Мерсия, которая с запада граничила с Уэльсом. Мерсийские и валлийские правители традиционно враждовали друг с другом, но в XI в. ситуация изменилась. Эрл Мерсии Эльфгар выдал свою дочь Эльдгиту за короля Уэльса Гриффита ап-Ллевелина (1039 – 1063). Данный брак вновь обозначил политический союз между правителями. Эрл Эльфгар дважды подвергся изгнанию из Англии в 1055 и 1058 гг., но оба раза возвращался к власти силовым путем, с поддержкой Гриффита.

Рассмотренные браки эрлов позволяют проследить направления интересов англосаксонской аристократии. Если в X в. эти интересы замыкались внутри Англии, то в XI в. они вышли за пределы страны, на общебританский и даже общеевропейский уровень. Данная ситуация указывает на достаточно самостоятельную внешнюю политику, проводимую эрлами. Реализация зарубежных матримониальных стратегий эрлов была возможна только в обстоятельствах роста их независимости и могущества внутри страны. Действительно, при помощи союзников за пределами Англии эрлы противостояли попыткам королевской власти сместить их с правящих позиций. Подобные действия говорят в пользу характеристики эрлов как полунезависимых аристократов, ослаблявших власть короля Англии. Появление таких региональных правителей с интересами, направленными за рубеж, представляло угрозу для единства англосаксонского государства. Разоб-

щенность высших слоев общества стало одной из причин поражения англосаксов в Нормандском завоевании Англии.

Л.П. Заболотная
Кишинев, Институт истории государства и права АН Молдовы

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА В СИСТЕМЕ БРАЧНО-ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ИЛИ СКРЫТАЯ ВЛАСТЬ ДЕНЕГ

Практически у всех народов, в античный и средневековый период в системе брачно-имущественных отношений значительную роль играл финансово-имущественный субстрат. Статус и положение женщин в семье и обществе определялся ее материальным положением. Чем состоятельнее была женщина, тем выше был ее социальный и правовой статус.

Заключение брака (сделка). У многих народов (франков, германцев) предшествовал контракт с обозначением суммы, которую жених обязывался платить родителям невесты. Это была подлинная сделка. Такая практика делала жену своеобразной покупкой мужа, а деньги служили задатком при помолвке. В Клермонте, при сватовстве жених обращается к родителям девушки: «*я оставляю много своих золотых монет, свыше 16.000 золотых…если вы отдадите за меня свою дочь»*[480], при этом он требует от них письменное разрешение. Это соглашение представляет собой передачу власти над женщиной от отца мужу[481].

Аналогичные традиции известны и в мусульманской среде. При заключении брачного контракта, в обязательном порядке привлекался денежный вклад семьи жениха для покрытия стоимости свадебной церемонии[482].

В средневековой Руси при *«смотринах»* составлялся «*брачный сговор*», официальный документ, где помимо описи приданого и срока свадьбы, указывался размер штрафа (в денежном эквиваленте) в случае отказа одной из сторон[483].

---

480 Виолле-ле-Дюк Э.-Э. Жизнь и развлечения в средневековье. СПб., 1997. С. 122.
481 Брюле П. Повседневная жизнь древнегреческих женщин в классическую эпоху. М., 2005. С. 133.
482 Льюис Р. Османская Турция. Быт, религия, культура. М., 2004. С. 118–119.
483 Борисов Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. Россия в 1492 году от рождения Христова или в 7000 году от сотворения мира. М., 2004. С. 499.

Приданое. При выдачи дочери замуж, отец обязан был обеспечить дочь приданым. В античном мире существовало правило – нет приданого – нет «официального брака». Греки различали два вида богатств: 1. видимое (дом, земля) и 2. невидимое (деньги, драгоценности). Мужчина являлся гражданином, членом политического сообщества, символизировал стабильность – землю. Женщина олицетворяла непостоянство, значит деньги. Отец давал приданое от 5% до 25% от своего состояния. И хотя женщина является владелицей приданого, пользоваться она им не может[484].

В средневековье, в европейских странах, дочери, в основном, не имели права на наследование недвижимостью, поэтому в приданое включали и деньги, оговаривая условия их передачи. При заключении брачного договора между королем Великобритании Карлом I и принцессою Генриетою Мариею, сестрой Людовика XIII в 1625 г., указывалось, что деньги, данные в приданое принадлежат жене: «8. *Приданного за королевою будет 800 000 Ефимков*[485]*;…* 9. *Если король умрет прежде королевы и без детей, то все приданное сполна будет ей возвращено»*[486].

В Молдове дочери и сыновья имели право на равное наследование на движимое и недвижимое имущество. Только в случаях замужества за границу, дочерям выплачивалось приданое в деньгах и драгоценностях. Одна из дочерей господаря Иеремии Мовилэ (1595–1600; 1600–1606), Раина Вишневецкая, после смерти супруга выиграла судебный процесс у родственников мужа. Она за деньги из своего приданого выкупила практически всю недвижимость мужа[487].

Администрирование денег в семье. Царство брака очень сложный предмет. Во-первых, следует учитывать качественный анализ взаимоотношений супругов – требование честности и верности, финансовые и имущественные отношения. Имущественное неравенство определяло социальное неравенство. Женщина могла обладать собственностью и могла быть сама собственностью. В семейной структуре муж

---

484 Брюле П. Указ. соч. С. 135.

485 Ефимки (денежная единица) – русское название европейского талера.

486 РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 108. Л. 5.

487 Zabolotnaia L. Movilencele şi descendenţii. Pagini necunoscute. Unele contribuţii la genealogia descendenţilor al lui Ieremia Movilă // TYRAGETIA, Serie nouă. Istorie. Muzeografie. Istorie, Chişinău, 2008. С. 27–42.

занимал центральное место – управлял домом, имуществом, воспитывал детей и т.д. Жена была в полном подчинении и контролем мужа. «*Если муж берет жену, то он берет в свое владение все ее имущество на правах полной опеки*»[488]. При вступлении в брак, владение приданым дает возможность женщине *частичной имущественной независимости*. В Англии, замужние женщины были лишены возможности распоряжаться недвижимостью от собственного имени, заключать контракты, а также составлять завещания: субъектом права являлся только муж. Однако все имущественные операции могли производиться супругами только совместно, и т. о. допускалось участие жены. В России женщины получили право полной самостоятельности владения имуществом с 1716 г. В Молдове, на протяжение средневековья и раннего нового времени, приданое принадлежало исключительно жене, деньги жены не включались в совместную собственность и муж не имел право им распоряжаться.

В заключении, напрашивается вывод – институт семьи, отношения между мужчиной и женщиной в юридическом и социальном плане, регулировались договорными отношениями, в основе которых лежали деньги. Эволюция этих отношений тянется с античности. Согласно античному праву различались два вида богатств – «*видимые*» или недвижимость и «*невидимые*» или движимое имущество. Отсюда, по мнению Пьера Брюле, происходит, что женщина как символ непостоянства и нестабильности – деньги, а мужчина символизировал стабильность – владелец, собственник земель, член политического обществ.

Н.С. Нижник
С.-Петербург, СПбУ МВД России

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА, СОСТОЯЩИЕ В БРАКЕ: ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Семья в Российской империи представляла собой сложный союз мужа и жены, родителей и детей, а также союз родственников и свойственников. Государство практически не вмешивалось во внутреннюю жизнь семьи, преследуя при этом посягательства на ослабление или

[488] Гендерная история Западной Европы: хрестоматия. М., 2006. Кн. II. С. 181.

разрыв супружеской связи, но законодательно фиксировало правовой статус супругов, определяя его в соответствии с гендерным подходом.

Личные права и обязанности мужчины и женщины, состоящих в браке, определялись исходя из признания абсолюта власти мужа и отца. Народное правосознание продолжало предоставлять мужу право распоряжаться свободой и целомудрием жены. Продолжали иметь место случаи жестокого обращения мужей с женами. Однако постепенно положение женщин в обществе менялось, доминирующая власть мужа, формально сохранявшаяся до 1917 г., начала приобретать более цивилизованные формы: в 1845 г. муж был лишен права подвергать жену физическому наказанию; невозможным стало насильственное пострижение жен в монахини. Законодатель предпринимал попытки регулировать внутренние отношения супругов в браке.

Место жительства супругов в Российской империи определялось по месту жительства мужа. Жена обязана была следовать за ним: крестьянки должны следовать за мужем при высылке их помещиками на поселение в Сибирь. Солдатские жены могли покинуть помещиков и отправиться жить по месту службы мужа. Жена была обязана следовать за мужем – иностранным подданным. В противном случае она могла быть водворена в дом мужа принудительно. Только ссылка супруга освобождала женщину от этой обязанности. Аналогичное исключение было сделано для солдатских жен, которым разрешалось не следовать за мужьями в места их службы, а предпочесть «работою кормиться на прежних жилищах своих». Позднее отказ от необходимости соблюдать принцип единого проживания супругов для семей рекрутов был закреплен законодательно. Несмотря на то, что принцип совместного проживания в семье рекрутов не соблюдался, считалось, что супруги по-прежнему находятся в браке. Зачастую муж и жена, долго живущие врозь, начинали ощущать себя свободными от брачных обязательств и заключали бигамические браки. Церковь признавала двоебрачие недействительным, наказывала виновных, но пресечь это явление по объективным причинам не могла. В XVIII в. жена получила право требовать судебного разлучения в случае жестокого с ней обращения. Однако заключение соглашений между супругами о раздельном жительстве российское законодательство не допускало. Позднее ст. 46 Законов гражданских подтвердила невозможность существования между супругами «обязательств или иных актов, заключающих в себе условия жить им в разделении или каких-либо других,

клонящих к разрыву супружеского союза». Жена имела право и была обязана носить фамилию мужа и следовать его состоянию. Принцип единой фамилии искажению в русском праве не подвергался. Исключением было лишь семнадцатилетнее действие указа 1714 г., в соответствии с которым наследница недвижимого имения могла вступить в свои права только тогда, когда ее настоящий или будущий муж возьмет ее родовую фамилию, в противном случае имение переходило в собственность государства.

Социальный статус жены определялся по социальному статусу мужа. Значительную эволюцию претерпела обязанность лиц несвободных сословий следовать состоянию супруга. Ранее действовало правило, по которому вступивший в брак с крепостным, сам утрачивал свободу, если специально не оговорил ее сохранение у господина своего будущего супруга. Указом 1742 г. было закреплено, что малороссиянин, женившийся на крепостной, делает ее свободной от зависимости. Норма об утрате свободы в связи с заключением брака была окончательно отменена в отношении мужчин, вступивших в брак с крепостными, при Екатерине II, а в отношении женщин – при Александре I. Вдовам посадских было запрещено выходить замуж за человека иного сословия: в соответствии с Инструкцией магистратам 1724 г. брак мог состояться только в том случае, если вдова продаст принадлежащие ей дворы и завод в посад, «заплатя все недоимки…». Такой же Указ был издан в 1742 г. и в отношении московского купечества.

Принцип определения социального статуса жены по социальному статусу мужа действовал и в отношении дворян. Принцип единого социального статуса супругов был подтвержден и более поздними указами: муж, заключив брак, «сообщал» жене свое состояние. Таким образом недворянка, выйдя замуж за дворянина, становилась дворянкой. Логичным продолжением являлось закрепление потери своего социального статуса дворянкой, вышедшей замуж за недворянина. Но Екатерина I изменила принцип единого социального статуса супругов, отменив настоящее правило: дворянка в любом случае сохраняла за собой дворянское происхождение. Правда, выйдя замуж за недворянина, она не передавала дворянский статус ни мужу, ни детям, которые могли быть наследниками ее недвижимых имений.

Имущественные отношения супругов строились в соответствии с гендерным подходом. При Петре приданое жены стало рассматриваться как ее раздельное имущество, которым муж не мог даже поль-

зоваться. Указ 1715 г. разрешал «писать купчия и закладныя на недвижимое имение лицам женского пола». Законодатель давал жене право свободно продавать и закладывать свои вотчины без согласия мужа. Правда, юридическая практика в этой области была неоднозначной: противоречие между признанием дееспособности замужней женщины в имущественной сфере и ее подчинением мужней власти сохранилось, но общая тенденция развития законодательства была направлена на предоставление права жене свободно распоряжаться своим имуществом. Единственным исключением в соответствии с Вексельным уставом 1862 г. оставалось запрещение жене брать на себя обязательства без согласия мужа. При этом, не имея права подписывать векселя, замужняя женщина могла свободно выдавать заемные письма.

Право на общее владение имуществом в браке супруги не имели. Каждый из них мог владеть отдельной собственностью или приобретать ее. С конца XVII в. происходит процесс сознательного укрепления индивидуальных прав, раздельности имущества супругов и возвращения женщинам полномочий обладания собственной «частью» в общесемейном «добытке». Ликвидация различий между вотчиной и поместьем, введение понятий «недвижимого имения» и «субъекта недвижимой собственности» способствовали допущения совершеннолетних женщин ко всем официально закрепленным в законах формам владения и распоряжения движимостью и недвижимостью.

Были сняты все запреты с наследования по завещанию («кто кому похочет»). Нормы о наследовании вдов по законам этого времени если не обеспечивали прямо их интересы, то создавали лазейки для их обхождения. В крестьянской среде письменных завещаний не составлялось, женщины наследовали по обычаю. Община, выполняя функции душеприказчика, определяла размеры наследства, исходя из двух «начал»: кровного и трудового (меры труда, вложенного на приобретение семейной собственности). Когда община решала отдать все добро кому-нибудь из дальних родственников-мужчин, – вдовы часто «чинили упорство и противоречие», посылая жалобы властям и требуя пересмотреть решение общинного схода. Дочери («законные наследницы»), как и сыновья («природные наследники») получали свой выдел из имущества семьи. При этом их наследственная квота могла уступать и в 10 раз доле «природного наследника», но могла быть и ей равной.

Право на содержание признавалось только за женой, которую муж обязан был содержать «по состоянию и возможностям своим». Эта

обязанность прекращалась, если жена не выполняла своих супружеских обязанностей, например, отказывалась следовать за мужем. В начале XX в. жена сохраняла право на содержание в том случае, если она отказывалась от совместной жизни с мужем, признанной судом невыносимой по вине супруга.

Таким образом, закрепление правового статуса лиц, состоящих в браке, в законодательстве Российской империи производилось в соответствии с гендерным подходом. Правовой статус мужа и правовой статус жены в Российской империи имели сущностные отличия на протяжении XVIII – начала XX в.

Н.В. Козлова
Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова

«А КО МНЕ В ТОМ ПРОТИВНОСТЬ ТЕМ ПОКАЗАЛА…»: ОДИН СЕМЕЙНЫЙ КОНФЛИКТ НАЧАЛА XVIII ВЕКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕНДЕРА

В современных исследованиях подчеркивается значимость изучения конфликтных ситуаций в общественной и частной жизни. Конфликт способен обнажить принятые в обществе и конкретной социальной среде идеи, ценности и понятия, что формировали образцы поведения и мотивацию деятельности людей. Он также позволяет выявить нестандартные поступки вовлеченных в конфликт лиц и через них попытаться увидеть те изменения, что могли происходить на ментальном уровне. Дополнительные возможности для этого дает рассмотрение конфликта сквозь призму гендерного подхода.

Одной из иллюстраций к сказанному может стать внутрисемейная ситуации, сложившаяся в начале XVIII в. в фамильном клане князей Куракиных. Ее краткая зарисовка содержится в автобиографических записках знаменитого петровского дипломата Бориса Ивановича Куракина, написанных в 1709 г. В них он, весьма неодобрительно отзывается о самовольном решении невестки Мавры Дмитриевны (1673–1743), вдовы его старшего брата Михаила, умершего в 1695 г., выдать дочь княжну Марью за Александра Петровича Апраксина, племянника будущего знаменитого петровского генерал-адмирала Федора Матвеевича. Раздражение князя, являвшегося в 1703 г., когда был заключен сговор, старшим в роде, вызывает многое. Сам князь перечислил все по пунктам: «Первое, фамилии своей уничтожение великое сделала,

что за так низкую фамилию выдала». Вторая причина раздражения была связана с несоразмерным, по мнению Бориса Ивановича, приданым, к тому же определенным «без всякаго совета всех своих сродников». Всего за племянницей Бориса Ивановича невестка положила в разных вотчинах тысячу дворов. За сестру князя Бориса княжну Марью, выданную в 1691/1692 гг. замуж за Ивана Степановича Салтыкова, в приданое было дано в разных уездах всего 500 крестьянских дворов и приданого на 10 тыс. руб.

Самое же главное заключалось в том, что действия невестки Борисом Ивановичем были расценены как вызов его авторитету и признанию главы рода: «А ко мне в том противность тем показала, что преже того времени ничего об том не объявила» и «то учинила… в моем отлучении»[489]. После смерти отца и старшего брата Михаила главой рода, действительно, являлся князь Борис Иванович. Ему тогда было 26–27 лет. Согласно существовавшим гендерным установкам, именно на нем, и уж, конечно, не на невестке, изначально принадлежавшей к другому роду, лежала забота и ответственность за семейно-брачные отношения внутри фамилии. Действия же Мавры Дмитриевны нарушали все неписанные, но крепко утвердившиеся каноны. Правда, формально вдова, к тому же в отсутствии сыновей (единственный сын Василий умер в 1696 г.) могла самостоятельно заключать сделки, в том числе и сопряженные с имущественными и брачными отношениями. Однако существующие в среде родовитого дворянства брачные ориентиры требовали от ее представителей следование им. От этого «зависело нормативное воспроизводство дворянской сословной культуры в целом и сохранение родовой организации как ее основного структурного элемента»[490]. Данный случай особо примечателен тем, что нарушение семейно-брачного канона осуществлено женщиной, причем женщиной, не только через брак вошедшей в один из наиболее значимых княжеских родов, но и по рождению относящейся к не менее известной и древней аристократической фамилии князей Голицыных. Казалось бы, уже это должно было предопределить жесткость пара-

---

[489] Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим написанная. 1676 – июня 20 1709 // Архив князя Ф.А. Куракина. Т. 1. СПб., 1890. С. 250, 263.

[490] Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010. С. 311.

метров поиска представительницей двух княжеских родов брачных партнеров для своей дочери.

Вряд ли удастся узнать подлинные мотивы, которыми руководствовалась эта, несомненно, незаурядная особа, действия которой против устоявшихся представлений и ценностей настраивали против нее «сродников» бывшего мужа. Важен сам факт принятия ею столь смелого самостоятельного решения. Осуществление его без согласования с родней умершего мужа, на что Борис Иванович особенно напирал в своих записках, говорит как о серьезности ее намерений довести свое решение до конца, так и о предвидении неизбежного сопротивления со стороны Куракиных, и в первую очередь старшего деверя, в случае обращения к нему за советом. Вероятно, Борис Иванович, рассчитывал, что при отсутствии у невестки наследников мужского пола часть родовых владений, имевшихся у его умершего брата, вернется к нему. Тем более, что по его собственным словам при разделе вотчин между братьями ему досталась самая худшая и бедная треть[491].

Вероятно, эти расчеты старшего Куракина были вполне очевидны для его невестки, что и побудило ее поспешить с заключением брака старшей дочери и тем самым закрепить за ней часть вотчин в виде приданого. Это произошло в год смерти сестры Мавры Дмитриевны Прасковьи, сравнительно еще молодой женщины, оставившей двух малолетних сыновей, 7 и 2 лет. Сестры еще в раннем детстве лишились обоих родителей и, скорее всего, выросли в семье одного из многочисленных братьев отца, как это нередко происходило в подобных случаях. Так или иначе, но княжны не остались без поддержки и опоры, о чем свидетельствуют их весьма удачные с точки зрения родовых интересов замужества. Однако раннее сиротство, вероятнее всего, наложило отпечаток не только на жизнь, но и характер сестер, сформировав у них особое чувство привязанности друг к другу. Кажется не случайным, что вторую дочь Мавра Дмитриевна назвала именем сестры. Ранние смерти мужа и единственного сына, а затем и сестры стали вехами в скорбной летописи жизни княгини.

Совсем юному жениху, Александру Петровичу Апраксину (1690–1725) еще предстоит изучать морское дело в Англии (с 1709 г.), служить на английском военном корабле, а по возвращении в Россию (с

---

[491] Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина. С. 250.

1716 г.) продолжить военно-морскую карьеру, достигнув чина капитана 3-го ранга, и закончить жизнь в возрасте 35 лет (1725 г.).

Наступали времена, когда казалось бы устоявшиеся гендерные роли, в том числе в наиболее консервативной семейной среде, изменялись. Рассмотренный эпизод с замужеством племянницы князя Бориса Ивановича Куракина демонстрирует наметившийся на переломе эпох сдвиг в воспроизводстве межродовых матримониальных практик в дворянской среде. Они отражали социальные процессы этого времени: возникновение нового механизма формирования окружения монарха и подготовки государственных деятелей нового типа, рождение новой знати с иной иерархией ценностей. Эти перемены наступали не вдруг, а постепенно, осмысливались на разном уровне, в том числе и в рамках семьи, и происходили при активном участии в них женщин.

И.Н. Петренко
Полтава, Украина
ВУЗ Укоопсоюза «Полтавский университет экономики и торговли»

МАКСИМАЛЬНЫЙ БРАЧНЫЙ ВОЗРАСТ В БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ МИРЯН РОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ XVIII ВЕКА

Брачно-семейное законодательство Российской империи требовало учитывать физические качества лиц, которые вступали в брак, а именно достижение установленного законом возраста. Об определении максимального возраста для заключения брака в церковном византийском праве и в древнерусских законах не говорилось. Однако древние церковные правила запрещали вдовам заключать брак после 60 лет. В Кормчей книге указывалось: «Вдова шестидесятилетняя, а аще паки восхочет сожительствовати мужу, да не удостоится приобщения Святыни». Для мужчин максимальный ценз брачного возраста не устанавливался. Греко-римские законы такого правила в себе не содержали. Патриарх Андриан в инструкции поповским старостам 26 декабря в 1697 г. ограничивался определением, чтобы жених и невеста должны были быть «не в престарелых летах»[492], но точного максимального брачного возраста определено не было.

---

[492] ПСЗ РИ. Т.III. № 1612.

В 1744 г. был установлен предельный возраст для тех, кто заключал брак, – 80 лет. Это определялось такими мотивами: «Брак от Бога установлен есть для умножения рода человеческого, чего от имеющего за 80 лет надеяться весьма отчаянно»[493]. Кроме того, по наблюдениям физиологов и врачей, неравные браки вредно отражались на детях, поскольку они имели значительные моральные и физические изъяны.

В 1744 г. в Синоде слушалось дело о браке бывшего действительного статского советника 82-летнего Григория Ергольского с вдовой Прасковьей Десятовой. В решении данного дела объемом 632 листа брала непосредственное участие императрица Елизавета. Выяснилось, что венчание пары состоялось тайно ночью, без «венечной памяти»[494]. Это свидетельствует о том, что священнослужитель, жених и невеста сознательно пошли на заключение противозаконного брака. Решение Синода было таким: «<…> оных Ергольского с вдовою Десятова разлучить для того, что брак от Бога установлен есть ради умножения бы рода человеческого, чего оным обретающимся за семьдесят лет надеяться весьма отчаянно. Как именованный Ергольский находится уже осмидесяти лет <…> должен уже думать не о плотоугодии, а о спасении своей души»[495].

Супругов разлучили, а вдова Прасковья Десятова была обвинена в том, что она Ергольского «склонила не для сожития и призрения его, но, видя его в крайней старости, желая конца его и получить имение»[496]. В конечном итоге, женщина была заточена в монастырь. Ергольского же, ввиду его почтенного возраста, от пребывания в монастыре освободили[497].

Исследователь права М.Ф. Владимирский-Буданов считал, что на практике Синодом был определен следующий предел брачного возраста: 60 лет для женщин и 80 лет для мужчин[498].

---

493 Суворов Н. Учебник церковного права. М., 1912. С. 355.
494 РГИА. Ф. 796. Оп. 25. Д. 596. Л. 1.
495 Там же. Д. 736. Л. 6.
496 ПСЗ РИ. Т. XII. № 9087.
497 РГИА. Ф. 796. Оп. 25. Д. 736. Л. 8 об., 44.
498 Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1909. С. 418.

Обычай запрещал жениться при слишком большой разнице в возрасте жениха и невесты, хотя в официальных постановлениях это не было зафиксировано. Российская Православная Церковь неоднократно обращала внимание на этот вопрос, и обсуждала его в 1756, 1765 и 1766 гг.[499].

Известно, что в 1764 г. у обитателя села Мироцкое Ерощенко, которому было 75 лет, была 30-летняя жена и сыновья: Петр – 27 лет, Илья – 25, Никита – 20, Николай – 9, Василий – 5, невестки – 20 и 13 лет и 3-летний внук [500].

9 августа в 1789 г. в Черниговскую духовную дикастерию поступило сообщение из Березнянского духовного правления, в котором шла речь о обвенчании священником Симеоном Марутой в с. Стольному 70-летнего сотенного атамана Евстафия Охрименко с третьей женой. Мужчина уже имел взрослых детей, внуков и правнуков. Духовный суд должен был выяснить возраст его жены, была ли она вдовой или вообще замужней[501].

3 ноября в 1794 г. в Екатеринославской духовной консистории рассматривалось дело о браке, заключенном в непропорциональных годах между обитателями с. Водолаги Сидором Крамаревым и Мариной Совой. Мужчине уже было больше 80-ти лет, кроме того он хромал, женщине же исполнилось не больше 20 лет. Пару обвенчал в с. Мерефа Белгородской епархии священник Антон Щербина.

На духовном суде Сидор сообщил, что сам не знал, сколько точно ему лет. В первый раз он женился в 17 лет, в браке прожил около 50 лет. После смерти жены он посватал 16-летнюю Матрону, дав священнику 10 руб. и подарков за венчание. Однако девушка отказалась выходить за него замуж. Тогда Сидор Сова посватал у вдовы Анны дочь Марину. Ввиду того, что водолажские священники уже его обманывали, взяв двух свидетелей, он поехал венчаться в соседнее с. Мерефа. Там заплатил иерею Антону Щербине 50 руб. за венчание. За такой поступок на священника было наложено епитимию: один год он должен был находиться в Харьковском Покровскому монастыри без права «священнодействовать»[502].

---

[499] ПСЗ РИ. Т. XIV. № 10676.

[500] Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев. Ф. 59. Оп. 1. Д. 4400. Л. 14.

[501] ЦДИАК Украины. Ф. 2011. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

[502] Государственный архив Днепропетровской области. Ф. 106. Оп. 1. Д. 82. Л. 47.

Таким образом, несмотря на борьбу Российской Православной Церкви с браками в престарелых годах супругов, они продолжали существовать. Архивные документы духовный судов свидетельствуют, что чаще пожилые мужчины заключали браки, чем возрастные женщины. Объяснить это можно разными мотивами: нехваткой на брачном рынке мужчин в связи с их оттоком на войны, рекрутчину, переселение, заработки, поэтому особого выбора у женщин не было. Кроме того, не следует забывать и того, что у мужчин средний возраст жизни ниже, нежели у женщин. Очевидно, что девушек и женщин толкало на заключение браков со старшими за них мужчинами, – бедность; желание создать свою семью и уйти из отцовской; желание отца девушки породнится с богатыми и влиятельными семьями; меркантильные интересы – желание женщины захватить наследство престарелого мужа. Престарелых мужчин, в основном, вдовцов, женится на молодых девушках, скорее всего, толкало желание иметь хозяйку, работницу в доме, мачеху для детей. Кроме того, не следует исключать наличие чувств между будущими супругами, несмотря на возраст. Хотя в патриархальном обществе были иные, скорее материальные, мотивы заключения брака и создания семьи.

В обществе сложилась ситуация, когда цель заключения брака была важнее задания по выбору партнера. Немного людей медлило с бракосочетанием, которое свидетельствует о социальном давлении, которое способствовало ранним бракам. Низкий брачный возраст поддерживался сильным влиянием традиции, тогда как высокий возраст соотносился с социальными, экономическими и личными детерминантами.

Е.В. Бородина
Екатеринбург, УГЛТИ

«БЛУДНОЕ ВОРОВСТВО» И БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ В 20-Е ГОДЫ XVIII ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ СИБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)*

Семья как социальный институт является одной из древнейших форм объединения и взаимодействия людей. Несмотря на то, что с

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ ГК 02.740.11.0578.

течением времени она претерпела некоторые структурно-функциональные изменения, семья и взаимоотношения между мужчиной и женщиной, являющиеся причиной ее создания, – одна из наиболее популярных тем для исследования не только историков, но и ученых других социальных и гуманитарных дисциплин.

Долгое время брачно-семейные отношения России регламентировались церковью. Основным источником норм, определявших границы должного, были заимствованные из Византии кормчие книги и другие памятники церковного права, запрещавшие любые сексуальные отношения вне брака.

Время правления Петра I внесло некоторые изменения в принципы разрешения семейных противоречий. В историографии этот период обычно связывают с проведением значительных реформ, среди которых следует отметить и преобразования в сфере права. Они проявились в формировании новой системы судов и практически полном изъятии всех судебных разбирательств из области компетенции органов исполнительной власти.

Кроме того, в 1721 г. учреждается орган государственного управления, которого не существовало ранее – Святейший Синод. Он стал высшим законосовещательным, административным и судебным учреждением по делам Русской Православной Церкви, целью создания которого стали регламентация имущества и статуса духовенства, решение вопросов церковного управления и церковного суда.

Цель работы – выявить отношение к браку и брачно-семейным отношениям в период проведения реформ Петра Великого. Особенность исследования – использование регионального материала. Источники, отражающие региональную специфику, позволяют, с одной стороны, обратиться к локальным особенностям регламентации семейных отношений, с другой, – определиться с влиянием здесь общероссийских тенденций в блоке изучаемых взаимодействий.

Анализ делопроизводства и судебно-следственной документации судебных канцелярий Сибирской губернии позволил нам выявить 42 случая, связанных с так называемым «блудным воровством» либо касавшихся попыток урегулирования брачно-семейных отношений.

Изученные дела и ссылки на них позволяют сделать вывод, что обвинения в «блудном воровстве» предъявлялись не только незамужним девушкам (45%), но и замужним женщинам (45%) и вдовам (2%). Один случай касался возбуждения дела даже против архиерейского челове-

ка, который, по доношению казачьей жены из Тюмени, совершил «насильное блудное воровство с сыном ее Василием»[503].

Почти половина рассмотренных дел была начата в результате «привода», то есть возбуждалась по инициативе местных властей, органов крестьянского самоуправления или церковью. Для того времени оставалась обычной процедура обхода слобод и других населенных пунктов дьячками и попами с целью обнаружения «чревастых девок»[504]. Обо всех «незаконных» беременностях они сообщали местным чиновникам, чтобы последние могли «сыскать и допросить» нарушительницу и по возможности установить порядок, чтобы «другим неповадно было». Время от времени «привод» или «извет» оформлялся от «частных» лиц – членов семей или знакомых правонарушителей[505].

Преступления, основанием для которых являлись сексуальные домогательства или сексуальная распущенность, не были личным делом истца и ответчика. Неконтролируемые плотские желания могли уничтожить мир и спокойствие в общине, привести к разрушению семей, конфликтам, членовредительству и даже смерти[506].

В большинстве случаев само «блудодеяние» не было связано с насилием. Среди замужних и незамужних женщин процент вступления в сексуальные отношения «по любви» был одинаков – 21%. При этом количество казусов, связанных с изнасилованием и убийством на этой почве составляет всего 14%.

В исследуемом регионе, как указала Н.А.Миненко, довольно снисходительно относились к добрачному сожительству[507], но перед властями стояла проблема установления контроля над данной сферой человеческих отношений. В первую очередь это было обусловлено большой миграционной активностью населения на территории Урала и Сибири.

---

503 ГАТО. Ф. И–181. Оп. 1. Д. 69. Л. 1.
504 ГАСО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 14. Л. 7.
505 ГАТО. Ф. И–181. Оп. 1. Д. 70. Л. 1 и др.
506 ГАСО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 7. Л. 302.
507 Миненко Н.А. В круговороте повседневности: к характеристике быта и нравов горожан в XVIII в. (по материалам г. Тюмень) // Уральский город XVIII – начала XX в.: проблемы социальной истории: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2004. С. 50.

Здесь, как и в строящемся С.-Петербурге[508], можно было укрыться от нелюбимого мужа, «злых» хозяев и даже государства, отдаться на волю чувств, почти не думая о злых языках и общественном порицании.

Большую роль сыграло и введение рекрутской повинности. Например, появление в Сибирской губернии большого числа беглых солдат, не имевших возможности открыто вступать в брачно-семейные отношения, способствовало распространению «тайных» браков[509]. Без информации о своих мужьях солдатские жены оказывались на положении замужних вдов, не были защищены от насилия[510].

Можно согласиться с А.Б.Каменским, что еще одной «группой риска» являлись купцы из других городов, их работники, находившиеся на действительной службе и отставные военные, командированные чиновники, а также военнопленные[511]. Находясь на особом положении в городе, остроге или слободе, представители этой группы могли нечаянно нарушить нормы поведения, существовавшие в крестьянской или городской общине.

Таким образом, стремление власти провести в государстве масштабные преобразования, взяв под контроль все общество и поставив каждого на службу «общему благу», неизменно наталкивалось на необходимость проведения реформ в тех сферах общественной жизни, на которые ни сам Петр I, ни его сподвижники даже и не думали обращать внимание. Правовые нормы, регламентировавшие брачно-семейные отношения, требовали пересмотра.

---

[508] Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004. С. 332 – 338. ГАСО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 7. Л. 536 – 536 об. и др.

[509] ГАТО. Ф. И–181. Оп. 1. Д. 13. Л. 18.

[510] Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012. С. 224.

[511] Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2007. С. 230.

В.Я. Мауль
Нижневартовск, Филиал Тюменского гос. нефтегазового ун-та

СОФЬЯ НЕДЮЖЕВА: НЕПРОСТАЯ СУДЬБА ЖЕНЫ Е. ПУГАЧЕВА

В последние годы объект историописания изрядно феминизировался. Наибольшие успехи были достигнуты на западноевропейском материале, хотя и наша история знает немало таких сюжетов. Один из них связан с жизнью «ампиратора» Пугачева / Петра III, который превзошел всех своих «порфирородных предшественников» тем, что находился в браке с тремя женами одновременно, но с каждой в разных ипостасях: Софья Недюжева (жена Е. Пугачева), Екатерина II (жена Петра III), Устинья Кузнецова (жена Пугачева / Петра III). О первой из них и пойдет речь в нашей работе.

Абсолютная безликость этой неграмотной женщины вызывает соблазн согласиться с мнением, что она «человек самой подлой и, видно, тихой», покорная и слабая, с характерными для традиционного общества и донской повседневности взглядами. Редкие источники и упоминания в научной литературе являются дополнительным, хотя и косвенным аргументом в пользу подобной незавидной характеристики.

Неизвестно, кто был инициатором их брака: либо выбор сделали сами молодые, либо такова была родительская воля. Для Софьи, в отличие от Пугачева, брак так и остался единственным. Никаких подробностей об их бракосочетании, состоявшемся в 1760 г., не сохранилось. Видимо, оно ничем не выделялось на фоне обычных для Дона свадебных торжеств. Несмотря на частое и долгое отсутствие Пугачева по службе, в браке они «прижили детей пятерых, из коих двое померли, а трое и теперь в живых», – показывала позднее Софья на допросе, а домом «они жили в Зимовейской станице своим собственным».

По мнению историков, с давних пор «жены казаков выступали нередко как боевые подруги». Так и Софья, поддерживая домашнее хозяйство, старалась стойко переносить одиночество и лишения семейной жизни. Иногда даже укрывала мужа-беглеца от рук правосудия, надолго пряча в своем доме. Случались, правда, между ними и не столь идиллические истории. Когда однажды «муж ее тайным образом пришел к хуторскому их дому вечером под окошко, которого она и пустила; но того ж самого часа объявила казакам».

Известно, что большую часть жизни казак проводил на службе, в походах, однако главная роль и в семье, и в казачьем обществе оставалась за мужчиной. Но именно в этом смысле Пугачев оказался не на высоте. Его продолжительные отлучки нередко были вызваны обстоятельствами, далекими от казачьего обыкновения. Наверняка, жена, давно уже забывшая о мужской ласке, тяжело переживала постыдное одиночество, не умея внятно объяснить окружающим причины отсутствия супруга. Это могло формировать у нее низкую самооценку и желание избегать контактов с другими людьми, не выслушивать их нравоучительные сентенции. Это не могло улучшать гнетущего состояния. Усугубляли ситуацию и материальные трудности: ей «дневного пропитания с детьми иметь стало не отчего», поэтому она вынуждена была продать дом.

Казалось, Софье по-прежнему предстояла тоска одиночества на положении хотя и не вдовы, но жены без мужа. Но скоро по указу Екатерины II ее отправили в крепость св. Дмитрия Ростовского, а затем после допроса – в Казань. Именно там супругам довелось встретиться вновь. Это случилось, когда пугачевцы наряду с колодниками освободили из тюрьмы и Софью с детьми. При этом «царь-батюшка» не захотел афишировать перед окружающими их родственные связи и даже прямо угрожал жене расправой в случае попытки заявить о своих правах.

К моменту встречи мнение Софьи о своем нерадивом муже давно уже не было комплиментарным: «екай собака, неверная супостат», – говорила она о нем. Но здесь ей пришлось столкнуться с очередным жестоким испытанием. К полному разочарованию Софьи пришлось выслушивать горделивую исповедь одной из его любовниц, что «мы де с батюшкой государем спим вместе на одной постеле по две по переменке. Он де у нас всегда спит в середках».

Понятны гневные чувства оскорбленной женщины, «что муж ея не признает себе женою», вынужденной сокрушаться и плакать, но, тем не менее, «то сносить терпеливо» из чувства страха не только за себя, но и детей, ибо «он стал такой собака, хоть чуть на кого осердится, то уж и ступай в петлю».

Это только со стороны могло казаться, что самозванец «обходился с нею отменно против прочих», т.к. «велел ее и з детьми взять с собою, и возил их в коляске по самое последнее разбитие». Для Софьи же подобная близость к мужу становилась дополнительным катализатором душевных мук: «ей во всю дорогу Пугачов ничего не говорил, и

лишь где остановятся для обеда или для начлега, то всегда разкидывали две полатки. В одной бывала она, Софья, с детьми своими и с теми девками, которыя Пугачову были не надобны, а которыя надобны те всегда бывали с ним по две в его полатке; дорогою же у него было девок восемь … И девки были хорошия, так как написаны».

Но бросить их на произвол судьбы из-за очевидной боязни разоблачения также не решался. Двусмысленный театр абсурда продолжался вплоть до пленения Пугачева, причем Софья стала свидетелем этой печальной сцены. Тогда же была арестована и она сама, затем из Яицкого городка транзитом через Симбирск привезена в Москву. Видимо уже здесь она узнала о своей, так сказать, подвенечной напарнице – Устинье Кузнецовой. Известие о незаконном втором браке при живой жене, несомненно, должно было восприниматься традиционалистским сознанием Софьи как неприкрытый блуд и смертный грех. Нервы измученной женщины были уже на пределе, отчего в сердцах на вопрос следователя она и бросила с отчаяния: «Чорт его знает, што он это наделал». Заметим, не бог знает, а черт, ибо поведение мужа даже безропотной Софье казалось откровенным святотатством.

В трагический день казни вождей бунта ей и яицкой «царице» Устинье пришлось своими глазами наблюдать это изуверское зрелище. Завершался весь столь лихо закрученный императором-самозванцем матримониальный фарс. Оставалось разыграть только последний акт исторического представления – месть оскорбленной женщины своим соперницам. Простой казак, провозгласивший себя Петром III, поставил Екатерину II в щекотливое положение и как государыню, и как женщину. Он на всю страну славил ее неверной женой, от которой идет отнимать престол, угрожая постричь в монахини. Поэтому, жестоко расправившись с ним, императрица так и не простила ни в чем не повинных детей и жен Пугачева. В условиях глубокой тайны их доставили в Кексгольм и заключили в казематы старинной крепости. Там на положении тюремной невольницы Софья безлико и уныло просуществовала еще около 30 лет. Последнее прижизненное известие датировано июлем 1803 г., когда ей исполнилось уже около 60 лет.

Подведу итоги: играя «роль» Петра III, Пугачев перевоплощался и входил в его образ, на время полностью забыв о своем самозванстве. Для Софьи в затеянной «монархической игре» места, увы, не оставалось. Она не интересовала никого сама по себе как простая казачка, и даже как законная жена была решительно отодвинута на второй план.

Ее удел – это судьба «дамы на обочине» большой истории, из скрижалей которой она оказалась фактически вычеркнутой, мимолетно успев вписать лишь несколько строк.

А.В. Калинин
Тверь, Тверской государственный университет

РУССКИЙ ВЗГЛЯД НА ЯПОНСКИХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН НАЧАЛА XIX ВЕКА

Первая половина XIX в. – время, в которое формируется противоречивый, но довольно интересный образ японцев. Это происходит при непосредственных контактах между русскими и японцами, которые в XIX в. становились более интенсивными. Однако в начале XIX в. «Япония и Россия почти не знали друг друга»[512], сведений о Японии в России явно недоставало. Осознавал этот пробел и капитан флота В.М. Головнин. Имея критический и проницательный ум, Василий Михайлович, старался внимательным образом изучить Страну Восходящего Солнца. Российский офицер посвятил третью часть записок систематизации сведений о стране, в которой пробыл более двух лет. Не избежало проникновенного взгляда Головнина жизнь японских мужчин и женщин.

Наличие косичек и традиционной национальной одежды создавало определенный образ японских мужчин. В глазах европейца они воспринимались как «женоподобные»[513]. Описывая внешний облик японского переводчика Садагора, русский писатель отмечает: «страх как походил на пожилую девушку с своей седой косой»[514]. Традиционная одежда японских мужчин также воспринималась российскими наблюдателями как женская. Отчего это происходило? Дело в том, что японское облачение своим покроем, по словам Крузенштерна, «подобно одежде европейских женщин»[515]. Даже манера говорения иного японца имела женскую особенность. «Баба-Городзаймон, наклоняясь немного к

---

512 Давыдов Ю.В. Головнин. М., 1968. С. 102.
513 Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах. М., 1976. С. 255.
514 Там же. С. 257.
515 Крузенштерн И.Ф. Первое российское плавание вокруг света. М., 2010. С. 173.

Льоде и втягивая в себя воздух, начал говорить шепотом, скоро и долго. У него приятная манера говорить: он говорит, как женщина, так что самые его отказы и противоречия смягчены этим тихим, ласковым голосом»[516].

В семье японский мужчина имеет непрекословную власть. Этот факт подтверждается практикой наследования. Наследование производиться только по мужской линии, женская линия такой чести полностью лишена. Власть мужчины в японской семье прослеживается не только в практике наследования, но и в практике развода. Подобную практику описал обладающий проникновенным взглядом Головнин. «Муж имеет право развестись со своей женой по одной прихоти, не давая никому отчета в сем поступке»[517]. Японский мужчина не только не имеет ограничения в выборе количества спутниц жизни, но мало ограничен в поиске жены даже в среде родственниц. Василий Михайлович сообщает об этом: «Японец может столько раз вступить в брак, сколько ему угодно; на родных сестрах законы не позволяют им жениться, но далее на всякой родне можно»[518].

Необходимо отметить, что японский мужчина имеет одну законную жену, но, по замечанию Головнина, он «вправе содержать любовниц, и сим правом все люди с достатком не упускают пользоваться, часто даже чрез меру»[519]. Впрочем, необходимо внести уточнение, большинство мужского населения не отличалось высоким достатком. Поэтому материальное положение не всем позволяло иметь несколько жен. Японец на российской службе писал: «Японцы большей частию имеют только по одной жене, хотя многоженство не запрещенно»[520]. Те же японские мужчины, которые имеют не одну только официальную супругу, «могут иметь сколько угодно наложниц, которых, некоторым образом, также можно назвать женами, ибо содержание их не почитается предосудительным ни их чести, ни чести любовников их; они живут

---

[516] Гончаров И.А. Указ. соч. С. 258–259.

[517] Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев. М., 2004. С. 351.

[518] Там же. С. 352.

[519] Там же. С. 322.

[520] Колотыгин Н. О Японии и японской торговле или новейшее Историко-Географическое описание Японских островов. СПб., 1817. С. 48.

явно в одном с ним доме и бывают все вместе»[521]. Но если неверность японского мужа одной женщине не является предосудительной, то неверность жены карается жестоко. Японским законом неверность карает «жен смертию, и послушные судьбе, женщины не знают, что такое ревность»[522].

Образ японских женщин формировался в России под влиянием мужской оценки. Русские мужчины, пользуясь словами Коцебу, обращали внимание на «нимф веселия». Только в одном Нагасаки с численностью населения в 70 тыс. чел. было «семьсот домов разврата»[523]. Голландцы, чья фактория располагалась рядом с Нагасаки, никогда не привозили с собой в Японию женщин. Они набирали женщин из «вертепа разврата». Из данных заведений «берут Европейцы женщин для прислуги, и не нахвалятся их неподкупной верностью»[524]. Популярность японских женщин в глазах европейца связана с тем, что они «обладают в высшей степени искусством очаровывать…привитое воспитанием, для того, чтоб привязать к себе мужчин, которые могут иметь столько наложниц, сколько пожелают, они отличаются беспредельным повиновением воле супругов»[525].

В предоставленных сведениях российскими офицерами, явствует, что в «дома разврата» девушки поступают в результате их продажи собственными родителями. Содержатели данных заведений «покупают их лет десяти или двенадцати, учат пляски, пению, грамоте, и часто случается, что в этих вертепах разврата девушки находят себе мужей, которым остаются верными, и которые возвращают им в глазах света имя порядочных женщин»[526]. Возникал образ послушной, угождающей мужчине японской женщины. Подобный стереотип японской женщины был по душе европейскому мужчине.

Подчиненное положение японской женщины проявляется и в символике. Дело в том, что японцы имели праздничную одежду, на которой изображался фамильный герб. Крузенштерн описывает подобные

---

[521] Записки флота капитана Головнина…С. 351.

[522] Наука и художества. Япония // Библиотека для чтения. Март 1835. Т. 10. Отд. III. С. 15.

[523] Науки и художества Японии…С. 12.

[524] Там же.

[525] Там же. С. 15.

[526] Там же. С. 12.

платья, не упуская из поля собственного внимания специфику присущую мужчинам и женщинам. «Все на многих местах верхнего платья имеют фамильный герб, величиною в империал. Сей обычай принадлежит обоим полам. При первом взгляде узнать можно каждого, не только какого он состояния, но и какой даже фамилии. Женский пол носит герб до замужества отцовский, по замужеству же мужнин»[527].

Образ японских мужчин и женщин в глазах россиян был наделен известной долей экзотики. Мы видим, как под влиянием более чем двухсотлетнего мира, сохраняющегося в Японии, образ японских мужчин стал обретать «женоподобные» черты. Но, тем не менее, необходимо в сравнении с другими восточными народами первой половины XIX в. отметить их большую просвещенность. Россияне отмечают, японских мужчин и женщин, их своеобразное, но «просвещенное» обхождение друг с другом. Приведем выдержку из публикации 1835 г., которая выделяет японцев из всех восточных народов. Милые развлечения и игры в японском обществе являются противоположностью «грубым распутством мужчин и ребяческими забавами женщин у других восточных народов»[528]. Причем японцы наделяются чертами, которые их выделяют не только из всего массива азиатских народов, но и которые роднят их с европейцами. Данное сравнение происходит из-за того, что японки при всей патриархальности общества и подчиненности мужчине, не лишены «присутствия, подобно Европейским женщинам, во всех обществах»[529].

И.Ю. Мартианова
Краснодар

МЕМУАРИСТЫ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В ЖИЗНЕННОМ МИРЕ ПОЛЬСКИХ ДАМ ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ БРАКОВ В XIX В.

Жизненный мир человека – системное понятие, объединяющее историю повседневности и событийную историю. Межнациональный брак значительно изменял жизненный мир мужчин, женщин. Мемуари-

---

[527] Крузенштерн И.Ф. Указ. соч. С. 173.
[528] Науки и художества. Япония… С. 20.
[529] Там же. С. 20.

сты характеризовали эти изменения. В центре внимания – жизненные миры польских дам, вышедших замуж за русских дворян. Цель статьи – выявление подсистем их жизненных миров, претерпевшие изменения в результате межнационального брака. Задача – охарактеризовать жизненные миры польских дворянок после замужества.

Иоанна Антоновна Грудзинская, вышла замуж за Цесаревича Константина. Брак был заключён в 1820 г., его жена получила титул княгини Лович. Иоанна столкнулась с «естественным результатом юношеских увлечений» Константина: во дворце жили его незаконнорожденные дети. Цесаревич после свадьбы вернулся к своим прежним «увлечениям», несмотря на любовь к ней. Княгиня Лович вместо семейного счастья обрела супружескую измену. Александр I удалил любовниц брата из Варшавы. С тех пор «они жили душа в душу и не могли существовать друг без друга», – вспоминала Н.И.Голицына, приближённая княгини. Мемуаристы отмечали влияние Иоанны на Цесаревича: «она нередко умеряла вспышки его гнева и умела удерживать его неизменной кротостью своего характера», «… княгиня Лович … только и жила для того, чтобы смягчить грубость своего мужа» – вспоминала Великая княгиня. Перемены в жизненном мире Иоанны коснулись подсистем приватной повседневности.

Брак Иоанны с наместником в Царстве Польском затронул вторую макросоставляющую жизненного мира – подсистему внеповседневной реальности, включающей всё, что человек переживает не каждый день: события Истории, акты творчества и т.д., нарушающие привычное течение жизни. Её брак с Константином вызвал неоднозначную реакцию поляков. Одни сочли Иоанну предательницей, другие видели в ней чуть ли не спасительницу Польши. Как показали события Ноябрьского польского восстания 1831 г., в ней долг перед Родиной и перед мужем создал неразрешимое противоречие. Подсистемы её жизненного мира оказались в жёсткой конфронтации, что подмечено мемуаристами: «У неё в этом мире оставались одни воспоминания, и эти воспоминания слились воедино: Великий князь и Польша …». Д.Фикельмон, бывшая при дворе Цесаревича на обеде, писала в дневнике 3 июля 1829 г.: «От неё ожидали многого. Верили, что женитьба Властелина с полькой благотворно отразится на судьбе Польши. Но она не оправдала надежд … Вероятно, именно это и является причиной её меланхолии». Иоанна не преодолела конфликта внутри её жизненного мира. Скорбь об умершем муже, невозможность что-либо сде-

лать для поляков быстро окончили её дни. Рассогласованность подсистем жизненного мира Иоанны была выражена Н.И.Голицыной: «Она уже не была ни той пламенной полькой, соединявшей жар патриотизма с преданностью супругу …, ни той деятельной частицей политического мира, которая с энтузиазмом принимала участие во всех сценах трагедии … То было подавленное существо, лишившееся всего, что связывало её с землёй».

Эвелина Иосифовна Скуревич – мать писателя В.Г.Короленко. Отец писателя сделал предложение тринадцатилетней Эвелине: «С безотчётным эгоизмом он … он проводил … план ограждения своего будущего очага в семье … он выбирал себе в жёны девочку-полуребёнка, которую хотел воспитать, избегая периода девичьего кокетства». Первые годы семьи были несчастны. Умер первенец, случай превратил Галактиона Афанасьевича в калеку, а «ревность его сказывалась дико и грубо». Беда улучшила обстановку в многодетной семье: по доносу всплыло дело о женитьбе судьи Короленко на несовершеннолетней. От Эвелины зависело, будут ли они далее женаты. Она решила не оставлять своего мужа, «кризис миновал благополучно», а в семье установился «тон взаимного уважения и дружбы». Изменения в жизненном мире Эвелины после свадьбы были вызваны резким переходом в иное статусное состояние: до свадьбы она – ребёнок, после – «взрослая женщина». Психологический кризис и супружеские проблемы подтолкнули её к первому самостоятельному решению. Осознав, что будущее семьи зависит от неё, Эвелина достигла гармонии в своём жизненном мире. Январское польское восстание 1863 г. внесло разлад в жизненный мир Эвелины. Политические споры с мужем о праве поляков на борьбу и праве императора подавить восстание отразились на её духовном состоянии и общественно-политическом поведении. Она посещала костёл, что было небезопасно для жены городского судьи. Писатель вспоминал историко-политический разговор родителей: « …ссора не имела личного характера. Они спорили, и мать плакала не от личной обиды, а о том, что было прежде и чего теперь нет: о своей отчизне, где были короли в коронах, гетманы, красивая одежда, какая-то непонятная, но обаятельная «воля», школы, в которых учился Фома из Сандомира… Теперь ничего этого нет. Отняли родичи отца. Они сильнее. Мать плачет, потому что это несправедливо… их обидели». Подсистемы повседневной и внеповседневной реальности жизненного мира Эвелины

оказались в жёстком противостоянии. Опора на представление о семье как высшей ценности для женщины, помогли ей пережить кризис, национально-политические и исторические проблемы отступили на второй план.

Графиня Екатерина Прокофьевна Подборская 24 лет по любви вышла замуж за князя Александра Васильевича Мещерского 73 лет. Он помог Екатерине стать оперной певицей. Её карьера складывалась очень удачно. Она успешно дебютировала в Ла Скала, ей предложили выгодный контракт, но она отказалась, так как князь вызвал её в Москву и сделал предложение. Их дочь Е.А.Мещерская, опираясь на дневники матери, писала, что князь оградил её от сцены и всякого «обогащения её сердца духовными интересами и ценностями». На Екатерину обрушилась ненависть аристократии, которую разжигала дочь князя от первого брака с баронессой Строгановой. Князь увёз жену в полтавское имение, чтобы оградить её от оскорблений, но оправдываться не хотел. За честь дочери вступился отец Екатерины генерал Подборский, добившийся приёма у императора и предъявив документы о безупречности своего происхождения. Николая II позволил князю представить свою жену при дворе. Изменения в жизненном мире княгини Мещерской после замужества развивались на почве национализма и снобизма, которым отличалась часть российской аристократии. Екатерина усилием воли и своей духовно-нравственной позицией заместила эти важные для неё подсистемы жизненного мира (профессию и любовь к мужу) не менее ценными. Княгиня жила воспоминаниями о своём муже, занималась благотворительностью, во время Первой мировой войны стала простой санитаркой в собственном госпитале. Изменения в жизненном мире полек, произошедшие после их брака с русскими дворянами, привели каждую из них к сложному системному кризису, который охватил основные составляющие жизненного мира: повседневность и внеповседневную реальность, что и заметили мемуаристы. Кроме поиска выхода из частных проблем, эти женщины должны были пережить проблемы, продиктованные сложившейся исторической ситуацией, которые стали неотъемлемой частью их жизненных миров.

А. Феля
Кишинев, Институт истории государства и права АН РМ

ЗАКРЫТАЯ ТЕМА: ПОЛОВОЕ БЕССИЛИЕ СУПРУГА КАК МОТИВ ДЛЯ РАЗВОДА В БЕССАРАБИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В современном обществе все острее становятся проблемы семьи и института брака. Среди них наиболее актуален вопрос о разводе. Демографическая статистика современности показывает, что в Европе уменьшается количество браков и увеличивается число разводов. Это явление представляет интерес для историков, юристов, демографов, экономистов и т.д. Исследованный с разных точек зрения, развод помогает составить мнение о различных аспектах повседневной жизни, недостаточно известных из других источников.

Любой развод был и остается драмой для всей семьи. Для начала XIX в. развод довольно сложная и противоречивая проблема из-за ограниченности мотивов развода, а также из-за устоев и моральных принципов общества. В данной статье, на конкретных примерах, мы представим, как реально работало законодательство при инкриминировании одного из мотивов – полового бессилия одного из супругов. В качестве источников были использованы документы из фондов Государственного архива Республики Молдова – фонд Кишиневской Духовной Дикастерии, где рассматривались дела о расторжение брака, фонд Гражданского суда Бессарабии и др.

В соответствии с религиозными канонами, менталитетом и обычаями общества, в конце XVIII в. и в начале XIX в., основания для развода классифицируются следующим образом: I. Моральные: прелюбодеяние, аборты, покушение одного из супругов на убийство другого, преступление, венерические болезни, уход из дома, и т.д.; II. Религиозные: ереси, крещение собственного ребенка, нарушение официального брака; III. Физические: импотенция, неизлечимая болезнь, инфекционные заболевания; IV. Гражданские: исчезновение одного из супругов, постриг в монашество и т.д.

Согласно «Шестикнижую» Арменопула, титул 12, книга 4, были общие причины для развода, «причины развода мужа во вред жены» и «причины развода жены во вред мужа». Арменопул показывает, что он перечислил только те причины, которые посчитал более «достойными» внимания и ... которые соответствуют закону, «а именно те после которых можно расторгнуть брак без наказания».

Одной из причин для расторжения брака было половое бессилие (импотенция) или неспособность одного из супругов к супружеской жизни. Хотя интимная жизнь семьи оставалась всегда под занавесом тайны, на первый план, как видно из закона, выходит импотенция мужа: «когда муж не может совокупляться с женой и в течение последних трех лет беспомощен при совокуплении с женщиной». В этом случае, жена и/или ее родители могут требовать разорвать брак, даже если муж не согласен. Муж вынужден и обязан вернуть женщине приданое, если получил ее. Однако свадебный подарок остается у него, чтобы он материально не пострадал. Исследователь М.Цатурова утверждает, что на этом основании в Российской империи брак может быть расторгнут по истечении трех лет совместной жизни. Документ № 22038 от 28 февраля 1806 г., выданный Синодом, подчеркивает «о разлучение от супружества за неспособностью к супружескому сожитию или от природы или от других случившихся в течении времени причин»; документ № 29728 от 8 января 1824 г. говорит «о разводе по причине оскопления мужа».

Для доказательства правдивости данной причины была необходима медицинская экспертиза. Иногда не было необходимости в медицинском обследование, поскольку обвиняемый сам признавался, что неспособен к половом сожитию. Последствия были трагичны для мужа только потому, что ему запрещалось жениться повторно.

Среди случаев развода выделим один, который был основан не только на мотиве импотенции мужа, но и покушение на жизнь жены, которое сопровождалось тираническими избиениями – развод супругов Федоры и Андрея Кучука. Федора, родом из села Миморены, Оргеевского уезда, вышла замуж за Андрея, жителя Буюкан, в 1814 г. Через несколько месяцев после свадьбы просительница предъявляет иск, где обвиняет мужа в половом бессилие; в покушение на ее честь в первую брачную ночь, предоставляя ее к осквернению родственнику Нани Иосифу; в беспощадном избивании; в том, что муж не содержит ее и что муж слаб умом. Не выдержав такого бесчеловечного обращения, Федора, сообщила родственникам и обратилась в суд. Было возбуждено дело, по результатам расследования которого было установлено: 1. Андрей и Федора были обвенчаны 24 января 1814 г. священником Василием, согласно воле и согласию обоих; 2. Андрей подтвердил, что он импотент и признал, что все сказанное Федорой насчет ее осквернения истина. Нани отказывался признавать совершенное злодеяние. В исследовании показано, что Андрей и Гафица, жена Нани,

являются двоюродными братьями, их матери, Мелания и Мария, сестры. 3. Оказалось, что Андрей немного слаб умом и не поддерживал свою жену, но терроризировал ее и бил. Решением от 30 декабря 1814 Дикастерия постановила: 1. Разрешить развод Федоры и Андрея на следующих основаниях – импотенция, покушение на честь жены, тиранические избивания. 2. Поскольку Федора не виновна в прелюбодеянии, но ее честь была запятнана Нанием с разрешения Андрея, она не подлежит епитимии и ей разрешается вступать во второй брак. 3. Андрей лишается права повторного вступления в брак. 4. Попытка покушения на честь Федоры, совершенная в сговоре Нани с Андреем, должно быть рассмотрено Гражданским судом. Бракоразводный процесс был решен в пользу женщины, все выдвинутые против мужа обвинения были доказаны.

Но не всегда власти давали развод из-за полового бессилия. 21 мая 1827 жительница Бендер, некая Мунтян, обратилась к митрополиту с просьбой о расторжении брака. Заявительница сообщает, что шесть лет назад вышла замуж, законно, за Штефана Мунтян. На протяжении всей совместной супружеской жизни с мужем не было физического контакта, что может быть продемонстрировано. Будучи молодой и не желая вести распутную жизнь, молится и просит, чтобы ей разрешили развод и повторный брак. Резолюция, выданная митрополитом по этому делу, была отрицательной. Женщине предстояло и в дальнейшем жить с мужем.

Обобщая вышесказанное, можно сказать, что документы из фондов Национального архива Республики Молдова позволяют детально исследовать семейную историю в Бессарабии в XIX в. в целом, и особенно проблемы развода. Большое количество бракоразводных дел и высокий процент женщин, инициирующих бракоразводные процесс, демонстрируют изменения в сознании общества. Половое бессилие служило поводом для развода. Но часто, даже после демонстрации данного основания для развода, власти не давали право на развод.

Власти решали будущее супругов: они объявлялись разведенными или были вынуждены продолжить совместное проживание. Обвинительный приговор означал запрет на вступление в повторный брак, и\или моральные наказания и т.д. Между тем, церковные власти делали все возможное, чтобы сохранить семью, использовали различные причины и аргументы, чтобы предотвратить развод.

В.С. Сидорова
С.-Петербург, ЛГУ им. А.С. Пушкина

ЛИЧНЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СУПРУГОВ В ГРАЖДАНСКОМ И УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Издревле женщины находились под властью мужчин, особенно если дело касалось семейных отношений. После брака женщина поступала в полное распоряжение мужа и обязана была выполнять все его приказы, а нередко сносить оскорбления и побои. Считалось, что муж вправе проучить свою жену за плохое поведение, за невыполнение его требований, за измену; и следует отметить, что мужчины использовали разнообразные средства, в том числе и насильственные.

Патриархальность семейных устоев, характерная для всех слоев российского общества, обеспечивалась гражданским и уголовным законодательством. Прогрессивные реформы Александра II практически не коснулись сферы регулирования внутрисемейных отношений, что в конечном итоге привело к росту противоречий и несоответствию буквы закона реалиям жизни.

Многие законы второй половине XIX в., касающиеся личных взаимоотношений супругов носили характер «нравственных изречений ни для кого не обязательных»[530]. Так, Статья 106 «Законов о правах и обязанностях, от супружества возникающих» говорила о том, что муж «обязан любить свою жену как собственное тело и жить с нею в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки и облегчать ее немощи»[531]. Большинство общественных деятелей и юристов того времени сходились на мнении, что этот закон «не имеет, и не может иметь никакого юридического значения»[532].

Некоторые аспекты личных взаимоотношений супругов, такие как нанесение обиды или оскорблений, не рассматривались законом, как явление «несуществующее и несовместимое с семейной гармони-

---

[530] Безобразова П.В. О правах женщин / П.Ф. Безобразова. М.,1895. С. 3.

[531] Бертгольдт Г.В. Законы о правах и обязанностях от супружества возникающих. М., 1881. С. 17.

[532] Кавелин К.Д. Очерк юридических отношений возникающих из семейного союза. СПб. 1884. С. 57.

ей»[533]. Насильственные действия, которые не причиняли существенного вреда здоровью, не подлежали ведению суда. Легкие побои причислялись к личным оскорблениям, а за личное оскорбление, нанесенное мужем, жена не могла подать жалобу в суд. Муж был лишен права подвергать жену физическому наказанию еще в 1845 г.[534], но на практике данный закон так и не нашел своего применения. В 1877 г. за нанесение телесных повреждений жене было осуждено 50 мужей, тогда как за нанесение телесных повреждений мужу – только 1 жена[535].

Другим немаловажным недостатком гражданского законодательства было отсутствие четкой организации и крайняя разбросанность законов, относящихся к брачному союзу, по разным томам, частям и отделам Свода Законов. «Такая разбросанность, и так сказать, чрезполосность действующих законов… крайне затрудняет пользование этим… материалом для юристов»[536]. О простой публике в данном случае и говорить не приходится – правовая безграмотность была характерной чертой для большинства населения страны.

Остро стояла проблема безнаказанности большинства преступлений, совершаемых в семье. Ни одно судебное учреждение не могло в пределах законодательства оградить женщину от дурного и жестокого обращения с ней. Даже при обвинительном приговоре власть мужа над женой восстанавливалась по отбытии им наказания, за исключением тех случаев, когда он лишался всех прав состояния или был приговорен к ссылке, или не принят обществом в свою среду после освобождения из арестантских рот или рабочего дома. Узнав, что их могут освободить от мучений только на короткое время, женщины отказывались от обвинений, прощали мужей, а затем их нередко вынимали из петли.

При существовании суда присяжных кара за жестокое обращение с женой была в большинстве случаев только призрачною. Нравственный уровень развития среды, из которой вербовались присяжные, часто приводил к безнаказанности мужей даже при нанесении ими тяжких

---

[533] Ефименко А. Исследования народной жизни. М., 1884. С. 45.

[534] Нижник Н.С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2006. С. 138.

[535] Арсеньев К.К. Разлучение супругов как необходимый институт брачного права. СПб., 1884. С. 24.

[536] Канторович Я.А. Законы о браке и разводе. СПб., 1899. С. 1.

побоев. В одном судебном деле, где муж, грамотный, достаточно развитый ремесленник, городской житель, убил ушедшую от него жену, присяжные вынесли оправдательный договор. Из записей очевидца: «На суде выяснилось, что жена его имела связи на стороне и вообще особа легкомысленная. Нам случалось быть свидетелями того, как подобный оправдательный приговор вызывал радостное одобрение присутствовавшей в зале публики, выражавшееся аплодисментами. Как же можно радоваться оправданию убийства?»[537].

Если же говорить о крестьянстве, то об официальных законах деревня имела довольно смутное представление, продолжая регулировать свои семейные отношения нормами обычного права. Более того, переезжая в город на постоянное место жительства, большинство крестьян продолжало жить согласно «юридическим традициям» деревни. Согласно обычному праву, крестьяне не считали преступлением, а своим святым правом: «самогоноварение, бить жен и многое другое, считавшееся по официальному закону преступлением»[538].

Единственной общественной организацией, которая могла хоть както влиять на семейную жизнь крестьян, были волостные суды, но они не справлялись с ситуацией. Несмотря на рост самосознания крестьянок, выразившейся в увеличении числа обращений в волостной суд с жалобами на побои, данные организации не спешили встать на защиту чести и достоинства женщин. Волостные суды разделяли преобладающий в народе взгляд на жену как на рабочую силу, поступающую в собственность мужа, поэтому и наказание мужа за жестокое обращение с женой «приноравливалось так, чтобы не слишком унизить его в глазах жены и не повредить его экономическим интересам»[539].

Необходимо отметить, что, несмотря на огромную роль церкви в регулировании внутрисемейных отношений, в многочисленных публикациях мировых судей отсутствуют упоминания о вмешательстве церковной власти в защиту истязаемых женщин. Помимо этого, полиция не имела права вмешиваться в ссоры и несогласия между супругами,

---

[537] Давыдов Н.В. Женщина перед уголовным судом. М., 1906. С. 27.

[538] Безгин В.Б. Обычное право русской деревни (вторая половина 19 – начало 20 вв.) Тамбов, 2000. С. 32.

[539] Лазовский Н. Личные отношения супругов по русскому обычному праву // Юридический вестник. 1883. № 6. С. 397.

за исключением тех случаев, которые попадали в разряд уголовных преступлений. Как показывают воспоминания современников, полиция не просто не имела права, а правильнее будет сказать, не имела желания вмешиваться в семейные драмы: «Весь вечер и всю ночь женщина подвергается тяжким истязанием от мужа, и никто не считает себя в праве вмешаться в зверскую супружескую расправу. А что делала полиция? – полиция бездействовала, следуя правилу «не в моем квартале»[540].

Чтобы освободиться от постоянных истязаний и мук многие женщины шли на убийство своих мужей. «Какова должна быть судьба русской женщины, если на 100 женщин, осужденных за умышленное или предумышленное убийство, 45,45 состояли в брачной или внебрачной связи с потерпевшими, и только 17,36…против лиц посторонних. Видно лучше пойти на каторгу, чем переносить ту обстановку, которая нередко создается в нашей семье патриархальными нравами»[541]. Если привести уголовную статистику за конкретно взятые года, то цифры получаться следующие: среди убийц вообще женщины составляли 17,5% в 1877 г. и 16,5% – 1878 г.; однако за убийство супругов заключенные женщины составляли около 55% в 1877 и 1878 гг. Эта поразительная цифра не требует комментариев.

Е.А. Коляскина
Бийск, Алтайская государственная академия образования

РАЗВОД И ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ АЛТАЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)[542]

Старожилы и переселенцы Алтая традиционно полагали, что брак должен заключаться до конца жизни супругов. Они относились к нему как к явлению вечному и нерушимому. В фольклоре жена представля-

---

[540] Волжин В.А. Картинки из судебной жизни. СПб., 1891. С. 78.

[541] Спасович В. Уголовная статистика // Вестн. Европы. 1876. № 5. С. 389–403; Таганцев Н.С. Последнее двадцатипятилетние в истории уголовного права (1867–1892). 1892. С. 399.

[542] РГНФ. № 11-31-00307а2. «Женщина и мужчина в русской деревне: гендерные стереотипы старожилов и переселенцев Алтая во второй половине XIX – первой половине XX в.».

лась как «подвенечница–*вековечница*»[543]. «Квашня не жена, не на век, это жена на век» – говорили российские переселенцы[544]. Среди старожилов бытовала поговорка: «Баба не сапог, с ноги ее не сбросишь»[545]. Она повторяет пословицы, характеризующие отношение к разводам во всей Российской Империи[546]. Таким образом, воспринимали даже сводные браки, не скрепленные венчанием, распространенные среди старообрядцев Алтая[547].

Сильное ограничение законных оснований развода и чрезвычайно сложная процедура делали его почти нереальным. Порой из-за этого супруг решался на суицид или убийство[548]. По данным Н. Кострова, в середине XIX в. в Томской губернии (туда входил и Алтай) судом было рассмотрено 103 подобных дела[549]. Тот же исследователь отмечает: «Официальных разводов почти не бывает из-за хлопот и затрат. Но часты разводы добровольные и самовольные»[550]. По наблюдениям М. Швецовой, старообрядцы-поляки, относились к браку как к сожительству и «легко смотрели и на его разрыв и часто расходились из-за пустяка»[551]. Полевые материалы подтверждают наличие самовольных разводов. Они могли происходить, если жена была бесплодна или изменила мужу, физического насилия мужа над женой[552]. Мужская изме-

---

[543] Гуляев С.И. Этнографические очерки Южной Сибири. Т. 90, ч. 1. СПб., 1848. С. 7.

[544] Полевые мат-лы автора (ПМА), 2005, Солтонский район Алтайского края.

[545] Архив Лаборатории исторического краеведения Алтайской государственной педагогической академии. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1: Кытмановский район, 2001, с. Семено-Красилово, Тузовских М.Е. 1924 г. р.; ПМА, 2005, Шелаболихинский район.

[546] Алмазов А.И. Вступление в брак. Одесса, 1898. С. 2.

[547] Материалы этнографической экспедиции Алтайской государственной академии образования (МЭЭ АГАО). 1999. Красногорский район.

[548] АЛИК АГПА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1: Залесовский район, 1998, с. Залесово, Репина А.П., 1926 г.р.

[549] Костров Н. Юридические обычаи крестьян старожилов Томской губернии. Томск, 1876. С. 20.

[550] Там же. С. 24.

[551] Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа // ЗЗСОИРГО. Омск, 1899. Кн. XXVI. С. 61–62.

[552] Костров Н. Юридические обычаи крестьян... С. 24.

на не считалась достаточно веским основание для расторжения брака, тем более, если в семье были дети: «Обижать не обижал, но по другим юбкам шарился… Ну развестись как развестись?!. А кому мои дети другому-то отцу нужны»[553]. В старожильческой среде ушедшую из семьи женщину, как правило, муж или родители возвращали назад, при этом ее жестоко наказывали: «Её за косу привязывали к оглобле и… один раз бичом по коню, два раз по ней»[554]. Обычно, суд вставал на сторону мужа и решал возвратить жену в семью. В исключительных случаях крестьянские суды были вынуждены разделить имущество супругов, санкционировав тем самым их раздельное проживание.

Русские Алтая считали развод позором и грехом. В случае расторжения брака женщина возвращалась в дом родителей или оставалась со своими взрослыми детьми[555]. Несовершеннолетние дети в большинстве случаев оставались с отцом. Развод в первую очередь был ударом по репутации женщины, ее называли «брошенкой» или «отхожкой», «отходкой»[556]. Терминология, обозначавшая разведенного мужчину, не фиксируется. По мнению респондентов, разведённые женщины реже мужчин обзаводились новой семьёй. Общественное мнение определяло их в разряд «второсортных» невест.

Замена церковного брака гражданским и упрощение процедуры развода с декабря 1917 г. не могло сразу изменить отношения к ним. Традиционное отношение к разводу пошатнула антирелигиозная компания, закрытие храмов. Отсутствие церковного венчания укрепило представления о необязательности юридического оформления брака. К тому же до июля 1944 г. государство признавало фактические брачные отношения. В селах Алтая молодые часто ограничивались благословением родителей и свадебным обрядом с участием односельчан.

---

553 ПМА, 2005, Солтонский район.

554 МЭЭ АГАО. 2000. Петропаловский район; ПМА. 2001, 2003. Кытмановский, Бийский районы.

555 МЭЭ АГАО. 2000. Петропавловский, Солонешенский районы; ПМА. 2003–2006. Бийский, Чарышский, Солтонский, Тогульский районы, Шемонаихинский район Восточно-Казахстанской области (ВКО); ГАТО. Ф. 382. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

556 ПМА. 2003–2006. Бийский, Чарышский, Солтонский, Шелаболихинский, Тогульский районы, ВКО; Гринкова Н.П. Говор бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 454, 457.

Хотя получить статистику о расторжении фактических браков не представляется возможным, полевые материалы свидетельствуют, что это было делом довольно распространенным во второй четверти XX в.

Во второй половины 1920-х гг. наблюдается смягчение стереотипов восприятия расторжения брака. Так, во втором полугодии 1926 – первом полугодии 1927 г. в Бийском округе Сибирского края (часть современного Алтайского края) вступили в повторный брак 68,8% женщин и 79,8% мужчин от числа разведенных за тот период. Из них 55,1% женщин вышли замуж за ранее холостых мужчин, 20,5% – за вдовцов и 24,4% – за разведенных. Среди ранее расторгнувших брак женихов 66,1% женились на девицах, 12,1% – на вдовах, 21,8% – на разведенных[557]. Таким образом, разведенные женщины и мужчины вступали в повторные браки достаточно активно. Это и не удивительно, ведь основная масса расторгнувших брак женщин была в возрасте 16–29 лет – 63,1%, а мужчин – 18–29 лет – 65,4% – традиционный период брачной активности в русской деревне Алтая. Все же, как видно, разведенные мужчины на 11% чаще обзаводились семьей, чем женщины, и на 11% чаще их партнерами становились девицы до этого не состоявшие в браке.

Информанты связывают распространение разводов с коллективизацией. Статистические данные показывают, что это было не совсем так, расторжение брака получило распространение уже в 1920-е гг. Например, во втором полугодии 1926 – первом полугодии 1927 г. в селах Бийского округа на каждые 100 браков приходилось 8,9 разводов[558]. Хотя коллективизация внесла свою лепту в увеличение частоты разводов, женщина получила возможность самостоятельно зарабатывать средства к существованию и тем самым меньше зависеть финансово от мужчины. По архивным данным, в 1936 г. в Алтайском крае на 100 браков приходилось 14,6 разводов. Вероятно, всплеск разводов в первые десятилетия советского власти был связан еще и с тем, что распадались браки заключенные ранее по воле родителей. Как показывает статистика 72,8% разводов происходило по обоюдному согласию супругов.

Еще одним фактором повлиявшим на учащение распада браков была Великая Отечественная война. Информанты отмечают всплеск

---

[557] Посчитано автором по: Архивный отдел Администрации г. Бийска Алтайского края (АОАБ). Ф.Р.–127. Оп. 1. Дю. 10. Л. 5, 25.

[558] Посчитано автором по: АОАБ. Ф.Р.–127. Оп. 1. Д. 10. Л. 20 – 21.

измен и разводов в послевоенные годы, в связи с демографическим перекосом: «После войны… вдов то много осталось, а которы фронтовики пришли то, своих то побросают, да с другой свяжутся»[559].

Таким образом, для русских Алтая было традиционным негативное отношение к расторжению брака, что в дореволюционный период подкреплялось законодательными и религиозными канонами. Юридическая возможность расторжения брака, антирелигиозная кампания, включение женщины в общественное производство в первые десятилетия советской власти, сделали развод вполне реальным явлением в селах Алтая и несколько смягчили отношение к нему.

Т.А. Невская
Ставрополь, СКГТУ

ПОЛОВОЗРАСТНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА В КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ СТЕПНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ)

Крестьянская семья представляла собой, прежде всего, хозяйственную единицу, поэтому организация труда в семье основывалась на традициях, которые строго соблюдались и почитались. Для славянского населения Северного Кавказа в исследуемый период были характерны большесемейные коллективы, которые были более экономически устойчивы и в представлениях крестьян – более зажиточны. Однако в начале XX в. начинается процесс дробления больших семей и все большего увеличения количества малых семей. В малых семьях не было такого ярко выраженного разделения труда, как в больших, здесь на долю взрослого мужчины выпадали все мужские, на долю женщины – все женские работы. В больших семьях, где было много женатых сыновей, отец и мать брали на себя руководящие функции, в частности, свекровь, как правило, уже не работала по дому, а только распоряжалась работой невесток.

Существовавшее половозрастное разделение труда определяло и положение женщины в крестьянской семье. В сельском хозяйстве мужской труд имел в целом большее экономическое значение, чем женский, особенно в районах поздней колонизации, когда переселен-

---

[559] ПМА, 2005, Солтонский район.

цам необходимо было поднимать целинные и залежные земли, что требовало колоссальных физических затрат. Обременительный труд женщин в домашнем хозяйстве не ценился и считался лишь придатком к основным занятиям – хлебопашеству и скотоводству, которые обеспечивали, главным образом, благосостояние семьи. Женщины ухаживали за скотом, обрабатывали огород, выполняли работы по изготовлению и ремонту одежды, уборке, а также носили воду и готовили пищу. В работах, считавшихся женскими, муж помогал очень редко, однако роженицам, если в доме не было других женщин, муж помогал ставить в печь чугуны и вынимать их, носил воду.

Постоянные обязанности членов семьи по хозяйству зависели от сезона работ. Зимой в обязанности мужчин входил уход за волами, коровами и лошадьми. Обычно взрослые мужчины давали корм скоту, а мальчики чистили помещения. Женщины зимой ухаживали за свиньями, телятами и птицами. Кроме обычных домашних работ женщины занимались прядением и ткачеством. Невестки в больших семьях занимались прядением в свободное от других работ время, в основном, по вечерам, девушки же занимались этим большую часть дня. По вечерам в пятницу, субботу и воскресенье все женщины отдыхали. Женщины и девушки ткали холсты для одежды, а также настольники (скатерти), рушники. Основным занятием девушек в крестьянских семьях считалось рукоделие, подготовка приданого. Девушки вышивали на пяльцах, «строчили» – делали мережку на рушниках, платках, а также понемногу шили себе, вязали чулки и теплые шали. В обязанности девушек в семьях входило также носить воду и солому для топки, а также отбеливать холсты.

Весной крестьяне производили уборку базов, где находился скот, занимались заготовкой кизяков, изготовлением самана. Мужчины ремонтировали надворные постройки и «городьбу» вокруг усадьбы, чинили повозки, сбрую и упряжь. Женщины весной отбеливали холсты. На пахоте и посевной трудились, как правило, мужчины, дети приносили им в поле еду. После посевной мужчины занимались выпасом рабочего скота.

В уборке урожая – «жниве» (как называли ее крестьяне вслед за украинскими переселенцами) – принимала участие вся крестьянская семья. Мужчины косили, женщины вязали снопы, дети помогали по мере сил родителям. За каждым косарем шли одна или две вязальщицы, хорошей вязальщицей считалась та, которая одна успевала

вязать за своим косарем. Во время сенокоса женщины помогали мужчинам сгребать сено и сметывать стога. Молотили хлеб также мужчины, а женщины отвевали зерно от половы.

Во время «жнивы» нередко вся семья выезжала в поле: мужчины косили, женщины вязали снопы, а девочки присматривали за маленькими детьми. Мальчики начинали косить с 14 лет наравне со взрослыми. Когда появились конные косилки, то мальчики правили лошадьми на них, а мужчины сзади сбрасывали хлеб. Девочки начинали вязать снопы с 10—12 лет, на время «жнивы» родители забирали с собой в поле и всех тех девочек, которые в остальное время года жили в няньках у зажиточных односельчан, лавочников, учителей. Сбытом урожая занимались всегда только самые старшие мужчины в семье. Как правило, зерно везли «на ссыпку» на ближайшие железнодорожные станции.

В больших крестьянских семьях положение замужних женщин было часто более бесправным, чем в малых, где жена была сама себе хозяйка в домашних делах, хотя с точки зрения тяжести домашней работы положение женщин в большой семье было менее обременительным, так как здесь выполнение домашних работ делилось между несколькими невестками а в малой семье они сваливались на плечи одной женщины. В большой семье обычно одна невестка готовила пищу, другая – пекла хлеб, третья – кормила свиней и домашнюю птицу. Через неделю, а в некоторых семьях и каждый день, невестки менялись своими обязанностями. Ту невестку, которая готовила на день пищу, называли «деньщицей». Как правило, старшим невесткам поручали наиболее ответственные работы, а младшая невестка («меньшачка») была первое время «на подхвате». Самая старшая сноха осуществляла за всеми остальными «догляд». Девушки в приготовлении пищи участия никогда не принимали. Свекровь лишь изредка помогала снохам в хлопотах по дому, а чаще сидела на лавке и пряла, присматривала за внуками.

Стирала каждая невестка для своего мужа и детей один раз в неделю по субботам, и по очереди все снохи стирали для свекра и свекрови. Пряли и ткали невестки также каждая для себя, своих детей и мужа. Если женщине удавалось как-то выгадать и продать шерсть, то на эти деньги она покупала себе мыло, украшения, всякие мелочи. Топить печь считалось в крестьянских семьях также женским делом, однако топить баню было обязанностью парней. В воскресенье и праздничные дни половины женщин большой семьи отправлялась в

церковь, а половина оставалась дома готовить пищу. Регулярно посещали церковь, в основном, пожилые женщины. Кроме работы по хозяйству в своей семье молодые члены бедняцких семей часто были вынуждены работать на стороне, наниматься к богатым односельчанам. В небогатых семьях часто бывало, что девушки нанимались к лавочникам, чтобы заработать себе приданое. Часто бедные многодетные семьи вынуждены были отдавать своих детей с ранних лет в работники практически только за еду. Особенно часто девочки-подростки 12–13 лет нанимались в богатые семьи няньками или кухарками. Мальчиков отдавали в «погонуши» на пашне или в подпаски к стаду.

Таким образом, половозрастное разделение труда обеспечивало оптимальную организацию хозяйственной деятельности семьи, а также определяло образ жизни и стиль поведения крестьян, что давало определенную устойчивость социуму.

Г.А. Никитина
Ижевск, Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ УДМУРТСКОЙ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Культура демографического поведения удмуртов (в том числе репродуктивного) проявлялась в ориентации на жизнь в браке, многодетность, доброжелательные отношения в семье и общине, на сохранение физического и психического здоровья членов социума. В обществе существовало стойкое убеждение, что жизнь в браке – естественное состояние человека и даже обязательный его долг.

Насовместную жизнь мужчины и женщины, обзаведение домом и хозяйством настраивала народная мудрость: «И лапоть без пары не бывает», «Не жить же, словно кукушка, перелетая с места на место». К замужеству-женитьбе подходили серьезно, по-крестьянски неспешно и основательно, считали, что «жениться – не лыко драть». Прежде чем сосватать девушку, наводили по возможности исчерпывающую справку о ней, ее родителях, родственниках. «Каковы предки, таковы и потомки», «не увидев тарелки, не ешь, не познакомившись с матерью, не женись на дочери», – предупреждал народный опыт.

Репродуктивные взгляды ярко проявлялись в многочисленных заклинаниях, молитвах, поговорках, обрядах, в большинстве которых красной нитью проходила мысль о детях как залоге счастливой семей-

ной жизни. Удмуртское общество, безусловно, было ориентировано на многодетную семью. В этом проявлялась как традиционно высокая привязанность и любовь к детям, так и жесткая хозяйственная обусловленность: без постоянного и достаточного притока свежих сил, новых рабочих рук полунатуральное хозяйствование на земле неотвратимо оказывалось под угрозой вымирания. В детях видели гарантию хозяйственной состоятельности и обеспеченной старости: «И да даст нам Инмар[560] детей в таком количестве, чтобы возле дома дом можно было ставить, рожденные нами дети пусть нас призреют…В теплой избе, в своих постелях пусть закончим свою жизнь»[561].

Почти все исследователи удмуртов второй половины XIX в. отмечали многолюдность их семей. Одним из первых на эту особенность обратил внимание Д.Островский: «…Удмуртские семьи обыкновенно очень многочисленные, не редкость встретить семью, состоящую из 10 и более человек взрослых, не считая детей», – писал он[562]. Солидарен был с ним и казанский профессор И.Н.Смирнов, сообщавший, что среди удмуртов есть семьи из 25–30 чел., «живущих в одном доме»[563].

Нормы морали и ценностные установки народа исключали детоубийство, кровосмешение, многоженство, осуждали прелюбодеяние, аборт, контрацепцию, безбрачие, развод. Многое из этого в принципе было возможно биологически и не всегда бессмысленно экономически, но вызывало внутренний протест у людей, воспитанных в рамках сформировавшейся системы ценностей.

Беременность воспринималась женщинами как Божий дар, а бездетность, в свою очередь, как Божье наказание. На вопрос, прибегали ли в прошлом женщины к абортам, практически все респондентки преклонного возраста единодушно отвечали: «Нет. Рожали, сколько Бог давал. Это уже в советское время женщины стали и предохраняться, и аборты делать». Судя по информации, полученной в одной из деревень Игринского района, сельские удмуртки для контрацепции вводили

---

560 Инмар – верховное божество в языческом пантеоне удмуртов.

561 Никитина Г.А. Народная педагогика удмуртов. Ижевск, 1997. С. 12.

562 Островский Д. Вотяки Казанской губернии // Труды общества естествоиспытателей при императорском Казанском университете. Т. IV. Казань, 1874. С. 26.

563 Смирнов И.Н. Вотяки. Казань, 1890. С. 151.

во влагалище кусочки лимона, хозяйственное мыло и аспирин, спринцевались уксусом и марганцовкой, мочой собственной или партнера. Даже в 70-е гг. прошлого столетия многие еще верили, что от беременности защищает длительное кормление грудью[564].

От нежелательной беременности пытались избавиться, усиленно парясь в горячо затопленной бане и принимая во внутрь водку; таскали тяжести (например, мешки), обращались к народным массажисткам.

В постсоветское время в репродуктивном поведении сельских семей произошли значительные изменения, причем далеко не в лучшую сторону. Селяне многократно увеличили самоэксплуатацию ради выживания, которая позволяет жить, но сокращает жизнь. Наблюдается явное пренебрежение собственным здоровьем, особенно среди женщин. Совершенно очевидно, что такое поведение во многом вынужденное, но это не решает проблему, а только более обостряет ее. Общая и первичная заболеваемость женщин при беременности, родах и в послеродовом периоде в Удмуртии выше, чем в среднем по РФ в 2,1 раза. В течение многих лет в УР регистрируется значительное превышение показателя частоты абортов на 1 000 женщин фертильного возраста. Так, в 2009 г. показатель абортов превышал среднероссийские показатели на 26,3%[565].

Корни сложившейся ситуации – в низком жизненном уровне сельского населения, в отсутствии не только денег, но и возможностей приобрести средства контрацепции по месту проживания из-за отсутствия ФАП-ов в большинстве местных муниципальных образований, в низкой сексуальной культуре сельской молодежи и т. д.

Сегодня большинство сельских семей нацелено на двудетность, хотя удмуртские женщины, по сравнению с русскими, полнее реализуют свою репродуктивную функцию. В «ранговом ряду» по показателям рождаемости сельские удмуртские женщины стоят на первом месте в республике (за ними идут сельские русские женщины), но более активная реализация репродуктивной функции удмурткими не приводит к росту численности этноса. Происходит это по двум основным причи-

---

564 Полевые мат-лы автора – 2005 г. (Корепанова Л.А., 1927 г. р., Кожевникова Л.А., 1935 г. р., д. Лонки-Ворцы, Игрниский район).

565 Государственный доклад «О состоянии здоровья населения Удмуртской Республики в 2009 году». Ижевск, 2010. С. 251.

нам – высокой смертности (например, смертность от отравления алкоголем в деревне в 1,4 раза выше, чем в городе, от суицидов – в 2,1 раза, убийств – в 1,9 раза, и т. д.[566]), а также ассимиляции и межэтнической брачности не только в городе, но и в сельской местности, ведущих в конечном счете к смене этнической идентичности. Негативные демографические показатели по селу мы во многом экстраполируем на удмуртов, так как почти 54% сельского населения республики – это удмурты. По данным переписи населения 2002 г., численность удмуртов, по сравнению с 1989 г., сократилась на 32 940 чел. (6,64%). Среди основных этносов Удмуртии – удмуртов, русских, татар – наибольшие потери, связанные как с неблагоприятными демографическими процессами, так и сменой идентичности, понесли именно первые[567].

В связи с расширением «границ» государственной пронаталистской политики (например, «материнский капитал» на второго ребенка) в репродуктивном поведении селян наметились некоторые позитивные тенденции, но из-за отсутствия условий для гармоничного сочетания профессиональных и семейных обязанностей на селе, женщины часто вынуждены делать выбор не в пользу родов.

А.В. Дубровина
Москва, МГУ им М.В. Ломоносова

ОТ ПРИЗЫВА К ЖЕНСКОМУ РАВНОПРАВИЮ К РЕАЛИЗАЦИИ НОВОГО ТИПА БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ В.М. СОБОЛЕВСКОГО, А.И. ЧУПРОВА, И.И. ЯНЖУЛА

Газета «Русские ведомости» – печатный орган либеральной московской профессуры последней трети XIX – начала XX в. Как писал сотрудник «Русских ведомостей» С.Елпатьевский к 50-летнему юбилею газеты в 1913 г.[568]: «и сам Соболевский, и люди, собиравшиеся около "Русских ведомостей" <…> защищали все то, что завоевали 60-е гг. <…> – суд, земство, печать, женское равноправие…». Газета была

---

[566] Там же. С. 16.

[567] Об этнополитической и этносоциальной ситуации в Удмуртской Республике: мат-лы II (расширенной) Коллегии Министерства национальной политики УР. Ижевск, 2004. С. 11 – 12.

[568] «Русские Ведомости» (1863–1913): сб. ст. М., 1913. С. 143 – 144.

коллективным делом друзей-единомышленников, чья деятельность по реализации предложенных на страницах печати инициатив проявлялась также и в частной жизни, в отношениях с женщинами. Вся вторая половина XIX в. – период глубочайших перемен в отношении общества к роли женщины в семье и общественной жизни. «Русские ведомости» последовательно отстаивали идеи женского равноправия в получении образования, подчеркивая способности женщины к педагогической деятельности. Как же строили свою частную жизнь такие ключевые фигуры газеты «Русские ведомости», как Василий Михайлович Соболевский (главный редактор газеты), Александр Иванович Чупров, Иван Иванович Янжул?

В.М.Соболевский состоял в гражданском браке с предпринимательницей Варварой Алексеевной Морозовой. Причина их невенчанного брака, который, по сути, являлся вызовом современному им обществу, не ясна[569]. Будучи человеком хорошо образованным, чрезвычайно принципиальным и порядочным, он не мог быть вместе с женщиной, если бы не видел и в ней всех этих качеств. В.А.Морозова уже в юные годы, читая произведения Белинского, сформулировала для себя принципы, которым была преданна и верна в течение всей своей жизни. Именно умный мужчина, по ее мнению, должен быть учителем жизни для женщины, понимающий и уважающий ее достоинства, в том числе и интеллектуального характера. Женщина в ее представлении должна быть начитанной и мыслящей, не для поддержания беседы в интеллигентном обществе, а чтобы действовать: заниматься общественным служением. Ее общественная деятельность была сфокусирована на помощи учебным и научным заведениям и была в духе концепции «Русских ведомостей» по развитию народного образования.

Александр Иванович Чупров, профессор Московского университета, статистик и экономист. С будущей женой – Ольгой Егоровной (урожд. Богдановой) он был знаком с ранних лет. Ее брат – М.Е.Богданов был добрым приятелем А.И.Чупрова. А.В.Амфитеатров писал, что, «Ольга Егоровна была типическая «шестидесятница» по

---

[569] Подробнее о личной жизни В.А. Морозовой см.: Дубровина А.В. В.А. Морозова: личная история, общественная деятельность и благотворительность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

взглядам… а характером, по существу добрым, по формам строгим и даже суровым...»[570]. Как вспоминал И.И.Янжул о чете Чупровых: «я состоял одинаково в дружбе, как с А.И., так и с его супругой Ольгой Егоровной... Насколько А.И. был мягок, елеен и влюблен сверх меры в человеческое общество всякого рода, настолько О.Е. представляла собой другой полюс, дабы <…> ограничивать стремления своего мужа к новым и новым знакомствам»[571]. Объединяли супругов общая среда, круг общения, схожесть идей и интересов, вера в науку и прогресс. Александр Иванович был известен на всю Москву своей отзывчивостью и добротой, Ольга Егоровна могла оберегать его от излишнего альтруизма.

Иван Иванович Янжул, как и А.И.Чупров, был ближайший соратник Соболевского в редакции «Русских ведомостей», профессор Московского университета, занимал ряд общественных постов и государственных должностей. О знакомстве с будущей супругой и ее семейством Вельяшевых он вспоминал: «семья их, с хорошими, интеллигентными вкусами <…> старушка мать, София Константиновна, образец преданности и любви к семейству <…>; и затем, должен сознаться, мне как-то сразу приглянулась юная девица в этой семье… Маленький лукавый божок, играющий по греческой мифологии самую важную роль в сближении особ двух полов, ранил мое сердце совершенно для меня неожиданно…»[572]. Выбор был определен, в первую очередь, возникшими чувствами к девушке, во вторую–оценкой ее нравственных достоинств: заботливость, нежность, надежность. Янжул понадеялся на фактор наследования этих качеств невестой у ее матери: «у такой превосходной матери, какою все признавали С.К.Вельяшеву, и дочь должна, рассуждал я, иметь выдающиеся нравственные достоинства»[573]. Янжула, как и его друга Чупрова, не заботила материальная сторона вопроса, он был готов трудиться, будучи уверен в своих силах, от жены он ждал поддержки:

---

[570] Амфитеатров А.В. Угасший род // Чупров А.И. Россия вчера и завтра. М., 2009. С. 429.
[571] Янжул И.И. Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864 – 1909 гг. СПб., 1910. Вып. 1. С. 82 – 83.
[572] Там же. С. 78.
[573] Там же. С. 84.

«невеста моя не могла мне принести никакой материальной помощи в виде приданого, но могла зато дать то, что дороже всего – помощь своего труда и дух товарищества, с которым я мог продолжать работать более дружно, даже если бы, сверх ожидания, не сошлись характерами. Я видел это на примере Чупровых, которые жили в то время бодрее и лучше меня, несмотря на то, что пропорционально с потребностью на двоих, получали денег меньше меня…»[574]. Очевидно, брак Чупровых И.И.Янжул воспринимал как исключительно гармоничные отношения и желал для себя нечто подобного. Вот как сам И.И.Янжул оценивал роль супруги и характер отношений: «в жене я получил не только доброго товарища, но соавтора или ближайшего сотрудника для всего, что я с тех пор написал <…> Ничего не делалось и не писалось без ее совета и помощи … и я затрудняюсь по временам определить, кому например в данной статье принадлежит такая-то мысль, мне или ей?»[575]. Е.Н.Янжул была соратницей мужа в деле решения вопроса о народном образовании в России, активно исследовала различные аспекты развития начального и среднего образования на Западе.

Итак, в России во второй половине XIX – начале XX в. возникает и распространяется в среде интеллигенции особый тип отношений между мужчиной и женщиной, которые определяются сердечной привязанностью, взаимоуважением, взаимной поддержкой друг друга в реализации творческого потенциала каждого, идейная близость, целеполагании в отношениях, заключающееся не просто в создании семьи друг для друга и не столько для продолжения рода, сколько для реализации общих целей и задач, общественного служения. Равноправие в этих отношениях базируется на принципе товарищеских отношений.

И.А. Фролова
Тверь, Тверской Государственный Университет

МЕЖДУ «МОНО-ВЕНЧАНИЕМ» И ПОЛИГАМИЕЙ: В.В. РОЗАНОВ О ПРОБЛЕМАХ БРАКА И СЕМЬИ В РОССИИ НАКАНУНЕ XX ВЕКА

---

[574] Там же.

[575] Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1897 – 1904. Т. VI. С. 55.

Творчество русского философа и публициста В.В.Розанова (1856–1919) пришлось на сложный период российской истории, когда в обществе одним из самых дискуссионных был вопрос о введении упрощенной процедуры гражданского развода. Розанов, чью философию можно определить как метафизику пола, обратился к исследованию состояния российской семьи ещё тогда, когда начал размышлять о роли религии в культуре. В начале творчества он восторгается христианством, затем противопоставляет историческое христианство подлинному и, наконец, критика церкви как института переходит в борьбу с ней, когда философ сосредотачивается на проблемах брака и семьи в России. Эта внутренняя диалектика его мысли объясняется тем, что самым центральным вопросом его философии становится судьба человека – мужчины, женщины, ребёнка. Он глубоко верит в естество человека и в любовь как основу жизни. Наследие Розанова очень обширно и его метафизика пола – это повод для серьёзнейших исследований. Мне хотелось бы остановиться на социально-правовом аспекте семейных отношений, которые рельефно выражены в его двухтомнике «Семейный вопрос в России». Розанов собрал в этом труде самые разнообразные документы по проблемам семьи и брака в России. Здесь не только его собственные статьи, опубликованные в газете «Новое Время», но и письма-отзывы читателей, очень доверительно излагавшие трагедии собственных семейных отношений; здесь и различные официальные документы, которые философ снабдил критическими комментариями.

Хотелось бы сразу обозначить основные установки Розанова по основным проблемам, связанным с данной темой: он полагает, что человек проявляется как личностное творчество, в том числе и в семье. Он заявляет о священстве мира семьи и детства. Природа семьи – сверхэмпирическая. Он пишет: «Разум есть именно устрояющая, а не творческая сила. Замечательна глубоко ограничительная его роль в семье. Семью нельзя рационально построить». Философ выступает против общераспространённой точки зрения, что семью разрушают страсти, потому что жёны изменяют мужьям, а мужья жёнам. Он убеждён, что всегда бывает правой именно «разрушающая сторона», потому, что она способна сказать правду о том, что в семье что-то не так, что отношения, возможно, исчерпали себя и есть необходимость освободить друг друга от пытки жить вместе. Важнейшим препятствием к разводу считают «детскую колыбель», ради которой следует сохра-

нять семью. Философ считает аморальным воспитывать детей в обстановке взаимной ненависти и непонимания супругов, но получить развод в России – дело непростое, требующее терпения и затрат. Приведу пример из письма мужчины, которое Розанов включил в своё исследование: «Я живу во второй семье. Но, Боже, во что стало это мне! В первый раз я женился по любви внезапной и страстной, на 23 году жизни. Через два года мы разошлись, без детей и без измены. Прошло 5 лет: я влюбился снова и попросил у жены, жившей в другом городе, развода; она отвечала, что живёт уже 4 года с любимым человеком и имеет 2 детей; она принимает вину на себя, но я должен признать её детей моими законными. Два года я был в лечебнице душевнобольных в г. N. … Я принял это условие… Но целых девять лет я толок лбом в консисторские стены. И бессмыслица победила здравый смысл!...Стоило это мне тысяч семь, не более…и лет 18 жизни с плеч долой!»[576].

Обсуждение проекта закона о разводе привело многих к умозаключению, что он будет способствовать распущенности в обществе, и, кроме того, невозможно будет различить «порядочную женщину» (которая состоит в единственном браке) от «не совсем порядочной» (которая несколько раз сменила мужей) а также от «падшей». Этим были обеспокоены некоторые дамы. Розанов очень недвусмысленно выражается по данным вопросам. Во-первых, он всегда на стороне девушки и категорически не приемлет распространённое мнение, что девушка является единственной виновницей «падения». Он полагает, что пришло время отбросить лицемерие на этот счёт, о чем заявляет в статье «Вне совести и Бога»: «Так Богом устроено, а человеческое уложение должно бы дополнить, что самая пассивность девушек, решительно неразделимая с прекрасною в них «женственностью», должна быть под охраною внимательнейшего и бережливого отношения активной стороны». Поэтому Розанов заявляет: «И в голову мне не приходило осудить хотя одну и когда-нибудь «павшую девушку». Женщина в обществе всегда находится под ураганом критики, а мужчина как бы и не виноват ни в чём вовсе. Но счастливы они (женщина и мужчина) в браке и в семейных отношениях?

---

[576] Розанов В.В. Собр. соч. Семейный вопрос в России. М., 2004. С. 84, 99, 77.

Русский философ рассматривает кризис семьи с точки зрения статистики, в правовом и нравственном измерениях. Официальный статистический аспект вопроса выглядит вполне благополучно – рождаемость превышает смертность, а это значит, что с семьёй в России все нормально. Философ считает необходимым ввести три измерения состояния семьи – первый разряд вопросов он назвал «семья в процессе» и касается анонимного опроса 60-летних мужчин, когда жизнь состоялась и есть, что обобщать в плане опыта.

Второе измерение состояния семьи он назвал **«семья в процессе»,** что предполагает ряд существенных вопросов для 32–летних женщин, когда их брачный статус определён.

Третье измерение касается уже 60-летних женщин, где через систему вопросов предстаёт «судьба детства».

Л.В. Лебедева
Пенза, ПГТА

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ КРЕСТЬЯН ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: РАСПРОСТРАНЕНИЕ СВЕТСКИХ НОРМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА И СОХРАННОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЙ[577]

1917 г. привел к радикальной трансформации всех общественных отношений. Модернизации была подвергнута и основополагающая ячейка общества – семья. Реформации брачно-семейных отношений придавалось большое значение. Поэтому уже в первые месяцы после установления советской власти были проведены изменения в сфере семейного законодательства. Позднее первые декреты были развиты в Кодексах 1918 и 1926 гг. Новые властные структуры устанавливали свой контроль за брачностью и диктовали новые нормы регулирования частной жизни. Большевистская идеология, воплощенная в нормах семейного права, включала в себя распространение: во-первых, атеистических взглядов, отмену религиозных регламентаций в брачно-семейных отношениях, введение гражданского брака как единственной законной формы регистрации брачных отношений и новой революци-

[577] РГНФ. № 12-11-58002. «Семейно-брачные отношения крестьян в повседневной жизни советского общества периода нэпа (на материалах Среднего Поволжья)».

онной обрядности; во-вторых, принципа равенства граждан в обществе через отрицание эксплуатации человека человеком и обязательной обязанностью трудиться. В семейных отношениях данное положение воплощалось через отмену сословных, имущественных, религиозных ограничений и закреплении равенства между мужчиной и женщиной, отражавшегося в социально-экономическом статусе каждого из супругов; в-третьих, свободы взаимоотношений, основанных на индивидуальном выборе и любви, добровольности вступления в брак, упрощенности процедуры развода, поощрении альтернативных форм традиционной семейной модели взаимоотношений.

Остановимся подробнее на обрядовой стороне заключения брака – действиях, церемониях, служащих символом приобретения нового социального статуса. В связи с отделением церкви от государства отменялся церковный брак и устанавливался гражданский, регистрируемый в органах записи актов гражданского состояния. Брак, заключенный по религиозному обряду, больше не порождал правовых последствий. Наряду с обязательным гражданским, он являлся только частным делом брачующихся (ст. 1)[578]. В то же время, если обряд венчания происходил до принятия «Декрета о гражданском браке, о детях и ведении книг актов гражданского состояния» от 18 декабря 1917 г., то за такими союзами сохранялась юридическая сила, и они не нуждались в переоформлении. В «Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» от 22 октября 1918 г. форме заключения брака была посвящена уже целая глава[579]. Браки заключались публично в местных Отделах записей актов гражданского состояния или в заменяющих их Нотариальных Отделах при местных Советах Депутатов, в специально предназначенных помещения, в определенные заранее дни и часы (ст. 53, 54, 57). Желающие вступить в брак могли объявить об этом устно или письменно. К заявлению должны были приложить свидетельство о личности и подписку о добровольном вступлении в брак и об отсутствии препятствий к браку. Сделав запись о браке в книгу записей браков, должностное лицо прочитывало ее брачующимся и объявляло их брак в силу закона заключенным (ст. 58, 59, 60). В «Кодексе законов о браке, семье и опе-

---

[578] Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 237.

[579] Собр. узакон. и распоряжений РСФСР (далее СУР РСФСР). М., 1918. № 76.

ке», принятом 19 ноября 1926 г.[580], делалось уточнение. При регистрации брака каждая запись, вносимая в соответствующую книгу записей, должна была быть прочитана заявителям, подписана ими, если они грамотны, а при их неграмотности – двумя грамотными свидетелями, и в обоих случаях – должностным лицом, совершающим акт (ст. 114).

Согласно советской правовой концепции, только гражданский брак порождал права и обязанности супругов. Венчание не запрещалось, но рассматривалось государством как отклонение и проявление политической отсталости. В этот период стали пропагандироваться «красные свадьбы», в которых в роли «священников» с напутственными словами и благословениями выступали секретари комсомольских и партийных организаций[581]. В ответном слове молодые давали обещание «быть примером не только со стороны отказа от обрядности, но также и примером новой равноправной и сознательной супружеской жизни». Затем читались доклады на тему «Старый и новый быт», о равноправии женщины, о вреде свадебных пирушек, церкви и пьянстве[582].

Однако, данное новшество, направленное на борьбу с религиозной обрядностью, не получило большого распространения. В тоже время, антирелигиозная политика государства, гонения на церковь привели к тому, что священнослужители без волостной регистрации не венчали, и поэтому некоторые крестьяне стали ограничиваться только загсом.

Несмотря на нововведения – роспись в сельсовете, а не венчание, доклады партийных работников во время торжеств, все другие элементы традиционной свадебной обрядности продолжали соблюдаться. Свадебный ритуал представлял собой цельный комплекс и включал в себя несколько этапов: просватанье, рукобитье, запой, хождение за рубашкой, вечеренька (девичник), хождение к жениху за дарами, баня, расплетение косы, приезд жениха, торг за невесту и т. д. В этом торжестве большое значение отводилось постоянным и временным исполнителям ролей дружки, свахи, поддружья, «тысяцкого» и другим свадебным чинам. Все они должны были знать свои функции, обрядо-

---

580 СУР РСФСР. М., 1926. № 82.

581 Пушкарева Н.Л., Казьмина О.Е. Российская система законов о браке в XX в. и традиционные установки // ЭО. 2003. № 4. С. 71.

582 ГАРФ. Ф. Р-5407. Оп. 2. Д. 32. Л. 15.; Малязев В.Е. «Красная свадьба» // Пензенские епархиальные ведомости. Пенза, 1999. № 3. С. 118.

вые действия и владеть фольклорной импровизацией. Весь свадебный цикл сопровождался песнями девушек. Вехами-кульминациями обрядового действа были плачи (вопли) невесты. На свадьбе исполнялись различные магические действия, предохраняющие новобрачных от злых духов, содействующие их благополучию, росту хозяйства, плодовитости.

Для реконструкции свадебного обряда большую роль играют этнографические и социологические обследования регионов. Они позволяют выявить схожие черты и колорит каждой местности. Так для исследователей Пензенской губернии огромную ценность представляют описания свадебной обрядности, сделанные сотрудниками краеведческого музея в 1920-е гг. Свадебный ритуал был описан в мещерских, русских и мордовских селах[583]. Также специфические черты свадебной обрядности данного региона, сохраняющие элементы язычества, были выявлены Московской государственной консерваторией в ходе экспедиций в Пензенскую область в 1983–1991 гг.[584]

Подводя итог, можно отметить, что свадебная обрядность крестьян постреволюционной России с одной стороны претерпела изменения под влиянием распространения новых правовых норм регулирования частной жизни, с другой, сохраняла традиционные черты. Новые властные структуры, отделив церковь от государства, устанавливали свой контроль за брачностью, вводя регистрацию в органах записи актов гражданского состояния. Брачно-семейные отношения представляли собой важную сферу советской идеологии и новая обрядность была составной частью распространения атеистического мировоззрения, равенства, эмансипированных форм отношений между полами. В тоже время, несмотря на новые государственные установки, поведение крестьян при заключении брака отражало сохранность религиозности большей части населения и приверженности нормам традиционного общества.

---

583 Пензенский государственный краеведческий музей (далее ПГКМ). Научный архив (Н. а.). № 88, № 97, № 109.

584 Гилярова Н.Н. Особенности свадебных традиций населения Пензенской области // ЭО. 1996. № 2. С. 30–50.

Т.Б. Котлова, М.Н. Трефилова
Иваново, ИГЭУ В.И. Ленина,
Ивановский государственный университет

ИНЖЕНЕР-ХИМИК VS ДОМОХОЗЯЙКА: ИСТОРИЯ ОДНОГО СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА 1928 ГОДА

Категория конфликта рассматривается в современной конфликтологии, социологии и социальной психологии в качестве неотъемлемой части социальной жизни, особого вида социальных взаимоотношений (способа взаимодействия), направленного на разрешение или снятие острого противоречия, основанного на несовместимости интересов, целей, ожиданий, взглядов, действий. Известно, что конфликты обостряются и приобретают новые оттенки в условиях переходных периодов, социальной нестабильности, что было характерно для советского общества конца 20-х гг.

Обратимся к одному из многочисленных гражданских дел 1920-х гг. – иску инженера-химика В. Ленхольдта к бывшей супруге Е. Ильинской о передаче прав на воспитание ребёнка, хранящемуся в фондах Государственного архива Ивановской области.

Споря в 1928 г. о судьбе сына, бывшие супруги Ленхольдт открывали перед судом семилетнюю историю семьи, противоречивые причины расторжения брака, существенно отличавшиеся для каждой из сторон. При всей специфике семейных отношений, история супругов Ленгхольдт отражает типические черты советской реальности периода становления «контракта работающей матери».

Особенностью развития конфликтной ситуации являлась принципиально различная оценка происходящего её участниками. Так, Виктор Ленхольдт указывал на то, что «ссоры [в семье] начались, когда [он] стал замечать обман»[585]. В письмах к сестре Евдокия Ильинская трактовала «обман» как маниакальную ревность мужа, «любовь с оттенком дикости, эгоизма…». Являясь сторонником идей «свободной любви», возмущаясь «законность[ю] любви, старание[м] втиснуть её в государственные рамки», В. Ленхольдт одновременно страдал от ревности, ежедневно рассказывая жене о том, что снова и снова видит её измену

---

[585] Государственный архив Ивановской области. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 1314. Л. 42.

в ночных кошмарах[586]. В результате, по мнению Е. Ильинской, ссоры в их семье начались от того, что «муж не давал хода, не отпускал из помещения».

Когда внутрисемейный конфликт перерос в дело об определении судьбы совместного ребёнка, бывшие супруги по-разному объясняли свой окончательный разрыв. Виктор указывал на то, что жена «предъявляла нелепые требования в смысле покупки обуви, одежды, хорошего питания». Евдокия видела причины столкновений в своем зависимом положении в семье, в том, что она «не сумела выковать из себя путного человека – борца жизни». По совету сестры, «чтоб чувствовать себя более удовлетворённой, быть более самостоятельной», она решила «устроиться на место», против чего муж категорически возражал[587]. Позиция В. Ленхольдта была типичной для своего времени. Как правило, мужчины препятствовали трудоустройству женщин, мотивируя свою позицию ухудшением бытового устройства семейной жизни и ухода за детьми в связи с работой жен вне дома[588]. Однако в действительности конфликты на почве профессиональной занятости женщин были обусловлены ревностью или нежеланием потерять власть над супругой.

Дело В. Ленхольдта против Е. Ильинской подтверждает вывод о том, что в 1920-е гг. поддержка общественности, информация прессы о возможностях отстаивания женщинами своих прав, существенная помощь женотделов стали оказывать значительное влияние на ход внутрисемейных противоречий. Принимая участие в судьбе Е. Ильинской, женорганизатор г. Кинешма Иваново-Вознесенской губернии обращалась в уездный женотдел и в суд с целью временной передачи прав на ребёнка матери и предоставления ей возможности «уехать до суда из квартиры»[589]. Впоследствии женотдел на основании прошения Е.Ильинской обратился в суд с ходатайством, в котором указывал на преимущественное право женщины воспитывать ребёнка: «Пролетарская идеология отсутствует как у матери, так и у отца ребёнка, с этой

---

[586] Там же. Л. 33–35.
[587] Там же. Л. 33, 41 об, 42.
[588] ГАИО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 об.
[589] ГАИО. Ф. Р–1373. Оп. 1. Д. 1314. Л. 23 об.

стороны их права одинаковы, что же касается нравственности родителей, то мать стоит безусловно в этом отношении выше отца»[590].

Особенностью развития конфликтных ситуаций в рассматриваемый период является идеологизация происходящего, аргументация часто носит классовый характер. Так, главным доводом В. Ленхольдта в суде стало то, что он «желает иметь ребёнка с целью подготовления его к полезной деятельности в пролетарском государстве, к тому же он советский интеллигент и материально обеспечен»[591]. Воспитанию ребенка «при нём, среди рабочих масс» он противопоставлял «буржуазно-мещански[е] взгляд[ы], традици[и] и замаш[ки] матери»[592]. В. Ленхольдт подчеркивал, что желание жены устроиться на работу лишает её преимущественного права на воспитание сына, который в этом случае останется на руках у родственников жены[593]. В свою очередь, свидетели по делу указывали на то, что «бюрократкой» Е. Ильинская не была, «с прислугой относилась как и прочие», а от мужа ушла из-за того, что он не давал ей денег и в ходе постоянных ссор дошел до рукоприкладства.

Характерной особенностью рассмотрения данного дела в суде, отражающей принципы советского семейного законодательства 1920-х гг., была приоритетность прав ребёнка при разрешении внутрисемейных конфликтов, когда судья должен был в первую очередь «установить нравственный облик супругов и спросить ребёнка, с кем желает жить»[594].

Таким образом, рассмотрение практик брачно-семейных отношений в переломные исторические периоды сквозь призму конфликта предлагает исследовательские перспективы и позволяет выявить в «локальных» противоречиях супругов социальные тенденции, являющиеся приметой развития института семьи на определённом историческом отрезке. Надёжным фундаментом для проведения подобной работы является широкая источниковая база, представленная массивом фондов гражданского, уголовного и духовного судов, документов личного происхождения, которая позволяет в полной мере проследить

---

590 Там же. Л. 35 – 35 об.
591 Там же. Л. 7.
592 Там же. Л. 12.
593 Там же. Л. 11.
594 См.: ГАИО. Ф. Р–23. Оп. 1. Д. 433.

схемы развития конфликтов, рассмотреть разрушительные для семьи того или иного периода проблемы, многие из которых прочно вошли в практику брачно-семейных отношений и в начале XXI в. не потеряли остроты.

Г.Г. Гниятуллина
Уфа, Институт истории, языка и литературы
Уфимский научный центр Российской академии наук

«БЫТОВЫЕ ПЕРЕЖИТКИ» В СФЕРЕ БРАКА И СЕМЬИ В 1920–1930 ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ БАШКИРИИ)

Придя к власти в 1917 г. большевисткая власть повела политику модернизации страны, путем упразднения и внедрения новых положений и норм общества. Изменениям подверглась и вновь созданная в 1919 г. Башкирская АССР. Волна перемен коснулась и сферы брачно-семейных отношений. Исторической территории Башкирской АССР, в силу его национального состава, были присущи некоторые особенности быта коренного населения среднеазиатского региона, такие как многоженство, умыкание невест, женитьба на несовершеннолетних.

Проводниками этих идей в массы были работники женотделов, которые в целях раскрепощения женщины от семейных уз и быта вели специальную пропаганду. Необходимость регистрации брака в ЗАГСе объяснялась тем, что при разделе имущества легче распределить имеющееся какое-либо имущество супругов[595]. Регистрация признавалась необходимой, особенно в деревне, чтобы «она не пошла за попом…»[596]. Однако, сельчане параллельно с регистрацией, обращались к духовенству за совершением того или иного религиозного обряда[597]. Многонациональность, отсталость населения, еще не уничтоженное религиозное сознание – все эти обстоятельства замедляли темп развития института ЗАГС.

Большой урон половозрастной структуре страны был нанесен войнами, голодными годами. Мужская смертность превышала женскую, также шла интенсивная внутренняя миграция. В деревнях оставалось меньше мужчин, по сравнению с женщинами, поэтому женщины были

---

[595] ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 186. Л. 50 об.
[596] ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 209. Л. 57.
[597] ЦАОО РБ. Ф. П.–122. Оп. 5. Д. 199. Л. 25 об.

вынуждены быть и второй, и третьей … женой. Многие даже не утруждали себя в регистрации брака, отношения складывались в форме простого сожительства, или «любовных связей на стороне». На практике мужчина никакой ответственности за судьбу женщины и рожденных детей от этих отношений не нес. Писателем В. Канторовичем написан сатирический рассказ, повествующий о местном ловеласе «Дон-Жуан из Гадельгареева» – о похождениях башкирского многоженца Юсуфа Хамитова. Воспользовавшись, тем, что калым был отменен, а ЗАГСы в Бурзяне еще не работали, никто брака не регистрировал, Юсуф Хамитов к своим 22 годам успел 5 раз жениться. Автор пишет, что после того, как «…религия оказалась развенчанной и новая власть осудила калым», у многих сработал примитивный силлогизм: «за девку не плачено, значит и обязанностей по отношению к жене не возникает…»[598].

Судя по архивным данным, таких Юсуфов Хамитовых в эти годы было немало. Многоженство и дача калыма особенно развиты были в таких кантонах, как Аргаяшский, Зилаирский, Тамьян-Катайский, Месягутовский и Яланский, населенных коренными башкирами[599]. 1 января 1927 г. вступил новый Кодекс о браке, семье и опеке. Особыми циркулярами правительства многоженство было запрещено на основании ст.ст. 68 и 79 брачного права РСФСР (Собр. Узак. 1918 г. № 76 – 77 ст. 818), ст. 4. Гражданского Кодекса и ст. 9. Постановления ВЦИК от 11 ноября 1922 г. (Известия ВЦИК от 12 ноября 1922 г. № 256) о введении в действие Гражданского Кодекса[600]. Тесно связана с этим явлением была другая проблема, которая также противоречила советскому брачному законодательству – это дача «калыма», выкуп невесты у родителей за имущественную ценность (скот и прочее имущество). Калым выполнял роль брачного махра[601], не принадлежавший самой невесте, а расценивающийся как выкуп.

В 1924 г. проект нового семейного Кодекса в Башкирии прошел через обсуждение ряда женских делегатских собраний коммунисток. Бы-

---

[598] Канторович В. Бурзянские рассказы. Уфа, 1967. С. 135.

[599] ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 201. Л. 32.

[600] Женское движение в Башкортостане 1900 – 1941. Сб. док. и мат. Уфа, 2008. С. 81 – 82.

[601] Асфандияров А.З. Семья и брак у башкир в XVIII – первой половине XIX в. Уфа, 1989. С. 54.

ли внесены некоторые примечания, которые были в целом утверждены БашЦИКом. Теперь, согласно, принятым примечаниям, многоженство среди восточных народностей не разрешалось. А также при регистрации брака, требовались справки о здоровье брачующихся[602]. Особым постановлением президиума, БашЦИК запретил многоженство и прочие «уродливости» быта[603]. 18 января 1924 г. Президиум БашЦИКа по вопросу добавлений к Кодексу, ходатайствовал перед ВЦИКом и перед ЦИК СССР о внесении изменений в Кодекс, в силу региональных особенностей. Таким образом, с изданием 16 октября 1924 г. декрета ВЦИК, установленное шариатом право превратилось в вид особого преступления, преследуемого законом в уголовно-судебном порядке. По ст. 232 Уголовного Кодекса (многоженство) – суд выносил приговор в виде принудительных работ до 1 года[604].

В том же году на I Всебашкирской беспартийной женской конференции по семейно-брачному и опекунскому праву, были приняты резолюции о недопущении выхода замуж женщин в качестве второй жены, и повышения налогового обложения многоженцев, которых стали относить к разряду кулаков. Предполагалось, что налоги ударят по карману многоженцев, в результате чего мужчины лучше всего откажутся от многоженства[605]. Однако, отчетные доклады кантонных женсоветов все еще пестрили фактами об «отсталости» деревенских женщин, закрывающихся от мужчин, о коммунистах-многоженцах, позволяющих себе исполнять религиозные обряды, и т. п.»[606].

Случалось, что мужчина, не разойдясь с первой, уже сходился со второй. Так, секретарь Идельбаевской сельской ячейки Зилаирского кантона во время проверки заявил, что живет с шестой женой, а по сообщению его товарищей, жен у него было гораздо больше. Женотдел республики с негодованием замечал, что: «если наши партийцы будут менять своих жен, как перчатки, то трудно будет изжить многоженство»[607]. В Кунашакской волости, имелись факты, когда 4 человека

---

602 Поправки к кодексу законов о семье и браке // Власть труда. 1924. 8 марта.
603 ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 151. Л. 18, 18 об. Подлинник.
604 Там же. Оп. 8. Д. 135. Л. 119.
605 Женское движение в Башкортостане... С. 108.
606 ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 154. Л. 33.
607 ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 8. Д. 134. Л. 4.

партийных имели по несколько жен. В одной из волостей Аргаяшского кантона насчитывалось 500 вдовствующих женщин. Многие из них испытывали большие трудности и выход – идти во вторые жены для них был неизбежен. Женские собрания, организованные женсоветами республики проходили под лозунгами: «Долой многоженство! Долой дача замуж несовершеннолетних дочерей!» и т. п.

По ряду указаний Правительства БАССР, в частности, постановления президиума БЦИКА от 27 февраля 1928 г. о мероприятиях по усилению борьбы с бытовыми преступлениями, Башглавсудом были даны всем народным судам распоряжения об усилении карательной политики судов по делам о бытовых преступлениях, доводя меру социальной защиты до максимальных пределов санкции соответствующей статьи Уголовного Кодекса. Если в 1927 г. было 60% оправданных, то в первую половину 1928 г. оправданных 19%.

Следует заметить, что в отчетах работников Женотдела по Месягутовскому кантону за 1928 г., отмечалось, что многоженство наблюдалось не только среди башкир, но имело место даже среди русского населения. Если в 1930 г. Башкирской республике число преступлений по понуждению к браку и получения калыма было зафиксировано 23 случая, многоженства 70, то к 1933 г. число этих преступлений шло на значительную убыль, зафиксировалось всего лишь 3 случая по понуждению к браку и получения калыма и 6 случаев многоженства[608]. Вопреки советскому законодательству, материальная необеспеченность вынуждала женщин заявлять на собраниях, чтобы правительство за двоеженство мужей их не преследовало. Существовала скрытая форма многоженства, когда вторая жена представлялась прислугой или родственницей и т. п. Подобная практика многоженства просуществовала до 40 – 50-х гг. XX в.

Таким образом, послереволюционные нововведения, коснувшиеся и сферу семейно-брачных отношений, упразднили все традиционные нормы, характерные для башкирской семьи, и семьи в целом для данного региона. Согласно, Советскому Кодексу данные традиционные нормы перешли в разряд «бытовых преступлений, пережитков родоп-

---

[608] Саковский Н.А., Козлов Н.Я., Габбасов А.А. 15 лет советской юстиции на фронте социалистического строительства // 15 лет советской Башкирии: сб. ст. Уфа, 1934. С. 244.

леменного строя». Через борьбу с ними государство решало задачу раскрепощения женщины Востока, а также подрыва религиозного сознания у населения.

О.Л. Рябченко
Харьковская национальная академия городского хозяйства

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УКРАИНЕ В 1920-Е ГОДЫ: ОТ ВЕЛИКИХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ К ДВОЙНЫМ СТАНДАРТАМ

В последнее время наблюдается особенное внимание к одной из форм телесных практик советского времени – к проблеме семьи, брака, сексуальности. Особенно интересны в этом отношении 1920-е гг., когда происходил активный поиск соответствующих организационных форм, методов, направлений, принципов воспитания и для которых характерной была недопустимая в последующее время раскрепощенность мысли, откровенность высказываний, искренность чувств.

Сразу после революционных событий в советской периодике началась полемика о судьбе семьи. Дискуссии были вызваны крушением православного брачного порядка. Авторы предлагали разные пути решения проблемы отношений между мужчинами и женщинами в новых условиях, но вместе с авторскими мыслями и образами в публицистике возникали и гендерные стереотипы – вони отражали гендерные отличия в обществе того времени, закрепляли традиционные гендерные роли.

Гендерные представления были следствием дискуссии об эмансипации женщины, о женском образовании и общественной деятельности. Они разделяли общество на два лагеря – сторонников и противников традиционного места женщины в социуме. Советское руководство рядом законов и постановлений формально создавало для женщин равные условия для реализации своих жизненных целей, постоянно обращая внимание не только на сферу работы, но и на частную жизнь. Подчеркивалось, что женщина-пролетарка имеет неисчерпаемые возможности, она способна к самостоятельной, независимой от мужчины жизни. Пресса была переполнена очерками о жизни женщин, ломала стереотипное негативное восприятие матерей-одиночек.

В предреволюционное время личная жизнь была освящена христианско-патриархальной традицией. Нормальным считался только моногамный брак, усложненной была процедура развода, мало кого тревожило бесправие женщины. При всех изменах, трагедиях, тайных свя-

зях, законный христианский брак оставался нерушимым, культурной ценностью, которая свято охранялась даже самими «нарушителями». Но в ходе революции и гражданской войны фактом стало распространение сексуальной распущенности. Уже вначале 1920-х гг. ученые писали о семейной дезорганизации, о кризисе семьи, которая начинает терять ряд своих основных функций. Современные исследователи больше склонны считать новые нормы половой морали не следствием революции, а влиянием модернизационных и урбанистических процессов, которые вылились в «массовый процесс отрицания и осуждения прежних христианских норм половых связей». В городской ментальности постепенно возникали новые нормы, оправдывающие вне- и добрачные половые отношения. После прихода к власти большевиков под влиянием скандальных партийно-комсомольских дискуссий «свобода нравов прогрессировала». Первые советские декреты упростили процедуру вступления в брак и развода, механизировали все гражданские акты, уменьшили их значение и моральную ответственность.

В Украине вопросы половых отношений и создания семьи оживленно обсуждались после выхода проекта семейно-брачного законодательства. В то время бытовали разные точки зрения относительно путей развития семьи. Большинство из этих постулатов сегодня можно считать «теоретическим бредом», но все же они свидетельствуют о раскрепощенности мысли. Кроме того, обратив внимание на практики жизни того времени, возникает впечатление, что этими теориями пытались оправдать некоторые характерные стереотипы поведения прежде всего компартийного руководства. Свидетель тех событий, известная российская поэтесса З.Гиппиус писала: «Старые жены большевицкие чаще всего оставлены. Даны им места разные, чтобы заняты были, а министры берут себе «цыпочек», которым уже дают места поближе и поважнее». Не в оправдание ли фактов разрыва их браков на страницах «Коммуниста» писалось, что «лучшим результатом этих семейных катастроф было, когда коммунист шел от жены, которая не могла быть товарищем в борьбе, и создавал новую семью, спаянную не только взаимным влечением, но и общей борьбой». В прессе постоянно читателям навязывалось все новые объяснения свободной любви: «Можем ли мы требовать, чтобы семья, в которой не осталось ни любви, ни товарищеского содружества, ни взаимоуважения, была сохранена во имя прошлого, во имя обязательства, если при этом, что в таких условиях больше всего вероятно, возникла новая склонность».

Анализируя жизнь молодежи того времени, Д.Ласс сделал вывод о быстром раскрепощении личности. Настроения молодежи, их чувства и мечты проявились в куплетах, большинство которых пошло в небытие вместе с временем, их породившим: «Ах, юбка моя, четыре оборки … Хочу – дома заночую, хочу – у Егорки».

Внебрачные половые отношения стали нормой и среди студентов высших учебных заведений, о чем свидетельствуют результаты анкетирования. Но жизнь студентов 1920-х гг. нельзя характеризовать односторонне. Конечно, часть их исповедовала принципы «свободной любви»: добровольные, кратковременные, ни к чему не обязывающие отношения считались нормой. Об этом ярко описано в художественной литературе. Но другая часть предпочитала традиционные отношения.

В то время распространенной была и другая точка зрения, рассматривающая отношения между мужчинами и женщинами с «классовых пролетарских позиций». Победила идея вездесущего государственного контроля и регулирования отношений. Например, на партийных совещаниях рассматривались вопросы быта коммунистов, особенно акцентировалось на необходимости изучения семейной стороны их жизни. Особенно после того, как этот вопрос подняли в прессе и в губернские комитеты партии начала поступать информация о проступках коммунистов по этой линии. В Харькове летом 1923 г. проводились даже обходы квартир коммунистов членами райкомов с целью «ввести семейную жизнь коммунистов в рамки коммунистической этики». Для большего эффекта проводились опросы в коллективах, например, подчиненных о руководстве. Во второй половине 1920-х гг. на собраниях разного уровня разбирались многочисленные случаи «неморального» поведения людей, особенно показательные из них подлежали обязательному освещению в прессе. Студентов за такое поведение могли даже отчислить из учебного заведения.

Со временем выгодные советской идеологии нормы сексуального и брачного поведения стали нерушимыми и обсуждению не подлежали. Действительно «советский человек» должен был ориентироваться на моногамный брак, желательно один на всю жизнь, развод стал белым пятном на биографии и мог помешать карьере, добрачные связи стали считаться аморальными. Сексуальная раскрепощенность стала синонимом контрреволюционности. Возвращение к патриархальным нормам морали стало основой формирования двойных стандартов поведения.

Таким образом, со второй половины 1920-х гг. начинают формироваться новые взгляды на сексуальную и семейную жизнь в советском обществе, нормы частной жизни становятся подконтрольными. Все должно было соответствовать тезису о «новых красивых, здоровых отношениях», подчеркивать идеальность советской действительности.

Т.А. Самсоненко
Сочи, Сочинский государственный университет

ФОРМЫ И МЕТОДЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В ЮЖНО-РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ 1930-Х ГОДОВ

Мероприятия большевиков, предпринимавшиеся ими в области семейно-брачных отношений с момента прихода к власти в октябре 1917 г. и до конца 1930-х гг., отличались явной непоследовательностью. Первоначально лидеры и идеологи компартии, отдавая дань романтическим представлениям об устройстве социалистического общества, критиковали институты семьи и брака как пережитки «проклятого прошлого». Однако, по мере того, как росла заинтересованность новой большевистской элиты в укреплении государства, менялось и ее отношение к семье. В конечном итоге, новая власть выступила в защиту традиционных семейно-брачных отношений, отдавая себе отчет в их огромном значении в таких основополагающих для общества и государства сферах, как воспроизводство населения и социализация подрастающих поколений.

Эпоха «великого перелома» до предела актуализировала вопросы семьи и брака в связи с заметным спадом рождаемости и ростом смертности, произошедших в результате радикальных социально-экономических трансформаций конца 1920 – 1930-х гг.

Огромные безвозвратные потери южно-российская деревня понесла в ходе репрессий и, особенно, Великого голода 1932 – 1933 гг. По далеко не полным данным, в Северо-Кавказском крае голодомор унес жизни несколько сотен тыс. чел. Смертность в крае втрое превысила рождаемость (416,7 тыс. умерших против 138,9 тыс. родившихся); избыточная смертность, таким образом, составила 350 тыс. чел.[609]

---

[609] Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1 – 2. С. 3; Осокина Е.А. Иерархия потребления. С. 58.

Помимо потерь сельского населения, ставших следствием репрессий, голода, бегства крестьян из деревни, следует принять во внимание и произошедшее в условиях колхозной системы снижение рождаемости. В данном случае необходимо указать не только на ухудшение условий жизни, но и на изменения сельского уклада, повлекшие за собой определенные трансформации в крестьянской ментальности.

Исследователи справедливо указывают, что большевистские преобразования в деревне (в особенности, конечно, коллективизация) «означали активизацию демографического перехода к малодетной семье»[610]. Действительно, к исходу 1934 г. средняя семья единоличника Азово-Черноморского края состояла из 3,3 чел., Северо-Кавказского края – 4,17 чел. В семьях колхозников, в среднем, насчитывалось чуть более 4 чел.

Понимая, что снижение численности сельского населения будет препятствовать функционированию колхозной системы, представители власти пытались исправить это печальное положение. С возросшей активностью такие попытки предпринимались партийно-советскими органами во второй половине 1930-х гг. Одним из важнейших направлений оптимизации демографической ситуации в коллективизированной деревне Советского Союза (в т. ч. Юга России) стала забота о семье, причем, о семье многодетной.

Среди знаковых событий, свидетельствующих о существенном повышении внимания властей к вопросам семейно-брачных отношений и деторождения, следует указать решения второго Всесоюзного съезда колхозников-ударников (февраль 1935 г.) и постановление ЦИК и СНК СССР о запрещении абортов и стимулировании рождаемости, принятое в июне 1936 г.

Теперь аборты признавались совершенно нетерпимыми в советском обществе и допускались лишь в исключительных случаях, когда беременность превращалась в угрозу для здоровья и жизни женщины. Усложнялась процедура развода, повышались алименты.

Одновременно с карательно-запретительными мерами, предусматривались меры стимулирования рождаемости и поощрения рожениц и многодетных матерей. Следовало увеличить сеть родильных домов, детских садов и яслей. В частности, «в целях увеличения стационарной родильной помощи роженицам в сельских местностях» Советского

---

[610] Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897 – 1959 гг. М., 2009. С. 149.

Союза, надлежало «построить и ввести в эксплуатацию 32 тыс. родильных коек, из них за счет государственного бюджета 16 тыс. коек в родильных отделениях при сельских больницах и 16 тыс. коек путем организации колхозных родильных домов». При этом 25% расходов по организации колхозных родильных домов брало на себя советское государство[611].

Существенно повышались суммы единовременного пособия на покупку различных предметов ухода за новорожденным (с 32 руб. до 45 руб.) и ежемесячного пособия на кормление ребенка (с 5 руб. до 10 руб.). Предусматривалась практика материального стимулирования многодетных матерей. Матерям, у которых уже было 6 детей, при рождении седьмого и каждого последующего ребенка выплачивалось ежегодное (на протяжении 5 лет) пособие в размере 2 тыс. руб. Многодетные матери, уже имевшие 10 детей, при рождении одиннадцатого и каждого последующего ребенка также могли получать от государства пособие на протяжении 5 лет, но по иной шкале: в первый год им выплачивалось единовременное пособие в размере 5 тыс. руб., а на протяжении последующих четырех лет – ежегодно по 3 тыс. руб.

Во второй половине 1930-х гг. помощь многодетным матерям, проживавшим в сельской местности, оказывали не только кассы общественной взаимопомощи колхозников (КОВК) и (или) колхозы, но и государство в лице органов собеса. Из госбюджета выплачивались пособия многодетным матерям, установленные постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г.

По данным Азово-Черноморского краевого комитета компартии, к 1 января 1937 г. государственное пособие получали более чем 5 000 многодетных матерей, а общая сумма выплат составила около 9 млн. руб. В мае, июле, ноябре 1938 г. и феврале 1939 г. Ростовский облисполком рассмотрел заявления 93 многодетных матерей (из которых 79 проживали в деревне) и начислил им установленные законом пособия.

Государственные пособия многодетным матерям, установленные ЦИК и СНК СССР в июне 1936 г., являлись немалым подспорьем для семей колхозников.

---

[611] Постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов…» от 27 июня 1936 г. // Сокращенное собрание законов СССР и РСФСР для сельских советов. 1936. Вып. 13. С. 364.

Таким образом, одним из направлений семейной политики партийно-советских органов в коллективизированной деревне второй половине 1930-х гг. стала забота о семье, особенно многодетной. Было принято постановление ЦИК и СНК СССР о запрещении абортов и стимулировании рождаемости, в котором юридически обосновывался ряд мер нацеленных на улучшение медицинского обслуживания рожениц в колхозах, поощрение рожениц и поддержку многодетных семей.

Охрана материнства и детства, помощь семьям колхозников, особенно многодетным, являлись одними из приоритетных направлений деятельности КОВК и колхозов Юга России во второй половине 1930-х гг., именно они сыграли позитивную роль в реализации государственной семейной политики на селе.

Л.А. Явнова
Бийск, АГАО им. В.М. Шукшина

МАТЬ-ОДИНОЧКА, ЖЕНЩИНА-СОЛДАТКА: К ВОПРОСУ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ ПОВЕДЕНИЯ В 1930–1950 ГОДАХ

Гендерные стереотипы являются важнейшими механизмами гендерной социализации, помогающие поддерживать существование гендерных ролей. Поскольку в процессе трансформации распространяются разные модели семейного поведения, то представляется актуальным исследовать причины их распространения, социальное самочувствие людей – представителей типов семей, которые можно было бы отнести к «нетрадиционным». Одним из таких типов являются семьи (полные или неполные), образованные в результате рождения ребенка женщиной, не состоящей в браке.

В работах российского социолога И. Кона и американской исследовательницы Г. Лапидус предложена периодизация советской партийно-государственной политики в отношении сексуальности и женщины. Выделяют четыре периода советских гендерных отношений. Второй этап – начало 1930-х – середина 1950-х гг. – концептуализируется уче-

ными как тоталитарная андрогиния, как период экономической мобилизации женщин[612].

В данной статье анализируются материалы источников, относящиеся ко второму этапу гендерных отношений. Период конца 20-х – начала 30-х гг. можно охарактеризовать как «глобальную контрреволюцию», регулировавшую все сферы жизни общества репрессивными методами. В течение нескольких десятилетий партией был выпущен ряд законодательных актов, направленных на принудительное сохранение семьи (с помощью ужесточения процедуры развода) и деторождение (запрещение абортов с 1936 до начала 1955-х гг., отсутствие противозачаточных средств и т. д.). Тем самым репродуктивная способность женщины стала рассматриваться обществом как долг перед государством. Однако наблюдалось ущемление деревни в реализации программы охраны материнства: декретный отпуск был вдвое короче аналогичного отпуска для рабочих и служащих[613]. «До и после родов давали две недели, доярки на следующий день шли работать»[614].

В 1944 г. был принят указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям», по которому детей, рожденных вне брака, разрешалось принимать на государственное обеспечение в дома ребенка и детские дома. Заметную долю детей-сирот составляли младенцы, сданные в дома ребенка матерями-одиночками. Доля детей матерей-одиночек в домах ребенка к 1946 г. выросла и составила более половины от общего числа поступивших[615].

Указ Президиума Верховного Совета СССР 1944 г. придавал правовое значение только зарегистрированным бракам (при этом всем лицам, вступившим в фактические брачные отношения в период с 1926 г. по 1944 г., предписывалось зарегистрировать брак, в противном случае брак объявлялся не действительным). Указом также запрещалось установление отцовства в отношении детей, рожденных вне брака, что фак-

---

612 Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этакратический гендерный порядок. СПб., 2007. С. 101 – 102.

613 Денисова Л.Н. Судьба крестьянки в XX в: брак, семья, быт. М., 2007. С. 208.

614 Полевые мат-лы автора (ПМА) 2011, записано от Валентины Петровны Федоровой, 1928 г. р., с. Топольное, Солонешенский район.

615 ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 21. Д. 220. Л. 4, 173.

тически вновь вводило понятие «незаконнорожденный», ибо дети, рожденные вне брака, не могли получить фамилию отца, даже если последний давал на это согласие. Ребенку присваивалась фамилия матери, а в свидетельстве о рождении (метрике) в графе «отец» – ставился прочерк. Как указывает исследователь семейного права М.В.Антокольская, «этот указ отбросил наше законодательство на столетие назад»[616]. Таким образом, государство снимало ответственность за внебрачного ребенка с отцов и перекладывало ее на матерей и частично на себя, обязавшись выплачивать ежемесячные пособия на каждого рожденного вне брака ребенка. Так решался вопрос воспроизводства населения в военные и послевоенные годы. Понятие нормы семьи задавалось через конструирование понятия неполная семья, через дискредитацию фактических браков и материнских семей, введение в повседневную практику понятия «незаконнорожденный»[617].

В годы войны происходило сопутствующее кризисному времени сокращение брачности, рождаемости, рост числа разводов и – комплексно – незамужних, вдовых и разведенных женщин. Это меняло мотивации брака. Высокая ценность взаимных чувств была фактически заменена реальной нехваткой брачных партнеров. Поэтому созданные скорее из-за страха одиночества семьи не были особо прочны. Как отмечают многие респонденты в деревнях после войны много было женщин-солдаток и незамужних девиц. Женщины-солдатки – категория женщин, оставшихся без мужа. При этом тоска по любви часто приводила к коротким связям. «Мужиков после войны мало пришло на всех не хватало, а девок в деревне много… ты нам мужиков «привези», у нас бабы все кровь с молоком, здоровые, рослые, толстые… Часто бывало, что один мужик похаживал одновременно к трем «ухажеркам» (любовницам), склоки между бабами «за мужиков» были»[618]. Рост вне-

---

[616] Цитата по: Захарова О.В. Гендерные стереотипы в современном обществе: трансформационный аспект: Мат-лы конференции «Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе». URL: http://www.FST.MY 1.ru./1-1-0-8

[617] Рабжаева М. Историко-социальный анализ практик семейной политики в России XX века. URL: http://www.el-history.ru/node/326/

[618] Полевые мат-лы автора (ПМА) 2011, записано от Анастасии Дмитриевны Карцевой (Шкретовой) 1928 г. р. с. Тальменка Солонешенский район, Алтайский край.

брачных рождений был следствием особой демографической ситуации, сложившейся в результате войны, и государственной политики. Кроме того, малочисленность мужчин усиливала их значимость. «Мужик после войны стал повышаться в цене, даже если он пьет, бьет, только бы не остаться одной с детьми на руках, прокормить одной матери было очень сложно. Женщина работала и за мужика,… была ли я «женщиной»? сложно сказать[619]. Особенно остро проблема изменения полоролевых стереотипов, по мнению В.Н. Парамонова, касается женщин в связи с их все большим включением в «нетрадиционные» виды деятельности и связанной с этим необходимостью психологической перестройки[620]. Великая Отечественная война являлась таким условием психологической перестройки женщин. Война привела к изменению позиционирования себя женщиной. Общественное мнение еще превалировало над выбором женщины, растить ей ребенка одной или в семье. Так, Кон утверждает, что «войны, политические кризисы … создают повышенный спрос на героев-воинов и тем самым повышают ценность «маскулинных» качеств», иначе говоря, укрепляют поляризацию гендерных стереотипов.

Со второй половины 1950-х гг. наблюдалось увеличение добрачных сексуальных контактов и среди мужчин, и среди женщин. Это было следствием ослабления традиционных установок и запретов нравственного характера, набирающей силу эмансипацией женщин, роста независимости молодых людей от мнения старшего поколения и общественных оценок.

В результате всего вышесказанного мы приходим к следующему выводу. Гендерные стереотипы, несмотря на свою ригидность, все же способны к изменениям, однако степень и темп их трансформации зависит от многих факторов, как психологического, так и социального характера. К последним относятся, прежде всего, политико-

---

619 ПМА 2003, записано от Марии Алексеевны Ворониной (Кобелевой) 1923 г. р. с. Титово Тогульский район, Алтайский край. Материалы лаборатории этнокультурных исследований (ЛЭИ) факультета истории и права 2011 г. (Солонешенский район Алтайский край).

620 Парамонов В.Н. Психологический портрет мужчины и женщины в сфере управления // Женщины и общество: вопросы теории, методологии и социальных исследований: Мат-лы III Межд. науч.-практ. конф. Ижевск, 1997. С. 88.

экономический строй государства и его политический режим, социально-культурные трансформации, происходящие в обществе.

А.Д. Любимова
Саратов, Саратовский государственный технический университет

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОНОРОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПОЗДНЕГО СССР

В советский период семейная политика являлась важным направлением государственной деятельности. Забота о материнстве и детстве распространялась не только на нуклеарные семьи, но и на неполные. В советское время к таким семьям сложилось неоднозначное отношение как со стороны государственных структур, так и со стороны общественности. В связи с этим представляется важным выявление и анализ противоречий, возникающих между функциями заботы и контроля над советскими неполными семьями. В исследовании мы обращаемся к периоду с 1965 по 1991 гг., так как на данном этапе уже сложилась структура институтов, осуществлявших заботу и контроль над неполными семьями, а также это весьма интересное и неоднозначное время, включающее в себя периоды «брежневского застоя» и «горбачёвской перестройки», характеризующееся устойчивым комплексом предрассудков в отношении неполного родительства.

Анализ советских периодических изданий позволяет выяснить, каким образом представлен феномен неполного родительства в медийном пространстве позднего СССР. В качестве источника исследования был использован ежемесячный журнал «Работница», потому что целевой аудиторией журнала являлись женщины, занятые в промышленности. Предметом нашего интереса стали публикации, в которых освещаются различные аспекты неполного родительства. По данным анализа «Работницы» можно выделить следующие образы неполных семей: «семья девиантная», «семья опекаемая», «семья борющаяся», «семья униженная», «семья нуждающаяся». Подробная рефлексия конструируемых в СМИ образов неполного родительства позволяют нам рассмотреть основные проблемы таких семей, представленные в официальном дискурсе, а также раскрыть процессы стигматизации, нормализации, солидарности одиноких родителей.

«Семья нуждающаяся». Данный образ присутствует в публикациях за весь исследуемый период. Однако статей, посвящённых бедственному положению одиноких родителей не очень много, что объясняется желанием власти не разглашать данную проблему. Материальный статус домохозяйств монородительской семьи позиционируется как один из наиболее низких по отношению к другим домохозяйствам в СССР: «Дети одиноких матерей оказались в неравноправном материальном положении».

«Семья девиантная». О данном типе монородительства можно говорить как о стереотипном, концентрирующем в себе негативно окрашенные обобщённые суждения о таких семьях. Девиантное поведение приписывалось женщинам, имевшим опыт внебрачного материнства, и семьям, пережившим развод.

Проблема разводов начинает активно обсуждаться в публикациях второй половины 1970-х гг. и продолжает быть дискуссионной темой в 1980-е гг. Интерес к данному вопросу объясняется значительным увеличением случаев расторжения брака, что связано с упрощением данной процедуры в 1965 г.: «В соответствии с данными переписи 1970 г., Россия и другие страны бывшего СССР (например, Эстония) были среди тех, которые демонстрировали наиболее высокие показатели по числу одиноких родителей в мире и около 12 процентов всех семей с детьми». Обеспокоенное увеличением случаев разводов правительство начинает борьбу с данным явлением, основным механизмом которой стала стигматизация разведенных женщин, что нашло свое отражение в прессе: «Не потому ли много сейчас разводов, что прежде всего в женщине воспитали небрежное отношение к семье?».

«Семья борющаяся». Сюжеты о таких семьях являются популярными во второй половине 1960-х гг. Как правило, главной героиней статьи становилась «сильная женщина», которая, несмотря на отсутствие мужа, смогла воспитать детей достойными людьми: «Сейчас все чаще вспоминаю как много мама работала – днем в поле на прополке свеклы, ночью на току. Тяжело ей было, а она нас с сестрой воспитывала, учила, стремилась, чтобы мы с сестрой выросли хорошими людьми». Мы не находим в публикациях информации о государственной помощи, зато видим явный призыв к одиноким матерям пополнять ряды пролетариата.

«Семья униженная». В 1960-е гг. многие публикации задают определенный тон в отношении к одиноким матерям, как к униженным,

страдающим от презрения со стороны государства и общества: «Не знаю почему, не знаю отчего, но бытует ещё у нас презрительное отношение к матерям-одиночкам». В данный период СМИ писали, что наиболее актуальной проблемой монородительства являются дискриминационные практики, утвердившиеся в обществе при Сталине: «Иногда мы разрешаем ханжам выступать от имени общественного мнения, осуждать матерей-одиночек (а что значит одинока, да их с ребёнком уже двое!), убивать в тех, кому и без того бывает нелегко чувство собственного достоинства и веру в себя». Внимание к стигматизации одиноких матерей связано с политикой, продолжавшей процесс развенчания культа личности Сталина. Но, конечно, основным моментом выступила необходимость демографического подъёма страны, ведь Великая Отечественная Война обернулась для СССР миллионами человеческих жертв.

«Семья опекаемая». Героями публикаций являются монородительские семьи, окруженные заботой государства и общественности: «Много сделано для тех, кто растет без отцов: увеличена государственная помощь матерям, создан алиментный фонд». Институты социальной поддержки монородительства – профсоюзы, здравоохранение, образование – были широко представлены в СМИ и преподносились как исключительное достижение Страны Советов.

Рассмотренные средства массовой информации раскрывают контролирующую направленность государственной заботы над монородительством в позднем СССР. Посредством официального дискурса в обществе утверждалась модель семьи, достойной общественной и государственной помощи. Государство, находившееся на позиции неприятия внебрачного материнства и «разведенок», старалось принизить статус таких семей, активно привлекая к этому процессу прессу. Подобные действия способствовали тому, что на уровне массового сознания монородительство начинало рассматриваться как общественная патология.

Н.В. Клековкина
Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

РОЛЬ СЕМЬИ В ОФИЦИАЛЬНЫХ ПРАЗДНИКАХ БРЕЖНЕВСКОЙ ЭПОХИ

Пример двадцатого столетия демонстрирует опыт создания новой системы праздников в рамках идеологических потребностей советско-

го государства. При этом изменениям подвергалось не только содержание, но и организационная форма праздничных мероприятий. Речь идёт о возникновении демонстраций и спортивных шествий[621].

Однако невозможно говорить о неизменной традиции советского праздника. Причины смены и механизмы реализации новаций в рамках брежневской эпохи попытаемся раскрыть с опорой на материалы казанской праздничной обыденности. Прежде чем описать характер изменений, попытаемся объяснить причины. С появлением индивидуальных квартир свободное время принимало рекреационно-развлекательный характер, досуг привязывался к дому – телевидение и радио заменяли посещение кино, театров и массовых мероприятий. Это в свою очередь усиливало потребность вернуть горожан под воздействие институтов индокринации. Прежняя традиция массового праздника испытывала сложности – энтузиазм сменялся привычкой, большая часть участников оставалась незнакомцами. По общесоюзной статистике, четверть горожан не участвовала в массовых праздниках[622].

Любой праздник можно рассматривать как место памяти, имеющее материальный, символический и функциональный смысл[623]. Признавая наличие идеологического наполнения, попытаемся рассмотреть символическую основу. В первую очередь её составляло возвращение к революционной тематике. Проявление официального характера выразилось во вручении трудовых наград как признаков социальной значимости и жёстком контроле, порождающем отсутствие возможности отклонения от норм общественного порядка.

В рамках советской системы ещё на раннем этапе был выработан треугольник большой семьи. При этом образ отца являл не действующий, а контекстный персонаж, образ высшего порядка, а у матери была более очевидна связка с народом (конструируемая женственность включала плодовитость и красоту). Теоретические наблюдения подтверждаются анализом перечня мероприятий. Большая часть обращена к мамам и детям. Исключительно женщинам адресованы встречи с

---

621 Немиро О.В. Праздничный город. Искусство оформления праздников. История и современность. Л., 1987. С. 117.

622 Там же. С. 174.

623 Нора П. Между памятью и историей: Проблематика мест памяти. СПб., 1999. С. 40.

матерями-героинями; лекция о правах женщин; беседы с косметологом, поваром, мастером химчистки, модельером; занятия по сервировке стола и вопросам современного жилого интерьера, семейного бюджета; демонстрации моделей одежды и причёсок (реже для детей, почти единично для мужчин). Для малышей придуманы кукольные спектакли, гости из зоопарка, катание на пони, игровые комнаты с автоматами, встречи со сказительницей, мультфильмы, конкурсы поделок, рисунков на асфальте. Отцам предлагается лишь шахматный турнир, соревнования по стрельбе из пневматической винтовки, конкурс по вождению автомобиля (спортивный акцент – единственный – проявляется явно), консультации по ремонту бытовой техники, встреча с автором книги «100 советов любителю мастерить» (хозяйственные функции заметны реже) или аморфная конференция отцов с не очень внятной программой обсуждений.

Отмеченное разделение членов семьи компенсировалось обращением к свадьбе как гармоничному синтезу мужского и женского. Практика публичного бракосочетания внедрялась как новая обрядовость, но была далеко не всеми однозначно воспринята. Для устроителей праздники они были в первую очередь механизмом внедрения гражданских ритуалов, «способствующим формированию коммунистического быта, влияющим на организацию досуга и отдыха, удовлетворяющим духовные и культурные запросы, служащим средством атеистической борьбы»[624]. Другие призывали к созданию тёплой семейной атмосферы.

Как серьёзное мероприятие праздник предполагал подготовительный этап – рассылку приглашений, конкурс сочинений, рекламу на транспорте, специальный номер районной газеты. Работа по созданию настроения идеально выражена фразой «исподволь готовить праздник в душе»[625].

Ответственность за подготовку и проведение торжеств разделялась между работниками райкомов КПСС, ВЛКСМ, оформительскими силами школ и Домов культуры. Специфика советского стиля управления проявилась в подготовке праздничного оформления: сверху предприятиям спускались наряды на изготовление инвентаря для торжеств. Создавались группы по организации работы транспорта, торговли, медицинского обслуживания, охране общественного порядка. В

---

[624] ЦГА ИПД РТ. Ф. 19. Д. 744. Л. 50.
[625] ЦГА ИПД РТ. Ф. 16. Д. 1130. Л. 13.

подготовке к празднику была задействована и общественность: проводились субботники, обновлялась покраска, строились заборы, высаживались цветы, асфальтировались дорожки, устанавливались урны и даже иногда сносились ветхие дома. Хотя механизм подготовки праздничного пространства в большей степени был камуфлирующим.

Организаторы стремились разработать разнообразную программу. Но некоторые мероприятия просто срывались: отсутствие лекции главного врача было связано с его предпочтением принимать гостей дома[626]. Этот пример демонстрирует постоянную проблему: максимальное количество участников можно было собрать именно в праздничный выходной, но при этом сложнее было обеспечить наполнение программы.

Усиление функциональной осмысленности мероприятия для самих участников было связано с потребительским компонентом. Причём он продумывался организаторами очень тщательно. Например, торговые организации обязывали «осуществить торговлю продуктами, кулинарными изделиями, полуфабрикатами, прохладительными напитками»[627]. Ассортимент буфетов включал сок, воды, лимонад, пиво, шампанское, сухое вино, конфеты, сигареты, консервы, печёные изделия, жареных кур и индеек, жареное мясо, блины, салаты, заливное[628]. Иллюзия изобилия была присуща лишь планам, в обзорах отмечается проблема с ассортиментом и количеством привезённых товаров, некоторые торговые киоски вообще не открывались или работали до обеда[629].

В домашнюю атмосферу семейного праздника вклинивалась официальная иерархичность – приглашённые гости отличались включением в отдельные списки. Например, ветераны труда, победители соцсоревнований, передовики производства, значимые персоны из обкома, Совета министров или Президиума Верховного Совета республики. Это создавало неприятие со стороны менее значимых участников. В ряде анкет часто отмечается безразличие к человеку – «не пускали, все ждали на улице целый час и возмущались»[630].

---

626 ЦГА ИПД РТ. Ф. 841. Д. 2511. Л. 53.
627 ЦГА ИПД РТ. Ф. 841. Д. 2756. Л. 1.
628 ЦГА ИПД РТ. Ф. 841. Д. 841. Л. 98.
629 ЦГА ИПД РТ. Ф. 841. Д. 841. Л. 50.
630 ЦГА ИПД РТ. Ф. 841. Д. 2756. Л. 44.

По сведениям социологического исследования 1977 г. (когда праздник семьи представлял новое и непривычное явление) 67% опрошенных он нравился. Но со временем проблема повторяемости сценарных ходов и неидеальность их исполнения снизила интерес. Основываясь на пятилетнем опыте, в одном ДК пришли к выводу, что интерес упал, обнаружив, что число посетителей сократилось в 3 раза, а в другом рапортовали, что «праздник стал неотъемлемой частью культуры трудящихся и к нему проявляет интерес всё большее количество людей». Видимо, здесь мы сталкиваемся с двумя полюсами искренности или расхождением между желаемым и действительным.

Со временем праздники начали повторяться по несколько раз в год. Оттого даже плакаты издавались по клише лишь со сменой даты. Попытки внести разнообразие сводились к перетасовке поводов, объединяемых в праздник: к 8 марта добавлялись проводы зимы. Именно этим обозначается начало отказа от семейных праздников районного масштаба.

Частота обращения к праздникам семьи свидетельствует о степени одновременной приемлемости этой категории для власти и горожан.

Отказ от новой традиции, наблюдаемый в финале «брежневской эпохи», отражает провал попыток компромисса частного и общественного как на уровне идеи (дискредитированной многократным повторением), так и на уровне практики (сведённой от семейной соразмерности к официальной помпезности).

Пример, являющий скорее казус, может рассматриваться и как доказательство деидеологизации общественной жизни.

С.И. Аккиева
Нальчик, ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН

БРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ БАЛКАРЦЕВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Брак у балкарцев, как и у многих народов, был строго экзогамным. Экзогамия распространялась как по материнской, так и по отцовской линии до седьмого поколения. Балкарцы соблюдали порядок старшинства в семье. При выборе жениха и невесты учитывались многие параметры: материальное положение семьи, репутация в обществе, количество детей и половой состав семьи, из какого рода не только отец, но и мать невесты, наличие болезней у близких родственников. Брачный

выбор осуществлялся, как правило, родителями брачующихся, а сам брак совершался путем свободного договора с родителями невесты.

Разводы были редким явлением, но допускались в случае бездетности жены, болезни одного из супругов, грубости мужа и нерадивости жены.

Условия формирования семьи и брачное поведение стали меняться с приходом советской власти и определялись возможностями в сфере культуры, образования и т. д., которые осваивались преимущественно мужчинами, а женщины продолжали жить согласно традиционным нормам[631]. В этот период отмечается рост числа межэтнических браков балкарцев мужчин, имеющих высокий образовательный уровень, с женщинами, которые были включены в общественное производство (в основном с русскими, армянками, еврейками и др.).

Великая Отечественная война и депортация, которой был подвергнут балкарский народ в 1944 г. привели к серьезным изменениям в половозрастной структуре балкарцев, что сказалось на положении женщины и отразилось на брачном поведении мужчин и женщин. В этот период отмечается рост межэтнических браков балкарцев с представителями других народов (русскими, украинцами, казахами, киргизами, узбеками, российскими немцами и др.). В депортационный период происходит изменение инструментального отношения к детям. Не только мальчики, но и девочки воспринимаются , как будущие кормильцы, те, кто обеспечит уход и заботу в старости. В общественном мнении превалирующим становится представление о девочках как более «надежных» кормильцах, чем сыновьях. Родители не рассматривают замужество девочек как (единственный), достиженческий идеал. Девочкам стараются дать образование, хорошую специальность, поддерживают карьерные устремления.

В 60–80-е гг. XX в. усиливается ориентация на моноэтнические браки, как среди женщин, так и среди мужчин. Стратегия на закрытые в рамках этноса браки на фоне активной интернационализации выступали защитным механизмом сохранения и воспроизводства этнической культуры, этнической идентичности.

---

631 Темкина А. «Подчинение старшим» vs. Разрешение патриархата: женская сексуальность в браке (Северный Таджикистан).
URL: http://old.eu.spb.ru/socio/staff/files/temkina.pdf

Ориентация женщин на получение образования, карьерный успех, брак по старшинству и ориентация на моноэтнические браки, а также ряд других факторов приводят к тому, что часть женщин остаются одинокими. С 70-х гг. в балкарской семье набирает обороты и процесс смены гендерных ролей в семье, связанный с увеличением экономического вклада женщины, который был равен мужскому, а часто превышал его. В молодых семьях, живших отдельно от родителей, это вело к двойному главенству мужа и жены в семье. В конце 80–90-е гг. XX в. экономические причины привели к тому, что женщинам пришлось практически полностью взять на себя материальное обеспечение семьи, что вело нередко к потере мужчинами своего главенствующего статуса в семье. В этот же период отмечается смягчение жесткой традиции в брачном поведении: вступление в брак по старшинству (сначала старший, затем младший) соблюдаются не столь строго; все чаще происходит нарушение экзогамии на браки по материнской и отцовской линии, а потому в порядке вещей становятся браки между родственниками в пятом-четвертом и даже третьем колене родства (как по материнской, так и по отцовской линии), но при этом сохраняется жесткий запрет на браки внутри одной родственной фамилии.

В условиях социальной трансформации конца XX – начала XXI в. в кабардино-балкарском обществе происходит возрождение традиционных институтов: семьи, рода, родственных связей. Если в патриархальной среде род обеспечивал различные виды помощи и защиты для своих членов в сложных жизненных условиях, то в настоящее время семья, род, фамилия, приобретают большую силу и влияние на жизнь индивидов и становятся своего рода «социальными лифтами и фильтрами» для продвижения индивидов в социальной структуре общества. В новых условиях возрастает значение брака как социального капитала, а сам брак рассматривается как совершение выгодной сделки, заключения выгодной партии. Брачный рынок все больше воспринимается в терминах выгод и издержек. При выборе брачного партнера определяющим является статус семьи жениха или невесты, их родных, материальные и социальные выгоды, которые можно извлечь из брака. Эти факторы оказывают влияние и на рост числа межэтнических браков. Заключение брака с представителями другой этнической группы, влиятельного рода усиливает социальный капитал брачующихся и их родных. Рост числа межэтнических браков можно рассматривать как процесс демократизации отношений в семье и возрастания роли молодежи при выборе брачного партнера. Вместе с

тем, это не дает повода для абсолютизации тезиса, заключения браков по личному выбору молодых. Материалы моего исследований и исследований коллег показывают, что в ответах информантов преобладает вариант о предпочтительности вступления в брак по собственному мнению, но учитывая мнение родителей[632]. На важность мнения родителей при выборе брачного партнера указывает и известный исследователь северокавказской семьи Я.К. Смирнова[633].

У балкарцев в большинстве случаев молодые на первых порах живут в родительской семье мужа. Если в доме живут еще неженатые сыновья, то молодая семья быстро выделяется из старой семьи, в которой родители еще работоспособны. Однако если родители пожилые и в доме нет других детей, то молодые, как правило, должны жить со стариками. При этом старики и молодые ведут совместное хозяйство, но заработная плата молодой невестки не тратится на нужды семьи, а остается в ее личном распоряжении. Нередко взаимоотношения между старшим и младшим поколением служит одной из причин распада молодой семьи, а порой приводит к обесцениванию позиций старших, которым приходится мириться с неуважением и отсутствием внимания со стороны молодого поколения. При характерном для современности разрыве взаимных обязательств между поколениями происходит утрата властных позиций старшим поколением. При таком положении дел пожилые люди оказываются в позиции слабых и беззащитных[634].

В большинстве балкарских семей традиционное распределение ролей в семье сохраняется, мужчина формально является добытчиком, а женщина, даже работающая, берет на себя домашние обязанности, воспитание детей и др. женские обязанности.

Под влиянием стремительно изменяющихся социальных, этнокультурных, миграционных процессов, роста образования населения, изменения материальных условий жизни происходят изменения в брачном

---

[632] См.: Тхамокова И.Х. Урбанизация и семья русского населения КБР // De Caucaso. Историко-этнографический альманах. Карачаевск, 2009. Вып. 1.

[633] Смирнова Я.С. Брак по сговору на Кавказе: формы и эволюция // ЭО. 2006. № 6. С. 168.

[634] Лыткина Т. Трансформация гендерного порядка: от традиции к современности. Опыт этносоциологического анализа Северного Кавказа // Laboratorium. 2010. № 3. С. 124.

поведении балкарцев, что отражается на внутрисемейных отношениях, положении женщины и мужчины в семье.

Е. Н. Квилинкова
Кишинев, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ГАГАУЗСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ ОБРЯДНОСТИ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Внутренний мир человека, его индивидуальные чувства, личный взгляд на мир, а также нормы и установки, связанные со взаимоотношениями между полами, различными сторонами семейной жизни, довольно полно отражены в гагаузской традиционной обрядности.

Под изучаемыми нами ментифактами относительно гендерных стереотипов понимается модель межполового взаимодействия, определяемая установками, сформированными на основе традиционных норм и ценностей. В данной статье использован этнографический и фольклорный материал, собранный автором во время индивидуальных полевых исследований по гагаузским селам Республики Молдова и Болгарии в 2001 – 2007 гг.

В гагаузской семье традиционно взаимоотношения мужа и жены основывались на господстве патриархальных устоев. Главой семьи считался дед с отцовской стороны, а если его нет, то отец. В случае смерти отца главой становился старший женатый сын. Жена выступала в качестве главы семьи лишь в том случае, если ее сыновья были несовершеннолетними.

В гагаузском сознании распространены патриархальные доминанты, которые обосновывают социальную дифференциацию полов. Ведущая роль в семье и обществе «по праву» принадлежит мужчине, а женщине отводится подчиненная, пассивная роль. Благодаря четкому следованию традиционным установкам в общественном сознании, стереотипы мужского доминирования и женской подчиненности воспринимались как выражение «мужественности» и «женственности». Так, стереотип «женственности» может быть выражен через черты, характеризующие образ женщины: она должна быть скромной, послушной, верной, хозяйственной, заботливой и др. В основе прав и обязанностей женщины лежат мировоззренческие установки традиционного общества. Женщине запрещалось проливать чью-либо кровь (резать домашнюю птицу или животных), так как задачей женщины

было продолжение жизни, забота о муже и детях. Мужчина наделялся такими качествами как сила, власть, независимость в решениях и суждениях (в вопросах, затрагивающих сферу мужских видов деятельности), смелость, удаль, ревность.

Производственная деятельность носила характерное для традиционного общества разделение по половозрастному признаку: «мужские» (земледелие, скотоводство) и «женские» (обработка продуктов земледелия и скотоводства) работы. Кроме того, все необходимые хозяйственные отношения и договоры велись только мужчинами. Данная дифференциация в вопросах семейного потребления и организации быта в значительной степени сохраняется в гагаузских селах юга Молдовы и в настоящее время. Неравенство полов и подчиненное положение женщины, освящалось временем, народной традицией, которая была непререкаема. Оно связывается информаторами с грехом Евы, первой нарушившей запрет Бога[635].

Как в семье, так и в обществе статус мужчины и женщины был определен правилами поведения, нормами этикета, которые закрепляли и освящали подчиненное положение женщины на бытовом уровне. Именно в нормах этикета в определенной степени проявляется восточная окраска. Женщина, выходя замуж, входила в родственную группу мужа, утрачивая свое «членство» в группе отца (патрилинейный счет родства). В нормах традиционного этикета гагаузов заложено психологическое подчинение женщины мужчине. Оно выражалось в исполнении ею строго установленных повседневных обязанностей, с помощью которых необходимо было демонстрировать мужу и его отцу свое уважение и почитание. До середины XX в. сохранялся обычай, согласно которому женщина должна была в течение всей своей жизни мыть мужу и свекру голову и ноги, что являлось признанием их главенства и знаком уважения по отношению к ним.

При «выходе в общество» жена должна была идти на 2–3 шага позади мужа. Независимо от возраста женщина должна была уступать дорогу мужчинам и мальчикам старше 7 лет. Из этого видно, что уже с 7 лет начинался процесс дифференцированного воспитания мальчи-

---

635 Квилинкова Е.Н. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев, 2007. С. 192 – 216.

ков и девочек, которым прививались традиционные гендерные модели поведения.

Составной частью обычного права является соблюдение в определенной форме сегрегации полов: на праздниках (на свадьбах, при застольях, на хороводах) и поминках (в поминальной трапезе) и т. д. Правила этикета запрещали женщине разговаривать с посторонним мужчиной без разрешения мужа. При посещении гостей обязанностью женщины было нести поклажу с продуктами. Даже если мужчина шел налегке, маленький ребенок должен был находиться на руках у женщины, так как мужчина, несущий ребенка, подвергался осуждению (*аүıр*) со стороны общественного мнения (даже со стороны пожилых женщин). Данная модель поведения определялась традиционными нормами взаимоотношения полов, основанными на четком разграничении статусов, а также мужских и женских обязанностей и не воспринималась самими женщинами как дискриминационная. Наоборот, отклонение от нее рассматривалось как нарушение освященных временем традиционных норм.

Статус женщины как в семье, так и в обществе находился в прямой зависимости от ее возраста, социального положения и отношений свойства. Старшинство женщин устанавливалось по статусу их мужей (по возрасту или по времени изменения мужем социального положения, то есть венчания). Жена младшего брата подчинялась жене старшего брата, даже если она была старше последней. В тех случаях, когда свойство входило в противоречие с возрастом, во главу угла ставили отношения свойства. В целом положение женщины в обществе было довольно высоким, чему способствовала имевшая место у гагаузов гибкая система взаимоотношений, определявшая женщин в некоторых общественных ситуациях «старше» мужчин. Однако верховенство женщин в этикете не означало их верховенства в жизни. Таким образом, сохранялся принцип главенства мужчины, но роль и значение женщины не игнорировались.

Отметим, что в гагаузских селах юга Молдовы традиционные нормы поведения сохранялись вплоть до 70-х гг. XX в. Процесс глобализации, составной частью которого является эмансипация женщин, не обошел стороной и гагаузскую глубинку. В настоящее время на плечи гагаузских женщин тяжелым грузом легла обязанность выполнять функцию кормильца семьи, для реализации которой они уезжают на заработки за границу (в Турцию, в Россию). Стремительно трансфор-

мируется традиционная модель поведения мужчины и женщины как в семье, так и в обществе. Многие семьи из-за этого распадаются. Возвращаясь обратно в свой дом и село, женщины вынуждены психологически перестраиваться на те отношения, которые там продолжают сохраняться: соблюдать установленную в обществе традиционную модель поведения и т. д. Данная задача далеко не всегда решается ими успешно. Во многом изменились и функциональные обязанности части гагаузских мужчин, которые вынужденно оказались в роли не только отца, но и матери.

Таким образом, глобализационные процессы оказывают разрушительное действие не только на традиционную систему ценностей, но и на семью как основную ячейку общества.

И.И.Калачёва, К.Н. Адамчик
Минск, Белорусский государственный университет

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ СЕМЕЙНЫХ И СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БЕЛОРУССКОЙ СЕМЬЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Трансформации, произошедшие в последние десятилетия XX – начале XXI в., затронули все структуры функционирования белорусской семьи, что повлияло на ее гармоничное устойчивое развитие.

Наблюдаются процессы, характеризующие несоответствие между мотивацией на создание семьи и реальной семейной жизнью. Рассмотрим, к примеру, некоторые результаты социологических исследований, проведенных в рамках реализации Программы демографической безопасности, действовавшей в Республике Беларусь в 2007–2010 гг. Мотивами, которые руководствовались молодые люди при вступлении в брак, были следующие: 27,1% женщин и 29,5% мужчин, вступая в брак, хотели юридически оформить уже имеющиеся отношения; 71,7% женщин и 68,7% мужчин считали, что главным мотивом вступления в брак является любовь; мотив – общие интересы и увлечения с избранником (избранницей) выбрали 21,1% женщин, 15,8% мужчин; мотив – вступление в брак в связи с ожиданием ребенка характерен для 22,5% ответивших женщин и 23,0% мужчин; мотив – желание продолжить себя в детях избрали 29,5% женщин и 30,6% мужчин; мотив – престижность положения семейного человека выбраны 8,6% женщин и 10,8% мужчин.

Преимущество, как очевидно, при создании семьи отдано любви как основе семьи и брака. При этом наблюдается различие между желанием реализовать себя в любви к другому человеку и семейным статусом. Острой проблемой остается высокий уровень разводимости семейных пар: практически, половина из вступивших в брак, через год–два разводятся.

По мнению тех, кто состоит в браке причинами, способствующими разводу, являются следующие: злоупотребление алкоголем, финансовые трудности, отсутствие нормальных жилищных условий. Достаточно большой выбор отдан причине, связанной с готовностью супругов к семейной жизни: более половины опрошенных считают, что именно неготовность супругов к «строительству» семьи приводит к ее разрушению.

Более трети опрошенных высказали мнение об отсутствии между супругами духовной близости, общих интересов. Важным оказалось мнение об автономном проживании семьи. 48,2% женщин и 41,2% мужчин считают, что вмешательство родителей в семейную жизнь послужило причиной для развода.

Таким образом, очевидно, что в структуре добрачных, семейно-брачных отношений имеется ряд расхождений между идеальными представлениями молодых пар и реальной повседневной практикой.

Многие учёные, анализируя феномен готовности к браку, указывают на необходимость прохождения молодыми людьми добрачного этапа. В белорусском обществе распространение получили так называемые гражданские браки (сожительства). Оценка сотен мнений респондентов, сделанных автором на протяжении последних 5 лет свидетельствует о разных мнениях, закрепившихся в общественном сознании. Но все же большинство опрошенных, в особенности девушки, выражают мнение о необходимости придерживаться принятых в белорусском обществе норм – создания семьи и регистрации брака в официальном порядке. В последнее время, в частности, получил распространение брачный договор, который возможно окажет существенное влияние на укрепление семьи.

Есть ли опасность в массовом распространении гражданских браков или так называемых добрачных экспериментов? Официальная статистика свидетельствует, что каждый пятый ребенок в Беларуси рождается вне официально зарегистрированного брака. Высокая доля таких рождений отмечается у матерей в возрасте 20–29 лет (38% от

всех родившихся) и матерей в возрасте 35–39 лет и старше (31%). Сравним: в 1990 г. количество детей вне брака составляло 8,5% от всех родившихся, в 2000г. – 18,6%, в 2008 г. – 20,1%, в 2009 г. – 20%.

Конечно, этот факт не обозначает, что дети, рожденные вне брака, в процессе незавершенных семейно-брачных отношений остаются без внимания обоих родителей. Однако, во многих случаях имеет место низкий уровень ответственности мужчины, поэтому привлечение отцов к воспитанию детей затруднительно: встает вопрос о необходимости целенаправленной работы с отцами и будущими отцами. Интересным опытом, который получил распространение в республике является опыт «Папа–школ», представляющий собой уникальный социокультурный проект, направленный на обучение науке «быть отцом».

Эксперты считают, что авторитетным мужчина может быть в случае доминирования его главной социально признанной в обществе и одобряемой в семье роли – роли «добытчика», кормильца семьи. Почти в каждом втором ответе звучало мнение о важности высокооплачиваемой работы мужчины, позволяющей обеспечить нужный достаток семье (в качестве экспертов выступили социальные работники, 50 чел., 2010 г.). А роли мужчины как воспитателя в семье отводилось только третье место. Как видно из ответов, по-прежнему, сильны стереотипы восприятия мужчины с позиции традиционности. С одной стороны, это сильная сторона данного явления, свидетельствующая о сохранении преемственности между поколениями в ценностных ориентациях. С другой стороны, – статистика долгожительства мужчин неумолима: очень многие из них умирают рано. Поэтому возможно пришло время более пристально посмотреть на проблему. Ведь формы конструирования мужского образа достаточно многообразны. Современная инфраструктура городского образа жизни может помочь мужчине, семье менять свои установки, формировать новые черты поведения, что в целом будет благотворно влиять на семейные роли и статусы.

С.В. Несына

Петрозаводск, Карельская гос. педагогическая академия

ОБРАЗ БУДУЩЕЙ СЕМЬИ СОВРЕМЕННЫХ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Современные глобальные общественные изменения затрагивают все сферы жизни человека. Происходит формирование нового исторического типа семьи – «супружеская семья».

Результаты эмпирических исследований последних лет показывают, что современное отношение к семье в России довольно противоречиво и представляет собой смешение традиционных и демократических взглядов. В данном контексте приобретает актуальность изучение образа будущей семьи юношей и девушек. Образ семьи можно определить как суждения членов семьи о своей семье, который представляются им очевидными и которыми они руководствуются в своем поведении.

В нашем исследовании приняли участие 270 юношей и девушек (старшеклассников и студентов). Для сбора эмпирических данных применялись опросники и незаконченные предложения.

В исследуемой группе профессиональная жизнь и образование являются ведущими жизненными сферами, значимость семьи менее выражена. Материальное благополучие, духовное удовлетворение и достижения – наиболее важные ценности современной молодежи. В исследовании представлений о будущей семье обнаружена выраженная ориентация на внешнюю социальную активность.

В браке юноши и девушки ориентированы на партнерство, выполняющее эмоционально-терапевтическую функцию. Выраженная готовность помогать и сочувствовать – наиболее предпочтительные черты будущего партнера. Однако, внешняя привлекательность является самым важным фактором выбора супруга.

Родительство характеризуется высокой значимостью. Юноши в большей степени готовы выполнять родительские обязанности в семье, девушки имеют более высокие социальные и профессиональные притязания.

Хозяйственно-бытовые вопросы семейной жизни участники исследования готовы решать совместно. Представления юношей и девушек по таким параметрам, как отношение к людям в целом, к деньгам, сексу, разводу, к чувству долга, согласованны. В представлениях юношей и девушек о будущей семье встречаются как эгалитарные, так и традиционные (патриархальные) установки.

Юноши и девушки довольно содержательно описывают обязанности супругов, при этом, представления участников исследования о правах мужа и жены в семье характеризуются недостаточной дифференцированностью.

Образ будущей семьи юношей характеризуется следующими особенностями. Юноши более ориентированы на партнерство в браке,

предполагающее наличие общих интересов, потребностей, ценностных ориентаций, способов времяпрепровождения. Юноши либо признают главенствующую роль мужчины в семье, либо готовы к равноправным отношениям, но, в представлениях юношей роль женщины в семье традиционна («хранительница семейного очага»). Юноши ожидают, что будущая жена возьмет на себя роль эмоционального лидера, будет создавать благоприятную психологическую атмосферу в семье. Для довольно большой части юношей желательными качествами будущей супруги являются стремление к сотрудничеству и дружелюбие. При этом юноши признают необходимость самореализации супруги в профессиональной сфере и важность внесемейных интересов будущей жены.

Образ будущей семьи девушек характеризуется следующими особенностями. Девушки более ориентированы на внешнюю социальную активность и самореализацию во внешнем мире. Для них более важными являются внесемейные интересы и ценности. Выявлены различия в представлениях девушек об обязанностях мужчины в семье: с точки зрения девушек, мужчина в семье обязан больше «участвовать в воспитании детей», «помогать жене в выполнении домашней работы», «заботиться о семье».

Для девушек более значима эмоционально-терапевтическая функция семьи, но, при реализации данной функции девушки ориентируются на взаимную моральную и эмоциональную поддержку. Участницы исследования рассматривают семью как среду, способствующую психологической разрядке и стабилизации. Анализ описаний личности будущего мужа показал, что для большой группы девушек значимо, чтобы будущий муж был наставников, советчиком, организатором семейной жизни. При этом, выбирая партнера, девушки чаще ориентируются на «модный тип» внешности.

Только в группе девушек встречаются высказывания о главенствующей роли женщины в семье. Также 30% девушек считают, что в обязанности жены входит материальное обеспечение семьи.

Таким образом, образ будущей семьи современных юношей сочетает в себе как традиционные, так и эгалитарные установки. Современные юноши и девушки стремятся реализовать себя в разных сферах жизни, для них значимо профессиональное и личностное развитие, построение карьеры. Будущая семья для юношей и девушек – скорее, партнерский союз, в первую очередь удовлетворяющий психологиче-

ские потребности в поддержке, эмоциональном контакте, доверительном общении и т.д. При этом, во-первых, позиции юношей и девушек довольно эгоцентричны: они ожидают, что партнер будет реализовывать указанные функции для них, в то время, как партнерский союз предполагает обмен, взаимодействие, взаимное «даю» и «беру». Во-вторых, решающим фактором выбора партнера является «модная» внешность и соответствие типу привлекательного партнера.

Партнерство предполагает четкие договоренности и разделение зон ответственности партнеров, но представления юношей и девушек об обязанностях партнеров согласуются лишь частично, представления о правах являются недостаточно дифференцированными.

В представлениях юношей и девушек отчетливо прослеживается «прагматический эгалитаризм»: ориентированные на социальную (внесемейную) активность девушки ожидают, что юноши возьмут на себя часть домашних обязанностей и родительской ответственности, что семья предоставит возможность психологической разрядки и стабилизации внутренней жизни; признающие необходимость самореализации женщины в профессиональной сфере юноши ожидают, что девушки будут выполнять все традиционно женские обязанности в семье, так как роль современной успешной женщины подразумевает эффективное «сочетание карьеры и семьи».

В представлениях юношей и девушек, с одной стороны, прослеживается ориентация на активную родительскую позицию в будущем, с другой стороны, обнаруживается «диффузия ответственности»: выполнение родительских функций перекладывается на партнера.

С.Г. Кучеряну

Тирасполь, Приднестровский гос. Университет им. Т.Г. Шевченко

ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК К СЕМЬЕ И БРАКУ

Проблема изучения отношения современной молодежи к семье как к ценности стала вновь остро подниматься в связи с утверждением государственных программ по улучшению социально-демографической структуры общества. Считается, что получить заметный эффект в социально-демографическом развитии страны можно повысив количество заключаемых браков, уровень рождаемости, интерес к семейным ценностям среди молодежи.

Однако нельзя забывать, что современный этап развития нашего общества характеризуется глобальными преобразованиями во всех сферах его жизнедеятельности, трансформацией социокультурных норм, обычаев и традиций. А все это внесло соответственно изменения и в стиле и образе жизни. И, конечно, не могло не отразиться на отношении молодых людей к институту семьи и брака.

Мы предприняли попытку изучить отношение современных юношей и девушек к семье и браку. Исследование проводилось в период с 2009 по 2012 г. Для сбора фактического материала были использованы составленный и апробированный нами опросник и методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича. В исследовании приняли участие 286 студентов: 158 девушек и 128 юношей.

Среди респондентов лишь 18% девушек состояли в официальном браке, 26% девушек и 16% юношей состояли в гражданском браке. Остальные отметили, что считают нужным вначале доучиться, а потом вступать в брак.

Выявлено, что ценность «Счастливая семейная жизнь» среди первостепенных у 72% девушек и 68% юношей.

Каждый второй респондент, как среди юношей, так и среди девушек, считает, что самый приемлемый возраст для вступления в брак 20–25 лет. Возраст от 18 до 20 лет как наиболее оптимальным для вступления в брак назвали 28% девушек и 6% юношей. Большее число юношей (26%) по сравнению с девушками (12%) находят оптимальным возраст 25–30 лет. Возраст старше 30 лет, предпочтительнее для 9% девушек и 12% юношей.

Признают только официальный брак каждый третий респондент, при этом считают нормальным добрачное сожительство с последующим заключением брака каждый второй как среди девушек, так и среди юношей. Необходимо обратить внимание на тот факт, что треть испытуемых предпочитает гражданский брак официальному, не выявлено различий в результатах юношей и девушек

Таким образом, подтвердилась общая тенденция – растет положительное отношение к добрачным связям и к гражданским бракам. Это свидетельствует об уменьшении прочности института семьи.

Анализ мотивов влияющих на решение вступить в брак показал, что нет различий в ответах респондентов разного пола. Более 68% считают, что для вступления в брак важна любовь, а брак по расчету допускают 26% респондентов. Каждый пятый, среди основных причин

вступления в брак назвал беременность девушки. Это также подтверждает тот факт, что добрачные связи подразумеваются как нечто само собой разумеющееся.

За необходимость жить своей семьей отдельно от родителей ратуют единогласно все респонденты. Также не были выявлены различия и в указанных причинах расторжения брака – это пьянство, измена, бесплодие, финансовый недостаток и др.

Однако были выявлены различия в отмеченных факторах, от которых зависит успешность брака. Девушки считают, что успешность брака зависит в первую очередь от любви, взаимопонимания, взаимоуважения, заботы, гармони супругов, а среди последних называли финансовый достаток, доверие. Юноши же связывают в первую очередь успешность брака с взаимопониманием, доверием, финансовым достатком семьи и среди последних, указали любовь, уважение.

Для каждой второй девушки и каждого третьего юноши, участвовавших в исследовании, важным является социальное происхождение будущего супруга. Этническое происхождение будущего супруга имеет большое значение для 46% девушек и 24% юношей.

Полученные результаты показали, что положительно относятся к многодетным семьям 76% девушек и 68% юношей, но при этом они многодетную семью иметь не собираются. Необходимо отметить, что среди юношей не было ни одного респондента с отрицательным отношением к многодетным семьям или не желающих иметь детей. А среди респондентов-девушек 18% выразили отрицательное отношение к многодетным семьям, а 6% вообще не собираются иметь детей, так как предпочитают жить для себя.

Каждый второй указал, что для счастливой семейной жизни оптимально иметь не более двух детей. Те, кто хотели бы иметь троих детей и более, одновременно отмечали, что в наше время нет достаточных условий для рождения детей. В основном, среди причин, сказывающихся на разнице между желаемым и возможным количеством детей, указывается отсутствие уверенности в завтрашнем дне, отсутствие собственного жилья, высокооплачиваемой работы, недостаточное количество денег, социальные потрясения, нестабильность и др.

Эти же факторы, по мнению абсолютного большинства респондентов (92%), влияют на уменьшение числа заключаемых браков и, как следствие, снижение рождаемости.

В целом полученные результаты показывают, что современная молодежь не отказывается от брака в общепринятом понимании этого понятия, хоть и наблюдается растущее положительное отношение к добрачным связям и предпочтение гражданского брака. Отношение к семье отражает в себе черты времени и психологии людей, несет отпечаток условий жизни и нравственно-этических принципов, сложившихся в нашем обществе.

Неоспоримо, что в процессе социализации личности важно уделять больше внимания формированию у молодежи истинного уважения к институту семьи, к браку. Эта проблема может быть успешно решена лишь при реализации комплексных, целенаправленных программ на уровне системы образования и государства.

Дж.Ф.Мэйсон
Университет Висконсина-Мэдисон

GENDER, TRADITIONAL VALUES, AND ORTHODOX UPBRINGING IN CONTEMPORARY RUSSIA

Family life in Russia has undergone significant change in recent decades. In this paper, I discuss preliminary findings from my ethnographic research in Moscow with Orthodox women activists and Sunday school teachers who are responding to the social changes by instructing youth in "traditional family values" and traditional gender roles. Since 1991, sociologists have examined Russian gender roles in the domestic sphere extensively, identifying continuity and transformations in men's and women's responsibilities for childcare, domestic work, and paid work . Russia's fertility rate was declining over the perestroika period, but plummeted during the 1990s to a nadir of 1.2 children/woman by 1999 , though recently stabilized at a below-replacement level: 1.4 children/woman in 2007. Compared to Western Europe, Russia continues to have a relatively low age at first marriage (21.1 for women and 21.6 for men) along with a high divorce rate (around 50%). Rates of non-marital childbearing and cohabitation have increased since the mid –1980s, and contraceptive use has increased significantly since 1991 . The abortion rate remains high, though it is falling, especially among more highly-educated women . Sociologists and demographers continue to debate whether these changes are caused primarily by economic, ideological, or some other factors. One leading hypothesis, second demographic transition (SDT) theory, attributes low fertility in devel-

oped countries to changes in social and reproductive norms (Sobotka 2008).

While not all researchers agree that Russia fits this hypothesis , many of the Orthodox women activists and teachers I work with offer a similar explanation for changes in family life and gender roles. In conversations about recent history and about the lives of youth today, they suggest that divorce, cohabitation, and small families are evidence of changing moral values in contemporary Russia. They connect poor family life to social ills such as crime, drug use, prostitution, and the sexualization of young girls. Like many Orthodox Church officials, these activists and believers argue that it is essential to revive "traditional family values" among youth in order to save Russian society. They also engage with youth in local schools and in Church communities in order to teach patriarchal values, including traditional gender roles, modesty, and promoting larger families, in order to provide moral education for young Russians. In this paper, I draw on preliminary findings from this research project to examine the conceptions of gender being promoted among youth. I focus on how activists and instructors relate their moral work to history and social change. Describing their values as "traditional," they connect themselves to an undefined but deeply historical time. On another level, though, activists and teachers often describe their work as a reaction to changes in social life since the end of the Soviet Union. I discuss how these women use their work with gender to relate to history and to the future.

М.А. Жигунова

Омск, Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА И СЕМЬЯ В СИБИРИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Традиционно семья являлась показателем богоугодности, уважения традиций, стремления к продолжению рода. В истории женщин Сибири прослеживаются те же основные этапы, что и у всех женщин нашей страны. Согласно историко-этнографическим сведениям, в Сибири женщины были несколько свободнее и самостоятельнее, чем в Европейской России. У сибирских казаков бывали случаи, что мужа, уличенного в супружеской измене, с позором прогоняли плетками сквозь строй. По представлениям современников, женщина – это, пре-

жде всего: дети, красота, косметика, магазины и семья. Слово «семья» чаще всего вызывает позитивные представления: родители, дети, дедушки-бабушки, супруги, дом, уют, семейный очаг, любовь, поддержка, общность интересов, ответственность. У 30% респондентов встретились негативные ассоциации: ругань, скандалы, ссоры, суета, развод, кабала, ярмо и др. Социологи бьют тревогу и говорят о кризисе семьи как социального института. Увеличивается доля малых семей, растет количество разводов, все чаще встречаются матери-одиночки. Современные семьи, как правило, состоят из 2-х поколений, и далеко не всегда возглавляются мужчинами. В целом, позже стали создавать семью. Современная молодежь зачастую не готова к самостоятельной семейной жизни, негативно относится к традиционным семейным обрядам, предпочитая совместное проживание без обоюдных обязательств и регистрации брака.

Данные наших этносоциологических опросов свидетельствуют о том, что у 70% опрошенных русских имеются близкие родственники других национальностей. Чаще всего это – украинцы, немцы, татары, поляки, евреи, казахи и казаки, встречаются представители еще 82 народов мира. Происходит изменение репродуктивных установок, не все современницы хотят рожать детей, превалирует желание иметь одного ребенка или двоих.есмотря на частичную смену ценностных ориентаций и ролевых функций членов семьи, для большинства характерной остается традиционная модель семьи, исполняющей воспитательную, социальную, психологическую, экономическую функции: «Семья нужна всем и всегда! Семья – это самое главное в жизни человека!». И основную роль в сохранении этого главного продолжает играть именно женщина.

Т.В. Савельева
Миасс, Челябинский гос. Университет, Миасский филиал

ОТРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В СФЕРЕ БРАКА И СЕМЬИ В НАРОДНЫХ ЧАСТУШКАХ (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНОУРАЛЬСКОЙ ЧАСТУШКИ)

Интерес к гендерным исследованиям в последние десятилетия, по нашему мнению, обусловлен не только популярностью гендерной темы в отечественной научной парадигме, но актуальностью пересмотра

оснований гендерного устройства общества и поиском приемлемых для современной социокультурной ситуации гендерных моделей.

Одна из важных сторон каждой культуры – гендерные представления народа: идеалы женской красоты, представления о настоящем мужчине, стереотипы поведения в семье, в любви, в воспитании детей, запечатлённые, прежде всего, в сказках, песнях, пословицах и поговорках. На гендерную картину мира в русском фольклоре оказывает влияние не только конкретная эпоха, в которую создавались произведения, ареал распространения, но и жанровая разновидность. Между тем, в отношении изучения гендерного аспекта не всем жанрам русского фольклора повезло одинаково. Глубоко и подробно проанализированы с гендерной точки зрения традиционная лирическая песня, обрядовая лирика, особенно свадебная, волшебная и бытовая сказка, былина, пословицы и поговорки. Гендерной проблематике русского фольклора посвящены работы Е. Здравомысловой, Н. Пушкаревой, В. Суковатой и других отечественных исследователей.

Однако частушки с точки зрения отражения в них представлений о любви, семье, браке почти не изучались. Есть лишь отдельные статьи, посвященные частным аспектам гендерной тематики, например, работа Е.С.Ткач «Образ парня-жениха в русских частушках Белокатайского района Башкортостана».

В нашей работе мы решили частично восполнить этот пробел, не претендуя на всеохватность темы. Работа над частотным словарем русских частушек как гендерной картиной мира русского народа, воплощенной в этом жанре фольклора, еще ведется. Анализ велся, в основном, на материале южноуральских частушек, зафиксированных во время фольклорных экспедиций студентами Миасского филиала ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет» по Челябинской области (с. Черное, с. Уйское, с. Ларино, Смородинка и др.). Мы пользовались также архивом фольклорных материалов ЧелГУ и Интернет-ресурсами, посвященными фольклору Южного Урала.

Проанализировав фактический материал, мы пришли к некоторым выводам. Без привлечения материала частушек попытка осмыслить гендерную картину русского народа может получиться однобокой. Так, традиционный гендерный стереотип идеального женского образа характеризуется такими чертами, как кротость, скромность, неперечливость, умение женщины отойти на второй план, подчиниться мужчине. Подневольное положение женщины в патриархальном крестьянском

мире давно рассматривается как аксиома. Однако, частушки в силу своей сатирической направленности подмечают и обратное явление, которое можно считать не единичным исключением из правила.

Частушки как жанр являются благодатным материалом для изучения гендерной картины мира русского фольклора. Из 828 частушек (без повторений), рассмотренных нами, 627 — частушки на любовную и семейную темы, что составляет 76%. Однако возможно смещение в сторону женской картины мира, так как из этих 627—387 поются от женского лица, всего 119 от мужского, остальные от третьего лица. Идеальный женский образ в частушках – боевая, задорная девушка, которая не лезет за словом в карман, не дает спуску обидчикам.

Наиболее частые обращения к парню в частушке: «милок», «миленок», «милый», «масенький», «миленький», «дроля», «дорогой», «дружок», «дружочек». Есть обращения относительно нейтральные: «ухажер», «ухажерка», встречаются с откровенно ироничным отношением, например, «котик», «пупсик», а также с отрицательной коннотацией: «козёл». Самые распространенные грубые вокативы по отношению к девушкам — коза (27 примеров) и дура (21 пример).

143 частушки посвящены измене, причем, факт измены подается в частушках как не заслуживающий особых переживаний.

...Все равно ему веселую
Меня не позабыть![636]
***
...Я один денек поплачу,
Ты навеки пропадешь.

Укоренившийся в русском фольклоре стереотип о возможности применения насилия к женщине со стороны мужчины восприятии его как социальной нормы (полнее всего выразившийся в пословице: бьет значит любит) тоже преломляется в частушках неожиданно:

Мой муж – арбуз,
А я дыня!
Он вчера меня побил,
А я его ныне!

---

[636] Здесь и далее частушки цитируются по изданию «Живое слово старины».

Еще один традиционный вопрос для исследователя гендерных стереотипов — добрачные связи и внебрачные дети. Вопрос о пределах допустимой вольности в отношении полов в современной фольклористике остается спорным. Однако, какими бы фривольными не были отношения молодых до брака, девушка до замужества должна была «блюсти себя». Поэтому даже в частушках добрачная связь рассматривается как исключение из правил, хотя не такое уж и редкое:

У кого какой милёнок,
У меня – мастеровой.
Он за ночку сделал дочку
И с кудрявой головой.
***
Меня милый провожал
Рано на рассвете.
То ли будет ли чего,
То ли будут дети…

Можно рассмотреть трансформацию гендерных стереотипов в частушках, как в живом жанре фольклора. В записанных нами частушках много современных реалий. Во-первых, они касаются отношений с иностранными гражданами:

Заграницей я была,
Там дубленку продала.
Родила засранца
Я от иностранца.

Во-вторых, современные частушки часто намекают на нетрадиционную половую ориентацию:

А у нас в деревне девки
Залетели от Фомы.
Хорошо, что только девки,
А могли бы пацаны!

Характерен для частушек образ соперницы, разлучницы. Он интерпретируется в сатирическом аспекте: косолапая, лысая, разиня, Матаня. Образа соперника, разлучника, в рассматриваемых нами частушках не найдено. Традиционные гендерные образы свекрови и тещи в частушках тоже встречаются редко, всего найдено 5 таких примеров:

Ох, трахни, мороз,
На саму покровку.
Заморозь на печи
Ты мою свекровку!

Зато частушки с тематикой «телесного низа» – явление очень распространенное — 108 из рассматриваемых нами 627:

Эх, теща моя,
Дай опохмелиться!
Подо мною дочь твоя
Плохо шевелится!
***
За тебя ребята дрались,
Доходило до ножей.
Чтобы не было такого,
Одно место ты зашей.
***
Я красивая грустила,
На печи лежала.
Таракан в трусы залез,
Сразу легче стало.

В частушках «сквозь шутливую вязь слов угадываются социальные, культурные и бытовые черты» взаимоотношений мужчин и женщин в эпоху, породившую эти произведения народного творчества.

Н.Х. Спицына
Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ. ОСОБЕННОСТИ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Социально-экономические изменения, происходящие в нашей стране, затрагивают в той или иной степени все стороны жизни общества. Институты брака и семьи неразрывно связаны с генетико-демографическими процессами воспроизводства народонаселения и во многом зависят от влияния совокупности социальных, экономических, этнических, географических условий, экологии окружающей среды, а также целого комплекса биологических факторов. И в этой связи проблемы брака и семьи приобретают особую значимость для буду-

щих поколений, привлекая к себе пристальное внимание специалистов разных областей науки.

В обществе велики индивидуальные различия между людьми (от случаев гибели индивидов до достижения репродуктивного возраста, безбрачия, бездетности, до многодетности в браках). Как известно, в бездетной семье генетическая эффективность вклада равна нулю. По экспертным оценкам в РФ 15–17% супружеских пар бесплодны и, соответственно они не могут влиять на формирование генофонда следующего поколения. Различные нарушения сперматогенеза приводят к формированию мужского бесплодия, частота которого может достигать 50% всех случаев бесплодия. При этом нужно учитывать, что более половины всех зачатий элиминируется на самых ранних этапах развития. Далее основную пропорцию потерь составляют спонтанные аборты (15%), мертворождения (2%), детская смертность (2–3%). В то же время в репродуктивно здоровой части населения снижение числа детей в семьях, особенно сильно выраженное в городах, напрямую связано с усилением искусственного контроля рождаемости. Так в г. Казани среднее число беременностей, приходящееся на одну женщину пострепродуктивного возраста достаточно велико, и составляет 5.3, абортов 3.5, а родами завершается только 1.7 беременности. Аналогичные показатели репродуктивной функции женщин пострепродуктивной возрастной когорты популяции Ставрополя, они составляют 5.9, 3.9. и 1.8 соответственно. Несколько лучше показатели в Чебоксарах и Саранске и Сыктывкаре.

У москвичек среднее число беременностей также велико (4–5) и достаточно для обеспечения даже расширенного воспроизводства, однако 75% их прерывается медицинскими абортами.

Предложенная нами модификация метода J.F. Crow позволила количественно оценить вклад социальной компоненты (I_{T2}) в величину коэффициента отбора в популяциях. Это стало возможным только в связи с особенностями репродукции в популяциях нашей страны. Большое среднее число беременностей и малая пропорция детей, приходящихся на одну женщину, свидетельствуют о мерах по регуляции рождаемости проводимых в основном с помощью искусственного прерывания беременностей. Отчетливо выявляется сопряженность силы социальной регуляции репродукции с пропорцией абортов в пострепродуктивных когортах женщин. Данная особенность в наибольшей степени выражена в городах, несколько слабее в селах.

Применение данного анализа потенциального отбора в популяциях позволяет наиболее полно учитывать действие одного из основных систематических факторов эволюции. В городских популяциях Поволжья, а также Сыктывкаре и Ставрополе практикуется регулируемая рождаемость. Воспроизводство численности простого типа выявлено только в г. Сыктывкаре. В остальных городах наблюдается воспроизводство суженного типа, рост численности населения осуществляется в основном за счет притока мигрантов из окружающих областей и других регионов.

Исследование индексов потенциального отбора в городских популяциях выявило резкое возрастание вклада небиологических факторов в величину коэффициента отбора: в г. Ставрополе сила социального прессинга (I_{T2}) равна 2.9412, Казани – 2.7399, Чебоксарах – 2.5418, Саранске – 2.0595, Сыктывкаре – 0.9930. Количественное выражение возросшего социального регулирования рождаемости имеет определенную корреляцию с численностью населения городов, исключение составляет популяция Ставрополя, особенностью которой является интенсивность искусственной регуляции рождаемости, сопоставимая с таковой в городах большой численности.

Последствия искусственной регуляции репродукции весьма неоднозначно проявляются на процессах воспроизводства в популяциях. Известно, что планирование размеров семьи нивелирует различия индивидов в отборе на плодовитость. В нашей работе был выявлен также новый эффект связанный со снижением акушерской патологии в группах, регулирующих рождаемость в семьях.

В г. Казани и особенно Ставрополе, где отбор проявляется с наибольшей силой за счет резкого усиления социальных мер регуляции рождаемости в семьях, наблюдаются наименьшие пропорции акушерской патологии. Далее по степени уменьшения патологии следует популяция Чебоксар, затем Саранск и Сыктывкар. Выявленные факты снижения акушерской патологии в группах с высокой степенью социального воздействия на репродуктивные процессы позволили определить, что с одной стороны он нивелирует индивидуальные различия в отборе на плодовитость, а с другой стороны нивелирует индивидуальные различия в приспособленности, снижая тем самым пропорцию пренатальной патологии в популяциях.

Возможности современной медицины позволяют определенному числу семей преодолевать бесплодие с помощью вспомогательных

репродуктивных технологий: программы ИКСИ (внутрицитоплазматическая инъекция сперматозоида), ЭКО (экстракорпоральное оплодотворение), ПЭ (перенос эмбрионов). Однако в практической деятельности медики почти сразу же столкнулись с проблемой получения здорового потомства. Риск рождения больного ребенка во многом связан с проблемами со здоровьем самих родителей. Не исключается также определенная вероятность возникновения аберраций кариотипа в ходе применения вспомогательных репродуктивных технологий. В случае нормальной плодовитости у потомства можно прогнозировать в будущем некоторый рост частоты наследственной патологии в популяциях. А при наследовании сложностей с репродукцией в будущем придется снова обращаться к помощи вспомогательных репродуктивных технологий.

Коротко обобщая изложенный фактический материал, следует отметить, что репродукция выступает в роли уникального индикатора биологического и социального здоровья популяций, чутко реагирующего на изменения окружающей среды и колебания биологического и социального характера.

Результаты проведенного антропогенетического исследования способствуют расширению современных представлений о характере и особенностях репродуктивных процессов современной семьи.

И.А. Бочарова, Л.Х. Авшалумова

Махачкала, Дагестанский Государственный Университет

ДАГЕСТАНСКАЯ СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Семья — эта малая ячейка общества, основанная на браке или кровном родстве людей, связанных общностью быта, и воспитанием ребенка. Институт семьи переживает сейчас далеко не лучшие времена, и, по мнению некоторых исследователей, находится в состоянии некого морально-нравственного кризиса. В поисках новых форм, которые необходимы, важно не утратить то ценное, что было накоплено в исторически обозримый отрезок времени. Как бы ни выступали «продвинутые» противники традиционной семьи, бесспорно, именно семейные узы являются непреложной ценностью. Семья — важнейший государственный институт, на состояние которого объективно оказывает влияние сразу несколько факторов: экономика, духовное и нравственное состояние общества, физическое здоровье супругов... При-

чем для каждой конкретной семьи то или иное обстоятельство является определяющим.

По мнению А. Харчева, «...семью можно определить как исторически-конкретную систему взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, и социальная необходимость в которой обусловлена потребность общества в физическом и духовном воспроизводстве населения».

Семья выступала и выступает явлением, заменить которое не способен ни один социальный институт. Именно в семье происходит приобщение к важнейшим социо- и этнокультурным ценностям – языку, национальным традициям, обычаям и обрядам. Здесь происходит знакомство с истоками истории своего народа, семьи, рода, с духовными пластами этноса – эпосом, сказками, песнями, пословицами и поговорками, всевозможными табу, религиозным культом. В семье закладывается чувство гордости за свой дом, своих близких, за свою малую родину. В условиях семьи начинает формироваться этнический менталитет, стереотипы поведения.

Что касательно Дагестанской семьи, то ей присущи такие черты, как самобытность, прочность и устойчивость, тесные родственные отношения, тухумные связи. Сегодня в Дагестане, семья в основной своей, массе, зиждится не только светской основе, но и на исламской культуре.

Кроме того, дагестанская семья веками вырабатывала свои приёмы воспитания толерантного поведения, которые выливались в своеобразные традиции, регламентирующие весь процесс воспитания в семье и обществе. Практикуются такие формы и методы воспитания, как убеждение, положительный пример, авторитет старших, поощрение и наказание. Они формировались путем передачи из поколения в поколение и охранялись авторитетом.

Атмосфера межнационального взаимопонимания, построенного на совместной учебе, работе, на совместном переживании радости и тревог, сформировала у дагестанских народов осознание общности судьбы и неразлучности друг с другом. Подтверждением этого служит увеличение количества межнациональных браков. В Дагестане, как и в других регионах, межэтнические браки прежде всего стали распространяться в городах, а затем и в районных центрах.

Высокий процент межнациональных браков в городах объясняется в первую очередь многонациональным составом производственных и студенческих коллективов и населения в целом, расширением социальных контактов, более высоким уровнем образования и культуры населения. В разных городах республики процентное соотношение межэтнических браков разное.

Л.Т. Соловьева
Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

СЕМЬЯ В СЕЛЬСКОЙ АБХАЗИИ: ТРАДИЦИИ И ПЕРЕМЕНЫ

Семья – один из тех социальных институтов абхазского общества, который в системе ценностей абхазов продолжает сохранять прочные позиции. Вместе с тем семья, особенно в последние десятилетия, испытала значительное влияние внешних факторов – экономических, социальных, культурных. Мощное воздействие на этот институт оказывают также процессы глобализации, которые не оставили в стороне и этот регион Кавказа. Военные столкновения 1990-х гг., разруха и фактический развал экономики Абхазии привели к значительным миграционным потокам с ее территории, причем существенную часть мигрантов составляли люди преимущественно молодые или средних лет, уезжавшие на учебу или на заработки. Молодое поколение, чьи взгляды формируются в новых, сильно изменившихся условиях, нередко уже по-своему смотрит на многие проблемы, связанные с созданием семьи, выбором супруга, внутрисемейными взаимоотношениями.

В данном докладе, который написан на основе полевых материалов, представлена попытка ответа на некоторые вопросы, возникающие перед нами в ходе исследования абхазской сельской семьи. Какова роль семьи в современном абхазском социуме? Насколько этот институт сохраняет свои традиционные характеристики? Какие стороны семейного быта подвержены наиболее значительным изменениям? Что меняется и что сохраняется во взаимоотношениях семьи и родственного окружения, семьи и круга соседей и односельчан? Какую роль играют семья, клан в адаптации к новым условиям жизни?

В абхазском обществе считается непреложной истиной, что молодые люди, достигнув брачного возраста, обязательно должны стремиться к созданию собственной семьи. Причем большая ответственность в этом плане падает на мужчин, поскольку, в силу сохранения традиционных представлений, именно им следует выступать инициа-

торами заключения брака. Тем не менее, хотя в настоящее время в обществе значительна доля не вступивших в брак юношей и девушек, нельзя сказать, что они находятся вне рамок семейной жизни: даже живя отдельно (что бывает нечасто), они практически никогда не теряют связей с родительской семьей.

Главные моменты, когда реализуются во всей полноте и мощи все родственные связи семьи – это особо важные для семьи события: свадьба, похороны и поминки, рождение ребенка. Обычно семья связана наиболее тесными родственными узами с десятком или даже несколькими десятками фамилий. Поскольку еще не так давно семьи были относительно многодетны, то брачные контакты создают широкую сеть свойственников. Представители фамилий, из которых происходят невестки (или зятья), тоже активно участвуют в жизни данной семьи. По традиции очень близкими считаются «племянники» по материнской линии, т. е. родственники из фамилии матери и из фамилии бабушки.

Широко разветвленные родственные связи напоминают систему координат, которая позволяет ориентироваться в социальном пространстве. Фамилия, клан продолжает играть важную роль и в жизни каждого человека, и в жизни семьи и общества. Существование вне этого института для абхаза практически немыслимо.Абхазские выражения «чтобы ты сменил свою фамилию», «чтобы ты вышел из рода» – означают тяжкое проклятие. По рассказам информантов, бывают случаи, когда подобному остракизму люди предпочитали самоубийство. Единство фамилии поддерживается проведением регулярных сходов, которые существуют у многих абхазских фамилий. Фамильные сходы, или братские собрания (т. е. общие сходы лиц, принадлежавших к одной фамилии), имеют давнюю традицию в этнокультурном наследии абхазов. Например, абхазская фамилия Кварацхелиа (есть и грузинская фамилия этого же имени, но их на сходы не приглашали) начала собираться с 1943 г., фамилия Кетия – с 1961 г. Абхазы Дочиа (их около 100 семей) начали устраивать фамильные сборы с начала 2000-х гг. Некоторые из немногочисленных фамилий сборов не устраивают. По словам информантов, цель подобных собраний в том, чтобы молодые люди из одной фамилии лучше знали друг друга, знали о своем родстве, помогали друг другу.

Фамильный сход также сопровождается традиционным молением, которое проводит кто-то из старших мужчин. Молитву, как правило,

каждый молельщик произносит по-своему (говорят: «Бог посылает эти слова»), но обязательно желают умножения фамилии, чтобы никто не опозорил свое имя, процветания всем присутствующим и всей Абхазии. Сохраняют свои позиции в абхазском обществе такие традиционные ценности, как родственная и соседская взаимопомощь. Абхазской культуре вообще свойственно глубокое уважение к соседям, о котором свидетельствует, в частности, пословица: «Родственники – кровь, а соседи – сердце». В абхазском обществе (как у абхазов-мусульман, так и у абхазов-христиан) практически отсутствует такой институт, как раздача милостыни нищим.

Вместе с тем в больших размерах и постоянно осуществляется помощь в кругу родственников и соседей: осиротевшие дети, престарелые и одинокие люди, как правило, всегда находят поддержку и помощь в своем ближайшем окружении. Близкие родственники, однофамильцы, соседи, оказывают определенную помощь при строительстве дома, если надо помочь в срочных хозяйственных делах, при чрезвычайных обстоятельствах. Существенную помощь оказывают родственники на похоронах и поминках, на свадьбах. Полевой материал, собранный в селах Абхазии, свидетельствует о сохранении в быту населения комплекса традиций, направленных на обеспечение благополучия, покоя и достатка в семье. В частности, до настоящего времени сохраняется использование в этих целях специальных оберегов.

Практически в каждой фамилии есть «запретные дни» – *амшьара,* когда полагается воздерживаться от определенных видов деятельности: давать что-то в долг, выносить из дома деньги, резать животных, шить и т.д. Распространенным в Абхазии обычаем является выделение специального животного – коровы, именуемой *адзатв.* Адзатв может быть посвящена благополучию всей семьи или отдельного человека. Убеждение, что грехи одного человека могут принести несчастье всей семье, всей фамилии, дает основание старшему поколению жестко требовать от молодежи соблюдения норм «апсуары» и «аламыса».

Семья у абхазов по-прежнему продолжает играть важную роль в выполнении разнообразных обрядов и ритуалов, связанных с различными семейными и календарными событиями и праздниками. Это такие события и даты, как рождение ребенка, празднование Пасхи (*Амшапы)*, старого Нового года (моление у кузни) – *Ажираныхва, Хечьхвама,* Успение (*Нанхва*), Рождество, *Курбан* (в мусульманских семьях) и т.п.

Как свидетельствуют полевые материалы, абхазская семья продолжает во многом оставаться средоточием социальной жизни социума. В условиях, когда государство и различные социальные службы уделяют недостаточно внимания защите человека при самых разных обстоятельствах, помощи детям и старикам, людям, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации, семья, несмотря на происходящие в ней перемены, остается важнейшим механизмом выживания, адаптации к сложнейшим условиям современной абхазской действительности.

Е.А. Сорокина

Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

СЕМЬЯ И ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ШВЕЦИИ

Шведская государственная политика по обеспечению равенства полов, «семейная политика» формировалась на протяжении ряда десятилетий и представляет собой воплощение социальных принципов так называемой «шведской модели» социально-экономического развития. Обратим внимание на некоторые детали «шведской модели», оказавших существенное влияние на становление и функционирование различных сторон социальной жизни страны.

Еще в 1970-е гг. практически все политические партии Швеции внесли в свои программы специальные разделы, посвященные вопросам достижения равенства полов. В качестве важнейших практических задач провозглашались необходимость создания реально равных возможностей для мужчин и женщин как на рынке труда, в общественной жизни, в семье, так и для развития индивида, личности и возможности их реализации. Важными задачами назывались достижение экономической независимости для работающих женщин, свобода в выборе формы брачных отношений, создание условий для развития детей независимо от положения родителей.

Отличительной чертой шведской государственной социальной политики на протяжении последних десятилетий является практическая деятельность, направленная на соблюдение принципа равенства полов. Это распространяется на профессиональную сферу, на рынок труда, семью, общественно-политическую жизнь. Проблема достижения равноправия мужчин и женщин представляется важной как для самих граждан, так и для государства.

Шведы различают понятие «равенство» (jämlikhet) и «равенство полов» (jämställdhet). Первое понятие, как более широкое, подразуме-

вает равенство как одинаковое, равное, справедливое положение для различных индивидов и социальных групп, независимо от пола, социальной принадлежности, вероисповедания, этнической принадлежности. Понятие «равенства полов» (jämställdhet) фокусирует внимание на достижении определенного гендерного баланса, паритета в обществе во всех сферах жизни.

Важнейшим элементом «шведской модели» являлось взаимодействие и взаимовлияние интенсивного экономического развития и развития социальной сферы и социальные реформы. Задачи обеспечения равенства мужчин и женщин как на рынке труда, так и в семье (обязанности супругов и родителей), решались обществом практически одновременно. Результативность и успешность государственной политики, направленной на достижение равноправия полов, расценивалась шведскими государственными и политическими деятелями как важная составная часть общей политики по достижению в обществе консенсуса в вопросах занятости, уровне зарплаты и распределения доходов.

В последние годы на рынке труда Швеции представлено практически равное количество трудящихся женщин и мужчин в работоспособном возрасте (от 20 до 64 лет). Есть определенные колебания в уровне занятости мужчин и женщин в различных отраслях производства (в зависимости от отраслей с преимущественно женской или мужской занятостью). Также имеются особенности и в структуре распределения трудящихся женщин и мужчин в общественном и частном секторах экономики.

Осуществление на протяжении многих десятилетий, начиная с 1930-х гг. (времени прихода к власти социал-демократического правительства), в целом стройной и последовательной социальной политики привело к вполне конкретным результатам. Так, практически все граждане страны, том числе легальные иммигранты, находятся в сфере действия государственной социальной политики. Государство взяло на себя обязанности по созданию системы определенных социальных услуг и льгот для граждан страны. Особое внимание уделяется оказанию поддержки всем семьям, имеющим детей и помощи наименее защищенным слоям населения – детям и пожилым.

Хорошо организованная и четко функционирующая система общественных социальных услуг доступна всем жителям страны и включает в себя системы здравоохранения и заботы о пожилых, социального страхования, образования, также детских дошкольных учреждений.

Еще с конца XIX в. начали функционировать детские ясли для одиноких матерей, вынужденных работать. В этих приютах дети приобретали трудовые навыки, а так же получали начальное образование. В то время детские заведения существовали на частные пожертвования. Еще в 1930-е гг. государственная политика, направленная на решение вопросов, касающихся помощи работающим матерям, поддержки семей получила название «семейной политики» (familjepolitik). В то же время детские учреждения попали в сферу интересов государства.

Вовлечение женщин – жен и матерей – в общественное производство, участие в процессе принятия решений (как в рамках семьи, так и общества) способствовало их значительной социализации. А мужчины, в свою очередь, были вынуждены все в большей степени принимать участие в хозяйственной жизни семьи и в воспитании детей. Шведы отмечают, что хотя проблема ведения домашнего хозяйства перестала быть чисто женской долей с того момента, как женщины стали активными участниками рынка труда, то есть с 1960-х гг., но до равного распределения домашних обязанностей между мужем и женой еще далеко.

О.Ю. Петрова
Москва, Институт социологии РАН

БРАК В ЖИЗНЕННОМ ЦИКЛЕ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

В западных постиндустриальных странах (Европа, США) распространение сожительств часто интерпретируется социологами как кризис института брака. Эта тенденция имеет две составляющие – более позднее формирование семьи и замена браков сожительствами, включая сожительства с детьми.

Наблюдается увеличение возраста вступления в брак, более позднее формирование семьи, нежели в аграрных и индустриальных обществах. По данным Евростат в 2005 г. средний возраст вступления в первый брак мужчин варьировал от 29 лет в Португалии до 33 в Швеции, у женщин от 26 лет в Хорватии до 31 года в Исландии.

В бывших социалистических странах Европы этот возраст ниже, но имеет явную тенденцию роста, как среди мужчин, так и среди женщин. Т. е. эти страны постепенно переходят к западному типу брачности.

Снижается и брачность как в Европе, так и США. По данным Бюро переписи США число браков уменьшалось − с 9.8 на тыс. населения в

1990 г. до 6.8 в 2009 г. Согласно Евростату наиболее высокий показатель брачности в 2010 г. был в Турции и странах бывшей Югославии (7.8 и 6.9), наименьший в Словении и Болгарии (3.1 и 3.2). В других странах Евросоюза он колеблется от 4 до 6 на тысячу населения.

В России начиная с 1990-х гг. периода построения капитализма и перехода к обществу потребления можно видеть (см. табл. 1) постоянное увеличение возраста вступления в брак, особенно среди мужчин. За последние тридцать лет вдвое сократилось число мужчин, вступающих в брак до 24 лет – с 62% в 1980 г. до 31% в 2010 г., у женщин число таких браков уменьшилось на треть. Общественные нормы предполагают как добрачный секс, так и сожительства. Брак потерял свою исключительность как единственного легитимного института, где люди могут иметь сексуальные отношения и жить друг с другом.

Таблица 1. **Распределение вступающих в брак в младших возрастных группах в РФ (в%)***

Годы	До 18 лет		18-24 года		25-34 года	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
1980	0.3	2	62	68	25	19
1990	1	5	52	59	30	21
1994	0.8	6	54	59	27	19
1999	0.4	4	47	58	33	22
2004	0.2	2	38	53	39	28
2006	0.2	2	37	53	41	30
2007	0.1	1.5	35	51	43	32
2008	0.2	1.4	34	49	44	34
2009	0.1	1.2	32	47	45	36
2010	0.1	1.0	31	46	47	37

* Рассчитано по Российский статистический ежегодник 2010: стат.сб. / Росстат. М., 2011. С. 101.

Примерно в половине случаев юридическое оформление брака происходит после того, как партнерша забеременела, или уже родила ребенка. Специальная разработка данных переписи 2002 г. показала, что в целом по России 53% первенцев, родившихся в браке, были зача-

ты до его регистрации. Таким образом, нормативный цикл формирования семьи – ухаживание, помолвка, юридическое оформление брака, планирование детей – меняется. Функция брака с точки зрения юридического статуса потомства постепенно ослабевает, ибо есть возможность юридически признать отцовство вне брака. А удостовериться в своем отцовстве (для чего в том числе по версии антропологов возник институт брака) мужчины могут с помощью новых технологий.

Уменьшение брачности в России происходило с начала 1990-х гг. Так, если в 1980 г. было заключено 10.6 браков на тыс. населения, в 1990 г. − 8.9, в 1996 г. – 5.9, в 2000 г. − 6.2. С 2007 г. брачность увеличивается − 8.9, а в 2011 г. составляла уже 9.2. Такой скачок брачности, возможно, связан с активной демографической политикой России последних лет.

В целом же Россия в отличие от постиндустриальных стран Запада, где уже мало браков и мало разводов, а также в отличие от восточных, развивающихся стран, где много браков и мало разводов, находится в состоянии, когда относительно высокий уровень браков соответствует высокому уровню разводов и повторных браков.

В. Шумихина
Лосино-Петровский филиал РГТЭУ

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА КАК ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ В ПРОШЛОМ И СОВРЕМЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Основа здоровой нравственной жизни общества и его живучести есть семья. «Если внутри этой общественной единицы искажены основные начала жизни, если испорчено это зерно общественного развития и порядка, то сколько бы не творили мы искусственных форм, они не приведут с собой здоровой жизни для общества»[637]. Поэтому совершенно справедливо замечание Платона, что во всяком благоустроенном государстве первыми законами были законы о брачной жизни, вызванные стремлением внести порядок и устойчивость в столь важное установление, на котором покоится сама возможность государства[638]. Женщина и мужчина – есть единое целое. Им нечего делить.

---

[637] «Христианское начало семейной жизни» / Изд. К.П. Победоносцева. М., 1899.

[638] Азаревич Д. Брачные элементы и их значение. Ярославль, 1879.

Из истории мы знаем, что Древний Рим одряхлел и пал, когда семейная жизнь нравственно пала, когда дети становились бременем для матрон и были оставлены на руках рабынь. То же самое мы наблюдаем сегодня – женщины отказываются воспитывать своих детей, предпочитая этому карьеру, детей воспитывают чужие, посторонние, а иногда и случайные люди, что приводит к плачевным последствиям и результатам. Не преувеличивают, когда говорят, что не существует общественных расстройств, а есть только расстройство семьи, а соответственно не понимание и разобщение между мужчиной и женщиной.

«Творческая Премудрость Божия, – говорит св. Иоанн Златоуст, – с самого начала разделила одного на два… И кто еще не соединился узами брака, тот не составляет целого, а половину»[639]. Раздвоенная Божественным актом творения первого человека, не заключая в себе самой полноты бытия, человеческая личность одного пола в силу этого стремится восполнить себя в соединении с личностью другого пола[640].

Именно в этой стороне человеческой природы, которое побуждает мужчину стремиться к женщине и наоборот, св. Иоанн Златоуст определяет как глубочайшее духовно – нравственное объединение мужчины и женщины, как союз любви и взаимного расположения, образующий из двух существ разного пола как бы две нераздельные части одного существа в целях полного, самого полного и самого живого их жизненного общения. В этом общении каждая личность в отношении другой как бы выходит из своих личных эгоистических границ, перенося весь жизненный интерес от себя к другому, и таким образом обе личности составляют одну жизнь, одну плоть. Только при этом условии, когда мужчина и женщина соединяются, и отдаются друг другу с полной верой и верностью, их супружеская любовь бывает наиболее полной и совершенной и сохраняется нравственное достоинство брака[641].

Сегодня мы не видим этого единения, женщина противостоит мужчине, пытаясь доказать свою значимость. А доказывать ничего не на-

---

[639] In epist.ad Coloss. Cap.IV, homil.XII, col. 387, nr. 5 Patr. Curs. Compl. Migne, Ser. Gr., t. LXII. В русск. пер. Беседа XII на Первое посл. к Колоссянам. СПб., 1858. С. 210–211.

[640] Григоревский М. Учение святителя Иоанна Златоуста о браке. М., 2007. С. 116.

[641] Там же. С. 118–119.

до, женщина она всегда была равная мужчине. Высочайший Художник из ребра Адама создает разумное, совершенное и полное существо – жену, способную ему оказывать помощь в необходимых потребностях и обстоятельствах жизни[642].

И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному: сотворим ему помощника соответственного ему… (Быт. 2, 18). Уже эти слова: «помощница» и «соответствующая», говорят об уважении и принятии женщины как равноценной мужчине. И как мы видим из вышесказанного, женщине не надо ничего доказывать, а просто возвратиться к первозданным законам и правилам. Только это может принести женщине счастье материнства и счастье быть женщиной.

Стремление женщины выйти из естественной сферы деятельности – семьи – несомненно, один из факторов чувствовать себя несчастной и нереализованной. Работая семейным системным психологом, хочу отметить, что за последние 5–7 лет участились запросы клиентов по вопросу возвращения к женственности, как таковой. Сегодня эта проблема на психологическом рынке очень актуальна, как среди женщин, так и среди мужчин, которые хотят почувствовать свою мужественность и реализоваться как мужчина, становясь ведущим, а не ведомым женщиной.

Женщина к 35–40 годам начинает ощущать тяжесть взваленного на себя груза проблем и ей снова хочется почувствовать себя ведомой, женственной, защищенной, отдаваться, а не брать, ей снова хочется быть ЗА МУЖЕМ, а не контролировать все и вся. Понимая это, психология ищет и находит все новые решения для помощи в этом вопросе. Одно из направлений, которое помогает решить эту проблему – семейная системная терапия Б. Хеллингера. Это философский взгляд на женщину, мужчину и феноменологический взгляд на семью, как на единое целое.

Е.И. Якушкина
Воронеж, ВГУ

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ: ИЗМЕНЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ

В последние годы институт семьи претерпевает значительные изменения. Уходит в прошлое модель классической традиционной семьи, в

---

[642] Беседа XV на Кн. Бытия. Т. IV. Кн. 1. С. 119.

которой уживались несколько поколений. Претерпевают изменения роли, выполняемые членами семьи, возникают новые модели семьи.

Многие исследователи, как отечественные, так и зарубежные, пишут о кризисе семейных отношений. Это проявляется в растущем количестве разводов, в увеличении гражданских браков, как в юном возрасте, так и среди старшего поколения, в уменьшении количества детей в семье и т.д.

Процесс развала традиционной семьи начался не сегодня. О грядущем изменении формы семьи, писал еще в 1916 г. известный социолог и культуролог П. Сорокин. По его мнению, на ослабление традиционной формы семейных отношений указывают следующие факторы, – увеличение количества разводов, уменьшение числа заключаемых браков, рост числа внебрачных детей, абортов и проституции, уменьшение числа детей в браке, эмансипация женщин, передача государству воспитательных, образовательных и опекунских функций. Он пришел к выводу, что «разложение не остановилось, а чем дальше, тем идет быстрее, и, по-видимому, в таком же направлении пойдет и в будущем, конечно, оно не ведет к гибели семьи вообще. Семья как союз супругов и как союз родителей и детей, вероятно, останется, но формы ее будут иными».

Оценки и прогнозы признанного ученого сегодня подтверждаются. Обратимся к статистике. На примере Воронежского региона в течении последних десяти лет можно наблюдать стойкую тенденцию к увеличению разводов.

Число разводов возросло с 10 355 в 2000 г. до 11 060 в 2010, в 2011 г. составило 11 589. В целом, показатели разводимости находятся приблизительно на уровне среднестатистических данных по России.

Кризисные явления в семье проявляются и в уменьшении рождаемости. Начиная с 1965 г., уровень рождаемости в России не обеспечивает простого воспроизводства населения, серьезный спад рождаемости Россия переживает в начале 1990-х гг.

Так, по данным Росстата, в Воронежской области в 1990 г. родилось 11,5 детей на 1000 жителей, в 1995 – 8,3,в 2000 г. – 7,6. Хотя к 2007 г. численность новорожденных на 1 000 чел. составляла 9,0, но за первые 9 месяцев 2011 г. количество родившихся в Воронежской области по сравнению с 2010 г. уменьшилось на 1.2 процента. Коэффициент рождаемости снизился с 10.2 до 10.1 промилле. Среднее количество детей до 18-ти лет в семье остается очень низким – 1.33.

Ведущие социологи, в частности Н.Смейлзер, утверждают, что традиционная семья отошла в прошлое, постепенно утрачивается ряд функций, присущих семье, даже самых устойчивых. На примере американской семьи, ученый прогнозирует, частичный распад даже таких сравнительно устойчивых функций, как регулирование интимных отношений взрослых, деторождение и уход за маленькими детьми.

Модернизационные процессы эпохи постиндустриального общества явились фундаментом для изменения внутрисемейных отношений и, в целом, развития новых моделей семьи. По мнению английского социолога Ж. Скотт, причиной трансформации современной семьи является индивидуализация семьи как социокультурного феномена.

В зависимости от определенных социальных, экономических, культурных реалий; а также религиозных и этнических традиций, в которых создаются современные семьи, возникают и определенные формы, в которых эти семьи существуют. Так, распространенное в современных экономических условиях гастарбайтерство, дает нам пример удаленного многоженства, многомужества. Принципиальная позиция иметь брак без детей (чайлд-фри) также оправдывается недостаточными материальными возможностями, желанием собственного совершенствования.

Исследователи насчитывают уже около 10 вариантов семьи. Помимо традиционного, выделяют неполную семью, гражданский или незарегистрированный брак, сезонный брак (прерывается по обоюдному согласию, по окончанию любви), гостевой брак (супруги проживают в разных местах и приезжают друг к другу по необходимости), чайлд-фри.

С одной стороны, мы можем говорить о многообразии типов семей, моделей семейных отношений. С другой стороны, происходит автономизация самих членов семьи. Во многом это связано с усилением женской гендерной роли в жизнедеятельности семьи.

В России в последние годы мы наблюдаем значительное возрастание роли женщин в производственной, общественно-политической, культурной сфере. Наиболее активно женщины проявляют себя в бизнесе, все чаще занимают руководящие должности. По оценкам экспертов на рынке труда, доля женщин в руководящих составах компаний в последние пять лет неуклонно растет. В том числе и на высоких руководящих постах. На сегодняшний день в российском топ-менеджменте 30% – это женщины. В прошлом году, по мнению экспертов крупнейшей аудиторской компании PwC и Ассоциации менеджеров, 13% гендиректоров и 60% финансовых

директоров в российских компаниях были женщинами. Особенно отчетливо эта тенденция прослеживается в крупных городах.

Эмансипация женщин, идеи гендерного равенства, которые все прочнее обосновываются в общественном сознании, уменьшение зависимости жен от мужей в экономическом смысле; увеличение мобильности – все эти факторы, безусловно, влияют на изменение роли и статуса женщины в семье. Женщины становятся более свободными в принятии решений, карьерные амбиции зачастую вступают в противоречие с семейными ценностями. Меняется один из самых устойчивых гендерных стереотипов «муж-добытчик», очень часто муж и жена имеют равный доход, иногда женщина берет на себя ответственность за обеспечение семьи. Многообразие моделей семьи, рост экономической независимости женщин смещает гендерные акценты, изменяет семейные гендерные роли.

Возрастание социальной, профессиональной роли женщины, ведет к формированию ее лидерства и в семье. Происходит перераспределение семейных ролей, что неоднозначно воспринимается обществом, в котором еще сильны гендерные стереотипы. Активная жизненная позиция женщины дает возможность мужчине выбирать свой жизненный сценарий. Теперь он не обязан ежесекундно думать об обеспечении семьи, но может заняться реализацией собственных интересов. В ситуации, когда не все профессии приносят высокий доход, мужчина имеет возможность выбрать не престижную работу, а дело, которое принесет ему моральное удовлетворение, позволит реализовать свой творческий потенциал и будет полезным для общественного развития.

Зачастую, ради обеспечения семьи мужчине приходится заниматься деятельностью, не связанной с его образованием, не отвечающей ни его интеллектуальному уровню, ни внутренним запросам. Это может быть предпринимательство, как правило, в сфере торговли и услуг, менеджмент и даже работа в исполнительных органах власти на низшем и среднем уровнях. Такая работа, не приносящая удовлетворения, как правило, страдает отсутствием качества, профессионального и творческого подхода. В нашем же случае мужчина имеет возможность заняться любимым делом: преподавать в школе, рисовать картины, писать музыку, осваивать столярные, слесарные и иные специальности, работать по своему профилю.

Нельзя сказать, что такие примеры встречаются часто, но уже можно говорить о начале тенденции. Многие семьи, в том числе и в Воронеже, выбрали именно такую модель существования.

Таким образом, мы наблюдаем серьезные изменения в современной модели семьи: возрастает количество форм семейно-брачных отношений, происходит постепенная трансформация гендерных ролей в семейной жизни, наблюдается автономизация и индивидуализация членов семьи.

РАЗДЕЛ 10.
ЖЕНСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ОБРАЗОВАНИЕ, ПРОСВЕЩЕНИЕ

Г.Ю. Ризниченко
Москва, Московский гос. университет им. М.В. Ломоносова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ЖЕНЩИНЫ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ»

Само название нашей организации говорит о том, что фундаментом нашей организации является моральная, социальная и профессиональная солидарность, а основной целью нашей деятельности – образование и просвещение. Актив нашей организации составляют женщины – преподаватели и профессора вузов, научные работники, учителя, научная молодежь. Организация существует с 1994 г., и с самого начала, обсуждая наиболее эффективные способы работы, мы решили, что основные усилия следует сосредоточить на организации научно-образовательных конференций.

Сбор коллег и единомышленников – лучший способ решать общие проблемы. Конференции дают возможность нашим женщинам проявить свои лучшие качества хозяек в самом высоком значении этого слова и носителей знания и просвещения. Конференции позволяют привлекать крупных ученых, администрацию, деятелей науки и искусства, молодежь тех вузов и городов, в которых мы проводим конференции.

С 1995 г. мы ежегодно проводим 3–4 конференции в разных городах России, посвященные математическому моделированию и инфор-

мационным технологиям, экологии и экономике, образованию, то есть тому, что определяет уровень развития науки и общества в стране.

Конференции «Математика. Компьютер. Образование» проходят ежегодно во время зимних студенческих каникул попеременно в подмосковных наукоградах Дубне и Пущине при самой активной поддержке и участии ученых и администрации этих научных центров. В последние годы конференция собирает более 350–400 чел., из них более трети составляет научная молодежь. Под председательством ведущих специалистов проводятся заседания секций, стендовые сессии, на которых выступают как опытные ученые, так и молодежь, проходят мастер классы, идут оживленные дискуссии. Важной отличительной чертой наших конференций является их научно-образовательный характер. Здесь можно прослушать лекции по современным проблемам науки, обменяться методическими материалами и компьютерными программами, найти научного руководителя и рецензента, соавтора и просто заинтересованных в Вашей работе коллег.

Мы регулярно выпускаем тезисы докладов перед конференцией и труды – после конференции. С 2009 г. совместно с научно-издательским центром «Институт компьютерных исследований» мы выпускаем журнал «Компьютерные исследования и моделирование», входящий в перечень ВАК.

В конце мая мы проводим конференции «Математика и образование» в Чебоксарах (по нечетным годам, организует Чувашское отделение совместно с Чувашским государственным университетом) и конференции «Математика. Экономика. Образование» в Новороссийске (по четным годам, организует Ростовское отделение АЖНО совместно с Южным федеральных университетом). В последнюю конференцию входит семинар «Ряды Фурье и их приложения», председатель Оргкомитета – профессор Физтеха Б.И.Голубов. Астраханское отделение проводит раз в два года симпозиумы по Симметрии в сентябре, Тверское отделение – ежегодные «Курдюмовские чтения» в апреле.

Необходимым элементом конференций в последние годы стали выступления учителей, директоров школ и школьников с проектами, выполненными в рамках программы «Форос» (формирование общероссийской образовательной среды), которую возглавляет член нашей Ассоциации профессор Е.А.Солодова.

Члены МООЖНО в течение многих лет ведут образовательную и просветительскую работу, ориентированную непосредственно на сту-

дентов и школьников. В Казани это – летний лагерь «Квант», где ребята занимаются математикой. В Чебоксарах – олимпиады для школьников: «Кенгуру» по математике, «Медвежонок» – по русскому языку, «Чувашская ласточка» – по чувашскому языку, в которых принимают участие тысячи школьников. В Воронеже – студенческие олимпиады по информатике, и проч.

Наша цивилизация находится на той критической границе, где выход из кризиса может быть найден только в том случае, если человечеству удастся сменить ценностные ориентации и стереотипы мышления, если на смену агрессивному, непримиримому и однозначному мужскому началу придут женские терпимость и нелинейность. Словосочетание «женская логика» имеет глубокий смысл. Это – логика нелинейная, логика взаимопонимания и терпимости, логика примирения и самоограничения. Образовательные и просветительская деятельность, которую мы ведем, дает возможность женщинам в науке и образовании проявить свои лучшие профессиональные и человеческие качества.

Винокурова Н.А., Гудович И.С.
Москва, Центральный экономико-математический институт РАН,
Воронеж, Воронежский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ТВОРЧЕСТВА ЖЕНЩИН В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ПРАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ МОО «ЖЕНЩИНЫ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ»

В последние годы наблюдается приток женщин на руководящие позиции в различных сферах деятельности. При этом не прекращаются споры о роли женщин-управленцев, о специфике их управленческого стиля.

Межрегиональная общественная организация «Женщины в науке и образовании (МОО ЖНО, далее в тексте – Ассоциация) не осталась в стороне от этой темы. Члены Ассоциации опубликовали несколько научных работ, посвященных гендерным аспектам менеджмента[643], админи-

[643] Винокурова Н.А. Гендерные аспекты менеджмента // Журн. «Народонаселение». М., 2006. № 1, январь.

стративному творчеству женщин[644] и т. п. Кроме того, сама практическая деятельность Ассоциации дает богатый материал для анализа ситуации.

Основная деятельность Ассоциации – это организация научных конференций междисциплинарного направления, просветительская работа с детьми, проведение культурных программ.

Нам представляются уникальными те условия, которые складываются для административного творчества в женских общественных объединениях, в частности в Ассоциации. Здесь нет жестких рамок традиционно «мужских» технологий управления, не формируется резко выраженная конкурентная среда, отсутствует прямая подчиненность вышестоящей инстанции (как это обычно имеет место в бюджетной сфере и бизнесе). Никто из мужчин не может способствовать карьере в женской организации и, соответственно, женщины-руководители не обязаны оглядываться на мужчин в своей деятельности. Женщины Ассоциации позволяют себе опираться в своей работе на чисто женские качества, как они их понимают, такие как терпимость, гибкость, опора на семейные ценности и т. п.

Условия, существующие в Ассоциации для административного творчества, особенности этого творчества нашли отражение в материале одного из исследовательских проектов, выполненных на базе Ассоциации[645]. В рамках этого проекта было проведено более 30 фокусированных интервью с женщинами – членами Ассоциации и с мужчинами – постоянными участниками мероприятий, организованных Ассоциацией. У автора работы была, кроме прочего, возможность использовать свой личный опыт «включенного наблюдения».

Приведем прямые цитаты из интервью, иллюстрирующие специфику деятельности женщин – руководителей общественных организаций.

- *Независимость в принятии решений, самостоятельность:* «Я считаю, что именно то, что мы организация женская, дает нам воз-

---

644 Гудович И.С., Суровцев И.С. Женщина и административное творчество // Науч. вестн. Воронежского гос. архитектурно-строительного университета: сер. «Гуманитарные науки». Воронеж, 2005. Вып. № 1. С. 101–107.

645 Винокурова Н.А. Ассоциация «Женщины в науке и образовании» – пример успешной общественной организации. Ассоциация «Женщины в науке и образовании». М., 2008. С. 292–316.

можность проводить свою самостоятельную политику, свою линию. Мы можем свои конференции устраивать так, как мы хотим. Без мужской агрессивности и нетерпимости, без других свойств, которые мужское сообщество, считающее себя рафинированным, любит навязывать на своих мужских конференциях».

«Это дает возможность женщинам проявить себя. Ведь обычно руководителями научных мероприятий являются мужчины…. А здесь – женщина. И никто не пытается ее сбросить с этого места, потому что это женская ассоциация. Например, в процессе организации ей приходится обращаться с разными вопросами в вышестоящие организации, как правило, к мужчинам. Обычно, подписывая документы, такой начальник видит, что организовано хорошее дело, нужное, перспективное. Сразу возникает мысль: хорошо бы возглавить его. Ан, нет, нельзя! Таким образом, женский характер Ассоциации дает определенную независимость, свободу и стабильность».

- *Отсутствие жесткой конкуренции и конфликтности:* «Женщина по своей природной интуиции умеет снимать шероховатости, сложности. Вот мы и предлагаем им вертеть нашей головой. В нашем сообществе есть, кому вертеть».

«Все-таки у нас не происходит каких-то жестких баталий в плохом смысле. Мне кажется, здесь благотворно сказывается не только большой опыт организаторов, но и доля женского начала. Например, на любой конференции возникают конфликты. Мужская реакция на конфликт – сразу попытаться всех поставить на место. Женщины же пытаются не обострять ситуацию».

- *Создание особой дружественной атмосферы, взаимоуважение, терпимость:* «Мне нравится демократичность наших мероприятий, мы в принципе никого не отвергаем, наоборот, всех приветствуем»; «Мне, прежде всего, очень понравилась теплая, домашняя атмосфера, царящая у них. Я решила начать сотрудничать с Ассоциацией»; «Они ко мне очень хорошо отнеслись. Вообще доброжелательность там была особая. Так я стал постоянным участником конференций»; «И еще, в нашей работе все друг к другу расположены и все друг другу помогают. Это тоже критерий успеха».

- *Ориентация на творчество, на инновационность:* «У нас в Пущине сложилась хорошая команда людей, заинтересованных в развитии новых организационных технологий»; «Г.Ю. является бурным

источником новых инициатив, новых идей, которые она может не только генерировать, но и убеждать в них других»; «Нельзя жить только тем, что уже апробировано»; «Здесь люди, которых влечет неизвестное. Это как в период географических открытий, когда были белые пятна на карте, и были такие сумасшедшие, которые рискуя жизнью, куда-то плыли, что-то искали»; «От нас нужно лишь бесстрашие – отказаться от своего собственного либо общего штампа, да хотеть прыгать, хотеть знать и быть готовыми к восторгу мысли»; «Вся создаваемая организаторами атмосфера постоянного бурления и обмена новыми идеями, новыми актуальными задачами дает возможность в это непростое время черпать вдохновение творчества».

- *Опора женщин-руководителей на семью:* «Если бы мой муж не поддержал меня, не помогал мне, то для меня было бы просто невозможно тратить столько времени и сил на это»; «Можно сказать, что нашим отделением Ассоциации руководим мы втроем – мой муж, моя сестра и я»; «Близкие меня поддерживают, потому что понимают, что я делаю важное дело, что не из-за денег я так рвусь».
- *Поддержание интеллигентной обстановки, поддержка проектов, связывающих науку и искусство:* «Мне нравится высокий уровень интеллигентности на мероприятиях, проводимых Ассоциацией»; «Наука и искусство гнездятся в одной и той же голове…. Все научные идеи нелинейности мне дороги еще и потому, что они давно заложены в искусстве…».
- *Мобильность, гибкость в управлении:* «Мне нравится возможность гибкой мобильности в организационных вопросах, даже, к примеру, в организации секций»; «Наше движение отличается женской гибкостью».
- *Рациональность в управлении:* «Нужно отметить рациональность в организации, рациональность – очень важное свойство, которого нам не хватает в жизни»; «У нас рациональность идет, в основном, от президента Ассоциации».

Организационно-управленческая деятельность женщин, их административное творчество позволило Ассоциации успешно развиваться в течение более чем 20 лет, прирастать как количественно, так и качественно, создать активно действующую региональную сеть, вырастить большое число женщин-лидеров, женщин-профессионалов.

Г.Ф. Беляева, Е.О. Ермолаева
Москва, Московский гос. университет имени М.В. Ломоносова
Региональная общественная организация «Совет женщин МГУ»

ОТ РАВНЫХ ПРАВ К РАВНЫМ ВОЗМОЖНОСТЯМ – ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Гражданское равноправие мужчин и женщин, начиная с первых декретов 1917 г., получило закрепление и развитие в Конституции РСФСР 1918 г. и в Конституциях СССР 1936 г. и 1977 г. Но равный правовой статус не означал равных возможностей для его полноценной реализации в сфере образования и профессиональной деятельности. Однако уже во второй половине XX в. ситуация кардинально изменилась. Женщины в массовом порядке стали обучаться в вузах, и в послевоенный период их численность среди научных и педагогических кадров увеличилась в 5 раз.

На начало 2010 г. по данным Федеральной службы государственной статистики доля женщин и мужчин, занятых в экономике России, составляла соответственно 49,1% и 50,9%. Можно выделить «женские» виды деятельности, где доля женщин велика (образование – 81,2%), и «мужские», где доля женщин значительно меньше, а также смешанные виды деятельности, к которым можно отнести науку и научное обслуживание, где наблюдается гендерный паритет. На структуру занятости женщин влияет уровень их образования и профессиональной подготовки, которые, начиная с 60-х гг. XX в., сначала сравнялись, а затем стали превышать аналогичные показатели у мужчин. Более половины женщин (51,3%) от общего числа работающих женщин, являлись руководителями, специалистами высшего и среднего уровня квалификации, у мужчин эта доля составляла 34,1%[646] . Доля женщин с профессиональным высшим образованием, занятых в народном хозяйстве, составляла 54,7%, со средним профессиональным – 58,5% от общего числа занятых мужчин и женщин[647].

Особенности женской занятости связаны, помимо других факторов, с системой подготовки специалистов, для которой характерна гендерная асимметрия. Доля девушек-студенток в 2010 г. составила 56%, а юношей-студентов – 44%. В социальных науках, в здравоохранении,

---

[646] Женщины и мужчины России: стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 109.
[647] Там же. С. 112.

образовании и педагогике, в творческих сферах деятельности, при подготовке экономистов и управленцев наблюдается значительный перевес девушек-студенток (свыше 70%). Доля студенток не превышает 20% в группах следующих специальностей: геология и разработка полезных ископаемых, информационная безопасность, авиационная, ракетно-космическая и морская техника, энергетика и электротехника, вооружение и транспортные средства. При получении постдипломного образования наблюдается следующая диспропорция: среди всех обучающихся в аспирантуре девушки составляли 46%, юноши – 54%. Доля женщин от общего числа аспирантов максимальна для филологических наук (82%) и минимальна для физико-математических (28%) и технических (24%) наук; половина женщин среди всех женщин, обучающихся в аспирантуре, выбирают экономические, технические, медицинские и педагогические специальности.

Ситуация с получением женщинами ученой степени доктора наук меняется медленно: среди всех докторов наук женщины составляют около 25% . Можно предположить, что для женщин достижение степени доктора наук и соответствующей должности в науке и вузе является завершающим этапом карьеры. Именно поэтому они очень редко достигают звания члена-корреспондента и действительного члена Российской Академии наук – 3,5%[648].

Гендерные диспропорции в высшей школе в целом сглажены, но не для всех профессиональных уровней (Таблица 1).

Таблица 1. Женщины среди профессорско-преподавательского персонала (ППП) в ВУЗах России, в% от общего числа мужчин и женщин, занимающих соответствующие должности.

Должности	1999/2000[649]	2009/2010[650]
Всего женщин в ППП	48	55
Ректоры	5	9
Проректоры, директора филиалов	16	29
Деканы факультетов	22	37

[648] URL: http://www.ras.ru/
[649] Женщины и мужчины России... С. 55.
[650] Там же. С. 93.

Заведующие кафедрами	26	37
Профессора в составе кафедр	19	28
Доценты в составе кафедр	42	54
Старшие преподаватели	64	71
Преподаватели, ассистенты	67	68

Занятость мужчин и женщин по должностям ППП свидетельствует о наличии гендерного разрыва и характеризует его уровень: 87,5% женщин от всех женщин ППП занимают стартовые и медианные позиции – преподаватели, ассистенты, старшие преподаватели и доценты, мужчин на этих должностях 66,9% от всех мужчин ППП.

Рассмотрим особенности карьеры женщин в науке и в высшей школе на примере Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, в котором существуют те же проблемы, но гендерная статистика несколько отличается от средней по России[651]. В настоящее время в МГУ более 40 000 учащихся. На некоторых естественнонаучных факультетах традиционно учится меньше девушек, чем юношей. Среди всех аспирантов, специализирующихся по техническим наукам, 18% девушек, физико-математическим – 29%, химическим – 42%, общественным наукам – 55%, наукам о земле – 59%, биологическим наукам – 64%, гуманитарным наукам – 75%. В последние годы чуть более половины кандидатских диссертаций в МГУ защищены женщинами. В период с 2000 г. по 2010 г. в МГУ были защищены более 700 докторских диссертаций. Женщины защитили чуть менее 1/3 докторских диссертаций в естественных науках и половину – в гуманитарных науках.

Половина всего научного состава МГУ, как и половина университетского ППП, – женщины. На естественных факультетах их чуть более 1/3 от общего состава ППП, а на гуманитарных факультетах они составляют около 2/3. В МГУ 40 факультетов, но женщины являются деканами только 3-х факультетов: филологического, журналистики, иностранных языков и регионоведения. 1/4 всех заведующих кафедрами в МГУ – женщины, но это, в основном, гуманитарные кафедры, женщины крайне редко заведуют кафедрами естественнонаучного цикла. Среди всех профессоров МГУ 29% – женщины, но наблюдается гендерный разрыв как на факультетах естественнонаучного, так и гу-

651 URL: http://www.msu.ru/

манитарного цикла. Половина доцентов МГУ – женщины, на естественных факультетах их 40%, на гуманитарных – 60%. Успехи университетских женщин отмечены Почетными званиями и премиями МГУ. С 2005 г. по 2011 г. среди 110 лауреатов премии имени М.В. Ломоносова за цикл научных работ и за педагогическую деятельность 1/4 – женщины. 720 чел. получили почетные звания «Заслуженный профессор Московского университета» (из них 1/5 – женщины), «Заслуженный научный сотрудник Московского университета» (1/2 – женщины) и «Заслуженный преподаватель Московского университета» (2/3 – женщины).

В заключение можно сделать вывод о том, что успешное функционирование науки и высшей школы в условиях их феминизации вполне возможно. Однако для их дальнейшего развития необходима особая подготовка женских кадров. Образование и воспитание женщины должны ориентировать ее на паритет семейных и профессиональных ролей как на важнейшую жизненную ценность. В течение жизни эти роли могут меняться местами, но неизменной должна оставаться цель творческой самореализации личности женщины. Необходимо внедрить для всех студентов, юношей и девушек, просветительские курсы и тренинги по гендерной проблематике и женскому лидерству, что послужит дальнейшему развитию и более полной реализации равных прав мужчин и женщин.

Е.Ю. Красова, И.С. Гудович

Воронеж, Воронежский государственный университет

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЖЕНЩИН – ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ

Авторы проанализировали проблемы, с которыми сталкиваются женщины – преподаватели вузов Воронежа и которые оказывают существенное влияние на их профессиональную деятельность. Анализ осуществлен на основе банка данных эмпирических исследований «Образ жизни современного преподавателя», проведенных в 2000 и в 2010 г. на базе Воронежского государственного университета. В опросах преподавателей применялся неслучайный квотный отбор, основанный на типологии кафедр и должностей. Обработка материала проводилась с использованием пакета программы SPSS.

Одним из основных факторов, влияющих на эффективность профессиональной деятельности, и одновременно важным показателем ее успешности является удовлетворенность работой. Исследование

2010 г. показало, что полностью не удовлетворенных своей работой вузовских женщин оказалось менее 2%. В целом больше половины опрошенных женщин (62%) в разной степени работой удовлетворены, хотя по этому показателю они уступают мужчинам (71%).

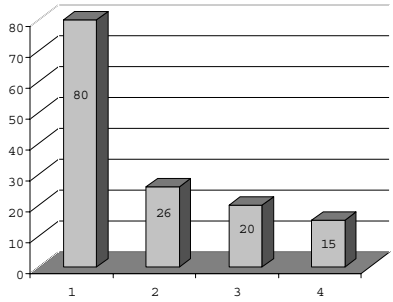
Факт высокой удовлетворенности работой приобретает парадоксальное звучание на фоне той оценки, которую дают женщины-преподаватели состоянию российского высшего образования, см. табл.1.

Таблица 1. Мнения преподавателей воронежских вузов о состоянии российского высшего образования,%

Суждения	%	
	женщины	мужчины
В высшей школе в равной степени представлены и тенденции развития, и деградации	50,4	32,4
Высшая школа медленно деградирует	35,2	62,0
Высшее образование находится на подъеме, интенсивно развивается	6,3	2,8
Затруднились ответить	8,1	2,3

Таким образом, с одной стороны признание явных черт деградации важнейшего общественного института, составляющего основу профессиональной стабильности преподавателя высшей школы, с другой – достаточная удовлетворенность служению в рамках этого института.

Можно предположить, что так проявляется одна из особенностей преподавательской работы − вида деятельности, который отличается свой автономностью и креативностью. Любопытно, что неудовлетворенность трудом была отмечена лишь третью опрошенных женщин, в то время как все они назвали конкретные факторы неудовлетворенности, см. Рис. 1. Основные факторы неудовлетворенности трудом воронежских женщин – преподавателей вузов,%:



1. Размер заработной платы, система оплаты труда и распределение премий.

2. Условия труда (состояние аудиторий, переходы из корпуса в корпус, «окна» в расписании, отсутствие комнат отдыха и т.п.).

3. Большой объем учебной нагрузки и интенсивность труда.

4. Недооценка значимости труда.

Вместе с тем, можно видеть, каким образом преподаватели сопротивляются неблагоприятным тенденциям, оставаясь приверженцами своей профессии и оценивая в ней сильные стороны. Среди суждений по поводу привлекательности преподавательской деятельности чаще всего встречается ответ о творческом характере труда. По данным исследования 2010 г. женщины ценят творческий характер своего труда выше (67,6%), нежели мужчины (59,3%). Для 44% женщин профессия преподавателя, помимо творческого характера труда, обладает высокой привлекательностью благодаря свойственному ей режиму труда. Часто указывается возможность постоянно находиться среди молодежи, наличие вокруг интересных людей.

Вторичная занятость стала основным средством поддержки домохозяйств в пореформенные годы. Мониторинг 2000 г. продемонстрировал тот факт, что тогда только у 5% преподавателей не оказалось дополнительного приработка. 41% имели эпизодический заработок в других местах, помимо вуза – основного места работы. Около пятой части преподавателей постоянно работали в других вузах и организациях. Треть всех преподавателей получало продукты питания с собственных садово-огородных участков. Доходы от грантов имели 11% педагогов.

Спустя десятилетие стало ясно, что вторичная занятость по-прежнему остается значительным средством поддержки семейного бюджета, хотя ее структура претерпела значительные изменения. Постоянный заработок в других вузах и организациях остался практически на прежнем уровне (17,2%), при этом у женщин такой заработок присутствует несколько реже – 11,6%. Роль эпизодических заработков в других местах почти в два раза снизилась: она составила в целом четвертую часть (21,5% у женщин и 27,3% у мужчин). На занятия репетиторством указала каждая десятая женщина. Только 8% женщин указали на присутствие в семейном бюджете доходов с дачного участка.

К началу второго десятилетия текущего века сократилась возможность получения грантов. Связано это с существенным изменением грантовой политики в стране. Следует отметить, что 28% профессор-

ско-преподавательского состава назвали в качестве составляющей бюджета помощь родственников.

Как сами преподаватели оценивают материальное положение своих домохозяйств? Вопрос ставился следующим образом: «Какие из предложенных оценок наиболее точно отражают материальное положение Вашей семьи?» Приведем соответствующую таблицу результатов опроса.

Таблица 2. Материальное положение преподавательской семьи,%

Суждения	%		
	всего преп.	женщины %	мужчины%
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако, более крупные покупки приходится откладывать на потом	56,2	54,2	58,8
Денег хватает на приобретение недорогих продуктов и скромной одежды	19,6	23,2	14,8
Покупка большинства товаров длительного пользования не вызывает у нас трудностей	16,4	15,5	17,6
Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	4,2	0,4	5,6
Денег хватает только на приобретение продуктов питания	3,2	3,5	2,8

Здесь доля женщин, указавших, что в бюджете их домохозяйств денег хватает только для приобретения необходимых продуктов и одежды или недорогих продуктов и скромной одежды, а также только на приобретение продуктов питания, составляет 81%. Можно предположить, что домохозяйства с такими показателями материального уровня живут в состоянии необеспеченности и бедности.

Между тем, самым главным, ценным в жизни для 73% женщин является создание хорошей семьи, здоровые и счастье детей. Другие ценности заметно уступают традиционным семейным предпочтениям.

Подведем итоги.

Во-первых, воронежские женщины-преподаватели осуществляют свою профессиональную деятельность в условиях коммерциализированной высшей школы с проявлением симптомов ее деградации. В таких условиях работы они продолжают быть удовлетворенными своей педагогической деятельностью. В основе такой жизненной позиции лежит творческий характер труда, ненормированный график работы, интеллигентная среда.

Во-вторых, рыночные механизмы стимулирования труда педагогов так и не заработали, не формируется здоровая конкурентная среда.

В-третьих, несмотря на то, что структура вторичной занятости за десять лет существенно изменилась, она по-прежнему остается важным средством поддержки семейного бюджета. При этом очевидно, что основная масса семей женщин-преподавателей по материальному положению относятся к малообеспеченным, нуждающимся и бедным, а сами профессионалы высшей школы находятся в состоянии несовместимого статуса.

Научное издание

ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

Материалы Пятой международной научной конференции
Российской Ассоциации исследователей женской истории и
Института этнологии и антропологии РАН,
4 – 7 октября 2012 года, Тверь

Том 1

Утверждено к печати
Ученым Советом
Института этнологии и антропологии РАН
им. Н.Н.Миклухо-Маклая

Художник: Е.В.Орлова
Компьютерная верстка: Н.Л.Пушкарева, А.В.Белова
Техническое содействие: С.А.Солнцев

Подписано к печати 23.06.2011
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 25,8
Тираж 200 экз. Заказ № 8

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119991, Москва, Ленинский проспект, 32а